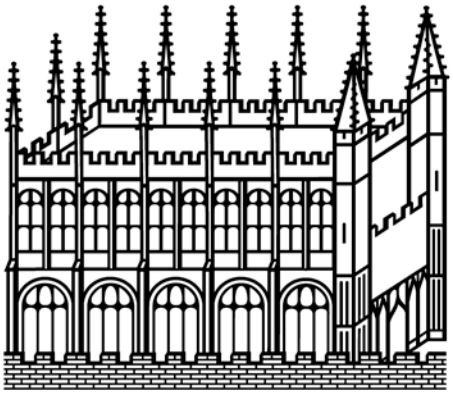


Bodleian Libraries

UNIVERSITY OF OXFORD

This book is part of the collection held by the Bodleian Libraries and scanned by Google, Inc. for the Google Books Library Project.

For more information see:

http://www.bodleian.ox.ac.uk/dbooks

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial-ShareAlike 2.0 UK: England & Wales (CC BY-NC-SA 2.0) licence.

Confined to Library

~~Slav TA 2~~

TAYLOR INSTITUTION

DOMI NUS ILLU MINA TIO MEA

PG3337.H4.A1.1917(2)
= Rep. Slav. 130

А. И. ГЕРЦЕНЪ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ и ПИСЕМЪ

Подъ редакціей М. К. Лемке

Томъ II

1838—1841 гг.

№№ 167—337

Литературно-Издательскій Отдѣлъ
Народнаго Комиссаріата по Просвѣщенію

ПЕТРОГРАДЪ • 1919

От Комиссариата Народного Просвещения

Литературно-Издательский Отдел К. Н. Пр. подготовляет к печати заново переработанные издания сочинений русских классиков. Работа эта требует времени, а между тем народ крайне нуждается в хорошей книге, которую теперь невозможно найти даже за баснословно высокую цену. Книжный голод вынуждает К. Н. Пр., не прерывая начатую подготовку новых изданий, перепечатать классиков в спешном порядке по старым матрицам, мирясь с теми недочетами, которые трудно было исправить по техническим условиям.

Все сочинения А. И. Герцена монополизированы Российской Федеративной Советской Республикой на пять лет, по 31 декабря 1922 года.

Никем из книгопродавцев указанная на книге цена не может быть повышена под страхом ответственности перед законом страны.

Правительственный Комиссар Лит.-Изд. Отд.

П. И. Лебедев-Полянский.

Оглавленіе.

1838.

№№		стр.
167.	Записка къ Н. А. Захарьиной	3
**168.	Письмо къ А. Л. Витбергу	3
**169.	То же	4
*170.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	4
171.	То же	7
**172.	Письмо къ А. Л. Витбергу	9
*173.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	10
*174.	То же	11
**175.	Письмо къ А. Л. Витбергу	14
**176.	Рапортъ объ отпускѣ	16
177.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	17
178.	То же	26
179.	То же	30
180.	То же	32
181.	То же	35
182.	То же	40
*183.	Елена (отрывокъ)	45
184.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	73
185.	То же	76
*186.	Кристаллизація человѣчества	78
187.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	79
188.	То же	84
189.	То же	86
*190.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру	91
**191.	Письмо къ А. Л. Витбергу	94
192.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	96
193.	То же	99

№№		стр.
*194.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру	105
195.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	106
196.	То же	107
197.	То же	108
198.	То же	109
199.	То же	113
200.	То же	118
201.	То же	123
202.	То же	125
*203.	То же	129
204.	То же	133
205.	То же	139
206.	То же	143
207.	Приписка къ письму отъ 10 апрѣля 1835	151
208.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	151
**209.	Письмо къ А. Л. Витбергу	155
210.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	157
211.	То же	161
212.	О себѣ. Глава IX	163
213.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	175
**214.	Святая недѣля	176
215.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	176
**216.	[Программа сообщеній для составленія общихъ заключеній о губерніи]	183
217.	Письмо къ Н. А. Захарьиной	185
218.	То же	188
219.	То же	192
220.	То же	194
**221.	Письмо къ А. Л. Витбергу	196
**222.	То же	196
**223.	Письмо къ А. Г. Кліентовой	197
**224.	Письмо къ А. Л. Витбергу	197
**225.	То же	199
**226.	То же	201
*227.	Письмо къ Н. И. Астракову	202
*228.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру	203
*229.	Письмо къ Н. И. Астракову	204
*230.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру	204
231.	„Лициній“ и „Вильямъ Пенъ“. Сценаріо двухъ драматическихъ опытовъ	205
232.	Лициній (отрывокъ)	211
**233.	Письмо къ А. Л. Витбергу	222
*234.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру	222

№№ стр.
**235. Письмо къ А. Л. Витбергу 223
*236. Письмо къ Н. Х. Кетчеру. 225
**237. Письмо къ А. Л. Витбергу 227
**238. То же. 228
**239. Отъ редакціи 229
*240. Письмо къ М. Н. Похвисневу 231

1839.

**241. Извѣстія, I. 235
**242. Извѣстія, II. 235
**243. Письмо къ А. Л. Витбергу 236
**244. То же. 237
**245. То же. 239
*246. Письмо къ Н. Х. Кетчеру. 239
**247. Отъ редакціи 241
*248. Письмо къ неизвѣстному. 242
*249. Письмо къ Н. Х. Кетчеру. 242
**250. Письмо къ Н. И. и Т. А. Астраковымъ 243
*251. Письмо къ Н. Х. Кетчеру. 244
**252. Письмо къ М. Л. Огаревой 246
**253. Письмо къ Н. Х. Кетчеру. 254
**254. Письмо къ А. Л. Витбергу 257
**255. То же. 258
**256. Письмо къ Т. А. Астраковой. 259
**257. Владиміръ, апрѣля 20 260
**258. Письмо къ Н. П. Огареву. 261
*259. Письмо къ Н. Х. Кетчеру. 262
*260. То же. 263
**261. Письмо къ А. Л. Витбергу 264
**262. То же. 264
263. Изъ „Дневника“. 266
**264. Письмо къ А. Л. Витбергу 269
**265. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 270
*266. Письмо къ Н. Х. Кетчеру. 272
**267. [Отъ редакціи] 274
**268. Письмо къ А. Л. Витбергу 274
*269. Вильямъ Пенъ. Сцена въ стихахъ. 276
**270. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 326
**271. То же. 328
**272 То же. 329
**273. Письмо къ А. Л. Витбергу 331

№№ стр.
**274. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 332
**275. Письмо къ А. Л. Витбергу 333
**276. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 333
**277. Письмо къ С. Ѳ. Каппель. 334
**278. Письмо къ А. Л. Витбергу 334
**279. То же. 335
*280. Письмо къ В. В. и Т. П. Пассекамъ 336
**281. Письмо къ Д. П. Голохвастову 339
*282. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 340
**283. Письмо къ женѣ 341
**284. То же. 345
**285. То же. 346
**286. То же. 348
**287. То же. 348
**288. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 349
**289. Письмо къ женѣ 351
**290. То же. 352
**291. То же. 355
**292. То же. 356

1840.

**293. Приписка къ А. Г. Кліентовой 361
**294. Письмо къ А. Л. Витбергу 361
**295. Письмо къ Д. П. Голохвастову 362
**296. Приписка къ А. Г. Кліентовой 363
*297. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 364
**298. Письмо къ А. Л. Витбергу 364
**299. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 365
*300. То же. 366
**301. То же. 366
**302. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ 367
**303. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 367
**304. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 368
**305. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 370
**306. Письмо къ Д. П. Голохвастову 371
**307. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 372
*308. То же. 373
**309. Приписка къ Т. П. Пассекъ. 373
**310. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 374
**311. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 375
**312. Письмо къ гр. А. Х. Бенкендорфу. 376
**313. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 378
**314. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ. 378
315. Записки одного молодого человѣка 380

1841.

№№		стр.
**316.	Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.	407
**317.	Письмо къ В. В. Пассеку.	408
318.	Разсказы о временахъ меровингскихъ	410
**319.	Письмо къ Н. П. Огареву	414
*320.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру	422
**321.	Письмо къ Н. П. Огареву	426
**322.	Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ	428
**323.	Письмо къ гр. А. Х. Бенкендорфу.	429
*324.	Приписка къ Н. Х. Кетчеру и Н. М. Сатину	430
*325.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру.	430
**326.	Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.	431
*327.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру.	431
**328.	Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.	434
*329.	Приписки къ Н. Х. Кетчеру	434
**330.	Письмо къ А. Л. Витбергу	435
331.	Еще изъ записокъ одного молодого человѣка . . .	437
**332.	Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.	468
*333.	Письмо къ В. Г. Бѣлинскому	469
**334.	Письмо къ гр. А. Х. Бенкендорфу.	471
**335.	Письмо къ Л. В. Дубельту	472
*336.	Приписка къ Н. Х. Кетчеру.	473
*337.	Письмо къ Н. Х. Кетчеру.	473
Библіографическій комментарій		475
Опечатки и дополненія		498

1838

167. Записка къ Н. А. Захарьиной.

Ночь съ 31 дек. на 1 янв. (1838)
Поляны. 46 верстъ отъ Нижняго.

Новый годъ! Ангелъ Наташа, поздравляю! я ближе къ тебѣ на 600 верстъ. Всю дорогу безпрестанно была ты у меня передъ глазами,—и звѣзда любви, Венера, свѣтила. Ну, спи съ Богомъ, а я въ путь. И теперь сижу въ скверной лачугѣ. Прощай. Милая, ангелъ, сестра... все.

Твой *Александръ*.

168. Письмо къ А. Л. Витбергу.

1 января 1838 г.
Поляны.

Сюда пріѣхалъ я въ первомъ часу. Итакъ, обнимемся, Александръ Лаврентьевичъ, и всѣ ваши! Вотъ вы всѣ передъ глазами. А Эрнъ отдалъ ли яблоко пуще всего?[1] Я сижу въ прескверн ѣйшей избѣ, наполненной тараканами, до которыхъ m-me Medwédeff небольшая охотница, и пью шампанское, до котораго m-r Witberg не охотникъ. Оно не замерзло, и я имѣлъ терпѣніе везти его отъ Бахты, а дуракъ станціонный смотритель спрашивалъ: «виноградное, что ли-съ?»—Нѣтъ, изъ клюквы! сказалъ я ему,—и онъ будетъ увѣрять въ этомъ проѣзжихъ. Изъ Нижняго буду писать comme il faut, а здѣсь ни пера, ничего, зато дружбы къ вамъ много, много. Передъ вами вспомнилъ только кого? Sapienti sat [1]).

Александръ.

[1]) Умный пойметъ (буквально: для мудреца достаточно). То-есть, прежде всего вспомнилъ Наташу, которой написалъ раньше, см. № 167.

◆◆ 1. Г. К. Эрнъ долженъ былъ передать Витбергу яблоко, полученное отъ Герцена и предназначенное вятскимъ друзьямъ, какъ эмблема вѣчности ихъ отношеній. Витбергъ извѣстилъ, что яблоко было съѣдено ими ровно въ 12 часовъ, при встрѣчѣ новаго года («Рус. Стар.» 1897, XII, 479).

169. Письмо къ А. Л. Витбергу.

1-го января 1838 г.
Нижній-Новгородъ.

Еще разъ поздравляю васъ, Александръ Лаврентьевичъ, съ новымъ годомъ; какъ-то вы провожаете его? Я живу одиноко въ гостиницѣ, съ вѣчной одной мечтой и временами съ вами, запивая виномъ слезу горячую. Наша встрѣча была важна. Вы,—какъ Виргилій, взявшійся вести Данта, сбившагося съ дороги; жаль, что вы поступили не совсѣмъ такъ, какъ Виргилій,—онъ довелъ Данта до Беатриче, а вы должны были покинуть меня на Бахтѣ. Извините, что кончилъ глупостью. Вы понимаете,—ну, стало, довольно. Прочтите мое письмо къ Эрну,—оно напомнитъ вамъ меня... Прощайте!

170. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

30 декабря 1837.
Яранскъ.

Итакъ, страница перевернулась. Что на ней написано—знаетъ Провидѣніе. Больно было душѣ, когда я разставался съ Вяткой, очень больно!—и какъ тяжело было друзьямъ и какими знаками вниманья они осыпали меня... Ангелъ мой, трудно отрываться отъ любимыхъ. Вчера въ 4 часа я уѣхалъ. Теперь въ Яранскѣ, въ 15 часовъ я проскакалъ 200 верстъ. Но письмо это долго не придетъ къ тебѣ. Полина [1]) посылаетъ тебѣ своихъ волосъ,—о, какъ она любитъ тебя! Прощай, ангелъ, сестра Наташа!

Нижній-Новгородъ, 1 января 1838.

Какъ торжественно измѣнилось все съ этимъ новымъ годомъ. Все иное! Лучше ли? Лучше то, что я уже теперь 600 верстъ

[1]) Тромпетеръ.

ближе къ ангелу, къ моему милому, святому ангелу. Отъ дороги усталъ,—да и правда, я скакалъ, какъ фельдъегерь. Поэзіи мало въ зимнемъ путешествіи, но одно зрѣлище поразило бы тебя, это—вятскіе лѣса въ яранскомъ уѣздѣ: мрачные, высокіе, страшные, они кажутся разступившейся горою, которая сейчасъ сдвинется... и при этомъ луна и снѣгъ.—Приложенная записка покажетъ, какъ я встрѣтилъ новый годъ съ пьянымъ станціоннымъ смотрителемъ; но душа была далеко, она была съ тобою.—Ахъ, можетъ, въ этомъ 1838 году мы взглянемъ другъ на друга! Зачѣмъ же ему было отрѣзывать меня отъ всѣхъ друзей, еслибъ онъ не готовилъ вознагражденья и какого! О, милая Наташа! Для полноты путешествія надобно тебѣ разсказать ужасную встрѣчу при выѣздѣ изъ яранскаго уѣзда. Пріѣзжаю на станцію; толпа мужиковъ, а тутъ явился и исправникъ пьяный, поподличать передъ *губернскимъ* чиновникомъ; все это собралось для слѣдствія: поймали черемиса, который убилъ отца, мать и сестру; голову отца онъ отсѣкъ топоромъ, и ее нашли обгрызанную собаками. Мнѣ хотѣлось взглянуть на такого злодѣя,—его призвали. Что же? юноша 26 лѣтъ, блѣдный, худой, съ черными волосами и съ лицомъ оживленнымъ, какъ почти у всего племени черемискаго.—«Кровь твоихъ родителей каплетъ съ тебя»,—сказалъ я ему. Онъ задрожалъ и загремѣлъ цѣпью. Я обернулся,—пьяный исправникъ умолялъ меня, чтобъ я не доносилъ губернатору, что онъ пьянъ, и цѣловалъ мою руку...—Итакъ, съ одной стороны, человѣкъ обагренный кровью, съ другой—подлецъ... Долго послѣ мнѣ мерещились то черты злодѣя, то толстая рожа исправника.

Прощай, мой ангелъ, опять въ путь, опять ближе къ тебѣ. Почта прошла, и потому это письмо ты уже получишь изъ Владиміра. Прощайте!

Владиміръ, 3 января.

Здравствуй, ангелъ мой! я изъ Владиміра посылаю этотъ поклонъ, изъ-за 170 верстъ отъ тебя. Вчера вечеромъ пріѣхалъ я, хотѣлъ тотчасъ же писать къ тебѣ, но, признаюсь, такъ усталъ и измокъ отъ снѣга, который валилъ цѣлую ночь и день, что бросился на постель и уснулъ, какъ мертвый. Сегодня проснулся,—и свѣтло на душѣ, свѣтло, очень свѣтло! Мы увидимся въ этомъ году; голосъ сильный сказалъ мнѣ: увидимся; ну, въ этомъ словѣ все. Ангелъ мой! Нѣтъ, до сихъ поръ я не понималъ благодатную перемѣну. Теперь я оцѣнилъ ее! Много разъ на дорогѣ я былъ весь взволнованъ. Слушай. Ѣдемъ мы къ Нижнему ночью; ямщикъ пѣлъ что-то печальное, а я смотрѣлъ вдаль, въ которой, кромѣ

луннаго свѣта и снѣга, ничего не было. Вдругъ ямщикъ хлопнулъ по лошадямъ и, сказавши: «Ой вы, голубчики, развѣ не вѣдаете, куда ѣдемъ: вѣдь, къ Москвѣ!» — и съ этими словами понесся, какъ изъ лука стрѣла. — Слеза навернулась у меня на глазахъ, и послѣ того въ головѣ основалась одна мысль: *къ Москвѣ, къ Москвѣ!* И она росла, съ каждой станціей все роднѣе становится, а здѣсь Москва уже виднѣется въ каждомъ словѣ. Какъ только я пріѣхалъ, явился ко мнѣ папенькинъ староста, Найденовъ; вотъ первый изъ старыхъ знакомыхъ послѣ отъѣзда моего. Я его расцѣловалъ; добрый мужикъ долго смотрѣлъ на меня, потомъ съ гордостью сказалъ: «А каково счастье!? Я первый увидѣлъ Александра Ив... Завтра же поѣду въ Москву и разскажу! Позавидуютъ мнѣ». Да, думалъ я, позавидуютъ. — А когда же ты воротишься? — «Ну, да *денька четыре* проѣзжу». Слушай, ангелъ, слушай: на своихъ клячахъ мужикъ — и тому только надобно сутки, чтобъ быть въ Москвѣ. О, чудо! Я, можетъ, ребячусь, — можно простить тому, кто столько перестрадалъ! Мой переводъ во Владиміръ есть мѣра временная; это ясно, потому что Владиміръ не есть мѣсто удаленія. Велю старостѣ явиться къ княгинѣ съ письмомъ для того, чтобы онъ тебѣ могъ разсказать, для того, чтобъ взоръ твой остановился на человѣкѣ, который черезъ сутки увидитъ меня... Ну, милый другъ, помолимся; немножко свѣтлѣе становится наша жизнь. Слава въ вышнихъ Богу!

Больше писать некогда. Прощай, нѣтъ — до свиданья,

твой *Александръ*.

Наташа, знаешь, какъ человѣкъ, идущій въ храмъ, останавливается на паперти помолиться, не смѣя взойти въ святой домъ божій? — такъ и я теперь остановился передъ Москвою, чтобъ чище и достойнѣе взойти въ нее.

3-го вечеромъ.

Получилъ твое письмо отъ 30. Прочитавши, я положилъ его и долго наслаждался, молился, былъ въ восторгѣ... Это письмо и прошлое высоки, необъятны. Нѣтъ, ангелъ, ничего не хочу: ни славы, ни почести, ничего, — тебя, тебя! Я искалъ жизни полной, огромной, и нашелъ тебя. Всѣ желанія совершились. Я даже грустенъ сдѣлался послѣ твоего письма, т. е. той священной грустью, которая наполняетъ душу христіанина при чтеніи Евангелія. А послѣ мечталъ о путешествіи... Вотъ что желалъ бы я въ моей жизни: во-первыхъ, ѣхать въ Москву; во-вторыхъ, ѣхать съ тобою женихомъ въ Италію; въ-третьихъ, воротиться въ Москву и въ

день вѣнчанія, въ ту самую минуту, когда священникъ обручитъ кольцами, умереть обоимъ.—Здѣсь во Владимірѣ я весь твой: не хочу людей,—на что мнѣ они? они ищутъ, а я нашелъ все.—Ты хочешь меня сдѣлать монахомъ,—имъ это смѣшно! Но и это обвиненіе ярко выказываетъ чистоту нашей любви. Боюсь роптать за разлуку, это—кара за прошедшее, а какъ изболѣло отъ нея и сердце, и душа!... Фу... Ну, что, еслибъ ты бросилась въ ноги папенькѣ и просила бы отпустить тебя съ маменькой... Отчего же такъ забилось сердце?.. Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! не видать мнѣ тебя здѣсь. Тутъ страшно то, что они послѣ такого опыта сдѣлаютъ.

4-го, вторникъ.

Прощай, другъ милый; ты теперь будешь получать отъ меня всякую недѣлю два письма, а иногда и три. Слѣдующее будетъ черезъ два дня. Кланяйся сестрѣ Emilie. Что-то наши вятчане? Въ четвергъ буду писать имъ. Прощай же, ангелъ,

твой *Александръ.*

Тутъ же и волосы Полины.

171. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

5 января 1838.
Владиміръ.

Милый ангелъ, я съ трепетомъ жду отвѣта на одинъ вопросъ, который я сдѣлалъ. Жандармскій полковникъ [1]) говоритъ, что онъ не слыхалъ о полицейскомъ надзорѣ. «Итакъ, мнѣ можно въ отпускъ?»—спросилъ я *дрожащимъ* голосомъ.—Куда?—«Въ Москву».—Сомнѣваюсь, чтобъ вамъ позволили въѣхать въ столицу.—«А въ московскую губернію?»—Какая же разница отъ владимірской? *разумѣется, пустятъ.* Господи, кто измѣритъ все находящееся въ этихъ двухъ словахъ! Въ маѣ мѣсяцѣ въ Загорьѣ... Опять погодимъ радоваться, полковникъ самъ порядкомъ не знаетъ, онъ обѣщалъ спросить и сообщить мнѣ отвѣтъ.[1] Наташа, Наташа, проясниваетъ небо. О!.. Черезъ нѣсколько дней явится къ кн. Найденовъ съ письмомъ, вотъ тебѣ и очевидецъ. Онъ говоритъ, что я очень *состарился*, это—9 мѣсяцевъ тюрьмы, это 2 года 8 мѣсяцевъ ссылки, это разлука, это исторія съ М. Итакъ, ты меня увидишь

[1]) Подполковникъ Жадовскій.

старикомъ,—но Найденовъ меня не видалъ 5 лѣтъ, а ты имѣешь портретъ, разительно похожій. Я писалъ къ тебѣ въ княгининомъ письмѣ,—только и есть солганнаго, что слово «Вы»,—вольно имъ имѣть очи и не видѣть. Итакъ, теперь надобно подождать отвѣта объ отпускѣ.

Многіе пишутъ журналъ своихъ дѣйствій, мыслей и чувствъ, я отроду не дѣлалъ этого. Да и странно, будто мысль должна непремѣнно храниться внѣ души, будто ей нѣтъ мѣста внутри, будто она тамъ затеряется, и при всемъ томъ какой огромный, богатый журналъ моей жизни—письма къ тебѣ. Мнѣ ужасно хочется перечитать ихъ,—помнишь, я писалъ, какъ мы вмѣстѣ будемъ повторять нашу жизнь. Теперь я весь твой,—нѣтъ людей, и они мнѣ ненужны. Я всѣмъ друзьямъ сказалъ—прощайте! Такъ, какъ сказалъ мечтамъ о славѣ, о поприщѣ, о дѣятельности—прощайте! Вся моя жизнь въ тебѣ. Кончено! Я искалъ великаго и нашелъ въ тебѣ; я искалъ святого, изящнаго и нашелъ въ тебѣ. Итакъ, прощай весь міръ! Ты мнѣ далъ все дурное и все хорошее. Теперь разстанемся, теперь моя жизнь—одинъ апоѳеозъ Наташѣ. И я чувствую силу оторваться отъ всего. Было время, когда, судорожно проницая въ жизнь болѣзненнымъ взоромъ, я говорилъ: «любовь погубитъ меня», потому что подъ жизнью я разумѣлъ славу. И, въ самомъ дѣлѣ, она погубила меня. Мало-по-малу во мнѣ вымерло все, и вся душа образовалась въ алтарь тебѣ. Наташа, передъ этимъ подвигомъ должны склониться всѣ. Весь родъ человѣческій никогда не сдѣлалъ бы со мною этой перемѣны,—ее сдѣлала дѣва-ангелъ!

Какъ необъятна твоя свѣтлая душа, я вольно гуляю по ней, какъ огненная комета по эѳиру: нигдѣ преграды, нигдѣ матеріи, вездѣ небо. Клянусь тебѣ, что я не умѣлъ всѣмъ пламенемъ воображенья постигнуть, чтобъ человѣкъ могъ стоять такъ высоко, какъ ты, да ты и не человѣкъ, ты—ангелъ. *И моя... моя...* Великій Боже, въ прахъ повергаясь, благодарю я тебя, возьми *тогда* мою жизнь въ цвѣтѣ лѣтъ, я узналъ тебя и міръ въ ней! Я никогда не считалъ себя способнымъ такъ любить. Наташа, Наташа! я ужасно люблю тебя. Всю бы жизнь сидѣлъ, вперя взоръ мой на тебя, даже руки бы не взялъ: взоръ выше, невещественнѣе. Одинъ поцѣлуй, одинъ—и съ нимъ смерть. Ахъ, бѣдные молодые люди, скажетъ чувствительная толпа, какъ были счастливы и умерли.—Дай же, Богъ, имъ столѣтнюю жизнь, намъ ее ненадобно. Даже благодарности вамъ нѣтъ, люди,—вы отвлекали меня отъ Наташи; только во имя ея позволяю вамъ приближаться; да, остановитесь предо мною, я выше васъ, я—Александръ ея. Вотъ настоящая-то

высота, вотъ слава! Natalie,—двадцать разъ написалъ бы твое имя! Это крестъ, которымъ я отженяю все нечистое, это—призывъ всему святому. Другъ мой, бытіе мое расширяется и, какъ океанъ, плещетъ, волнуется, и, какъ небо, ты смотришься въ меня.

Я писалъ кн. о Загорьѣ съ намѣреніемъ; напиши мнѣ, что она на это скажетъ. Сестрѣ Emilie—salut et amitié! Сюда пріѣдетъ Егоръ Ив.; я думаю, это сдѣлаетъ маленькую остановку въ нашей перепискѣ; покорись и этому лишенію, мой ангелъ.

Твоей Сашѣ мой дружескій поклонъ.

◆◆ 1. Изъ предписанія министра внутреннихъ дѣлъ, Блудова, владимірскому губернатору отъ 30 ноября 1837 г. видно, что Герценъ опредѣлялся тамъ на службу «съ учрежденіемъ за нимъ строгаго наблюденія начальства».

Какъ увидимъ, губернаторъ обратилъ его въ надзоръ полицейскій, о чемъ жандармъ могъ тогда еще и не знать: изъ III Отдѣленія по этому поводу никакихъ распоряженій не было.

172. Письмо къ А. Л. Витбергу.

3 января 1838.
Владиміръ.

Такъ, какъ христіанинъ останавливается въ благоговѣйномъ трепетѣ, не входя въ храмъ, на паперти, такъ и я остановился передъ Москвою. Еще нога пилигрима не такъ чиста, чтобы коснуться святого града. Москва! Москва!

А какъ все перемѣнилось!! Здѣсь на каждомъ шагу виднѣется Москва; entre nous soit dit [1]), теперь только я понялъ, что въ смыслѣ внѣшней жизни Вятка лишена всѣхъ гражданскихъ удобствъ и что мы только прижились. Зато славные люди тамъ. [1]

5-го января. О порядкѣ моей жизни обязуюсь рапортовать нижеслѣдующее: отвыкъ обѣдать, ѣмъ ужасно мало, кофе пью еще больше,—совершенное ниспроверженіе гражданскихъ обыкновеній! Сегодня для курьеза буду обѣдать въ 7 часовъ, а вчера совсѣмъ не обѣдалъ. Прошу въ отвѣтъ писать о всемъ вашемъ.

Александрѣ.

[1]) Между нами будь сказано.

◆◆ 1. Въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г. послѣ этого еще напечатано: «Будьте коротки съ Рѣпинымъ; да, я еще отправилъ къ вамъ Бѣляева; я его узналъ только въ Яранскѣ,—вы найдете въ немъ человѣка» (стр. 277).

173. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

7 января 1838
Владим.

Опять къ тебѣ, опять къ тебѣ, мой милый ангелъ! Я перечитывалъ свои статьи—все мелко, кромѣ «Maestri» и нѣкоторыхъ мѣстъ; все не говоритъ душѣ. Я взялъ твои письма. Наташа, ну, посмотри на меня: видишь ли ты этотъ восторгъ на лицѣ, эту слезу?... Который разъ я перечитываю эту поэму! сладко, сладко... Я пишу ко всѣмъ: друзья, друзья, не хочу васъ обманывать, я не вашъ, мнѣ васъ не надобно, идите своимъ путемъ, моя жизнь полна, имѣетъ направленіе, цѣль, она выше вашей жизни, она жизнь для Natalie, жизнь ея—жизнь насъ двоихъ. Ты, Огар., отъ меня ничего не требовалъ, кромѣ, чтобъ я былъ я; ну, люби же меня попрежнему, и я тебя, и радуйся моему счастью. Да я и другихъ всѣхъ готовъ любить. Музыкантъ можетъ читать философскія книги и политическія, но все это hors d'oeuvre [1]), его назначеніе—музыка. Мое—ты, остальное я буду схватывать, на дорогѣ встрѣчаться, благословлять, жать руку и пройду мимо. Я васъ не забуду: пилигримъ всегда вспомнитъ дерево, подъ которымъ онъ отдыхалъ, идучи въ страну обѣтованную. И ты стояла возлѣ меня всю жизнь, и я искалъ великаго! Ты хотѣла повергнуть свое существованіе въ мое, исчезнуть въ немъ! нѣтъ, я повергаю свое въ небесную душу твою, ангелъ-хранитель. Addio! Addio всему міру!

8 января.

Наташа! Почти нѣтъ возможности, чтобъ я не увидѣлся съ тобою въ Загорьѣ. *Такъ или иначе* я буду тамъ. Но, можетъ, надобно будетъ не видаться съ княгиней и ни съ кѣмъ,—это твое дѣло устроить. Итакъ, вотъ она, надежда, совершающаяся рядомъ съ нами, вотъ она! Не думай, что это мечты,—все обдумано, все расположено, и четыре мѣсяца на исполненіе. И мы увидимся *безъ них*ъ, мы увидимся подъ открытымъ небомъ, такъ, какъ ты этого

[1]) Второстепенное.

хотѣла. Что со мною будетъ, когда я буду подъѣзжать къ святому мѣсту, гдѣ живетъ ангелъ?!... Одно можетъ помѣшать—ежели папенька пріѣдетъ сюда прежде вашего отъѣзда, но это мудрено себѣ представить, я знаю его сборы да и тутъ можно положиться на мою хитрость. Чудеса,—въ каждомъ письмѣ моемъ есть намеки, и онъ отвѣчаетъ на нихъ, но какъ отвѣчаетъ?—какъ будто совсѣмъ не понимаетъ... И для чего эта комедія, не понимаю.

Съ нетерпѣніемъ буду ждать твоего отвѣта,—онъ будетъ радостенъ. Прощай, Natalie... Не прелестна ли наша жизнь?! Даже эти четыре года (когда совсѣмъ пройдутъ) примутъ величественный характеръ, исполненный поэзіи... Одно пятно на нихъ, но сколько слезъ раскаянія лилось на это пятно, но

Une mer y passerait sans laver la tache
Car l'abime est immense, et la tache est au fond

Но милосердъ Богъ; увидимъ, чѣмъ кончится la maladetta storia [1]), какъ говорятъ итальянцы.

Твой, твой *Александръ.*

174. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

1838, января 9.
Владиміръ-на-Клязьмѣ.

Наташа, твое письмо отъ 6 я получилъ 8,—какъ быстро! Ангелъ, ты страдаешь, тебя мучатъ, и я все еще не могу прямо и открыто протянуть тебѣ мою руку. Потерпи еще, ты терпишь за меня.—Ничего упущено не будетъ, чтобъ ускорить возможность отъѣзда. Ты терпѣла столько, терпи еще, *до іюля мы увидимся*—Я КЛЯНУСЬ ТЕБѢ [2]). Но отчего же ты не получила письма моего, въ которомъ я писалъ о дорогѣ (отъ 4 или 3 января)? Зачѣмъ ты такъ надѣешься на пап.? пишутъ совсѣмъ иное. Скоро будетъ Егоръ Ив.; можетъ, даже я не успѣю отправить письма, но съ нимъ я буду мало говорить о тебѣ, ибо я не знаю, прошло ли у него несчастное чувство,—ты ничего не пишешь.

Я продолжаю безпрерывно перечитывать твои письма, все еще не перехожу къ 36 году. 35 имѣетъ особую прелесть: ты еще дитя, но какое милое, прелестное дитя! Какъ ты борешься и изгибаешься,

[1]) Проклятая исторія.
[2]) Развѣ, ужъ самъ Богъ помѣшаетъ. *А. И. Г.*

чтобъ представить любовь дружбой, и какъ громко и ярко высказывается любовь. Одно письмо я пропустилъ,—именно, гдѣ писано о Ег. Ив.,—оно дѣлаетъ на меня непріятное впечатлѣніе. При всѣхъ своихъ недостаткахъ и странностяхъ этотъ человѣкъ сдѣлалъ мнѣ много добра и дѣлаетъ все, что можетъ, хотя и по-своему; я ему обязанъ, во-первыхъ, нашей перепиской. А что былъ бы я безъ твоихъ писемъ? Въ сентябрѣ мѣсяцѣ ты въ первый разъ, какъ бы нехотя, употребила слово «*ангелъ*», потомъ уже и слово «любовь» прорывается, но какъ только придется сказать прямо, ты говоришь «дружба». Дитя! Прелестное дитя! Я улыбался, и слезы навертывались на глазахъ.

Я еще въ Москвѣ, до Крутицъ *предвидѣлъ* твою любовь, но боялся за тебя; я еще не зналъ твоей силы *и не зналъ себя*. Когда, послѣ долгаго сна, послѣ долгой грязи, я осмотрѣлся, т. е. въ концѣ 35, тогда-то 9 апрѣля мнѣ блеснуло, тогда-то я видѣлъ и сонъ, въ которомъ мнѣ говорили, что ты не сестра мнѣ. Перечитывая такъ разомъ много писемъ, совершенно переносишься туда и забываешь настоящее.—Прощай, возьму письма 36 года... Ты хвалишь меня за попеченія о М.—это ударъ тупою стороной меча! Но обманывалъ ли я тебя или самъ обманывалъ себя?—*Обманывалъ.*[1] 1-го марта 1836 ты первый разъ спрашиваешь о тайнѣ; стало, тогда только я началъ очищаться передъ тобою. Какое гадкое пятно! Впрочемъ, тутъ при смерти ея мужа я поступалъ чисто и отъ всей души. Еще чище я поступилъ при прощаньи. Ты мнѣ писала какъ-то: «не давай надеждъ, когда поѣдешь». Я больше сдѣлалъ, я прямо сказалъ, что нѣтъ любви, я далъ почувствовать о тебѣ, она поняла. Что-то съ ней? еще нѣтъ ни одной вѣсточки изъ дальней Вятки.

Теперь, когда ужъ совсѣмъ прошло, я тебѣ разскажу, о какомъ ушибѣ я писалъ въ послѣднемъ письмѣ изъ Вятки. 25 декабря былъ я въ аптекѣ. Съ моей обычной живостью бросился къ Полинѣ въ горницу... тутъ пауза—я лежу на диванѣ безъ галстука, Полина, вся въ слезахъ, держитъ спиртъ, Скворцовъ блѣдный стоитъ возлѣ меня. Я ничего не понималъ, мутно смотрѣлъ на всѣхъ, жалъ руку Полинѣ и Скворцову, спрашивалъ, въ чемъ дѣло. Вотъ въ чемъ дѣло: со всего разбѣгу я ударился головою въ дверь и мертвый брякнулся на землю. Скворцовъ схватилъ руку,—пульсъ не бьется, дыханье остановилось, лицо посинѣло. Полина положила голову мою на колѣни... Прошло нѣсколько минутъ,—перемѣны нѣтъ. Аптекаревъ помощникъ принесъ спиртъ,—не дѣйствуетъ. «Да онъ не живъ!»—сказалъ онъ, и Полина (о, прелестное существо!) только и могла проговорить: «Natalie, Natalie, зачѣмъ не ты

на моемъ мѣстѣ!» Послали за докторомъ, чтобъ пустить кровь. Я все лежалъ мертвый; это продолжалось около часа. Потомъ пришелъ въ себя, но долго не могъ опомниться; даже, когда привезли домой, я все еще былъ, какъ пьяный. Скворцовъ не отходилъ отъ меня. Боялись слѣдствій,—и все прошло очень скоро. Боялись отпустить меня въ дорогу,—но я перенесъ ее. Вотъ тебѣ исторія о моемъ ушибѣ; это второй въ Вяткѣ: разъ лѣтомъ я какъ-то неосторожно подошелъ къ круглымъ качелямъ, и бесѣдочка, возвращаясь, сшибла меня съ ногъ. Я, кажется, этого не писалъ. И объ этомъ пишу только для того, чтобъ показать тебѣ Полину. Первая мысль была о тебѣ. День цѣлый не могла она прійти въ себя. Зато весь городъ два дня только и говорилъ, какъ я расшибся. Нѣсколько дней болѣла голова и затылокъ, который я ушибъ, падая,—теперь и слѣдовъ нѣтъ!.. 14 марта 1836 ты подписалась подъ письмомъ «Наташа Герценъ». Дитя опять, но я долго, долго смотрѣлъ на эту подпись; подпишись опять когда-нибудь такъ. Я начинаю желать, чтобъ *они* тебя дѣли куда-нибудь вонъ изъ Москвы (только не въ Петербургъ), тогда-то я явлюсь къ тебѣ, и тогда проведемъ мы въ раю нѣсколько дней. Папенька молчитъ, но все знаетъ, и молчаніе его—не добрый знакъ. Скоро война, это я чувствую. Богъ за насъ! Придумывай же средства,—времени довольно, а Саша [1]) выполнитъ, я на нее надѣюсь, какъ на друга.

Victoria, Victoria! [2])—никакого надзора нѣтъ и, ежели нельзя въ отпускъ въ Москву, то въ Загорье можно. Самъ губернаторъ говорилъ, но ты не говори объ этомъ никому изъ постороннихъ. Итакъ, наконецъ, Богъ услышалъ наши молитвы. Прощай, ѣду обѣдать къ жандармскому полковнику; тотъ настаиваетъ, чтобъ меня прямо въ Москву отпустили. Слезы восторга на глазахъ. Папенька явнымъ образомъ отклоняетъ мой пріѣздъ въ отпускъ; это будетъ для него сюрпризъ. Во всякомъ случаѣ ничего прежде марта; можетъ, опять 9 апрѣля? Я помолодѣлъ, готовъ опять юношей броситься ко всякому на шею, всякому сказать, что скоро, скоро увижу Наташу. Но почему до марта?—не стоитъ того, чтобъ разсказывать всѣ подробности, тогда узнаешь.

10 января.

Прощай, милый другъ, и, можетъ, на нѣсколько дней: Егоръ Ивановичъ пока будетъ здѣсь, мнѣ некуда адресовать писемъ къ тебѣ. Итакъ, прощай. Пусть мысль скораго свиданья витаетъ без-

[1]) Вырлина.
[2]) Побѣда, побѣда!

престанно въ твоемъ умѣ. Прощай... еще бы слово, еще бы... Жаль и письменно разстаться.

Ангелъ... Natalie!

Твой *Александръ.*

◆◆ 1. Въ подлинникѣ предыдущія десять словъ вычеркнуты чернилами рукой своеобразно обожавшей Герцена Е. С. Некрасовой, очевидно, съ святой простотой охранявшей его репутацію... Какъ увидимъ, это — не единственный случай.

175. Письмо къ А. Л. Витбергу.

(Январь 1838)

Покорнѣйше прошу всѣхъ сѣсть кругомъ, а читать заставить Вѣру Александровну [1]).

Я понемногу начинаю привыкать къ совершенно одинокой жизни, начинаю отвыкать отъ людей и съ тѣмъ вмѣстѣ отъ шума; мысль, чувство не испаряются словомъ, а кристаллизуются глубоко въ душѣ. Довольно мнѣ люди послѣдовательно передавали все, что у нихъ есть: сначала матеріальное существованіе, потомъ одною рукою симпатію и дружбу, другой — гнетъ и ненависть; одной рукой подали Библію, а другой — Фоблаза [2]), больше нечего мнѣ получить. Мысль славы, и тобою я жертвую. Вы ее назвали ребяческою въ одномъ изъ послѣднихъ разговоровъ и были неправы. Мысль дѣятельности, прощай и ты! И мнѣ жаль ихъ такъ, какъ жаль вятскихъ друзей и друзей московскихъ; но дѣлать нечего, — *я не вашъ*, такъ, какъ монахъ, не принадлежу свѣту, а принадлежу вселенной. Недавно сладко и изящно мечталъ я о смерти; она мнѣ являлась съ чертами ангела и, скрестивъ руки на груди, я смотрѣлъ вверхъ. Эти дни моя душа не болѣла такъ судорожно, не рвалась такъ на клочки, какъ прежде, — и вотъ гармонія разлилась по ней. Часто обертываюсь и смотрю на это прожитое пространство, и оно выходитъ изъ гроба, и я, какъ «покойный императоръ» Жуковскаго, дѣлаю смотръ: вотъ оргіи, въ которыхъ, все-таки, нѣтъ того вреда, который вы предполагаете, вотъ смѣхъ, вотъ слеза, слезы, — я не

[1]) Старшая дочь Витберга.

[2]) Романъ Лувэ де-Куврэ «Приключенія кавалера де-Фоблаза» прежде считался неприличнымъ въ порнографическомъ отношеніи.

отворачиваюсь ни отъ чего. Душа моя—offne Tafel [1]). Да, я *извѣдалъ жизнь* не такъ, какъ поэты нашего вѣка, а свинцомъ и зажженной сѣрой. Святого искалъ я и нашелъ, наконецъ, святое, а въ немъ, какъ въ бѣломъ лучѣ солнца, соединено и изящное, и великое.

Моя владимірская жизнь, повторяю, это—сорокъ дней въ пустынѣ, это крестъ на паперти.

Вы не узнали бы меня, нѣтъ, вы-то бы, кажется, узнали, а многіе, любившіе во мнѣ не мое—*разгулъ*, не узнали бы теперь. Дай Богъ силъ совершить начатое; но Онъ и даетъ силы, Онъ самъ своей десницей подноситъ къ устамъ моимъ чашу небеснаго, святого питья. Александръ Лаврентьевичъ, высока жизнь и на землѣ для того, кто умѣетъ ее постигнуть.

Теперь ко вздору, т. е. къ подробностямъ обо мнѣ. Головная боль sui generis продолжается, т. е. не боль, а сильные приливы,[1]—совсѣмъ напротивъ: кажется, что надзоръ не продолжается, но я еще ничего не предпринимаю.

Далѣе, я совершенно отвыкъ ѣсть; доселѣ и копченая телятина, и рябчики, и все цѣло; тутъ еще изъ Москвы наслали всякой всячины, и мнѣ смѣшно смотрѣть на заботу объ ѣдѣ. Что на это скажетъ Эрнъ?

Квартира довольно велика и удобна, но нечиста до безконечности; я тутъ не останусь, хочу имѣть un joli chez soi, un chez soi comfortable [2]), а дорого—25 руб. въ мѣсяцъ. Здѣсь на все дороговизна непомѣрная. А, можетъ, скоро и не надобно во Владимірѣ chez soi [3]), я солнцемъ [4]) буду намѣчать эту мысль.

Но, въ самомъ дѣлѣ, я эгоистъ, говорю все о себѣ,—итакъ, симъ оканчиваю *ячество.*

Что вы, долго ли грустили обо мнѣ и какъ теперь? Пожалуйста, подробнѣе пишите: и дымъ Вятки Герцену сладокъ и пріятенъ; извините, что не сказалъ «отечества», отечество мое—Москва.

Какъ теперь, вижу: вотъ Вѣра Александровна разливаетъ чай, дежурная идетъ за Прасковьей Петровной [5]), а вы ходите по комнатѣ съ Авдотьей Викторовной. Когда-то увидимся? ежели и никогда, не ужасайтесь: души наши увидятся; гдѣ бы ни былъ пилигримъ, онъ благословитъ дубъ, подъ сѣнью котораго отдыхалъ (въ

[1]) Чистая доска, «tabula rasa».
[2]) Хорошенькій и удобный домашній уголокъ.
[3]) Свое помѣщеніе.
[4]) Въ подлинникѣ, по словамъ Т. П. Пассекъ, нарисовано солнце.
[5]) Медвѣдева.

альбомѣ у Вѣры Александровны), онъ не забудетъ родительскій домъ въ чужомъ домѣ.

Бога ради, Прасковья Петровна, берегите ваше здоровье. Вы не можете о жизни говорить такъ, какъ я: ваша жизнь имѣетъ опредѣленную, святую цѣль, и эта цѣль требуетъ не токмо жизни, но и здоровья. Взгляните на этихъ милыхъ, прелестныхъ херувимчиковъ и не неглижируйте.[2]

Ахъ, какъ хорошо провели мы время въ одинъ изъ послѣднихъ вечеровъ, когда съ Полиной перечитывали «Дѣву Орлеанскую» — помните, Вѣра Александровна? Но передъ тѣмъ, какъ вы пѣли «Матушка, голова болитъ», какъ континуацію Дѣвѣ Орлеанской, у которой часто болѣла душа. Опять началъ вздоръ говорить; прощайте, прощайте, прощайте.

◆◆ 1. Герценъ потомъ всю жизнь страдалъ головными болями, которыя иногда были ужасны. Никакіе совѣты самыхъ знаменитыхъ врачей не могли его излечить.

2. Въ письмахъ Витберга есть нѣсколько штриховъ, цѣнныхъ для иллюстраціи отношенія въ то время Медвѣдевой къ Герцену. Отъ 18 января 1838 г.: «Не увлекайтесь, осторожнѣе и умѣреннѣе пишите или выражайтесь къ Прасковьѣ Петровнѣ,—она не захотѣла свое писаніе ввѣрить общему конверту—дурно» («Рус. Стар.», 1897, XII, 480); отъ 8 февраля: «Вчерашняго числа почелъ я за нужное осторожно открыть Пр. Петр. ваше отношеніе къ Наташѣ. Рисунокъ, который она сегодня посылаетъ къ вамъ, подалъ поводъ къ тому. Она показала удивленіе, и потому я нѣсколько иронически спросилъ, неужель не знаетъ этого и неужель А. И. не говорилъ объ этомъ предметѣ откровенно? Она старалась увѣрить меня, что впервые слышитъ отъ меня. Я очень радъ, что это сдѣлано» (стр. 481).

176. Рапортъ объ отпускѣ.

Его Превосходительству Господину Владимірскому гражданскому губернатору и кавалеру титулярнаго совѣтника Александра Герцена рапортъ.

Находясь въ продолженіе трехъ лѣтъ съ половиною въ разлукѣ съ семействомъ и переведенный 16 ноября прошедшаго года, по Высочайшему повелѣнію, изъ Вятки на службу во Владиміръ «для сближенія съ родственниками», честь имѣю обратиться къ ва-

шему превосходительству съ покорнѣйшей просьбою уволить меня въ отпускъ въ Москву на двадцать девять дней, какъ для свиданія съ родственниками, такъ и по домашнимъ обстоятельствамъ, требующимъ неотлагательно моего личнаго присутствія.

1838 года января 17.

Титулярный совѣтникъ Александръ Герценъ.[1]

◆◆ 1. Министръ внутреннихъ дѣлъ, Блудовъ, 30 января уже запрашивалъ Бенкендорфа по существу этого рапорта. 11 февраля шефъ жандармовъ отвѣтилъ, что такъ какъ Герцену «въ недавнемъ времени оказана монаршая милость сближеніемъ его съ родственниками», то онъ «не осмѣливается нынѣ докладывать Е. И. В. объ увольненіи его въ отпускъ въ Москву». 27 февраля Блудовъ извѣстилъ объ этомъ И. Э. Куруту (архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, 1 эксп., 1834 г., дѣло № 239, часть 10 и «Труды Владимірской ученой архивной комиссіи» кн. IV, 1902, стр. 60—61).

177. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

11 января 1838.
Владиміръ.

Этого письма, мой ангелъ, ты долго не получишь,—его привезетъ тебѣ Егоръ Ив., который еще въ Москвѣ, а до тѣхъ поръ тебѣ постъ; но теперь, когда столько яркихъ, близкихъ, сбыточныхъ надеждъ, теперь ты можешь легче перенесть дней десять безъ письма. А можетъ, получишь и скорѣе.—Перечитывалъ твои письма 1836 года. Знаешь ли, когда твоя душа взмахнула крылами и поднялась на ту недосягаемую высоту, на которой она теперь, когда она развилась всѣмъ бытіемъ и такъ дивно? Въ половинѣ 1836 было много надеждъ, ты предалась имъ безотчетно, какъ только предается душа чистая,—онѣ обманули. Ударъ былъ силенъ, ты перенесла его, и въ то же время душа твоя выросла необъятно (сентябрь) и съ тѣхъ поръ все росла и росла до той дивной высоты, съ которой ты приняла гнусную исторію сватовства. И послѣ этого, ангелъ мой, можно ли сѣтовать на несчастія, на Провидѣніе? Мы похожи на дѣтей, которыя плачутъ за книгой, доставляющей всю пользу имъ. Теперешнее мое направленіе, безъ сомнѣнія, выше предыдущаго. Вспомни: еще въ маѣ мѣсяцѣ 37 года я увлекся самолюбіемъ (при проѣздѣ наслѣдника), и сравни мой языкъ послѣд-

нихъ писемъ. Да, Господь больше насъ печется объ насъ, Онъ хочетъ, чтобъ при встрѣчѣ нашей въ этой душѣ — Наталія и Александръ — ничего не было, кромѣ любви и вѣры. Оно и совершается. Да, смѣло скажу, что, выѣхавъ за вятскую заставу, я много земли стряхнулъ съ себя и приготовлялся къ этому послѣдними днями (письма мои отъ 23 ноября, до выѣзда). Остается благодарить Отца и смириться.

Теперь о свиданьѣ. Дѣло рѣшенное: ежели до лѣта я долженъ безвыѣздно прожить здѣсь, я буду въ Загорьѣ (постарайся, чтобъ кн. въ маѣ ѣхала). Я думаю, Костенька всѣхъ смѣтливѣе: я остановлюсь версты за двѣ; научи меня, кого спросить; пошлю за Костенькой, буду тебя ждать; [1] пріѣду въ тотъ часъ, въ который тебѣ удобно; пожалуй, пробуду сутки, двое,—все въ твоей волѣ. Губернаторъ здѣсь — старичокъ предобрый [1]), онъ самъ мнѣ сказалъ, что это сладить можно; жандармскій полковникъ на моей сторонѣ. Но прошу быть очень аккуратной въ назначеніи мѣста и всего, чтобъ не попасть ея сіятельству. Это свиданье будетъ гораздо лучше, нежели какъ мы себѣ воображали. А, можетъ, и прежде? Будь увѣрена: ни дня, ни часа, ни секунды не пропуститъ твой Александръ. Несомнѣнно, что пап. знаетъ, а то почему бы ему такъ противодѣйствовать отпуску.

Жуковскій прочиталъ «I Maestri», сдѣлалъ на тетради отмѣтки; вотъ драгоцѣнность, жаль, что я не видалъ.

Ты пишешь 1-го декабря 1836-го года: «Въ ноябрѣ 1834 ты написалъ первую записку изъ Кр., въ ноябрѣ 1835 писалъ впервые о любви, ноябрь 36 года прошелъ такъ, что-то будетъ въ ноябрѣ 37 года?»—Въ ноябрѣ, именно 37 года, произошла та огромная перемѣна, приблизившая меня къ тебѣ, положилось твердое основаніе скорому свиданію! Вотъ отвѣтъ на твой вопросъ. Къ концу 36 года ты очень грустна: тутъ начались прямыя гоненія за меня отъ кн. и М. С., ты изнемогала въ иныя минуты, и въ одномъ письмѣ болѣзненно спрашиваешь меня раза три: «Когда же, когда же изъ Вятки?». Это письмо отъ 29 декаб.,—ровно черезъ годъ, можетъ, въ то самое время, я выѣзжалъ изъ Вятки. Да, половина бѣдствій пройдена и уже уходитъ въ прошедшее.

12 января.

Съ самаго пріѣзда во Владиміръ я былъ очень веселъ, цѣлыхъ десять дней. Сегодня мрачныя думы облегли душу. Ужъ теперь я и эти нѣсколько мѣсяцевъ не могу переждать, необходимость ви-

[1]) Иванъ Эммануиловичъ Курута.

дѣть тебя жжетъ. До мая долго, хочу ѣхать теперь, надняхъ и работаю, но все еще безъ успѣха, и душа стонетъ, сердце рвется. Я баловень, Наташа! И четыре года не научили меня покоряться обстоятельствамъ. Да правда ли это, ангелъ мой, что надежды такъ сбыточны? Душа моя, не призракъ ли все это? Фу! чья душа столько перенесетъ счастья! А, вѣдь, въ Загорьѣ свиданье лучше: тутъ эти фигуры, принужденіе въ такую торжественную минуту, которую мы ждали съ 9-го апрѣля 1835.

Я торопился читать твои письма до 37 года; мучительно видѣть страданія разлуки и эту даль, мучительно вспоминать, что одной слезою я могъ отвѣчать. 37 годъ, по крайней мѣрѣ, послѣдній. Нѣтъ, моя вѣра въ свиданье съ тобою нынѣшнимъ годомъ незыблема. Къ папенькѣ же нѣтъ вѣры, его слова — ледъ въ послѣднихъ письмахъ. Ежели такъ, закрою душу отъ него. Мы можемъ съ нимъ быть друзьями, когда между нами 1000 верстъ. А онъ любитъ меня, и я люблю. Да что-жъ изъ этого? онъ не хочетъ понять меня. Бѣдный отецъ, какого сына лишается онъ, какую пламенную любовь отталкиваетъ холодной рукой...

13 января.

Писалъ къ Ог., а все грустно. И самое счастіе для меня пахнетъ бѣдою. Арсеньевъ и Жуковскій работаютъ, и вдругъ удастся имъ, и меня возьмутъ въ Петербургъ,— не ужасно ли?! А впрочемъ, можетъ, *они* тебя до того будутъ тѣснить, что Ал. Ал. въ необходимости будетъ взять, а когда я тамъ, тогда можно: вѣтерокъ не дунетъ на тебя. Боже, какъ таинственно и странно идетъ наша жизнь, но покорность святой десницѣ, покорность! Главное — свиданье; оно будетъ, всѣмъ пожертвую, но свиданье сзову съ неба... Между мною и Вяткой протѣсняется много; какъ бы то ни было, но мы чужіе — я и Вятка. Скворцовъ и Полина — вотъ самые близкіе родственники, но они счастливы своей любовью; 31 было обрученье, они вступаютъ въ новый фазисъ жизни, и я имъ ненуженъ. Было время, когда я велъ эту дѣвушку, когда ходилъ за нею, какъ за прелестнымъ цвѣткомъ, и довелъ ее до *него*. Мое вліяніе кончилось. Витбергъ, — несмотря на всю нашу симпатію, мы никогда не были очень близки. Лѣта, понятія уже клали между нами препятствія; уваженіе безъ границъ ему, но уваженіе меньше дружбы, на моемъ языкѣ. И потому ужъ мы не могли быть близки, что я не уважалъ его жену, что я въ ней видѣлъ и вижу одну гирю, которая прибавляетъ тягость и стягиваетъ его на землю. Жена Витберга! — что это должно быть за существо, что за высокое призваніе для существа высокаго. А эта... фи... отвернемся.

Вотъ что значитъ *дома* и *въ гостяхъ*. Какъ давно я разстался съ Ог., но между мною и имъ ничего не измѣнилось. Мелькомъ видѣлъ я его 31 марта 1835 года. Сколько времени, но сердце бьется при его имени. Въ Вяткѣ я огнемъ своей симпатіи добился отвѣта, но отвѣтъ, можетъ, только отъ Полины былъ на моемъ языкѣ, отъ Скворцова тоже... третьяго никого. Я видѣлъ много слезъ при прощаніи, много объятій, много благословеній душевныхъ, но они — какъ надпись на известковомъ камнѣ: придутъ непогоды, камень вывѣтрится, буква за буквой исчезнутъ, и трудно будетъ прочесть. Впрочемъ, я имъ самъ сказалъ: «Я не вашъ!» А *Мед.*, — объ ней не имѣю вѣсти, а пламенно желаю. О, сколько я перестрадалъ за нее! Я тебѣ рѣшительно говорю, что разлука съ тобой не принесла столько горечи, сколько встрѣча съ нею. И страдальческій голосъ несся къ тебѣ иногда, и ты, Наташа, его не понимала. Да, это я вижу по твоимъ отвѣтамъ. Ты въ себѣ искала причину мрачныхъ минутъ моихъ, тогда, когда ясно, изъ какого источника онъ шелъ. Ежели я услышу, что она спокойно перенесла мой отъѣздъ, я помолюсь, — камень съ груди долой. Сколько разъ блѣдный, полумертвый, въ какой-то лихорадкѣ бросался я на свой диванъ, страдалъ, мучился и бросался на какую-нибудь вакханалію, чтобъ шумомъ, виномъ, людьми заглушить голосъ совѣсти. Я какъ-то на дняхъ перебралъ всю исторію. Помнишь ли, какимъ судорожнымъ языкомъ я началъ тебѣ говорить о любви? это была ужасная эпоха, особенно время, предшествовавшее ей, когда я боролся между дружбой и любовью, между 20 іюля и 9 апрѣля. Я былъ боленъ, сломанъ, — тогда встрѣтился я съ нею. Я радъ былъ, что меня поняли, мнѣ жаль ея было, мнѣ нравилось, что меня *предпочитаютъ*, — и гибель ея была рѣшена злымъ духомъ. — Ты мнѣ свѣтила издали, какъ утренняя звѣзда; къ тебѣ моя любовь (еще не сказанная) была такъ небесна, такъ чиста, на тебя я долженъ былъ смотрѣть вверхъ. Она стояла возлѣ — не ангелъ, а *женщина*, женщина пламенная; я увлекъ ее сначала, не давая себѣ никакого отчета; когда же она такъ безразсудно бросилась въ мои объятья, тогда я увидѣлъ, что она мнѣ ничего, увидѣлъ разомъ все, но было поздно. Ровно два года пострадалъ я за этотъ поступокъ (все это было въ концѣ 35). Тогда-то я понялъ всю разницу между тобою и ею, между ангеломъ и женщиной. И когда я получалъ твои письма, я терзался, кусалъ себѣ пальцы, что я могъ такъ поступить. Но прошедшее, какъ свидѣтель уголовнаго дѣла, стояло тутъ хладнокровное, укоряющее, неумолимое. Я ей говорилъ о молитвѣ, о ея дѣтяхъ, — все худо удавалось; она была больна, и я долженъ былъ надѣть маску, спрятать мою любовь къ тебѣ и оставить ее *въ*

недоразумѣніи. Витбергъ сознался подъ конецъ, что дивную силу характера надобно имѣть, чтобъ выдержать роль два года такъ, что живущіе въ одномъ домѣ ничего не могли замѣтить, даже 14 ноября 37 года! Я исполнилъ, для нея я это сдѣлалъ. Но, ангелъ мой, чего мнѣ стоила эта роль... при воспоминаніи сердце обливается кровью. Но уѣхать такъ я не хотѣлъ; она, кажется, знаетъ все. Дай, Богъ, ей силы забыть эту встрѣчу. И ты, съ удивленіемъ слушая, что я говорилъ о медали, на которой съ одной стороны Іисусъ, а съ другой Іуда, отвѣчала: «вижу, что я для тебя ничего». А развѣ не такъ: развѣ я не ангелъ тебѣ, и не демонъ для нея? Этотъ урокъ не забудется мною во всю жизнь. Ну, прощай, моя милая, моя единственная подруга, моя Natalie. Нѣтъ пылинки на моей душѣ, которую бы ты не знала,—такъ и быть должно.

Статью мою о Полинѣ я тебѣ пришлю, она готова. «Симпатія»—маленькая статья, какъ Полина, но и хороша, какъ Полина. Тебѣ она понравится: она писана тѣмъ языкомъ, какимъ «I Maestri», — много выраженій изъ моихъ писемъ. Это неудивительно: мои письма—я. И вотъ странная двойственность моей души: однѣ статьи выходятъ постоянно съ печатью любви и вѣры, это—«Встрѣчи», «I Maestri», «Симпатія», «Мысль и откровеніе»; другія—съ клеймомъ самой злой, ядовитой иронiи, это—путевыя письма [1]). Наконецъ, въ двухъ статьяхъ—то и другое: отрывокъ изъ повѣсти «Тамъ» и «Моя жизнь». Виньеткой къ первымъ статьямъ—Озирисъ, ко вторымъ Тифонъ, а къ третьимъ—стаканъ шампанскаго (пѣна и вино). Ты многаго еще не читала; я тебѣ велѣлъ переписать, да и подарилъ при отъѣздѣ Скворцову. Простите, M—selle! Иронію ты не любишь,—она и не свойственна твоей душѣ; тебѣ слишкомъ мало знакома внѣшняя жизнь, и не знакомься съ нею.

14 января.

Твои письма отъ 11-го. Ты все, моя небесная, мой ангелъ! Строго судишь ты Emilie,—*она не ты.* Человѣкъ, который подымаетъ 10 пудовъ, не долженъ требовать, чтобъ каждый подымалъ. Наташа, ты еще ни разу не падала, а теперь, имѣя такую любовь въ душѣ, имѣя Александра, это и невозможно. Я былъ и въ грязи и въ эфирѣ,—я знаю человѣка. Ты пишешь (въ началѣ 1837), говоря объ Егор. Ив.: «Ежели-бъ въ самомъ дѣлѣ я могла себя упрекнуть, я уничтожилась бы». Я могу себя упрекнуть, но не уничтожился. Вотъ оно вѣчное adage [2]), которое я повторяю: во мнѣ больше земли, въ тебѣ больше неба.[2] Очень желалъ бы видѣть

[1]) Сочиненіе неизвѣстное.
[2]) Присловье.

Сашу Б.; я ее люблю всей душою, но желалъ бы видѣть, желалъ бы посмотрѣть, кого ты ставишь такъ рядомъ съ собою,— доселѣ я не видалъ ни одного существа, которое я осмѣлился бы сравнить съ тобою, ни даже въ сочиненіяхъ поэтовъ. Вѣрю въ нее, но напрасно она отталкиваетъ любовь, и ты согласна съ этимъ, ты, въ которой ничего нѣтъ, кромѣ любви! Что жизнь дѣвы безъ любви? Молитва или любовь—третьяго вамъ нѣтъ. Мужчинѣ—поприще, слава, да и то все какъ блѣдно передъ любовью.[3]

Я боюсь твоего сужденья о моей біографіи, боюсь потому, что тамъ много иронiи, часто шалость, рѣдко желчь. Предисловіе хорошо, оно понравится тебѣ. Со временемъ это будетъ цѣлая книга. Вотъ планъ. Двѣ части: 1-я до 20 іюля 1834. Тутъ я дитя, юноша, студентъ, другъ Огарева, мечты о славѣ, вакханаліи, и все это оканчивается картиной грустной, но гармонической,—нашей прогулкой на кладбище (она ужъ написана). *Вторая* начнется моей фантазіей «22 октября». Вообще порядка нѣтъ: отдѣльныя статьи, письма, Tutti frutti [1])—все входитъ; за этимъ «Встрѣча», «I Maestri» и «Симпатія»; далѣе, что напишется. Въ прибавленіи къ 1-му тому «Германскій путешественникъ»,—эта статья проникнута глубокимъ чувствомъ грусти, она гармонируетъ съ 20 іюля. Знаешь ли, что я ее люблю больше «Легенды»? Пожалуй, тутъ можно включить и мои «Письма къ товарищамъ»: «Пермь, Вятка и Владиміръ»—эта статья тебѣ не понравится. Я помню, ты, читая мою «Встрѣчу» Сашѣ, пропустила обѣдъ, несмотря на то, что онъ необходимъ, какъ улика пошлой жизни. Только не во вторую часть ихъ—тамъ гармонія, любовь, тамъ ты. Это напечатается, и меня тѣшитъ мысль, что Русь узнаетъ прежде и тебя и мою любовь, нежели *они*. Я доволенъ собою здѣсь,—съ утра до ночи за работою. Въ біографіи я сначала задѣлъ, было, крѣпко Тат. Пет., но смиловался и выпустилъ. Въ первой части одинъ святой—Ог., но его владѣніе ограничено, его вліяніе ограничено. Во второй, ты—святая, и твое владѣніе безгранно, и я на колѣняхъ передъ тобою. Осмѣлюсь ли я писать 9 апрѣля? Боюсь.[4]

15 января.

Ты, можетъ, удивишься, что моя статья «Симпатія» посвящена Вѣрѣ Александровнѣ Витбергъ. Я объ ней ни разу не писалъ, ее не смѣшивай съ его женою: *она дочь* Витберга. Прелестная душа и любитъ до безумія Полину. Наташа, какъ хочешь, а я бы лучше готовъ былъ подождать, только бы увидѣться въ Загорьѣ на волѣ... А на той страницѣ, что писалъ! Какъ ты думаешь, ангелъ?

[1]) Всякая всячина.

15, ночь.

Письма 37 еще выше всѣхъ остальныхъ. Остановись, довольно; ежели еще шагъ, тебѣ надо будетъ оставить Александра на землѣ,— больше совершенства человѣку не дано. Мы должны быть соединены здѣсь и скоро. Мы должны узнать жизнь до дна, весь бокалъ выпить и тогда итти. Любопытны нѣкоторыя сближенія чиселъ. Въ маѣ мѣсяцѣ ты цѣлую недѣлю грустишь ужасно; наконецъ, вечеромъ 18 числа съ какимъ-то восторгомъ пишешь, что радость снова посѣтила твою душу, что ты опять тверда и высока. Въ эту самую минуту я стоялъ передъ наслѣдникомъ, и Жуковскимъ, и Арсеньевымъ,—это была одна изъ рѣшительнѣйшихъ минутъ моей жизни: она привела меня во Владиміръ, она, можетъ, еще проведетъ и черезъ всю жизнь. Сегодня годъ, что я представлялъ Данта. Говорятъ, я былъ очень хорошъ въ костюмѣ пилигрима, съ длинными распущенными волосами: хорошъ и потому, что я тогда былъ въ восторгѣ и блѣденъ, какъ полотно, и глаза блистали.

16, вечеръ.

Когда кто изъ нашихъ поѣдетъ, пришли, другъ мой, всѣ мои письма и записки до 1-го января 1836; я тебѣ ихъ очень скоро возвращу; у тебя есть *любимая* записка,—ну, перепиши ее и мнѣ дай копію.[5] А то я тебя больше знаю себя,—хочется взглянуть, какъ я шелъ до любви... Въ самомъ дѣлѣ, окружающее насъ принимаетъ нашъ образъ и подобіе: мой камердинеръ Матвѣй [1])—величайшій почитатель мой, теперь онъ только и думаетъ, какъ бы увидѣть тебя. А ты со всѣхъ сторонъ окружена Сашами, начиная съ меня и до твоей фрейлины, которой прошу поклониться,—я ее, вѣрно, увижу прежде тебя.

17 января.

Твое письмо, прелестное письмо отъ 14, я получилъ, но оно опоздало. Я уже подалъ формальную просьбу объ отпускѣ на 29 дней въ Москву. Отдадимся откровенно и совсѣмъ Его волѣ; отпустятъ,—я явлюсь въ Москву (отвѣтъ отъ министра можно ждать къ половинѣ февраля), не отпустятъ—Загорье. И мнѣ оно лучше нравится. Вспомни, что, ежели пап. пріѣдетъ прежде, я не нахожу никакой возможности быть въ Загорьѣ безъ явнаго раздора. Какъ свѣтло твое письмо. О, божественная!

Наташа, милая Наташа, какъ полна и какъ изящна наша жизнь. Кому намъ позавидовать?... Да, мы много страдали, *много*

[1]) Смѣнилъ Петра Ѳедоровича.

будемъ страдать, а какъ награждены... Нельзя въ иную минуту не изнемочь; иногда невольно ропотъ сорвется съ устъ; но когда я начну повторять (не памятью, а душою) свою жизнь... нѣтъ, подобной я не знаю. Я создалъ Наталію, да, я принимаю долю созданія, я великъ. Но и ты, Наталія, создала долю Александра,—ты велика. Часто приходитъ мнѣ въ голову твое замѣчаніе, какъ все, что пишутъ о любви, далеко отъ нашей любви, *не платонической*, а христіанской, исполненной молитвы и религіи. Иногда касаются *нашей* любви,—помнишь Антіоха у Полевого [1])? есть и у Шиллера, но ужъ всегда подъ гнетомъ громовой тучи,—а, можетъ, и надъ нами туча. И казнь изъ твоихъ рукъ приму, цѣлуя ее. Попроси Егора Ив. достать «Библіотеку для Чтенія» за декабрь прошлаго года и прочти «Катеньку». Во-первыхъ, въ слогѣ Веревкина (Рахманинъ) есть чрезвычайное сходство съ моимъ слогомъ, а въ Катенькѣ есть кое-что твоего [2]). Прочти. Когда я прочелъ, я положилъ книгу и не могъ перевести духъ, я готовъ былъ заплакать,—ужасная повѣсть.

Сегодня маменькины именины; ждалъ ее сюда, а вотъ ужъ и поздній вечеръ. Мнѣ *хочется* ее видѣть (немудрено, скажетъ всякій), но, помнишь, ты разъ писала, что разумѣешь подъ словомъ «хочется». Говорятъ, что съ Ег. Ив. пріѣдетъ Кетчеръ,—вспомню юность прошедшую, я отъ нея отдѣленъ юностью настоящею. Прощай до завтра, мой ангелъ, моя святая. Завтра еще строчки двѣ. Кажется, Mademoiselle не будетъ имѣть причины пенять, что мало пишу. О, сестра!

18 января.

Въ нынѣшнемъ письмѣ къ пап., въ отвѣтъ на одну холодную фразу, я написалъ много: ни разу столько не писалъ, это—послѣдній опытъ. Я сказалъ, что на меня послѣ пенять нельзя, что я хотѣлъ *все* сказать, но онъ не хотѣлъ всего понять, что меня сломить невозможно и что благословеніе Бога гдѣ есть, тамъ найдутся и средства, и пр. Впрочемъ, ни слова о главномъ, общія мѣста. А можетъ, онъ и *обратится*... вѣры нѣтъ, онъ будетъ хитрить тамъ, гдѣ я буду поступать прямо. Прощай еще разъ, цѣлую тебя много.

Твой *Александръ.*

Помилуй, будто нѣтъ средствъ видѣться однимъ въ Москвѣ. Что за вздоръ! А утро 4 часа?

[1]) Николай Алексѣевичъ.

[2]) Николай Николаевичъ Веревкинъ, псевдонимъ «Рахманный»; умеръ 5 апрѣля 1838 г.

◆◆ **1.** Н. А—на писала: «Костенька не ѣздитъ съ нами въ Загорье; это мой почтальонъ, безъ нея некому бы было присылать писемъ изъ Загорья» (стр. 444).

2. Н. А—на писала объ Э. М. Аксбергъ: «Emilie *идетъ замужъ*. Что проще этого, а это слово, какъ пила, мнѣ по сердцу. «Въ милліонъ разъ лучше монастырь, нежели пошлое замужество», писалъ ты изъ Крутицъ,—и я радуюсь этому замужеству (уже когда она рѣшилась!) и совѣтовала ей (я видѣла, что *она хотѣла* моего совѣта), радуюсь, потому что она отдохнетъ отъ *чужого* и только!

«Вотъ, если бы ей готовилось блаженство и покой *душевный*... но она сама говоритъ, что идетъ *такъ*, и я это вижу. Ея вина, иль Провидѣніе то допускало,—свѣтъ игралъ ею, и слѣды этого остались на ней, и ничто ихъ не сотретъ. Я далека упрека,—о, избави Богъ! Но мнѣ больно,—сильно, глубоко, я ее очень люблю» (стр. 416).

3. Н. А—на такъ характеризовала А. А. Боборыкину: «Она вторая по тебѣ, и послѣ нея никому не будетъ входа въ мое сердце. Но нѣтъ! Нѣтъ! она ввѣкъ сестра! и на стопахъ ея незамѣтно, что она идетъ по землѣ: ни пылинки, и на землѣ свѣтъ отъ слѣдовъ ея» (стр. 417).

4. 15 марта 1838 г. Н. А—на писала Герцену: «Наконецъ, Кетчеръ прислалъ мнѣ «О себѣ». Хорошо, Александръ, хорошо все; лучшее для меня—«Дитя», «Огаревъ» и «Деревня»; гдѣ больше тебя, тутъ и лучше, а тѣ лица, конечно, необходимы и хорошо чрезвычайно описаны, но я объ нихъ читаю почти такъ же, какъ обѣдъ во «Встрѣчѣ» (стр. 516).

5. Любимой запиской Н. А—ны былъ № 55. «На ней ты увидишь мою любовь, написанную слезами: ее я читала несчетно разъ и несчетно разъ плакала надъ нею, даже среди самыхъ яркихъ надеждъ,—такъ глубоко канули въ сердце твои слова: «итакъ, прощай, прощай надолго». Тамъ это «можетъ быть», которое было первымъ пророчествомъ твоей любви, надъ которымъ я долго, долго сидѣла, то плакала, то улыбалась, боялась чего-то, чему-то радовалась и часто съ тѣхъ поръ, какъ только все у насъ заснетъ, читала и перечитывала его, и думала надъ нимъ и молилась» (стр. 436).

178. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Января 19, 1838.
Владиміръ.

Наташа! хочешь ли видѣть близкаго родственника и узнать въ немъ твои прелестныя черты? Я тебѣ покажу. Сегодня я перебиралъ всѣ старыя письма *прежняго времени;* ихъ немного: часть сожжена, часть затеряна, а часть осталась въ комиссіи. Я нашелъ только три письма отъ Ог. того времени. Ну, слушай, онъ пишетъ іюля 24-го 1833 года: «Другъ! твое письмо оживило меня, я теперь опять возвысился на точку, съ которой почти не замѣчаю ничего, что вокругъ меня, съ которой не вижу пошлыхъ частностей, но только одно общее, великое. Одно идеальное могло меня извлечь изъ этой пропасти. Мнѣ оставалось или сравняться съ этими людьми, или укрыться въ недоступный для нихъ міръ идей. Могъ ли я съ ними сравняться? Такъ міръ идей,—въ немъ моя жизнь!..» Прислушайся, Наташа, къ этимъ звукамъ, къ этому бѣгству отъ земли, къ этому мощному дѣйствію моего письма... и ты увидишь себя тутъ. Переставь одно слово, и можно думать, что это изъ твоего письма; слово «идея» замѣни небомъ, молитвой. Слушай: я долго не писалъ къ нему, онъ боленъ, его душа томится, и онъ пишетъ: «Герценъ, сжалься надо мною, напиши что-нибудь... Нѣтъ ни думъ, ни мечтаній, ни вдохновеній, все убито морозомъ, самые лучшіе цвѣтки сшиблены. Отъ тебя письма не было. Въ первую минуту восторга искренно желаю умереть. Скучно, мучительно. Да, ради Бога, пиши, я схожу съ ума! Сжалься, Герценъ, Боже, Боже!..» Наташа, это ты, оставленная двѣ-три недѣли безъ моего письма. О, вы—братъ и сестра, вы-то одни и проводите меня сперва до могилы, потомъ до Бога—и тамъ останемся. Ты писала мнѣ разъ: «тебѣ 25 лѣтъ, и у тебя есть другъ, есть подруга,—и какой другъ, и какая подруга!» О, ангелъ небесный—и ты выше, святѣе друга. Нѣтъ, тогда въ Загорьѣ я тебѣ скажу все—не говоря ни слова... Прочь, прочь все земное,—зная тебя, любить земное... Далѣе о письмахъ. Теперь обращаюсь къ себѣ. Въ это самое время, т. е. въ 1833, мечталъ я, что влюбленъ въ Л. П. [1]), но тогда еще любовь не могла проникнуть сквозь тройную бронь гордости, славы и общихъ идей. Я писалъ къ нему о томъ, что влюбленъ, но писалъ

[1]) Пассекъ.

робко и сказалъ, между прочимъ: «любовь меня не поглотитъ, это занятіе пустого мѣста въ сердцѣ: идеи со мной, идеи — я». Онъ отвѣчаетъ (августа 18): «Герценъ, ты или шутишь, или не понимаешь ни любви, ни самого себя. Вникни въ идею этого слова — «любовь». Если она и поглотитъ тебя, то не уничтожитъ ничего благороднаго, она очиститъ тебя, какъ жрецы очищали жертвы, которыя готовились Богу». Огаревъ правъ, я равно тогда не понималъ ни любовь, ни себя, и вотъ лучшее доказательство, что это была мечта. А онъ понималъ оттого, что онъ поэтъ, оттого, что онъ все понималъ не разсужденіемъ, а вдохновеніемъ. Сравни меня теперь, какъ я открыто говорю имъ и всему міру, что моя жизнь для нихъ кончилась, что моя жизнь — ты. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ изъ Владиміра я писалъ ему: «Во всю жизнь два человѣка на меня сильно дѣйствовали: это ты и она; больше нѣтъ ничьего вліянія на меня. Но и сотой доли ты не сдѣлалъ того, что она.

...Eine weisse Taube
Wird fliegen..
. . . . . .
Durch eine zarte Jungfrau wird er sich
Verherrlichen, denn er ist der Allmächtige! [1])

Передъ ея силой и высотой я склонилъ свою гордую голову; когда-нибудь ты прочтешь ея письма, — и ты склонишь голову». Какое пространство между сухой мыслью о любви, брошенной въ 33 году, и этой яркой любовью въ 1838! Я думаю, ты поймешь эти стихи изъ «Іоганны», они очень просты.

Съ маменькой пришлю я тебѣ начало моей біографіи; какъ прочтешь, возврати съ Егоромъ Ивановичемъ. Тебѣ понравится предисловіе и VI глава подъ заглавіемъ «Пропилеи». Остальное шалость, но я не уничтожу: это заставляетъ меня въ грустныя минуты улыбаться. Я виноватъ, что не посылаю «Симпатіи»; ей Богу, такъ ненавижу переписывать, что все день за день откладываю. Когда будетъ досугъ, спиши мнѣ «22 октября 1817» — у меня нѣтъ. Пришлю тебѣ еще трагедіи Шиллера, — работай надъ нѣмецкимъ языкомъ. Ты увидишь изъ «Пропилей», что̀ былъ для меня Шиллеръ. Заглавіе мое вотъ почему: передъ входомъ въ аѳинскій Акрополисъ былъ сдѣланъ торжественный входъ, черезъ него народъ-*царь*, народъ-юноша входилъ въ свой дворецъ, — это-то былъ Про-

[1]) «Взовьется голубица... Творецъ земли себя въ смиренной дѣвѣ явитъ землѣ — зане Онъ всемогущій!» Шиллеръ «Орлеанская дѣва» (Пер. В. Жуковскаго).

пилей. У меня такъ названо вступленіе въ юношество. Мой Акрополисъ изящный, какъ аѳинскій, такой же вольный, такой же языческій. Будетъ и путь къ святымъ мѣстамъ, будетъ Сіонъ и Святая Дѣва,—это во второй части.

20-е.

Есть у меня еще повѣсть, но ее боюсь тебѣ послать; мрачна, какъ черная ночь [1]). Перечитывая сегодня, я самъ содрогнулся. Привезу самъ, а то мрачнаго и безъ того довольно, да еще надобно поисправить. Перечитывалъ твои письма второй половины 37-го года. Вотъ это ужасное письмо, полученное 14 ноября! Боже, что я перестрадалъ въ тотъ день! «Униженіе и смерть безъ меня»—вотъ двѣ мысли, около которыхъ собралась истерзанная душа. Какъ я тогда плакалъ! Скворцовъ, испуганный, бросился къ Эрну. Я былъ въ аптекѣ, заставилъ Полину пѣть, а та не могла духа переводить; блѣдный, какъ полотно, сидѣлъ я на стулѣ, и горячія слезы лились. Въ комнатѣ было жарко, я дрожалъ отъ холода. Когда пріѣхалъ Эрнъ, я захохоталъ, сжалъ ему руку и сказалъ, что я жду отъ пап. приглашенія быть шаферомъ на твоей свадьбѣ. Эрнъ содрогнулся, у него и у Скворцова показались слезы. Я началъ пѣть французскій водевиль,—это было въ родѣ предисловія къ сумасшествію. «У него завтра горячка»,—сказалъ Эрнъ.—«Ежели...», началъ Скворцовъ—я понялъ его, обратился къ Полинѣ и сказалъ: «А, какъ хотите, горько покидать жизнь». Потомъ воротился я домой, легъ на диванъ и уснулъ; проснулся больной до невозможности, грудь болѣла, голова была въ огнѣ... А тутъ твое письмо, которое успокоило меня,—я полетѣлъ къ Полинѣ. Но физическая часть отстала, двѣ недѣли я былъ боленъ послѣ этого, и, выздоравливая, первую вѣсть, которую получилъ, былъ переводъ во Владиміръ. Этотъ день много очистилъ мою душу, много возвысилъ меня. Нѣтъ, ты напрасно упрекаешь себя, что написала все это. *Дурно сдѣлаешь*, ежели скроешь что-нибудь,—все пополамъ. Развѣ я скрывалъ свои минуты грусти? А предложеніе Эрна, Скворцова! одно слово,—и они полетѣли бы въ Москву. Но что бы сдѣлали? Откуда ты берешь надежды на пап., не постигаю; теперь поближе началъ я разглядывать и понялъ, какъ онъ будетъ дѣйствовать. Что-то онъ на мое прошлое письмо?

21-е.

Сегодня ночью я очень много думалъ о будущемъ. Мы должны соединиться, и очень скоро, я даю сроку годъ. Нечего на нихъ смотрѣть. Я обдумалъ цѣлый планъ, все вычислилъ, но не скажу

[1]) Неизвѣстно, о чемъ говоритъ Герценъ.

ни слова—въ этомъ отношеніи отъ тебя требуется одно слѣпое повиновеніе.

Маменька пріѣхала. Твои письма, едва прочтенныя, лежатъ передо мною, а я мраченъ, черенъ, какъ рѣдко бывалъ и въ Вяткѣ. Да, завѣса разодрана, встъ она—истина нагая, безобразная. Наташа, ради Бога, я умоляю тебя, не пиши ни слова противъ слѣдующихъ словъ: ты должна быть моя, какъ только меня освободятъ. Какъ?—все равно. Найдется же изъ всѣхъ служителей церкви одинъ служитель Христа. Но ни слова противъ; Наташа, ангелъ, скажи *да*, отдайся совершенно на мою волю. Видишь ли, ангелъ мой, я ужъ не могу быть въ разлукѣ съ тобою, *меня любовь полотила*, у меня ужъ, кромѣ тебя, никого нѣтъ. Ты писала прошлый разъ, что жертвуешь для меня небомъ и землею. Я жертвую *однимъ небомъ*. Слезы на глазахъ... никого, никого... ты только. Но ты имѣешь надо мной ужасную власть, ты меня отговоришь, и я буду страдать, буду мраченъ, буду, какъ ты не любишь меня. Ежели скажешь *да*, я буду обдумывать, это будетъ моя игрушка, мое утѣшенье, не отнимай у изгнанника. Все противъ меня. Это прелестно: нагъ, бѣденъ, одинокъ, выйду я съ своей любовью... День, два счастья полнаго, гармоническаго... А тамъ—два гроба! Два розовые гроба. Я не хочу перечитывать писемъ—послѣ; только зачѣмъ ты такъ хлопочешь объ ушибѣ—душа размозжена хуже черепа. Фу, какимъ морозомъ вѣетъ отъ этого старика, которому мой ангелъ, моя Наташа, цѣлуетъ съ такимъ жаромъ руку. Ты находишь прелесть въ этой подписи: Наташа Герценъ; а вѣдь онъ не Герценъ,—Герценъ прошедшаго не имѣетъ. Герценовъ только двое: Наталія и Александръ, да надъ ними благословеніе Бога. Знаешь ли ты, что Сережа [1]) говорилъ о тебѣ, что ты безумная, что ты не должна ждать лучшаго жениха, какъ дуракъ тотъ; что ты *не имѣешь* права такъ разбирать, а его сестры имѣютъ? Отъ сей минуты я вытолкнулъ этого человѣка изъ сердца,—онъ смѣетъ называть меня братомъ,—въ толпу, тварь, въ толпу, куда ты выставилъ голову, въ грязь—топись! Ангелы не знаютъ этого ужаснаго чувства, которое называютъ месть, а я знаю, стало быть, я хитрѣе ангеловъ.

Наташа, божество мое, нѣтъ, мало... Христосъ мой, дай руку, слушай: никто такъ не былъ любимъ, какъ ты. Всей этой вулканической душой, мечтательной, я полюбилъ тебя,—этого мало: я любилъ славу—бросилъ и эту любовь прибавилъ, я любилъ друзей—и это тебѣ, я любилъ... ну, люблю тебя одну, и ты должна

[1]) Сергѣй Львовичъ Львовъ-Львицкій.

быть моя, и скоро, потому что я сиротою безъ тебя. Ахъ, жаль мнѣ маменьку. Ну, пусть она представитъ себѣ, что я умеръ. Я плачу, Наташа... Ахъ, кабы я могъ спрятать мою голову на твоей груди. Ну, посмотримъ другъ на друга долго. Да не пиши, пожалуйста, возраженій, ты понимаешь чего. Дай мнѣ окрѣпнуть въ этой мысли. Прощай. Ты сгоришь отъ моей любви: это огонь, одинъ огонь.

Твой *Александръ*.

22-е. Маменька здѣсь. Я мраченъ, какъ ночь. Къ этому письму есть вторая страница,—не знаю, пошлю ли, только не теперь. Прощай. Мам. и Пр. Андр. [1]) кланяются.

179. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

23 января (1838).

Вотъ другая половина письма; я, было, не хотѣлъ послать, но посылаю. Намъ необходимо въ Москвѣ первый разъ видѣться тайно. Ежели хочешь, я даже заѣду къ Emilie, прежде пап.—она неужели не найдетъ помощи[1]—останусь въ трактирѣ на два дня,—все, все, только ты найди случай. Развѣ я не къ тебѣ ѣду въ Москву? Что мнѣ Москва, земной шаръ, вселенная безъ тебя? А, можетъ, меня и не пустятъ. Тогда Загорье. Да ты дурно пишешь о дорогѣ: три версты—село Покровское, а куда три версты? Вѣдь, я не изъ Москвы поѣду. Узнай подробнѣе всѣ большія дороги и большія селенія. Свиданье—это, первое. Потомъ я предложу *имъ* согласиться и оставляю ихъ, ежели они не согласятся. Это рѣшено. Ты со мною, гдѣ бы я ни былъ, остальное уладить немудрено. Когда я выслушалъ подробности московскія [2]), у меня потемнѣло въ глазахъ. Грудь болитъ до сихъ поръ отъ чувства ужаснаго. Что-то напишетъ пап. въ письмѣ обо всемъ этомъ? Наташа, твоя небесная кротость можетъ только переносить и прощать, я не умѣю ни того, ни другого. Ахъ, теперь-то я чувствую всю необходимость воли, я изстрадаюсь весь, мгла покрываетъ всякое дѣйствіе, и я не могу даже для шутки быть веселымъ. Пора, очень пора... Обдумай же свиданье въ Москвѣ, скажи Emilie, что ея братъ Александръ умоляетъ помощи. Въ половинѣ февраля долженъ быть отвѣтъ изъ Петерб. Къ пап. безъ

[1]) Эрнъ, съ которой Луиза Ивановна поѣхала во Владиміръ.
[2]) Отъ матери.

необходимости я ничего не напишу, къ кн. не буду больше писать. Молчаніе! Христосъ молчалъ передъ Иродомъ, изъ чувства собственной высоты молчалъ Онъ. Прощай,—все въ головѣ перепутано, несвязно. Прощай, ангелъ.

24 января.

Не воображай, что изъ *этого* выйдетъ у меня полный разрывъ съ пап., совсѣмъ нѣтъ: передъ необходимостью онъ уступитъ, а необходимость будетъ очевидна, когда они узнаютъ на другой день послѣ вѣнчанія. Но въ Москвѣ я не останусь ни подъ какимъ видомъ, уѣду съ тобою въ Петербургъ. Какъ несбыточно намъ казалось все это, и какъ легко сбудется; я даю срокъ до весны 1839 года, но чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ты получишь отъ мам. «Симпатію», да не читай ее звѣрямъ. «I Maestri»—мой экземпляръ, а тотъ оставь у Кетчера и двѣ книжки Шиллера.

25-го.

Оно ужасно, я не говорю ни слова, ужасно отъ сына, который нанесъ столько горестей, что онъ готовитъ еще новыя,—но развѣ, въ сущности, тутъ есть причина горевать? Развѣ за слезу, пролитую 20 іюля 1834, за попеченія съ тѣхъ поръ, я обязанъ платить жизнью, душою? Будь увѣрена, я все сдѣлаю, на колѣняхъ, въ униженьи я буду умолять. Но ежели и тогда отказъ, это—выше моихъ силъ. Слишкомъ обширно блаженство, которымъ я долженъ пожертвовать, *и для чего?* Я могъ бы быть самоотверженнымъ, спасая жизнь, честь чью-нибудь, ну, ежели бы отъ этого зависѣлъ ихъ кусокъ хлѣба, выздоровленіе... А то уступи капризу. Но, можетъ, онъ склонится. Дай Богъ, дай Богъ,—въ этомъ случаѣ у него сынъ и дочь, въ противномъ—ни сына, ни дочери. А ужъ какъ это все щемитъ и душитъ! Правду говорила ты, что удаленіе имѣетъ въ себѣ grandioso, а Арбатъ и Поварская пошлы.

Вчера получилъ изъ Вятки барку писемъ. 21 января была свадьба Скворцова; итакъ, Полина—m-me Полина. Счастье имъ, счастье—они стоятъ. Витбергъ—все Витбергъ: высокъ, хорошъ; цѣлое письмо—и ни строки *о дѣлахъ*. Чувства и мысли... быть юношей въ 50 лѣтъ прелестно. Но главное письмо не отъ нихъ. Отъ Мед. я ждалъ съ нетерпѣніемъ,—дождался. Ну, слава Богу, она свою любовь какъ-то начинаетъ прилаживать въ сестринскую, это прекрасный знакъ. Много души въ ея письмѣ,—буду ей отвѣчать, какъ искренній братъ. Ея выздоровленіе много утѣшитъ меня. Буду ей писать и о тебѣ, только не въ первомъ письмѣ. Вотъ начало ея письма:

«Братъ! послѣ жестокаго пароксизма больному возвращаются силы медленно, но Господь милосердъ; Онъ не земной судья, кото-

рый ищетъ погибели преступнику, Онъ изливаетъ благодать на раскаявшагося грѣшника и радуется даже позднему раскаянію. Прости мнѣ, Господи, я познаю тебя поздно. Братъ, прости и ты меня, я много, много виновна предъ тобою. Клянусь, раскаянье мое чистосердечно, постъ и молитва смоютъ пятно на душѣ, я сдѣлаюсь достойна имени твоей сестры». — Итакъ, она молится; ну, ежели, Наташа, моя встрѣча съ нею вмѣсто вреда принесетъ ей пользу? Она въ первый разъ видитъ сильнаго человѣка. Какъ бы я былъ счастливъ! Дай ей, Господь, силы. Онъ дастъ ихъ, — ты, ангелъ, молишься объ ней.

Прощай, моя милая, прелестная подруга.

Твой *Александръ.*[2]

◆◆ **1.** Н. А — на писала, что Э. М. Аксбергъ не на что сдѣлать необходимаго приданаго. Говоря объ Emilie, Герценъ вспомнилъ это.

2. Н. А — на отвѣчала: «Я въ восхищеніи отъ Мед. О, дай Богъ, чтобъ она была покойна, дай Богъ! Я пламенно желаю этого и искренно молюсь о ней. Мы ей самые близкіе родные, пусть она требуетъ всего, что въ нашихъ силахъ. Потомъ и я буду писать къ ней. Очень, очень можетъ быть, что твоя встрѣча принесетъ ей счастье и спасеніе» (стр. 444).

180. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

27 января 1838.
Владиміръ.

Получилъ твое письмо отъ 21-го. Отчего ты еще не получила моего письма отъ 18-го? Не знаю, я писалъ всякій день, стало, замѣтно, ежели письма нѣтъ. Ну, придумала ли ты съ Emilie наше свиданіе? Жду отвѣта. Знаешь ли, кто намъ подаетъ руку помощи? Прасковья Андреевна собирается говорить, но это тайна, никто не долженъ знать, ни даже мам. Тогда узнаемъ, какъ намъ дѣйствовать. Я правъ, совершенно правъ, — вотъ отвѣтъ отъ пап. на письмо, о которомъ писалъ я тебѣ. Что же, нарочно не хочетъ понимать, да — главное, тутъ во всемъ нѣтъ ничего *противъ него*, мы не должны дѣлать много уступокъ. О, какъ я былъ правъ, говоря, что *несчастіе* ждетъ ту, которая соединитъ свою судьбу съ моею. Счастье, — да на что его, когда есть любовь, блаженство!

Это письмо ѣдетъ съ мам.; она тебѣ доставитъ «Симпатію», «I Maestri», «Донъ-Карлоса» Шиллерова. Ежели ты поймешь, то въ этой пьесѣ найдешь много. Любовь несчастная, любовь пасынка къ мачихѣ, и любовь чистая, какъ только могла она выходить изъ чистой груди Шиллера. И дружба — маркизъ Поза. Но тебѣ не позволяютъ читать — такъ брось. Придетъ время, прочтешь. Теперь передъ тобою развернута поэма моей любви, и ту нельзя запретить читать. Перестала ли ты горевать о моемъ ушибѣ? Вотъ тебѣ еще анекдотъ: тутъ ясно, что ангелъ-хранитель бережетъ для Наташи Александра. Когда Зонненбергъ былъ въ Вяткѣ, отправился я съ нимъ и съ Сипягинымъ [1]) на охоту. Шли топью, безпрестанно поскользаясь, Сипягинъ передо мною, ружье на плечѣ; вдругъ онъ оступился. Я почувствовалъ что-то горячее возлѣ щеки, потомъ чрезвычайно громкій выстрѣлъ; не могутъ догадаться. Смотрю, Сипягинъ блѣдный, какъ полотно, спрашиваетъ меня: «Ничего?»... Я спросилъ его: «Да въ чемъ дѣло?» Вотъ въ чемъ: падая, ружье зацѣпило за сучекъ и, обращенное дуломъ ко мнѣ, выстрѣлило. Зарядъ пролетѣлъ въ какихъ-нибудь пяти-шести вершкахъ отъ меня. Понимаешь ли ты, что въ такихъ опасностяхъ есть своего рода высокое наслажденіе? Оттого-то я трусовъ больше ненавижу, нежели преступниковъ. Никогда вѣра въ Провидѣніе не бываетъ ярче, какъ въ эти минуты. Взгляни, какъ жалки люди, которые берегутъ себя: они готовы отрѣзать всякое наслажденіе, чтобъ только продлить свое существованіе. — До тѣхъ поръ, пока я тебя не увижу, я не погибну, въ это я вѣрю такъ, какъ въ Бога, ибо до тѣхъ поръ моя земная жизнь не совершена. Вѣрь и ты, и не бойся за меня ничего. Ну, прощай, мой ангелъ, писать много теперь не могу; для того, чтобъ писать къ тебѣ, я долженъ засѣсть одинъ — и кругомъ, чтобъ была тишина.

Я съ удивленіемъ слушалъ, какъ мам. разсказывала о симпатіи, которую мнѣ изъявляли люди, вовсе посторонніе послѣ моего отъѣзда; какъ добивались увидѣть мой портретъ, прочесть статьи, какъ вымаливали экземпляръ «Рѣчи», наконецъ, какъ у Левашовой [2]) на вечерѣ читали Жуковскому «I Maestri», а Кетчеръ объяснилъ, *кто* ангелъ. Право, я удивился; это награда за теплую вѣру въ человѣчество, за открытое объятіе всякой симпатіи. Представь себѣ, что даже просили вылитографировать мой портретъ. Ужъ это, ангелъ мой, не съ тѣхъ ли поръ, какъ я отказался отъ славы, она начинаетъ заигрывать со мной, какъ кокетка, которая пренебре-

[1]) ?

[2]) Екатерина Гавриловна.

гаетъ, покуда за нею ухаживаютъ, и ухаживаетъ, когда ею пренебрегаютъ. Стало, стоитъ продолжать презирать ее.—Я всѣ малѣйшія подробности разспрашивалъ о тебѣ, мнѣ было пріятно слышать твое имя. О, Наташа! Что же, неужели никакой нѣтъ возможности имѣть мнѣ твой портретъ? Пусть Emilie умоляетъ княгиню, какъ милость, пусть скажетъ, что у нея есть знакомый, и пошлетъ за глухонѣмымъ, онъ сухими красками превосходно рисуетъ — что бы ни стоило, все равно. Устрой, ежели есть малѣйшая возможность. Только, чтобъ дѣлалъ артистъ, хоть нескоро,—ну, какъ она замужъ выйдетъ? Я былъ сегодня въ монастырѣ, въ которомъ погребенъ былъ Александръ Невскій, и что же? Мнѣ вдругъ такъ ясно представилось, что подъ этими сводами, подъ которыми стоялъ святой князь, передъ этимъ чернымъ иконостасомъ, стою я и ты,—живоживо. Вотъ священникъ въ облаченіи надѣваетъ кольца, вотъ мы взглянули другъ на друга, и горячая слеза молитвой катится изъ глазъ,—твоя рука въ моей... И я готовъ былъ плакать, и сердце билось. Нѣтъ, нѣтъ, ты должна быть моя, годъ сроку—не больше!

28-ое января.

Письмо твое отъ 25 получилъ. Во всякой строкѣ ты—моя Наташа, отвѣчать не буду, а вотъ тебѣ *мое приказаніе*, и исполни въ точности: 1-е) Я хочу, чтобъ при первомъ удобномъ случаѣ ты оставила домъ княгини,—меня оскорбляютъ униженія, ты имъ не обязана ничѣмъ; ежели Амалія [1]) можетъ тебя взять надолго (о средствахъ и не думай), то при первой ссорѣ объяви прямо, что ты уѣдешь,—они или испугаются, или взбѣсятся; въ первомъ случаѣ предоставляю на твою волю, во второмъ—тотчасъ уѣзжай. Не молчи при обидахъ: вспомни, что я—ты; слѣдств., что обида сдѣлана мнѣ, поставь себя на другую ногу, но впередъ, чтобъ положительно была готова квартира. 2-е) Покуда ты съ Emilie не устроишь нашего свиданья, я не пріѣду; вотъ моя мысль: въ назначенный день Emilie пріѣдетъ за тобою, когда княгиня будетъ спать, ты съ нею пріѣдешь—куда? Гдѣ бы я могъ ждать тебя: ну, у Emilie или индѣ. У княгини не спрашивайся. Тебѣ за это будетъ ужасно много непріятностей,—но ты увидишься со мною. Да, минута блаженства требуетъ жертву. Сверхъ того, не говори княгинѣ, что видѣлась со мною, а выдумай что-нибудь. Ежели непріятности будутъ черезъ мѣру, сейчасъ оставь княгининъ домъ. Но повторяю: прежде не пріѣду, покуда не устроите. Вотъ моя воля. Ты рѣшалась итти въ Вятку,—это легче; обо всемъ думалъ, о бумагахъ,

[1]) Сестра Emilie.

которыя нужно имѣть, и пр. Не мѣшало бы писать къ Ал. Ал., но это мое дѣло. Я тебѣ повторяю: кончено рабство, я не хочу больше, чтобъ ты была въ сумасшедшемъ домѣ,—за слѣдствія отвѣчаю я и моя любовь. Препятствій намъ нѣтъ,—родство ничѣмъ доказать нельзя. Только вмѣстѣ съ выходомъ изъ кн. дома прерви всѣ сношенія съ фамиліей гг. Яковлевыхъ. Твердо, смѣло и съ молитвой на устахъ поступай. Ты пишешь: «меня и въ ту комнату не пустятъ, гдѣ ты будешь»,—такъ, не спрашивая дозволенья, взойди въ нее! Ну, вотъ тебѣ и весь приказъ. Прощай! Деньги есть, но очень немного. Я отдалъ мам. 100 руб. ас.: ежели этого для Emilie достаточно, то пусть возьметъ. Я получилъ недавно предлинное письмо отъ Сатина,—не я брошу въ него камень: еще свѣжа исторія моего паденія.

29.

Прощай, мой ангелъ, маменька отправляется. Слѣдующее письмо будетъ черезъ Эмилію и пошлется во вторникъ, т. е. 1 февраля. До полученія отвѣта изъ Петерб. не предпринимай ничего, а будь готова. Возьми у Эмиліи письмо, которое я ей писалъ; тамъ все объяснено, и причина, по которой я подалъ въ отпускъ. Тутъ и деньги.

Твой *Александръ.*

181. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

30 января 1838.
Владиміръ.

Къ тебѣ, къ тебѣ, мой ангелъ!—дай отдохнуть отъ бури, которая гудѣла все это время въ душѣ моей, дай упиться опять твоей душою, твоей любовью и опять вырвать изъ груди, вмѣсто крика отчаянія, пѣснь любви и восторга. Милый ангелъ, сестра, подруга, посмотри, какъ рѣшительно все въ моей жизни захвачено тобой, отнесено къ тебѣ; положи твою руку на эту грудь,—въ ней все твое, положи на это чело, нѣкогда исполненное гордости,—все твое, все склонилось передъ твоимъ появленіемъ, какъ туманъ передъ солнцемъ! Ежели-бъ, не узнавъ тебя, я былъ брошенъ на другое поприще, ежели-бъ огромные успѣхи увѣнчали меня лаврами,—сказалъ ли бы я: «довольно, я достигъ цѣли желаній»? Нѣтъ; новые замыслы, новыя желанія, раздраженныя еще болѣе исполненіемъ первыхъ. Я былъ бы несчастенъ. А теперь? Я говорю: «Господи,

не отнимай только, больше ничего мнѣ не надо, объ руку съ нею я готовъ сойти съ земли, объ руку съ нею готовъ жить на землѣ». И я счастливъ тобою, и мнѣ больше тебя ничего не нужно.

Какъ хорошо твое письмо отъ 25-го, какъ силенъ размахъ твоихъ крыльевъ, мой ангелъ, какъ люблю я въ твоихъ письмахъ видѣть эту безусловную вѣру въ мою любовь! Наташа..... не слышится ли тебѣ много, много подъ этими точками? вглядись, онѣ живы, онѣ-то должны выразить гораздо больше словъ—нѣмой восторгъ, вздохъ любви и блаженства!

Но одно мѣсто въ твоемъ письмѣ несправедливо. Ты думаешь, что вся Россія, весь міръ долженъ на меня смотрѣть твоими глазами; это ошибка, Наташа, увлеченье. Міръ и люди смотрятъ не на душу развернутую, какъ ты, но на трудъ созданный; они подымаются отъ труда къ душѣ, и талантъ собственно, можетъ, въ томъ и состоитъ, чтобъ элементы души своей отвердить словомъ или искусствомъ, или дѣйствіемъ внѣ себя, и тѣмъ выше талантъ, чѣмъ ближе созданіе идеалу. Какимъ же образомъ ты воображаешь, что мои статьи могутъ сдѣлать вліяніе? Это ребячество: по этимъ статьямъ, какъ по предисловію, могутъ заключить, что изъ писавшаго что-нибудь выйдетъ, не болѣе. Ты знаешь, статьи и любовь—дѣло разное. Тебѣ и стаканъ, присланный изъ казармы [1]), дорогъ, а людямъ онъ ничего.[1] «Легенду» я не упомянулъ, потому что она не можетъ взойти въ біографію, но, по *вашей протекціи*, я ее не оставлю. Жуковскаго отмѣтки не на твоемъ экземплярѣ, а на пап.,—у тебя съ нимъ сходенъ вкусъ: онъ поставилъ черту противъ послѣднихъ словъ. «Легенда» не первая статья послѣ 20 іюля, а «Германскій путешественникъ»; о немъ ты не поминаешь, а я люблю его. Въ немъ выразился первый взглядъ опыта и несчастія, взглядъ, обращенный на нашъ вѣкъ; эта статья, какъ замѣтилъ Сазоновъ, невольно заставляетъ мечтать о будущемъ, и тише, тише... вдругъ прерывается, показывая издали пророчество, — но оставляя полную волю понимать его. Для тебя и для друзей эта статья имѣетъ большую важность, какъ начальный признакъ перелома. Я выписалъ изъ Москвы оставленныя мною двѣ цѣлыя книги писанныхъ разборовъ на сочиненія, которыя я читалъ въ 1833 и 1834 годахъ; съ жадностью перечиталъ я ихъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, это, что я въ 1833 году не былъ такъ глупъ, какъ я предполагалъ; внимательный разборъ тотчасъ показалъ бы всего меня (изъ этихъ тетрадей печатная статья моя «Гофманъ»), не чувства нѣтъ, а есть увлеченье, ослѣпленье нашимъ вѣкомъ. Въ

[1]) Изъ Крутицкихъ казармъ.

«Германскомъ путешественникѣ» обнаруживается уже недовѣріе къ «мудрости вѣка сего», а въ статьѣ «Мысль и откровеніе» эта мысль уже выражена ясно и отчетливо. Замѣть еще, окончаніе «Герм. пут.»—двойное пророчество. Я совсѣмъ не думалъ о любви, когда написалъ слѣдующія строки: «Но что же будетъ далѣе?— Знаете ли вы, чѣмъ кончилъ лордъ Гамильтонъ, проведя цѣлую жизнь въ отыскиваніи идеала изящнаго, между кускомъ мрамора и натянутымъ холстомъ? Тѣмъ, что нашелъ его въ живой ирландкѣ. Вы отвѣчали за меня, сказалъ онъ, уходя съ балкона»... Я не знаю, вникнула ли ты въ эту мысль,—можетъ, и не поняла ее, потому что эта мысль чисто политическая, и отъ нея-то именно Сазоновъ и приходилъ въ восторгъ, ибо она разомъ выражаетъ все разстояніе сухихъ теоретическихъ изысканій права и энергической живой дѣятельности, дѣятельности практической. А между тѣмъ, это—пророчество моей жизни, и со мною сбылось, какъ съ лордомъ Гамильтономъ, и я, долго искавши высокаго и святого, нашелъ все въ тебѣ. Но главное дѣло, что во всѣхъ статьяхъ моихъ моя мысль и фантазія не выражается вполнѣ,—только въ письмахъ къ тебѣ; это существенный недостатокъ, и это-то самое есть доказательство, что я не созданъ быть писателемъ. Итакъ, я отгадалъ, что тебѣ не нравится моя иронія. Она и Шиллеру не понравилась бы и вообще душѣ поэтической, нѣжной и чистой. У людей истинно добродѣтельныхъ ея нѣтъ. Также нѣтъ ея у людей, живущихъ въ эпохи живыя — у апостоловъ, напр.; иронія или отъ холода души (Вольтеръ), или отъ ненависти къ міру и людямъ (Шекспиръ и Байронъ). Это отзывъ на обиду, отвѣтъ на оскорбленіе, но отвѣтъ гордости, а не христіанина. Ну, довольно!

Теперь ты получила мое послѣднее письмо. Я съ трепетомъ жду отвѣта. Прибавить я не могу: все, что я хочу и требую, я написалъ, и это справедливо. Если ты оставишь домъ княгини, то это *единственное* средство сохранить на нѣкоторое время миръ между мною и пап. Я не ты (не сердись опять на эту фразу, ибо здѣсь рѣчь не о душѣ, а о характерѣ), я не могу вынести униженья, все перенесу (и доказалъ уже), но униженья—нѣтъ. Первая обида, которую сдѣлаютъ при мнѣ тебѣ, можетъ повлечь за собою ужаснѣйшія слѣдствія. Далѣе, ежели ты не будешь у княгини, я спокойно буду ждать, зная, что ты не страдаешь, имѣя возможность тебя видѣть. И чѣмъ ты жертвуешь? Тѣмъ, что десять старухъ проклянутъ тебя, *осудятъ*; а ежели ужъ дѣло пошло на *людскія рѣчи*, то ужъ вѣрно, гдѣ бы ты ни была, никогда не можетъ повториться этой безмѣрно подлой исторіи съ женихомъ, про которую тоже могли *говорить*. Наташа, когда я слушалъ подробности,

которыя я самъ нарочно выспрашивалъ, я оледенѣлъ, въ глазахъ потемнѣло, я даже не былъ грустенъ, а кусалъ себѣ губы съ какимъ-то бѣшенствомъ. Но поставь себѣ за твердый законъ: однажды вышедши изъ дома ея сіят., не вступать въ него иначе, какъ со мною. Пусть плачутъ, умоляютъ, дѣлаются больными, — твердость и отказъ. Не выходя, ты можешь еще склониться; вышедши — ни подъ какимъ видомъ.

31 января.

Твое письмо отъ 28. Отвѣтъ на него—вторая половина моего письма, которую ты, вѣрно, того же числа получила. Я имѣлъ причину быть мрачнымъ: оскорбленій я не умѣю переносить, а такихъ ужасныхъ, жгучихъ оскорбленій, кажется, во всю мою жизнь не было. Выслушать подробности всей исторіи сватовства,—да отъ этого можно умереть! Ты скажешь: стань выше, — нельзя, забыть имъ я могу, но для этого надобно, чтобъ все это было прошедшее, чтобъ я былъ съ тобою. Пусть тебя скуютъ въ цѣпи,—я перенесу это легче; но чтобъ съ тобою смѣли обходиться такъ, какъ обходятся, — физически разорвется отъ этого грудь. Ты напрасно въ письмахъ уменьшаешь горечь настоящаго положенія: у меня глазъ зорокъ, я дальше вижу. Ты въ прошломъ письмѣ отклоняешь мой пріѣздъ. Это гораздо лучше всѣхъ подробностей, которыя ты могла бы написать. *Каковы должны быть причины*, которыя могли тебя заставить тебя отклонить исполненіе пламеннаго желанія, цѣли всей жизни? И для чего это? Для чего, когда мы можемъ наслаждаться раемъ, сидѣть «на скотномъ дворѣ», какъ ты сама выразилась? Неужели тебѣ не достанетъ крыши, ежели ты выйдешь изъ дома кн.,—я ручаюсь, что достанетъ. И тогда ты на волѣ, тогда мы будемъ видѣться всегда, тогда никто не осмѣлится располагать твоимъ временемъ. Довольно страданій, довольно испытанія, ты его вынесла, какъ ангелъ; что мои несчастья въ сравненіи съ твоими, мои—одна разлука, остальное вздоръ, который только бросается въ глаза толпѣ своей одеждой мрачной и свирѣпой. До завтра, прощай, милая Наташа.

Перебирая еще разъ все, что я писалъ тебѣ въ прошлыхъ письмахъ, должно сознаться, что, можетъ, я увлекся слишкомъ далеко минутнымъ негодованіемъ. Тебѣ Богъ далъ болѣе спокойную душу, обдумай же сама. Можетъ, и въ самомъ дѣлѣ со стороны пап. нѣтъ столько препятствій; я боюсь не вѣрить твоему внутреннему голосу, ибо твой голосъ—голосъ Бога. Пиши поскорѣе, я мучусь узнать.

Такъ какъ это письмо идетъ новымъ путемъ, то я и не буду писать, не узнавъ, получила ли ты.

Изъ Вятки получаю много писемъ, тамъ цѣлая толпа энтузіастовъ къ твоему Александру; уѣхавши, я для нихъ сдѣлался еще болѣе, какое-то изящество разлилось около воспоминанія обо мнѣ. И посланія ихъ похожи на языкъ влюбленнаго. Въ моемъ присутствіи что-то останавливало ихъ высказывать чувства, а теперь письмами они бросаются мнѣ на шею. Опять симпатія. У Скворцова на свадьбѣ первый тостъ пили за здоровье молодыхъ, второй—за мое. Нѣкоторыя изъ писемъ стоятъ, чтобъ ихъ сохранить для тебя. Ты для нихъ совершенное божество; склоняясь передо мною, какъ же имъ не склоняться передъ той, передъ которой я на колѣняхъ. Бѣляевъ, о которомъ я ни разу не упоминалъ, пишетъ: «Борись съ рокомъ, тебя угнетающимъ, борись и выйди побѣдителемъ. Не забывай Бога, потому что Онъ ниспослалъ тебѣ ангела-хранителя. Но мнѣ досадно, зачѣмъ ты довольствуешься внутреннимъ счастіемъ. Человѣкъ призванъ къ дѣятельности. Для чего же Богъ тебя одарилъ прекрасной душой и блистательными способностями; Богъ спроситъ у тебя отчетъ, какъ ты употребилъ дары Его...» Имъ во мнѣ мечтается un grand homme en herbe [1]), какъ говорятъ французы.

Ну, получила ли ты мою статью о Полинѣ? [2]) Я теперь оканчиваю свою архитектурную мечту «Кристаллизація человѣчества» [3]), эта статья, сверхъ новаго взгляда на зодчество, важна потому, что я основными мыслями ея потрясъ... кого же?—Витберга, и что онъ, зодчій-геній, долженъ былъ уступить мнѣ, юношѣ, не артисту,—я глубже проникъ въ историческую структуру его искусства. Статья эта ему и посвящена. А ты, ангелъ мой, въ прошломъ письмѣ мнѣ сдѣлала реприманду, что я не всѣ статьи посылаю тебѣ. Виноватъ, Наташа, виноватъ, ей Богу, все это проклятая лѣнь переписывать и еще худшая лѣнь оканчивать начатое. Впрочемъ, утѣшься: право, лучше статьи нѣтъ, какъ всякое письмо къ тебѣ.

1-е февраля.

Скоро будетъ отвѣтъ и отъ тебя, и отъ министра. Прощай, мой ангелъ, будь хранима Богомъ. Развязка приближается. Можетъ быть, будущность, исполненная свѣта, ждетъ насъ, можетъ быть, исполненіе всѣхъ пламенныхъ мечтаній, самаго путешествія, ждетъ у порога. Черная исторія съ М.—одна изъ змѣй, наиболѣе сосавшихъ мое сердце, исправляется. Вспомни мою молитву тогда,—

[1]) Будущій великій человѣкъ.
[2]) «Симпатія».
[3]) См. № 186.

послѣ нея все перемѣнилось. М. проситъ меня одного — названія сестры. Вотъ моя рука, что я ей братъ до гроба. Одного боюсь, не обманываетъ ли она себя,—это я узнаю скоро, буду писать къ ней о тебѣ; хорошо, можетъ, было бы, ежели-бъ и ты написала. *До свиданья*, Наташа!

Твой *Александръ.*

◆◆ 1. Узнавъ о томъ, какъ Герценъ думаетъ соединить и связать уже написанныя свои вещи, Н. А—на отвѣчала: «Я думаю, ничего подобнаго не печаталось никогда и не напечатается, потому что Александра моего не было до тебя и послѣ не будетъ... Какъ встрепенется Русь, сколько земли свѣтъ съ нея печатный Александръ, какъ взмахнетъ она крылами, сколько покрововъ спадетъ передъ ея глазами, и тамъ, гдѣ путь его, сколько исцѣленныхъ, воскресшихъ, спасенныхъ... О, Русь, Русь, за что тебѣ такой подарокъ!» (стр. 435).

182. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

5 февраля 1838.
Владиміръ.

Ангелъ мой, моя прелестная подруга, какъ давно я не писалъ тебѣ. У меня гоститъ Кетчеръ, одинъ изъ близкихъ родственниковъ души моей. Отлетѣли эти 4 года мрака, я снова юношей мечталъ, но уже мечта моя не та—она сильнѣе, шире, выше. Кетчеръ первый изъ друзей увидѣлъ меня и говоритъ, что я сталъ лучше, чище, сильнѣе, и говоритъ, все это сдѣлала любовь. Слышишь ли, мой ангелъ?—любовь, ты, Наташа, это сдѣлала. Я ему читалъ нѣсколько писемъ твоихъ и видѣлъ его слезу. Витбергъ тебя назвалъ ангеломъ, онъ не умѣлъ выразить. Представь себѣ мой восторгъ въ эти минуты, Наташа,—ты мнѣ принесла огромное блаженство, я счастливѣйшій человѣкъ. Вотъ и тебѣ доля чистая той симпатіи, которою окружаютъ меня; теперь ты будешь идоломъ, святостью всѣхъ любящихъ меня. Теперь больше, нежели когда, я рѣшился дѣйствовать не отлагая. Я даже думаю, не нужно переѣзжать отъ княгини. Я объяснюсь,—мнѣ откажутъ. А въ продолженіе этого времени у Кетчера будетъ все готово: и храмъ, и священники, и все. Рекомендую Вамъ, Наталья Александровна, Кетчеръ—мой шаферъ. На него вѣра моя безпредѣльна, онъ окончилъ борьбу, которая во мнѣ была, и

заставилъ рѣшиться. Онъ даже брался устроить все здѣсь, скакать въ Москву, привезть тебя; десять, пятнадцать человѣкъ за счастье почтутъ ему въ этомъ помочь. Наташа, ты скоро будешь моя! Ни слова болѣе, что тутъ можно сказать языкомъ.

Княгиня пишетъ, что благодарна мнѣ *за дружбу* къ тебѣ; я не вытерпѣлъ и написалъ пап., что я нисколько не заслуживаю *въ этомъ* сіятельной благодарности. Благодарю за чернильницу: все, все отъ тебя для меня свято,—благодарю за кольцо еще больше. Да, оно вѣчно будетъ у меня на рукѣ и встрѣтится только съ другимъ—обручальнымъ.[1] И за письма—я еще не читалъ ихъ. Кетчеръ черезъ нѣсколько дней доставитъ тебѣ отрывокъ изъ «Тамъ», который будетъ напечатанъ въ «Сынѣ Отечества», и начало біографіи. Вотъ тебѣ на замѣну письма пока: М. нарисовала картину къ твоему рожденью «къ 22 октября». Я пришлю ее тебѣ, когда получу.

6 февраля. Я мелькомъ пробѣжалъ письма свои; это—важнѣйшій документъ нашего развитія и моей жизни; превосходно, что они у тебя сохранились. Безъ нихъ мнѣ почти не было бы возможности продолжать біографію. Тутъ я весь, какъ былъ. Посмотри этотъ ледъ въ первыхъ письмахъ: я содрогнулся, читая записку, въ которой я поздравлялъ тебя въ 1833 году съ рожденьемъ; мнѣ недосугъ было прійти, а что дѣлалъ? и послѣ пусть прочтутъ фантазію [1]). Потомъ я какъ-то *снисходителенъ* съ тобою, *цѣню* твои таланты; изъ казармъ письма принимаютъ жизнь, они съ огнемъ, но это огонь не любви, ты не необходимость мнѣ, я люблю тебя, но хочу ѣхать изъ Москвы куда бы то ни было. Однако, тамъ-сямъ прорывается и другое чувство; въ той фразѣ, въ которой наименѣе можно ждать любви, высказалась она едва ли не въ первый разъ. Чего я боялся твоего замужества, отчего я тебѣ указывалъ на монастырь,—тутъ сверхъ участья есть что-то. Девятое апрѣля было вѣнчанье нашихъ душъ. Но послѣ... вотъ она ужасная эпоха апатіи, лѣни, устали, начало жизни вятской. Я не хочу себя оправдывать, но душа, натянутая 9 мѣсяцевъ, опустилась; я долго съ отвращеніемъ смотрѣлъ на толпу, но свыкся и палъ.

Сейчасъ твое письмо отъ 4-го,—какъ скоро. Скажи Сашѣ, что прежде, нежели ты писала мнѣ, я уже думалъ о ея спасеніи и именно думалъ то, что ты писала. Поклоновъ не слишкомъ много, лучше больше рублей; пусть скажутъ, сколько надобно,—я достану.[2] Впрочемъ, замѣчу, если ты Матвѣя принимаешь *за лакея,* ты очень ошибаешься; я тебѣ могъ бы сказать одинъ анекдотъ про

[1]) См. № 41.

него, въ которомъ онъ поразилъ меня своимъ благородствомъ; ему каплю образованья,—и онъ отличный человѣкъ. Я какъ-то по пріѣздѣ былъ очень веселъ и, шутя, спросилъ у него: «Чего ты хочешь теперь?»—Вы не сдѣлаете того, что я попрошу.—«Что же?» —Нѣтъ, не смѣю просить.—Наконецъ, сказалъ: я желалъ бы знать, что за статья у васъ, гдѣ о Полинѣ,—ее одну я не слыхалъ. Я взялъ ее и прочелъ ему отъ доски до доски, объясняя иностранныя слова. Что же—со слезами бросился онъ ко мнѣ, цѣлуя руку, и сказалъ: «Такъ вотъ онъ ангелъ въ статьѣ о Витбергѣ!»... Что скажешь на это?

Сегодня меня судьба столкнула опять съ несчастнымъ и столкнула на минуту—и можетъ, никогда не увидимся; въ слѣдующій разъ я напишу тебѣ объ ней, можетъ, даже напишу цѣлую статью. Кетчеръ сидитъ у меня и переписываетъ мои статьи, непремѣнно хочетъ взять съ собою, и я ему повелѣлъ доставить тебѣ.[3]

Я удивляюсь, какъ Кетчеръ имѣетъ мало образованности; я думалъ, онъ, по крайней мѣрѣ, скажетъ: «Честь имѣю рекомендоваться и пр.».

Ну, продолженіе о старыхъ письмахъ. Письмо 12 октября 1835, можетъ, лучшее, что когда-либо я писалъ: это огонь, бѣшенство, но это проникнуто такой силой, такимъ огромнымъ размахомъ души. Это письмо могло сжечь тебя, ежели бы въ тебѣ было больше земли; щеки вспыхнули, когда я перечитывалъ его. Всякая острота—молнія, ни одной мысли, и все это кипитъ, вырывается само собою,... взгляни даже на почеркъ. Я почти задохнулся. Но не странно ли: два слѣдующія письма не стоятъ строки того. Любовь рвется, но нѣтъ того полета; нѣтъ того порыва. Нѣтъ, мнѣ ужасно нравится письмо 12 октября: а между тѣмъ, рядъ воспоминаній сталъ возлѣ писемъ; одна апатія могла продиктовать глупую фразу: «она довольно хороша, чтобъ быть героиней маленькаго романа въ Вяткѣ». Какая низость! Чудная эпоха! Я увлекся этой женщиной. *какъ женщиной,* и именно оттого понялъ, что люблю тебя: я былъ увѣренъ въ твоей любви прежде, нежели ты сказала, но эта увѣренность какъ-то принимала судорожный видъ, какъ все бытіе; признаюсь, я не понялъ всей высоты твоихъ писемъ, когда ты писала въ концѣ 35 года. А возможна ли эта глупая оговорка: «тогда склоню голову на твою грудь (ежели эта грудь не будетъ принадлежать другому)». Фу, мерзость какая! и это я писалъ въ концѣ декабря (25) 1835. Глупо, и только объясняетъ мое тогдашнее положеніе. Героиня *маленькаю* романа выросла въ *большое* угрызеніе совѣсти, и я доселѣ не могу дать отчета, какъ это случилось. Ты меня знаешь, Наташа,—всякая мысль, всякій порывъ отъ 1834 тебѣ

извѣстенъ. Ну, какъ могъ я пасть такъ? Любилъ ли я ее? Нѣтъ, это ясно: лучшее доказательство—письмо 12 окт. Но, точно, я сначала былъ неравнодушенъ, она была первая симпатія; я границъ не знаю, мнѣ было весело, что встрѣтилъ созвучіе. Въ это именно время боролась во мнѣ тысяча страстей. Я увидѣлъ въ ней особое вниманіе ко мнѣ. *Жена старика* не имѣетъ почти никогда той святости, которая окружаетъ дѣвушку и женщину. Все это вмѣстѣ съ бездѣйствіемъ завлекало больше и больше. Но не оправданіе же все это мнѣ: такъ могъ бы оправдываться Н. П. Голохвастовъ [1]), а твой Александръ... Нѣтъ, этой раны я не скоро освобожусь. Паденіе низкое, гадкое!

Наташа, теперь отвернись отъ этого несчастнаго человѣка, который ломается въ борьбѣ съ собою, который своими руками разрываетъ сердце, блуждаетъ то въ небѣ, то въ аду,—и взгляни на твои письма. Ты одна и та же съ первой записки до письма, которое я получилъ: все свѣтлая, небесная, спокойная, тотъ «голубь съ бѣлыми крылами, который играетъ въ солнечномъ лучѣ и для котораго нѣтъ выше», какъ ты писала, только пѣснь твоя дѣлается звучнѣе, только взглядъ шире. Я не унижаю себя,—нѣтъ, я тебѣ назначенъ Богомъ, я понимаю, что ты ни въ одной груди не нашла бы той любви, какъ въ моей, и теперь я довольно хладнокровно пишу. Знаешь ли, что еще превосходно въ моихъ письмахъ? это мысль, пришедшая на бумажной фабрикѣ. Вотъ ужъ живѣе, лучше сравнить нельзя моей жизни, какъ эти свирѣпыя колеса, какъ эта безумная струя воды, и въ заключеніе ты—небо въ окошечкѣ, а потомъ ты—*все небо*. Да, до весны 1836, я стоялъ середь колесъ и треска, оглушенный; тутъ я вышелъ, и ты безгрѣшная, святая захватила все. О, ты!

Пришлю письма назадъ съ Ег. Ив., но *не надолю*, а потомъ приду къ «грабителямъ за собственностью»—это превосходно. [4]

Прощай, до свиданья, *Александръ*.

◆◆ **1.** 1 февраля Н. А—на послала Герцену чернильницу съ картиной своей работы и кольцо, подаренное ей два года назадъ Луизой Ивановной.

2. 2 февраля Н. А—на писала: «Теперь моя *просьба* къ тебѣ, Александръ, употреби все на исполненіе ея. Я не могу вздумать, какъ Саша (Вырлина—*М. Л.*) останется здѣсь безъ меня; совѣсть моя не будетъ спокойна, я не въ состояніи буду предаться вполнѣ

[1]) Николай Павловичъ.

блаженству, иначе безчеловѣчность, неблагодарность, потому что другой Саши нѣтъ въ мірѣ (изъ ихъ класса). Она—моя духовная дочь и, сверхъ вліянія моего на нее, у нея есть много своего, Богъ ей далъ много. Тысячи случаевъ, тысячи встрѣчъ доказали ясно, что она моя воспитанница, и ея собственную высоту, а потомъ эта сверхъестественная привязанность ко мнѣ. И за все это я однимъ могу вознаградить ее: не разлучаться съ нею. И она не требуетъ другой награды отъ меня и отъ Бога... Прежде, нежели я перешагну здѣшній порогъ, она должна быть вольная, а это устроить очень легко, вотъ какъ: *найми кого-нибудь сыграть роль жениха.* Я думаю, что Матвѣй способенъ явиться къ княгинѣ, сказать, что онъ ее видалъ давно, хочетъ жениться, наконецъ, просить, сотни поклоновъ, ежели это не поможетъ,—сотни рублей, только съ тѣмъ, чтобы до свадьбы дали отпускную» (стр. 450).

3. Послѣ этого идетъ приписка Н. Х. Кетчера: «Вы пріобрѣли себѣ новаго друга, который нѣкогда сомнѣвался въ васъ; но убѣжденіе послѣ сомнѣнія прочнѣе; ни увѣрять, ни говорить много о дружбѣ я не умѣю. Довольно, я другъ вамъ, и вы не можете не быть мнѣ другомъ, оцѣнивъ такъ хорошо людей, съ которыми хотя я и не выросъ, но сроднился такъ же тѣсно. Всѣ нападки толпы, этихъ пасквилей на человѣчество, хотя и болѣзненны, но ничтожны, и не подавить имъ добра, оно восторжествуетъ! Не видавъ васъ, потому что разъ, въ который я съ вами гдѣ-то встрѣтился, я не называю видѣть, но по нѣсколькимъ строкамъ я понялъ, узналъ васъ. Прощайте, надѣюсь вскорѣ увидѣть васъ съ нимъ не въ этомъ душномъ чистилищѣ. До свиданія».

4. Убѣждая Герцена, при полученіи отпуска свободно прійти къ кн. Хованской, Н. А—на употребила выраженіе: «какъ къ грабителямъ за своею собственностью» (стр. 451).

183. ЕЛЕНА.

(Отрывокъ).

Und das *dort* ist niemals hier! [1])
Schiller.

(А. Е. Скворцову въ память вятской жизни).

I.

Спокойно я мой вѣкъ на камнѣ кончу семъ.
Озеровъ.

Въ небольшомъ домѣ на Поварской жилъ небольшого роста человѣкъ. Онъ жилъ спокойно, тихо, потому что не умиралось. Весь околотокъ любилъ и уважалъ его; когда онъ по обыкновенію приходилъ въ воскресенье къ обѣднѣ, діаконъ ставилъ себѣ за обязанность поклониться ему особенно; когда онъ проходилъ мимо сосѣдней *авошной* лавочки, толстый лавочникъ, удивительнымъ образомъ помѣщавшійся на крошечномъ складномъ стулѣ, мгновенно вставалъ, кланялся и иногда осмѣливался прибавить: «Ивану Сергѣевичу наше низкое почитаніе». А Иванъ Сергѣевичъ съ лицомъ, на которомъ выражалось совершеннѣйшее спокойствіе духа, улыбаясь, принималъ эти знаки доброжелательства. Никто не видывалъ Ивана Сергѣевича печальнымъ, сердитымъ; даже незамѣтно было, чтобъ онъ старѣлся. Онъ являлся на московскихъ улицахъ здоровымъ, довольнымъ, счастливымъ, зимою въ тепломъ сюртукѣ съ потертымъ бобровымъ воротникомъ и съ палкой изъ сахарнаго тростника, лѣтомъ—въ темносинемъ фракѣ и съ тою же палкой.

«Что это Иванъ Сергѣевичъ не женится?» говорила часто сосѣдка его, старая генеральша, страшная охотница до архіерейской службы, постнаго кушанья и чужихъ дѣлъ. «Право, за него можно отдать всякую дѣвушку: ни одного праздника не пропуститъ, чтобъ не быть у обѣдни. Рѣдкость въ наше время такой человѣкъ! Вотъ была бы ему пара Анѳисы Николавны племянница».—«Безъ всякаго сомнѣнія», отвѣчала проживавшая у генеральши вдова бѣднаго чиновника и которая такъ же, какъ и генеральша, не знала ни Ивана Сергѣевича, ни племянницу Анѳисы Николавны. Поступимъ же лучше и познакомимся съ нимъ.

Коллежскій совѣтникъ и ордена св. Анны 2-ой степени кавалеръ, Иванъ Сергѣевичъ Тильковъ принадлежалъ къ числу тѣхъ

[1]) «И то, что *тамъ*,—никогда не здѣсь». *Шиллеръ.*

людей, которые проводятъ цѣлую жизнь съ ясностью осенняго дня и безъ дождя, и безъ солнца. Воспитанный нѣкогда у профессора Дильтея въ маленькомъ домашнемъ пансіонѣ, гдѣ былъ прилежнымъ и благонравнымъ ученикомъ, онъ образованіемъ своимъ стоялъ выше большей части тогдашней молодежи. Сначала его записали въ гвардію; тихій, флегматическій и не очень богатый, онъ не могъ участвовать въ буйной и роскошной жизни своихъ товарищей. Его сдѣлали полковымъ адъютантомъ, и тутъ онъ пріобрѣлъ искреннюю любовь офицеровъ, потому что не ябедничалъ на нихъ полковому командиру и не перемѣнялъ порядокъ дежурства и нарядовъ по первой просьбѣ. Домашнія обстоятельства заставили его перейти въ гражданскую службу и, снявъ свой *невинный мечъ*, онъ принялся за перо. Служивши совѣтникомъ въ какой-то коллегіи, онъ умѣлъ сохранить чистоту совѣсти и чистоту рукъ, читалъ каждую бумагу отъ доски до доски и являлся всякій день въ 9 часовъ утра на службу. Тѣснимый предсѣдателемъ, онъ, не ссорясь, вышелъ въ отставку, взялъ съ собою чинъ коллежскаго совѣтника, орденъ св. Анны 2-ой степени, уваженіе сослуживцевъ и спокойствіе духа человѣка, убѣжденнаго, что не сдѣлалъ ничего злого. Но что же ему было дѣлать дома?—онъ не имѣлъ близкаго человѣка, которому могъ бы передать думу или чувства, волновавшія его душу; но онъ не имѣлъ и этихъ думъ. Все семейство его состояло изъ старухи Устиньи, которая ходила за нимъ, какъ за ребенкомъ, и огромной датской собаки, Плутуса, за которой онъ ходилъ, какъ за сыномъ. Сначала являлась у него мысль, что жизнь его не полна, что нѣтъ никого, кто встрѣтилъ бы его при возвращеніи въ небольшой домикъ, что на Поварской, кто стеръ бы потъ и пыль не только съ лица, но и съ души. Мысль эта занимала его нѣсколько времени; онъ даже намекалъ объ этомъ Устиньѣ, и Устинья совѣтовалась тайкомъ отъ него съ ворожеею, какая будетъ невѣста: трефовая или червонная; но какъ приступить къ такому трудному дѣлу? Между тѣмъ время шло, шло, а Иванъ Сергѣевичъ старѣлся да старѣлся. Потомъ являлась еще другая мысль. У него было душъ сто крестьянъ въ Смоленской губерніи, изъ коихъ пятьдесятъ платили оброкъ, а прочіе, зная нравъ барина, платили только старостѣ за право не давать ни копѣйки помѣщику. Почему-жъ не ѣхать въ свою деревню, не завести хозяйство, не сѣять лозу и клеверъ, не пахать по-голландски нашу русскую землю? И вотъ онъ купилъ всѣ тома «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества». Но какое страшное одиночество! Сверхъ того, и на это надобно было болѣе рѣшимости, нежели у Ивана Сергѣевича было. Что-жъ дѣлать? Остаться холостымъ, въ Москвѣ—это было всего легче,

стоило только продолжать жить. Правда, горькія минуты бываютъ съ человѣкомъ, который думая, до 45 лѣтъ, что̀ изъ себя сдѣлать, увидитъ, наконецъ, что ужъ выборъ невозможенъ и что некуда себя дѣть, а остается доживать свой вѣкъ, пока Богъ грѣхамъ терпитъ. Въ эти горькія минуты, которыя бывали, впрочемъ, очень рѣдко, Иванъ Сергѣевичъ бралъ шляпу, палку изъ сахарнаго тростника и отправлялся или гулять до тѣхъ поръ, пока физическая усталость сдѣлается отдыхомъ моральной, или къ одному изъ двухъ-трехъ знакомыхъ, просиживалъ тамъ нѣсколько часовъ и потомъ преспокойно возвращался домой, гдѣ на лѣстницѣ ожидалъ его Плутусъ, а въ горницѣ—Устинья. Но сутки состоятъ изъ 24 часовъ, и потому за всѣми посѣщеніями, за сномъ, за обѣдомъ остается еще много времени; его Иванъ Сергѣевичъ употреблялъ на приведеніе въ порядокъ своихъ вещей и на чтеніе.

Какая-то египетская стоячесть царила въ его холостой квартирѣ: двадцать лѣтъ стоялъ диванъ, обитый нѣкогда синей бомбой, на одномъ и томъ же мѣстѣ, а передъ нимъ—овальный столъ орѣховаго дерева. Двадцать лѣтъ на его письменномъ столѣ лежала пара старыхъ шведскихъ пистолетовъ съ мѣдными дулами, машинка, которой нельзя чинить перьевъ, колокольчикъ, нѣсколько книгъ и бумагъ; одинъ календарь, возрождаясь ежегодно, опредѣлялъ движеніе времени. Иванъ Сергѣевичъ такъ привыкъ къ порядку, что не могъ видѣть равнодушно какую-либо вещь не на *своемъ* мѣстѣ, то-есть не на томъ, которое принадлежало ей по праву десятилѣтней давности. Рѣдкія посѣщенія немногихъ знакомыхъ, мытье половъ, вставка рамъ разрушали по временамъ этотъ порядокъ и давали ему занятіе. Онъ располагалъ все по старому и, пользуясь случаемъ, перетиралъ пистолеты, отвинчивалъ замки, мазалъ ихъ масломъ и т. д. Когда ничего уже не оставалось приводить въ порядокъ, онъ принимался читать сначала «Московскія Вѣдомости», потомъ книги, которыхъ у него было довольно въ большомъ шкафѣ, близъ письменнаго стола. Онъ откровенно восхищался Расиномъ и Херасковымъ, удивлялся *смѣлой* фразѣ только что появившагося Карамзина и, что удивительно, охотнѣе всего бралъ за какой-нибудь романъ. Сколько разъ перечитывалъ онъ «Manon Lescaut»[1]), «La religieuse»[2]) и другія усопшія повѣствованія объ усопшихъ людяхъ прошлаго вѣка. Впрочемъ, это понятно: романъ нѣкоторымъ образомъ замѣнялъ ему жизнь дѣйствительную.

[1]) «Манонъ Леско»—извѣстный романъ аббата Прево, XVIII вѣка.

[2]) «Монахиня», были романы нѣсколькихъ авторовъ подъ этимъ заглавіемъ.

Такимъ образомъ жилъ Иванъ Сергѣевичъ, готовясь попасть въ тотъ просценіумъ Дантова ада, гдѣ бродитъ толпа душъ, не имѣющихъ мѣста ни въ раю, ни въ преисподней. Пожалѣемъ объ этихъ людяхъ, которые провели жизнь безъ юности, безъ пламенныхъ страстей, безъ дурачествъ, безъ мечтаній о славѣ, любви, дружбѣ. Правда, ихъ жизнь спокойна, но спокойна, какъ кладбище; сколько ни было бы доброты въ нихъ, но эгоизмъ прокрадется подъ конецъ въ сердце. Порицать Ивана Сергѣевича нельзя; отъ природы флегматикъ, онъ былъ встрѣченъ безпорядочными нравами прошлаго столѣтія, когда царило суесвятство и полуатеизмъ Вольтера, ничѣмъ не стѣсняемый прихотливый развратъ вельможъ и низкое рабство ихъ кліентовъ. Въ немъ не было той самобытности, которая выноситъ человѣка надъ толпою, ни той пошлости, которая заставляетъ другого дѣлить съ нею ея сальныя пятна, и потому онъ отстранился отъ людей и могъ бы умереть, не сдѣлавъ ничего добраго, кромѣ благодѣтельныхъ попеченій о Плутусѣ,—словомъ, исчезнуть, «какъ струя дыма въ воздухѣ».

Иначе судила судьба!

Въ послѣдніе годы прошлаго столѣтія, когда Екатерина,—солнце этого полнаго, пышнаго вѣка, согрѣвшее всю Русь материнской любовью, нѣжной женской, склонялось къ западу и садилось въ красныя тучи,—Устинья съ удивленіемъ стала замѣчать, что Ивана Сергѣевича чаще не бываетъ дома, что онъ иногда забываетъ кормить Плутуса и при чаѣ откладывать для нея три кусочка сахара. Желая удостовѣриться въ справедливости своего замѣчанія, она переложила на столѣ пистолеты, и двѣ недѣли прошло прежде, нежели Иванъ Сергѣевичъ замѣтилъ это нарушеніе порядка. «Странно», думала она, качая головою, и не могла догадаться. Наконецъ, Иванъ Сергѣевичъ воротился однажды домой очень поздно, задумчивый, разсѣянный и съ заплаканными глазами. Вслѣдъ за нимъ пріѣхала карета, и въ ней привезли полуторагодового ребенка со всѣмъ дѣтскимъ багажемъ. Рыдая, прощалась съ нимъ какая-то женщина, одѣтая въ черное платье и повязанная бѣлымъ платкомъ, цѣловала руки Ивана Сергѣевича, просила Бога ради не оставлять круглую сироту; потомъ рѣчь шла о какихъ-то похоронахъ, о какой-то свадьбѣ... Устинья ничего не поняла—она же была крѣпка на ухо. Вдова бѣднаго чиновника, жившая у генеральши, на другой день рапортовала ея превосходительству о подъѣзжавшей ночью каретѣ къ дому Ивана Сергѣевича, о томъ, что въ ней пріѣзжала женщина, что дворникъ Ефимычъ спрашивалъ у кучера, чья карета и кто пріѣхалъ, но не могъ ничего узнать, ибо карета была наемная. Когда женщина уѣхала, Иванъ Сергѣевичъ

съ величайшей аккуратностью началъ учреждать люльку, передвинулъ диванъ, который безъ этого обстоятельства могъ бы умереть на своемъ мѣстѣ, и просилъ Устинью ходить за ребенкомъ, какъ можно лучше, а пуще всего—никогда не спрашивать, откуда онъ, кто онъ, зачѣмъ привезенъ. За это онъ обѣщалъ ей двойное жалованье и давно желанную русскую тафту на покрышку вытертаго заячьяго салопа. Иванъ Сергѣевичъ заботился о ребенкѣ, какъ самая нѣжная мать; всякое утро осматривалъ онъ, чисто ли бѣлье, щекоталъ его подбородокъ, благословлялъ его, игралъ съ нимъ; въ день это повторялось нѣсколько разъ, и, какъ бы поздно ни возвращался онъ домой, всегда подходилъ къ люлькѣ поправить одѣяльце, хотя бы оно очень хорошо лежало, и посмотрѣть на него съ любовью. Плутусъ сталъ играть второстепенную роль въ домѣ, но, будучи не человѣкомъ, онъ за это не только не съѣлъ и не задушилъ Анатоля, но, напротивъ, жилъ съ нимъ по-братски. Когда въ гостиной разстилали коверъ на полу и пускали ползать маленькаго Анатоля по правиламъ, извлеченнымъ Иваномъ Сергѣевичемъ изъ «Эмиля», огромный Плутусъ непремѣнно являлся играть. Анатоль теребилъ его за уши, за хвостъ, клалъ ручонку въ его пасть, улыбался ему, цѣловалъ его, и никогда тѣни негодованія не было замѣтно на чрезвычайно важномъ лицѣ Плутуса; онъ лизалъ Анатолю ноги, а пуще всего слизывалъ съ рукъ его остатки молочной каши. Часто прижавшись къ Плутусу, Анатоль засыпалъ, и тогда Плутусъ не дозволялъ до него дотрогиваться даже Устиньѣ, которую уважалъ, какъ мать родную. Несравненно смѣшнѣе было видѣть, какъ нянчился Иванъ Сергѣевичъ съ ребенкомъ. Не бравъ отъ роду маленькаго въ руки, онъ далеко уступалъ въ ловкости Плутусу, и Устинья всякій разъ отнимала Анатоля, который плачевно обращалъ къ ней взоръ. Иванъ Сергѣевичъ радовался, что жизнь его имѣетъ пользу, цѣль, и въ день разъ десять перекладывалъ сдвинутыя Анатолемъ вещи.

II.

E come i gru van cantando lor lai,
Facendo in aer di se lunga riga;
Cosi vid'io venir traendo guai
Ombre portate dalla detta briga... [1]).

Дантѣ, «Dell Inferno» C. V.

Мѣсяцевъ за пять или за шесть передъ тѣмъ, какъ привезли Анатолія къ Ивану Сергѣевичу, онъ всталъ по своему обыкновенію

[1]) «И какъ журавли летятъ, испуская свои крики и образуя собою въ воздухѣ длинную линію, такъ видѣлъ я приближавшіяся съ горестными воплями тѣни, несомыя этимъ вихремъ». Данте, «Адъ», гл. V.

въ 7 часовъ утра, облекся въ халатъ веръ-де-помоваго цвѣта, сшитый изъ платья покойной его матушки, старинной шелковой матеріи, которая не имѣетъ свойства изнашиваться, и закурилъ съ особеннымъ удовольствіемъ съ вечера приготовленную трубку. Плутусъ, зѣвая и потягиваясь, ласкался къ нему; Устинья принесла на маленькомъ подносѣ кофейникъ и чашку. День былъ ясный. Иванъ Сергѣевичъ чувствовалъ себя довольнымъ и счастливымъ; онъ хотѣлъ попользоваться, можетъ, послѣднимъ хорошимъ днемъ въ году и задумалъ итти въ Дворцовый садъ, жалѣя только, что для этого ему надлежало отказаться отъ обоихъ товарищей своихъ прогулокъ: отъ Плутуса и отъ палки изъ сахарнаго тростника. Такъ-то удовольствія человѣческія никогда не обходятся безъ лишеній. Вдругъ кто-то застучался въ дверь. Устинья пошла посмотрѣть и воротилась съ письмомъ въ рукѣ. «Лакей въ богатой ливреѣ принесъ его и ждетъ отвѣта».—«Пусть подождетъ», сказалъ Иванъ Сергѣевичъ съ своимъ удушающимъ спокойствіемъ и началъ наливать кофе въ чашку. Устроивъ свой завтракъ, систематически размочивъ для Плутуса кусокъ бѣлаго хлѣба въ сливкахъ, онъ прочиталъ записку, вышелъ въ переднюю, сказалъ лакею: «Доложи князю, что буду въ назначенное время»—и воротился допивать кофе, бормоча: «Странно, на что я этому повѣсѣ? Ульяна Артамоновна, вычисти-ка хорошенько кафтанъ да приготовь глазетовый камзолъ, тотъ, что надѣвалъ въ Успенье».

Въ небольшомъ кабинетѣ, передъ большимъ письменнымъ столомъ, на вольтеровскихъ креслахъ сидѣлъ молодой человѣкъ лѣтъ 28. Всѣ формы его выражали атлетическую силу тѣла, такъ, какъ всѣ черты лица—порывистую душу. Онъ былъ въ халатѣ, обнаженная грудь подымалась сильно, темные волосы едва виднѣлись изъ-подъ бархатной шапочки. Юное лицо лѣтами было старо жизнію; страсти и перевороты оставили на немъ рѣзкіе слѣды. Протянувъ ноги на мягкую подушку, онъ задумчиво чертилъ перомъ безсвязныя фигуры и несуществующія буквы. Столъ былъ заваленъ бумагами и книгами; смотря на нихъ, трудно было догадаться, что за человѣкъ князь: проекты государственныхъ перемѣнъ, фасады церквей, сельскихъ домовъ, конюшенъ, отчеты изъ деревень, прейсъ-куранты изъ магазиновъ, выписки изъ романовъ и выписки изъ Локка, изъ Монтескье, множество не распечатанныхъ писемъ и нѣсколько начатыхъ отвѣтовъ. Подлѣ лежалъ развернутый томъ Шекспира; казалось, онъ читалъ его недавно. Весь кабинетъ былъ продолженіемъ этого стола или, лучше, столъ былъ сокращеніемъ этого кабинета. На полу стояли превосходныя картины,

иныя въ богатыхъ рамахъ, иныя безъ рамъ, многія обернуты къ стѣнѣ; нѣсколько вазъ красовалось безъ симметріи — одна на окнѣ, другая на мраморной тумбѣ, третья на каминѣ; большіе бронзовые часы Нортона спокойно отдыхали незаведенные, и груда книгъ, большею частью англійскихъ, смиренно лежала на коврѣ, которымъ былъ обитъ весь полъ. Прислонившись къ стѣнѣ, стоялъ заржавѣвшій кухенрейтеръ; черкесскій кинжалъ висѣлъ возлѣ какихъ-то остатковъ астролябіи; наконецъ, бюстъ Сократа со вздернутымъ носомъ и бюстъ кардинала Ришелье съ повислыми щеками смотрѣли другъ на друга, отдѣленные темнымъ мраморнымъ Пріапомъ съ козлиной ногой, съ козлиной бородой и съ сладострастнымъ выраженіемъ.

Вскорѣ князь бросилъ перо, облокотился на обѣ руки и неподвижно вперилъ свой взоръ на висѣвшій передъ его глазами видъ Венеціи. Смотрѣлъ ли онъ на него или нѣтъ, не знаю, но скорѣе нѣтъ, ибо видно было, что онъ чѣмъ-то очень занятъ. Цвѣтъ лица его мѣнялся, и онъ часто проводилъ рукою по лбу, какъ бы желая отогнать думу или стереть воспоминаніе. Тихо отворилась дверь, и взошедшій камердинеръ доложилъ о приходѣ Ивана Сергѣевича. «Проси», сказалъ князь, не перемѣняя положенія, и черезъ минуту взошелъ Иванъ Сергѣевичъ съ своимъ спокойнымъ видомъ, на который князь бросилъ взоръ зависти и упрека.

— Чему обязанъ я, что ваше сіятельство...

— Бога ради, къ сторонѣ эти церемоніи. Мнѣ есть до васъ просьба: вы можете меня облагодѣтельствовать, мнѣ нуженъ благородный человѣкъ, а я знаю васъ, несмотря на то, что мы рѣдко видимся. Вы любили моего отца, онъ много сдѣлалъ для вашего семейства, теперь вы можете воздать сторицею... Не отвѣчайте ничего, невозможнаго я не требую, я не сумасшедшій. Прежде всего вы должны выслушать полную исповѣдь; я буду откровененъ, и ежели тогда вы откажетесь помочь мнѣ, то вы уже рѣшительно не человѣкъ.

Удивленный Иванъ Сергѣевичъ приготовлялся слушать, а князь указалъ ему стулъ съ другой стороны стола, опустилъ глаза и долго искалъ, съ чего начать. Казалось, онъ обдумалъ, какъ и что ему сказать, и именно поэтому растерялся въ ту минуту, когда надлежало говорить.

— Вы знаете, — началъ онъ, — какая блестящая карьера ждала меня по возвращеніи изъ Оксфорда. Императрица любила моего отца, она знала мои способности, она приняла меня милостиво. Я, юноша свѣжій, не зараженный старыми предразсудками, не скованный нелѣпыми формами, я понималъ мысль Великой Екатерины;

я понималъ, что ей надобно человѣка, черезъ котораго разливалась бы святая воля ея, и хотѣлъ сдѣлаться имъ. Потемкинъ— это былъ мой идеалъ; поэтъ въ гордости, поэтъ въ роскоши, исполненный колоссальныхъ идей и женскихъ капризовъ, смѣсь Азіи и Европы, какъ сама Русь; сатрапъ восточный и непокорный вассалъ феодальный,—его жизнь мнѣ представлялась какой-то поэмой міровой, высокой... Горе тому, кто мечталъ о власти,—у него въ душѣ пропасть, которую ничто не можетъ наполнить.— Судьба баловала меня, я видѣлъ начало исполненія моей пламенной мечты, и вдругъ эта ссора... Я долженъ былъ заступиться за честь моего отца: исторія довольно извѣстная. Подлый, обыкновенный человѣкъ изъ толпы заплатилъ клеветой моему отцу, извлекшему его изъ грязи. Я возсталъ. Презрѣнный уступалъ мнѣ въ глаза, нѣсколько разъ предлагалъ мнѣ мириться, но я осыпалъ, душилъ его насмѣшками и колкостями. Онъ былъ силенъ. Императрица повѣрила, что я буйный, неугомонный, дерзкій мальчишка... Нѣтъ, она не повѣрила,—надобно разъ видѣть ее, чтобы знать эту душу небесной благости, это сочувствіе всему сильному и благородному,— но всѣ старики были противъ меня: они ждали отъ меня поклоненія, ждали, чтобъ я являлся въ праздничные дни смотрѣть, какъ ихъ лакеи метутъ полъ въ залѣ, и потомъ слушать пошлые афоризмы объ обязанностяхъ, о службѣ, о поведеніи. Я смѣялся надъ ними, совѣтовалъ лѣчить подагру и, боясь безпокоить, не ѣздилъ къ нимъ ни въ ихъ залы, ни въ ихъ домовыя церкви, ни въ ихъ кабинеты. Коротко, мнѣ приказано ѣхать въ Москву, будто для устройства деревень, со всѣми знаками гнѣва и немилости. Я былъ обиженъ, оскорбленъ, половина мечтаній лопнула, сердце обливалось кровью. Злодѣй этотъ, дуракъ пріѣзжалъ прощаться со мною, увѣрялъ меня съ улыбкой, что ему очень жаль, что я ѣду, хвалилъ, что я принялся за хозяйство, увѣрялъ, что мнѣ въ Москвѣ будетъ весело жить, что онъ бывалъ у моего отца на прекрасной дачѣ, что въ Москвѣ климатъ лучше, что я поправлю здоровье, особенно, нервную раздражительность, которую, вѣроятно, я привезъ изъ сырой Англіи... Доселѣ удивляюсь, какъ я не выбросилъ его въ окно, не растопталъ ногами. Дѣлать было нечего; скрипя зубами, отправился я въ Москву. Но въ Петербургѣ осталось все мое существованіе. Слыхали ли вы о польской генеральшѣ, которой мужъ былъ убитъ послѣ Тарговицкой конфедераціи и котораго семейство призрѣла императрица? Никогда мысль любви не проникала въ мою душу, оледенѣлую отъ самолюбія. Но дочь этой генеральши,—я вамъ ничего не могу сказать, вы не поймете меня,— это ангелъ, это существо выше земныхъ идеаловъ поэта, это су-

щество, которое одно могло бы примирить Тимона съ людьми— святое, высокое...

Онъ замолчалъ; видно было, какъ трудно ему говорить объ этомъ.

— Я не говорилъ ей о любви моей и не зналъ, любилъ ли ее; не знаю, смѣлъ ли любить... Я пріѣхалъ въ Москву. Какъ бѣшеный волкъ, ходилъ я по этимъ пустымъ комнатамъ, перебирая мысли мщенія и отворачиваясь отъ своего безсилія. Надобно было чѣмъ-нибудь заглушить обманутое самолюбіе, наполнить кипящую страсть дѣятельности, и мнѣ ничего не оставалось, кромѣ разврата. Меня окружила толпа *друзей*, и я проводилъ дни и ночи за стаканомъ шампанскаго, въ объятіяхъ развратныхъ женщинъ, за зеленымъ сукномъ. Я тушилъ въ своей душѣ все хорошее, все высокое и радовался успѣху, радовался, что вся Москва говорила о моихъ затѣяхъ, но душа не могла померкнуть такъ скоро. Голосъ сильный кричалъ мнѣ и при понтировкѣ, и въ чаду вакханалій: «опомнись!», и тогда я обращалъ кругомъ себя грустный взоръ, потухавшій отъ разврата, искалъ сочувствія и встрѣчался съ безчувственнымъ взоромъ толпы. Я готовъ былъ броситься на грудь первому человѣку, перелить въ него все мучившее меня; но мнѣ представлялась грудь нимфы, еще не остывшая отъ поцѣлуевъ другого, и я отворачивался съ ужасомъ. Иногда, какъ путеводная звѣзда, какъ блестящій Гесперъ, который такъ вольно купается, играетъ въ океанѣ восточнаго свѣта, являлась мысль любви, но бурныя тучи страстей закрывали ее. Если-бъ я зналъ, что я люблю, что я любимъ, если-бъ... но я не зналъ, а зналъ, что люди обидѣли меня, лишили поприща, и я хотѣлъ мстить имъ, губя себя въ чаду нечистыхъ страстей... Такъ прошло около двухъ лѣтъ. Зачѣмъ природа дала мнѣ столько силъ, что я перенесъ эти два года?! Если-бъ изнуренный, больной я погасъ, гораздо-бъ лучше,— тогда-бъ я погибъ одинъ!.. Я никуда не ѣздилъ, пренебрегая пустымъ кругомъ московской знати, которая тоже воображаетъ, что она что-нибудь значитъ, въ то время, какъ вся дѣятельная сила сосредоточена тамъ, у трона, тамъ, гдѣ мнѣ нельзя было быть, откуда меня вытолкнули. Не знаю, какъ одинъ изъ пріятелей затащилъ меня на вечеръ къ своей бабушкѣ, чтобъ потѣшить глупостью полупровинціальнаго тона, царившаго въ этомъ домѣ. Меня приняли на колѣняхъ,—разумѣется, не меня, Михаила Петровича, а мое состояніе, мое родство, мою фамилію. Да будетъ проклятъ этотъ день! Тамъ познакомился я съ одной бѣдной дѣвушкой, жившей въ этомъ домѣ, и нашелъ эту душу, которую искалъ, которая поняла меня. Скупая старуха, ея тетка, мучила племянницу; она

была угнетена, жила изъ милости, очень несчастно; мнѣ было ее жаль отъ души. Она со всею довѣренностью юности бросилась въ мои объятія и нашла въ нихъ не спасеніе, а гибель... Тяжело признанье, скорѣй къ концу. Она живетъ у меня въ Порѣчьѣ, и ея же родственникъ помогъ мнѣ погубить несчастную. Вся жизнь этой дѣвушки—любовь ко мнѣ, а я... Но нѣтъ, ей Богу, я не виноватъ!—мой пылкій характеръ, мое сломанное бытіе, я увлекся и опомнился слишкомъ поздно...

Онъ опять остановился,—тяжко было ему. Онъ позвонилъ, и камердинеръ явился въ дверяхъ.—«Бутылку вина и два стакана», сказалъ онъ и, опрокинувъ голову на спинку креселъ, съ видомъ человѣка, котораго угрызаетъ совѣсть, молчалъ. Принесли вино, шампанское заискрилось. Иванъ Сергѣевичъ схлебнулъ и поставилъ передъ собою стаканъ. Князь выпилъ два съ какою-то жадностью и, судорожно улыбаясь, сказалъ: «Вы, вѣрно, думаете теперь, что я хочу женить васъ? Ха-ха-ха!» Иванъ Сергѣевичъ не отвѣчалъ ничего и прямо смотрѣлъ въ глаза князя. Князь не выдержалъ и, покраснѣвъ, потупилъ глаза.

— Да, на чемъ же я остановился?—продолжалъ онъ послѣ минутнаго молчанія.—Ну, довольно сказать, государыня пріѣхала въ Москву, небесная доброта простила меня, мнѣ снова разрѣшили пріѣздъ ко двору. Вмѣстѣ съ государыней пріѣхала и генеральша съ дочерью. Одинъ ея взглядъ рѣшилъ мою судьбу. Та—земля, страсть человѣческая, это—небо, страсть божественная; нѣтъ, не страсть, страсть—что-то низкое. И я любимъ ею, и черезъ мѣсяцъ или два я мужъ ея! А Елена... Боже, неужели эта душа должна погибнуть?.. Мнѣ слѣдовало бы сказать ей, но это все равно, что подать стаканъ яду,—а, должно быть, страшно угрызаетъ совѣсть убійцу. Двадцать разъ я рѣшался намекнуть ей, показать холодность, приготовить, но нѣтъ, нѣтъ возможности, нѣтъ силъ, и я играю роль низкую, подлую, повинуясь какому-то гибельному року. Это заколдованный кругъ, изъ котораго не могу выйти; душа судорожно силится разрушить его, не можетъ и, утомленная, влечется въ эту пропасть, на днѣ которой чудовище съ укоризненнымъ взглядомъ. Я думалъ перестать къ ней ѣздить,—опять нельзя. Дня три пройдетъ, и она пишетъ мнѣ письмо, и каждое слово такъ полно любви, такъ клеймитъ меня позоромъ, что мнѣ ничего не остается дѣлать, какъ ѣхать, тѣмъ болѣе, что она догадывается, да и какъ не догадаться взору любви! Иванъ Сергѣевичъ, спасите ее, Бога ради, спасите ее и... малютку! Какъ и что,—я вамъ объясню; ничего отъ васъ не требую, кромѣ доброй воли, кромѣ попеченій объ ней, когда она узнаетъ. При отъѣздѣ я вамъ вручу

ломбардные билеты,—только Бога ради не откажитесь. Теперь, какъ только смеркнется, я поѣду съ вами къ ней въ Порѣчье.

Гордый князь смотрѣлъ на Ивана Сергѣевича просящимъ, умоляющимъ взоромъ. Старикъ, въ первый разъ попавшій съ поверхности жизни въ ея клокочущія глубины, былъ тронутъ; лицо его отвѣчало ясно, онъ подалъ князю руку, но въ то же время думалъ: «Вотъ куда ведутъ необузданныя страсти». И князь, уничтоженный въ другой разъ передъ человѣкомъ, котораго онъ подавилъ бы при всякомъ другомъ обстоятельствѣ, угадывая мысль его, сказалъ, глубоко вздохнувши.

— Старикъ, въ твоей груди ничего не билось, не кипѣло подобнаго; твоя жизнь шла, какъ скучные туры бостона; но вспомни, что не у всѣхъ въ жилахъ рыбья кровь, что жизнь иного идетъ, какъ талія бѣшенаго штоса.

Между тѣмъ темнѣло. Камердинеръ подалъ свѣчи, и князь, какъ бы проснувшись отъ сна, поднялъ голову и, щуря глаза отъ свѣта, сказалъ: «Тройку гнѣдыхъ въ линейку, и чтобъ ѣхалъ Сенька!» Иванъ Сергѣевичъ молчалъ. Князь вскочилъ и началъ ходить въ сильномъ волненіи.

— Фу, какъ я гадокъ, низокъ въ собственныхъ глазахъ!— говорилъ онъ, терзаемый жестокимъ чувствомъ сознанія. И я мечталъ о славѣ! Но виноватъ ли я, что вмѣсто крови мнѣ влили огонь въ жилы? Не виноватъ?.. Я погибающій искалъ спасителя, она явилась мнѣ съ любовью, съ состраданіемъ, и я полюбилъ ее... Что вы скажете о человѣкѣ, который откуситъ руку, подающую ему милостыню? Что? Слова нѣтъ, какъ его назвать, потому что тутъ физическая боль, тутъ кровь, тутъ улика. Но искусай, убей нравственно душу благодѣтеля,—и уголовная палата предастъ волѣ божіей случай его смерти и тебя освободитъ отъ суда и слѣдствія... Кто это сказалъ, что отъ поцѣлуя любви ложной, отъ обманутой женщины до ножа убійцы одинъ шагъ? Кто? А, можетъ быть, никто и не говорилъ, но всякій могъ бы сказать, потому что это правда!.. А это невинное созданіе, которое не будетъ имѣть ни отца, ни матери... Пуще всего, чтобъ онъ никогда не зналъ, кто его отецъ, никогда! я возьму съ васъ присягу. Проклятіе сына ужасно: его нельзя вынести человѣку... Но къ чему всѣ эти осторожности? Развѣ проклятіе посылается по почтѣ и ему нуженъ адресъ? Глупецъ?.. О, какъ торжествуетъ теперь эта толпа, подстрекнувшая меня, сгладившая мнѣ дорогу пасть и увлечь за собою существо, рожденное для блаженства, для счастья! Она воображаетъ, что стянула меня въ свою удушливую сферу. Нѣтъ, любезные, ошиблись! Я палъ, глубоко палъ въ эту пучину, въ ко-

торой вы сидите съ головою, но я все выше васъ, хотя и истерзанъ и преступенъ... Вотъ забавно — они виноваты, а я правъ! Они виноваты, указавши мнѣ прелестный цвѣтокъ, а я, сорвавшій его, для того, чтобъ упиться на минуту его благоуханіемъ, я правъ. Будто цѣль жизни этого цвѣтка — разсѣять мою тоску, мою обиженную гордость. Самолюбіе, проклятое самолюбіе — вотъ гдѣ начало всѣхъ гнусностей, а я виню ихъ. Смѣхъ, ей-Богу смѣхъ! Скоты эти сами не знаютъ, что дѣлаютъ; имъ достался стебелекъ отъ плода познанія, а я могу ли извиняться тѣмъ же? Я знаю, что я долженъ казаться вамъ теперь ужасно гнуснымъ, преступнымъ, а я понимаю, что душа не пала, я готовъ все, все сдѣлать, чтобъ поправить, все возможное!

— Князь, — сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, — объ этомъ надобно было думать прежде. Вы правы, я не испыталъ ничего подобнаго и благодарю за это Бога. Теперь дѣлать нечего, прошедшаго не воротишь, поищемъ средства поправить.

— Ѣдемъ, пора! — сказалъ князь, еще разъ уничтоженный спокойствіемъ и чистотою Ивана Сергѣевича.

Верстахъ въ десяти отъ Москвы была одна изъ тѣхъ пышныхъ дачъ, куда встарь ѣздили наши бояре villegiare [1]), гдѣ они давали праздники для цѣлаго города, гдѣ знакомый и незнакомый находилъ привѣтъ и угощеніе. Нынче эти дачи опустѣли, и юноши, ходя по лабиринту гостиныхъ, кабинетовъ, будуаровъ, съ гордостью смотрятъ на треснувшія стѣны, на картины, исцарапанныя штыками французовъ, на чернѣющую позолоту, на дождевыя струи, просасывающія потолокъ, какъ на іероглифы падающаго вѣка, расчищающаго имъ мѣсто, и какъ бы съ презрѣніемъ попираютъ полы, на которые едва смѣли ступать ихъ дѣды и отцы. Эта дача принадлежала князю, но князь никогда не давалъ тамъ праздниковъ; она была почти заброшена, но, несмотря на то, знали, что онъ ѣздилъ туда нерѣдко, и зимой и лѣтомъ. Были объ этомъ толки; однакожъ, въ его присутствіи никто не смѣлъ ни намекнуть, ни спросить.

На дворѣ было холодно; осенній вѣтеръ дулъ безпрерывно съ запада, нанося фантастическія тучи съ бѣлыми закраинами и равно препятствуя свѣтить лунѣ, и итти дождю или снѣгу. Наконецъ, онъ оторвалъ ставень одного окна, и слабый свѣтъ, проходившій сквозь зеленую шелковую гардину, освѣтилъ колонну. Если-бъ тогда кто-нибудь сталъ на цоколь колоннады, то увидалъ бы все, происходившее

[1]) Пожить въ деревнѣ.

въ комнатѣ въ щель, не захваченную гардиной. Но въ тѣ времена не было уже людей, пользовавшихся не задернутою занавѣсью, неосторожно свернутой запиской, щелью въ дверяхъ, болтливостью слуги,— людей, очень нужныхъ Бирону и совсѣмъ ненужныхъ Екатеринѣ, и потому никто не выжидалъ паденія ставня, никто не взлѣзъ на цоколь колоннады и не смотрѣлъ въ окно, а стоило бы взглянуть и поэту, и артисту, и великому человѣку съ душою.

Окно это принадлежало небольшому будуару, обитому полосатымъ штофомъ и украшенному всѣми причудами XVIII столѣтія. Тутъ были и каріатиды, поддерживающія огромныя зеркала, и канделябры изъ какихъ-то переплетенныхъ уродовъ, похожихъ съ хвоста на крокодила, а съ головы на собаку, и этажерка съ севрскими и саксонскими чашками, которыя смотрѣлись въ ея зеркальныя стѣнки, и амуръ на колѣнкахъ, точащій стрѣлу о мраморную доску, и ченерентолинъ башмачекъ вмѣсто чернильницы, и фарфоровая пастушка съ корзинкой, и фарфоровый пьяница съ бутылкой, и китайскія блюдечки, и японскія вазы для цвѣтовъ. Между этими бездѣлушками были разбросаны другія бездѣлки, принадлежавшія женщинѣ, говорившія о ея молодости, о нарядахъ, о красотѣ, о юности, о любви. Къ самому окну были придвинуты пяльцы, возлѣ дивана маленькій столикъ, и на немъ брилліантовый браслетъ съ мужскимъ портретомъ и на стѣнѣ портреты того же мужчины въ разныхъ костюмахъ. На одномъ онъ былъ представленъ верхомъ въ черкесской, на другомъ—въ кастильской одеждѣ, на третьемъ—завернутый въ какую-то мантію или тогу à la grecque. На диванѣ лежала женщина лѣтъ 22, прелестная собою. Густые, темные волосы, зачесанные по тогдашнему вверхъ, открывали бѣлое, какъ слоновая кость, чело, темно-голубые глаза горѣли любовью. Просто и роскошно была она одѣта, во всемъ выражалась женщина любящая. Возлѣ нея, на мягкой бархатной подушкѣ лежалъ ребенокъ мѣсяцевъ десяти, и она не спускала съ него глазъ. Она безпрестанно вставала, то становилась на колѣни передъ подушкой и молча смотрѣла на него съ избыткомъ чувства, возможнымъ только матери, то прижимала его къ груди, цѣловала ему ножки, ручки до того, что ребенокъ плакалъ, то пряталась отъ него и приходила въ восторгъ, когда замѣчала, что онъ ее ищетъ, то говорила съ нимъ, кокетничала передъ нимъ и чуть не прыгала отъ радости, когда онъ улыбался. Какъ счастливъ долженъ быть отецъ этого ребенка! Только та мать такъ любитъ дѣтей, которая страстно любила отца ихъ; она въ ребенкѣ продолжаетъ любить его, это—апоѳеозъ самой любви ихъ. Но отецъ этого ребенка не былъ счастливъ.

— Погодите здѣсь,—сказалъ князь Ивану Сергѣевичу, вводя

его въ гостиную, и пошелъ далѣе. Дверь въ будуаръ была полузатворена, и онъ остановился передъ сценою, которую мы сейчасъ видѣли. Князь былъ пораженъ, слезы навернулись на глазахъ, и сильно забилось сердце его. Дверь скрипнула; женщина обернулась, крикъ восторга вырвался изъ груди ея, и въ одно мгновеніе она повисла на шеѣ князя, осыпая поцѣлуями мужественное и гордое лицо его.

— Сегодня я тебя никакъ не ждала. На дворѣ такой холодъ, ты иззябъ!—и она схватила его бѣлую, стройную руку и старалась отогрѣть ее поцѣлуями.—Знаешь ли, что ты ужъ двѣ недѣли не былъ у меня? Но я не сержусь. Дворъ въ Москвѣ: тебѣ много хлопотъ. Ну, что императрица?... Да ты что-то мраченъ? Посмотри, какъ милъ нашъ Анатоль: онъ сегодня цѣлый день не плакалъ, ручонку самъ протягиваетъ...

И она подвела князя къ дивану. Онъ взглянулъ на ребенка и на нее съ какимъ-то состраданіемъ, но всякій могъ бы замѣтить, что въ эту минуту онъ одинъ заслуживалъ состраданія.

— Елена, я пріѣхалъ обрадовать тебя,—сказалъ онъ, стараясь, какъ можно рѣже, встрѣчать ея взоръ.—императрица простила меня, велѣла пріѣхать въ Петербургъ. Душевно жаль, что я рѣшительно не могу взять тебя съ собою, но я скоро опять побываю въ Москву. Будь тверда, душа моя, пиши ко мнѣ обо всемъ, что нужно.

Глаза Елены омрачились; изъ-за словъ князя выглядывало для нея что-то чудовищное, ужасное. И почему онъ говоритъ не такъ, какъ прежде, и почему нельзя ей ѣхать въ Петербургъ, и зачѣмъ же онъ ѣдетъ, если ей нельзя, и что это—писать обо всемъ? будто ей есть о чемъ писать, кромѣ любви,—неужели о своихъ нуждахъ?—какъ будто у ней есть нужды, кромѣ потребности любви. Еще въ прошлый разъ она замѣчала въ немъ что-то необыкновенное, принужденное; зачѣмъ взоръ его задумчиво простирался вдаль, когда она была возлѣ него, когда онъ долженъ былъ окончиться на ея взорѣ?... Ей сдѣлалось страшно, она заплакала.

— О, ради Бога, не плачь!—воскликнулъ князь съ жаромъ, увидавъ ея слезы.—Умоляю тебя, мой ангелъ, моя Елена! Каждая слеза твоя падаетъ растопленнымъ свинцомъ на мое сердце. Не мучь меня, и такъ душа моя разбита, и ты отравляешь минуту радости, которую я ждалъ цѣлые годы. Зачѣмъ подошла ты такъ близко къ моему существованію? На мнѣ проклятіе, я гублю все, приближающееся ко мнѣ. Я, какъ анчаръ, отравляю того, кто вздумаетъ отдохнуть подъ моей сѣнью!

— О, я не раскаиваюсь,—перебила она его. И если, въ самомъ

дѣлѣ, счастье закатилось для меня, воспоминаніе минутъ, въ которыя я полной чашей пила блаженство, выкупитъ всѣ послѣдующія страданія. Я и въ мракѣ буду вспоминать солнце, свѣтившее, грѣвшее меня, но и это недолго...

— Недолго? отчего недолго?—спросилъ князь, и лицо его поблѣднѣло, и онъ судорожно схватилъ опахало, лежавшее на диванѣ, и изломалъ его.

— Оттого, что я умру безъ твоей любви,—отвѣчала Елена.

— О, женщины!—сказалъ князь, отирая потъ, выступившій на лицѣ его.—Ты, вѣрно, думаешь о какой-нибудь соперницѣ? Кто сказалъ тебѣ, что я люблю другую?

— Кто?—прошептала Елена, и горькая улыбка мелькнула на устахъ ея.

— Съ чего ты взяла, что я пересталъ любить тебя? Мнѣ надобна дѣятельность, мнѣ надобна слава, власть, и потому я ѣду. А ты, ты хочешь на прощанье отпустить со мною угрызенія совѣсти, ужасную мысль, что я могу быть твоимъ убійцей, что тѣнь твоя будетъ являться мнѣ, какъ тѣнь Банко Макбету средь пира, средь...

Онъ остановился. «Не такъ говорилъ онъ прежде»,—думала Елена.—«Будто слова лжи могутъ жечь кровь, будто глаза могутъ выражать, чего нѣтъ въ душѣ? Тогда его не манило другое поприще; впрочемъ, вѣдь, и прежде случались съ нимъ минуты грусти и, можетъ быть, я обвиняю его напрасно».

— О, какой же ты чудный, Мишель!—говорила она, подавляя возникшее подозрѣніе.—Успокойся, ради Бога успокойся! Ну, какъ не стыдно?! я вѣдь ребенокъ, болтаю, сама не знаю, что. Тобою овладѣлъ опять злой демонъ, который заставлялъ тебя скрипѣть зубами въ моихъ объятіяхъ тогда, какъ я была все блаженство. Я радовалась, думала, что онъ исчезъ, а вотъ онъ опять явился. Какой онъ гадкій, этотъ демонъ!—прибавила она, цѣлуя князя въ глаза.

Князь сидѣлъ неподвижно въ углу дивана. Елена оперлась локтемъ на его плечо.

— Да что же ты сегодня, какъ египетскій истуканъ, неподвиженъ и вытянутъ? Перестань же сердиться; ну, пусть я виновата—ты знаешь, я сумасшедшая. Перестаньте же, ваше сіятельство, будьте же сколько-нибудь учтивы!

Притворная веселость Елены оживила князя; онъ взглянулъ на нее взоромъ благодарности и снова погрузился въ прежнюю мрачную задумчивость.

— Помнишь ли,—продолжала Елена, ласкаясь къ нему,—помнишь ли, что завтра тринадцатое сентября?

— А что такое тринадцатое сентября?

— О, холодный человѣкъ! онъ не помнитъ! Прекрасно, ему этотъ день ничего не представляетъ! Нѣтъ, мужчина никогда не можетъ любить такъ пламенно, такъ ярко; а я завтра весь день буду праздновать, и ты—святой, ты—Богъ этого праздника! Да не 13-го ли сентября у моей тетушки ты увидалъ меня въ первый разъ? Ты можешь забыть этотъ вечеръ, но я, я никогда не забуду его! Я помню все, все: и какъ ты взошелъ, и какъ ты взглянулъ на меня, и какъ ты спросилъ у сидѣвшаго подлѣ тебя: «Кто эта прелестная брюнетка съ голубыми глазами?» Я задыхалась, я думала, сердце разорвется у меня; тутъ только я поняла, что такое жизнь, любовь! Ты заговорилъ со мною, я отвѣчала Богъ знаетъ что̀, но зато какъ глубоко врѣзались въ мою душу твои глаза, сверкающіе умомъ и страстью, твои черты, одушевленныя, восторженныя, совсѣмъ не похожія на эти обыкновенныя лица. А помнишь ли 20-ое ноября?

Тутъ лицо ея вспыхнуло еще болѣе, и она скрыла его на груди князя, цѣлуя ее и повторяя: «о, какъ много, много я люблю тебя!». Терзанія князя были ужасны.

— Мишель, — продолжала Елена, приподнявъ черезъ нѣсколько минутъ голову;—за что же ты давеча сердился, когда я заговорила о смерти? Не счастіе ли умереть теперь на твой груди, воспоминая нашу встрѣчу? Что можетъ еще мнѣ дать жизнь? Я благословляю судьбу свою, благословляю встрѣчу съ тобою. Что была бы я, если бы ты не дунулъ огнемъ въ мою душу, еслибъ ты мнѣ самой не открылъ ее, еслибъ ты не показалъ мнѣ все прекрасное на этой землѣ? Безжизненная вещь, проданная въ жены какой-нибудь другой вещи. И развѣ не провидѣніе бросило меня въ твои объятія? О, сколько разъ поверженная на полу передъ образомъ Спасителя, я молилась, чтобъ онъ мнѣ далъ силу противостать обольщенію! Но нѣтъ, я не могла, я летѣла, какъ мотылекъ къ огню. Я наслаждилась всѣмъ земнымъ, теперь я могу умереть... Нѣтъ, нѣтъ, что я говорю?! я не хочу умирать! Кто же будетъ ходить за Анатолемъ? И сколько радостей ждетъ меня еще въ будущности! Я увижу еще тебя въ блескѣ, въ славѣ, ты будешь министромъ, фельдмаршаломъ, я тебѣ пророчу это, и тогда-то, когда все будетъ гремѣть о твоихъ подвигахъ, когда ты пойдешь отъ торжества къ торжеству, окруженный цѣлымъ дворомъ, при звукахъ литавръ, когда ты будешь празднуемый побѣдитель, герой, не знаю что,—не блаженство ли знать, что этотъ великій любитъ меня, простую дѣвушку, что для того, чтобъ провести со мной нѣсколько часовъ, онъ много разъ ходилъ пѣшкомъ въ метель, зимою, цѣлыя двѣ версты...

Глаза князя горѣли, его властолюбивая душа упивалась этой картиною, столь близкою мечтамъ его и набросанной съ такою дѣтской наивностью.

— Но если середь торжества я тебя увижу не одного?...

— Какъ? ты еще не оставила этой вздорной мысли!?

— Чему же дивиться? тебѣ надобно же жениться, тебѣ императрица прикажетъ. Ну, что-жъ, Мишель, лишь бы ты не любилъ ее. Пусть ей принадлежитъ твое имя, твой блескъ, а мнѣ — одна твоя любовь; тогда-то ты увидишь, какъ искренно и глубоко я люблю тебя. Я очень знаю, что я не могу быть твоей женой, мнѣ это не нужно, лишь бы не отнималъ ты любви своей! Да и пойметъ ли какая-нибудь фрейлина, блѣдное, безжизненное растеніе, принужденно выращенное въ оранжереѣ, твою огненную душу?

— Ну, а если пойметъ?—сказалъ князь съ какимъ-то сардоническимъ смѣхомъ.

— Тогда Богъ не оставитъ сироту, Анатоля.

Князь содрогнулся. Страшная мысль о ея смерти промелькнула снова, какъ призракъ, передъ его глазами.

— Мишель, возьми меня съ собою! О, я буду счастлива тамъ, гдѣ ты! Спрячь меня куда-нибудь въ глухую улицу, только лишь бы не быть въ разлукѣ. А здѣсь,—ну что я буду дѣлать? Я буду больна, буду грустить, а тамъ мнѣ будетъ весело.

— Нельзя, право, нельзя. Ты сама не просила бы этого, если-бъ знала, какую жизнь долженъ я вести теперь, какъ всякій шагъ мой будутъ выглядывать. Да кстати, душа, я привезъ съ собою одного пріятеля: черезъ него мы будемъ переписываться; къ нему я имѣю полную довѣренность, ему я поручилъ тебя и Анатоля. Позволь же его позвать — онъ ждетъ въ гостиной.

— Да когда же ты ѣдешь?

— Еще недѣли черезъ двѣ. Я хочу только, чтобы вы познакомились. Онъ чудакъ, но человѣкъ преблагородный, и надѣюсь, что моя рекомендація — прибавилъ князь шутливымъ тономъ — важнѣе, чѣмъ рекомендація всего рода человѣческаго.

— Гдѣ же онъ?—перебила Елена и бросилась къ трюмо поправлять волосы.

Князь всталъ, накинулъ на Елену шаль и, отворивъ дверь, сказалъ громкимъ голосомъ: «Иванъ Сергѣевичъ, пожалуйте сюда». Иванъ Сергѣевичъ взошелъ.

— Смотри, смотри невѣсту,—говорилъ молодой человѣкъ, толкая товарища.—Что за поэзія въ ея взорѣ, что за небесное выраженіе въ лицѣ! И эта пышная легкая ткань, едва касаясь ея гиб-

каго стана, дѣлаетъ изъ нея что-то воздушное, неземное, отталкивающее всякую нечистую мысль.

— C'est l'Hélène de Ménélas [1])—отвѣчалъ тотъ громко тогдашнимъ языкомъ.

— Боже, какой ангелъ достается князю!

— Вѣдь, у него, матушка Ирина Васильевна, въ Москвѣ-то на дачѣ живетъ нѣмка ли, тальянка ли,—говорила старая старуха въ нарядномъ чепцѣ, съ лицомъ, похожимъ на кофейникъ, своей сосѣдкѣ, которой лицо даже и на кофейникъ не было похоже, и говорила такъ громко, что князь блѣдный, какъ полотно, обратился къ шаферу и, самъ не зная, что̀ говоритъ, сказалъ: «мнѣ дурно».

— Не мудрено, такое множество набилось въ церковь, духота страшная,—отвѣчалъ шаферъ, лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка капитанъ, весь облитый золотомъ, тѣмъ рѣшительнымъ тономъ, которымъ свѣтскій человѣкъ объясняетъ душевныя волненія, а школьный ученый—явленія природы, не понимая ихъ внутренняго смысла.

Въ знакомомъ намъ будуарѣ, на томъ же диванѣ, гдѣ пламенная Елена сгорала въ объятіяхъ князя, лежала она въ обморокѣ. Цвѣтъ лица ея былъ не блѣденъ, а былъ, какъ мраморъ; изрѣдка, минутъ черезъ двадцать захлебывалась она, такъ сказать, воздухомъ и потомъ опять оставалась бездыханна, какъ трупъ. У головы ея сидѣлъ знаменитый Фрезъ въ напудренномъ парикѣ, въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ брилліантовыми пряжками. Въ его глазахъ было больше, нежели мы ждемъ въ глазахъ доктора. Онъ смотрѣлъ на нее безпрерывно, замѣчая малѣйшія измѣненія, иногда подносилъ къ ея носу стклянку нашатырнаго спирта, но, не видя никакого дѣйствія, пожималъ плечами. Иванъ Сергѣевичъ, исполняя, какъ отъ души честный человѣкъ, порученіе князя, стоялъ тутъ же, то щупая, не простылъ ли сельтерскій кувшинъ, завернутый въ салфетку и приложенный къ ея ногамъ, чтобъ согрѣть ихъ, то прикладывая къ ея головѣ полотенце, обмоченное въ уксусъ и холодную воду. Грудь Елены была раскрыта, и горничная терла ее фланелью. Какое-то гробовое молчаніе царило въ горницѣ, только издали доносился иногда слабый плачъ ребенка да однозвучный голосъ убаюкивавшей его няньки. Это было зимою, но день былъ ясенъ и тепелъ; солнце, усиленное снѣгомъ, ярко проникало зеленую занавѣсъ, и вода журча капала съ капителей на каменный балконъ. Наконецъ, Фрезъ всталъ, вынулъ часы и сказалъ:

[1]) Это—Елена Менелая.

— Странно, очень странно; теперь второй часъ въ исходѣ, а ей нисколько не лучше, а я пріѣхалъ часовъ въ девять. А когда это началось?

— Вчера въ четверть десятаго,—отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ,—и продолжалось всю ночь.

Фрезъ взялъ ея руку, которая лежала, какъ какая-нибудь вещь, какъ отрубленная вѣтвь, и, развязавъ повязку, сказалъ: «Посмотрите, четыре часа лежали синапизмы, и даже ни малѣйшаго слѣда, а вѣдь ужъ тутъ просто химическое дѣйствіе.

— Ужъ, знать, какъ сердце болитъ, такъ гдѣ помочь вашимъ латинскимъ снадобьямъ,— бормотала горничная.

— Regardez l'ignorance du bas peuple [1]),—сказалъ Фрезъ, обращаясь съ улыбкою къ Ивану Сергѣевичу. Et après cela faites leur accroire que nous ne sommes pas des charlatans [2]),—впрочемъ, мнѣ пора ѣхать. Проклятая даль этой дачи,—въ семь часовъ я пріѣду. Вы, вѣрно, подождете меня, Иванъ... Иванъ Степанычъ,—прибавилъ онъ, взявъ шляпу.

— Вѣдь, вы-то, батюшка, русскіе,—сказала горничная, когда Иванъ Сергѣевичъ, проводивъ доктора, возвратился въ комнату. Позвольте, я вспрысну барышню богоявленской водой: право, лучше будетъ, велика ея сила... Ахъ, Елена Павловна, василекъ, серпомъ подрѣзанный, не встать тебѣ, сердце говоритъ, не встать, родная! А душу-бъ свою отдала за тебя. Ангелъ была во плоти, грубаго слова не слыхали мы отъ нея. Бывало, день деньской сидитъ себѣ, какъ павочка, съ Антономъ Михалычемъ и своею грудью кормила его—не хочу, говоритъ, чтобъ пилъ чужое молоко. Позвольте же вспрыснуть?

— Пожалуй,—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ,—хуже отъ этого быть не можетъ.

Горничная принесла стклянночку съ водой и бросилась на колѣни передъ иконою Богоматери; слезы катились изъ глазъ ея, она молилась о ближнемъ. Въ эту минуту эта простая дѣвка была высока! Не думайте, чтобъ ихъ грубыя религіозныя понятія препятствовали имъ молиться. Помолившись, она взяла въ ротъ святой воды, три раза перекрестила больную и, глядя на нее съ полнымъ чувствомъ вѣры, прыснула ей въ лицо. Елена вздрогнула, вздохнула нѣсколько разъ сильно и раскрыла глаза, мутные и безъ всякаго выраженія; посмотрѣла съ недоумѣніемъ на Ивана Сергѣевича; глупая, стоячая улыбка показалась на устахъ. «Пить», пробормо-

[1]) Замѣтьте невѣжество простого народа.
[2]) И послѣ этого увѣрьте ихъ, что мы не шарлатаны.

тала она едва внятно. Ей подали мятной воды. Едва хлебнувъ, она отворотилась и сказала: «Ахъ, какъ мнѣ спать хочется, такъ сонъ и клонитъ»,—и опять закрыла глаза. Но дыханіе продолжалось, а лицо загорѣлось слабымъ румянцемъ.

Горничная въ восторгѣ цѣловала ея ноги и съ дѣтской радостью говорила: «Не сказывайте только этому нѣмцу, а то, вѣдь, онъ же наругается надъ нашей святыней... Да вы еще и не кушали, Иванъ Сергѣевичъ; ступайте, въ той горницѣ я приготовила вамъ обѣдъ, а я побуду здѣсь».

Иванъ Сергѣевичъ былъ душевно радъ; камень свалился съ плечъ, онъ пошелъ въ столовую и при первой ложкѣ супа подумалъ: «Не забыла ли Устинья покормить Плутуса?»

Письмо Ивана Сергѣевича къ князю.

«Сіятельнѣйшій князь!

«Съ искреннимъ удовольствіемъ спѣшу увѣдомить Ваше Сіятельство, что здоровье Елены Павловны поправляется. Всѣ убѣжденія мои остаться до совершеннаго выздоровленія въ Порѣчьѣ были тщетны, она переѣхала на маленькую квартиру, которую наняла ея горничная на Садовой.—Впрочемъ, можетъ, это къ лучшему: въ Порѣчьѣ все напоминало ей безпрестанно счастливую эпоху жизни, которую она утратила. Сколько я ни просилъ ее взять вещи, подаренныя Вашимъ Сіятельствомъ или бывшія у ней въ употребленіи, она рѣшительно отказалась. Взяла только брилліантовый браслетъ съ Вашимъ портретомъ, но на другой день возвратила брилліанты. Когда я намекнулъ о ломбардныхъ билетахъ, она съ гордостію спросила: «Знаете ли вы, кому платятъ за любовь?», послѣ чего я не заикался; время—великій докторъ. Нѣмцы говорятъ: «kommt Zeit kommt Rath» [1]).—Квартира, нанятая ею, очень мала, но она именно такую и велѣла сыскать; денегъ у нея нѣтъ, и она хочетъ вышивать для продажи. Сколь это ни смѣшно, но, видя тутъ дѣтскій капризъ и, сверхъ того, занятіе, я взялся искать покупщиковъ. Горничная, которая была при ней, не хотѣла съ ней разстаться, и я ей далъ паспортъ; черезъ нее я предупреждаю всѣ нужды Елены Павловны. Она, какъ ребенокъ, не знаетъ ничего въ хозяйственномъ отношеніи, однако-жъ, нѣсколько разъ спрашивала горничную, откуда деньги, и та увѣрила, что это ея собственныя.

[1]) Приходитъ время, приходитъ и совѣтъ.

«Доселѣ о Вашемъ Сіятельствѣ она не говорила ни слова. Сначала я замѣчалъ у нея заплаканные глаза, теперь она даже весела, только часто задумывается и, придя въ себя, начинаетъ смѣяться надъ своею разсѣянностью. Нравъ у ней истинно ангельскій: кротка, добра и въ мелочахъ слушается меня, какъ отца. Жаль только, что не хочетъ лѣчиться; Фрезъ увѣряетъ, что весенній воздухъ исправитъ все. Онъ не можетъ болѣе ѣздить, ибо она рѣшительно отказалась его принимать, говоря, что у ней денегъ нѣтъ платить за визиты.—Вчера я пилъ у ней чай, она шутила и, наконецъ, сказала мнѣ: «Посмотрите мое маленькое хозяйство,—чѣмъ я не невѣста? Признайтесь, Иванъ Сергѣевичъ, нѣтъ ли вамъ порученія искать мнѣ жениха?»—Я отвѣчалъ, что нѣтъ, но что само собою разумѣется, что съ ея достоинствомъ, въ ея лѣтахъ можно надѣяться сдѣлать партію хорошую.—«Я не прочь,—сказала она,—только не забудьте въ рядную написать Анатоля»,—и расхохоталась. Но я думаю, со временемъ увидитъ, что, въ самомъ дѣлѣ, не худо позаботиться о замужествѣ, лишь бы здоровье совсѣмъ поправилось. Впрочемъ, я надѣюсь, что это будетъ скоро. Теперь осталось только по временамъ кровохарканье; Фрезъ говоритъ, что это слѣдствіе сильнаго нервнаго потрясенія и обмороковъ, безпрерывно продолжавшихся двѣ недѣли.

«Не премину и впредь извѣщать Ваше Сіятельство о всѣхъ подробностяхъ относительно Елены Павловны. При семъ вы получите на особомъ листѣ подробный счетъ израсходованныхъ мною денегъ, какъ на заплату доктору, въ аптеку, такъ и на другія издержки.

Съ истиннымъ уваженіемъ и таковою же преданностію честь имѣю пребыть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Ив. Тильковъ.

Москва.
1792 года марта 1-го.

Апрѣль мѣсяцъ оканчивался, а Святая недѣля начиналась. Улицы московскія, тогда еще не мощеныя, представляли непроходимую грязь. Вода бѣжала потоками, мутная, черная, но все было весело. Колокола примѣшивали въ сырой воздухъ какую-то торжественность; множество каретъ цугомъ неслось взадъ и впередъ, и множество шей, переплетенныхъ въ шитые воротники, выглядывало изъ нихъ. Толпы народа въ праздничныхъ кафтанахъ съ истиннымъ удовольствіемъ на лицѣ шли по колѣна въ грязи подъ качели.

Дворовые люди стояли у воротъ, грызли орѣхи и играли на балалайкѣ; старички и старушки возвращались домой отъ обѣдни съ просвирою въ рукахъ, съ молитвою въ сердцѣ. Кто знаетъ, что такое въ Москвѣ Святая недѣля, тотъ легко представитъ себѣ эту картину. Это одинъ праздникъ, который мы умѣемъ праздновать народно, весело, въ которомъ участвуютъ всѣ — бѣдный покрываетъ свои лохмотья, работникъ забываетъ свои мозоли и душную мастерскую, крестьянинъ отгоняетъ мысли объ оброкѣ, недоимкѣ и бурмистрѣ. Въ эту недѣлю все дышетъ праздникомъ, весною, счастьемъ.

Въ это время у Арбатскихъ воротъ какой-то человѣкъ въ довольно поношенномъ сюртукѣ на ватѣ, съ бобровымъ воротникомъ и съ палкою изъ сахарнаго тростника въ рукахъ пробирался съ камня на камень отъ церкви Бориса и Глѣба къ дому графа Апраксина. Онъ, было, совершенно счастливо кончилъ полдороги, какъ вдругъ съ Воздвиженки выѣхала карета, запряженная четырьмя худыми лошадьми. Прохожій былъ такъ близко къ ней, что грязь съ задняго колеса обрызгала его съ головы до ногъ, и въ то же время голова въ напудренномъ парикѣ выставилась въ окошко и закричала: «Стой, стой! Ахъ, Иванъ Степанычъ, извините, что моя карета такъ неучтива, да и вы немножко неосторожны. Скажите пожалуйста, какая жалость! Вы не повѣрите, я уже тридцать два года докторъ, и на моихъ рукахъ и при мнѣ умерло нѣсколько сотъ людей, я окрѣпъ, но вчерашняя сцена разстроила меня до невозможности.

— Да,—сказалъ Иванъ Сергѣевичъ, вздохнувши.

— Бѣдная,—продолжалъ Фрезъ;—и послѣднее слово было его имя и молитва о немъ. Досадно, что она не хотѣла лѣчиться порядкомъ, а пуще всего, что не принимала капель, которыя я прописалъ—дѣйствіе ихъ несомнѣнно. Вотъ какъ дорого платятъ за капризы. Всю ночь ея агонія была у меня передъ глазами. Жаль, очень жаль—l'homme est une machine à vivre, et quand le moteur s'abime, la machine se casse [1]). Я, право, полюбилъ ее отъ души, а убійца ея, чай, преспокойно ѣздитъ съ визитами. Mécréant! [2]) Скажите, когда выносъ и отпѣваніе?

— Завтра въ девять часовъ, въ приходѣ Спиридонія.

— Пріѣду непремѣнно. Прощайте. Да, à propos, говорятъ, этотъ князь поручилъ вамъ Анатоля; пожалуйста, когда нужно, присылайте за мною, я для этого ребенка готовъ все сдѣлать—

[1]) Человѣкъ—машина, созданная для жизни, и когда двигатель испортится, машина ломается.

[2]) Невѣрный человѣкъ, безбожникъ!

вотъ видите ли, и у доктора есть иногда душа,—прибавилъ онъ съ улыбкой добродушія.

— Что и говорить, Карлъ Федоровичъ, ужасный случай, я самъ послѣ смерти матушки вчера въ первый разъ плакалъ. Дай Богъ ей царствіе небесное!

— Если оно есть,—прибавилъ докторъ съ улыбкою, выдерживая роль матеріалиста.

Между тѣмъ, князь утопалъ въ морѣ наслажденій. Чего ему недоставало? Дома—пламенная любовь жены, а внѣ—осуществленіе всѣхъ самолюбивыхъ мечтаній. Однажды онъ воротился изъ дворца веселѣе обыкновеннаго: въ этотъ вечеръ императрица осыпала его милостями. Камердинеръ взошелъ раздѣвать его.

— Что княгиня?—спросилъ онъ.

— Почиваетъ.

Онъ раздѣлся, взялъ сигару (большая рѣдкость въ тѣ времена), закурилъ и сѣлъ передъ столомъ. На столѣ лежало письмо.

— Откуда?—спросилъ онъ.

— Съ почты,—сказалъ камердинеръ.

Князь распечаталъ его, оно очень коротко: «Съ истиннымъ и душевнымъ соболѣзнованіемъ извѣстить долженъ я Ваше Сіятельство, что Елена Павловна скончалась въ ночь на сегодняшній день, въ два часа съ четвертью. Часа за три до смерти она попросила бумаги и перо, хотѣла писать Вашему Сіятельству, но, написавши нѣсколько строкъ, она бросила и сказала: «Онъ не станетъ читать». Потомъ впала въ забытье, минутами приходила въ себя, но и тутъ рѣчь ея была несвязна. Вашъ портретъ требовала безпрестанно. «Кончено,—сказала она наконецъ,—мнѣ легче: пусть онъ не знаетъ моихъ страданій. Богъ проститъ меня. Видите—свѣтъ и музыка». Тутъ улыбка показалась на охолодѣвшихъ устахъ—и ея не стало. Подробности слѣдующій разъ, боюсь опоздать на почту».

Въ письмо была вложена записочка, измятая судорожными движеніями и облитая слезами. Въ ней не было никакого смысла и почти нельзя было прочесть—такъ слаба была рука писавшая: «Mes tourments finissent... Merci, Grand Dieu!.. Oh, que je t'aime, mon Ange... Hâte-toi de venir [1]), а то опоздаешь, я умру, скоро умру... Qu'il est beau... elle...» [2])

Знаете ли вы то чувство, когда человѣкъ очнется послѣ обморока? Онъ видитъ, что все знакомое, но точно, будто въ первый

[1]) Кончаются мои мученія... Благодарю, Боже!... О, какъ я люблю тебя, ангела моего! Спѣши пріѣхать.

[2]) Какъ онъ прекрасенъ... она...

разъ, двухъ мыслей связать нельзя, удивительная тупость въ головѣ; человѣкъ дѣлается меньше, чѣмъ скотъ,—растеніе. Точно то же сдѣлалось въ душѣ князя. Онъ не былъ пороченъ, вся вина—необузданность, къ которой онъ привыкъ съ молодыхъ лѣтъ. Съ начала письма вся кровь бросилась ему въ сердце и въ голову, и онъ дрожалъ отъ холода, рука не могла держать сигары, она выпала; языкъ высохъ, лицо посинѣло, но онъ читалъ, прочелъ все, положилъ письмо, посмотрѣлъ около себя, на стѣны. Портретъ его отца встрѣтился глазамъ, ему очень хотѣлось знать, чей это портретъ; потеръ себѣ лобъ, но не могъ сообразить. Потомъ инстинктуально вспомнилъ о сигарѣ, спросилъ камердинера, гдѣ она; тотъ подалъ ему, онъ началъ расщипывать ее и положилъ на столъ. Потомъ онъ посмотрѣлъ на камердинера, тотъ не могъ вынести его взора и задрожалъ.—«Воды!» сказалъ князь совсѣмъ не своимъ голосомъ. Онъ выпилъ два стакана, невѣрными шагами дошелъ до дивана и бросился на него. Тутъ немного пояснѣе стало у него въ головѣ и гораздо мрачнѣе на душѣ.

— Я буду спать здѣсь,—сказалъ онъ слугѣ.

Слуга взялъ свѣчи, поклонился и пошелъ.

— Оставь свѣчи и убирайся къ чорту!—закричалъ князь.

Камердинеръ вышелъ въ лакейскую и, встрѣтивъ тамъ дворецкаго, сказалъ ему шопотомъ: «Ну ужъ, Спиридонъ Ѳедорычъ, какъ нашъ князь нарѣзался сегодня—зюзя зюзей! Не смѣетъ женѣ носу показать; тамъ улегся въ угольной на диванѣ—боленъ, дескать. Сначала съ воздуха-то незамѣтно было, а какъ тепломъ-то его обдало, такъ еле на ногахъ стоитъ».

— Это они не пьяницы,—сказалъ дворецкій.—Мы, вишь, пьемъ одни. Пойдемъ-ка съ горя въ буфетъ.

И пошли.

Князь взглянулъ на часы—четверть третьяго. Ему сдѣлалось холодно, какъ на морозѣ безъ шубы. Но онъ рѣшительно ни о чемъ не думалъ, душа его была оглушена, а по тѣлу лился ядъ, хуже синильной кислоты, и тѣло разлагалось. Часы пробили три. Вдругъ тихо, тихо отворяется дверь. На свѣчахъ очень нагорѣло. Князь всматривается... Елена живая, веселая, какъ въ первый день свиданья; она бросается на колѣни, шепчетъ «прости». «Такъ это все вздоръ!»—сказалъ князь и бросился къ ней. Она склонила голову на его плечо; князь взялъ ея руку—и рука осталась у него. Онъ содрогнулся, хотѣлъ поцѣловать ее и поцѣловалъ рядъ зубовъ мертвой головы; нижняя челюсть щелкала съ улыбкой, куски мяса висѣли на щекахъ, длинные волосы едва держались на черепѣ. Князь отскочилъ, и голова, склоненная на его плечо, ударилась объ

полъ и покатилась. Дыханье замерло въ груди князя. «Помилуй, что съ тобой?—шептала ему Елена.—Ты какъ будто боишься меня, зачѣмъ отталкиваешь? вѣдь, я—твое созданіе; неужели и одной минуты для меня больше нѣтъ?» Князь хотѣлъ снова подвинуться къ ней, но между нимъ и ею стоялъ карликъ, такой отвратительный, желтый, съ небритой бородою. Этотъ карликъ помиралъ со смѣху и лаялъ, какъ собака. Князь хотѣлъ оттолкнуть его ногой. Карликъ схватилъ его за ногу зубами, и тутъ только онъ разглядѣлъ, что это не карликъ, а рыба. Князь побѣжалъ въ комнату жены. Она покоилась, тихая, небесная, съ молитвой на устахъ. Князь разбудилъ ее, она взяла его руку, хотѣла поцѣловать и спросила: «Что это отъ твоихъ рукъ такъ пахнетъ покойникомъ?» — «Я сейчасъ снималъ со свѣчи,—сказалъ князь,—и мнѣ пить хочется».— «Я принесу», сказалъ карликъ. Князь схватилъ саблю. Карликъ захохоталъ и вспрыгнулъ на постель. Князь ударилъ, что̀ есть силы. Ударъ этотъ отдѣлилъ голову жены, карликъ захохоталъ еще громче, схватилъ черепъ и подалъ его князю, говоря: «Trinken sie, mein Herr» [1]). Князь взялъ черепъ и началъ пить теплую кровь—руки его дрожали, онъ облился... Больше его фантазія не могла дѣйствовать; онъ раскрылъ глаза мутные, свѣчи потухли, день занимался. Говорятъ, дневной свѣтъ придаетъ чудную храбрость, это правда. Но и то правда, что когда настанетъ день, все совершонное во мракѣ увидится яснѣе. Виски бились у несчастнаго, голова была въ огнѣ, а самъ онъ дрожалъ отъ холода. И вотъ прошедшее явилось теперь передъ нимъ требовать отчета, звать на страшный судъ; это—jury нашей совѣсти и jury безъ ошибки. Теперь не спазматическимъ сномъ, а на самомъ дѣлѣ повторялъ онъ исторію своего убійства, и горько, очень горько было ему.

Всѣ ужаснѣйшія муки угрызающей совѣсти терзали душу князя. Видъ его сдѣлался страшенъ. Онъ заперся у себя дома, не брилъ бороды; признаки сумасшествія начали показываться и въ словахъ, и во взорѣ. Всѣ старанія, вся необъятная любовь жены ничего не производили.

— Нѣтъ, этого пятна,—повторялъ онъ,—любовь не въ силахъ снять. Это можетъ одинъ Богъ, но я первый назвалъ бы его несправедливымъ, если-бъ онъ стеръ его. И я не могъ оправдаться передъ нею, и она унесла съ собою въ могилу мнѣніе обо мнѣ, какъ о трусѣ, злодѣѣ, который боится собственныхъ злодѣяній.

И что хуже всего, при этомъ онъ такъ звѣрски хохоталъ,

[1]) Выпейте, сударь мой.

что кровь стыла въ жилахъ жены, и она трепетала и мучилась, видя его страданія.

Если человѣкъ, сильно пораженный несчастіемъ, вмѣсто слезъ, захохочетъ, его погибель вѣрна—тутъ уже нѣтъ спасенья: душа, согласившаяся въ такую минуту сдѣлать совершенно противоположное естественному порядку, сломана. Тутъ, по словамъ князя, одинъ Богъ можетъ поправить, а ни время, ни земныя средства. Этимъ смѣхомъ человѣкъ передаетъ свою жизнь, и еще болѣе—свою вѣчность духамъ темноты и злобы. Такъ и случилось; его мрачная меланхолія приняла какую-то ровную, одинакую форму, гамлетовскій смѣхъ надо всѣмъ, какую-то свирѣпость; слова его были ужасны: какіе-то стансы изъ адской поэмы, писанной желчью на кожѣ, содранной съ живого человѣка. Служить онъ не хотѣлъ, и нельзя было: императрица жалѣла о немъ и удваивала свое вниманіе, воображая, что прошедшая немилость привела его въ это положеніе. И это вниманіе усиливало еще болѣе его мученія. Когда человѣкъ сознаетъ себя преступнымъ, справедливо наказаннымъ, и притомъ человѣкъ этотъ гордъ и самолюбивъ, ничего не можетъ быть ужаснѣе этого состраданія и этой увѣренности другихъ, что онъ не виноватъ.

Княгиня увезла его въ Москву... Онъ сталъ нѣсколько спокойнѣе, но не поправлялся; сѣдые волосы показались на этой головѣ, черезъ которую не прошло еще и тридцати зимъ. Прелестная рука его сдѣлалась угловата, щеки ввалились, одни глаза блистали какимъ-то дикимъ огнемъ. Онъ почти совсѣмъ не спалъ. Всю ночь домъ былъ освѣщенъ, и онъ ходилъ изъ комнаты въ комнату. Но жена его не тяготилась своею судьбою,—нѣтъ, она любила его, какъ въ день свадьбы, еще болѣе, его несчастія расширили, удвоили любовь. Она не отходила отъ него ни на минуту, гдѣ могла, вливала слово утѣшенія, чаще всего молилась и несла свой крестъ со смиреніемъ христіанина. Она думала, что ея страданія выкупятъ его преступленіе.

Однажды князь, просидѣвъ нѣсколько часовъ неподвижно на самыхъ тѣхъ креслахъ, на которыхъ сидѣлъ, когда былъ у него Иванъ Сергѣевичъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на княгиню, которая со слезами на рѣсницахъ не спускала съ него взора, закрылъ глаза, и голова его склонилась на грудь. Княгиня встала, подошла къ нему, чтобъ удостовѣриться, спитъ ли онъ, поцѣловала его, поцѣловала его руку и на цыпочкахъ вышла вонъ. Князь не слыхалъ.

Одиноко, пустынно Новодѣвичьему монастырю. Съ одной стороны поле съ блѣдно-зеленой, едва растущей, травой отъ нечистаго дыханья города; съ другой—болото-Лужники. Тамъ часы бьютъ каждую минуту, устроенные несчастной царицей для того, чтобы погребальный звукъ ихъ напоминалъ ей безпрерывно утрату счастія и приближеніе смерти. Тамъ чистыя дѣвы, испуганныя міромъ, прячутся отъ него за Богоматерь и молятся. Тамъ дѣвы падшія повергаются съ раскаяніемъ, со слезою передъ Богоматерью и молятся. Тамъ старухи приносятъ Богоматери свое изнуренное тѣло, послѣднюю мысль и послѣднее чувство на землѣ и молятся. Тамъ множество надгробныхъ памятниковъ придавливаетъ къ землѣ тѣлесную часть человѣка и молится о душевной, тамъ колокольня посылаетъ молитву на небо, тамъ все молится.

Къ этому монастырю подъѣхала пышная карета, запряженная шестью воронными лошадьми съ атласной шерстью. Два лакея, въ полугусарскомъ, полушутовскомъ нарядѣ и какой-то мамонтовской величины, соскочили съ запятокъ и отворили дверцы кареты. Сперва вышла дама очень молодая, очень стройная, очень блѣдная, вся въ бѣломъ; за нею—Иванъ Сергѣевичъ въ глазетовомъ камзолѣ, что надѣвалъ въ Успенье. Дама, едва опираясь на его руку, взошла въ ограду монастыря и сказала ему: «ведите». Иванъ Сергѣевичъ провелъ ее къ какой-то могилѣ и снялъ шляпу. Дама отколола букетъ цвѣтовъ отъ своей груди и бросила ихъ на холодную землю.

— Спи мирно,—сказала она,—цвѣтокъ, бурею сорванный и молніей сожженный. Твоя душа много страдала, покойся же теперь. О, я любила тебя, любила за твою пламенную любовь къ нему; наши души сочувствовали, онѣ были одинаковы, родныя. Я желала видѣть тебя, я хотѣла быть твоимъ другомъ, но приняла ли бы ты мою дружбу и смѣла ли бы я, счастливая, протянуть руку тебѣ, несчастной? Елена, я не похитила его у тебя; онъ былъ мой, когда буря жизни бросила тебя въ его огненное существованіе; наши души—одно неразрывное, можетъ, до рожденія. Зачѣмъ именно ему предалась ты?... Нѣтъ, нѣтъ! Ты права, Елена! кому-жъ другому могла бы ты отдать такую душу, какъ не его душѣ—обширной, глубокой, океану? Ты потонула въ этомъ океанѣ, но ты испытала счастіе, и за минуту блаженства развѣ нельзя отдать дни свои? Покойся же, *тамъ* мы увидимся, тамъ нѣтъ раздѣла, тамъ все—любовь, тамъ я и ты свободно будемъ любить его.

Тутъ она склонила колѣна и подняла молящій взоръ къ небу; слезы катились съ ланитъ ея.

— Елена, мира пришла я просить у тебя. Можетъ, ты нена-

видѣла меня — помиримся же теперь... И его прости, онъ мучится, страдаетъ, онъ несчастенъ въ моихъ объятіяхъ, и я не смѣю, не примирясь съ тобою, утѣшать его. Его страданія принадлежатъ тебѣ, боюсь лишить тебя и ихъ. Но ты любила его, любишь, жизнь твоя тамъ лучше прежней, пошли же ему утѣшеніе. Будемъ вмѣстѣ молиться о немъ!...

Въ это время молоденькая клирошанка отворила окно въ церкви, и стройный хоръ женскихъ голосовъ слабо и невещественно донесся до могилы. Небольшое облако, покрывавшее солнце, разсѣялось. Это было 15 іюля, въ вечерни.

Князь проснулся. Въ немъ произошла какая-то перемѣна. Онъ почувствовалъ опять силу и здоровье, вспомнилъ о своихъ дѣлахъ, позвонилъ, велѣлъ камердинеру подать мундиръ, одѣлся, приказалъ заложить коляску, потомъ поспѣшно схватилъ листъ бумаги и написалъ:

Всеподданнѣйшій докладъ о преобразованіи Судопроизводства.

«Судопроизводство въ обширномъ смыслѣ слова есть та часть религіи, которая обнимаетъ въ гражданскомъ быту всѣ отрасли архитектуры и епархіальнаго управленія.

§ 1. Садоводство распадается на двѣ части: на Министерство Юстиціи и на Технологическій институтъ. Учрежденіе Министерства необходимо, но министромъ долженъ быть музыкантъ и князь. Коллегіальное начало вредно для постройки зданій, но полезно для мостовъ»...

Онъ еще писалъ, когда взошла княгиня. Съ видомъ величайшей важности князь указалъ ей стулъ и прибавилъ:

— Я о вашемъ дѣлѣ говорилъ съ графомъ, но извините, мнѣ нѣтъ секунды свободной...

Какъ холодной водой обдало княгиню. Она все поняла! Бѣдная, несчастная!... Она хотѣла броситься къ нему на шею, онъ оттолкнулъ ее.

— Ну, такъ, сударыня, я зналъ, что вы подосланы отъ Козодавлева и Вязмитинова!

Это было 15 іюля, послѣ вечерень.

Черезъ десять лѣтъ.

Князь дописывалъ свой проектъ, очень торопился во дворецъ и сердился чрезвычайно, что, по проискамъ Вязмитинова и Козодавлева, его приковали къ стѣнѣ на цѣпь. Я видѣлъ его въ этомъ

ужасномъ положеніи. Голова была обрита, черты лица отвратительны; въ длинномъ бѣломъ халатѣ сидѣлъ онъ на полу, смотрѣлъ прямо въ солнце и безпрестанно писалъ на лежавшемъ передъ нимъ листѣ бумаги.

— Покуда есть бѣлая бумага, — сказывалъ смотритель. — онъ сидитъ смирно; исписалъ — и бѣда съ нимъ: «во дворецъ» — да и только!

Княгиня была тогда игуменьей Дѣвичьяго монастыря. Жизнь неземную отдавала она Богу; каждый день ходила молиться на могилу Елены, чтобы Богъ взялъ ее на небо; молиться о выздоровленіи князя она уже перестала. Съ нею видѣлся одинъ Иванъ Сергѣевичъ.

184. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Февраля 8-го, 1838.

Другъ мой, ангелъ, вотъ и Кетчеръ уѣхалъ; а хорошо провелъ я эту недѣлю. Ему первому пришлось мнѣ разсказать исторію послѣднихъ 3 лѣтъ. Какъ она полна, и полна тобою. Онъ говоритъ, что никогда не предполагалъ столько чувствъ во мнѣ. Ты сдѣлала чудо со мною. Ну, что же, Natalie, придумала ли ты свиданье? — вѣдь, скоро отвѣтъ [1]), а тогда, имѣя волю, я измучусь. Кетчеръ хлопочетъ обо всемъ: о деньгахъ и о пр., но не знаю еще, въ отпускъ или послѣ. Наташа, понимаешь ли ты, укладывается ли въ твою грудь эта райская мысль, что, можетъ, черезъ *нѣсколько мѣсяцевъ* ты моя, ты вмѣстѣ со мною и навѣки? Нѣтъ, я не могу обнять этой мысли. Давно ли всѣ наши желанія сводились на одно свиданье. Да, вѣришь ли ты этому? Вѣрь, ангелъ, вѣрь! Послушай, знаешь ли ты, гдѣ твое свидѣтельство о крещеніи? [2]) Оно необходимо; вотъ первый разъ въ нашей перепискѣ упомянута дѣловая бумага. Ахъ, тогда, тогда жизнь полная, жизнь блаженства! Ты положишь твою голову на мою грудь, и она отдохнетъ подъ нею..... Нѣтъ, я теряюсь въ созерцаніи всего счастья, я готовъ плакать, какъ дитя. Теперь я долго просидѣлъ, опираясь головой на обѣ руки; что я думалъ? Пусть ангелъ съ неба прилетитъ тебѣ разсказать.

[1]) Относительно отпуска.

[2]) И на это, въ случаѣ невозможности достать, есть средство (12 фев.). *А. И. Г.*

Они смотрятъ на тебя свысока; Сережа желалъ, чтобъ я ему написалъ письмо, я и написалъ холодное, какъ ледъ, и гнетущее всѣмъ гнетомъ, который имѣетъ въ себѣ *человѣкъ* надъ толпою. Не люблю я давить высотою, но его я подавлю, для того, чтобъ поставить въ свою раму.[1]

9 февраля.

Чѣмъ больше вникаю въ письма, тѣмъ яснѣе вижу, что ты гораздо сильнѣе дѣйствовала на меня, нежели я на тебя. Ты была изящна и свята всегда; я много перемѣнился, и собственно въ 1837 году догналъ я то существо, которое ты представляла, называя меня. Да, теперь я твой Александръ, но въ прошедшемъ одна огненная, порывистая душа выкупала мои огромные недостатки. Я понималъ твои требованія — и подымался, сила была, но подавленная вздоромъ, землею; я отряхалъ для тебя. Для чего моя любовь выразилась судорожнымъ крикомъ, для чего она вырвалась изъ груди клубящимся огнемъ съ дымомъ? А твоя высказалась такъ спокойно, тихо, что и въ самомъ дѣлѣ не виденъ переливъ отъ дружбы къ любви. Отчего ты любила меня прежде, нежели я узналъ тебя? Отчего, узнавши, что я тебя люблю, какъ братъ, ты молилась Богу, а я зная, что ты меня любишь больше брата, сумашествовалъ для того, чтобъ получить официальное признаніе? А паденіе, а вакханаліи... Нѣтъ, ангелъ мой, можетъ, Богъ захочетъ для тебя очистить мою душу, но ея былое далеко не такъ свѣтло, какъ твое. Оно полно, да, очень полно, но не каждый шагъ наполненъ свѣтомъ. Одно цѣлое, святое съ юности, это — любовь къ человѣчеству, любовь къ друзьямъ, открытая симпатія всему, что можетъ платить теплымъ чувствомъ. За эту-то симпатію и платили такъ драгоцѣнно, и баловали меня, и носили на рукахъ, и прощали все. — Мѣшаютъ писать. Прощай. Обѣщанную въ прошломъ письмѣ встрѣчу — послѣ.

Что ни говори, милый другъ, а я никакъ не могу принудить себя къ той небесной кротости, которая составляетъ одно изъ главныхъ свойствъ твоего характера. Я слишкомъ огненъ. Сегодня я разспрашивалъ еще разъ Евг. Ив. [1]) о сватовствѣ, и ты бы должна была видѣть, какъ каждое слово, какъ ядъ, измѣняло мнѣ лицо, какъ я дрожалъ и кипѣлъ. Знаешь ли ты, Наташа, что я ужасный человѣкъ? мнѣ приходили такія мысли, которыя никогда не придутъ *порядочному* человѣку въ голову. Что было бы со мною, ежели-бъ я былъ тогда въ Москвѣ? А вотъ что, — ты была бы моя.

[1]) Снова пріѣхалъ во Владиміръ.

Да, я, было, и забылъ сказать, что, несмотря на всѣ мои выходки въ «Симпатіи» противъ продажи книгъ, я начинаю *промышлять*: за отрывокъ изъ повѣсти я взялъ подписку на «Сына Отечества» (т. е. возьму, когда напечатается), а за прочія статьи буду требовать чистыя денежки. Намъ нельзя ожидать *тогда* что-либо отъ Ивана Алексѣевича, и вотъ я открываю себѣ средства работою и пòтомъ и для того продамъ теперь что-нибудь, чтобы доказать, что я могу жить безъ благотвореній.

Опять къ письмамъ. Огромное наслажденіе доставила ты мнѣ, прославши ихъ. Вся жизнь моя отъ окончанія курса университетскаго выходитъ изъ гроба. Моя біографія готова. Въ письмѣ іюля 5-го 1833 виденъ я (но тебя еще не понималъ рѣшительно); мѣсто о Воробьевыхъ горахъ, какъ сейчасъ, писано. Похвалы Пассекамъ; это семейство — единственная ошибка, которую я сдѣлалъ въ узнаніи людей, ибо они совсѣмъ не таковы. Но тутъ была причина: ихъ мрачныя страданія, ихъ несчастія и бѣдность прикрывали всѣ недостатки и разомъ дотрогивались до заповѣднѣйшихъ чувствъ души.

Аллегорію «Неаполь и Везувій», хоть я и самъ писалъ, но не понимаю; это такъ-таки просто вздоръ [1]). Вообще, я писалъ аллегоріи тогда, когда дурно писалъ. Что хочешь сказать, говори прямо — Крутицы. Слава Богу — является «ты», и является пламенная дружба къ тебѣ, ты, одна ты рядомъ съ Огаревымъ. Вотъ въ этихъ запискахъ взгляни на мою иронію, тутъ она вся проникнута горячимъ чувствомъ и, между тѣмъ, ядовита, какъ анчаръ. Тутъ, въ одной запискѣ, я говорю о любви, «тамъ-сямъ разсѣянныя черты сильно дѣйствовали, но совокупность ихъ — нѣтъ». «Гдѣ любовь»? спрашиваю я, разочарованный въ блѣдномъ опытѣ. И не зналъ, что это совершеніе, что любовь стояла рядомъ. О, Natalie! Въ запискѣ 31 дек 1834: «не могу подняться до самоотверженія, потому что я нечистъ»... Теперь я могу быть самоотверженнымъ. Кто сдѣлалъ это, кто открылъ мнѣ небо, Наташа, кто? Я тогда еще писалъ, что характеръ у меня неровный, и вся переписка, и вся жизнь моя — безпрерывное доказательство. И ты пишешь, что не всегда можешь держаться на высотѣ, иногда грустишь. Это ничего, это принадлежность человѣка, доколѣ онъ въ тѣлѣ. Но я въ мои минуты паденья дѣлаюсь холоднымъ человѣкомъ, мелкимъ, «повѣсой», какъ тамъ сказано, и вотъ въ эти-то минуты, вмѣсто того языка, который ты такъ любишь, струится иронія. Вотъ эти-то минуты погубили М., но, кажется, и онѣ отлетѣли передъ вѣчной, единой мыслью любви. Дай Богъ. Какая ужасная потеря, что я не могъ

[1]) Текстъ неизвѣстенъ.

сохранить твоихъ записокъ, и онѣ погибли жертвою излишней осторожности, потому что меня не обыскивали [1]). Я сдѣлалъ на нѣкоторыхъ отмѣтки. Прощай, давно ужъ ночь. Ангелъ Господень надъ тобою, *мой* ангелъ.

◆◆ 1. Относительно Сережи (С. Л. Львовъ-Львицкій, потомъ Левицкій, извѣстный фотографъ) Нат. А—на писала: «Очень знала я о Сережѣ, очень вижу ихнее *свысока*, но рѣшительно не обращала на это вниманія. Да, со многихъ спало покрывало во время сватовства» (стр. 451).

185. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

10 февраля (1838).

Къ письмамъ, къ письмамъ! Тутъ-то описано 31 марта 1835 года. День свиданья съ Огар...—день важный и торжественный... вотъ онъ горитъ и пылаетъ въ письмѣ отъ 2 апрѣля. Все это письмо хорошо,—перечитай его. 4 апрѣля письмо заключается: «ты свѣтлая полоса въ моемъ сердцѣ, сестра и другъ». А вотъ и эта записка, святая отъ твоихъ слезъ, покоившаяся на твоей груди. Я боюсь ее брать въ руки, я прижалъ ее къ челу, и сердце билось. Да, тутъ любовь, любовь рѣшительно. Потомъ тучи заволокли мою путеводную звѣздочку, перемѣна мѣста, люди, люди... О, какъ я недостоинъ тебя. А знаешь ли, крутицкая эпоха очень похожа на мою владимірскую. О, здѣсь я несравненно выше Вятки и, кажется, осмѣливаюсь думать, не упаду, не сойду внизъ. Я хорошъ былъ въ Крутицахъ, хорошъ и здѣсь. Кетчеръ былъ въ восторгѣ. Чѣмъ меньше людей, тѣмъ сильнѣе горитъ моя душа, тѣмъ пламеннѣе рвется изъ нея симпатія. Наташа, я сдержалъ слово: жизнь во Владимірѣ—40 дней въ пустынѣ... Тутъ есть одна записка, у которой начало отрѣзано: случайно или нарочно? Я бы тебѣ не отдалъ записку 10 апрѣля, о, какъ она дорога, свята мнѣ, я ее цѣловалъ, я ее прижималъ къ обнаженной груди, чтобъ облегчить плачъ и завыванье разлуки и *ихъ*. Вспомни же и ты, что она лежала на пламенной груди моей, что жаръ этой груди, въ которой одинъ алтарь тебѣ, переходилъ въ эту бумагу,—и поцѣлуй ее... Кто бы меня не зналъ, не повѣрилъ бы, что писавшій записку 10 апрѣля могъ писать до безконечности пошлыя письма, которыми начи-

[1]) Въ тюрьмѣ.

нается наша переписка. Но, сверхъ всего, надобно замѣтить, что я сначала писалъ черезъ пап.

На оберткѣ вятскихъ писемъ 1835 года я написалъ: «Судорожная боль разлуки, душа меркнетъ, падаетъ, еще мигъ,—и она погибла. Но туча разсѣивается, на востокѣ является солнце еще безъ лучей, но пламенное и красное». Да, таковы письма этой несчастной эпохи: утро нашей любви все въ тучахъ, все покрыто испареніями земли. Полдень настанетъ скоро, тучъ уже мало. Полдень это—вѣнчанье, это высшій моментъ любви. Любовь и молитва вмѣстѣ.—Какъ странно на себя смотрѣть, какъ на посторонняго. Видѣть едва зародыши настоящаго. Для меня до 12 окт. 1835 во всѣхъ письмахъ кто-то чужой, не я, потому что я—любовь къ Наташѣ. До тѣхъ поръ это чужой какой-то юноша, съ шаткимъ направленіемъ, съ полумечтой, съ неустоявшими фантазіями, и у котораго одно достоинство—твердо перенесенныя гоненія и несчастія. Первая записка изъ Вятки (21 мая) глупа почти такъ же, какъ поздравительная въ 1833. Я бы ее бросилъ [1]). Но смотри, какъ мощно дѣйствіе твоихъ записокъ на меня: 24 іюля я съ восторгомъ сказалъ: «Наташа, ты—мой ангелъ утѣшитель». Въ той же запискѣ въ первый разъ «*моя* Наташа». *6 сент.*: «твои записки имѣютъ на меня дивное дѣйствіе, это—струя теплоты на морозѣ, дыханіе ангела на мою больную грудь»... И это дыханіе не могло еще тогда предохранить эту грудь отъ порока! Еще разъ повторяю: письмо 12 окт. превосходно, оно жжетъ пальцы, и взгляни, какъ страдала тогда душа! Еще разъ благодарю за письма, они мнѣ доставили столько наслажденія, съ ними я провелъ нѣсколько дней. Я бы прислалъ тебѣ твои до 1836 г., но когда же ты ихъ будешь читать! При первой оказіи пришли мнѣ до 1-го янв. 1837, а я возвращу тебѣ; впрочемъ, они мнѣ нужны, да, можетъ, *скоро* ихъ и ненадобно будетъ пересылать. Они разомъ будутъ у насъ обоихъ. Прощай, милая, милая, Наташа.

Егоръ Ив. очень несчастенъ, виноватъ немного и самъ и очень много тотъ, кто ему далъ жизнь. У него не было самобытности, они его задушили съ какимъ-то безчувствіемъ; вотъ участь, которая бы ждала насъ, ежели бы не Богъ. И послѣ этого быть благодарнымъ за жизнь, ха-ха-ха! Что же касается до его любви, это вздоръ, нелѣпость. Можетъ ли не голубь любить горлицу? рѣшительный вздоръ. Да онъ и понятія не имѣетъ о любви, которою надобно любить тебя, можетъ, ему нравилось лицо... Можетъ, еще сегодня получу твое письмо.

[1]) Не сохранилась.

11 февр.

Наташа, Наташа, два письма отъ тебя! Но меня ужаснуло послѣднее: въ тебѣ отчаяніе, не больна ли ты? Бога ради, не скрывай, умоляю тебя, Бога ради! Что съ тобою, ангелъ мой? Вижу, что пора кончить—*и кончу, вотъ тебѣ моя рука.* Къ Эмиліи всѣ подробности. Письмо къ пап. *написано* сильно, коротко и пламенно. Желѣзная воля на каждой строкѣ, я его пошлю тотчасъ по полученіи отвѣта изъ Петербурга (а, можетъ, и гораздо прежде). Вотъ тогда-то увидимъ, отецъ онъ или нѣтъ. Наташа, Наташа, солнце восходитъ въ черной тучѣ. Теперь, стало, погоди ссориться съ своими. Ежели отъ него рѣшительный отказъ,—я распоряжусь самъ.

Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ послано и другое. Итакъ, въ ту минуту, какъ ты читаешь, можетъ, онъ ужъ отвѣчаетъ.

На колѣни и молись!

12-го, суббота.

Смотри, Наташа, можетъ, будутъ съ тобою говорить, можетъ, будутъ гоненія,—перенеси и помни, что все это продолжится нѣсколько недѣль. Пуще всего будь тверда съ пап., но не очень увлекайся. Съ холодными людьми—холодъ. Богъ надъ тобою. До вторника.

Вотъ и храмъ божій печатью этому письму, и случайно! [1])

186. Кристаллизація человѣчества.

говорить о домахъ подъ лакомъ въ Голландіи, о юртахъ киргизовъ, о жилищахъ бобровъ и все это до изящнаго не относится или относится, какъ застава и карантинъ къ городу, хотя и живетъ подъ его покровительствомъ. Но замѣтимъ, именно въ домахъ, магазейнахъ, мостахъ и отличается нашъ вѣкъ.

Но неужели на пламенный призывъ человѣчества не будетъ ему изящнаго? Неужели животворная мысль творчества не сойдетъ на землю, изрѣзанную желѣзными дорогами, и неужели памятниками нашему вѣку будутъ казармы, магазейны, экзерциръ-гаузы? Не можетъ быть, но чего ждать міру отъ будущаго зодчества, объ этомъ поговоримъ въ слѣдующей статьѣ.

Владиміръ
12 февр. 1838 г.

[1]) Письмо было запечатано облаткой съ выдавленнымъ изображеніемъ церкви.

187. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

12-го (февраля 1838 г.) Ночь.

Итакъ, моя Наташа, письмо мое въ рукахъ папеньки! Сердце молчитъ; тихо, никакихъ предчувствій,—я готовъ на все. Дивно, когда человѣкъ рѣшится, уже совершено; такова власть духа, это остатокъ творчества Бога, и, ежели-бъ мы умѣли душу держать чисто, мы бы сказали горѣ: «иди», и она пошла бы. Рѣзче, сильнѣе, исполненнѣе любви и покорности не могло быть письмо, это языкъ сына и въ то же время человѣка съ желѣзной волей. Оно поразитъ его. Всего хуже отсрочка, но ее надобно будетъ сдѣлать, ибо отсрочка значитъ, что не имѣетъ духа отказать, что онъ не противъ... Это письмо—побѣда надъ собою: признаюсь, рѣшиться было трудно, но, написавъ одну строку, я спокойно написалъ, спокойно сложилъ, запечаталъ и отправилъ. Провидѣнію угодно было такъ—и я выполнилъ приказъ свыше. Ежели его письмо будетъ ледъ, я замолчу, ни слова не прибавлю и возьму все на себя. А ежели твое предчувствіе вѣрно, и онъ, вмѣсто грозы, пришлетъ благословеніе, тогда... тогда онъ въ первый разъ увидитъ сына во всемъ блескѣ. Онъ меня видѣлъ сыномъ въ цѣпяхъ, не прежде, эти-то безмѣрныя попеченія и преклонили мою голову, они-то и теперь мнѣ узда, ибо неблагодарнымъ я не умѣю быть. Но кто виноватъ, что мы прежде другъ друга не понимали? Юноша ли 20 лѣтъ, или старикъ? Ни тотъ, ни другой—XVIII и XIX вѣка виноваты, между ними почти не существуетъ перехода.

Ну, что портретъ? Тогда я попрошу у него портретъ его дочери. О, неужели папенька откажется отъ такого сына и отъ такой дочери, и отъ всѣхъ наслажденій, которыя могутъ обвить послѣдніе дни его? Неужели?

Твое здоровье занимаетъ меня больше письма. Я *требую* откровенности. Наташа, береги меня въ себѣ, ежели... кровь цѣпенѣетъ, потъ выступаетъ... ежели бы я лишился тебя, міръ увидитъ отчаяннаго, онъ увидитъ человѣка, отрѣшеннаго отъ всѣхъ его условій, человѣка, въ которомъ не останется ничего человѣческаго, можетъ, безумнаго, можетъ, самоубійцу. Наташа, я твоими словами скажу тебѣ: неужели эта любовь недостаточна, чтобъ перевѣсить ихъ гнусности? Любовь побѣдила во мнѣ все, а любовь—ты. Улети ты изъ міра,—и что я остался? Нелѣпость, отпечатокъ ноги Господа на пескѣ, но, все-таки, песокъ. Наташа, Наташа, береги себя,

знай: одно сомнѣнье на этотъ счетъ можетъ погубить меня. Иной разъ, когда одна любовь имѣетъ голосъ, и все молчитъ передъ ея звучнымъ языкомъ, я желаю, чтобъ отвѣтъ былъ жестокъ, безчувственъ,—тогда я свободенъ, тогда, минуютъ семь недѣль, и мой ангелъ, вотъ въ этой комнатѣ, гдѣ я теперь сижу, одинокій и грустный... Семь недѣль—о, это чудо! Одно грозитъ намъ тогда—бѣдность; нынче съ голода не умираютъ, а у меня есть руки, есть друзья, а сколько ты для меня перенесешь, это я знаю.

А какъ удивится Ея Сіятельство: une belle matinée [1])—гдѣ Наташа? нѣтъ,—и Марья Ст., съ тѣхъ поръ, какъ злодѣй Бонапартъ грабилъ Звенигородъ, въ первый разъ разгнѣвается до такой степени. И Левъ Ал. въ сенатъ не поѣдетъ, и за Дм. Павл. [2]) пошлютъ гонца, и папенька не дастъ Альману [3]) бѣлаго хлѣба. И бысть смятеніе веліе. Прощай, милый другъ, прощай, спи съ Богомъ, и я лягу... мечтать.

Скажи, пожалуйста, кто у васъ въ домѣ изъ мужчинъ всѣхъ вѣрнѣе? Не забудь.

Прислалъ ли Кетчеръ тебѣ отрывокъ изъ повѣсти [4]) и другой изъ моей біографіи? [5]) Я опять занимаюсь мало, хотя и подрядился поставлять статьи. Да что всѣ эти занятія?—вздоръ. «И принесу на новоселье одну любовь! одну любовь»!..

13-го февраля.

Писать къ тебѣ превратилось въ безусловную потребность, все постыло, кромѣ письма. Сегодня я много, много думалъ о нашемъ *тогда*. Знаешь ли, мы тогда превратимся въ дѣтей, въ маленькихъ дѣтей, сдѣлаемся *просты*, я отброшу всю гордость, все земное; я желалъ бы, чтобъ меня сочли дуракомъ, невѣжей, чтобъ все заключилось, и будущее и настоящее, въ тебѣ и въ природѣ. И дай Богъ дѣтьми окончить жизнь. Пусть прошедшая жизнь моя является, какъ смутное воспоминаніе тяжелаго сна,—у дѣтей бываютъ эти сны, и они видятъ чудовищъ страшныхъ, которыя имъ давятъ грудь, и тогда сонныя ручонки простираются къ матери, и они, проснувшись, ищутъ ея груди. Да, такой сонъ—мое прошедшее. Нѣтъ, нѣтъ, Natalie, подвигъ твой огроменъ, необъятенъ! можешь ли ты себѣ отчетливо представить, какое вліяніе ты сдѣлала на меня?!

[1]) Въ одно прекрасное утро.
[2]) Голохвастовъ.
[3]) Собака.
[4]) «Елена».
[5]) «О себѣ».

Ты именно тотъ ангелъ, который слетѣлъ спасти меня. Ты для меня то, что Христосъ для человѣчества. Съ какими сильными людьми встрѣчался я,—это была встрѣча алмаза съ гіацинтомъ: или на обоихъ оставалась черта, или ни на одномъ. Ихъ призваніе не былъ я, твое призваніе начинается и оканчивается мною. Знаешь ли ты греческую сказку Амуръ и Психея, любовь и душа, огонь земли и дыханье неба, Александръ и Наталія? И еще одна мысль ярко свѣтитъ въ моей фантазіи: мы жертвы искупленія всей *ихъ* фамиліи [1]), и наши страданія смоютъ ихъ пятно и положатся на вѣсы серафима и искупятъ ихъ. О, это высоко, и пусть имъ неизвѣстна эта молитва, эта панихида, которой слова—слезы, и которой крестъ—крестъ страданія. Такова любовь; она ненавидѣть не можетъ, она, какъ потиръ, зоветъ всякаго приступить со страхомъ божіимъ и пить ея кровь, кровь горячую, кровь живого сердца, за нихъ изливаемую. Симпатія—человѣку, симпатія—человѣчеству, симпатія—вселенной, и молитва—Ему. Наташа, ежели мы не на верху блаженства, то кто же??.....

13-е. Поздно.

Получилъ твое письмо отъ 10-го. Поздравляю тебя съ женихомъ, а жениха—съ черкесской шапкой. Эта новость даже и не взволновала меня.[1] Но письмо, посланное вчера, кстати. Дивно, дивно Провидѣніе! Пап. мнѣ пишетъ преколкое письмо, и *именно* отъ 12-го числа и говоритъ: «помни это число». Да, помню. Въ четвергъ отвѣтъ, черезъ четыре дня. А, можетъ, вмѣстѣ и отъ него, и отъ министра?.. Ежели отвѣтъ хорошъ и отъ того, и отъ другого, *то въ воскресенье, въ 7 часовъ утра* Наталія бросится въ объятія Александра, и рай будетъ на землѣ въ насъ. Но радоваться погоди. Какъ перемѣнилось наше положеніе съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Вятку: не только 800 верстами, но 800 обстоятельствами мы стали ближе, вѣнчальный вѣнецъ почти на головѣ. Тамъ нѣмая разлука, даль подрѣзывала крылья, тамъ я былъ слишкомъ *веселъ* и слишкомъ грустенъ; здѣсь я воскресъ, и такъ ли, иначе ли—ТЫ МОЯ. Отъ М. письмо,—грустна, но, кажется лучше, *благословляетъ насъ* (ужъ какъ же не благословить послѣ пап.!) Пиши ей непремѣнно, сильно, выставь ярко твое призванье, проси дружбу; ну, сама знаешь, только скорѣе, и пришли мнѣ. Съ какимъ трепетомъ ты, ангелъ, будешь ждать слѣдующаго письма! въ немъ будетъ все,—а подробности, когда поѣдетъ Егоръ Ив. (пиши ему, я боялся требовать, чтобъ онъ служилъ въ нашемъ дѣлѣ, а онъ взялся за многое).

[1]) То есть всѣхъ братьевъ Яковлевыхъ, имѣвшихъ незаконныхъ дѣтей.

Ты въ самомъ дѣлѣ безумная, какъ Emilie говоритъ; что же за радость г. офицеру жениться на безумной. Лучшее доказательство, что вы не въ полномъ разсудкѣ, Mademoiselle, это—что вы совсѣмъ устроили, учредили Матвѣеву свадьбу, не спрося его,—я расхохотался отъ души. Ты дитя, дитя.[2] Скажи Сашѣ: я для нея все сдѣлаю, но остановить за этимъ нашего соединенія не могу; прежде ли, послѣ ли—не знаю. Люблю ее, но ни одного дня не пожертвую, это свыше моего самоотверженія.

Честь имѣю Вамъ рапортовать, Madame Herzen (ха-ха, да это преуморительно!), что Monsieur Herzen кончилъ статью объ архитектурѣ,—и добра есть. Безспорно, лучшее, что выходило изъ моего пера; глубокая мысль переплетена въ огонь, проникнута огнемъ и огнемъ. Наполеонъ спалъ передъ лейпцигской битвой, я дописывалъ статью 12 февраля. Я что-то веселъ,—можетъ, передъ непогодой, тогда щенята веселятся; т. е., когда я говорю «веселъ», это значитъ скверенъ, это значитъ ниже, на землѣ, а не тамъ, съ улыбкой сарказма, а не съ улыбкой грусти, той грусти.

Итакъ, прощай...

14-е февраля.

Ежели женихъ въ самомъ дѣлѣ юноша добрый, такъ поступи съ нимъ откровенно, скажи ему. А, признаюсь, Emilie поступаетъ странно. Ежели она когда-нибудь повторитъ свое желаніе о твоей смерти, *я отнимаю мою руку, мы съ ней чужіе.* Скажи ей![3]

Можетъ, въ эту самую минуту ты прочла мое прошлое письмо, прочла тихо, спокойно, вдругъ задрожала рука, сердце сжалось, и молитва вырвалась невольно вздохомъ, слезою, трепетомъ,—это тѣ строки, въ которыхъ о письмѣ. Еще два долгихъ дня, и декораціи перемѣнятся.

Жаль, что я тебѣ не списалъ копію съ пап. письма; я ему сказалъ, что я готовъ сдѣлать отсрочку, но на условіи, а условія не сказалъ. Оно одно, рѣшительное и безъ уступки: *обрученье*, а вслѣдъ за тѣмъ, ежели это не понравится ея Сіят-у, выходъ отъ нея. Я ему писалъ: «будьте отцомъ и больше ничего. Вспомните, что дѣло идетъ о жизни и смерти, вспомните, что со мною лишитесь вы многаго. Пожалѣйте себя...» Но загадывать нечего, увидимъ: или обрученье, или вѣнчанье ДОЛЖНО БЫТЬ СКОРО!

По мѣрѣ исполненія желанія человѣка растягиваются. Давно ли весь предѣлъ земного было для насъ свиданье? теперь свиданье близко, возможность ясная, простая возможность въ нашихъ рукахъ. Мы пошли далѣе. Жизнь полная, полная. Ежели бы насъ обручили, я бы

у ногъ пап. выпросилъ, чтобъ онъ тебя лѣтомъ взялъ сюда, и тогда полмечтаній сбылись: мы женихъ и невѣста, I promessi sposi [1]), гуляли бы по прелестнымъ берегамъ Клязьмы, а, можетъ, будемъ гулять I sposi [2]). Нѣтъ, Наташа, напрасно ты бросаешь иногда холодное слово о бракѣ, напрасно называешь буднями; я понимаю этотъ голосъ, хотя мы его почерпнули изъ разныхъ источниковъ: ты изъ безпредѣльной чистоты, я изъ утомленія жизнью. Нѣтъ, въ немъ дивная поэзія, и хотя обрученные чище, святѣе, но и обвѣнчанные чисты и святы. Это совсѣмъ противоположно тому, что я писалъ прошлый разъ. Мы сумасшедшіе, это — дѣло рѣшенное.

Я читаю теперь премилый романъ соч. Manzoni [3]); у него то же заглавіе, какъ у насъ: I promessi sposi. Ты писала когда-то, что хочешь выучиться по-итал. Да, дивный языкъ: музыка и югъ. Ты выучишься скоро, по выпискамъ я вижу, что ты понимаешь понѣмецки, а этотъ языкъ вдесятеро труднѣе итальянскаго. *Тогда* ты будешь моя ученица, bella scolara! [4]) Итакъ, по клюкву, по владимірскую! О, ангелъ мой, и во всемъ этомъ сколько поэзіи, и во всемъ этомъ исполненіе всѣхъ фантазій, я понялъ это. Да, Наташа, ты одна можешь быть моею, но и я одинъ могу быть твоимъ. Поцѣлуй любви и благословеніе брата тебѣ.

◆◆ **1.** 9 февраля Н. А — на извѣщала, что снова началось сватовство, но уже не съ Снаксаревымъ, а съ Александромъ Осиповичемъ Миницкимъ, — «военный, недавно изъ Грузіи, молоденькій, простодушный, съ нимъ мнѣ хотѣлось играть въ карты, въ мячикъ, бѣгать въ горѣлки; цѣлыхъ два часа сидѣлъ и какъ вѣкъ жилъ... Еще только хочетъ жить, чувствуетъ, юноша, добрый, откровенный; завтра хочетъ привезть показать мнѣ свою черкесскую шапку» (стр. 458 — 460).

2. Н. А — на писала: «Когда *твой* Матвѣй такъ хорошъ, когда ты находишь его достойнымъ *моей* Саши, — я отдаю ему ее. Благословимъ ихъ. Пусть все блаженствуетъ и ликуетъ вокругъ насъ хоть годъ, хоть день, хоть мигъ... Она ужасно испугалась сперва, какъ я ей сказала эту мысль, но ей довольно только видѣть, что *я желаю*, хотя-бъ это была смерть и даже разлука со мною. Но ежели Матвѣй *твой*, — Саша его будетъ любить, и счастье ихъ будетъ безмѣрно» (стр. 459).

[1]) Обрученные.
[2]) Супруги.
[3]) Александръ Манцони, итальянскій романистъ.
[4]) Прекрасная ученица.

3. Н. А—на писала: «Сумерки,—Emilie. Господи, что тутъ возстало, закипѣло... «Бѣгите, бѣгите», твердила она, и видъ ея былъ мраченъ, и она ужасно перемѣнилась (отъ нашихъ обстоятельствъ) и говорила опять: «умри, Наташа» (стр. 458).

188. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

16-е февраля 1838.
Владиміръ.

Фу, какъ мучительно тянется это время: жду, жду отвѣта [1]), а все еще среда, а не четвергъ. Ждать ужасно, можетъ, хуже всякаго несчастія. Въ несчастьи я могу дѣйствовать; тутъ, какъ машина остановленная, жди, пока судьбѣ угодно опять пустить колесо. Нѣтъ, не стану и писать, ангелъ мой, примусь читать какой-нибудь вздоръ, чтобъ протолкать въ зашеи это 16 февраля. Да и завтра почта приходитъ ввечеру.

Вечеръ.

Все еще среда! Тоска ужасная, каждую минуту я считаю. Нѣтъ, этого я еще не испыталъ! Что передъ этимъ ожиданіе выйти изъ казармъ! Я ровно не способенъ теперь ни на что, кромѣ читать вздоръ, какъ я сказалъ, и читалъ Бальзака. Ну, а ежели завтра не будетъ отвѣта... морозъ по кожѣ. Наташа, мы должны скоро соединиться, я чувствую это; возвратиться нельзя, слишкомъ ярко и живо представлялъ я себѣ нашу жизнь, и эта мечта убила все прочее; я, говоря твоими словами, «не могу взойти въ дверь, въ которую вышелъ, потому что я выросъ». Такая любовь рѣдко сходитъ на землю. Да, ангелъ мой, напрасно искала бы ты этой любви безъ Александра. Ты счастлива, и я счастливъ. Пошлое выраженіе, что же—одной монетой человѣкъ платитъ извозчику и священнику. Бываютъ грозы, землетрясенія, ужасъ поглощаетъ все, человѣкъ возстаетъ изъ праха и становится соперникомъ урагана. Но бываютъ туманные дни передъ грозой, и человѣкъ, подавленный, тупой, изнемогаетъ подъ бременемъ какой-то томной ничтожности,—вотъ теперешнее мое положеніе. Я раскаиваюсь, что далъ слово пап. отложить, я самъ не зналъ всей важности жертвы. Наташа, милая, ангелъ, ты мнѣ необходима, я гибну безъ тебя! Прилети же скорѣе, голубь, къ твоему орленку, его не тѣшитъ безъ голубя

[1]) Отъ отца.

подлетать къ солнцу, не тѣшитъ дивить собою. Люди, да не отталкивайте же моего блаженства! Что вамъ за дѣло, меня любитъ Богъ, Онъ мнѣ подарилъ Наташу. Что вамъ въ ней, для васъ она ничего. Забудьте насъ или хоть,—боясь Его, сочетавшаго насъ,—не разлучайте.

Прощай.

Четвергъ, 17 февраля.

Итакъ, вотъ оно письмо, которое я ждалъ, передо мною. Ежели-бъ это было смѣшно, я бы расхохотался, а можетъ, ежели-бъ не было такъ плачевно и смѣшно вмѣстѣ, я бы расплакался. Первая страница наполнена вздоромъ, новостями и пр.; на второй: «Я не отрекаюсь отъ права моего воздерживать васъ отъ иного, предупреждать въ другомъ и давать вамъ совѣты во всемъ, что должно содѣйствовать къ вашему счастью. Вы же, достигнувъ уже совершенныхъ лѣтъ, можете исполнять мои приказанія или нѣтъ, это въ вашей волѣ, я избавляюсь отъ отвѣтственности». Какой холодъ. Но grandement merci, mon cher papa [1]), теперь у меня руки развязаны, теперь я тебя торжественно назову МОЕЙ НЕВѢСТОЙ, и въ первый пріѣздъ подарю кольцо. Теперь ясно, что все кончится скоро. Замѣть только: пап. еще обѣщаетъ писать *больше* въ субботу. И отъ тебя, мой ангелъ, ни строчки, о, это ужасно! Теперь-то, теперь-то мнѣ нуженъ твой голосъ. Не пошлю этого письма до вторника, можетъ, ты не получила прошлыхъ, послѣ Кетчера. И душно, и мрачно, и пусто, и письма нѣтъ. Прощай. Какъ убить поскорѣе эти три дня до воскресенья!?

Пятница, 18 февраля.

Все та же тоска, я отъ скуки началъ писать новую повѣсть «Его Превосходительство» [2]), написалъ довольно и, кажется, хорошо. Сюжетъ самый отвратительный, возмущающій всѣ чувства благороднаго человѣка, и таковы будутъ ея подробности. Главное лицо Калибанъ-Гіена [3]) въ «I Maestri». Въ эту томную недѣлю и могла явиться такая мысль, тутъ гуляй моя иронія, клейми людей. А мнѣ страхъ досадно, что не было отъ тебя письма вчера, ты меня такъ избаловала... Ну, хоть бы строчку, и притомъ въ такихъ важныхъ обстоятельствахъ. Когда мы будемъ *вмѣстѣ,* тогда я тебѣ буду драть уши, ежели ты пропустишь ко мнѣ почтовый день. Ты была у насъ въ субботу, 12-го числа, пишетъ мам.,—чудный день. Я его

[1]) Весьма благодаренъ, дорогой папаша.
[2]) Текстъ неизвѣстенъ.
[3]) Тюфяевъ.

отмѣтилъ въ календарѣ, одинъ изъ важнѣйшихъ въ нашей жизни. Пойду спать. Такая скука, что, право, готовъ бы... Ну, что сдѣлать?.. съѣсть эту сальную свѣчу, да пользы не будетъ...

Да, вѣдь, и ты, ангелъ мой, будешь грустить, ежели не получишь письма; итакъ, пошлю, а въ наказаніе..... пустую страницу.

19, суббота.

Пиши, всѣ ли письма мои получены,—я не пропускаю ни дня, ни почты,—или не поздно ли ихъ доставляютъ? Что портретъ? и

Цѣлую тебя.

189. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Февр. 20 (1838). Поздно.
Владиміръ.

Невѣста, милая невѣста, ангелъ мой! итакъ, тебѣ суждено всегда побѣждать меня, всегда быть выше, выше твоего Александра. Ты побѣдила меня твоей надеждой на папеньку. Да, признаюсь, я не ждалъ отвѣта такого, какъ получилъ сегодня. Побѣда наша, слава въ вышнихъ Богу и любовь на землѣ! Онъ недоволенъ мною и моимъ письмомъ, но со всѣмъ тѣмъ ни тѣни препятствія, онъ не даетъ прямого благословенія, но еще дальше отъ запрещенія. Немного холодно, это правда, но и того довольно: «ни вредить, ни мѣшать тебѣ не буду... даю тебѣ волю не токмо въ настоящемъ и *конченномъ* дѣлѣ, но и во всѣхъ будущихъ». Но съ княгиней онъ переговоровъ вести рѣшительно не хочетъ, а ея позволеніе считаетъ необходимымъ. «Ты, будучи здѣсь, долженъ самъ снискивать ея дозволеніе»... «Я желаю съ тобой увидѣться и благословить тебя на всю твою жизнь и на всѣ твои дѣйствія». Ангелъ! какой огромный шагъ мы сдѣлали: ясно, что пап. не противъ. Довольно, довольно на первый разъ. Ну, теперь я скажу, что онъ найдетъ во мнѣ сына, я не отстану, и вотъ моя мечта скораго соединенья жертвуется любви сыновней. Но условіе — обрученіе; впрочемъ, теперь труда нѣтъ большого и полное согласіе получить; но надобно же и ему сдѣлать уступку. Наташа, Наташа — смѣли ли мы даже мечтать объ этомъ 6 мѣсяцевъ назадъ? вотъ Вятка и Владиміръ, вотъ 1837 и 1838 годы. Я горячо благодарилъ пап. за его письмо и между прочимъ: «О, какъ сладко на старости взглянуть на полное блаженство сына и опереться на руку дочери, и какой дочери,—посмотрите на нее, посмотрите, какъ на дочь, и, я увѣренъ, Вы прижмете

ее къ своему сердцу. Богъ васъ благословляетъ ангеломъ, какъ же вамъ не благословить меня!» Я просилъ его тебѣ особенно поклониться; ежели онъ выполнитъ, предоставляю тебѣ, какъ поступить. Я думалъ бы въ эту минуту прямо назвать его отцомъ, на удивленіе Ея Сіятельству. Итакъ, все хорошо, дивно... тучи разсѣиваются, маленькіе клочья голубого неба проясниваются тамъ-сямъ. Теперь, какъ получу увольненіе, явлюсь въ Москву, пріѣду ночью, дамъ тебѣ знать утромъ въ 5 часовъ, а въ половинѣ седьмого пилигримъ усталый, измученный преклонитъ колѣна передъ своимъ ангеломъ-искупителемъ и услышитъ слово любви. Ну, къ твоему письму или, лучше, къ письмамъ, мой другъ!

Начинается съ самаго важнѣйшаго, а именно: дѣлай, что хочешь, а ужъ чулковъ вязать ни подъ какимъ видомъ; у насъ съ Ог. какая-то антипатія противъ вязанья. Извольте видѣть, cara sposa [1]), мы имѣемъ свои капризы à'la Марья Ст. Для насъ чулки, что для нея книга. Письма до 1837 пришли непремѣнно съ первымъ *вѣрнымъ* человѣкомъ. Теперь о Сашѣ; я ужъ сказалъ, что все сдѣлаю для ея выкупа изъ плѣна *египетскаго*, но что касается до ея свадьбы, je m'en lave les mains [2]). Emilie — перебенокъ, да и въ васъ обѣихъ толку ни на волосъ, — съ чего вы вообразили, что свидѣтельство берется въ приходской церкви? Но ужъ корона всему этому то, что Emilie пишетъ объ удобствахъ бѣжать во Владиміръ, потому что ежели будутъ *догонять*, то почемъ узнаютъ, куда ты дѣлась,—какъ будто дорога во Владиміръ секретъ. Вы, вѣрно, мечтаете о побѣгѣ по образу и подобію среднихъ вѣковъ: меня—рыцаремъ, окруженнымъ толпою bravi [3]), а тутъ погоня, пистолеты, кинжалы... Нѣтъ, въ нашъ XIX вѣкъ все это дѣлается просто, и навѣрное никто ногами не догоняетъ, а *бумагами*, что̀, не знаю, выгоднѣе ли въ моемъ положеніи. Ахъ, вы дѣти, но теперь это обдѣлается лучше. Въ самомъ дѣлѣ, стоило мнѣ выступить съ моею твердостью, и все поддается, прежде я еще недостоинъ былъ. Итакъ, ангелъ, наконецъ, ты разглядѣла свои черты во мнѣ, наконецъ, ты сознала ту огромную перемѣну, которую ты сдѣлала во мнѣ. Я до такой степени слился съ тобою, что очень часто твоими мыслями, твоими выраженіями замѣняю свои. Въ Нижнемъ въ 1835 году смотрѣлъ я на Оку и на Волгу: вотъ желтыя волны одной рѣки, вотъ синія другой, онѣ сливаются, но это двѣ рѣки: ярко видна Ока и Волга; нѣсколько шаговъ впередъ, и нѣтъ ни Оки, ни Волги, — одна широкая рѣка несется въ безконечное море. Деньги на портретъ пришлю. Да что

[1]) Дорогая невѣста.
[2]) Я въ этомъ умываю руки.
[3]) Наемные разбойники.

это за чудеса: всѣ мечты до одной начинаютъ исполняться. Только, Бога ради, портретъ, — ты знаешь, что такое имѣть черты милыя. Ежели рѣшительно не дозволятъ, я обращусь къ пап., даже записки буду посылать черезъ него. Полина, Полина, плачь отъ радости, ты много разъ плакала надъ страданьями Александра, слезу радости ему! Но они счастливы и не пишутъ ко мнѣ. Да, въ страданіяхъ, тутъ-то человѣкъ понимаетъ, что такое другъ, тутъ-то онъ ищетъ голову, пьяную отъ ударовъ, преклонить къ груди, исполненной участьемъ. Мы и въ счастьи не будемъ таковы, о, нѣтъ! Изъ Петербурга еще нѣтъ отвѣта; ежели отказъ — до Загорья. Впрочемъ, я могу повидаться съ тобою гораздо скорѣе, *ежели ты совершенно убѣждена въ вѣрности вашихъ людей.* Тогда отъ тебя зависитъ назначить день,—хоть 25 марта. Какъ,—напишу подробно къ Ег. Ив. Ну, прощай, мой ангелъ, волнуется душа, и что-то не устоялась и настолько, чтобъ писать. Повѣсть новая идетъ на ладъ [1]). Вотъ въ чемъ дѣло: мужъ мерзавецъ и жена ангелъ; мужъ подъ судомъ и даетъ жену во взятку губернатору. Жена въ отчаяніи, чахотка, смерть. Мужъ пьянъ, и въ день похоронъ губ. получаетъ владимірскую звѣзду, у него пиръ горой. Будетъ хороша; напишу строгій выговоръ Кетчеру за то, что не доставилъ еще тебѣ ни повѣсть «Елена», ни отрывокъ ихъ жизни [2])... Пиши же къ Медвѣдевой.

21 февраля.

Ну, вотъ теперь вопросъ: что же тебѣ дѣлать? Неужели ничего? Совсѣмъ нѣтъ. По письму отъ пап. я вижу, что онъ скоро привыкнетъ къ мысли о *конченномъ* дѣлѣ, какъ онъ выразился. Тогда ты должна сказать княгинѣ, а я ей напишу. Опора—папенька. (До сихъ поръ не могу отъ удивленія прійти въ себя! о, милая, милая Наташа!). Я буду ей писать, что съ его стороны препятствія нѣтъ. Ежели за этимъ будутъ слѣдовать вздорныя непріятности— перенести; ежели же будутъ обиды и оскорбленія, которыя, ты знаешь, я не могу и *не хочу* переносить, то объяви прямо, что ты оставляешь домъ, и тотчасъ обратись съ письмомъ къ пап. Въ этомъ письмѣ со всевозможной деликатностью о княгинѣ скажи, въ чемъ дѣло, и просись переѣхать къ намъ, но не забудь сказать, что, въ случаѣ отказа, ты, все-таки, переѣдешь. Отказъ и будетъ— тогда къ сестрѣ Emilie. Ежели же скажутъ, чтобъ ты ѣхала въ Петербургъ, откажись прямо и рѣшительно. Но теперь надобно погодить до тѣхъ поръ, пока будетъ готовъ портретъ, а, отославши

[1]) «Его Превосходительство».
[2]) «О себѣ».

его, хоть на другой день. Вотъ тебѣ моя инструкція; обстоятельства сами покажутъ, что̀ еще нужно и что̀ нѣтъ. Я писалъ объ обрученьи,—это весьма важно, тогда весь призъ надъ нами пропалъ. Ну, довольно о внѣшнемъ.

Удивительно, еще разъ повторю, какъ я шагнулъ послѣ Вятки; съ нею я отрясъ большую часть земли; нѣтъ мысли, поступка, въ которыхъ бы я могъ себя упрекнуть съ тѣхъ поръ, какъ здѣсь. Хотя ты и говоришь, но въ тебѣ я не вижу перемѣны въ послѣднее время. Выше нельзя стать, какъ ты стала въ 1837 году, когда, съ одной стороны, отнялись всѣ надежды, а, съ другой — исторія сватовства черной тучей выходила,—выше, ей Богу, человѣкъ на землѣ не можетъ быть. Каждая строка, тогда писанная тобою, свята, какъ слово Евангелія. И знаешь ли, твоя мысль прелестна насчетъ моего паденія: ты писала разъ: «можетъ, Провидѣніе хотѣло смирить тебя». Да, рѣзкій и даже жесткій иногда по характеру, много разъ я начиналъ осуждать, и вдругъ рѣчь моя останавливалась, подкошенная воспоминаніемъ, и я прощалъ брату падшему и дѣлилъ его раскаянье, а не камень бросалъ въ него. Полна была моя исповѣдь Кетчеру, онъ обвинилъ меня, и я, склонивши голову, слушалъ его обвиненія и не токмо не оправдывался, но обвинялъ себя еще болѣе. Были ли эти чувства во мнѣ прежде? не ты ли, благодатный ангелъ, вселила истиннаго Бога въ мою душу?! Наташа, радуйся: я, созданный Богомъ, могъ пасть; я созданный дружбой, могъ пасть; я, созданный тобою, сталъ твердо. Низко я не паду, это вѣрно, я не унижу ту грудь, которая умѣла возвыситься до любви къ тебѣ, до любви къ Богу черезъ тебя. Наташа, гордый, самолюбивый, я всему хотѣлъ прикладывать крупную печать моего вліянія, — таковъ я былъ въ дружбѣ. Друзья меня баловали, я ничему не покорялся. И Богъ хотѣлъ склонить мою гордость и дивной, не силою міра, не силою власти, а дѣвой святой и чистой. Чѣмъ болѣе раскрывалъ я душу любви, тѣмъ смиреннѣе она становилась; не разлука была причиною, что я съ такой любовью встрѣтилъ Кетчера, нѣтъ, моя душа не есть храмъ эгоизму, а храмъ любви всему: вселенной, людямъ, тебѣ, тебѣ.

Ты отдалась мнѣ, я принялъ твой даръ, я дерзнулъ поправлять тебя (1834), я, стало быть, считалъ себя выше. И что же! ты осталась та, что была,—я переплавленъ тобою въ другую форму, и я не жалѣю о самобытности. Но, Наташа, вѣрь же мнѣ, что это могла сдѣлать *только ты*, никто въ мірѣ, кромѣ тебя. Не думай, что тутъ тѣнь увлеченья; положимъ, и въ тебѣ есть недостатки (хотя я не знаю ни одной пылинки); религіозность твоей любви,—вотъ что имѣло такое вліяніе, это—любовь, переплетенная молитвой;

поглощая любовь, я вмѣстѣ поглощалъ молитву и дѣлался христіаниномъ. Благодарю тебя, Наташа, ты исполнила призваніе ангела; и вò-время было 9 апрѣля: ежели-бъ мы не поняли другъ друга, о, быть можетъ, душа, обреченная теперь блаженству, сгибла бы совсѣмъ. И дивная вещь, нѣтъ ни одной мелочи, въ которой бы ты не поступала, не думала, не чувствовала совершенно такъ, какъ бы я хотѣлъ, чтобъ ты чувствовала, думала... Всѣ требованія до одного исполнены да еще, сверхъ ихъ, море блаженства. Даже въ ребячествахъ, которыя прорываются у тебя, вездѣ та душа, которую я искалъ. Твоя забота о Сашѣ, — это совершенно мнѣ родное чувство, и что ты въ первую минуту надежды вспомнила ее, было бы, можетъ, обидно какому-нибудь *порядочному* человѣку, а я съ восторгомъ смотрѣлъ на эту благодарность. Твое пренебреженіе ко всему будничному (какъ ты выражаешься)—совершенно мое: я скорѣе перенесу, Богъ знаетъ, какую нужду, нежели *заботиться*, и ты, ежели-бъ теперь много занималась этимъ, теряла бы свою святость. Ну, можно ли себѣ представить св. Іоанна, заказывающаго сапоги? Да, впрочемъ, вотъ вопросъ, котораго еще не было. Знаешь ли ты, что я очень люблю въ дѣвушкѣ и женщинѣ охоту наряжаться (разумѣется, чтобъ это было не главное)? Въ нарядахъ есть своя поэзія, ими пренебрегать не надобно, какъ и наружной красотой,— изъ любви къ изящному ими пренебрегать не надобно. Скажи твое мнѣнье, и прощай, невѣста (мнѣ нравится это названіе, зато слово женихъ безобразно). Хоть ты и называешь это ребячествомъ, однако, еще и еще умоляю беречь здоровье; не знаю почему, я не вполнѣ вѣрю, что тебѣ легко съ рукъ сходятъ непріятности въ физическомъ отношеніи. Благословеніе Бога и любовь Александра надъ тобою.

Всѣ ли письма получены? Я не пропускалъ ни одного дня, кажется.

Александръ.

22-го, вторникъ.

Отъ Витберга имѣю много писемъ. Я въ самомъ непріятномъ положеніи относительно его: дружба заставляетъ меня обличить ему всѣ гадости, которыя дѣлаетъ братъ его жены [1]), я не могу молчать, потому что онъ расточаетъ послѣдній кусокъ хлѣба. А между тѣмъ его это огорчаетъ. Прощай, моя милая, прелестная подруга. Портретъ, портретъ, и письмо къ Мед.

Твой *Александръ.*

[1]) Пузыревскій, жившій въ Москвѣ.

Хотя я и отдавалъ справедливость своимъ талантамъ, но смѣлъ ли я про что-нибудь сказать: вотъ великое, сдѣланное мною? Конечно, нѣтъ. А про любовь твою я смѣло говорю, — и пусть никто не пойметъ и не оцѣнитъ ее, я сознаю, что наша любовь велика. Сестра!

190. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

(22—25 февраля 1838).

Баронъ Упсальскій, г. шаферъ etc. etc. etc., давши тебѣ слово поступать рѣшительно, я такъ и поступилъ, и, какъ всегда, побѣда со стороны твердости. Я написалъ письмо сильное, огненное, вездѣ былъ виденъ сынъ, молящій отца, и вездѣ изъ-за сына проглядывалъ человѣкъ съ желѣзной волею, т. е. въ томъ родѣ, какъ Никонъ подписывалъ: «смиренный Никонъ патріархъ». И папенька поступилъ превосходно на первый случай. Онъ пишетъ, что дѣло конченное, и что онъ уже голоса не имѣетъ и предоставляетъ мнѣ самому оканчивать, только проситъ не торопиться. Я считалъ бы непростительнымъ настаивать больше, поблагодаривъ summa cum pietate [1]), — и буду теперь стараться мирными средствами окончить. Впрочемъ, я сказалъ, что только на одномъ условіи откладываю — обрученье. Представь себѣ: даже ни брани, ни сердца, ни остротъ. Я два дня удивлялся. Меня хотятъ провести, поступаютъ ужасно; на всякій случай имѣй въ виду священника и все, что надо. Симъ и заключаю. Да равно нѣтъ надежды кончить добрымъ порядкомъ.

Посылаю одного «Германскаго путешественника» и маленькую фантазію [2]), служащую введеніемъ во вторую часть «Wahrheit und Dichtung» [3]). Я столько увѣренъ въ добротѣ Екатерины Гавриловны [4]), что не побоялся отказа, посылая ей эту статейку въ знакъ многаго, ну, многаго. Контрактъ не исполнилъ [5]) такъ, какъ и ты; ты обѣщался доставить списокъ изъ моей книги и отрывокъ повѣсти Наташѣ и не доставилъ. У васъ, въ Сокольникахъ поведенція такая. А не исполнилъ по нижеслѣдующимъ причинамъ. 1-е) Ожидая отъ папеньки отвѣта, я вовсе не думалъ о статейкахъ. Я, было, взялся за «Вятскія письма», да такъ показались мнѣ плоски,

[1]) Съ величайшимъ благоговѣніемъ.
[2]) «Это было 22 октября 1817 года».
[3]) «Правда и вымыселъ».
[4]) Левашова.
[5]) Т. е. не исполнилъ обѣщаній относительно отправки статей для «Сына Отечества».

что я чуть ихъ не сжегъ. 2) Я написалъ новую повѣсть «Его Превосходительство» и навѣрное не хуже, нежели «Тамъ», только надобно поправить. 3) Статью объ архит. [1]) кончилъ, но не переписана по случаю грудной боли писца. 4) Потому что я думалъ больше о новой повѣсти (еще) «Граница ада съ раемъ» [2]).

Говорятъ, Нилъ способствовалъ плодородію женщинъ; но я начинаю думать, что Клязьма способствуетъ *литерацкому* плодородію; впрочемъ, всѣ статьи у меня родятся per abortum [3]),—единственный недостатокъ.

Мы много глупаго оставили въ отрывкѣ; ежели онъ у тебя, поправь, во-первыхъ, заглавіе: поставь вмѣсто «Тамъ»—«Елена», «Тамъ» относится къ Анатолю; потомъ вымарай «Черезъ десять лѣтъ». Это вовсе не нужно. А отослать тетрадь о моей жизни вовсе нужно Наташѣ.—Ты ей отвезъ мое письмо, въ которомъ была твоя приписка. Она, увѣдомляя, что ты пріѣхалъ, написала *сюда* отвѣтъ; я нахожу, что это весьма догадливо: писать во Владиміръ съ Поварской можно, ибо на то есть почта, а писать съ Поварской на тотъ свѣтъ, въ Лукоморье и въ Сокольники, нѣтъ возможности; даже не всѣ вѣрятъ, что есть тотъ свѣтъ, Сокольники и Лукоморье (кромѣ Нестора). А пишетъ она: «Вотъ вамъ, Кетчеръ» (слѣдовало бы сказать «Николай Христофоровичъ», я ужъ ей это замѣтилъ, ибо неучтиво звать по фамиліи,—эта честь только принадлежитъ нѣкоторымъ великимъ людямъ и всѣмъ собакамъ) «рука дружбы, слеза благодарности и восторга—довольно, довольно, кромѣ Его, никто не дерзнетъ требовать больше. Ежели вы избраны имъ, вы избраны Богомъ, благословлены мною. Но мы не *новые* друзья, мы не видали только другъ друга въ толпѣ, не успѣли заговорить—итакъ, до свиданья!»

Все это, какъ ты помнишь, писано мельче французскихъ стереотипныхъ изданій.

Часть книгъ г-жи Левашовой отправлю. «Les affaires de Rome» очень интересно; «Mémoires» de La Fayette интересны тоже, новаго мало. Лафайетъ слишкомъ *честный* человѣкъ, чтобъ быть великимъ. Онъ откровенно признается, что хотѣлъ (III томъ, статья «Démocratie royale») республиканскую монархію, все дѣлалъ самъ и удивился республикѣ. Ему послѣ 10 августа 1792 нельзя было оставаться на первомъ планѣ. Но изященъ онъ въ перепискѣ съ Вашингтономъ. Это не Гёте и m-me Staël, [4]) а два человѣка съ

[1]) № 186.
[2]) Текстъ неизвѣстенъ.
[3]) Выкидышемъ.
[4]) Г-жа де Сталь.

одной симпатіей. «Mémoires» de Lucien Bonap. [1]) скучны, а ужъ тѣ и читать нельзя, какого-то шута при Карлѣ X. Aimé Martin [2]) что-то очень похожъ на Вадима Пассека, тоже что-то ближе къ хаосу въ головѣ, нежели къ отчетливой мысли. Благодари К. Г. [3]) и попроси ее прислать года за два, за три лучшихъ романовъ,— смерть моя, романы: лягу съ утра на диванъ и до вечера читаю: лучшее средство, чтобъ я ничего не дѣлалъ—давать романы. Пришли по почтѣ, ежели не запрещенные, а то уложи, запечатай и отошли Егору Ивановичу. Прочти «Les affaires de Rome»; ахъ, чортъ его возьми, этого Lamennais [4]), да его хоть сію минуту въ Робеспьеры или Сенъ-Жюсты,—и сколько огня, поэзіи, увлеченья! Пожалуйста, попроси книгъ еще; самъ разсуди: во Владимірѣ можно ли не безпрестанно читать? Огаревъ не пишетъ. Чудакъ. Отослано ли мое письмо? А что Сазоновъ? Гони его сюда,—что за безсовѣстный.

Я вспомнилъ, еще *въ мое время* Buchez [5]) и Le Roux [6]) грозились исторіей революціи, не вышла ли? Узнай (впрочемъ, ты никогда не исполняешь комиссій), нѣтъ ли у кого? Да еще у Сазонова я съ 1834 года прошу книгъ, а онъ тоже съ 1834 года не присылаетъ.

Статья, назначенная Левашовой, лежитъ въ «Германскомъ пут. Прочти ее сперва, c'est un rien [7]), и, ежели найдешь дурною, *никакъ не отдавай.* Этого рода статьи въ прозѣ кажутся натянутыми вездѣ, кромѣ у Ж. П. Рихтера. Но неужели фантазія, сама въ себѣ хорошая, не можетъ существовать безъ ритма. Почему я посвятилъ эту статью К. Г.? въ память ея отзыва объ насъ, въ память ея чувствъ при чтеніи письма отъ Ог.,—право, не нужно видѣться, чтобъ знать. Ну, addio.

Прошу, въ силу контракта, доставить gratis [8]) подписку на «Сына Отечества», а безъ этого не пришлю статей, понеже считаю сію присылку онаго журнала знакомъ аттенціи.

А Сазонову, все таки, кланяюсь, несмотря на то, что ты не доставилъ повѣсть Наташѣ.

[1]) Люсьенъ Бонапартъ, братъ Наполеона.
[2]) Мартенъ, франц. историкъ.
[3]) Левашова.
[4]) Ламеннэ, пламенный проповѣдникъ и публицистъ въ духѣ просвѣщеннаго католицизма.
[5]) Бюше, французскій библіографъ и историкъ. Написалъ вмѣстѣ съ Ру-Лаверньемъ «Парламентскую исторію французской революціи».
[6]) Ошибка: Ру-Лаверн, сотрудникъ Бюше.
[7]) Это—бездѣлица.
[8]) Безвозмездно.

191. Письмо къ А. А. Витбергу.

24-го февраля 1838.

Письмо ваше, Александръ Лаврентьевичъ, отъ 15-го получилъ и вотъ отвѣтъ,—сперва о васъ, потомъ о себѣ.[1] Я вамъ пишу, какъ сынъ, какъ близкій родственникъ, смѣло говорю вамъ: на меня считайте. Благодарю васъ за письмо и возвращаю его *(но съ тѣмъ вмѣстѣ рѣшительно прошу васъ съ моего письма снимка не посылать, я говорю съ вами).* Я прочелъ это письмо, Александръ Лаврентьевичъ! Ваша душа—храмъ одной мысли, чистая и высокая, очень довѣрчива; я мало вѣрю словамъ, можетъ, потому, что самъ бросалъ ихъ направо и налѣво.[2] Теперь обращаюсь къ себѣ и вотъ вамъ полная исповѣдь, судите сами.

Половина тягостнаго положенія, въ которомъ я писалъ къ Эрну, снята. «Le grand secret de la révolution, говаривалъ знатокъ въ этихъ дѣлахъ Saint-Juste [1]), c'est d'oser» [2]).

Eh bien, j'ai osé, j'ai écrit à mon père une lettre feu et flamme, on y voyait le fils prosterné devant son père et l'homme résolu. La lettre était vraiment belle, mais âcre en divers points. Les vexations qu'elle souffre étaient la cause de ces âcretés [3]).

Ну, слушайте же: получаю отвѣтъ, какъ обыкновенно, безъ удивленія, довольно холодный; потомъ другое письмо, въ немъ прямо и ясно сказано: «однажды и навсегда благословляю тебя на жизнь твою и, слѣдственно, на всѣ предпріятія. Но такъ какъ ты придумалъ самъ, то самъ и дѣлай, какъ хочешь, я увѣряю въ одномъ, что мѣшать не стану».

Capisco, capisco, какъ говорятъ итальянцы: capisco, caro Padre [4])! мѣшать не стану—значитъ въ переводѣ: «я знаю, что ты не можешь обойтись безъ моей помощи»; ну, признаюсь, у меня все было готово въ случаѣ отказа, двадцать человѣкъ просили быть помощниками, но это полудозволеніе все остановило, и я хочу попробовать

[1]) Сенъ-Жюстъ.

[2]) Великій секретъ успѣха въ революціи, это—дерзнуть.

[3]) И вотъ я дерзнулъ,—написалъ отцу письмо, полное огня и пламени, въ немъ виденъ былъ и сынъ, павшій на колѣни передъ отцомъ, и человѣкъ рѣшительный. Письмо было, поистинѣ, прекрасное, только рѣзкое въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Притѣсненія, отъ которыхъ она страдаетъ, были причиной этихъ рѣзкостей.

[4]) Понимаю, понимаю; понимаю, дорогой отецъ.

тихо кончить и, ежели можно, нынѣшнимъ лѣтомъ; да, непремѣнно нынѣшнимъ лѣтомъ, ибо вы не можете себѣ представить, что̀ дѣлаетъ княгиня.[3] Я готовъ отложить, потребую формальнаго обрученія. Вотъ и все. Перестрадалъ я въ это время ужасно много, нѣсколько разъ, блѣдный и отчаянный, обращалъ я взоръ къ небу и молился. Теперь лучше и я спокойнѣе жду, какъ судьба развяжетъ узелъ, завязанный рукою Бога.

Вотъ вамъ довольно странный случай. Въ Москвѣ простой народъ говорилъ: «горе работникамъ, которые коснутся до Алексѣевскаго монастыря»,—и что же? въ первый день при огромной толпѣ работникъ, снимая крестъ, сорвался и расшибся вдребезги!

Вы угадали—Жуковскій вымаралъ пять послѣднихъ строкъ въ «I Maestri»...

PS. Вчера обѣдалъ я у проѣзжавшаго здѣсь сенатора Озерова [1]); я завелъ рѣчь о васъ pour épier, und manches möchte ich schreiben: er hat eine wichtige Stelle bei der neuen Commission [2]).

Вина не пью, сижу все еще безвыходно дома, пишу новую повѣсть и, кажется, удачно, заглавіе: «Его Превосходительство».

◆◆ **1.** Дальше слѣдовалъ разсказъ о растратѣ имущества Витберга, ввѣреннаго въ Москвѣ брату жены его, Пузыревскому, который Пассекъ рѣшила опустить.

2. Когда Г. И. Ключаревъ, пріятель Витберга, помогавшій ему въ устройствѣ имущественныхъ дѣлъ, сообщилъ, что Пузыревскій растрачиваетъ послѣднія крохи и продаетъ оставленныя въ Москвѣ вещи, Витбергъ послалъ своему шурину копію этого письма, не назвавъ имя автора. Герценъ не хотѣлъ, чтобы это было сдѣлано съ его письмомъ.

3. Дальше слѣдовало описаніе положенія Н. А—ны въ домѣ кн. Хованской и сообщеніе о намѣреніи похитить ее оттуда, которое Пассекъ также опустила.

---

[1]) Петръ Ивановичъ, членъ госуд. совѣта, первоприсутствующій сенаторъ въ общемъ собраніи московскихъ департаментовъ, членъ комиссіи по постройкѣ въ Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, знакомый И. А. Яковлева.

[2]) Чтобы выслѣдить, и кое-что я могъ бы написать: онъ занимаетъ важный постъ въ новой комиссіи.

192. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

24 февраля 1838.
Владиміръ.

Другъ милый, получилъ твои письма отъ 22. Святая, чистая подруга, благодарю тебя, дай же руку, я ее прижму къ груди крѣпко, крѣпко... Теперь ты знаешь настоящій отвѣтъ; со стороны пап. рѣшительно бояться нечего. Пора открыть глаза княгинѣ. И вотъ случай: ежели вы никакъ не сладите съ портретомъ, я буду писать. Однако, воля ваша, я не понимаю, какъ вы не умѣли сдѣлать этого, постарайся еще, портретъ, это—одно изъ моихъ любимыхъ мечтаній. Я погожу писать, но ежели рѣшительно нельзя,—потребую его. Наташа, теперь надобно признаться: насъ (и особенно меня) много пугали чудовищные образы, которые на дѣлѣ не существуютъ; за наказанье мнѣ явились они въ душу и какъ терзали...

Письмо твое прелестно къ Мед., но два замѣчанія я скажу. Объ ней ты не говоришь ни слова, а, подчеркнувши слова «*я васъ знаю*», ты показала, что знаешь ея страданія; мнѣ кажется, слѣдовало бы что-нибудь сказать. Второе—ты чрезвычайно ярко передъ ея глазами поставила картину нашего счастья: любовь самая не можетъ такъ подавить, какъ именно счастье. Впрочемъ, это мнѣ такъ пришло въ голову, и я въ первомъ письмѣ пошлю къ ней. Благодарю, душа моя, что исполнила эту просьбу.

Ты слишкомъ предаешься надеждамъ, почему ты говоришь 7 недѣль? Да развѣ мнѣ есть дозволеніе ѣхать? А какъ откажутъ? На что мнѣ вѣрный человѣкъ? я напишу съ Ег. Ив. У насъ съ папенькой ладъ, не знаю, что будетъ далѣе, я дѣйствую неусыпно. Не могу, не могу долѣе жить безъ тебя; мечта, какъ я уже писалъ, скораго соединенія поглотила все. И вотъ я бросаю взоръ, полный ненависти, на эту цѣпь, которая приковала меня здѣсь, зубами ты бы ее перегрызъ. Ахъ, что ни говори, а жестокое дѣло—разлука; забудешь, забудешь, а все-таки, голова ищетъ груди родной, и уста жаждутъ святого поцѣлуя. Наташа, очень грустно, очень.

25 февраля, пятница.

Ты совсѣмъ отвергаешь богатство,—это несправедливо. У меня нѣтъ корыстолюбія, нѣтъ привязанности къ роскоши, я богатствомъ готовъ жертвовать другу, обстоятельству, но не отвергаю его. Тебѣ незнакома жизнь, богатство, это—свобода, свобода, во-

первыхъ, дѣлать, что хочешь, жить, какъ хочешь, свобода не заниматься *хозяйствомъ*, а хозяйство пятнаетъ саломъ. У меня былъ передъ глазами ужасный примѣръ — Витбергъ. Онъ, твердо переносившій удары жестокіе, не можетъ перенести гнетущей бѣдности. Другой примѣръ Мед., и ей надобно въ этомъ отношеніи отдать полную справедливость: она вовсе не думаетъ о томъ, что ей нечего ѣсть, и это придаетъ ей особую поэзію. Впрочемъ, теперь намъ можно перестать готовиться на матеріальныя бѣды, — ихъ не будетъ, я увѣренъ. Впрочемъ, это мой департаментъ, твой — одна поэзія, одна религія и любовь. Я уже писалъ, что отъ Полины и Скворцова ни строки, мнѣ больно это; дружба имѣетъ свои права и она щекотлива. Я писалъ имъ два раза, теперь не напишу долго, очень долго, можетъ, до нашей свадьбы. А моя симпатія была сильна, моя душа была имъ раскрыта больше, нежели всѣмъ, осыпающимъ меня дружбою изъ Вятки. Они меня *любили*. Я имъ былъ необходимъ. Я ихъ ужасно выдвинулъ впередъ, я ихъ обрекъ на высшую жизнь, я отпечаталъ на нихъ свою душу, а у нихъ нѣтъ необходимости перекликнуться со мной... И мы говорили часто, пусть *тогда* люди забудутъ насъ, но друзья останутся друзьями. И Матвѣй, и Саша имѣютъ мѣсто въ душѣ, тѣмъ паче тѣ — родные по душѣ. Но погожу еще ихъ винить, погожу ставить на одну доску съ Вадимомъ и Тат. П. Знаешь ли, что кто однажды потеряетъ въ моемъ мнѣніи, тотъ ужъ ничѣмъ въ свѣтѣ не поправитъ, *никогда*. А Вадимъ — *единственная* ошибка въ моей жизни: иногда даже мнѣ кажется, что я въ немъ не ошибся, а онъ совершенно сдѣлался другой человѣкъ. Сатина, напр., я никогда не любилъ (онъ меня всегда и теперь); но его одна вина — слабость характера; больше его упрекать грѣшно, въ немъ много благороднаго и хорошаго. Итакъ, думая объ этомъ, часто приходитъ мнѣ въ голову — наше trio одно чисто, свѣтло, безъ пятна: *Огаревъ, ты и я*. Отъ души люблю многихъ, *но*... а тамъ, въ нашемъ trio, нѣтъ *но*... Напр., Кетчеръ; люблю его, онъ чистъ и благороденъ до невозможности, онъ пойдетъ въ петлю за меня, но кого онъ любитъ? Твоего Александра или Александра, который сильной мыслью опередилъ многихъ, который съ малыхъ лѣтъ пренебрегъ для науки и идеи всѣмъ, который страдалъ за нихъ и страдаетъ? Кетчеръ такъ былъ исполненъ любви къ тому Александру, что твой Александръ, не желая огорчить его, не смѣлъ сказать нашу мысль полнаго пренебреженія славы, полнаго погруженія въ море любви. Хотя они на словахъ и ставятъ чувство выше мысли, но на дѣлѣ не то. Съ другой стороны, возьми Витберга; нельзя родного сына больше любить, какъ онъ меня; но..... мужъ второй жены, мужъ

пустой женщины, на которой женился въ силу ея красоты,—можетъ ли понять *все* нашей любви? Ты пишешь о моихъ письмахъ,—да, вѣдь, они только для *тебя* хороши, потому именно, что душа наша одна. Невѣста можетъ сердиться, что нѣтъ похвалъ ея глазамъ, улыбкѣ, устамъ, бѣлизнѣ, ногѣ etc., etc., такъ точно, какъ Наташа могла бы сердиться, ежели-бъ это было. Странный примѣръ пришелъ мнѣ въ голову. Въ колоссальную эпопею французской революціи были два человѣка, оба пламенные, оба представители партіи и оба ненавидѣвшіе другъ друга: Лафайетъ и Барнавъ. По душѣ Лафайета казалось *довольно* ограничить короля, и, ограничивъ его, онъ былъ счастливъ. Но душѣ пламенной Барнава не было границъ, и онъ требовалъ республики. Языкъ Лафайета казался ему сухъ, недостаточенъ, бѣденъ; такъ точно, наоборотъ, тому языкъ Барнава казался сумасшествіемъ... Вотъ исторія нашихъ писемъ и всѣхъ другихъ. А между тѣмъ, они оба правы, *каковы они.*—Будь увѣрена, Наташа, что еще ни одинъ человѣкъ не объяснялъ любви кровавымъ примѣромъ Барнава,—это совершенно ново, и я могу требовать привилегію. Прощай, милый, милый другъ. Я сегодня видѣлъ во снѣ... кого?.. ты думаешь тебя? вовсе не тебя, а Витбергову дочь; будь учтивѣе и увидь меня. Ангелъ!

26, суббота.

Знаешь ли, что меня весьма занимаетъ, гораздо больше, нежели *всѣ будущія* хозяйственныя распоряженія? Я хочу тебѣ составить отчетливый, полный планъ чтенія и занятій, это разъ, и другое—особую библіотеку для тебя. Я много думалъ объ этомъ и, между прочимъ, придумалъ: главное занятіе—чтеніе, но чего? Здѣсь первое мѣсто поэзіи (религія съ ней неразрывна), потомъ исторія; исторія, это—поэма, сочиняемая Богомъ, это его эпопея; потомъ романы,—и больше ничего. Пуще всего не науки, Богъ съ ними; всѣ онѣ сбиваются на анатомію и рѣжутъ трупъ природы; науки холодны и худо идутъ къ идеальной жизни, которую я хочу тебѣ. Но тутъ не все сказано: какія поэмы, какіе романы? Не воображай, чтобъ отъ всей массы мыслей и чувствъ осталось въ тебѣ что-либо измѣненное; нѣтъ, тогда я вырвалъ бы книгу изъ твоихъ рукъ,—въ тебѣ ничего не измѣнится, и не должно. Но ты найдешь свою мысль, свое чувство, раздробленное, разсѣянное, и книга сдѣлаетъ для тебя опытъ, то, что жизнь сдѣлала со мною. По-нѣмецки, при небольшой практикѣ, выучишься,—объ этомъ и не думай, по-итальянски тоже; это вздоръ, только для лѣнивой толпы кажется неприступнымъ. Какъ я выучился въ Крут. по-итальянски

въ два мѣсяца; какъ выучился въ Вяткѣ архитектурѣ въ два мѣсяца. Но все это и самое чтеніе подчиняю я моей живой рѣчи. Да, я призванъ къ тому, чтобы заплатить тебѣ долгъ; ты показала мнѣ небо, показала Бога, рай и себя; я покажу тебѣ землю, человѣка, ангела падшаго. За лазурь неба заплачу лазурью океана. О, какъ хороша наша жизнь будетъ, лишь бы скорѣе, скорѣе! Для насъ все будетъ поэма—и мы, и природа, и Шиллеръ, и обѣдня, и зимній вечеръ въ холодной комнатѣ, и лѣтняя ночь, душная, какъ грозное предчувствіе. О, Боже, какая же молитва выльется тогда изъ этой одной души! Довольно. Еще прощай. *Портретъ непремѣнно* или я напишу. Ты очень хорошо, было, начала съ княг. обращ., продолжай читать, несмотря на ихъ дурачества, отвѣчай смѣло и, ежели нужно, говори прямо о любви,—я благословляю на все. Теперь, вѣроятно, знаетъ Левъ Ал., я писалъ пап., что это не тайна.

Твой *Александръ.*

193. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

26 февраля 1838.
Владиміръ.

Natalie, это письмо тебѣ доставитъ Егоръ Ивановичъ, и потому въ немъ скажу, на что я спрашивалъ, вѣрны ли люди. Здѣсь надзора почти нѣтъ: 15 часовъ ѣзды, и я въ Москвѣ, Матвѣевъ паспортъ—на заставѣ, и черезъ два часа опять въ путь.[1] Опасности нѣтъ, ежели не захватятъ въ Москвѣ; здѣсь не можетъ ничего быть, ибо само начальство будетъ виновато, зачѣмъ допустили, они же и скроютъ. Итакъ, въ случаѣ отказа изъ Петер., назначь день *и часъ,* вели тому изъ людей, кто всѣхъ надежнѣе, дожидаться; я изъ трактира пришлю мальчика,—первый, какой попадется; затѣмъ изъ людей—кого назначишь, часами двумя раньше, и онъ проводитъ меня,—но главное, чтобъ никто не узналъ, что нога изгнанника касалась родного города. Ежели я успѣю совсѣмъ склонить папеньку на нашу сторону, тогда напишу въ Петерб., чтобъ меня отпустили на два мѣсяца *для свадьбы,* и это навѣрное уважится.

Чѣмъ больше я смотрю, тѣмъ необъятнѣе мнѣ кажется шагъ впередъ, который мы сдѣлали съ 12-го; мы еще не могли отдать себѣ полнаго отчета во всей важности его. Все, что требовалось сыновнею любовью, сдѣлано; имъ нѣтъ оправданья, а мнѣ голосъ

сильный принадлежитъ. Итакъ, вотъ эти непреоборимыя препятствія! Теперь мнѣ надобно блеснуть собою, *очаровать* ихъ, и полная власть въ моихъ рукахъ. Мнѣ очень хочется, чтобъ княгиня знала, ежели это не помѣшаетъ перепискѣ и портрету. Повторяю: перестань слѣпо слушаться, читай открыто «Донъ-Карлоса», что будетъ, то будетъ. Тебя будутъ щадить теперь, боясь меня; что они ни говорятъ, а чувствуютъ, что я сильнѣе. Помнишь ли, какъ княгиня сердилась за мою приписку къ тебѣ (молиться вмѣстѣ), а меня благодарила за нее? Покуда я говорилъ полусловами, папенька душилъ меня своими письмами, а когда я сказалъ прямо,—отступилъ тотчасъ; положимъ, что это одна любовь съ его стороны, и въ этомъ случаѣ, стало, я поступилъ, какъ надлежало.

27 февраля, воскресенье, ночь.

Опять почта, и опять нѣтъ письма,—скажу откровенно, мнѣ больно, что нѣтъ письма. Пусть въ другое время—недѣля ничего, а теперь, когда каждую минуту ждешь многаго, страдальчески ждать, ждать почты и не получить письма,—это ужасно! Я писалъ объ отвѣтѣ папеньки 22-го, почта изъ Москвы 26-го; слѣд., надобно было получить отвѣтъ, и ничего; вѣрно, ты писала, такъ скажи мам., чтобъ аккуратнѣе посылали;—ну, лишить человѣка воздуха, которымъ онъ дышетъ... Наташа, я тогда только не страдаю, тогда счастливъ, когда твое письмо передо мною, когда же почта безъ письма, я именно тотъ, которымъ ты меня не любишь: тогда иронія надъ тѣмъ, что нѣтъ письма, надо всѣмъ. Пиши же, другъ мой, пиши!

Мед. прислала картинку къ «22-го октября»,—превосходная, я пришлю тебѣ (она тебѣ и назначена), да тебѣ и ее велятъ спрятать; напиши, прислать ли. О, въ ней много талантовъ,—жаль, жаль. А на кого проклятіе?—на ея отца. Чего думаютъ эти люди, когда они торгуютъ душой и тѣломъ родныхъ дѣтей?! развѣ онъ не видалъ, кому даритъ цвѣтокъ, едва распускающійся,—ей было 14 лѣтъ, когда отдали замужъ, и за кого? Бѣдная, и съ тѣхъ поръ вся ея жизнь—слеза, страданіе, и я воткнулъ ножъ въ эту больную, избитую грудь, избитую тупымъ орудіемъ: я для разнообразія воткнулъ черкесскій кинжалъ, такъ острый, что нечувствительно,—и переломилъ клинокъ. Анаѳема на толпу, на предразсудки, на этихъ полулюдей, которые въ жертву корысти отдаютъ счастье! Но, вѣдь, не благословеніе и тому *выше толпы*, который дорѣзываетъ жертву.

И изъ Петербурга нѣтъ отвѣта... Что же, мало еще я страдалъ? Мало 9 мѣсяцевъ тюрьмы и 3 года ссылки, и за что?

Galilée par trois ans de prison
A expié le grand malheur d'avoir trop tôt raison! [1])

Любви, счастья жаждетъ душа, жаждутъ той груди, гдѣ алтарь ей, гдѣ молитва за нее, гдѣ мысль объ ней, гдѣ сердце бьется для нея,—и, вмѣсто всего, снисходительное приглашеніе обѣдать къ губернатору: «вѣдь онъ изъ *несчастныхъ*, il povero! [2])» Ха-ха-ха! il povero богаче васъ всѣхъ, il povero извѣдалъ всю жизнь, адъ и рай, онъ обжегся о пламень одного, онъ отогрѣлся лучами второго. Да что же я для шутки отданъ на мученье?! ужъ хоть бы мучили такъ, чтобъ было больно, ну, какъ 20 іюля 1834,—это чувствительно, это занимаетъ; а то, какъ вестфальскаго гуся, кормятъ, поятъ, холятъ, а нога прибита гвоздемъ, онъ имѣетъ право—потолстѣть. Въ Италію, въ Италію съ тобой, мой ангелъ, отдохнуть отъ людей, дать волю фантазіи, забыть, что существуетъ канцелярія, кабинетъ, департаментъ, поскитаться по горамъ, поноситься по морю. Тихо... тихо, все спитъ, природа во снѣ видитъ минуту просвѣтлѣнія, луна навѣваетъ этотъ сонъ; море, какъ вороненая сталь, опоясываетъ землю, и двое не спятъ,—нѣтъ, не двое, а это нераздѣльное одно Александръ-Наталія, они въ гондолѣ; Александръ переливаетъ свою безпокойную мысль, въ ней слава и любовь, страданіе и счастье, воспоминанье свѣтлое и воспоминаніе черное, слово объ Огаревѣ и слово о ссылкѣ; онъ переливаетъ ей мысль, заражавшую грудь, и ту, которая ее освѣщала. А она переливаетъ свою мысль Богу, и въ этой молитвѣ и стонъ Александра, и гимнъ Александра... А море плещетъ, и въ этомъ плескѣ—и стонъ природы, и гимнъ природы. Наташа, Наташа, твое сердце бьется... останови его: еще прежде надобно сходить въ владимірское губернское правленье, а тамъ... Фу... Отчего же нѣтъ письма?...

28-го, понедѣльника.

Да, вотъ съ тѣмъ же вопросомъ и проснулся я сегодня: отчего нѣтъ письма? Я—избалованный ребенокъ; такъ меня называли и товарищи въ университетѣ, и друзья, и Вятка. Какъ, чѣмъ?—Симпатіей. Ты избаловала всѣхъ больше, и вотъ я капризничаю, какъ дитя, какъ женщина, оттого что нѣтъ письма, и самъ придумываю мрачныя объясненія для того, чтобъ оправдать свои капризы. Ежели Егоръ Иванов. достанетъ первую книжку «Сына Отечества», прочти

[1]) Галилей тремя годами тюрьмы искупилъ великое для него несчастіе, что былъ преждевременно правъ.

[2]) Бѣднякъ.

Лавинію и поклонись высокой женщинѣ, которая пишетъ подъ именемъ George Sand [1]), я давно хотѣлъ тебѣ дать ея сочиненія, они очень вредны для толпы, т. е. очень полезны для тебя. Какъ только отпечатается прекрасный переводъ «Фауста» Губера [2]),—пришлю. Сперва прочти и отдохни, займись вздоромъ, ну, поговори съ Татьяной Ивановной [3]), и когда пройдетъ, прочти еще разъ. Тамъ-то ты увидишь *страданіе отъ мысли*, ты его не знаешь. О, и я былъ влюбленъ въ науку, и я отдался бы Мефистофелю,—ежели бы не ты. Вотъ тебѣ первая статья—«Мысль и откровеніе», пожалуй, читай ее вслухъ, въ ней ровно ни строки не поймутъ *они*. Кетчеру выговоръ написалъ.

Черезъ полчаса!

Смѣйся, ангелъ, смѣйся, я самъ хохочу отъ всей души. Ну, ужъ, истинно, я баловень въ формѣ. Письмо твое отъ 25 было у другого почтальона, и вотъ оно. Другъ мой, душа моя, я ожилъ, ну, смѣйся же, и ты меня зовешь баловнемъ; въ самомъ дѣлѣ, побѣдная головушка. А между тѣмъ предчувствіе было вѣрно, тоска была вѣрная,—черная туча поднялась на нашемъ небѣ. Господь, развѣй ее своимъ дуновеніемъ. Путь нашъ, Наташа, труденъ, но, однажды соединенные, однажды слитые, мы побѣдимъ, и ежели умремъ на полдорогѣ,—все же побѣдимъ, только побѣду будемъ праздновать не на Арбатѣ, а въ лонѣ божіемъ. Слушай!

Папенька поступилъ со мною не откровенно, онъ хотѣлъ вывернуться своимъ отвѣтомъ и, получивъ мое второе письмо,—такое письмо, которое, ей-Богу, должно заставить отца пролить слезу восторга,—онъ перемѣнилъ языкъ; холоденъ, презрителенъ языкъ, которымъ онъ замѣнилъ. Это очень дурно. Это хуже рѣзкаго отказа,—и вотъ все то, чего я боялся, какъ огня: упреки въ неблагодарности, и то гнетущее, ужасное, какъ проклятіе, слово: «ты убиваешь меня». Онъ пишетъ мало, но говоритъ много, онъ хочетъ *просить* меня при возвращеніи. Но, Наташа, жребій брошенъ, здѣсь присягаю я тобою и твоей любовью, присягаю передъ Богомъ, что назадъ не подамся,—кончено, присяга совершена, *анаѳема на неисполнителя клятвы!*—Теперь своими словами я отрѣзалъ всѣ пути. Одно, что я могу пожертвовать *за благодѣянія*—отсрочку, и то ограниченную, и то это значитъ мясомъ, кровью, клочками сердца платить. Онъ оставляетъ мнѣ волю, говоритъ, что не сдѣ-

[1]) Жоржъ Сандъ.
[2]) Эдуардъ Ивановичъ.
[3]) Ключарева, мать діакона, учившаго раньше Н. А—ну русскому языку.

лаетъ ни малѣйшаго препятствія,—но послѣ того не хочетъ ни даже встрѣчаться съ тобою и со мною. Это значитъ смѣяться надо мною. Да и что же я дѣлаю противъ него, что страшитъ: родство? Да когда они такъ пламенно исполняли законъ Номоканона [1]) и объ родствѣ же упомянулъ вскользь. А совѣтъ искать согласія княгини,—это что же, ужъ не насмѣшка ли? *Дай Богъ, чтобъ это была не насмѣшка.* Въ меня безнаказанно нельзя бросать насмѣшкой. Попробую послѣднее средство, скажу, что я жертвую тобою на нѣсколько лѣтъ, но зато всѣ эти годы *не служу.* Ты не поймешь сразу, какое это сдѣлаетъ дѣйствіе: у пап. рой гордыхъ мыслей основанъ на моихъ талантахъ, но *мои* таланты *мои.* Разрывъ... тутъ много ужаснаго, безнравственнаго,—одинъ грубый отказъ могъ бы сдѣлать законнымъ его, но скорѣй разрывъ, нежели уступка. Я все уступаю, поставилъ одно условіе—обрученье, его надобно мнѣ уступить. Позоромъ, бранью покроетъ толпа,—поклонимся глупымъ братьямъ и примемъ ихъ брань. Будь и ты *тверда и неумолима*, какъ твой Александръ. Само собой разумѣется, что теперь вредъ, а не польза, ежели сказать княгинѣ. Прощай. Не думай, чтобъ меня поразило все это, хотя горько, больно признаться, но я зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло. Все, что требовалось отъ сына—*сдѣлано!*

Ночью.

Душно, все это вмѣстѣ навѣваетъ землю на нашу райскую любовь; что это, въ самомъ дѣлѣ, мои письма становятся непохожими на ту безотчетную пѣснь любви, полную горя и блаженства. Еще разъ откровенно дадимъ другъ другу руку и пойдемъ страдать; мы все могли предвидѣть, а, какъ дѣти, предаемся мечтамъ. «Твое страданіе—искупленіе мнѣ»...

Наташа, что же портретъ? Слушай, нельзя ли это сдѣлать секретно, утромъ рано, во время сна Ея Сіят.? Милый другъ, постарайся потѣшить баловня. Вѣдь, въ два, три утра можно сдѣлать. Я хоть на мертвой бумагѣ остановлю свой взоръ, пламенно поцѣлую ее, оботру ею слезу, приложу къ горячему челу, и мнѣ покажется, что живой, мягкій локонъ касается моего лица. О!... Егоръ Ивановичъ ѣдетъ,—это хорошо; послѣ всѣхъ посѣщеній, послѣ всѣхъ вѣстей, послѣ писемъ, мнѣ надобно одиночество, въ одиночествѣ лучше я. Ни одного холоднаго слова объ Ег. Ив., несчастіе имѣетъ огромное право для меня. Это человѣкъ, убитый при первомъ чувствѣ. Его жизнь ужасна, она въ конецъ испортила и ха-

[1]) «Кормчая книга» греческой церкви, сборникъ правилъ церкви и государственныхъ.

рактеръ. Привѣтъ несчастью, привѣтъ. Ты говоришь, что тогда я буду всѣмъ чужой, кромѣ друзей. Дитя, а теперь? «Ты не похожъ на себя». Нѣтъ, Наташа, мое судорожное ожиданіе — не слабость, я доказалъ свою твердость и правительству, и людямъ, — тутъ другое чувство. Ежели бы ты играла въ карты, то я бы сравнилъ это чувство съ отчаяннымъ Va banque! [1]) — все на картѣ. Банкометъ бросаетъ и блѣденъ, понтеръ ждетъ и блѣденъ, карты еще нѣтъ, и между той картой и первой цѣлая жизнь, исполненная страданій и надеждъ, — у меня вышло pliez [2]), т. е. ни выигрышъ, ни проигрышъ, это всегда досада обоимъ. Почему на меня все это сильнѣе дѣйствуетъ, — ты забываешь мой огненный, порывистый нравъ, и еще ту гордость, которая *не можетъ* вынести препятствій. Въ твоемъ созерцательномъ нравѣ нѣтъ этихъ жгучихъ страстей. Прощай, мой ангелъ, прощай. Или ужъ свиданье оставить до Загорья? Тамъ, гдѣ-нибудь въ лачугѣ я проживу нѣсколько дней. Извольте приказывать, — Наталья Александру.

1 марта.

Картину Мед. посылаю, мысль ея она взяла изъ виньетки одной англійской поэмы. Она не совсѣмъ такъ, но очень хороша, превосходна. Да и въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобъ поднять меня, ты сама опираешься на адъ... Береги ее, она принадлежитъ къ тѣмъ вещамъ, которыя надобно взять съ собою и какъ воспоминаніе, и какъ упрекъ себѣ.

Когда я выучусь при нихъ говорить *ты?* Еще и еще благословенье Бога надъ тобою, ангелъ.

Зачѣмъ ты написала въ письмѣ стихи Козлова: «не дождалась и умерла»? Зачѣмъ давеча я ихъ вскользь замѣтилъ, а теперь они меня толкнули въ черное море грусти? [2]

◆◆ 1. 5 февраля владимірскій губернаторъ, И. Э. Курута, давая знать городской полиціи о переводѣ Герцена во Владиміръ, писалъ: «такъ какъ титулярный совѣтникъ Герценъ для опредѣленія на службу прибылъ сюда, то предписываю градской полиціи, учредивъ за нимъ полицейскій надзоръ, доставлять ко мнѣ по преподанной формѣ третныя о немъ вѣдомости и, въ случаѣ выѣзда его изъ города, сообщать тому мѣсту, въ вѣдѣніе коего онъ отправится, для учрежденія за нимъ надзора» («Труды Влад. Учен. Арх. комиссіи» кн. IV, 65—66).

[1]) На весь банкъ!
[2]) «Въ ничью».

2. Н. А—на писала, что только и ждетъ, когда судьба «изведетъ» ее изъ дома Хованской. «Изведи скорѣе, не то на вопросъ сострадательнаго скажутъ:

Ее вотъ здѣсь похоронили,
Тужить не велѣно объ ней,
Теперь бѣдняжкѣ веселѣй.
Она кого-то все ждала,
Не дождалась и умерла» («Безумная» Козлова).

194. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

1 марта (1838).

Несмотря на всѣ мои бравады, я въ полной мѣрѣ *цѣню*, что такое ссылка. Еще можно предпочесть тѣ страданія, которыя жгутъ и рѣжутъ, а это нѣмое, глупое состояніе отвратительно. Душа полная рвется, рвется къ ней, къ морю, къ природѣ и поэзіи, а тутъ канцелярія гражданскаго губернатора... Да это хуже Мефистофеля въ «Фаустѣ». Да, она и природа,—мнѣ надобно отдохнуть, а то отъ битья душа скоро превратится въ сливочное масло, и притомъ горькое. Воля, воля! я бы поклонъ въ поясъ вамъ всѣмъ и съ нею бѣжалъ бы туда, гдѣ океанъ, скалы и нѣтъ людей или, ежели есть, то разбойники и контрабандисты, люди безъ маскараднаго платья, какъ есть, съ ножемъ и обманомъ. Да гдѣ же это море? мнѣ все равно, хоть въ Тамбовской губерніи. Лишь бы я могъ вотъ все это, что давитъ—угрызенія совѣсти и счастье, Огарева и ссылку,—все сплавить въ одну поэму, а природа была бы суфлеромъ и декораціей: она подсказала бы молніей, ласточкой, волной, чего не выскажешь словомъ, и эту поэму передать ей, оттого что она понимаетъ любовью, а не понятливостью, для того, что она сдѣлаетъ изъ этого молитву, кроткій свѣтъ луны изъ зарева горящей избы... А каленый воздухъ чуть дышетъ, дохнётъ и принесетъ ея локонъ и запахъ оранжей; пересталъ дышать—и природа спитъ. Спитъ, а что она, видитъ ли что-нибудь во снѣ? Собака видитъ же, что гоняется за зайцемъ, и дрыгаетъ ногами, ну, а этотъ огромный звѣрь, земной шаръ, который, какъ бѣлка, кружится въ звѣринцѣ изъ эфира, будто ничего не видитъ во-снѣ... вдругъ видитъ минуту просвѣтлѣнья, окончены страданья, свѣтло,—проснется, а градъ бьетъ ее въ рожу, а судорога сводитъ тѣло землетрясеньемъ. Хорошо, что изобрѣли рѣки: есть куда природѣ

плакать послѣ такого пробужденья. Я ужасно сердитъ теперь и оттого написалъ такую гиль, а ты будешь хохотать, хохотать надъ тѣмъ, что я бѣшусь. Говорятъ, хина производитъ лихорадку и унимаетъ лихорадку.

Нѣтъ, все, что я писалъ, глупо. Сожгу все, кромѣ статьи архитектурной [1]), а она, можетъ, всѣхъ глупѣе, да въ ней есть хоть указанье на мысль широкую. Надо перестать острить: «шутить и все шутить, какъ васъ на это станетъ?» [2])—Есть мысль хорошая для новой повѣсти, а какъ примешься писать—выйдетъ чортъ знаетъ что. Пуншъ, въ которомъ и чай и ромъ испорчены другъ другомъ: ромъ не пьянитъ, а чай воняетъ, какъ человѣкъ съ похмелья. Ну вотъ гдѣ талантъ, тамъ совсѣмъ не то, M-me Dudevant [3]), напр.; ее люблю отъ души, я съѣздилъ бы ей поклониться, и *ее* заставилъ бы поклониться высокой женщинѣ, лишь бы она не курила pachitos при мнѣ; всѣ права отдаю женщинѣ, но женщина съ трубкой—гермафродитъ. Попроси у Левашовой романовъ Dudevant, да и по почтѣ можно послать: здѣсь не распечатываютъ, а въ Москвѣ твое дѣло,—а досадно, что ты не исполнишь, по обыкновенію. Не знаю, какъ попалъ теперь на m-me Dudevant, а смерть захотѣлось, она женщина—Робеспьеръ; нѣтъ, Робеспьеръ былъ трусъ, онъ слынялъ 10 августа, ну, женщина—St. Just [4]).

Мое вамъ почитаніе, Николай Христофоровичъ, свидѣтельствуйте *ваше* почтеніе тетенькѣ, братцу, а я, по отпускѣ сего прошедшаго письма, пребываю въ пріятномъ воспоминаніи къ вамъ, всегда не забывая того истинно-родственнаго расположенія, съ которымъ честь имѣю заключить эту глупость.

А. Г.

195. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(2 марта 1838).

Я не знаю, билось ли сердце у тебя въ половинѣ второго; *я здѣсь*, т. е. К. [5]), *секретно*, и, слѣд., устрой свиданье. Завтра въ 9 я ѣду. Нынче же отдай приказъ Аркадію, я пришлю за нимъ изъ

[1]) № 186.

[2]) Слова Софьи въ «Горе отъ ума».

[3]) Г-жа Дюдеванъ—настоящая фамилія знаменитой французской писательницы Жоржъ Сандъ.

[4]) Сенъ-Жюстъ, франц. революціонеръ, казненный въ 1794 г., вмѣстѣ съ Робеспьеромъ.

[5]) У Н. Х. Кетчера.

какого-нибудь трактира. Завтра, въ 6 часовъ утра, чтобъ были отперты *ворота*. Разсуждать некогда, дѣйствовать. [1]

А. Г.

◆◆ 1. Герценъ пріѣхалъ въ Москву съ паспортомъ своего слуги Матвѣя. Въ 5 часовъ дня онъ былъ у Э. М. Аксбергъ, которая надписала на этой запискѣ: «Я сейчасъ видѣла Александра, не могу писать, дѣлай, что хочешь. Среда, 2 марта, 5 часовъ пополудни», — и отправила ее Н. А—нѣ. Эту приписку ошибочно считали сдѣланной Н. А—ной (стр. 492 т. VII, Спб. изд.).

196. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

3 марта (1838). 9 часовъ утра.

Итакъ, совершилось! Теперь я отдаюсь слѣпо провидѣнію: только-то я упросилъ, просьба услышана, твой поцѣлуй горитъ на моихъ устахъ, рука еще трепещетъ отъ твоей руки. Наташа... я говорилъ какой-то вздоръ, говорилъ не языкомъ, ту рѣчь, широкую какъ Волга, слышала ты. Это свиданье наше, его у насъ никто не отниметъ. Это первая минута любви полной, память ея пройдетъ всю жизнь, и когда явится душа тамъ, она скажетъ Господу, что испытала все святое... скажетъ о 3 марта... Все волнуется... но не такъ, какъ вчера, о, нѣтъ, что-то *добродѣтельное* (я не умѣю выразить), свѣтлое, упоеніе... слышалъ я слово любви изъ твоихъ устъ, что же я услышу когда-нибудь послѣ, полнѣе? голосъ Бога? — Это онъ-то и былъ. Ты благословила меня, когда я пошелъ, но врядъ замѣтила ли, что тогда было со мной, — я приподнялъ руку, хотѣлъ благословить тебя, взглянулъ, и рука опустилась: передо мной стоялъ ангелъ, чистый, божій... молиться ему..., а благословляетъ онъ, и я не поднялъ руку.

Но теперь все это у меня смутно, перепутано, все поглощено однимъ — *видѣлъ* любовь, видѣлъ воплощеніе ангела... и быстро, какъ молнія, и также ярко оно прошло... о, нѣтъ, оно въ насъ, оно вѣчно, это свиданье... Теперь я силенъ и святъ... мнѣ свиданье было необходимо. Natalie, пусть же провидѣніе безусловно царитъ надъ нами, лишь бы указывало оно путь... идемъ... Быть великимъ человѣкомъ, быть ничтожнымъ... все, все, да и разницы нѣтъ, выше я не буду. Не молнія, а сѣверное сіяніе, нѣжно лазоревое, трепещущее, окруженное снѣгомъ. Я чувствовалъ огонь твоихъ щекъ,

твой локонъ касался, я прижималъ тебя къ этой груди, которая три года задыхалась при одной мысли. Ты говорила. Чего же больше? умремъ... Нѣтъ, и это слишкомъ, воля провидѣнія безусловная. И будто это не сонъ? Ну, пусть сонъ, за него нельзя взять *не-сонъ* вселенной. Довольно, прощай, еще благослови путника, еще пламенный поцѣлуй его любви тебѣ.

Слава Богу, слава Богу!... [1]) не хотѣлъ давеча долѣе оставаться,—мнѣ было довольно, о... ничего подобнаго и тѣни не было въ моей жизни.

◆◆ 1. Свиданіе произошло въ 7 часовъ утра и продолжалось до 8. Аркадій и Костенька устроили все, какъ нельзя лучше. Костенька стояла за дверями насторожѣ, Э. М. Аксбергъ находилась въ той же комнатѣ. 7 марта Н. А—на писала: «Только давеча я собралась съ духомъ поблагодарить Аркадія, благодарность моя слишкомъ велика, я боялась объяснить ее всю и не хотѣла умалить. Аркадій, это—чудо, я не ожидала отъ него столько» (стр. 506). «Какъ торжественно указывалъ ты мнѣ на браслетъ, на медальонъ и какъ благоговѣйно я цѣловала твою руку. Съ какою *собственною* гордостью сказалъ ты мнѣ: «итакъ, видишь, Наташа, что сдѣлала ты». Я склонила голову на плечо тебѣ и чувствовала, что только тутъ конецъ дѣламъ моимъ. Ангелъ мой, я трепещу, я не смѣю глазъ открыть, когда развертывается передо мною дивная картина 7-го часа» (стр. 507).

197. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(4 марта 1838) 3 часа ночи.
Липны. 50 верстъ отъ Владиміра.

Ангелъ, ангелъ, всю дорогу была ты передо мною! Я счастливъ до безконечности, нѣтъ больше, больше!.. И ты сдѣлала все это!

---

[1]) Слово вырвано.

198. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

4 марта, пятница. 1838.

Сегодня въ десятомъ часу утра сидѣлъ у губернатора въ кабинетѣ *съ дѣлами* одинъ молодой человѣкъ, немножко обвѣтренъ съ дороги, немного уставши,—и думалъ объ дивномъ снѣ. Да, торжественная минута свиданья! Ты пишешь: нѣтъ у Бога другого 9 апрѣля,—но вотъ 3 марта, оно свято на всю нашу жизнь, оно полно, полно, а всего *полчаса*. Все заплачено, все выкуплено, забыты прошлыя страданія. О, ты ангелъ, ты велика, необъятна была въ ту минуту, когда благословила меня, тогда я не могъ быть равнымъ. И ты не плакала, когда я пошелъ и пошелъ, можетъ, опять надолго,—ты не могла плакать, ты выше слезъ, выше земного была. Пусть эту минуту изваяютъ, это высшая минута 3 марта.

Итакъ, главное совершено,—мы увидѣлись *взрослыми;* свирѣпая судьба перестаетъ гнать, что въ будущемъ?—Его воля: и въ смерти много, и въ жизни много, потому что любовь не знаетъ разницы; но зачѣмъ ты вовсе отворачиваешься отъ жизни? это неблагодарно для 9 апрѣля и 3 марта, а впереди Загорье—это разъ, а потомъ та минута, когда мы, обнявшись, можемъ глядѣть другъ на друга, безъ того, чтобы Костенька напоминала (она же похожа на скелетъ). Что со мною было на дорогѣ, это легче сказать, нежели, что было 2-го и 3-го марта до 9 часовъ. При свиданьи я не могъ прійти въ себя, это была и буря, и гармонія, и океанъ свѣта, и туманъ свѣтлый же; я чувствовалъ, что мысль и слово не поддаются, и мнѣ не нужно ихъ было, я чувствовалъ поцѣлуй Наташи, Наташу возлѣ на диванѣ,—это я зналъ. Зналъ ли въ ту минуту, какъ меня зовутъ,—не знаю, зналъ ли я еще что-нибудь.....

Когда К. [1]) взошелъ въ ворота, я стоялъ у фонарнаго столба,—кровь жгла, сердце билось... и двѣ крупныя слезы налились въ глаза, потомъ въ залѣ стоялъ я у печки, закрывъ рукою лицо, и, право, ни о чемъ не думалъ, ни даже о тебѣ, внутренній трепетъ и какой-то огонь пробѣгалъ... Ну, вотъ ты . . . . . Молча, скрестивъ руки, сидѣлъ я у К., говорить не могъ, просилъ вина, чтобъ залить пожаръ, рѣчь моя была несвязна, рука дрожала... тогда я написалъ тебѣ записку (получила ли отъ 3 марта передъ самымъ отъѣздомъ?). Потомъ опять снѣговая пелена на

[1]) Кетчеръ.

природѣ, возгласы ямщика. Душа была свѣтла, но тѣло совершенно изнемогло, я уснулъ мертвымъ сномъ, и во снѣ явилась ты,—проснулся въ половинѣ четвертаго, уже за 50 верстъ отъ тебя. Волненіе улеглось,—о, тогда-то было свѣтло и хорошо, Боже мой! Тогда-то я взглянулъ на небо и помолился. Наташа! Наташа!.. Всѣ твои слова, твои взгляды, твои поцѣлуи, рука твоя въ моей, рука твоя, обвившаяся вокругъ моей шеи,—все, все, я готовъ былъ плакать, смѣяться, умереть... Знаешь ли ты, мой ангелъ, что ты похорошѣла (я говорю тебѣ комплименты!), право, похорошѣла, и именно въ ту минуту, какъ ты благословила меня, была ты дивно хороша. Великая, святая, *моя!*

Почему я трепеталъ передъ Emilie? я, кажется, умѣлъ хитро поступать въ очень трудныхъ обстоятельствахъ, а тутъ Emilie явилась восточной звѣздой свиданья; очень хорошо, что тутъ былъ человѣкъ,—я бы надѣлалъ глупостей. Наташа! сестра, я требую награды за 3 марта. Портретъ, какъ хочешь, портретъ. Emilie, сдѣлай какъ-нибудь, дай образъ моимъ комнатамъ.

Пріѣхавши, нашелъ твои письма (отъ 1-го марта), съ улыбкой распечаталъ ихъ, я имѣлъ *вѣсть свѣжѣе ихъ.*—Нѣтъ, онъ [1]) *еще* не достоинъ имѣть сына Александра, нѣтъ, ты увлекаешься, даже самое позволеніе будетъ отравлено его холодностью. Я еще писалъ и ужъ отчасти другимъ тономъ, я менѣе умолялъ, а поклялся, что ты будешь моею, я написалъ, что ни угрозы, ни просьбы, ни жестокость, ни слеза,—ничего не помогутъ, что мнѣ это больно, «но я рѣшительно поступаю по голосу, который сильнѣе и выше отцовскаго». Левъ Алексѣевичъ знаетъ. Что-то Son Excellence M-r le général,—онъ меня любитъ *по своему.* Жертвуя ими для тебя, я даже не вижу огромности жертвы (можетъ, моя вина, но я такъ чувствую). Благодарность за послѣдніе 4 года, вотъ что связываетъ меня; во всю мою юность пап. былъ со мною жестокъ. И самая любовь была эгоизмъ, теперь онъ говоритъ, что не запрещаетъ,—благодарность ему, это-то и надо. Но онъ дѣлаетъ условіе: послѣ быть ему чужимъ,—принимаю. Ежели отецъ можетъ сыну это сказать, то сынъ въ правѣ принять. Я буду за него молиться, я буду въ душѣ сынъ, но наружу не выставлю тогда чувства. Ты, ангелъ, говорила (*говорила*, о, какъ это сладостно послѣ «писала»): «оставимъ ихъ въ покоѣ», да, оставимъ, но прежде соединимся. Лишь бы совсѣмъ миновала моя черная година, я окончу быстро. Когда ты прислонила твою голову на мою грудь, развѣ ты не чувствовала, что она тебѣ необходима. *Итакъ, да будетъ.* Душа моя, ты

[1]) Отецъ.

пишешь: «а сюда пріѣхать никакъ нельзя». Наташа, можно или нѣтъ? Другъ мой! Да, это важное событіе въ нашей жизни. Ег. Ив. собирался, мы сѣли обѣдать, я былъ задавленъ чувствомъ тяжелымъ, ты его видѣла въ прошломъ письмѣ. Вдругъ въ сердцѣ (не въ головѣ) явилась мысль такая свѣтлая, что я едва могъ ее вынести. Отвергнуть ее я не могъ, я могъ не ѣхать до нея, послѣ не могъ,—и не прошло сутокъ, я стоялъ запыленный, усталый и трепещущій передъ Emilie. О, какъ мнѣ хотѣлось хоть бы сжать ей руку; должно быть, я показался ей очень глупымъ, потому что и К. удивлялся *моей глупости* въ продолженіе всего времени.

Ты нашла, что я похудѣлъ. Страданія глубокія провели черту по лицу моему послѣ 9 апрѣля. О, я много страдалъ, но все это прошедшее. Одна исторія съ М. независимо отъ всего нанесла мнѣ ударъ ужасный. И гордыя мысли, выходя наружу, клеймили лицо, и неудавшіяся надежды, и гнетъ обстоятельствъ. Голова, которая такъ пламенно жаждала склониться на твою грудь, истомлена въ самомъ дѣлѣ, ты это видѣла. И могу ли я послѣ этого отдалять наше соединеніе? Ахъ, сколько прожилъ я съ 20 іюля 1834, и было подчасъ горько, больно, теперь открытѣе буду говорить о прошедшемъ; ужасно было начальное время въ Вяткѣ, но всего ужаснѣе 14 ноября,—и этой минутой я обязанъ княгинѣ. Было нѣсколько часовъ тогда, въ которые смерклось на душѣ, какъ смерклось въ мірѣ, когда Христосъ былъ распятъ; ни струи свѣта, мысль смерти, отчаянная, болѣзненная, постучалась въ душу; второе письмо исцѣлило, но я былъ боленъ двѣ недѣли. Когда послѣ болѣзни, меня увидѣли, всѣ ахнули перемѣнѣ, будто я нѣсколько мѣсяцевъ былъ боленъ. За эту минуту благодарю Ея Сіят., а то, можетъ, мнѣ во всю жизнь не пришлось бы испытать. Какъ теперь помню, какъ я сидѣлъ у Скворц. за столомъ, и слезы градомъ катились, какъ молча жалъ ему руку и говорилъ *насмѣшки*, какъ стоялъ у печи и дрожалъ отъ холода... но забудемъ черную годину.

Ночь.

Провидѣніе! Провидѣніе! Въ прахѣ предъ тобою долженъ человѣкъ молиться. Жизнь высока,—не умѣютъ люди жить. Взгляни на мою жизнь теперь, на эту жизнь, начинающуюся стройнымъ, унылымъ 20 іюля, *крещеною* 9 апрѣля, преображенную, *исполненную* 3 марта. И пусть крючья, которыми соединены эти картины, пусть они изъ желѣза, какъ цѣпь, и холодны, какъ цѣпь, что за дѣло до промежутковъ. И вся-то эта жизнь создана тобою, не я ли твое созданье? Этотъ кусокъ мрамора тверже и больше человѣка, но человѣкъ ему придалъ мысль и чувство, но артистъ

далъ образъ ему и вдохнулъ душу, безъ этого мраморъ былъ бы не образованъ. Этотъ художникъ—ты, твое вліяніе на меня огромно, я отдаюсь тебѣ безусловно, веди любовью. О, какъ бѣдна и ничтожна земная слава предъ любовью. Любить—и больше ничего! Natalie, ты счастлива много, я понимаю, что ты счастлива много, кто другой сравнитъ любовь къ себѣ чью-нибудь съ тою любовью, которою я люблю тебя?! Ты сказала: «ты бы умеръ, потому что не было бы Александра у тебя». Нелѣпость; а Natalie не была бы развѣ? а ея слова достаточно спасти меня...

Къ твоему письму.—Ты какъ-то худо понимаешь поэзію роскоши и поэзію наряда; ужъ изъ того видно, что худо понимаешь, что поставила рядомъ съ обѣдомъ. Обѣдъ—животная необходимость, низкая, грубая. Роскошь имѣетъ весь характеръ изящнаго—величайшую ненужность, стремленье къ красотѣ; я не нахожу ничего дурного, ежели бы на твоихъ волосахъ блестѣла теперь нитка брилліантовъ, желать ее смѣшно. Нѣтъ, ангелъ, признаюсь откровенно: люблю пышность, пышность дома и комнатъ пуще всего, но могу безъ горести ограничиться кускомъ хлѣба,—это дѣло совсѣмъ другое. Мы оба стремимся въ Италію, но не будетъ возможности, такъ не поѣдемъ, это не мѣшаетъ, однако, говорить. Впрочемъ, мысль пышности слишкомъ родна бывшимъ мечтамъ самолюбія, ими она и проникла въ душу. Однако, замѣть, доселѣ только два различія между нами: иронія и пышность.[1] Ты подумаешь,—и гордость. О, ангелъ мой, твоя душа горда, горда въ смиреніи, въ бѣгствѣ отъ земли, только гордость у тебя, какъ и все, развилась подъ вліяніемъ молитвы и любви; но иногда и тутъ прорывается изящно, прелестно. Помнишь ли, ты мнѣ писала года полтора тому назадъ о снѣ, какъ люди приходили просить милостыню, и какъ ты имъ давала питье... вспомни заключенье, которое ты вывела *на яву*. Нѣтъ, въ насъ все одинакое.—28-го февраля ты писала: «Охъ, близко, близко что-то...» Итакъ, душа, угадала 3 марта. Да неужели это было въ самомъ дѣлѣ, неужели ее, ее прижалъ я тогда къ сердцу? О! ее,—все бытіе сказало, что это она. Наташа, тебѣ это былъ первый поцѣлуй, первое объятіе. Да, на тебѣ нѣтъ ничьей печати, все мое... Наташа, что тутъ много говорить, ты понимаешь. Какъ прелестно въ твоихъ устахъ мое имя, я всякій разъ прислушивался, ты умѣла любовь перелить въ самый звукъ.

Addio!

5 марта, суббота.

Да, что за бѣда, ежели кн. выгонитъ,—это хорошо, скорѣй развязка. Впрочемъ, еще разъ отдадимся Богу, я доволенъ жизнью,

она была не полна до 3 марта, теперь что угодно: бросить въ Бобруйскъ скованнаго, или растянуться угловатыми членами на койкѣ больницы и умереть, или завтра съ тобою въ Италію,—да будетъ Его воля... Но это не значитъ сидѣть, сложа руки, совсѣмъ нѣтъ: дѣйствовать и покоряться.

Поцѣлуй долгій, долгій тебѣ

отъ *Александра.*

◆◆ **1.** Н. А—на отвѣчала Герцену на его замѣчаніе о нарядахъ: «Можетъ, и хорошо и необходимо въ дѣвушкѣ и женщинѣ желанье наряжаться,—для меня ничего нѣтъ изящнаго въ пышномъ и богатомъ нарядѣ, изысканность и украшенія отвратительны; особенно не могу терпѣть вещей, а изъ нихъ особенно серьги; мы съ Сашей Б. (Боборыкиной—*М. Л.*) совершенныя гонительницы на этотъ родъ украшеній, безпокойный и дикій. Ни на что такъ не жаль тратить время, какъ на туалетъ. Тебѣ нравится охота наряжаться въ *дѣвушкѣ* и *женщинѣ*, а *мнѣ* оставь мою безпечность; позволь туалету моему ограничиться тѣмъ, что останется отъ пышности, изысканности и богатства. То же самое и въ столѣ: да я никогда бы не назначила особеннаго часа для пищи, это что-то слишкомъ унизительная покорность тѣлу» (стр. 490).

199. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Вечеръ, 5 марта 1838.
Владиміръ.

Мало-по-малу чудотворная сила свиданья дѣйствуетъ. Взоръ спокойно обращается на враждующую судьбу, буря тише, небо яснѣе. Легче настоящее, легче всякая работа. Отчего? Развѣ мы придумали, обдумали... и о чемъ мы говорили? Я говорилъ глупо, разумѣется, глупѣе всякаго письма. Что-жъ перемѣнилось?.. Все, и подъ вліяніемъ высокаго дня мы проживемъ долго, мы *видѣли* нашу любовь, свиданье было такъ обширно, что я не понялъ его; право, я безъ горести разстался съ тобою, душа не могла равно ни сладкаго понять, ни горькаго, понявъ разлуку и *свиданье,* забывъ разлуку въ свиданьи. Мнѣ казалось, когда я вышелъ, что я сейчасъ возвращусь, и опять ты въ моихъ объятіяхъ; казалось нелѣпостью, что я ѣду, даже нелѣпостью, что между 9 апрѣля и 3 марта три года. Все исчезло, я жилъ свиданьемъ, поцѣлуемъ, жилъ той свя-

той минутой, когда прижалъ тебя къ груди, а остальное не заслуживало вниманья такъ, какъ гвоздь, на который я могъ бы напороть ногу, бѣжавъ къ тебѣ. До него ли? И теперь едва-едва я начинаю понимать всю важность 3-го марта. Святъ, святъ, святъ онъ.

Наташа, другъ мой, какъ глупо, пошло заниматься чѣмъ-нибудь, кромѣ тобою. Все это области другихъ: вамъ науки, вамъ слава, чины, мнѣ — Наташа, и не вы надо мною, а я надъ вами улыбнусь. Вздоръ — мое литературное призванье, Богъ съ нимъ, писать можно *отъ скуки;* мое призванье — ты, и ежели есть что-нибудь помимо тебя въ душѣ, это — дружба, остальное вонъ. Да и чего мнѣ искать? развѣ человѣчество заплатитъ мнѣ за усилія и страданія, за потъ и рубцы твоимъ взглядомъ, твоимъ поцѣлуемъ?!

Наташа, слезы скатились съ глазъ теперь, отчего? Не отъ грусти жгучей, а отъ грусти святой, сладкой. О, Наташа, что ты сдѣлала со мной! послѣднее свиданье кончило пересозданье, возьми же своего Александра: онъ разсчитался со всѣмъ, онъ весь твой, владѣй имъ, Natalie... я трепещу... и слезы мѣшаютъ писать. Этого еще не было со мною, небесная подруга, нѣтъ, не умремъ еще теперь, еще 3 марта, еще. Но, остановись, Natalie, остановись, не дѣлайся выше, твоя высота совсѣмъ подавитъ меня; я утратилъ часть гордой самобытности своей, которую грубо втѣснялъ людьми въ тебя, — еще шагъ, и я уже не твой Александръ, а твой рабъ..., а будто это не высоко. Царствуй, потому что ты выше, царствуй, потому что твой путь въ рай.

И чтобъ намъ долго не соединиться, — кто это говоритъ? Кто-нибудь *чужой*, пусть онъ распоряжается *у себя*. Странно, Наташа, странно, я никакъ не думалъ, что моя жизнь кончится такъ хорошо, что вся душа сплавится въ любовь. Ты, Natalie, какъ Богъ, взгляни, что добро есть созданное тобою, и почій въ величіи своемъ. Я до нынѣшняго вечера не понималъ вполнѣ свиданья. Что же будетъ тамъ въ Загорьѣ? я могу остаться дней пять. Убѣжимъ тогда въ поле далеко, чтобъ Костенька не догнала. Дѣтьми, дѣтьми сдѣлаемся. А ежели еще прежде ты будешь моею, ежели еще прежде ты приведешь къ алтарю показать Богу твоего избраннаго, тобою созданнаго, тогда... тогда, само собой разумѣется, нечего здѣсь дѣлать.

6-е марта, воскресенье.

Сегодня я отправлялся въ Боголюбовъ, недалеко отъ Владиміра. Тамъ смотрѣлъ я тотъ домъ, ту комнату, гдѣ 600 лѣтъ тому

назадъ [1]) стоналъ в. к. Андрей [2]), пораженный убійцами. Для меня эти живые памятники минувшаго, эти трупы прошедшаго прелестны. Даже то мѣсто показывается, куда кровь брызнула на стѣну. Потомъ пошелъ я въ церковь, по той же землѣ, въ ту же церковь, куда ходилъ Андрей Боголюбскій. Обѣдня еще не начиналась, пѣли молебны, я сталъ къ окну и развернулъ книгу каноны-ирмосы на мартъ мѣсяцъ, я отыскалъ святое 3 марта, и вотъ канонъ Богородицѣ этого дня съ чего начинается: «Явилася еси ширше небесъ».—Да, ты *шире небесъ* явилась передо мною. Тогда я сталъ молиться, я былъ тронутъ глубоко, глубоко. Евангеліе читали отъ Марка: «погубящій душу спасетъ ю, погубящій меня ради раздѣлитъ славу мою». Наташа, не то же ли я писалъ тебѣ вчера? я погубилъ мою душу въ тебѣ,—я раздѣлю славу твою. О, какъ богата любовь, какъ богата! Знаешь ли, досадно, что не всѣ знаютъ о тебѣ, мнѣ гадко говорить съ тѣми, которые не знаютъ о тебѣ, такъ, какъ христіанину гадко говорить съ жидомъ, не знающимъ Іисуса. Такъ бы всей толпѣ и сказалъ: дивись! Иду обѣдать къ губ. Прощай, и вечеромъ письмо, письмо!

Оно и пришло! Мы одно: вспомни свое письмо и перечитай мое,—тѣ же мысли, тѣ же чувства, мѣстами тѣ же выраженія. И я не грустнѣе, а спокойнѣе сталъ, и я... ну, нечего и говорить. Получила ли письмо отъ 5? Я твое письмо читалъ и перечитывалъ съ какимъ-то особымъ, *своимъ* упоеніемъ. Но знаешь ли, до какой я степени баловень? я замѣтилъ, что оно писано не тѣмъ почеркомъ, какимъ всѣ письма, а тотъ почеркъ мнѣ такъ дорогъ, такъ дорогъ, онъ-то приносилъ единственную утѣху до 3 марта.

Я думалъ тебѣ отдать *именно* перчатку; пришлю ее, пришли и поясъ.[1] И ты мечтаешь о Загорьѣ,—*во всякомъ случаѣ* возможность видѣться открыта. Какъ скоро явится необходимость, пиши просто: «Александръ, въ такой-то день, въ такомъ-то часу будь у меня»,—и онъ будетъ. Только не употребляй во зло этого права, Аркадій подвергается меньшимъ опасностямъ отъ Мар. Ст., нежели *Матвѣй* [3]) кой отъ кого посильнѣе М. Ст. Въ Загорьѣ же ужъ вовсе нѣтъ опаснаго. Папенька въ послѣднемъ письмѣ опять лавируетъ, хитритъ, говоритъ, что, дѣлая столько уступокъ для меня (какихъ это?), онъ сдѣлаетъ и эту послѣ личнаго свиданья,—а возлѣ опять противъ. Итакъ, мы съ нимъ поговоримъ послѣ, теперь довольно. Я все это принимаю за согласіе—и довольно. Онъ говоритъ, что благословеніе не есть согласіе,—о словахъ я не стану

[1]) 28 іюня 1174 года.
[2]) Андрей Юрьевичъ Боголюбскій.
[3]) Т.-е. самъ Герценъ.

спорить. Княгинѣ писать не велѣлъ. Жду въ будущемъ письмѣ новыхъ подробностей много, много.

Увидь во снѣ 3 марта.

Да, послушай, насчетъ молитвы въ 7 часовъ; я тебѣ писалъ, что неровность нрава моего почти не можетъ склониться ни подъ что срочное, я десять разъ забуду, а два раза буду отъ души молиться. Главнѣйшее же затрудненіе то, что я просыпаюсь по большей части часу въ 10-мъ. Вотъ новое доказательство, какъ я избалованъ: возражаю лѣнью на чистое, прелестное желанье твое. Итакъ, да будетъ,—молюсь и я въ ту же минуту, какъ молишься ты. [2]

Какъ не стыдно Emilie писать о пріемѣ. Но только какъ она удивилась, какъ у ней дрожала рука... Милая сестра Emilie, люблю ее много, а все-то это *много* ничего передъ *той любовью*, но она этимъ не обидится: и Огаревъ палъ передъ тобою,—я ему это писалъ самъ, и все, и даже Александръ.

Вотъ ужъ и терпѣнья нѣтъ: теперь—поясъ, поясъ, теперь буду день и ночь ждать пояса. А портретъ, Наташа, портретъ, а то я не буду хорошо учиться,—когда гуляю, буду въ грязь ступать. А ужъ о повѣсти, о статьѣ—ни слова, милостивая государыня, вы изволите забывать авторское самолюбіе!

7 марта. Поздно.

Съ чего ты, ангелъ мой, вообразила, что я боленъ? эти вырѣзанныя черты страданій независимы отъ физическаго здоровья, я и въ Вяткѣ былъ почти здоровъ. Не думай объ этомъ вздорѣ. Для тебя сохранитъ себя Александръ, твоя любовь сохранитъ его. Да и здѣшняя жизнь моя строга, какъ въ монастырѣ, я очень доволенъ собою съ пріѣзда во Владиміръ. Похвастаю тебѣ, я получилъ отъ вятскаго губернатора письмо, исполненное любви и комплиментовъ, и здѣсь меня начинаютъ носить на рукахъ. Странно быть существенно въ самомъ невыгодномъ положеніи, а *въ сущности* въ самомъ лучшемъ. Полина говорила, что ей иногда было досадно, какъ тамъ все склонялось передо мной. Это право всякаго человѣка съ рѣзкимъ характеромъ, сталь тотчасъ отпечатывается на воскѣ. Встарь подобное меня веселило очень, особенно въ университетѣ, теперь, божусь тебѣ, почти я равнодушенъ.

Завтра жаворонки прилетаютъ, Наташа! Итакъ, весна; снимутъ простыню съ природы, она весело вздохнетъ, и на этотъ разъ и Наталія, и Александръ весело вздохнутъ. Ты боялась, что я грустенъ, о, нѣтъ, я какъ-то сдѣлался юнѣе, чище, какъ весеннее дерево. Я, вѣдь, Наташа, и природу не видалъ съ 9 апрѣля, и съ ней увижусь скоро. Тамъ нѣтъ весны въ суровомъ сѣверѣ, тамъ зима

смѣняется блѣдной осенью, а здѣсь Владиміръ спитъ въ садахъ,— я буду счастливъ съ нашей сестрой Природой.—Я писалъ въ прошломъ письмѣ, что ты похорошѣла; прежде еще было что-то дѣтское въ лицѣ, теперь всякій, кто взглянетъ на тебя, тотчасъ скажетъ: «она любитъ!»—«Счастливъ же онъ», скажутъ другіе. Что же сказать мнѣ? Я скажу: я видѣлъ эту любовь въ ея взорѣ.—До свиданья, скорѣй, скорѣй въ Загорье; а не пріѣхать ли къ тебѣ 9 апрѣля??

Твой *Александръ.*

Вмѣсто перчатки посылаю тебѣ шнурокъ, на которомъ у меня былъ медальонъ. Два года лежалъ этотъ шнурокъ на груди твоего Александра; сколько разъ, обвитый около его руки, онъ, не раздѣльный съ медальономъ, лилъ утѣшенье въ скорбную больную душу; цѣлуй его, надѣнь его на твою шею, для тебя онъ святъ. Представь себѣ, что иногда середь буйныхъ оргій въ Вяткѣ, я снималъ его, чтобъ онъ не былъ участникомъ ихъ. «Какъ это глупо и пошло».[3] Да поясъ-то пришли, о портретѣ самъ напишу, меня терзаетъ одна мысль: ну, какъ будетъ непохожъ. Вели нарисовать себя, какъ ты была 3-го марта, хоть я хорошо и не помню,—знаю только, что сверхъ бѣлаго была какая-то мантилья или криспинъ, даже прическу не помню, знаю, что со стороны висѣли кудри, они нѣсколько разъ касались до моего лица. Если же это *неприлично* (это серьезно, потому что портретъ будетъ на стѣнѣ), то въ бѣломъ платьѣ. Бѣлый цвѣтъ любимый, потомъ голубой.

Хотѣлъ писать къ Emilie особо, но послѣ. Пиши же все о 3 марта (да своимъ почеркомъ); всякая подробность—чудо, прелесть!

8-е, вторникъ.

Прощай, мой милый ангелъ, будь здорова; изъ Петербурга ничего. Ежели къ Святой не будетъ полнаго освобожденія, это значитъ, что и наслѣдниково представленіе не помогло. Какъ хочешь, а эта мысль блѣднымъ привидѣніемъ грозитъ изъ будущаго. Но, все-таки, святъ 1838 годъ,—о, какъ онъ опередилъ своихъ старшихъ братьевъ, этотъ судорожный 1836 и судорожный 1837! Но меня еще не вовсе оставляетъ мысль, что ты будешь здѣсь. Лишь бы *они* поступали пожестче. Пламенный поцѣлуй любви, какъ огонь, и чистый, какъ огонь, тебѣ отъ твоего

Александра.

◆◆ **1.** 15 марта Н. А—на писала: «Ну, вотъ посылаю тебѣ поясъ; эту ленту много носила я на шеѣ и подпоясалась 3 марта,

чтобъ отдать тебѣ, и забыла; на ней ты повѣсишь и портретъ; это — задатокъ» (стр. 517).

2. 4 марта Н. А — на писала: «Вотъ опять седьмой часъ; посвятимъ его, ангелъ мой, во всю жизнь молитвѣ» (стр. 494).

3. 13 марта Н. А — на писала: «Ну, мой другъ, благодарю тебя за шнурочекъ! благодарю и благодарю. Я въ восхищеніи; вчера все остальное время занималась имъ; онъ, кажется, понимаетъ, что я ему говорю и *не говорю*... Я цѣловала его, разсматривала и, наконецъ, съ какимъ-то страхомъ надѣла на шею» (стр. 514). 15-го: «Дивно дѣйствіе твоего шнурка; что бы ни дѣлала, а въ часъ разъ десять посмотрю его и, когда можно, поцѣлую. Въ немъ цѣлебная сила» (стр. 517).

200. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

9-е марта (1838 г.). Среда.

Милая, милая невѣста! Что чувствовалъ и сколько чувствовалъ я недѣлю тому назадъ? Каждая минута, секунда была полна, длинна, не терялась, какъ эта обычная стая часовъ, дней, мѣсяцевъ... О, какъ тогда грудь мѣшала душѣ! эта душа была свѣтоносна, она хотѣла бы порвать грудь, чтобъ озарить тебя!.. Пятый часъ; я стоялъ передъ Emilie теперь, а внутри кипѣла буря, нѣтъ, не буря, а предчувствіе, — его испытаетъ природа наканунѣ преставленія свѣта, ибо преставленіе свѣта — верхъ торжества природы. Душа моя до того была поглощена тобою, что я почти не обратилъ вниманія на *городъ*, и ежели я ему бросилъ привѣтъ горячій, со слезою, когда его увидѣлъ, онъ не долженъ брать его на свой счетъ, и этотъ привѣтъ былъ тебѣ, съ нимъ мы увидимся послѣ. Возвращаясь, я еще меньше думалъ объ немъ, смотрѣлъ пристально и видѣлъ въ воздухѣ туманно набросанный образъ Дѣвы благословляющей. Когда мы искали домъ Emilie, извозчикъ провезъ мимо васъ; я увидѣлъ издали домъ и содрогнулся; я умолялъ К. воротиться, такъ сразу я не могъ вынести *тотъ домъ*. Вечеромъ я подошелъ смѣлѣе, мысль близости обжилась въ груди. Утромъ, когда я всходилъ, мнѣ такъ страшно было, я убѣжалъ бы отъ собачонки, отъ птицы. Ты дала мнѣ время собраться. Ожидая тебя, я стоялъ, прислонясь локтемъ къ печи и закрывъ лицо рукою,— поклонись этому мѣсту. Потомъ я бросилъ взглядъ любви полный на фортепіано и на пяльцы, которыя стояли на полу (вѣрно, твои), потомъ быстро влетѣла ты, — объ этомъ и теперь еще не могу

говорить... Да и никогда не буду говорить, оно такъ глубоко въ душѣ, какъ мысль безсмертія. Знаю одно: я тебя *разглядѣлъ*, когда уже мы сидѣли на диванѣ, до этого наши души оставили тѣла, и были одна душа, онѣ не могли понять себя врозь.

8 часовъ вечера. Дай, дай, моя подруга, моя избранная, дай еще прожить тѣмъ днемъ... Восемь... Льется огонь изъ верхняго окна, я стоялъ въ переулкѣ, прижавшись къ забору; К. ушелъ, я одинъ. Вотъ Аркадій... такъ, стало, въ самомъ дѣлѣ я близко, вотъ Костенька... Да, да, я ее увижу, завтра въ пять часовъ въ путь. «Чего вы желали бы теперь отъ Бога?» — спросилъ, шутя, гусаръ [1]) вечеромъ. «Чтобъ этотъ пятакъ превратился для міра въ часы»; гусаръ думалъ, что я съ ума сошелъ. «Для чего?» — «Онъ не умѣетъ показывать ничего, кромѣ пяти, а въ пять туда, къ ней». Къ подробностямъ этихъ дней надобно сказать, что я два дня съ половиной ничего не ѣлъ, кусокъ останавливался въ горлѣ.

Позже.

Ты моя невѣста, потому что *ты моя*. Я тебѣ сказалъ: «у меня никого нѣтъ, кромѣ тебя». Ты отвѣтила: «да, вѣдь, я одна твое созданье». Да, еще разъ, ты моя совершенно, безусловно моя, какъ мое вдохновеніе, вылившееся гимномъ. И какъ вдохновеніе поэта выше обыкновеннаго положенія, такъ и ты, ангелъ, выше меня, но, все-таки, моя. Оно тѣлесно внѣ меня, но оно мое, оно—я. Тебѣ Богъ далъ прелестную душу и прелестную душу твою вложилъ въ прелестную форму. А мысль въ эту душу заронилъ я, а проникъ ее любовью я, я осмѣлился сказать ангелу: «люби меня», и ангелъ мнѣ сказалъ: «люблю». Я выпилъ долгій поцѣлуй съ ея устъ, одинъ я и передалъ ей поцѣлуй. Моя рука обвилась около ея стана, и ничья не обовьется никогда. Понимаешь ли эту поэзію, эту высоту *моею полнаю* обладанія? Въ минуту гордаго упоенья любви, я радъ, что ты не знала любви отца и матери, и *эта* любовь пала на мою долю. Вчера читалъ я Жанъ-Поля; онъ говоритъ: любовь никогда не стоитъ: или возрастаетъ, или уменьшается, — я улыбнулся и вздумалъ предостеречь тебя, а то я кончу тѣмъ, что слишкомъ буду любить, сожгу любовью. Скоро ночь святая, а тамъ и седьмой часъ.

Отчего же я такъ спокоенъ теперь, а 3 марта—не прошедшее, вотъ оно живое, свѣтлое въ груди. Умереть,—нѣтъ еще, не вся чаша жизни выпита, жить, жить! Будемъ сидѣть долго, долго, цѣлую ночь и когда солнце проснется, и когда утренній Гесперъ

[1]) ?

блеснетъ, выйдемъ къ нимъ и подъ открытымъ небомъ сядемъ съ ними, тогда умремъ. Стѣны давятъ, опасность давитъ, быстрота давитъ, тогда же одна гармонія разольется на душѣ, ей будетъ тепло, и трупъ согрѣется солнцемъ. Или на закатѣ, когда усталое оно падаетъ на небосклонъ, и кровью разольется по западу и изойдетъ въ этой крови, и природа станетъ засыпать, — тогда умремъ. И роса прольетъ слезу природы на холодное тѣло. А чтобъ люди были далеко, далеко! Ты писала какъ-то: въ ихъ устахъ наша любовь выходитъ какой-то мишурной. Это ужасно! Да, я ни слова о тѣхъ людяхъ, которые не люди, но большая часть людей, въ самомъ дѣлѣ, какъ судитъ? Насъ пойметъ поэтъ,—этотъ помазанникъ божій міра изящнаго, пойметъ дѣва несчастная, пойметъ юноша, любящій безгранно (а не любившій: тотъ, для кого любовь—былое, воспоминанье, тотъ покойникъ, трупъ безъ смысла). Изъ друзей близкихъ найдутся, которые пожмутъ плечами и пожалѣютъ обо мнѣ отъ души: «она увлекала его съ поприща, на женщину промѣнялъ онъ славу...» и посмотрятъ свысока. Слава Богу, что пустой призракъ, слава, наука, можетъ наполнять ихъ душу; ежели бы не было его и не было бы дѣвы, они ужаснулись бы пустоты, и ихъ грудь проломилась бы, какъ хрусталь, изъ котораго вытянутъ воздухъ. Нѣтъ, Наташа, я знаю все разстояніе отъ жизни прежней и до жизни въ тебя. Тутъ-то мнѣ раскрылось все, а тебѣ цѣлая вселенная любви, цѣлый океанъ,—носись же, серафимъ, надъ этимъ океаномъ, какъ духъ божій надъ міромъ, имъ созданнымъ изъ падшаго ангела. Natalie, Natalie! До завтра, прощай.

Завтра письмо, — какъ будто годъ не имѣлъ вѣсти, душа рвется къ письму. Неужели можетъ быть любовь полнѣе нашей? НѢТЪ!!

Жаль Emilie; зачѣмъ она ѣдетъ? она должна быть, когда на нашихъ головахъ будетъ вѣнецъ, — это зрѣлище еще лучше вида съ Эльборуса. Благослови твоего *суженаго*

Александра.

10-е марта, четвергъ. Утро.

Я проснулся, солнце начинаетъ свѣтить. Седьмой часъ. Я молился и, вѣрно, въ ту же минуту молилась ты, вѣрно, потому что мнѣ было легко. Потомъ я опять уснулъ, видѣлъ тебя во снѣ, но смутно; видѣлъ, что ты мнѣ подарила портретъ и непохожій, было досадно. Кстати, отсутствіе Мар. Ст. можетъ дать время живописцу. Твоего письма къ М. я еще не посылалъ, жду прежде отъ нея отвѣта; за картинку, разумѣется, благодари тогда, когда она напишетъ. Успокоилъ ли то Богъ ея душу? Какъ дивно чистъ

былъ бы твой Александръ безъ этой встрѣчи; она, какъ убитое тѣло, брошенное въ ручей, кровь вмѣшало въ струю, — но чѣмъ дальше, тѣмъ чище опять ручей...

11-е, пятница. Утро.

Похвальный листъ тебѣ, Natalie, и выговоръ. Похвальный листъ за письма, я съ восторгомъ смотрѣлъ, еще не раскрывая, на *количество*; выговоръ за портретъ, — чего же лучше, какъ отсутствіе М. С.? тутъ время было, это, Madame, упущеніе по должности: впередъ вычту треть жалованья и посажу подъ арестъ возлѣ себя,— думаю, не надоѣстъ. Ну, полно шутить!

Въ самомъ дѣлѣ, грѣшно еще просить у Бога; дивно наградилъ онъ трехлѣтнее страданіе; рѣшительно грѣшно роптать теперь. Голову склонить съ дѣтской довѣрчивостью и молиться. Я писалъ давно, что 9 апрѣля недостаточно, и вотъ 3 марта исполнило недостававшее. Итакъ, съ полнымъ самоотверженіемъ *пойдемъ* къ соединенію; пойдемъ, ибо останавливаться тоже грѣхъ,—развѣ намъ не очевидна воля Его, повелѣвшая соединеніе?

Озеровъ наговорилъ бездну похвалы обо мнѣ пап.; это полезно, это дѣйствуетъ на него сильно, и еще есть возможность добрымъ путемъ кончить. Мнѣ самому жаль, что я не видалъ Саши [1]), вотъ ей особая записка.[1] Меня не удивило усердіе Аркадія. Я еще изъ Крут. писалъ: въ этомъ классѣ есть инстинктъ, которымъ они понимаютъ человѣка, который ихъ считаетъ за человѣковъ. А когда же пришлешь письма 36 года?

Я читаю Жанъ-Поля,—по нѣкоторымъ отрывкамъ въ моихъ письмахъ ты его знаешь. Вотъ авторъ, котораго *ты никогда не поймешь*, и явно, что вина будетъ его, а не твоя. Душа пламенная, полная поэзіи и любви, но выраженіе ея такъ судорожно, такъ напитано ироніей — и притомъ ироніей, не всегда счастливой, — что онъ на вѣкъ отрѣзалъ такихъ читателей, какъ ты. Шиллеръ—вотъ твой авторъ, еще кто?... Жуковскій—и только. А дивно уноситъ иной разъ Жанъ-Поль, и душа трепещетъ, и слеза на глазахъ, да степью безводной надобно итти до такого мѣста. Ну, читала ли повѣсть? жду суда. Я могъ бы прислать архитек. статью, но безъ картинокъ она темна. И та повѣсть — «Его Превосх.» готова совсѣмъ; созданная въ минуту досады, она дышитъ злобой. Ты спрашиваешь, что я пишу послѣ 3-го марта,—письма къ тебѣ!

Получилъ письмо отъ Вадима и Тат. Петр.; не знаю, застанетъ ли ихъ въ Одессѣ отвѣтъ, потому что они быстро идутъ

[1]) Вырлина.

въ домъ умалишенныхъ: такой галиматьи въ жизнь не читалъ, и, что всего досаднѣе, меня утѣшаютъ,—вычитали какое-то отчаяніе въ моемъ письмѣ; вѣрно, потому, что я писалъ о смерти. Хороши души, которыя не понимаютъ смерти. А Тат. Петр. распространяется о своихъ дѣткахъ, о перемѣнѣ въ лицѣ, а онъ о своихъ несчастьяхъ. Ну, въ сторону ихъ...[2]

12-го, суббота.

Изъ Петерб. все еще нѣтъ отвѣта—досадно, а можетъ, къ лучшему. Что, какъ ты увидѣлась со Львомъ Ал.? Княг. не слѣдуетъ говорить до моего пріѣзда (безъ необходимости). Вѣра моя въ скорое соединеніе незыблема, я всему вѣрю послѣ 3 марта. Прощай, невѣста, ангелъ, будь такъ же покойна, какъ я; я никогда *лучше* не былъ, какъ теперь, и, повторяю, въ настоящемъ я доволенъ собою, особенно когда прошедшее начинаю считать отъ 3 марта. Что-то чистое и святое влилось въ душу отъ твоего поцѣлуя. Та грудь, къ которой прислонялась твоя голова, и должна была очиститься. Прощай, Наташа.

◆◆ **1.** Саша Вырлина не видѣла Герцена ни 2-го, ни 3-го марта, о чемъ очень сокрушалась. Во время свиданія Герценъ спросилъ о ней, но Н. А—на не имѣла силъ оторваться и пойти за своей пріятельницей. Теперь она писала: «Что съ Сашей,—ты этого не можешь вообразить. Я дала ей твою записку, — но разберетъ ли она; надо было видѣть, какъ измѣнилось ея лицо и что съ ней было. Вѣрно, она тоже не будетъ чувствовать умирая, потому что она съ ея душою пойдетъ въ рай. Прочитавъ, она стала умолять, чтобъ записку отдать ей: «Да кому же? тебѣ и писана она»... Мнѣ кажется, она ничего не понимала; я никогда еще не видала ее въ такомъ восторгѣ. *И я благодарю тебя за нее!*» (стр. 525).

2. Н. А—на отвѣчала: «Какъ мнѣ больно всегда, что ты пишешь о Т. П.—*перемѣна*. Это настолько для меня ужасно, что я не могу вѣрить. Тат. Петр. мнѣ представляется все, какъ разъ она была дивно хороша и хорошо говорила. Сада у насъ еще не было; зеленые пригорки и кругомъ акаціи; вечеръ прелестный; она въ розовомъ платьѣ говорила о безсмертіи, о жизни необыкновенной. Мнѣ тогда она казалась ангеломъ; тогда въ ней такъ много было твоего; я 14 лѣтъ была въ восторгѣ и плакала, и желала тутъ же умереть, чтобъ не жить обыкновенно. Потомъ, немного спустя, разъ вечеромъ я смотрѣлъ въ окно,—ясно, звѣзды; долго смотрѣла, и вдругъ точно кто съ неба меня поманилъ, позвалъ. Я бросилась къ ней и говорю: «умремте, Татьяна Петровна!» Она

очень равнодушно посмотрѣла на меня и сказала, что не хочетъ умирать. Съ той минуты поклоненіе мое ей кончилось, но, все-таки, любила ее много за тебя; потомъ замужество, потомъ вотъ, что ты пишешь,—ужасъ, какъ больно!» (стр. 526).

201. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

14 марта (1838). Понедѣльникъ.

Два дня не писалъ къ тебѣ—чудеса! Вчера поздно получилъ твое письмо отъ 10-го, прелестное письмо! Нѣтъ, ты не перемѣнилась послѣ 3-го марта, милая невѣста, а вздохнула свободнѣе, веселѣе, вольнѣе. То же и со мною. Всѣ твои совѣты *дѣловые*, какъ разумѣется, никуда негодны. Никакой книги пап. подписывать давать не надобно, потому что онъ не подпишетъ, меня вѣнчать не станутъ безъ позволенья губернатора, а я его возьму; тебя—безъ свидѣтельства о крещеніи и рожденіи,—и это достанемъ. Мы, разъ обвѣнчанные, они теряютъ весь призъ, потому что родства прямо не докажутъ; худшее, что можетъ быть,—священника пошлютъ молоть муку;—это онъ будетъ знать впередъ, и за это возьметъ рублей 500 денегъ, а кто за деньги рискуетъ, того жалѣть не стоитъ. Въ дополненіе прибавлю: 1) я твердо остаюсь убѣжденнымъ, что всякаго рода выходъ изъ Сіятельнаго дома полезенъ. О какихъ ты говоришь замкахъ? Нынче никого (кромѣ юношей) не держатъ подъ ключемъ, и какое право? 2) Что письмо къ пап. потому-то и надобно писать, что онъ откажетъ, ибо... ибо этотъ отказъ тебѣ будетъ величайшее оскорбленіе мнѣ. Ну, и въ сторону дѣла![1]

Посылаю тебѣ послѣднее письмо Мед. ко мнѣ. Оно покажетъ, что я твою руку протянулъ женщинѣ, хотя не вовсе чистой, не вовсе неземной, но вполнѣ достойной тебя. Ее убила жизнь; братъ падшій не есть братъ погибшій. Иногда тотъ, кто не можетъ пасть, не падаетъ отъ холодной души, и вся-то ея вина, что она любила юношу (достоинъ ли онъ, это Вы сами знаете, Нат. Ал...) тогда, какъ должна была любить пьянаго старика, съ которымъ, конечно, на смѣхъ, обвѣнчали ее. Это письмо сняло съ меня тяжкій крестъ (хотя не весь, ибо чувство, самознаніе дурного поступка осталось). Вотъ она, падшая Марія Магдалина, у ногъ твоихъ, будь же для нея ангеломъ примирителемъ съ людьми и пуще съ Богомъ. Ты почти можешь писать къ ней, не дожидаясь отвѣта. Нѣтъ человѣка, за котораго, черезъ котораго я столько вынесъ, какъ за нее; миръ съ нею мнѣ дорогъ. Я на всѣхъ смотрю прямо: отъ тебя до Тюфяева,—

упрекнуть никто не можетъ, одна она. Право ужасное; по счастію, она не понимаетъ вполнѣ, какой она шагъ имѣетъ надо мною.

Полина молчитъ, Скворцовъ тоже. Это не мудрено; мудрено было, что ихъ душа молчала первый мѣсяцъ разлуки. Итакъ, моя статья «Симпатія» и теплое воспоминаніе — одни памятники этой дружбы... Я думалъ, что строю прочнѣе!

Что я пишу послѣ 3 марта? А вотъ что: написалъ VIII главу въ свою жизнь и написалъ очень хорошо, и ужъ, конечно, не догадаешься о чемъ—*о любви къ Люд. П.* Тутъ и ты на сценѣ (трудно было и очень холодно писать о холодныхъ отношеніяхъ къ тебѣ), но написалъ, и ты явилась превосходно, чудомъ, какой-то священной мистеріей, лиліей, принесенной архангеломъ Гавріиломъ въ день моего рожденья. Да, доволенъ; вообще біографія идетъ прекрасно (я ее пишу, по твоему приказанію). Далѣе описана самая черная эпоха, отъ 9 іюля 1834 [1]) до 20-го, но halte là [2]). Какъ дойдетъ дѣло представлять тебя тобою, ибо ты ужъ очень близка была мнѣ 20 іюля, — перо дрожитъ, душа волнуется, и ангелъ ускользаетъ отъ кисти земного богомаза. Однако, напишу, я ужъ пробовалъ. Иронія та, моя иронія, на мѣстѣ тутъ. Зачѣмъ ты не любишь ее? Она проникаетъ особымъ огнемъ цѣлое, ибо это не насмѣшка, а внутреннее неудовольствіе за мелочничество людей, и мнѣ она естественна, какъ дышать. Сердце твое сожмется, когда ты будешь читать 9 іюля; не за него ли и было 9 апрѣля? А я думаю, весело о себѣ читать въ статьѣ, писанной съ огнемъ и поэзіей. Я не испыталъ. Да, что-жъ ты не пишешь о повѣсти? но я ее разлюбилъ и самъ. Мнѣ очень непріятно послать тебѣ мою жизнь, хотѣлось бы прочитать; ты сѣла бы противъ, чтобъ я могъ пить вдохновеніе изъ твоихъ глазъ, изъ твоей улыбки; и я разсказалъ бы эту поэму жизни полной, энергической—и огонь въ глазахъ, и жаръ ланитъ, все, все прибавилъ бы... Ба! да я ужъ начинаю кокетничать! Избаловали твои похвалы. Вотъ, когда я буду читать объ архитект., тогда можешь сѣсть возлѣ, тогда не на меня, а на картинки надобно смотрѣть, а тамъ, вѣдь, жизнь-то моя; вѣдь, это *быль*, быль твоего Александра.

Нѣтъ, 3 марта не можетъ затмить никакой свѣтъ! Это ошибка,—9-е апрѣля, созданное во имя дружбы, и должно было поблѣднѣть передъ днемъ, созданнымъ любовью; но любовь уже не имѣетъ выше, ниже, свѣтлѣе, темнѣе, нѣтъ, она, какъ вѣчность Бога,—такъ все теряется въ самомъ понятіи безконечнаго, святого

[1]) День перваго ареста Н. П. Огарева.
[2]) Остановись тутъ!

и изящнаго, вездѣ средоточіе, все проникнуто единымъ свѣтомъ, и нѣтъ солнца, изъ котораго течетъ онъ, а оно само свѣтъ.

Да ужъ, г-да добрые люди,—цѣню ихъ доброту,—но ступайте, пожалуйста, направо, а я налѣво съ Наташей. А, впрочемъ, *зачѣмъ* знаетъ Пр. Анд. и мам.; не слѣдовало бы говорить, а то тутъ ледъ тонкій, провалишься, и съ головою. Вообще мам. поступаетъ дурно и слабо,—чего они боятся, когда я не боюсь? Одна, одна ты. И гдѣ грудь, которая можетъ больше помѣстить.

Александръ.

15, вторникъ.

Наташа, когда у тебя будетъ свободное время, напиши о твоемъ ребячествѣ, о первой встрѣчѣ нашей (твоя любовь давнѣе моей), о 20 іюля и 9 апрѣля, просто воспоминаніемъ. Ты напишешь прелестно,—это я знаю. Попробуй. Цѣлую тебя.

Твой *Александръ.*

Отчего портретъ не поспѣетъ,—ну, не къ 25, такъ къ какому-нибудь? Пожалуйста. Bitte, bitte! [1]).

◆◆ **1.** 11 марта Н. А—на писала: «Послушай, *я научу* тебя: напиши ты папенькѣ въ первомъ письмѣ, чѣмъ хочетъ онъ подарить тебя 25-го марта, день твоего рожденія: жизнью или смертью? Что онъ тебѣ на это скажетъ? Праск. Андр. (Эрнъ—*М. Л.*) говоритъ, что княгиня узнаетъ скоро, а папенька сказалъ, что меня не возьметъ ни подъ какимъ видомъ; не думаю я, когда такъ, обратиться къ нему съ письмомъ, какъ ты писалъ прежде. Дѣться мнѣ будетъ куда и безъ него, лишь бы выгнали, а то прощай письма, да меня, кажется, тогда за десять замковъ спрячутъ и никого не допустятъ. Левъ Ал. знаетъ, но нисколько не доказываетъ; со мной, по обыкновенію, *очень милостивъ*, можетъ, и для княгини» (стр. 512).

202. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

16 марта 1838.
Владиміръ.

Милый, небесный другъ! До сихъ поръ мы только предугадывали, что свиданье дастъ намъ силу перенести все, теперь я испыталъ

[1]) Прошу, прошу!

и также увѣренъ въ тебѣ. Отвѣтъ изъ Петер. пришелъ: отказъ полный, чистый, холодный и рѣшительный. Откровенно признаюсь, не будь 3 марта, онъ поразилъ бы меня ужасно. Теперь сердце сжалось, кровь заструилась горячая... я вспомнилъ 3 марта—и улыбнулся, и помолился. Вмѣстѣ съ отказомъ и двѣ прямыя возможности видѣться. О, какъ благъ Господь! Эти возможности явились врачеваніемъ, вовсе нежданнымъ. Здѣсь проѣзжалъ жандармскій генералъ, графъ Апраксинъ; при немъ пришелъ отказъ, ему жаль меня стало, и, не чудеса ли?—онъ-то намъ дастъ средство увидѣться (опять мгновенно), можетъ, на Святой. И губернатору было жаль меня, онъ даетъ другое средство—Загорье. Но надежда на скорое освобожденье потускла. Наташа, прощаясь, я три раза сказалъ тебѣ: *будь тверда*,—это мое благословенье тебѣ. Старайся, чтобы кн. скорѣе уѣхала въ Загорье и не грусти.

Наконецъ, я написалъ 20 іюля, ты похожа [1]). Привезу самъ тебѣ эти тетрадки. Въ прошлый разъ я писалъ къ тебѣ, чтобъ ты писала свои воспоминанія. Ты, можетъ, не имѣешь понятія объ огромности твоего таланта *писать*. Этотъ талантъ, выращенный религіей и любовью, ставитъ каждое письмо твое выше всѣхъ статей моихъ. Я не положился бы на одно мое сужденье,—извольте видѣть, я къ вамъ пристрастенъ, потому что вы моя невѣста,—но Витбергъ, который плакалъ, но Скворцовъ и Кетчеръ, увлеченные вдохновеннымъ языкомъ твоимъ... Пиши же, но только воспоминанія и фантазіи. Стихи твои, которые ты написала по заказу (года полтора тому назадъ), писаны слишкомъ скоро, и въ слогѣ, и въ музыкальности далеко отстали отъ писемъ. Письмо—твой языкъ со мною, потому-то онъ такъ хорошъ. Ты говоришь, чтобъ я написалъ тебѣ, какъ ты меня любишь. *О, я знаю это*! И въ этомъ-то знаніи цѣлое небо; я знаю даже, почему я достоинъ такой любви, знаю, что̀ именно заставило тебя любить меня. А знаешь ли ты, что ты узнала меня гораздо прежде, нежели я самъ себя узналъ; ты проникла въ поэтическую сторону моего характера тогда, когда онъ весь былъ покрытъ ледяными кристаллами самолюбія. Напиши въ слѣдующемъ письмѣ, какъ въ тебѣ начала образовываться дружба къ брату, и почему тогда еще Emilie называла любовью? Ты разъ только вскользь упомянула. А знаешь, какъ эти подробности дышатъ небомъ и навѣваютъ счастье. О, Наташа, Наташа, неужели грудь человѣка можетъ долго вынести столько счастья! Люблю тебя, люблю, люблю!

Ночь. Ангелъ, ангелъ, я весь взволнованъ, душа рвется, кипитъ. О, взгляни на меня, я теперь хорошъ, прелестенъ. О, Жанъ-Поль,

[1]) «О себѣ».

прости мнѣ! я писалъ тебѣ прошлый разъ, что онъ не понравится тебѣ, а онъ-то меня теперь взбросилъ на небо высоко, высоко... Любовь наша описана, чистая, святая, въ его «Утренней звѣздѣ»— чудо, чудо! Я вскочилъ и схватилъ скорѣе перо. Вотъ слова, которыми онъ оканчиваетъ дивную картину признанья: «Блаженный, блаженный человѣкъ! Больше неба тебѣ не будетъ на землѣ! Покойся теперь въ тихомъ восторгѣ, склоняя взоръ свой на руку, въ которую кровь течетъ изъ сердца, бьющагося одной добродѣтелью! Пусть всѣ слезы радости изольются на эту руку, которую она дала тебѣ. И тогда, ежели восторгъ, ежели благоговѣніе тебѣ позволитъ, тогда подними чистый, блестящій взоръ и покажи ей въ немъ любовь возвышенную, покажи взоръ любви невыразимой, вѣчной, нѣмой, блаженной. О, кого любила Клотильда, тотъ остановится, тому восторгъ не позволитъ дальше читать...» Дальше слушай: «Восторгъ былъ въ сердцѣ Виктора, восторгомъ подымалась его грудь, искрился его взоръ,—но молчаніе поклоненія царило надъ восторгомъ... Они пріѣхали. И когда оба взошли въ комнату Гармоники, гдѣ онъ вечеромъ съ такимъ страданьемъ схватилъ ея руку, остановились они другъ противъ друга. Какъ перемѣнились они, какъ были блаженны! Она, какъ ангелъ божій, слетѣвшій съ неба; онъ, какъ святой, вышедшій изъ земли, чтобъ пасть тихому ангелу въ объятія и съ нимъ молча улетѣть на небо... Какое мгновеніе! Какъ двое блаженныхъ передъ Богомъ, глядятъ они другъ другу въ очи и— въ душу. Какъ вѣтерокъ, потрясающій двѣ розы, вѣетъ вздохъ блаженства и пробѣгаетъ по устамъ ихъ, лишеннымъ рѣчи, быстро впиваемый грудью и радостно выходящій изъ нея... Они молчатъ, чтобъ смотрѣть другъ на друга, они подымаютъ глаза, чтобъ сквозь слезу радости взглянуть, и опускаютъ ихъ, чтобъ утереть ихъ рѣсницей... Но, довольно,—чтобъ не истерзать душу, которая никогда не пила такого блаженства!»... Все это я набросалъ, перечитывая, наскоро, но, ангелъ, ангелъ, почему я вспомнилъ все 3 марта, почему я не могъ дальше читать, почему до сихъ поръ глазъ влаженъ, и рука дрожитъ? Поэтъ, душа твоя прелестна! О, только германцы постигли, какъ писать о любви.

17 марта.

Странно: какъ мало времени прошло съ тѣхъ поръ, какъ я оставилъ Вятку, и вся жизнь моя тамъ исчезаетъ, какъ что-то давнопрошедшее. Вотъ новое доказательство, сколько я выросъ въ послѣднее время. Я два раза, нѣтъ, три, былъ достоинъ тебя, и *всѣ три мы видѣлись.* Убитый горемъ, отчаянный—на скачкѣ, очищенный въ тюрьмѣ—9 апрѣля, очищенный любовью—3 марта. Нѣтъ,

рѣшительно нѣтъ, никакой день не затмитъ 3 марта. Это граница, это черта, отдѣляющая тѣло отъ неба; еще шагъ,—и мы тамъ, тамъ можетъ быть еще высшее, здѣсь никакъ.

Почему Ог. такъ близокъ? я слышу, какъ бьется его сердце. А Вятка, какъ тѣнь въ фантасмагоріи,—меньше, меньше, точка, ничего. Будто все это я гдѣ-то читалъ, и въ книгѣ этой величественныя черты Витберга, слеза Медвѣдевой, улыбка Полины. Читая, я увлекся, воображалъ, что все это въ самомъ дѣлѣ, дочиталъ,—явилась прежняя жизнь, и книга оставила смутное воспоминаніе.

А что же портретъ? Я не пріѣду, пока не пришлешь. Да, правда, за что же я себя-то накажу? Нѣтъ, мой ангелъ, прилечу. какъ стрѣла, при первой возможности. Нынче должно быть письмо.

Писавши воспоминанія о Кр. [1]) и 1834, я сегодня снова перечиталъ мои письма изъ Кр.; на этотъ разъ перечиталъ хладнокровно. Когда ты получишь ихъ, перечитай и послѣ возьми письма 1837 и 38 гг. Тогда ты вымѣряешь всю огромность твоего вліянія; рядомъ съ нимъ мое вліяніе на тебя уничтожается,—въ этихъ письмахъ какое необузданное самолюбіе! оно мѣшаетъ вѣровать въ Бога, мѣшаетъ любить тебя, оно въ восхищеніи отъ себя. Первый разъ я понялъ теперь причину паденія въ Вяткѣ (сверхъ устали отъ страданій). Ты писала какъ-то: «Изъ Наташи, брошенной людьми подъ ноги, ты создалъ Наташу Александру». А я скажу: изъ Александра, гордаго эгоиста, ты создала Александра, полнаго любви и вѣры. Да, теперь я не эгоистъ, о, нѣтъ, теперь я хорошъ; что за чудо, что ты могла любить меня тогда, когда я только развѣ огненной фантазіей заслуживалъ.

18-го, пятница.

Твое письмо отъ 13-го. Что ты бранишься и стращаешь, это—ничего, это малость, и я отучать не стану, а что тебѣ *передали* трусость, за это я сержусь. Съ чего вдругъ начала ты такъ бояться пріѣзда? О, не думай, мой чистый ангелъ, объ этихъ земныхъ мелочахъ. Зови меня, зови пить любовь, быть счастливымъ, отдыхать на твоей груди отъ людей и отъ себя. Я боялся, когда былъ у васъ тамъ, безусловно, и главное — комната, стѣны, все это было для меня необыкновенно; но объ настоящей опасности мнѣ пришло въ голову дня черезъ три, и я расхохотался. Впрочемъ, кажется, есть возможность увидѣться и безъ опасности, а не то—Загорье, тамъ непремѣнно буду. Пап. боится моего свиданья, боится лично говорить со мною,—это хорошо. Левъ Ал. *просилъ* мам. не огорчать

[1]) Крутицкія казармы.

меня извѣстіемъ, что ты нездорова, это—очень хорошо. Начинаютъ уже привыкать! Еще выговоръ тебѣ за молитву въ 7 часу; какая исполненная любви и вѣры мысль,—а теперь запрещенье. Одинъ разъ я съ тѣхъ поръ проспалъ, и никогда не хочу просыпаться, но ангелъ будитъ крыломъ въ 6 часовъ, я помолюсь и засыпаю опять, и этотъ одинъ разъ былъ сегодня. Будемъ же, будемъ же молиться.

Прошу обратить вниманіе на нарядъ для портрета: воздушная ткань, едва вещественная; съ поэзіей нарядъ и съ совершенной простотой,—вотъ что̀ я требую. А теперь уличу тебя въ кокетствѣ: будто 3 марта ты отъ недосуга была безъ папильотокъ? Не обманете, Mademoiselle; впрочемъ, это очень хорошо, папильотки уродуютъ наружность, и, вѣрно, entre autres [1]) эта мысль *прибавилась къ недосугу*. Признавайся, мой ангелъ! Я, съ своей стороны, никакой не вижу доблести не заботиться о красотѣ. Вятскія дамы хвалили мои глаза, открытый лобъ и руки,—и мнѣ это было пріятно, признаюсь откровенно, даже *за тебя* было пріятно. Тебѣ нравится слогъ моихъ статей, онъ въ самомъ дѣлѣ хорошъ мѣстами,—заботливость о немъ тоже кокетство, я не оставляю свою мысль въ папильоткахъ, а *отъ недосуга* разбрасываю ее вьющимся локономъ. Ты, вѣрно, улыбнешься, потому что всю эту выходку я писалъ улыбаясь. Изящное (во всѣхъ смыслахъ) есть одно изъ трехъ основаній, на которыхъ зиждется царство небесное. Покуда душа въ формѣ, форма должна быть изящна. У тебя даже почеркъ прекрасный,—я хвалю и это. Повѣсть вмѣстѣ съ письмомъ я вручилъ Emilie; стало, ты ее не получила; надобно отыскать, и какъ же она перешла прежде къ мам.? Да, сдѣлай одолженье, напиши обстоятельно о портретѣ, — когда же осуществится хоть эта мечта?

19 марта.

Прощай, мой ангелъ. Что твое здоровье? На второе утро въ Загорьѣ я буду читать тебѣ мою жизнь,—это рѣшено. Собирайся же туда скорѣе, да только прежде портретъ. Прощай же.

Твой *Александръ.*

203. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

20-го марта (1838). Воскресенье. Вечеръ.

Твое письмо, мой ангелъ, отъ 19-го. Прелестная, прелестная!—Человѣкъ съ слабой душою испугался бы твоей любви, я ее при-

[1]) Между прочимъ.

нимаю, какъ даръ Бога, но знаю: мнѣ не могло быть другой любви; могло совсѣмъ не быть, но иной — никакъ. Я ее беру, какъ законное владѣнье, мнѣ вольно въ ней, и за это я цѣню себя. Вотъ какъ награждаетъ Богъ тѣхъ, которые раскрываютъ душу изящному и безбоязненно пускаютъ въ нее сильную мысль и огненное чувство. Не могу выразить тебѣ, какъ я *доволенъ тобою*, — да въ этомъ-то и любовь моя! Всѣ мечты мои, — а ты знаешь, какая вереница ихъ была, — всѣ желанья, даже всѣ мысли перенесъ я въ тебя, и всему просторъ, какъ въ голубомъ небѣ, да, сверхъ того, еще само небо изящно, прекрасно. Ну не дивная ли, моя святая, мой ангелъ — Наташа! Забудь, что ты Наташа, вообрази себѣ пламеннаго юношу, меня, со всѣми несбыточными требованіями, словомъ, меня, перечитай мои письма, вспомни огненный взглядъ 3 марта и спроси, *какова же должна быть она?* — Такъ и я расту въ своихъ глазахъ, когда думаю, что я тотъ Александръ, о которомъ поетъ небесная пѣснь. Скажу откровенно: можетъ, не вовсе по влеченію души я оттолкнулъ отъ себя всѣ нечистыя страсти, даже вино, даже мелочи, сами въ себѣ, не безнравственныя, — я это сдѣлалъ изъ того глубокаго чувства уваженія къ Наташѣ, которое нераздѣльно съ нашей любовью. Все принесъ я на жертву тебѣ, потому что мнѣ сладко жертвовать; въ этомъ огнѣ жертвоприношенія все есть: и слава, и страсти, и пороки, и власть, и друзья, и науки, и родительскій домъ, и все это сгораетъ однимъ огнемъ, въ одну струю пламени, все обращается въ любовь. Во мнѣ больше земного, — ничего, я буду пьедесталъ, на которомъ поставится ангелъ, я буду основаніе, фундаментъ (а онъ и долженъ быть грубѣе, тверже) храму твоей молитвы. — Итакъ, ты съ ребячества хотѣла необыкновенной жизни, — вотъ она тебѣ жизнь необыкновенная, лети, бѣлая голубица, преграды не будетъ и твоему полету, Александръ не стянетъ тебя на землю. Въ сотый разъ повторяю тебѣ: я не предполагалъ себѣ столько счастья! Богъ, Богъ тебя послалъ мнѣ... О, наша жизнь тогда должна быть чиста. Да, обречемъ себя на высокую, христіанскую жизнь. Съ твоею властью надо мной ты можешь это сдѣлать.

Одиночество мое здѣсь было бы ужасно, если-бъ не твоя любовь; это — не Вятка; ни одного взгляда, ни одного слова близкаго, родного, все это ледъ, приличіе. Но люди мнѣ стали вовсе ненужны: вѣдь, ты со мною. Я чрезвычайно окрѣпъ послѣ 3 марта. — Ахъ, чтобъ не забыть: въ Загорьѣ мы перечитаемъ наши письма, хоть не всѣ, непремѣнно. *Загорье будетъ высшая эпоха нашей жизни.* Все время до того дня я проведу съ чрезвычайной чистотой во всѣхъ отношеніяхъ: читать — однихъ поэтовъ, писать — письма или фан-

тазіи, какъ можно меньше видаться съ людьми, даже ѣсть, какъ можно меньше. Можетъ, люди очень умные разсмѣются: умный человѣкъ не значитъ человѣкъ съ душою. Можетъ, мы и прежде обнимемся, но мнѣ ужъ не хочется; да, дѣло сдѣлано, кажется, на Ѳоминой я буду дня на два въ Москвѣ. Ты, я думаю, не надивишься, какъ? — тогда узнаешь, секретъ; скажу теперь только, что эта мысль совершенно оригинальная и основана на гомеопатіи, то есть тѣмъ именно пользоваться, что̀ вредно. Зато эта поѣздка можетъ оттаять ледъ на пап. сердцѣ. — До завтра, ангелъ, покойся съ Богомъ. Знаешь ли, одно изъ самыхъ пламенныхъ желаній моихъ — видѣть тебя спящую; сложивъ руки, издали стоялъ бы я долго, долго, лиліи бросилъ бы на твою грудь — и ушелъ бы. Одна мечта огромная, *главная* совершилась 3 марта, — стало, совершатся и другія. Да зачѣмъ же я съ тобою такъ рано распростился? жаль и письменно разстаться... Милая, милая! Смерть хочется плакать — блаженствомъ, восторгомъ; мечта о тебѣ спящей опять все взволновала, я закрылъ глаза и представилъ себѣ живо, живо. Да не въ комнатѣ, не на постели, — нѣтъ, среди цвѣтовъ, подъ небомъ, подъ деревомъ. Наташа, безумнѣе, сильнѣе тебя никто бы не любилъ, какъ твой Александръ, это — не увѣренье, а мнѣ сладостно говорить объ этомъ. Вотъ явная перемѣна послѣ 3 марта — я дѣлаюсь мягче, нѣжнѣе; обрадуется Витбергъ, — часто доставалось мнѣ отъ него за жестокость, — и все ты, тобою. Да и, въ самомъ дѣлѣ, мы исчезнемъ, наконецъ, въ одномъ ангелѣ.

Кетчера за повѣсть винить нечего, — я ее отдалъ Emilie вмѣстѣ съ письмомъ и съ другой статьей. А «Моя жизнь» у Левашовой [1]). (Слыхала ли объ ней? моя партизанка большая и писала даже ко мнѣ, а отроду не видались, но высокая женщина; я ей подарилъ «22 октября»). Кланяйся Сашѣ [2]), я зналъ, что ей значитъ моя записка. Матвѣй съ уваженіемъ кладетъ въ сторону пакеты, на которыхъ надпись твоей рукой, — я ему обѣщалъ въ награду за все показать тебя въ Загорьѣ; итакъ, тамъ тебя ждетъ, какъ испанскую королеву, торжественное besa mano [3])! Это письмо, можетъ, придетъ не прежде 25 марта — *поздравляю тебя!!*

21, понедѣльникъ.

Лента, лента! вейся, святая, милая лента! — получилъ, ангелъ мой, благодарю, но я ее не надѣну, оставь мнѣ, какъ хочу, упра-

[1]) Екатерина Гавриловна.
[2]) Вырлина.
[3]) Цѣлованіе руки.

вляться съ нею, она принадлежитъ душѣ; до тѣла, кромѣ губъ, ей не касаться послѣ того, какъ она служила поясомъ тебѣ! Благодарю, благодарю,—я ее свернулъ и дышалъ сквозь ее, вдыхалъ въ себя силу цѣлебную, любовь. А 3 марта я ее не замѣтилъ. И еще письмо—богатство! Итакъ, «Моя жизнь» у тебя,—я впередъ сказалъ, что̀ тебѣ понравится; однако, ты забыла предисловіе. Теперь еще написаны VIII глава «Ландышъ», IX глава «Ανάγκη» [1]) (помнишь, въ «Notre-Dame» это слово было вырѣзано у Клода Фролло, оно значитъ fatalité); началъ, было, VII «Студентъ», но вяло. А тѣми доволенъ. Куда же это Emilie дѣла «Елену»? Дурно, ежели ее потеряли на дорогѣ, развѣдай. Какъ хочешь, однако, моей ироніи, юмора я не выброшу: онъ на мѣстѣ, и прелестная картина, оканчивающаяся *ихъ смѣхомъ*, дѣлается еще сильнѣе, а главное—мнѣ это натурально, натяжки нѣтъ рѣшительно. «Пап. пишетъ о горестяхъ имѣть такого сына, какъ я»,—и я, чтобъ сдѣлалъ твой вопросъ на 25! помилуй! я писалъ холодно и мало. Не вѣрь его вниманью; Бога ради, не вѣрь.

О портретѣ. Взошелъ въ резонъ, да, вѣдь, я прежде не зналъ московскаго обыкновенія разсвѣтать въ 8 часовъ. У насъ, во Владимірѣ солнце входитъ *15 марта въ 5 часовъ 48 м., а тамъ все раньше*, а разсвѣтъ бываетъ за полчаса до солнца. У васъ наоборотъ. Видишь ли, какой я немилосердый. На лентѣ не повѣшу его—запылится и испортится. Лента, браслетъ, медальонъ и кольцо, это—антиминсъ моей души. Сама ты должна имъ поклониться.—Чѣмъ больше читаю Жанъ-Поля, тѣмъ больше люблю его; его сочиненій такъ много, что еще надолго станетъ. До вечера!

Вечеръ поздно.

Замѣтила ли ты, мой ангелъ, что минуты ужасной боли и тоски совершенно уничтожились послѣ 3 марта. Бываетъ грустно, да и какъ не грустить намъ другъ о другѣ, но эта грусть приняла другой тонъ, она не деретъ на части бѣдную душу. О, что бывало со мною въ Вяткѣ! я, разумѣется, писалъ вполовину. Да, кстати, ты спрашиваешь, что пишетъ Полина, а я тебѣ писалъ, что строки отъ нея не получалъ. Я тебя спрашивалъ въ послѣднемъ письмѣ о началѣ любви,—*замѣть, въ то же число* ты мнѣ отвѣчала; да намъ просто придется не писать и не говорить: мы свели счетъ, душа одна! Прощай, невѣста. Жду не дождусь, когда меня станутъ поздравлять съ невѣстой. Кто бы то ни былъ—обниму, расцѣлую. Будь хранима Богомъ.

Addio. *Александръ.*

[1]) Судьба.

22, вторникъ.

Поминая наши великіе дни, ты часто забываешь 20 іюля; это грѣшно, — прелестенъ и онъ. Писать некогда. Прощай. Цѣлую тебя, дай руку, поцѣлую ее, — она благословила меня. Прощай.

Твой *Александръ*.

204. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

23 марта 1838.

Ангелъ мой, я теперь сидѣлъ, и думы толпой пробѣгали по душѣ. Перебирая всю любовь, нельзя не видѣть яснаго перелома во мнѣ. Сначала я считалъ себя равнымъ тебѣ, сначала я гордо полагался на свое вліяніе и достоинство (35 и 36 года); съ того времени ты все росла, и уже я очутился на колѣняхъ, не смѣя стать рядомъ, и это-то глубокое чувство смиренія передъ ангеломъ преобладаетъ теперь въ каждой строкѣ. Откуда оно? Вымарай изъ моей жизни исторію Медв., — и любовь моя далеко не приняла бы религіознаго направленія. И опять ты все прежде меня постигаешь: ты это же самое писала два года тому назадъ, — именно нужно было преступленіе, чтобъ смирить гордость. Душа женщины большей частью несравненно чище души мужчины. Какіе примѣры окружаютъ душу юноши съ 15, 16 лѣтъ? Чего онъ ни переиспытаетъ до окончанія школьныхъ лѣтъ?! Чувства притупляются, эгоизму раздолье, религіи нѣтъ. А дѣва въ своемъ затворничествѣ чиста, какъ ласточка; неопредѣленная мечта ея религіозна, свята; такова и любовь, а эгоизму *мало* доступна. Оттого женщина всегда самоотверженнѣе, отъ любви погибнутъ *многіЯ*, но не *многіЕ*, изъ гордости наоборотъ, лучшій примѣръ — дуэли. Сильно должно быть потрясеніе, чтобъ усмирить юношу, и вотъ ужасная встрѣча съ М. окончила мое воспитаніе. Но эта встрѣча проскользнула бы, едва оцарапавъ; надо было непремѣнно, чтобъ, какъ улика, былъ передъ глазами человѣкъ во всей славѣ, во всемъ сіяніи; это — ты, моя божественная, и я смирился. Теперь я не паду, говорю рѣшительно; радуйся же, радуйся: ты овцу потерянную ведешь домой. Другой переломъ въ любви тоже замѣтенъ: это ея возрастаніе; возьми письма и посмотри, какъ мало-по-малу любовь все поглотила; звѣзды свѣтятъ, но выходитъ солнце, звѣзда за звѣздой блѣднѣетъ, меркнетъ, та держится дольше, другая... но оно вышло, царственное, и исчезли звѣзды, и мѣсяцъ, какъ тѣнь убитаго, дро-

житъ на небосклонѣ. Слава боролась съ тобою всѣхъ храбрѣе; десять лѣтъ безпрерывно она обтесывала себѣ пьедесталъ изъ моей души, и вдругъ на этотъ пьедесталъ становится дѣва; она попробовала стать, хоть вмѣстѣ, но могла ли она, женщина развратная, облитая кровью Мессалина, актриса нарумяненная, могла ли устоять рядомъ съ дѣвой-ангеломъ?! А тебѣ хорошо, Наташа, на ея пьедесталѣ; никто не умѣетъ ставить лучшій пьедесталъ, лучшую колонну, какъ слава,—цари же на немъ. Вотъ моя грудь, раскрой ее, и ты увидишь, что въ ней ничего нѣтъ, кромѣ тебя, какъ въ церкви ничего, кромѣ Бога. И какъ въ церкви любовь къ Богу выражена всѣми искусствами, такъ и ты въ моей душѣ слита съ поэзіей, съ мыслью, съ чувствомъ, тобою свято прошедшее, свято настоящее, свято будущее. Въ самомъ дѣлѣ, тебѣ должно быть удивительно (какъ пишешь въ послѣднемъ письмѣ), какъ холодный cousin превратился въ горячаго брата и въ пламеннаго жениха. Но сѣтовать на меня нельзя, что я такъ долго не узнавалъ мою Наташу въ кузинѣ Наташѣ,—моя огненная живость и твоя кроткая тишина не имѣли перехода. Я считалъ тебя холодною (не знаю, кто тебя сравнивалъ съ Елиз. Петр. Смалланъ [1]), чуть ли не Т. П., и называли англичанкой), видѣлъ большія способности и жалѣлъ о твоемъ положеніи. Я узналъ тебя гораздо ближе, когда была Emilie; она имѣетъ именно ту живость и пылкость, которая должна была остановить мое вниманье, но замѣть, я не предпочелъ ее тебѣ,—твоя высота скоро стала замѣтна. Помнишь ли ты стихи свои, писанные въ 1833? душа твоя вырвалась въ нихъ сильно (они цѣлы у меня). Emilie была именно переходъ между нами, но я не любилъ тебя *любовью*. (Вы знаете, что я тогда былъ влюбленъ!!). Несчастіе ужасное потрясло меня. Живость остановилась. Тутъ симпатія твоя и Emilie явилась во всемъ блескѣ. 20 іюля вечеромъ я тебя любилъ ужъ страстно, безъ малѣйшаго сознанія; любовь во мнѣ, какъ озимое зерно, должна была цѣлую зиму таиться, не узнанная. Замѣть, я пользовался каждымъ случаемъ посылать тебѣ поклонъ; на тебя была обращена вся внимательность, вся нѣжность моя, я былъ очень *пламенный* братъ и, методически увѣряя себя, что любовь вредна и не существуетъ, я дожилъ до 9 апрѣля и, наконецъ, до конца 1835 года. Вотъ вопросъ весьма важный: былъ ли я влюбленъ въ Медв.? И да, и нѣтъ. Ея несчастное положеніе, прекрасная наружность, немножко кокетства и очень много ума увлекали меня, а я тогда стоялъ на распутьи, не зналъ, куда итти, предавался всему усталой душой, не любилъ никого изъ вятскихъ,—виномъ,

[1]) Родная сестра Т. П. Пассекъ.

даже картами, тушилъ другія потребности души. Ея внимательность теплая,—какъ нарочно, близость квартиры,—и я сдѣлался у нихъ свой человѣкъ. Суди меня строго, но вспомни: ни одного человѣка, который бы съ любовью посмотрѣлъ на меня, и вдругъ является человѣкъ, и притомъ женщина, и притомъ 24 лѣтъ, и притомъ образованная. Я увлекся мгновенно, сильнымъ, бурнымъ характеромъ увлекъ ее и, замѣть, въ ту же минуту опомнился, въ ту же минуту разглядѣлъ, что это не любовь, что мнѣ такое чувство узко, что отъ него пахнетъ помадой, а не живой розой. Тогда-то судорожно требовалъ я себѣ иной любви, и на всѣ эти требованія душа отвѣчала: «Наталія». Я трепеталъ, задыхался, я мучился, читая твои письма, но скрывался отъ тебя. О, Наташа, сколько разъ передъ моими бѣшеными письмами въ концѣ 1835 и началѣ 1836 я сидѣлъ въ совершенномъ отчаяніи передъ моимъ столомъ, облокотясь на обѣ руки. Потъ выступалъ на лицѣ, и холодныя капли слезъ сливались на твое письмо. Я мялъ этотъ листокъ въ рукахъ, прижималъ его къ головѣ, въ которой горѣлъ смутный пожаръ, и рядомъ со всѣми этими мученьями выходила мысль, что я обманулъ М. И отчего я мучился? Развѣ прежде, нежели ты писала о любви, она не ясна была? *Я сознавалъ себя недостойнымъ твоей любви.* Да, да, именно это чувство терзало меня, и его-то я передалъ Полинѣ, какъ только сблизился съ нею; я казался гадокъ, запятнанъ себѣ, а ты, какъ нарочно, блистала ярче, ярче... О, моя Наташа, какъ взволновалась душа отъ этихъ воспоминаній... Щеки пылаютъ... слезы... Наташа, Наташа, нѣтъ, я стою твоей любви, еще разъ взойди сомнѣнье въ мою душу,—и я погибъ, но оно и не взойдетъ. Дай руку, приложи ее на эту грудь,—она преступна, но она полна любовью, она такъ умѣетъ молиться Наташѣ! Когда же мы вмѣстѣ,—нѣтъ, соединимся, Богъ съ ними,—тогда все это я разскажу тебѣ, и слезу ты утрешь поцѣлуемъ. Помнишь, тогда, 3 марта, ты разъ закрыла глаза, когда я поцѣловалъ тебя, и поцѣлуй былъ долгій, долгій. Твои уста,—какъ онѣ чисты, святы,... а тѣ жгутъ, на тѣхъ былъ опіумъ, повергалъ въ упоенье и отравлялъ. Съ тобой не бываетъ такихъ сумасшедшихъ минутъ; ну, спи же, ангелъ, спи, что, кромѣ улыбки, можетъ привидѣться тебѣ?

24 марта. Вечеръ.

Мнѣ что-то грустно, Наташа, гдѣ ты? Что же нѣтъ тебя, чтобъ эту грусть отвѣять дыханьемъ, взглядомъ, поцѣлуемъ? Наташа, зачѣмъ ты не тутъ,—завтрашній день навѣялъ грусть. Гдѣ же та, одна, для которой 25 марта—торжество огромное, для которой рожденье младенца тогда, 26 лѣтъ тому назадъ, заключало въ

себѣ всю свѣтлую сторону жизни? Рука ищетъ твою руку, хочетъ ее прижать къ груди, къ сердцу, и, все-таки, разлука, одна разлука. Ты, вѣрно, теперь грустишь,—внутренній голосъ говоритъ мнѣ. И не въ нашихъ ли рукахъ будущее? это робость съ моей стороны отдавать на мученье ангела, страдать самому отъ робости. Гдѣ же тутъ огненный, предпріимчивый Александръ? покраснѣй ты за него, онъ геройствуетъ на словахъ. Нѣтъ, съ 12 февраля рѣшено дѣйствовать,—лишь бы расположить обстоятельства. Я не могу больше быть съ тобою въ разлукѣ, разлука похожа на чахотку: иногда спрячется, будто ничего, и розы на щекахъ; дунулъ вешній вѣтеръ,—и грудь страшно напоминаетъ, что болѣзнь тутъ. Какъ свирѣпо и жестоко поступаютъ съ нами люди: съ тобой за то, что ты молишься объ нихъ, со мной за то, что я любилъ ихъ всей душой. Сегодня не будетъ другого звука—замолчу. Хоть бы портретъ твой былъ,—больная душа хочетъ опоры. Ахъ, Наташа, какъ я люблю тебя, какъ ты слилась со всякой радостью, со всякой мыслью. Милая, милая Наташа, вѣдь, ты моя невѣста. Господи, прости этотъ скорбный звукъ... Нѣтъ, нѣтъ, Ты много сдѣлалъ для меня: Наташа—моя невѣста!

Позже.

Послѣднія письма изъ Кр. хороши (прошлый разъ я бранилъ), но не твой Александръ въ нихъ, а Александръ Огарева. А я, должно быть, сильно увлекалъ ими тебя. Вдругъ этотъ огонь вулкана передъ твоимъ яснымъ взглядомъ. Перечиталъ и 35 годъ опять. Лучшая характеристика второй половины этого года—строки, писанныя передъ новымъ годомъ. «Тогда склоню я голову на грудь твою, ежели она не будетъ принадлежать другому». Только эта нелѣпая мысль и можетъ отчасти извинить нелѣпую жизнь того времени. И изъ этого Александра ты образовала своего! Вѣдь, я сдѣлался не тѣмъ, чѣмъ *я хотѣлъ*, а тѣмъ, чѣмъ *ты хотѣла*. Это ясно. Да вотъ еще, что я замѣтилъ въ письмахъ: ты можешь быть со временемъ совѣтникомъ губернскаго правленія,—на большей части писемъ есть помѣтка, когда получено.

12 часовъ и, слѣд., 25 марта.

Ты, можетъ, покоишься, спишь, мой ангелъ. Спи же, и пусть Богъ пошлетъ тебѣ образъ твоего друга, вмѣстѣ съ первымъ часомъ *его дня*. Наташа, я раньше тебя поздравилъ, нежели ты меня. И мой сонъ долженъ быть прелестенъ подъ утро,—твоя молитва понесется тогда къ небу.

25 марта, 8 часовъ утра.

Обнимемся еще, поблагодаримъ Бога: ты—за мое рожденье, за мою жизнь; я—за то, что эта жизнь мнѣ дорога тобою, ангелъ благодатный. Сейчасъ получилъ твое письмо, и въ немъ,—второе къ М. Итакъ, мой день начался торжественно. Съ чего ты вообразила, что я боленъ, не знаю. Душа иногда падаетъ у меня въ низшую атмосферу, не всегда можетъ держаться тамъ, гдѣ держится твоя, отъ этого иное письмо хуже,—таковы были два прошедшихъ. Но гдѣ же болѣзнь? Пиши «*жизнь*» письмами: это дивно, вотъ мнѣ подарокъ для 25 марта.

Я просыпался сегодня въ 5 часовъ и молился; ты, вѣрно, тогда же.

2 часа.

Писалъ къ папенькѣ сильно, но уже не просящимъ: эту рѣчь я отбросилъ. Между прочимъ, я писалъ, что ежели онъ пойметъ, наконецъ, нашу любовь, то выгода съ его стороны: это будетъ значить, что Богъ раскрылъ его душу чувству высокому. И, въ самомъ дѣлѣ, дай Богъ, дай Богъ, чтобъ наша любовь могла и ихъ поставить на подножіе лѣстницы, по которой идутъ туда, туда!

25 марта. Вечеръ.

Ты меня чрезвычайно обрадовала тѣмъ, что обѣщала писать свою жизнь. Я восхищаюсь твоей манерой писать, у тебя размахъ фантазіи какъ-то огроменъ и всегда *ровенъ*, чего именно нѣтъ у меня. Иногда я подымаюсь высоко, но горный воздухъ слишкомъ чистъ для больной груди, и она опускается; у меня это скрыто всегда переливомъ въ иронію, но это усталь. Иногда, читая твое письмо въ десятый, двадцатый разъ, я взгляну на него съ литературной точки зрѣнія и, признаюсь, ежели бы ты была *не моя*, я могъ бы завидовать поэтическому таланту. Почти каждое письмо—поэма, и чувство вырывается изъ души стройно, какъ изъ арфы, и главное, ты не чуствуешь, что пѣснь льется: это такъ естественно тебѣ, какъ любовь ко мнѣ. Откуда Богъ взялъ такую дивную дѣву для меня? Вотъ, говорятъ, что люди обыкновенно дѣлаютъ желанія несбыточныя, какъ же всѣ мои сбылись? Какъ же ты, начиная отъ красоты наружной до молитвы, съ избыткомъ выполняешь всѣ мечты мои?

Письмо твое къ М. превосходно, завтра пошлю. Ежели она закроетъ свою душу твоей симпатіи, то и тогда ты не должна ее оставлять, потому что ударъ въ ея грудь нанесенъ рукой, близкой

тебѣ. Ахъ, какъ пламенно желалъ бы я, чтобъ Богъ раскрылъ ея душу твоей дружбѣ и, слѣд., міру высшему. Ну, не дивное ли зрѣлище: ты сестра ей! Какъ наша любовь выше *ихъ* любви! Но, скажу откровенно: я не вовсе еще въ ней увѣренъ, не обманываетъ ли она себя! Ея слабая, болѣзненная организація приводитъ меня въ ужасъ: мать трехъ малютокъ безъ куска хлѣба! Мы иногда думаемъ о нашихъ маленькихъ несчастьяхъ, погруженные въ море свѣта, объ этихъ временныхъ препятствіяхъ. А какъ же сравнить мою тюрьму, мою ссылку, твои истязанія съ цѣлой жизнью такой, какъ М. Фу! Даже Витбергово положеніе несравненно лучше,—онъ посвятилъ себя искусству. Ея жизнь людямъ брошена на съѣденіе.[1]

Дорогу въ Царицыно [1]) найти не мудрено, а ты вотъ что сдѣлай: я назначу тебѣ день и часъ, когда пріѣду; вели Арк. прійти ко мнѣ; ежели меня нѣтъ, пусть подождетъ, но я пріѣду аккуратно: больше 24 часовъ нельзя быть на дорогѣ. Я хотѣлъ тебѣ писать, что приду съ разсвѣтомъ, а ты мнѣ это пишешь. Итакъ, мы увидимъ восходящее солнце и его звѣздочку. Наташа, лучше Загорья ничего жизнь не дастъ, какъ воспоминанье объ немъ. Нѣтъ, нѣтъ, не бойся; склони молча голову, я не буду говорить, не нарушу молчанія! А твоя рука только должна быть въ моей, я ее сожму, я ею утру слезу. ПЯТЬ ДНЕЙ! И отъ 2 (а можетъ, можно и съ вечера?) до 7—ПЯТЬ ЧАСОВЪ!

А что портретъ? Да, вотъ что: никакъ не посылай, ежели будетъ непохожъ, пусть судьею будетъ Emilie. Да, еще живописцы имѣютъ обыкновеніе придавать лицу офиціальную веселость,—никакъ... твою улыбку, ежели какой-нибудь портретистъ умѣетъ ее понять. Ахъ, кабы Витбергъ! Вели сдѣлать готическія кресла, мои любимыя, съ украшеніями en ogive [2]) и рѣзьбою. Я, право, ребенокъ и притомъ баловень, это—дѣло рѣшенное. Ты, вѣрно, ужъ спишь; дай же я тихо, тихо поцѣлую тебя и долго, долго остановлю взоръ, влажный отъ любви, на твоемъ прелестномъ лицѣ.

Прощай.

26 марта, суббота.

Десять часовъ, а я сейчасъ всталъ,—вотъ какъ исполняю твой приказъ много спать. На дворѣ какая-то безцвѣтная мерзость, и на душѣ не разсвѣло. Вчера я, какъ легъ, положилъ твою ленту себѣ на грудь и такъ уснулъ. Она живая, она полна магнетической силы. Когда-то ты, ангелъ мой, уснешь на этой груди? Двигайся же, время, пора, пора! Ежели не будетъ возможности устроить портретъ,

[1]) Село противъ Загорья, черезъ рѣку.
[2]) Въ формѣ готической стрѣлы.

напиши. Я нашелъ самое странное средство, и оно, кажется, удастся: напишу Льву Ал.,—онъ *чувствителенъ* и, право, сдѣлаетъ.

Прощай, моя Natalie.

Александръ.

То, что ты пишешь о Т. П.,—полная характеристика ея. Свойство полудушъ—выѣзжать на фразахъ. Есть въ ней доброе и умное; однако, когда умереть,—не хотѣла; однако, равнодушна была!!

◆◆ 1. Н. А—на отвѣчала на это: «Несчастіе-то и поставило Медвѣдеву первою подлѣ меня послѣ тебя. Пусть она презрѣла меня, отвергнетъ и дружбу и самую молитву,—я *доведу* ее до того, что она отдохнетъ со мною, что не на письмѣ, а душою назоветъ меня сестрою. Ты пишешь: «ея жизнь брошена на съѣденіе людямъ»,—отнимемъ же ее у нихъ! Вылечимъ раны, нанесенныя ими, дадимъ ей свѣтъ, блаженство и вознесемъ къ Богу. Дѣти ея мнѣ жалки болѣе ея, потому что *мы* имъ теперь ничего, имъ нужно меньше, нежели *мы*, и мы не можемъ помочь. Ежели бы у меня было что, я все бы отдала *имъ*, а не *ей:* ей нужны только мы, Александръ! Ангелъ мой, послушай: я до сихъ поръ имѣла какую-то глупую гордость,—желала, чтобъ у меня не было ни копейки, ни нитки *въ приданое;* это глупость, я думаю. Нѣтъ, *дай Богъ*, чтобъ Ал. Ал. отдалъ мнѣ десять тысячъ: тогда всѣ до копейки отдадимъ дѣтямъ Медв., только я боюсь, не обидѣлась бы она; какъ же сдѣлать, чтобъ она не знала? Немного сдѣлаешь помощи имъ этими деньгами, но хоть сколько-нибудь, только ее я боюсь ужасно: она не докажетъ, но это тяжеле ей будетъ холодности. Никто объ этомъ не долженъ знать. Теперь я въ состояніи *просить* у него эти деньги,—какъ ты думаешь, отдастъ онъ? Свое я отдала бы ему, но теперь ужъ онѣ не мои: онѣ ихъ, этихъ несчастныхъ малютокъ, ежели не кусокъ хлѣба ихъ, такъ хоть игрушки, и я ее не уступлю ни за что на свѣтѣ» (стр. 544).

205. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

27-го (марта), воскресенье, вечеръ (1838).

Итакъ, мой ангелъ, ты прочла «Елену». Да, это—исповѣдь, и исповѣдь, вырвавшаяся въ самую страдательную, болѣзненную эпоху. Впрочемъ, не *все же фактъ* въ ней. Князь немного хуже поступилъ меня, зато больше и наказанъ. Окончаніе было прежде не то (ты

можешь видѣть по вымаранным листамъ), сумасшествіе князя было единственнымъ спасеніемъ, иначе онъ былъ на дорогѣ къ самоубійству. Что она перестала молиться *о выздоровленіи*, изъ этого не слѣдуетъ, что она перестала молиться о его душѣ. Впрочемъ, я вымаралъ въ томъ экземплярѣ, который отправился въ Петерб. «черезъ десять лѣтъ». Эти строки наскоро были набросаны въ то время, какъ К. [1]) былъ здѣсь. Надобно еще замѣтить, что въ этой повѣсти все пожертвовано одному лицу—Еленѣ. Повѣсть эту читали въ Москвѣ; многіе бранятъ свиданіе князя съ Еленой и чрезвычайно хвалятъ Ивана Сергѣевича, который торжествуетъ дѣтской душой надъ неугомоннымъ княземъ. «Его Превосходительство» представляетъ опять Медв., но тамъ уже моя роль чиста; наконецъ, бродитъ и третья часть: ты и М.—сестры.

Загорье такъ вѣрно, какъ завтрашній день. Но пріѣздъ на Святую зависитъ отъ одного посторонняго человѣка [2]) и отъ одного генерала [3]), живущаго въ Москвѣ, и теперь навѣрное отвѣчать не могу. Я тогда пріѣду прямо домой и пробуду дня четыре. Въ будущемъ письмѣ напишу. Меня тѣшитъ до крайности оригинальность средства... узнаешь послѣ.[1]

Твое письмо грустно и дурно грустно. Такого послѣ 3 марта не было. Между прочимъ, мнѣ кажется, ты немного сердишься за мою шутку о кокетствѣ. Наташа, правда? Прости же, мой ангелъ, я просто подурачился; ну, дай руку и, милый другъ, ни слова объ этихъ пустякахъ. Ты не понимаешь, въ чемъ именно отказъ,—тамъ сказано: «Герцену такъ недавно оказана милость государя, что *въ скоромъ времени* нельзя взойти съ новымъ докладомъ»... А что такое по ихъ «въ скоромъ времени»? Еще тѣнь надежды на наслѣдника осталась, покуда не прошла Святая; ежели же пройдетъ она, нечего будетъ и ждать *въ скоромъ времени*. А развѣ Загорье не наше? а развѣ въ Вяткѣ я смѣлъ мечтать о 3 марта? Нѣтъ, не отчаяніе, а молитва искренней благодарности должна наполнять нашу душу.

«И я полечу ждать тебя тамъ». Тебѣ дивно будетъ ждать у подножія престола божія съ ангелами, въ вѣчномъ свѣтѣ. А я какъ останусь здѣсь безъ тебя? У меня нѣтъ будущаго безъ тебя,—есть одни страданія, одно отчаяніе, одно продолжительное самоубійство... Наташа, полетишь ли ждать тамъ? Я тебя приковалъ къ землѣ, какъ Юпитеръ Прометея, но приковалъ любовью, въ ея имя перенеси жизнь.

[1]) Кетчеръ.
[2]) Вѣроятно, жандармскаго подполковника.
[3]) Гр. Апраксинъ, начальникъ московскаго жандармскаго округа.

Ночь.

«Тамъ», поставивъ тебѣ меня въ третьемъ лицѣ, живо представило всю черноту моего поступка. Признаюсь, въ первую минуту, какъ я читалъ твое письмо, щеки вспыхнули, и письмо задрожало въ рукѣ. Но потомъ я обрадовался: не я виноватъ, что ты изъ писемъ не видѣла,—лучъ солнца никогда не попадаетъ на дно колодца, а колодезь открытъ. Паденіе было огромно, но огромны и страданія; возьми, напр., мое письмо отъ моихъ именинъ 1837 года и два слѣдующія. Но зачѣмъ же ты говоришь, что я не писалъ тебѣ? да, я не писалъ сначала въ чаду, а послѣ писалъ въ каждомъ письмѣ. А наша симпатія!?—въ ту самую минуту, какъ ты читала «Елену», я писалъ тебѣ прошлое письмо. Больно стоять преступнымъ передъ тобою, ангелъ, больно потому, что ты не осудишь. Моя исповѣдь Витбергу была ужасна; она была бы легче, ежели бы Витбергъ строже принялъ ее. Вотъ въ томъ-то и будетъ наказаніе грѣшнику, что безконечная благость будетъ его прощать, а онъ увидитъ, что недостоинъ прощенья. Наташа, что было бы со мною, ежели бы всѣ обстоятельства Елены повторились, даже смерть? И въ дополненіе—разлука... Холодно, морозъ обнимаетъ сердце. Ну, какъ же мнѣ не ставить себя ниже тебя? чистота безусловная, святость! Ежели-бъ я былъ такъ чистъ... О!... Наташа, вотъ я опять черенъ и грустенъ; вотъ чувства, давно забытыя, опять сосутъ душу; сегодня Лазарево воскресенье, и они выходятъ смердящія изъ катакомбы и шепчутъ на ухо: «таковъ ли долженъ быть Александръ Наталіи... и все это было послѣ 9 апрѣля, можетъ, за день прежде, нежели ты осмѣлился ангелу говорить о любви, за мѣсяцъ прежде, нежели рукой нечистой осмѣлился распечатать письмо, въ которомъ она писала о любви»... Терзайте, терзайте меня... этого требуетъ справедливость высшая, небесное правосудіе. О, Наташа! Не слеза,—кровь хочетъ брызнуть. Ανάγκη!!

28-е, понедѣльникъ. Вечеръ.

Вчера, написавъ ту страницу, я бросился на постель, не спалось; фантазія, оживленная 3 марта, схватила прежнюю мысль и всѣмъ новымъ огнемъ раздувала угрызенье. Долго не могъ уснуть; уснулъ и съ какимъ-то трепетомъ просыпался нѣсколько разъ. Сегодня утомленъ, глупъ, пустъ... А ты и сегодня ангелъ!.. Прощай, дай, я поцѣлую руку: сегодня я недостоинъ цѣловать тебя въ уста... Говѣю; прощай же.

29, вторникъ.

На дворѣ солнце, и я выздоровѣлъ (душою). Нѣтъ, и тотъ, кто изъ паденья умѣетъ подняться до полнаго раскаянья, и тотъ достоинъ милости Бога, а когда еще ангелъ ведетъ его! Родъ человѣческій уже для того долженъ былъ пасть, чтобъ имѣть радость быть спасеннымъ Христомъ. Ты—мой Христосъ! Что я писалъ въ прошломъ году, то повторяю и теперь: говѣю я дурно, не могу заставлять душу молиться именно тогда-то (исключая седьмого часа); молитва молніей пронесется по душѣ, взглядомъ на небо, слезой, а то все такъ матеріально. Но я люблю церковь, я всегда тамъ мечтаю о тебѣ, думаю, какъ ты, ангелъ, стоишь *дома* передъ Отцомъ и смотришь на Него, и Онъ благословляетъ тебя тою же десницей, которой благословляетъ шаръ земной, вселенную и меня.

Нынѣшнее письмо коротко,—прости; ты получишь слѣдующее письмо въ понедѣльникъ, на Святой; прежде отвѣта отъ меня не переходи къ княгинѣ [1]),—но смотри, какъ бы не догадались: твой переходъ и мой пріѣздъ.

Пускай себѣ; я все жду съ нетерпѣніемъ твоего разрыва съ свѣтлѣйшей тетушкой.

Какъ ударятъ къ заутренѣ въ Свѣтлый праздникъ, поцѣлуй мой портретъ, а я твою ленту, и души наши обнимутся.

Прощай.

Твой *Александръ.*

Emilie братскій поклонъ. Разумѣется, я съ ней увижусь, если пріѣду въ М. [2])

◆◆ **1.** По всей вѣроятности, эта загадка отгадывается данными офиціальнаго дѣла, въ которомъ есть рапортъ гр. Апраксина къ гр. Бенкендорфу отъ 30 марта 1838 г. Апраксинъ сообщаетъ, что подполковникъ Жадовскій, свидѣтельствуя объ отличномъ поведеніи Герцена, испрашиваетъ его разрѣшенія дозволить Герцену лѣтомъ отъѣзжать, хоть въ сопровожденіи Жадовскаго, къ родственникамъ, въ подмосковную, близъ города Покрова. Отвѣта изъ III Отдѣленія не послѣдовало... Наѣзды въ имѣніе, подъ конвоемъ жандармскаго подполковника,—явленіе, очень оригинальное.

[1]) Н. А—на переходила иногда спать въ комнату Хованской, и для свиданія съ Герценомъ это было удобно: когда кн. засыпала, можно было выйти до утра.

[2]) Москва.

206. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

30 марта, среда (1838).

Поэма моя «О себѣ» оканчивается. Дальше 9 апрѣля она не должна итти. Да, это — поэма юности, и она хороша: юноша ее не прочтетъ хладнокровно; жаль, что *по многому* не вездѣ все сказано. Въ IX главѣ описана студентская оргія и прогулка; Бога ради, не смѣшай часть ихъ съ обыкновенными выходками ироніи, о, нѣтъ. Ты не знаешь этотъ шумный, пламенный водоворотъ *разгула*, представить его трудно: бурный вальсъ высокихъ идей и плоскихъ остротъ, вдохновенныхъ рѣчей поэта и bavardage [1]) пьянаго. Но все это вмѣстѣ имѣетъ *свой* изящный отпечатокъ, даже со всѣми шалостями, какъ описано. Я перелистываю и радуюсь: ничего темнаго, ничего пошлаго, моя юность прошла хорошо. Мнѣ надобно было уѣхать за 1000 верстъ отъ Воробьевыхъ горъ, отъ 20 іюля и 9 апрѣля, чтобъ опьянѣть отъ заразительнаго дыханья толпы и усыпить душу. Но что за дивная, святая поэма вливается въ мою жизнь — твоя! Жду твоихъ писемъ, какъ ждалъ отъѣзда изъ Вятки. Это будетъ твоя любимая статья, пишешь ты; это само собою такъ быть должно: для тебя не покажется мелочью всякая подробность, входящая въ составъ цѣлаго; эта жизнь бурная, порывистая, которая искала во всей вселенной цѣли, — вдругъ останавливается, бросается на колѣни передъ дѣвой, отрѣшается отъ всего и ставитъ ея любовь вмѣсто всѣхъ огромныхъ призраковъ, звавшихъ ее сильнымъ голосомъ. Моя жизнь — необходимое предисловіе къ моей любви. А твоя, — я боюсь выразить всей мысли, но оно такъ, — она выше Евангелія для меня: какъ голубое небо граничитъ съ самимъ Богомъ, такъ и жизнь твоя. Еще о томъ же: 20 іюля я тебя заставилъ говорить не совсѣмъ такъ, слово въ слово, но замѣть: мысли и даже выраженья взяты изъ *твоихъ писемъ*. Наташа, мы жили! Многіе ли могутъ сказать это? Тамъ, въ Загорьѣ, твой Александръ прочтетъ свою жизнь и броситъ ее къ твоимъ ногамъ, — его жизнь до 9 апрѣля — одинъ пьедесталъ, одна ступенька, которой коснулась нога твоя, чтобъ стать во весь ростъ. О, мой благодатный, прелестный ангелъ, что было бы со мною, ежели бы вычесть изъ жизни 20 іюля и 9 апрѣля?? (3 марта — уже слѣдствіе).

[1]) Болтовня.

Вечеръ.

Отроду, первый разъ я сегодня исповѣдовался. Холодно пришелъ въ церковь, холодно взошелъ въ алтарь. Первое, что тронуло меня, это—прекрасныя черты священника. «Вѣруете ли въ Бога?» Вѣрую. «А что такое вѣрить?», спросилъ с., быстро и проницательно взглянувъ на меня. Душа моя раскрылась; пламенно отвѣчалъ я, и его душа оставила формализмъ. Бесѣда сына и отца, полная любви, вышла изъ исповѣди; я ему сказалъ обѣтъ, который я далъ себѣ при выѣздѣ изъ Вятки (и который скажу тебѣ *тогда*), онъ съ удивленіемъ взглянулъ на меня и, молча обращая взоръ къ небу, сказалъ: «Господи, укрѣпи раба твоего Александра!»; мы разстались чуть не со слезами. Итакъ, вотъ первый человѣкъ во Владимірѣ! Я ему тутъ передъ алтаремъ божіимъ говорилъ о тебѣ, мнѣ это необходимо было, я оживаю, когда могу говорить о тебѣ. Онъ сказалъ, что ежели вѣнчаться здѣсь, то нужно только свидѣтельство отъ твоего духовника и мое удостовѣреніе,—больше ничего. Это прелесть! Не дивна ли христіанская исповѣдь: заставить обнажить человѣка душу значитъ заставить его смириться, просить прощенія, а когда человѣкъ можетъ быть выше, какъ не прося прощенія у брата? Иду спать. Прощай, милый, милый ангелъ, завтра надѣну браслетъ. Ну, посмотри на меня долго,—вѣдь, впечатлѣть твои черты—тоже молитва, съ ними я христіанинъ, съ ними достоинъ причащаться. Natalie! Написавши твое имя, какъ будто я очень много сказалъ, больше, нежели словами могу, да ты и прочтешь въ своемъ имени, писанномъ моей душой (а не рукой), все, что я хотѣлъ. Благослови же меня на сонъ чистый и святой...

31 марта, четвергъ.

Ангелъ мой, сегодня ничтожный [1]) случай привелъ меня въ восторгъ, въ умиленіе. Я причащаюсь, за мною маленькая дѣвочка, хорошенькая; когда мать ее подняла, она сказала ея имя, и это имя—Наталія. Я остался на своемъ мѣстѣ, не отступалъ далѣе и съ восторгомъ взглянулъ на небо. Вѣдь, оно ничего, разумѣется (ничего *по ихъ* значитъ то, что не приноситъ рублей, пользы), но почему же изъ двухсотъ именъ, которыя безпрестанно слышались, встрѣтилось у потира Natalie,—то имя, которымъ я молюсь, твое имя? Ты пишешь въ прошломъ письмѣ: «Да и будетъ ли будущее?» Зачѣмъ это сомнѣніе? Нѣтъ, послѣ 3 марта моя вѣра незыблема.

[1]) Очень глупо: это—совсѣмъ не ничтожный случай (2 апрѣля). *А. И. Г.*

И отъ кого же зависитъ наше будущее? отъ Бога и отъ насъ. Богъ можетъ скоро одного изъ насъ позвать,—тогда другому здѣсь нѣтъ будущаго. Но Богъ этого не сдѣлаетъ, Онъ знаетъ, что есть еще рай и молитва на землѣ. Онъ въ награду тебѣ покажетъ всю прелесть земного бытія, Онъ въ награду тебѣ оставитъ меня. Вѣрь, Наташа, вѣрь, я не могу себѣ дать отчета, но громкій голосъ говоритъ въ душѣ, что скоро настанетъ огромный день нашей жизни, высшій, святѣйшій день, въ который представитель Христа именемъ Бога уничтожитъ двухъ человѣкъ, чтобъ создать одного ангела. Потиръ изъ металла,—онъ земляной, грубый, но вотъ въ него налита святая кровь,—и онъ святъ; такъ и я, какъ сосудъ земной, буду святъ, когда благодать Бога Наталіей сойдетъ въ него. Вѣрь!—Сегодня три года, какъ читали сентенцію.

1 апрѣля. Пятница.

Напиши къ Ал. Ал. письмо о твоихъ деньгахъ; скажи ему просто, въ чемъ дѣло, и пусть онъ ихъ пришлетъ на мое имя во Владиміръ. Пожалуй, и я напишу ему, nous sommes de bons amis [1]). Это полезно, потому что, ежели онъ найдетъ препятствіе исполнить, то уже на него и не считать. Пришли мнѣ адресъ его. Каковъ вашъ приходскій свящ.? выдастъ ли онъ то свидѣтельство, о которомъ я писалъ? Послѣ Загорья нечего больше ждать. Да, заставь Emilie думать; ты не умѣешь, у тебя одинъ талантъ—любить. Письма еще не приносили.

Знаешь ли, какимъ новымъ огромнымъ блаженствомъ наградилъ меня Богъ? я почти всякую ночь вижу тебя во снѣ и проснусь со слезою радости, опять засну,—и опять ты. Прежде я очень рѣдко видѣлъ тебя и сердился. Дивны эти сны, они—отдыхъ для тоскующей души. Сегодня сонъ былъ страшенъ: ты сидѣла у окна, я стоялъ возлѣ тебя. Вдругъ что-то сверху обрушилось на тебя, холодный потъ выступилъ на мнѣ, я проснулся, задыхаясь отъ испуга, потомъ засыпаю и что же? Ты съ улыбкой мнѣ говоришь, что это ничего, и я плакалъ, прижавъ голову къ твоей груди. Ангелъ, ангелъ!

Письмо! Письмо! Я всегда получаю на другой или на третій день,—счастливѣе тебя. Итакъ, ты отрекаешься отъ своихъ талантовъ, у тебя только любовь. Такъ отречься можетъ и христіанство, въ немъ ничего нѣтъ—только любовь! А Богъ развѣ—не одна любовь? Ты выгодно промѣняла таланты!

[1]) Мы съ нимъ пріятели.

Ты пишешь 29-го числа, что послѣднее письмо мое было отъ 19-го; стало, одно пропало на почтѣ, потому что пап. уже 25-го получилъ мое письмо отъ 22. Напиши, есть ли письмо отъ 22.

Дорога напрасно тебя стращаетъ, опаснаго мало, а только много безпокойнаго; тѣмъ не менѣе, ты слишкомъ поторопилась перейти къ княгинѣ; я писалъ, что время отъѣзда не отъ меня зависитъ, и сверхъ того, то лицо, съ которымъ бы я поѣхалъ, не захочетъ 170 верстъ туда и 170 назадъ толочься, какъ въ ступѣ, по прескверной дорогѣ. Я не обѣщаю. Загорье наше, тутъ и тѣни сомнѣнья нѣтъ, назначь сама число, — и я въ Царицынѣ. Мнѣ очень хочется увидѣться съ пап. — авось либо, я что-нибудь и сдѣлаю. Не то, приглашаю Васъ заплатить мнѣ мой визитъ 3 марта и будущій во Владимірѣ; освобожденья не дождемся и не для чего, здѣсь мы лучше проведемъ первые мѣсяцы, совершенно одни; вдобавокъ здѣсь не по-вятски, кругомъ дивная природа. На это нужны деньги (прозаическая сторона, подкладка!); тысячъ пять я достану, будетъ довольно, а ежели еще твои пришлютъ, такъ и чудо. Что, трепещетъ душа при этой близости, Наташа?! Даже эти матеріальныя подробности, какъ птицы на морѣ, говорятъ о близости материка; утренній вѣтерокъ уже говоритъ о разсвѣтѣ.

Какъ все шумитъ, суетится, скоро праздникъ. Ты писала мнѣ два года тому назадъ, что тебѣ было досадно смотрѣть на этотъ шумъ и хлопоты, съ которыми толпа встрѣчаетъ праздникъ. Зачѣмъ же ты взяла прозаическую сторону, — нѣтъ, я съ восхищеніемъ смотрю на эту бѣготню. Что такое двигаетъ эту массу, что мѣняетъ бытъ, занятія? — религія; она у грубыхъ выражается грубо, *но это она*. Новымъ платьемъ, лишнимъ кушаньемъ они чествуютъ воскресеніе Христа, все же лучше холоднаго эгоиста съ своимъ равнодушіемъ. Вотъ ночью ударилъ колоколъ, и усталый работникъ, и больная старуха, и ребенокъ бѣгутъ въ церковь, оставляютъ сонъ, покой... Зачѣмъ? Молиться, обрадоваться вѣсти о воскресеніи, *вмѣстѣ, однимъ человѣкомъ* встрѣтить Свѣтлый праздникъ. Я часто смотрю на какую-нибудь старуху или солдата, какъ онъ молится въ церкви чудотворной иконѣ, какъ цѣлуетъ ее въ пяти разныхъ мѣстахъ. Это идолопоклонство, такъ! Но что было бы съ его душою, ежели бы не было этого чувства? Толпа — ребенокъ, мало понимаетъ, много чувствуетъ. Мнѣ нравятся эти приготовленія, это — ихъ поэзія; сверхъ того, праздниками они отвлекаются отъ душной, угарной жизни въ нижнемъ этажѣ человѣчества. Но ты тогда и не писала о толпѣ, а объ чужеядныхъ растеніяхъ дома Ея Сіят.

Вечеръ, поздно.

Ну, вотъ и переписана тетрадь «О себѣ», и кончена почти, недостаетъ двухъ отдѣленій: «Университетъ» и «Молодежь». Но этихъ я не могу теперь писать, для этого мнѣ надо быть очень спокойну и веселу, чтобъ игривое воспоминаніе беззаботныхъ лѣтъ всплыло; эту напишу тогда. Крутицы, сентенція и 9 апрѣля,—все есть, много сильныхъ мѣстъ, вдохновенныхъ, однако, и шалости не забыты, повторяю: не могу разстаться съ дурачествами ироніи; мнѣ всегда кажется, что ничѣмъ нельзя оскорбить глубже толпу, какъ къ прелестной мадоннѣ повѣсить ея пьяную, неуклюжую рожу, какъ, говоривши часъ языкомъ человѣка, заговорить на минуту ея языкомъ. Ба, вотъ тебѣ замѣчаніе: сейчасъ взглянулъ на твой пакетъ и ставлю тебѣ на видъ, что знакъ восклицанія на пакетахъ не ставится. Опять глупость! Я или мраченъ, или глупъ,—когда-жъ я бываю хорошъ? А вотъ *тогда* буду хорошъ. Меня мучитъ, зачѣмъ ты долго не получаешь писемъ моихъ, и не могу понять отчего. А о портретѣ ты уже и не поминаешь.

Суббота, 2 апрѣля.

Встрѣчай весело, мой ангелъ, праздникъ, оттолкни все черное, и нашъ праздникъ скоро придетъ. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, посторонніе, жалѣя тебя, всегда забываютъ любовь мою; развѣ она не закрываетъ поцѣлуемъ каждую рану, сдѣланную булавкой? Они смотрятъ на наружную жизнь, забывая, что смыслъ и важность наружнаго въ душѣ. Насчетъ моего пріѣзда ничего не могу сказать. Слѣдующее письмо будетъ отъ 5; въ немъ, должно быть, напишу обстоятельно. А досадно, зачѣмъ ты перешла; я воображаю, ужасъ, какъ скучно въ сіят. спальнѣ. Да, кстати, я не токмо не надулся отъ твоихъ замѣчаній о дурной дорогѣ, но поцѣловалъ это мѣсто. Ты права,—любовь сочиняла молитвы. Ангелъ мой! Однако, ты не воображай, что убѣдила меня; секунды не остановлюсь за дорогой,—это другое дѣло. Когда я ѣхалъ въ Пермь въ 1835, я скакалъ 1500 верстъ по аду, рѣки въ разливѣ, дороги избиты, ледъ, грязь, ямы,—и что за награда? Гавріилъ Кирилловичъ Селастенникъ, пермскій губернаторъ. А отъ Владиміра до Москвы нѣтъ ни одной большой рѣки,—нарочно не утонешь; нѣтъ горъ, и вдобавокъ 17 часовъ ѣзды.

Ѣдетъ ли Emilie на Кавказъ? Это досадно! Кто же тогда за насъ подумаетъ? вѣдь, и я не мастеръ и беру на себя только достать денегъ, священника и везти тебя. Прощай, мой ангелъ. Поцѣлуемся.

Твой *Александръ.*

12 часовъ ночи. Суббота. Наташа, Наташа, ангелъ мой... проснись, раскрой твои прелестные глаза: твой Александръ будитъ тебя... Слышишь, вонъ раздался первый ударъ. Торжественно, плавно льется онъ изъ мѣдныхъ устъ, воздухъ ликуетъ. Священная, таинственная драма Его страданій окончилась. Человѣчество, иди молиться искупленью... Пойдемъ же и мы, передъ Нимъ только ты, я долженъ былъ взглянуть на тебя. *Наташа, будущую Пасху мы встрѣчаемъ вмѣстѣ!*

3, утро, рано.

Какъ радостно я встрѣтилъ нынѣшній праздникъ, гдѣ же это болѣзненное вятское отчаяніе? О, сколько выше настоящее и сколько выше сталъ я самъ. И у насъ сегодня воспоминаніе большое: мѣсяцъ тому назадъ, въ этотъ часъ ты склоняла голову къ моей груди... Наташа! лобзаніе христіанина тебѣ отъ Александра и чистый поцѣлуй брата, и пламенный поцѣлуй жениха твоего. Весела ли ты? Развѣ мы не вмѣстѣ встрѣтили праздникъ? Фу!.. Фу!.. Люди!.. Взглянулъ въ окно,—партію колодниковъ въ цѣпяхъ гонятъ въ Сибирь... Зачѣмъ сегодня, зачѣмъ въ самый благовѣстъ къ обѣднѣ? Три года тому назадъ и мнѣ назначено было ѣхать въ первый праздникъ, а Огаревъ и поѣхалъ. Здоровъ ли ты, другъ? что твоя Марія?—А вспомнилъ и онъ обо мнѣ. Какъ счастлива наша жизнь. Со всякимъ днемъ Александръ дѣлается достойнѣе тебя, т. е. больше любитъ, смотри же—не роптать больше. Скоро, скоро наша Пасха, наша мистерія. Да, тайный голосъ мнѣ говоритъ, что скоро. А въ прошломъ году я былъ печаленъ, 9 апрѣля не могло отогрѣть души, а 3 марта горитъ внутри, какъ это солнце, горитъ весело. О, невѣста! Какъ прижалъ бы я тебя опять къ *твоей* груди!.. Постороннихъ здѣсь нѣтъ потому именно, что всѣ посторонніе; цѣлый день съ тобою буду, съ твоею лентой, съ твоимъ браслетомъ. Только теперь прощай, ѣду къ губернатору.

12 часовъ, 3 апрѣля.

Архіерейская служба. Литургія—поэма, гіероглифъ, какъ тѣсно изящное съ религіей! Видала ли ты въ этотъ день архіерейскую службу? вѣрно, нѣтъ, и жаль. Вотъ четыре дьякона несутъ въ четыре конца міра по Евангелію; каждый развертываетъ, каждый читаетъ, а благословляетъ онъ—намѣстникъ. Все склоняется передъ нимъ, все трепещетъ и цѣлуетъ руку. Но смотри, вотъ этотъ мощный поверженъ въ прахъ передъ Тайной, поверженъ въ прахъ передъ клиромъ, вотъ онъ выходитъ изъ алтаря, и въ землю кланяется мнѣ и проситъ прощенья. Алтарь открытъ; вотъ намѣстникъ

причащаетъ стадо избранное, вотъ сѣдой іерей преклонилъ колѣна и принимаетъ чашу воспоминанія... Изъ алтаря несутся звуки, это—пѣснь четырехъ стариковъ; ихъ голосъ дрожитъ, но душа ликуетъ, пѣснь ихъ коснулась народа, и громкое, торжественное «Христосъ Воскресе» льется. Но пѣснь стариковъ слабая, у престола, предупредила. Теперь уже нѣтъ другого слова у народа, на все отвѣчаетъ онъ: «Христосъ Воскресе». Наконецъ, одно изъ торжественнѣйшихъ мѣстъ, это—когда архіерей выходитъ съ крестомъ: онъ идетъ, какъ Гесперъ съ востока, говоритъ всему западу «Христосъ Воскресе!» Весь западъ тысячью голосами подтверждаетъ, говоритъ югу, подтверждаетъ югъ, говоритъ сѣверу,—подтверждаетъ. Наташа, неужели толпа не понимаетъ этой поэзіи? О, нѣтъ, масса понимаетъ все поэтическое; но вмѣстѣ возьми въ частности, гдѣ имъ понимать?—а визиты, а дрянныя заботы объ одеждѣ, о мелкомъ соперничествѣ!

Я чувствую тебя сегодня возлѣ: ты тутъ, ты мнѣ улыбаешься. Рожденье мое шло мрачно, отчего же нынче весело? Наташа, ужъ не исповѣдь ли? Помнишь, какъ меня возстановила въ Вяткѣ молитва?... Ей Богу, мы счастливы безъ мѣры! такъ проникнуть другъ друга, такъ слиться... нѣтъ!.. Наташа, похристосуемся еще разъ, три поцѣлуя должно быть. Я готовъ плакать, смѣяться... все, что хочешь.

Мѣсяцъ тому назадъ я несся по снѣговой полянѣ, душа была *оглушена* блаженствомъ, я спалъ крѣпкимъ сномъ подъ крикъ ямщика, шумъ бубенчиковъ и подъ ухабы. А образъ твой носился передъ моими глазами. Господи! въ ту минуту, когда ты перерѣжешь нить моей жизни, когда я, долго смотрѣвши на нее, закрою глаза,—молю тебя, тогда чтобъ въ душѣ явилась опять она, чтобъ послѣднее біеніе сердца было отъ восторга, что ангелъ смотритъ на меня, что ангелъ такъ хорошъ. Улыбка будетъ на моихъ устахъ, тогда склони твою голову на холодную грудь и... и не плачь, умри или молись, а плакать не надобно, мнѣ будетъ шире, свѣтлѣе. Это не мрачная картина *на нашемъ языкѣ*, я продолжаю. Тогда хотѣлъ бы я, чтобъ ты не разлучалась со мною, хотѣлъ бы, чтобъ на томъ холму, гдѣ будетъ мое тѣло, была бы твоя келья, ты будешь приходить вечеромъ, и душа моя будетъ слетать къ тебѣ, ангелъ благодатный!

Вотъ тебѣ и маленькое горе рядомъ съ сегодняшнимъ вдохновеніемъ. Полковникъ, который хотѣлъ меня привезти, уѣхалъ на всю Святую въ деревню, и, стало, до Ѳоминой и отвѣта не узнаю я. Потерпимъ, потерпимъ еще, — вѣдь, это страстная суббота, пробьетъ 12,—и черная риза замѣнится бѣлой. Знаешь ли ты, что

есть возможность, проведя въ блаженствѣ, въ раю, три утра въ Загорьѣ, на четвертое ѣхать? Странно, я трепещу, содрогаюсь при этой близости, грудь не выноситъ столько! Готова ли ты, ежели возможность представится? Я писалъ пап., что, такъ какъ онъ не согласился на обрученье, то я и несогласенъ ждать; вотъ мое объявленіе войны, а, можетъ, и мира. Не забудь, душа моя, все любимое тобою передать Сашѣ; мнѣ даже не хочется пересылать письма свои 1835 года. Вѣдь, скоро, ангелъ, скоро. Да вѣришь ли ты этому, какъ я вѣрю, всей душой?...

Сегодня, поздно вечеромъ придетъ твое письмо отъ вчерашняго утра; это будетъ мой дорогой гость въ Свѣтлый праздникъ. Я поцѣлую его, прижму къ сердцу такъ, какъ поцѣловалъ бы руку, которая писала, глаза, которые смотрѣли на эти строчки.

Смотри, вотъ на улицѣ двое цѣлуются. Христіанство выторговало сегодняшній день у людей,—они братья, они сорвались съ пыльной дороги эгоизма, воскреслиl Но грубая душа будетъ къ вечеру опять въ грязи. Ну, пусть бы они сами сравнили чувство, съ которымъ они сегодня цѣлуютъ, и то, съ которымъ они завтра будутъ тѣснить. Богатый въ золотѣ, нищій въ лохмотьяхъ цѣлуются, да это оттого, что нѣтъ богатаго и нищаго, что это нелѣпость, что церковь до того добра, что принимаетъ *богатаю*, что она забываетъ его стяжанія, его безчувственность, и ставитъ рядомъ съ любимымъ сыномъ—нищимъ.

Давеча, когда религія блистала во всей пышности, я думалъ,—дивно было бы намъ вѣнчаться при этой пышности. Этого желалъ бы я не для зрителей, не для *партера*, а для насъ. Желалъ бы высокую церковь и огромную, духовныхъ въ золотѣ, множество свѣчей и пустую церковь притомъ. Пусть не встрѣтится намъ ни одинъ взглядъ, который обращенъ на мой фракъ и на твою прическу. Друзья—о, они на мѣстѣ тутъ съ своей улыбкой: это херувимы, которые будутъ намъ пѣть. Послѣднее желаніе (чтобъ никого не было) сбудется, ежели вѣнчанье будетъ такъ, какъ я предполагаю. Моя любовь къ пышности имѣетъ поэтическое начало,—душѣ хочется простора и величія. На полѣ, подъ шатромъ божіимъ, я счастливъ, а небольшая комната давитъ потолкомъ, стѣнами. Узкая жизнь похожа на рамы: черныя полосы по свѣту, то ли дѣло цѣльныя стекла. Повѣришь ли ты, что ежели бы вельможи жили въ крестьянскихъ избахъ, они были бы вдвое хуже, поэзія богатства подымаетъ ихъ. Все-таки, она поэзія и, слѣдственно, изящное! Чины и ордена—вотъ ужъ это совсѣмъ неизвѣстная область для моей души, потому что тутъ, кромѣ надменности, ничего нѣтъ. Хорошо мнѣ говорить, вѣдь, я кавалеръ голубой ленты, ленты святой На-

таліи. Любовь повязала мнѣ ее, на ней виситъ не ключъ, а жезлъ, которымъ я буду отженять все нечистое. Прощай еще разъ, поѣду обѣдать къ губер.

207. Приписка къ письму отъ 10 апрѣля 1835.

3 апрѣля 1838 года.

Не хочу, ангелъ мой, чтобъ ты безъ любимой записки встрѣтила 9 апрѣля. Да, *можетъ быть* теперь ясно...

Люблю, люблю, люблю тебя—на этомъ листкѣ недоставало этого слова. [1]

Твой Александръ.

◆◆ **1.** На письмѣ Герцена отъ 10 апрѣля 1835 г. Н. А—на написала: «Моя любимая записка. Когда-то мы прочтемъ вмѣстѣ это безпредѣльное *можетъ быть!* Когда посмотримъ на эти царскія врата, за которыми Святая Святыхъ?» Письмо находилось, въ числѣ другихъ писемъ 1835 г., у Герцена; онъ написалъ приведенное на томъ же листѣ и вернулъ его Н. А—нѣ.

208. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

3-го (апрѣля) вечеръ, поздно (1838).

«Свѣтлое Воскресенье было темно для меня», писала ты въ прошломъ году; въ нынѣшнемъ оно для меня свѣтло; стало, и для тебя. Да, 1838 годъ съ перваго часа своей жизни ярко отдѣлился отъ прежнихъ; теперь онъ обозначился: это *важнѣйшій годъ нашей жизни*—благословеніе ему! Земля опадаетъ больше и больше. Цѣлуй руку провидѣнія, не окончившаго ссылку въ 36 или 37; вотъ, какъ мы, суетныя дѣти, не понимая воли Отца небеснаго, ропщемъ. Мы не должны были соединиться прежде, это такъ же ясно, какъ то, что теперь мы должны соединиться. Еще двѣ огромныя побѣды въ моей душѣ. Во-первыхъ, я равнодушенъ сталъ къ прощенью: Владиміръ, Неаполь—все равно: ты будешь со мною. Чѣмъ независимѣе человѣкъ можетъ стать отъ людей, тѣмъ выше. Во-вторыхъ, вопросъ, о которомъ я тебѣ писалъ много разъ,—служить или нѣтъ, вовсе исчезъ, онъ больше, нежели разрѣшился, уничтожился; что за дѣло: иди, куда поведетъ Тотъ, который привелъ къ Наталіи,

и иди твердо. — Наташа, можетъ, тебѣ приходитъ въ голову, хорошо ли мы поступаемъ относительно *ихъ*. Не надобно увеличивать ихъ «сентиментальности». Княг. тебя любитъ (?), но она хотѣла потопить тебя нѣсколько разъ въ глупѣйшемъ бракѣ. Съ ней будетъ обморокъ—понюхаетъ спирту, будетъ два—пуститъ кровь, и тѣмъ кончено. Пап. разсердится, но обморока съ нимъ не будетъ, будетъ недѣлю бранить всѣхъ, погруститъ и... и, увѣряю тебя, проститъ. Въ прошломъ письмѣ онъ мнѣ пишетъ, что хочетъ имѣть въ этомъ дѣлѣ только «дружескій совѣтъ». Дружескій совѣтъ—не султанскій фирманъ, одно изъ главныхъ правъ его—быть не исполненнымъ. Ты должна княг. немного приготовить, щадя ея 80 лѣтъ, потомъ написать письмо съ чувствомъ и вмѣстѣ съ чувствомъ собственнаго достоинства (тогда, вѣдь, ужъ это будетъ письмо отъ *моей* Наталіи). Довольно важная вещь въ этомъ не погубить кого-либо изъ людей; для этого, во-первыхъ, должны знать не больше двухъ (кто не зналъ—правъ), но и двухъ не надобно безъ крайности выдавать. Мудрено мнѣ теперь хлопотать о Сашѣ [1]), но вѣритъ ли она моему честному слову? Не написать ли мнѣ къ княг. и когда? Это зависитъ отъ тебя. Ежели-бъ я былъ въ Вяткѣ, деньги лежали бы ужъ на столѣ, здѣсь нѣтъ знакомыхъ и потому надо ждать мнѣ ихъ съ мѣсяцъ. На дняхъ повидаюсь еще съ моимъ священникомъ; душою расположенъ я къ нему, видно, ему и быть іерофантомъ таинства. Письма еще нѣтъ.

Понедѣльникъ, 4 апрѣля. Послѣ обѣда.

Получилъ, душа моя, твои письма до субботы. Вѣрю, что мы умремъ отъ любви, очень вѣрю, она до того будетъ насъ очищать, что и клочка тѣла не оставитъ, до того поднимать, что мы очутимся на небѣ. Насчетъ денегъ Мед. мысль хороша; но ее не теперь исполнить,—послѣ, гораздо послѣ; теперь это ужасно, это, въ самомъ дѣлѣ, что-то въ родѣ *отставной любовницы*, а она горда и благородна. Не думай, чтобъ я не заботился и прежде объ этомъ, но рѣшилъ такъ: одно время можетъ дать право тебѣ (а не мнѣ!) сдѣлать ей подарокъ. Почему не найдется человѣкъ, который бы ее любилъ, который бы призвалъ ее къ полной жизни? она достойна ея, въ ней столько поэзіи, деликатности и 26-ой годъ. Жанъ-Поль въ своихъ повѣстяхъ представляетъ юношу, любящаго чисто, свято, увлеченнаго на мгновеніе женщиной; я, краснѣя и блѣднѣя, читалъ; но юноша душою остался чистъ, а я съ угрызеніями... Наташа, неужели и я чистъ, неужели я искупилъ? Нѣтъ, я еще не дочиталъ

[1]) Вырлина.

этой повѣсти: теперь онъ признается своей Беатѣ въ гнусномъ поступкѣ письмомъ,—точно такое же положеніе. Одно хуже для него: онъ не былъ въ ссылкѣ, а былъ въ томъ же городѣ.

Со всякимъ днемъ открываю въ тебѣ новые таланты для штатской службы,—хочешь учредить архивъ изъ писемъ; не токмо совѣтникомъ, прокуроромъ тебѣ губернскимъ... только во Владиміръ—bitte, bitte! [1]).

Ты пишешь, что спишь спокойно и съ улыбкой; стало, ты крѣпко спишь, ежели могутъ входить къ тебѣ въ комнату,—вѣдь, не сама же ты смотришь на себя во снѣ! Меня соннаго никто не видалъ, я, какъ черкесъ или какъ собака: дохни человѣкъ въ моей спальнѣ, коснись ногой до полу, и я проснулся, исключая, разумѣется, возвращенья съ вятскихъ баловъ, гдѣ шампанское льется рѣкою: тогда по головѣ можно ходить, — не услышишь. Я вообще сплю не тихимъ сномъ, весь размечусь, и часто конвульсіи пробѣгаютъ и будятъ; неугомонная *побѣдная* головушка и тутъ видна. Въ самомъ дѣлѣ, Наташа, надо имѣть много рѣшимости, чтобъ быть невѣстой безумнаго, какъ я. Правда, но порядочные люди, благомыслящіе и здравомыслящіе, не умѣютъ любить, а безумные умѣютъ.—«Объ Левашовой не знаю, узнаю». Думалъ, думалъ, и рѣшился прибѣгнуть къ Вамъ, Н. А.,—какой смыслъ этихъ словъ твоего письма?

Тетрадку о 20 іюля непремѣнно достань и пришли.

Что̀ ты въ послѣднемъ письмѣ пишешь о Тат. Пет., вполнѣ показало мнѣ мелкость ея, послѣднее мѣсто потеряла она въ моемъ сердцѣ; какой холодный, себялюбивый эгоизмъ заставлять переписывать дрянь, т. е. *ея сочиненія.*[1]

Вечеръ, поздно.

«Меня будущей зимой здѣсь не будетъ»—итакъ, святая вѣра въ будущее проникнула и въ тебя. Да, не будетъ. Еще разъ думай о Загорьѣ, откуда мнѣ легче тебя взять. А послѣ что? Что ни было бы. Жду только твоего отвѣта, въ письмахъ замолчу и буду дѣйствовать. Пиши же къ А. А. [2]) Представить я себѣ не могу, чтобъ черезъ два-три мѣсяца ты была моя, со мною. Пожалуй, первый разъ я въ Загорье пріѣду видѣться, а потомъ за тобой; замѣть: 1) отъ 29 іюня (Петровъ день) до 1 августа,—тутъ превосходный день: 20 іюля, день моего взятія, день начала нашей любви, 2) отъ 15 августа до сентября — тутъ 26 августа, — мнѣ лучше нравится 20 іюля. Да, ты вѣришь ли, что это не бредъ, что это сбыточно?

[1]) Прошу! Прошу!

[2]) А. А. Яковлевъ, «химикъ».

Однако, погоди предаваться: почемъ знать, что будетъ. Очень дурно, что у меня здѣсь нѣтъ ни одного человѣка, на котораго бы я положился.—Далѣе, о твоемъ письмѣ: ты начинаешь любить свою жизнь, даже свое лицо (не хочешь сонный портретъ), и во всемъ этомъ ты любишь меня: ты во мнѣ нашла Наташу и полюбила ту дивную, святую, которую я люблю; о, ты можешь меня ревновать къ этой Наташѣ, она—ангелъ, она—Ты!

Ко мнѣ ходитъ иногда *съ почтеніемъ* молодой гимназистъ лѣтъ 15—16; есть способности, таланты, но дурное направленіе, искальное, узкое и бѣдность. Сегодня утромъ онъ началъ спрашивать смиренно и уничиженно моихъ совѣтовъ насчетъ занятій. Я былъ въ духѣ и вдругъ съ огнемъ, жаромъ, поэзіей представилъ ему все высокое призваніе человѣка науки,—я чувствовалъ, что моя рѣчь сильна. Потомъ я пошелъ одѣваться въ другую комнату; возвратившись, засталъ юношу на томъ же мѣстѣ, щеки горятъ. «Боже мой,— сказалъ онъ, — вы въ нѣсколько минутъ дали другое направленіе моей жизни! бѣдно, бѣдно прошедшее, о, я вамъ буду благодаренъ! Вы счастливы, потому что ваша жизнь какъ-то необыкновенна и вашъ взоръ высокъ, силенъ. Завидую вамъ... Что мнѣ дѣлать?!»— Извольте, сказалъ я, вотъ мой совѣтъ: во-первыхъ, берегите, какъ высочайшую святость, нравственность и чистоту, — это главное; жертвуйте наукой философіи, а философіей религіи, читайте природу больше книгъ. Тотъ ли бы совѣтъ далъ ему я два года назадъ? Это ужъ твой Александръ дѣйствуетъ. Что бы ни было съ этимъ юношей, онъ не забудетъ моего урока. Впрочемъ, ежели замѣчу въ немъ путь, поведу его далѣе (а не буду заставлять чистить сапоги, переписывать статьи, это — Т. П.). Да, одиночество опять вливаетъ въ меня мощность, которую я имѣлъ въ Крутицахъ, я тамъ былъ силенъ, — 9 апрѣля ты видѣла это. Вчера послѣ обѣда у губ. заговорили о Витбергѣ и начали его бранить. Я всталъ и разгромилъ ихъ, но съ такой силой, что никто не дерзнулъ прямо возражать.

Ну, покойся же, мирно, кротко, ангелъ; во снѣ тебѣ пусть предстанетъ Александръ съ тѣмъ взглядомъ. Прощай. Ну, нельзя сказать, что я мало пишу, je cherche vos bonnes grâces, parce que vous êtes ma promise [1]), а какъ будешь совсѣмъ моя да будемъ вмѣстѣ, меньше буду писать... Виноватъ, опять глупость,—натура-съ!

Передъ Загорьемъ и гораздо возьми у священника свидѣт. на гербовой бумагѣ о лѣтахъ и о томъ, что греко-россійской вѣры; онъ самъ долженъ знать форму, посовѣтуйся съ Егор. Ив. и пришли

[1]) Я ищу вашихъ милостей, потому что вы моя невѣста.

мнѣ; ежели будетъ не такъ составлено, успѣете перемѣчить. Да хорошъ ли священникъ?

11 часовъ. Вторникъ, 5 апрѣля.

Посылаю твою любимую записку, чтобъ ты не безъ нея встрѣтила 9 и 10. Меня еще не жди. Сегодня думалъ, ежели-бъ не тѣ отношенія, я выписалъ бы сюда Медв.,—она дивно устроила бы намъ все. А я понимаю, что нуженъ еще 3-й человѣкъ, который бы разсуждалъ. Чѣмъ больше думаю, тѣмъ яснѣе—Загорье, и оттуда ѣхать вмѣстѣ.

Ну, каково было свиданье съ пап.? Пусть дурно, — тѣмъ вольнѣе мнѣ.—А какова Полина и Скворц.? Ни строки; развѣ сердятся? да за что? покуда я былъ въ наличности, не ссорились,—ну, какъ же я могъ, уѣхавши, разссориться; это ужъ похоже на то, какъ меня засадили въ Кр. по дѣлу праздника, о которомъ я не имѣлъ понятія. Ахъ, кстати! Знаешь ли ты, что въ самое время праздника ты была со мною; да, 24 іюня въ саду, Огаревъ былъ и Сазоновъ. Прощай, желаю веселиться *подъ Новинскимъ*. Матвѣй земно кланяется и благодаритъ, а я — просто цѣлую, цѣлую тебя.

◆◆ **1.** Приводя выше, въ № 46 выписки изъ писемъ Н. А—ны отъ 1838 г., въ которыхъ она вспоминала различные факты своего дѣтства и юношества, я привелъ и то мѣсто, гдѣ она разсказываетъ о своемъ безсчетномъ переписываніи сочиненій Т. П. Пассекъ.

209. Письмо къ А. Л. Витбергу.

7-го апрѣля 1838.

Ежели вы прочли письмо къ Эрну, то не для чего писать о томъ же, Александръ Лаврентьевичъ, да и у меня на душѣ разсказать вамъ три восторга, три вдохновенья. Господь очищаетъ мою душу, слава Ему, слава!

Я говѣлъ, холодно пришелъ на исповѣдь; священникъ-поэтъ увлекъ меня, мы разстались тронутыми, я каялся, обличалъ себя и клялся исправиться; онъ молился обо мнѣ и—не для формы. Вотъ первая минута. Въ молитвѣ провелъ я время до причастія; прихожу я въ церковь, подхожу къ дарамъ, въ то же самое время женщина подняла маленькаго ребенка, и священникъ сказалъ: «причащается рабъ божій Александръ», и прибавилъ: «и раба божія Наталія». Вы это понимаете, толковать нечего, это—вторая минута. Третья—обѣдня въ праздникъ, архіерейская служба. Да, греческая литургія—

поэма, это мистерія и драма высочайшая. Вотъ идутъ четыре дьякона на четыре конца міра проповѣдывать евангеліе, вотъ Его намѣстникъ въ прахѣ молитъ Бога благословить жертвоприношеніе. Но прежде онъ у ногъ клира, который цѣлуетъ руку его, потомъ у ногъ народа—чистымъ идетъ къ престолу. Это высоко! Маститый старецъ выходитъ изъ алтаря, т. е. съ востока, какъ Гесперъ, и говоритъ западу: «Христосъ Воскресе!»; тысячью голосовъ подтверждаетъ западъ, говоритъ югу, сѣверу, и сѣверъ и югъ подтверждаютъ. Тогда старецъ обнимаетъ и цѣлуетъ клиръ, цѣлуетъ всѣхъ, и всѣ цѣлуются, все ликуетъ. Искупленіе міра совершилось! Повѣрите ли, что я совершенно увлекся поэзіей литургіи и такъ отъ души цѣловался со священниками, какъ сынъ съ отцомъ. О, вотъ какимъ хотѣлъ Христосъ человѣчество, чтобы весь родъ человѣческій обнялся и прижался бы къ Его неизмѣримому сердцу! Весь родъ человѣческій долженъ любить другъ друга, какъ я и Наташа любимъ.

А что они сдѣлали, люди?—снисхожденіе! Они еще поправятся, они—дѣти, будутъ взрослые.

Ну, еще новость. Изъ прошлаго письма вы могли догадаться, что я видѣлся съ Наташей; это было въ седьмомъ часу утра, на полчаса. Она требовала, чтобы седьмой часъ каждаго дня былъ посвященъ молитвѣ. Я и исполнилъ волю посланницы божіей — и, повѣрите ли, никогда не просплю седьмого часа и теперь такъ привыкъ, что, какъ проснусь, рука поневолѣ складываетъ крестъ, и уста поневолѣ начинаютъ молитву. Моя молитва проста: одна благодарность за то, что существуетъ ангелъ,—больше ничего. Потомъ часто опять засыпаю.

О, какое необъятное разстояніе между моей вятской жизнію и здѣшней! И сухая мысль о славѣ падаетъ, и все, все обращается въ одну свѣтлую область любви.

Мы умремъ отъ любви.

Желалъ бы умереть въ самое то время, когда кончится вѣнчаніе: тутъ въ церкви, предъ престоломъ,—или нѣтъ, выйти на воздухъ. Природа—та же церковь, но зодчій—Богъ. Моя фантазія дѣлается шире, а умъ — глупѣе. Хорошій признакъ. Обнимаю васъ, какъ сынъ.

210. Письмо къ Н. А Захарьиной.

Апрѣля 6-е, среда (1838).

Cara sposa [1]), вотъ тебѣ письмо отъ Мед... О, она стоитъ быть твоей сестрой, — выше человѣка я не могу поставить; вотъ тебѣ доказательство, что она могла увлечь твоего Александра, потому что въ ней сильная душа. Но вотъ тебѣ и другое доказательство, что и думать нельзя о подаркѣ. Она пишетъ мнѣ: «*Я начинаю* вѣрить въ твою дружбу только теперь, прежде я все принимала *за состраданіе*,—это мучило меня». Она получила твое первое письмо 25 марта, а второе, стало, 3 апрѣля! Ея совершенное исцѣленіе—такое важное пріобрѣтеніе для насъ, которое и на вѣсы нельзя класть съ *родственными* непріятностями. Можетъ, была бы возможность ее взять къ намъ, но, какъ бы то ни было, это требуетъ силъ нечеловѣческихъ.

По несчастью, мое пророчество сбывается. Витбергъ разлаживаетъ со своей женой. Это ужасно! Ежели бы ты знала всю небесную кротость, всю нѣжность этого человѣка и всѣ страданія его, ты прокляла бы презрительную женщину. Не даромъ я ее терпѣть не могъ. И она—послѣднее утѣшеніе несчастнаго: вотъ второй бракъ! Много разъ въ минуты досадъ я хотѣлъ обличить гадкое сердце ея, меня остановила Полина: «Вы убьете остальную радость въ его жизни», говорила добрая Полина. Теперь я раскаиваюсь. Тогда онъ голову склонилъ бы на грудь друга, я былъ бы ему сестра (не братъ, братъ холоденъ), сынъ; потомъ тихо, тихо сложилъ бы его голову на грудь его дочери, милой, прелестной дѣвушки. Понявши разъ, что она ненужна, женщина исправилась. Куда онъ склонится, когда непріятности будутъ чаще, сильнѣе? Мед. пишетъ, что онъ плакалъ *отъ жены*, и что она плакала, глядя на него, а та... ничего. Да зачѣмъ же онъ женился на ней? неужели по низкому влеченью обладанія женщиной молодой и красивой? Ежели такъ, не на кого пенять. Онъ увлекся, его душа безъ всякой хитрости, онъ—дитя до сихъ поръ, и такимъ уйдетъ туда,—дай Богъ скорѣе...

Наташа, я рѣшилъ: черезъ три мѣсяца ты моя, а ежели будетъ возможность—до петровскаго поста. Положись на меня, пришли, какъ можно скорѣе, свидѣтельство. Священникъ есть, тотъ самый,

[1]) Дорогая невѣста.

о которомъ писалъ, мы поняли другъ друга. Помни же, въ свидѣтельствѣ нужно: 1-ое, лѣта, 2-ое, о грекороссiйской вѣрѣ, 3-е, о исповѣди, 4-ое и, главное, печать церковная на гербовой бумагѣ. Обѣщай священнику 50 рубл. Не будетъ ли кто такъ ловокъ изъ вашихъ людей, чтобъ взять эту бумагу, Аркадiй, напр.? Да увѣрена ли ты въ священникѣ? ежели нѣтъ, лучше адресоваться въ консисторiю.

Здѣсь все будетъ готово. Да, скажи Emilie, что какъ только я получу деньги, я пришлю ей рублей 1000 для того, чтобъ она, купила все нужное для тебя и тотчасъ прислала бы сюда. Подумай сама, принудь себя подумать. А главное—свидѣтельство, безъ него и думать нечего, съ нимъ все возможно. Не можешь ли ты гдѣ достать теперь денегъ для свящ.?—пересылать тебѣ подозрительно. Ни Прасковья Андр., ни маменька, никто не долженъ знать, одинъ Егоръ Ив. умѣетъ молчать, да ему немного говори, только крайне необходимое. Какъ получу твой отвѣтъ, подамъ рапортъ губернатору. Кетчеру дамъ предписанiе явиться къ Emilie. Пиши же къ Ал. Ал. о деньгахъ, пригодятся и онѣ. Не сердись, что цѣлая страница занята холодной прозой, это—необходимо.

Ночь.

Нѣтъ ни малѣйшей нужды откладывать по 29 iюня, весь май нашъ. Устрой свидѣтельство, какъ можно скорѣе, и отвѣчай подробно и положительно. Теперь я не могу ничѣмъ заниматься, читаю—и не понимаю, думаю—и забываю о чемъ. Все поглотилось одной великой мыслью. О, отчего она не явилась прежде! Прощай, будь хранима Богомъ и любовью твоего Александра. Я лягу не спать, а долго, долго думать о томъ же.

7 апрѣля, четвергъ. Вечеръ.

Мнѣ скучно, ангелъ, тоска... Утѣшь же меня взглядомъ. Наташа, милая Наташа—и мыслей нѣтъ... Вонъ тамъ, на улицѣ льется разгульная пѣсня ямщиковъ,—она льется въ русскую душу, а давно я не слыхалъ родного напѣва (въ Вяткѣ не такъ поютъ); все говоритъ, что Москва близко.

Сегодня N. N. спросилъ меня: «Любили ли вы когда-нибудь?» А вы? «Много разъ, но я еще не расположенъ жениться». Нѣтъ,—отвѣчалъ я,—я не *любилъ*. Дуракъ не понялъ. Какая скука, однакоже, не имѣть ни полдуши, съ которой бы могъ подѣлиться. Пріѣхала какая-то дрянная труппа актеровъ, буду ходить всякій разъ. Это время теперь я не знаю, какъ убить; такъ, какъ нѣкогда мысль близкаго свиданья поглощала все, такъ теперь—мысль соединенiя; ужъ возвратиться нельзя. До 1-го iюня ты во Владимiрѣ..... Несется

душа, фантазія развертываетъ крылья широко, широко, а писать не могу. Невѣста! Невѣста!..... Прощай, о, покойся съ Богомъ, чистое, святое созданіе, хвала Богу. Наташа — что ты дала Александру, давши себя, это измѣритъ одинъ Онъ!

8, пятница.

Опять разсвѣло на душѣ. Нѣтъ, нынче ужъ не повторяются эти грустные дни, недѣли жизни до 3 марта, которые дули, какъ ядовитые вѣтры въ Африкѣ, погашали полжизни и оставляли утомленнаго, измученнаго. Ихъ нѣтъ больше. Твои прелестныя письма оть праздника. Наша симпатія доходитъ до басни, люди не повѣрятъ. Ночью съ 2 на 3 ты писала ко мнѣ почти слово въ слово, что я тебѣ. Но зато въ праздникъ мы разошлись. Я весь день былъ въ восторгѣ, а ты грустила. Немудрено, я былъ одинъ, ты съ толпою. Тебя мучило какое-то предчувствіе. Я рѣшилъ окончить нынѣшнимъ лѣтомъ страданія! Получивъ твои письма, я былъ полонъ, полонъ восторга, схватилъ шляпу и побѣжалъ гулять, тамъ дочитывалъ я твою любовь по природѣ, кончивъ чтеніе по бумагѣ.

О, какъ прелестны окрестности маленькаго Владиміра, это ужъ не Вятка, мрачная, суровая, осѣненная елями и соснами. Владиміръ спитъ въ садахъ и горахъ, разбросанный самъ по горамъ. Вотъ и ледъ ломается на Клязьмѣ, и все такъ живо, живо; солнце радостно свѣтило, а подъ ногами у меня (я былъ на горѣ) толпа народу веселая, пестрая, разодѣтая. Молча струилась вода изъ-подъ снѣгу, время его владычества миновало, жизнь весны изъ цѣпи превращаетъ его въ воду для питья новорожденной травы; она снѣгомъ, какъ грудью, кормитъ зеленыхъ дѣтей... А вотъ жаворонокъ, сильной рукою его бросилъ кто-то вверхъ... и я думалъ объ высокой литургіи въ первый праздникъ. Вотъ природа и человѣкъ въ изящномъ видѣ! Потомъ обратился къ себѣ: въ этомъ маленькомъ пространствѣ тѣла помѣщается блаженство, равное всей природѣ,—любовь, любовь, равная съ святостью религіи... Потомъ я воротился и, наоборотъ, принялся дочитывать природу по письму..

Ангелъ! Ангелъ! Ангелъ! Дай помолчать: есть минуты, въ которыя грѣшно писать.

Ты ошибаешься, думая, что я не зналъ, что родился въ одномъ домѣ съ тобою, въ домѣ твоего отца (до твоего рожденія еще началась дивная мистерія нашей жизни: твой отецъ крестилъ меня водою, ты вторымъ крещеніемъ—огнемъ, обоихъ благословилъ онъ образомъ Александра, я родился въ благовѣщеніе Дѣвы, ты—въ день *славы* Дѣвы), и на это есть письменное доказательство. Въ Вятку

привезли разъ множество картинъ отъ Даціаро; перебирая ихъ, я встрѣтилъ Тверской бульваръ и тотъ домъ,—нашъ домъ. Я на фронтонѣ надписалъ твое имя и мое и подарилъ Скворцову. A propos, Скворцовъ и Полина удивительные люди: пишутъ изъ Вятки, что они пировали у себя 25 марта, одинъ тостъ и былъ за мое здоровье и пр., а молчатъ,—не понимаю.

Рядомъ глупость (извините-съ!) въ твоемъ письмѣ: не льстятъ ли моему самолюбію женихи? Нѣтъ, они оскорбляютъ мое самолюбіе. Будетъ ли радоваться христіанинъ, ежели язычникъ въ его храмѣ съ восторгомъ взглянетъ на Мадонну, *какъ на Венеру?*... Фу... это униженье! Ежели бы я узналъ, что какой-нибудь юноша поставилъ тебя идеаломъ высокихъ, поэтическихъ фантазій, я обнялъ бы его, какъ брата, но женихи, женихи, открывающіеся М. С.,—ихъ надобно повѣсить!

8-го, позже.

Свиданье твое съ папенькой. Богъ все тебѣ далъ, но не далъ дурныхъ плодовъ дерева добра и зла, не далъ хитрости, оттого ты повѣрила ласковому слову; онъ со всякимъ письмомъ дѣлается холоднѣе, даже почти вовсе не пишетъ. Я со всякимъ письмомъ наступательнѣе: это кончится тѣмъ, что онъ вовсе перестанетъ писать, а я напишу ему: «вчерашній день Богъ соединилъ насъ»... Нѣтъ, больше намъ нельзя дѣлать уступокъ изъ нашего рая. Исполни же *мое приказаніе* о свидѣтельствѣ. Остальное исполню я. Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Я напишу Егору Ив., но будетъ ли молчать священникъ? Но и тогда не бѣда, лишь бы бумага была въ моихъ рукахъ. — Да, вотъ еще что: твое обручальное кольцо (т. е. то, которое будетъ у меня) должно быть серебряное, а не золотое. Это древнее византійское обыкновеніе: женихъ — солнце, невѣста—луна! Я сѣверное солнце, но солнце. Ты сѣверная луна (знаешь ли, что чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ ярче луна?).

Полковникъ [1]) не пріѣзжалъ. Ежели съ нимъ я не пріѣду, то явлюсь тотчасъ, какъ получу свидѣтельство. Нужно будетъ видѣть Кет.,—и тогда не пойду ни передъ сіятельныя очи, ни передъ другія, а ежели съ полковникомъ, то остановлюсь дома и, само собой разумѣется, буду у княгини.

12 часовъ ночи.

Наташа! Вотъ мы у преддверія великаго дня, да не помрачитъ 3 марта дивное 9 апрѣля. Нѣтъ, этимъ двумъ днямъ не тѣсно въ нашей душѣ,—о, нѣтъ, развѣ тѣсно на небѣ отъ Благовѣщенія, Преображенія и Воскресенія? Нѣсколько мѣсяцевъ была скована

[1]) Жадовскій.

душа стѣнами, когда я взглянулъ на Москву и чуть не палъ со слезами на колѣни,—міръ земной въ пышномъ нарядѣ города показался мнѣ на минуту и спрятался. Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, и передъ одинокой, одичалой душой явилась ты: міръ небесный сошелъ въ образѣ дѣвы къ узнику!—Ангелъ, до завтра.

Девятое апрѣля.

Лети въ мои объятія, голубь, не испугавшійся гибели, лети,—ты не испугалась будущихъ страданій и должна была пострадать три года; но вотъ и награда: лети, лети въ мои объятія, грудь моя пространна, ты будешь счастлива на ней. Пройдены три мрачныхъ года, благословимъ и ихъ, малодушно къ мертвымъ питать злобу.

А ты, чай, ждала меня, мой ангелъ,—чай, грустишь, что я не пріѣхалъ? Погоди нѣсколько дней, и увидимся, погоди нѣсколько недѣль, и не разстанемся до гроба, а въ гробѣ на минуту разлука,—что намъ другъ безъ друга дѣлать на землѣ? Скоро, скоро! Страшно вздумать, какъ скоро!.. Теперь я ужъ не спрошу, пугаетъ ли тебя участь голубя. Эта-то *участь* и подняла тебя такъ недосягаемо высоко, и, подымаясь, голубь унесъ вверхъ и ракету, а между тѣмъ буйный огонь, который бы разорвалъ ее, превратился въ кроткій пламень.

Наташа, ты велика, какъ Богъ!

А третье марта, какъ Святая Святыхъ виднѣется за Царскими дверьми; 9 апрѣля не можетъ все поглотить души, великій день за нимъ—великъ!

Прощай, милый ангелъ; отвѣчай тотчасъ насчетъ свидѣтельства и тотчасъ совѣтуйся съ Emilie,—спасай любимыя вещи. Въ концѣ мая,—ну, не прелесть ли? природа во всемъ цвѣту, и мы радостные, вѣнчанные посреди нея!

Сбылось твое предчувствіе въ первый праздникъ.

Твой *Александръ.*

211. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

11 апрѣля (1838).

Вчера, мой ангелъ, я не писалъ тебѣ: день мрачныхъ воспоминаній,—сегодня три года, какъ я былъ проѣздомъ въ томъ же Владимірѣ. Я былъ какъ-то душою утомленъ вчера, и сегодня тоже,—не отъ воспоминаній, не отъ прошедшаго, а отъ зари будущаго счастья, отъ восходящаго солнца. Мы здѣсь чудесно проведемъ время,

я начинаю любить *нашъ* маленькій Владиміръ. Ты не можешь себѣ представить, какъ изящно его положеніе, я безпрерывно гуляю. *Мы вмѣстѣ будемъ гулять*,—нужно ли еще хоть слово? ты чувствуешь, что̀ это! Ну, что же, сдѣлала ты что-нибудь? Я писалъ Егору Ив., чтобы онъ вручилъ тебѣ деньги для священника. Бога ради, торопись, помни, что Александръ будетъ мучиться, пока не въ его рукахъ свидѣтельство; умоляю тебя, кончи это скорѣе. Хорошо было бы тебѣ поссориться съ Сіятельнѣйшей покровительницей, но я все оставляю на твою волю, пиши только подробно какъ, а я выполню. Здѣсь затрудненій не жди: самъ архіерей будетъ на нашей сторонѣ. А ежели и будутъ затрудненія,—будутъ готовы и другія средства. Иди же, время, иди быстро, какъ молнія, а *тогда* остановись, какъ сѣверное сіяніе. Наташа, въ концѣ мая будутъ мѣсячныя ночи, и *не одинъ* выйду я на валъ смотрѣть, какъ лучи его опираются на древній соборъ Андрея Боголюбскаго и стелются по необозримымъ равнинамъ и всасываются Клязьмой. Я иногда съ улыбкой думаю, какъ въ матеріальномъ отношеніи круто перемѣнится твоя жизнь: новый міръ, новый городъ, новая природа, все, все новое и при томъ все поглощенное гармонической, полной любовью, безъ разлуки. Не правда ли, сильно бьется твое сердце, и слеза, и улыбка, и страхъ, и восторгъ? А страхъ ужасный, трепетъ пробѣгаетъ по жиламъ, это—тотъ трепетъ, съ которымъ пилигримъ склоняетъ колѣна предъ гробомъ Господнимъ, идучи долго, долго, пришедши съ Запада въ огненную Палестину. Почта еще не пришла, но, вѣроятно, часа черезъ два придетъ. Прощай, пойду гулять. Ну, поцѣлуй меня на дорогу...

11-го. Послѣ обѣда.

Давеча я былъ глупъ, а теперь грустенъ, несмотря на то, что письмо твое отъ 9 получилъ. Я ждалъ отвѣта, по крайней мѣрѣ, на два письма, а ты ни одного не получила. Тебѣ ужасно доставляютъ письма, почта никогда не опаздываетъ такъ долго. Меня сердитъ, что ты ждешь такъ долго и грустишь. О, надобно, надобно соединиться, какъ можно скорѣе,—Богъ съ ними, съ нашими nos amis les ennemis [1]). Знаешь ли, въ какомъ положеніи теперь моя и твоя душа? намъ не вынести пятой доли того, что выносили до 3 марта,—грудь проломится. Наташа, достань же, Бога ради, достань свидѣтельство. Ни мыслей нѣтъ, ни чувствованій ясныхъ, палъ туманъ на душу.

Честь имѣю поздравить съ высокоторжественной милостью царской, оказанной дядюшкѣ Льву Ал. [2]).

[1]) Друзья-недруги.

[2]) 2 апрѣля 1838 г. произведенъ въ дѣйствительные тайные совѣтники.

Ночь.

Не могу ровно ничего дѣлать. Ангелъ мой, спаси меня отъ этого томнаго ожиданія, которое именно тѣмъ и несносно, какъ ты пишешь, «что его можно перенести». Ну, говори же, повторяй, что скоро, скоро ты моя, ты здѣсь,—и разступятся тучи, и настанетъ день, закатъ котораго будетъ конецъ жизни, за которой вѣчность. Наташа, я чувствую близость. Какъ получу твой отвѣтъ, такъ увижусь съ тобой (какъ 3 марта). Лучше было бы не откладывать до іюля, я сдѣлаюсь боленъ. Въ идеѣ *рѣшено*,—итакъ, чего же ждать? Ты вѣрно спишь, мой ангелъ, покойся же, лягу и я. А похвали баловня,—онъ ни разу не проспалъ седьмого часа. Такъ исполняетъ онъ заповѣди, данныя Богомъ черезъ его ангела.

Прощай.

12 апрѣля, вторникъ.

Сонъ, дивный сонъ! Я видѣлъ тебя въ вѣнчальномъ платьѣ, и ты была такъ лучезарна, такъ хороша! Мы сидѣли долго, долго на диванѣ, и когда я проснулся, я искалъ твоей руки. Почти всякую ночь послѣ 3 марта вижу я тебя, это счастье.

Прощай, прости, что письмо коротко: ей Богу, не могу писать, пока не получу отвѣта на *предложеніе*.

Твой *Александръ*.

212. О СЕБѢ.

ГЛАВА IX.

Разъ, въ послѣднихъ числахъ мая 1833 года, въ нижнемъ этажѣ большого дома, на Никитской сильно бушевала молодежь. Оргія была въ полномъ разгарѣ, во всемъ блескѣ. Вино, какъ паяльная трубка, раздувало въ длинную струю пламени воображеніе. Идеи, анекдоты, лирическіе восторги, каррикатуры крутились, вертѣлись въ быстромъ вальсѣ, неслись сумасшедшимъ галопомъ. Всѣ стояли на демаркаціонной линіи, отдѣляющей трезваго человѣка отъ пьянаго; никто не переступалъ ее. Всѣ шумѣли, разговаривали, смѣялись, курили, пили, всѣ безотчетно отозвались настоящему, всѣ истинно веселились. Лучшій стенографъ не записалъ бы ни единаго слова.

Среди вакханаліи бываетъ торжественная минута устали и тишины; она умолкаетъ для того, чтобы бурей и ураганомъ явиться

по ту сторону демаркаціонной линіи. Вотъ эта-то минута и настала.

Огромная чаша пылала блѣдно-лазоревымъ огнемъ, придавая юношамъ видъ заклинателей. Клико подливало силу въ жженку и кровь въ щеки молодыхъ людей. Шумная масса разбилась на части и расположилась на бивакахъ.

Вотъ высокій молодой человѣкъ [1]), съ лицомъ послѣдняго могикана; онъ сѣлъ на маленькій столъ (Парки тотчасъ же подломили ножки жизни этого стола), стенторскій голосъ его, какъ Нилъ при втеченіи въ Средиземное море, далеко вдается въ общій гулъ, не потерявъ своей самобытности. Это—упсальскій баронъ, онъ живетъ въ двухъ шагахъ отъ природы, въ Преображенскомъ. Тамъ у него есть садъ и домикъ, у котораго дверь не имѣетъ замка.

Въ этомъ домѣ баронъ прячется и вдругъ, какъ минотавръ или татары, набѣгаетъ на Москву неотразимый и нежданный, обираетъ книги и тетради и исчезаетъ. Онъ похожъ и на bon homme patience [2]) Жоржъ-Санда и на самого Карла Занда [3]),—ежели хотите,—а всего болѣе на террориста. Онъ какъ-то гильотинно умѣетъ двигать бровями. Баронъ началъ свою жизнь переводами Шиллера и кончилъ переводомъ на жизнь одного изъ лицъ, которыя Шиллеръ такъ любилъ набрасывать, въ которыхъ нѣтъ ни одного эгоистическаго желанія, ни одной черной мысли, но которыхъ сердце бьется для всего человѣчества и для всего благороднаго и которыя никогда не выйдутъ изъ своей односторонности, какъ exempli gratia [4]) Менцеля [5]). Онъ съ четвероногой трибуны что-то повѣствуетъ, съ наивной мимикой обѣихъ рукъ и, по очереди, одной ноги. Два неустрашимые человѣка подвергаютъ жизнь свою опасности, слушая барона въ атмосферѣ его декламаціи, безпрерывно разсѣкаемой рукою и ногою, и молніей зажженной сигары. У васъ, можетъ, слабы нервы,—отвернитесь отъ этой картины.

Видите ли у камина худощаваго молодого человѣка [6]), бѣлокураго, нѣсколько блѣднаго, въ вицмундирной формѣ, съ неумолимой рѣчью, это—магистръ математическаго отдѣленія, представитель матеріализма XVIII вѣка, столь же неподвижный на своемъ конькѣ, какъ и баронъ на своемъ. Онъ держитъ за пуговицу молодого человѣка съ опухшими глазами и выразительнымъ лицомъ [7]).

[1]) Н. Х. Кетчеръ.
[2]) «Дядя-терпѣнье», одинъ изъ типовъ французской романистки.
[3]) Убійца Коцебу.
[4]) Напримѣръ.
[5]) Вольфгангъ, врагъ демократическаго теченія въ нѣмецкой литературѣ.
[6]) Алексѣй Николаевичъ Савичъ.
[7]) Николай Ивановичъ Сазоновъ.

Магистръ въ короткихъ словахъ продолжаетъ споръ, начавшійся у нихъ года за два, о Бэконѣ и эмпиріи. Молодой человѣкъ, прикованный къ этому Кавказу, испещренному зодіаками,—одно изъ тѣхъ эксцентрическихъ существованій, которыя были бы исполнены вѣры, если бы ихъ вѣкъ имѣлъ вѣрованія; неспокойный демонъ, обитающій въ ихъ душѣ, ломаетъ ихъ и сильно клеймитъ печатью оригинальности. Онъ больше образами, яркими сравненіями отражалъ магистра.

— Направленіе, которое начинаетъ проявляться,—говорилъ онъ,—вспять не пойдетъ: матеріализмъ сдѣлалъ свое и умеръ. Вандомская колонна—его надгробный памятникъ. Германскія идеи, проникающія во Францію...

Магистръ не слушалъ студента, даже закрывалъ глаза, чтобы и не видать его, и продолжалъ со всѣмъ хладнокровіемъ математика, читающаго лекцію о мнимыхъ корняхъ, и со всею ясностію геометрическаго анализа, употребляя однѣ, закономъ опредѣленныя, формы доказательства—a contrario, per inductionem, a principio causae sufficientis [1]).

— Итакъ, принявъ это положеніе, слѣдуетъ вопросъ: которое состояніе наукъ выше, которое дало болѣе приложеній и принесло положительнѣе пользу? Разрѣшивъ его, мы естественно перейдемъ къ главному вопросу, отъ котораго зависитъ окончательное рѣшеніе этого спора...

Съ тѣхъ поръ магистръ окончилъ нивеллированіе Каспійскаго моря; студентъ объѣхалъ полъ-Европы, а споръ еще не кончился, и, сами видите, остался только одинъ вопросъ.

Вотъ два молодыхъ человѣка, обнявшись, прогуливаются по комнатѣ. Одинъ съ длинными волосами и прелестнымъ лицомъ à la Schiller и прихрамывающій à la Byron [2]); другой съ прекрасными задумчивыми глазами, и съ нѣсколько театральными манерами à la Мочаловъ [3]) и съ очками à la Каченовскій [4]); это—Ritter aus Tambow [5]) и кандидатъ этико-политическій, очерчивающій Россію [6]). Ritter, юный страдалецъ, принесъ въ жизнь нѣжную, чувствительную душу, но не принесъ ни твердой воли, которая защищаетъ отъ грубыхъ рукъ толпы, ни твердаго тѣла. Болѣзненный, блѣдный, онъ похожъ на оранжерейное растеніе, воспитанное въ

[1]) Отъ противнаго, по наведенію, по принципу достаточнаго основанія.
[2]) Н. М. Сатинъ.
[3]) Извѣстный актеръ.
[4]) Профессоръ.
[5]) Н. М. Сатинъ.
[6]) Вадимъ Пассекъ.

комнатахъ и забытое небрежнымъ садовникомъ на стужѣ московскихъ лѣтнихъ ночей. Онъ можетъ чище всѣхъ своихъ товарищей служить изящнымъ типомъ юноши. Съ какой любовью, съ какой симпатіей онъ пріютился къ нимъ дичкомъ. Его фантазія была направлена на ложную мысль бѣгства отъ земли. Резигнація составляла его поэзію. Такое направленіе развивается именно въ больномъ, слабомъ тѣлѣ,—конечно, ложное, но имѣющее свою безпредѣльно увлекательную сторону.

Кандидатъ этико-политическій жаждетъ общеполезной дѣятельности и славы. Онъ готовъ на самопожертвованія безъ границъ и грустно говоритъ юношѣ, что ему надобна каѳедра въ университетѣ и слава въ мірѣ. Юноша ему вѣритъ, сочувствуетъ и готовъ плакать. Вотъ они остановились передъ черпаломъ полюбоваться пылающей жженкой.

Въ самомъ фокусѣ оргіи, т. е. у пылающей жженки, также интересная группа. Молодой человѣкъ [1]), въ сѣромъ халатѣ, на диванѣ, задумчиво мѣшаетъ горящее море и задумчиво всматривается въ фантастическіе узоры огня, сливающіеся съ ложки. Противъ него за столомъ, безъ сюртука, безъ галстука, съ обнаженною грудью, сложивши руки à la Napoléon, съ сигарою въ зубахъ, сидитъ худощавый юноша съ выразительнымъ, умнымъ взоромъ [2]).

— Помнишь ли,—говоритъ молодой человѣкъ въ халатѣ,—какъ мы дѣтьми встрѣчали новый годъ тайкомъ, украдкой? какъ тогда мечтали о будущемъ? Ну, вотъ оно и пришло, и пустота въ груди не наполняется, и не принесло оно той жизни, которой требовала душа. На Воробьевыхъ горахъ она ничего не требовала и была довольна.

Они взглянули другъ на друга.

— Пора окончить этотъ фазисъ жизни, шумъ начинаетъ надоѣдать; меня манитъ другая жизнь, жизнь болѣе поэтическая.

— Пора, согласенъ и я; но забудемся еще сегодня, забудемся, прочь мрачныя мысли!

Юноша въ халатѣ напѣнилъ стаканъ и, улыбаясь, сказалъ:

— За здоровье заходящаго солнца на Воробьевыхъ горахъ!

— Которое было восходящимъ солнцемъ нашей жизни,—добавилъ юноша безъ сюртука.

Оба замолчали, что-то хорошее пробѣжало по ихъ лицамъ.

Вдругъ юноша безъ сюртука вскочилъ на стулъ и звонкимъ голосомъ закричалъ:

— Messieurs et mylords! je demande la parole, je demande la

[1]) Н. П. Огаревъ.

[2]) Самъ Герценъ.

clôture de vos discussions; une grande motion... Silence aux interrupteurs; monsieur le président, couvrez-vous [1]).

И нахлобучилъ какую-то шапку на голову своему сосѣду. Нѣсколько голосовъ обратилось къ оратору.

— Mylords et lords! le punch cardinal, tel que le cardinal Mezzofanti, qui connait toutes les langues existantes et qui n'ont jamais existées, n'a jamais goûté; le punch cardinal est à vos ordres. Hommes illustres par vos lumières, connaissez que Schiller, décreté citoyen de la république une et indivisible... a dit, il me semble, en parlant des prisonniers, lors du siège d'Anony par les troupes du roi-citoyen Louis Philippe:

Eh' es verduftet,
Schöpfet es schnell
Nur wenn er glühet
Labet der Quell.

Je propose donc de nous mettre à l'instant même dans la possibilité de vérifier les proverbes du citoyen Schiller,—à vos verres, citoyens! [2]).

Всѣ съ хохотомъ подходили къ столу. Ораторъ спокойно разливалъ въ стаканы пуншъ.

— Магистръ, скажи, пожалуйста,—кричалъ онъ,—не изобрѣлъ ли Деви [3]) новыхъ металлическихъ стѣнокъ для того, чтобы не жглись губы?

[1]) Господа и милорды! Прошу слова. Прошу закрытія вашихъ преній! Я имѣю внести важное предложеніе... Прошу не перебивать! Господинъ спикеръ, накройтесь.

[2]) Милорды и лорды! Вамъ предлагается пуншъ-кардиналъ,—такой пуншъ, что даже кардиналъ Меццофанти, который, какъ извѣстно, знаетъ всѣ языки извѣстные, а также и неизвѣстные, такого пунша никогда не отвѣдывалъ! Господа, знаменитые глубиною вашихъ просвѣщенныхъ знаній, узнайте, что Шиллеръ, законодательнымъ актомъ признанный гражданиномъ республики, единой и нераздѣльной... Шиллеръ сказалъ, говоря, насколько помнится, о плѣнникахъ при осадѣ Анони войсками короля-гражданина Луи-Филиппа:

Только кипучій
Ключъ утолитъ,—
Прежде, чѣмъ стихнетъ,
Черпай его.

Итакъ, имѣю честь предложить собранію—сію же минуту приступить къ провѣркѣ утвержденій гражданина-Шиллера:

Къ стаканамъ, граждане!

[3]) Англійскій химикъ.

— Гемфри Деви умеръ,—отвѣчалъ магистръ, весь занятый своимъ споромъ.

— И, я думаю, радъ отъ души,—продолжалъ ораторъ,—что, наконецъ, химически разложился и на себѣ можетъ испытывать соединеніе и разложеніе.

— Господа, господа, разойдитесь, баронъ идетъ со стаканомъ, а это страшнѣе, чѣмъ встрѣтиться съ локомотивомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, благоразумные люди отодвигались. Ораторъ продолжалъ шумѣть, никто его не слушалъ... Стаканы еще разъ наполнились.

Демаркаціонная линія была пройдена. Господа хотѣли продолжать свои разговоры; суетное желаніе удалось одному юношѣ безъ сюртука, потому что онъ разомъ говорилъ со всѣми и обо всемъ. Баронъ чистилъ трубку кому-то въ шляпу и говорилъ *ты* магистру. На магистра жженка сдѣлала ужасное дѣйствіе: въ головѣ у него все завертѣлось и перекувырнулось, онъ не забывалъ свой споръ и продолжалъ, держа на этотъ разъ за пуговицу барона:

— Слѣдовательно, ежели въ тотъ вѣкъ, въ одно время дифференціальное исчисленіе изобрѣли Лейбницъ и Ньютонъ...

Онъ, какъ бы самъ, чувствуя нелѣпость, потеръ себѣ лобъ.

— Да, да, именно, когда Коперникъ изобрѣлъ движеніе земли, а Уаттъ—паровыя машины, и сэръ Флуни—машины чинить перья...—кричалъ ораторъ.

— Помню, помню Флуни,—повторилъ магистръ и хотѣлъ, было, произнесть еще какую-то букву, но не могъ ни повернуть языка, ни упросить это слово, чтобы оно вышло.

— О чемъ же споръ?—спрашивалъ тутъ же бывшій водевилистъ.

— Магистръ,—шепталъ ему ораторъ,—доказываетъ, что Каратыгинъ [1]) гораздо лучше игралъ роль Отелло, нежели Мочаловъ.

Водевилистъ, бѣшеный поклонникъ Мочалова, бросился, какъ лютый звѣрь, на магистра и кричалъ ему на ухо:

— У Мочалова есть душа, а у Каратыгина все поддѣлка, да просто взгляните на его лицо: какая натянутость, неестественность.

— Правда, правда!—кричалъ ораторъ.—У живого Каратыгина видъ не натуральный: то ли дѣло статуи Торвальдсена, вотъ какія лица должны быть въ XIX вѣкѣ,—и самъ водевилистъ захохоталъ.

Въ это время баронъ, желая подвинуться къ столу, выломалъ

[1]) Василій Андреевичъ.

ручку у креселъ и ножку у стола; двѣ тарелки и стаканъ легли костьми при этомъ членовредительствѣ: «мертвіи срама не имутъ». Баронъ не потерялся, началъ доказывать, что это не его вина, а вина непрочности мебели, для объясненія чего изломалъ еще кресло и этажерку и былъ очень доволенъ, что оправдался.

Подали сыру,—единственный съѣстной припасъ, который важивался у Ника. Сыръ великая вещь на оргіи: отъ него дѣлается жажда. Въ одно мгновеніе ока плачущее, рябое дитя Швейцаріи исчезло.

— Прежде нежели мы совсѣмъ пьяны, вотъ вамъ предложеніе,—сказалъ Никъ:—кто хочетъ на цѣлый день villegiare [1]), подышать чистымъ воздухомъ, побыть не въ Москвѣ, а на волѣ,—хоть день?

— Превосходная мысль,—подхватилъ Ritter.

— Въ Архангельское,—прибавилъ студентъ,—у меня тамъ есть квартира.

— Все же это не имѣетъ основанія,—сказалъ магистръ, услыхавши голосъ студента.

— Въ Архангельское!—повторило нѣсколько голосовъ.

— Давай шампанскаго,—кричалъ ораторъ, у котораго вино, казалось, испаряется со словами.—Надобно выпить за здоровье прекрасной мысли и прекраснаго опредѣленія ея.

Пробки хлопали, шампанское лилось вонъ изъ бутылокъ и исчезало. Дымъ табачный сгущался.

Кто-то запѣлъ:

Ah! vers une rive,
Où sans peine on vive,
Qui m'aime me suive!
Voyageons gaiment!
Ivre de champagne
Je bas la campagne,
Et vois de Cocagne
Le pays charmant [2]).

Всѣ подхватили:

Terre chérie,
Sois ma patrie,

[1]) Въ деревнѣ побывать.

[2]) Пусть кто любитъ меня, слѣдуетъ за мной къ той странѣ, гдѣ живутъ безъ печали! Веселое путешествіе! Опьяненный шампанскимъ, я болтаю вздоръ и вижу обѣтованную страну.

Quand je ris
Du sort inconstant [1]).

— За здоровье друзей!—провозгласилъ ораторъ, пуская отчаянной параболой по воздуху пробку, и въ одно мгновеніе выпитые стаканы разсыпались черепками по полу. Все вскочило, перемѣшалось, сбилось, зашумѣло вдвое. Кто цѣлуется, кто вздыхаетъ, кто подымаетъ съ полу кусочекъ сыру. Всѣмъ кажется чрезвычайно весело. Баронъ уродуетъ въ своихъ объятіяхъ всѣхъ встрѣчающихся и подмѣщается къ этико-политическому кандидату, который сидитъ у раскрытаго окна, рыдаетъ и, какъ Донъ-Карлосъ и Юлій Цезарь, приговариваетъ: «24 года, и ничего не совершилъ для человѣчества, для вѣчности!» Въ отчаяніи, сильною рукою онъ ударилъ по стоящему передъ нимъ стакану и раздробилъ его. Стекла врѣзались въ руку, кровь полилась. Баронъ, какъ бы протрезвился, схатилъ руку кандидата, сталъ вынимать стекла, мочить водою и завязывать платкомъ.

— Что рука,—говоритъ кандидатъ, заливаясь слезами,—прахъ, тлѣнъ! Духъ, вотъ жизнь! Хочешь, выброшусь за окно?

— Лучше выйдемъ въ дверь и влѣземъ въ окно,—предлагаетъ баронъ.

Магистръ сердится, что заперта дверь, пробуя отворить зеркало въ каминѣ, а дверь—съ противоположной стороны.

— Магистръ правъ; надобно освѣжиться, выйдемъ на воздухъ, голова кружится. Видно, и я выпилъ лишнее.

Bon!
La farira dondaine,
Gai!
La farira dondé [2]).

На другой день рано утромъ, т. е. часа три послѣ того, какъ ораторъ съ магистромъ вышли на чистый воздухъ, la bande joyeuse [3]) уже хлопотала и распоряжалась объ отъѣздѣ. Ораторъ всталъ раньше прочихъ, будилъ всѣхъ и каждаго. Спальня представляла удивительное зрѣлище. Длинный турецкій диванъ былъ заваленъ людьми, многіе уснули въ той позѣ, въ какой допили послѣднюю

[1]) Милая земля, будь мнѣ родиной, когда я смѣюсь надъ непостоянствомъ судьбы.

[2]) Обычный припѣвъ многихъ французскихъ пѣсенокъ, въ которыхъ слова «farira» и «dondaine» утеряли всякое значеніе въ современномъ языкѣ.

[3]) Веселая компанія.

каплю. Баронъ, завернувшись въ непромокаемую шинель, съ сигарою во рту, грозно и величественно видѣлъ что-то во снѣ. Сонъ его былъ безпокоенъ, и время отъ времени онъ пихалъ ногою въ голову водевилиста, который на другой день удивлялся странному сну: ему казалось, что онъ былъ въ театрѣ и что, какъ только выходитъ Мочаловъ, сводъ Петра и Павла падаетъ ему на голову. Ritter прижался къ уголку, скатавши въ шарикъ тоненькое тѣло свое, въ томъ родѣ, какъ спятъ комнатныя собачки. Юноша въ халатѣ, который былъ дома, замѣтьте, положилъ себѣ подъ голову латинскій лексиконъ и спокойно лежалъ, накрывшись ковромъ со стола.

Солнце свѣтило ясно, день готовился чудесный, голова была свѣжа: «благородное шампанское не оставляетъ горькихъ упрековъ на утро», говорили они потомъ. Всѣ необходимыя распоряженія были тотчасъ взяты. Послали за виномъ, послали за лошадьми, послали за паштетомъ и за сигарами. Двѣ коляски находились въ наличности. Никъ, студентъ, водевилистъ etc. отправились впередъ, ораторъ съ Ritter'омъ послѣ. Они выѣхали часовъ въ 9 изъ Москвы. Великолѣпно свѣтило солнце; природа на каждой точкѣ дышала жизнью и нѣгой; на душѣ не было заботъ. Юноши мечтали, поэтизировали всю дорогу; душа Ritter'а, немного элегическая, испарялась въ заунывныхъ звукахъ и дѣтскихъ фантазіяхъ. Они были какъ-то на мѣстѣ съ летавшими бабочками, съ зеленѣвшей травой, между которой подымались звѣздочки Иванова цвѣтка и фонарики цикорія. Ritter'у было 18 лѣтъ. Часа черезъ два коляска остановилась передъ прекраснымъ домомъ князя Юсупова [1]). Я до сихъ поръ люблю Архангельское. Посмотрите, какъ милъ этотъ маленькій клочекъ земли отъ Москвы-рѣки до дороги. Здѣсь человѣкъ встрѣтился съ природой подъ другимъ условіемъ, нежели обыкновенно. Онъ отъ нея потребовалъ одного удовольствія, одной красоты и забылъ пользу; онъ потребовалъ отъ нея одной перемѣны декораціи для того, чтобы отпечатать духъ свой, придать естественной красотѣ красоту художественную, очеловѣчить ее на ея пространныхъ страницахъ: словомъ, изъ лѣса сдѣлать паркъ, изъ рощи—садъ. Еще больше: гордый аристократъ собралъ тутъ растенія со всѣхъ частей свѣта и заставилъ ихъ утѣшать себя на сѣверѣ; собралъ изящнѣйшія произведенія живописи и ваянія и поставилъ ихъ рядомъ съ природою, какъ вопросъ: кто изъ нихъ лучше? Но здѣсь уже самая природа не соперничаетъ съ ними, измѣнилась, расчистилась въ арену для духа человѣческаго, который, какъ прежніе германскіе императоры, признаетъ только тѣ власти неприкосновенными, ко-

[1]) Николай Борисовичъ.

торыя уничтожались въ немъ и имъ уже возстановлены, какъ вассалы.

Бывали ли вы въ Архангельскомъ? Ежели нѣтъ, поѣзжайте, а то оно, пожалуй, превратится или въ фильятурную фабрику [1]), или не знаю во что, но превратится изъ прекраснаго цвѣтка въ огородное растеніе.

Они тотчасъ отыскали Ника съ товарищами и отправились сначала въ домъ.

Террористъ Давидъ привѣтствовалъ ихъ атлетическими формами, которыя онъ думалъ возродить въ республикѣ единой и нераздѣльной 93-го года вмѣстѣ съ спартанскими нравами, о привитіи которыхъ хлопоталъ Сенъ-Жюстъ; а за ними открылся длинный рядъ изящныхъ произведеній.

Глаза разбѣжались, изящные образы окружали со всѣхъ сторонъ. Уныніе смѣнялось смѣхомъ, Святое семейство—нидерландской таверной, Дѣва радости—Вернэтевскимъ [2]) видомъ моря. Пышный Гвидо Рени [3]),—князь Юсуповъ въ живописи,—роскошно бросаетъ краски, и формы, и украшенія, чтобы прикрыть подчасъ бѣдность мысли, и суровые Ванъ-Дейка портреты, глубоко оживленные внутреннимъ огнемъ, съ заклейменной думой на челѣ, и дивная группа Амура и Психеи Кановы,—все это вмѣстѣ оставило имъ воспоминаніе смутное, въ которомъ едва вырѣзываются отдѣльныя картины, оставшіяся, Богъ знаетъ почему, также въ памяти. Помнился, напримѣръ, портретъ молодого князя; князь верхомъ, въ татарскомъ платьѣ; помнился портретъ дочери m-me Lebrun [4]). Она стыдливо закрываетъ полуребячью грудь и смотритъ тѣмъ розовымъ взглядомъ дѣвушки, которой уже не много поцѣлуй, который уже волнуетъ ея душу, чистую, какъ капля росы на розовомъ листкѣ, и огненную, какъ золотое аи. Не разъ, быть можетъ, старый князь останавливался передъ ней, желая отодрать ее отъ полотна, возстановить растянутыя въ одну плоскость формы, согрѣть ихъ, оживить и прижать къ своему сердцу татарина.

Имъ некогда было разбирать все отдѣльно, да, вѣроятно, это и невозможно: всякую галлерею надобно изучить въ одиночествѣ, и притомъ разсматриваніе ея распространить на много и много дней. Довольные восторженностью, чистотою, въ какую ихъ привело созерцаніе изящнаго, они высыпали въ садъ, мимо мощныхъ воиновъ

[1]) Filature—прядильная фабрика.

[2]) Вернэ (Vernet), Клодъ, извѣстный французскій маринистъ XVIII вѣка, дѣдъ знаменитаго Ораса Вернэ (баталиста).

[3]) Живописецъ болонской школы.

[4]) Елизавета Лебренъ, французская портретистка.

изъ желтаго мрамора, мимо гладіаторовъ, въ тѣнь аллей. День былъ южно-палящій жаромъ, все ликовало; жужжа летали пчелы, тонко перетянутыя; молча и съ величайшей граціей танцовали по воздуху пестрыя бабочки съ широкими рукавами, какъ барышни. Солнце faisait les honneurs de la maison [1]), отогрѣвало сырую землю, эмалью покрывало листики цвѣтковъ, радостью наполняло все живущее и копошащееся въ травѣ, на воздухѣ, закуривало сигары и гордо не дозволяло себѣ смотрѣть въ глаза. Имъ все нравилось, даже на этотъ разъ романтизмъ ихъ не возмущался противъ подстриженныхъ деревьевъ, которыя важно и чопорно, какъ офиціанты прошлаго вѣка, въ парикѣ и французскихъ перчаткахъ, стояли по обѣимъ сторонамъ дороги. Бѣлые мраморные бюсты выглядывали изъ-подъ нихъ.

Испеченные солнцемъ и утомленные ходьбой, молодые люди отправились въ комнаты студента. Небольшая зала, въ которой былъ приготовленъ обѣдъ, примыкала къ оранжереѣ; одна стеклянная дверь отдѣляла ихъ отъ нея; они отворили дверь, ихъ обдало благоуханіемъ юга. Дыханіе дѣтей пламенной природы располагало къ нѣгѣ и къ чувственно-огненнымъ страстямъ, къ dolce far niente. Зачѣмъ изъ вѣнчиковъ этихъ цвѣтковъ не вышли вѣчно юныя гуріи восточнаго рая! Зачѣмъ не принесли холоднаго шербета! Зачѣмъ стройныя одалиски не вѣяли пестрыми опахалами, опуская длинныя рѣсницы своихъ черныхъ глазъ и бросая свѣжіе розовые листки въ вино! «Зачѣмъ этотъ глупый нарядъ запада,—простора, нѣги и еще цвѣтовъ благоухающихъ, съ яркими вѣнчиками»,—говорили юноши.

Вино, принесенное со льда, на минуту прохладило ихъ, но отлившая отъ сердца и головы кровь возвратилась зажженнымъ спиртомъ, страсти расколыхались; имъ было непомѣстительно въ горницѣ,—они вышли опять въ садъ и отправились въ бесѣдку, на гору, у ногъ которой—Москва-рѣка.

Рѣка тихо струилась узенькой ленточкой, довольная своимъ аристократическимъ именемъ; поля, лѣса, синяя даль—природа именно этою далью, этою безграничностью приводитъ въ восторгъ; въ ея наружности отпечатлѣнъ тотъ характеръ безконечности, который заключенъ въ душѣ нашей, и они переплетаются встрѣтившись; но молодые люди не долго поэтизировали, вскорѣ разговоръ превратился въ шалость, въ хохотъ. Нѣсколько человѣкъ вмѣстѣ рѣдко могутъ восхищаться природой или изящнымъ произведеніемъ: благоговѣйный восторгъ рѣдко посѣщаетъ разомъ цѣлое

[1]) Благосклонно привѣтствовало гостей дома.

общество, и, ежели хоть одинъ сказалъ холодное слово, остроту,— кристальная мечта разсыпалась, фальшивая нота разнесется громче прочихъ и роняетъ дѣйствіе всей пьесы. Продурачившись до поздняго вечера, всѣ поѣхали домой. Пріѣхали къ Нику часу во второмъ ночи и расположились отдыхать. Было полнолуніе, мѣсячный свѣтъ ясно свѣтилъ въ окна; днемъ душа молча впивала изящное; теперь, когда водворилась тишина и, вмѣсто яркаго свѣта дня, разлился кроткій полусвѣтъ мѣсячной ночи, она начала испарять свои чувства, какъ ночныя фіоли свое благоуханіе.

— Никъ, пойдемъ гулять,—сказалъ Саша,—хочется еще ощущеній, движенія; хочется, чтобы не было потолка.

И они отправились. Длинныя полосы луннаго свѣта стлались по улицамъ, ярко смѣняемыя густою тѣнью. Городъ уже уснулъ или еще не просыпался; такъ тихо было, что шаги, далеко слышные, вызывали глухой лай собакъ.

Они вышли на Арбатскую площадь. Величественнѣе и колоссальнѣе обыкновеннаго казались зданія. Они шли, шли и остановились на Каменномъ мосту. Святой Кремль въ своемъ византійскомъ нарядѣ, окруженный башнями, стѣнами, думалъ царскую думу о прошлыхъ и новыхъ вѣкахъ; часовой, поставленный Годуновымъ, въ бѣлой одеждѣ, какъ рында, въ золотой шапкѣ, какъ князь, сторожитъ покои Кремля, неподвижный и высокій; а рѣка шумѣла и неслась изъ-подъ арки, и всасывала въ себя мѣсяцъ, и сносила его свѣтъ на середину, и играла имъ, и пускала длинной полосою плыть въ вороненой рамкѣ.

Вода не останавливалась ни на мгновеніе: шумѣла, разбивалась о камень, пѣнилась и утекала; волна, сейчасъ блеснувшая, какъ рыбка, терялась въ толпѣ другихъ, исчезала, какъ волна, но неслась, какъ рѣка, въ даль, въ море.

Они стояли молча,—о чемъ тутъ было говорить; и не думали, и не молились,—а высоко было сочувствіе ихъ въ ту минуту съ Творцомъ, съ природою, съ человѣчествомъ... Предтеча солнца, Гесперъ, заблисталъ, словно алмазъ на рукѣ Творца, отворяющаго врата утра, и красная полоса, какъ брошенная на землю порфира, сказала о приближеніи царственнаго свѣтила. Алый отливъ пробѣжалъ по бѣлымъ стѣнамъ Кремля и заигралъ огнями на крестахъ, главахъ и окнахъ. Разсвѣтало. Съ одной стороны спало темное Замоскворѣчье, покрытое подымающимся утреннимъ туманомъ, съ другой стороны спала часть города, облитая тѣмъ же мѣсяцемъ. Обѣ не знали о началѣ дня, а Кремль его уже встрѣтилъ, ему уже радовался, и ночь съ днемъ встрѣтились на рукѣ,—серебро и золото перемѣшалось на волнахъ. Чудное, удивительное зрѣлище, и оно

повторяется каждый день, и люди занятые, «пекущіеся о мнозѣ», не хотятъ смотрѣть на него! Барабанъ и дудка возвѣщали земнымъ языкомъ «зарю». Они отправились къ Нику, въ садъ, физически и морально утомленные.

Этотъ длинный праздникъ, эта особая, блеснувшая волна жизни не могутъ исчезнуть въ толпѣ дней, ночей, недѣль, мѣсяцевъ, лѣтъ, которые, какъ дюжинныя волны, бѣгутъ, шумятъ, имѣютъ смыслъ въ совокупности, но не врѣзываются въ память. Эта шумная оргія, эта прелестная прогулка внѣ города и въ городѣ, на мѣстѣ,—онѣ на границѣ учебныхъ лѣтъ, это прощанье съ ними, и потому въ нихъ собралось все хорошее и дурное того времени, идеализированное, проникнутое поэзіей. Прогулка на Каменный мостъ окончила прогулку на Воробьевы горы. Мѣсяцъ мечтаній, односторонней жизни закатывался, солнце жизни выступало съ своею огненною, всепоглощающей любовью, но и черныя тучи поднимались грозно и мрачно...

213. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(16 апрѣля 1838) 4 часа.

Ангелъ мой, сію минуту пріѣхалъ, имѣю много сказать и... и. Устрой, какъ хочешь, я приду за отвѣтомъ въ сумерки къ Аркадію; во всякомъ случаѣ вели ему ждать меня въ *четыре часа* утра... Опять секретно и тамъ же. Сообщи Emilie. Твой фельдъегерь заслужилъ поцѣлуй: черезъ часъ послѣ твоего письма, онъ ужъ несся по грязи.

Твой *Александръ.*[1]

◆◆ 1. 17-го утромъ состоялось свиданіе,—второе, послѣ выѣзда изъ Москвы въ Вятку; третье было 18-го. Герценъ пріѣхалъ въ Москву по паспорту отставного поручика Богданова, жившаго во Владимірѣ; о немъ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній и считать его за то же лицо, подъ этой фамиліею, упоминаемое впослѣдствіи Герценомъ, а также Бѣлинскимъ (въ трехъ томахъ его «Писемъ»), нѣтъ достаточныхъ основаній.

Къ этому времени болѣе или менѣе выяснилось осложнившееся положеніе Н. А—ны. Изъ ея письма отъ 11 апрѣля видно, что Левъ А. Яковлевъ былъ противъ брака съ А. О. Миницкимъ и сказалъ сестрѣ, кн. Хованской, что Герценъ и Н. А—на рождены другъ для друга, что они связаны симпатіей и что этого измѣнить

нельзя. Тетка была крайне возмущена и хотѣла изгнать Н. А—ну изъ дома къ тому или другому дядѣ, но они отклонили это предложеніе, а Л. А—чъ находилъ умѣстнымъ временно отдать племянницу въ какой-нибудь пансіонъ. 19-го происходилъ семейный совѣтъ, на которомъ Левъ А. и Д. П. Голохвастовъ увѣщевали Н. А—ну, чтобъ она имѣла терпѣніе, пока Герценъ вернется въ Москву и будетъ имѣть свое состояніе... (Т. VII Спб. изд., стр. 566, 570, 571).

214. Святая недѣля.

Съ самаго перваго дня праздника и во всю недѣлю погода была превосходная; прекрасныя окрестности Владиміра одѣлись въ свое весеннее платье для того, чтобы участвовать въ торжествѣ. Въ два дня исчезли всѣ слѣды зимы, и множество гуляющихъ на улицахъ и бульварахъ оживляло во всю недѣлю городъ; Клязьма вскрылась 9 числа и, разлившись, течетъ теперь во всей красотѣ своей. Конечно, не много губернскихъ городовъ могутъ представить такіе виды, какъ Владиміръ: напримѣръ, съ вала, окружающаго Рождественскій монастырь. Пространство болѣе, нежели на двадцать верстъ, раскрывается съ трехъ сторонъ; смиренныя деревеньки стелятся около своихъ церквей, а эти церкви самой старинной архитектуры напоминаютъ историческую святость края. Какъ голубая лента чрезъ плечо, льется Клязьма чрезъ равнину, и превосходный видъ оканчивается Дмитріевскимъ соборомъ. Несмотря на позднѣйшія пристройки, онъ сохранилъ свой начальный характеръ; на немъ ясно отпечатывается простота и величіе, проникнутое глубокою мыслію византійскаго зодчества. Душа невольно, насладясь природой, возносится молитвой къ небу, глядя на памятникъ благочестія великаго князя Всеволода III-го. Въ заключеніе замѣтимъ, не показываетъ ли выборъ мѣста для города и зданіе, выполненное въ такомъ прекрасномъ стилѣ, какъ Дмитріевскій соборъ, что изящное и въ самыя отдаленныя эпохи не было чуждо душѣ русской.

215. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(20 апрѣля). Среда. Пять часовъ утра. (1838).

Ангелъ мой, я сейчасъ воротился, и къ тебѣ. Твоя послѣдняя записка пугаетъ меня. Какимъ образомъ ты хочешь одна пріѣхать сюда и какъ пробудешь нѣсколько дней до вѣнчанья? Это невоз-

можно, и потому, при первой возможности, оставь княгиню и—къ Астраковымъ: дальнѣйшее предоставь мнѣ. Боже, что-то у васъ было. Страдалица!.. но вспомни любовь Александра, не изъ твоихъ ли устъ я слышалъ подтвержденіе о счастьи, и потому повторю—твердость!

А прелестны были два мига въ два утра, когда мы, крѣпко соединенные въ объятіяхъ другъ друга, наслаждались, вдохновлялись другъ другомъ. 3 марта было не въ мѣру груди человѣческой; это день страшный,—можетъ, величайшій въ нашей жизни,—тогда любовь поглотила нашу отдѣльность, даже уничтожила всѣ способности.

Папенька хуже всѣхъ,—эгоизмъ холодный, безчувственный, и только. Завтра получу письма, которыя откроютъ завѣсу. А, Господи, чего я ни перестрадалъ, ожидая Тат. Алекс., когда она была у тебя. Письмо, которое я послалъ съ нею, не достигло цѣли, я хотѣлъ имъ взбѣсить кн. и душевно желалъ, чтобъ она тебя разобидѣла,—тогда бы ты поѣхала по-моему, и тутъ можно бы больше налечь; но это дѣло прошлое,—глубокая тоска и грусть на душѣ отъ неизвѣстности. Еще разъ, никакъ не ѣзди безъ меня, я на дорогѣ хочу быть твоимъ cavaliere servente [1]). [1]

Вотъ твои письма, писанныя карандашомъ; 17-го ты писала: «да мимо идетъ меня чаша сія». Я въ это время былъ въ 15 верстахъ отъ тебя. О, Богъ! Къ Ал. Ал. напишу.

Вечеръ.

Слушай мой приказъ. Никакъ не ѣзди сюда безъ меня и безъ свидѣтельства. *Теперь все готово*, только нужно свидѣтельство. Священникъ—мой духовникъ, онъ распорядился превосходно. Ежели нельзя отъ консисторіи, то нельзя ли достать изъ церкви, гдѣ тебя крестили?

21, четвергъ.

Удивительное время. Буря шумитъ и не улегается, не могу себя настолько обуздать, чтобъ писать къ тебѣ, моя божественная, святая! Черта между мечтами и дѣйствительностью, сномъ и бдѣніемъ стерлась, все перемѣшалось. Послѣ 3 марта мы были спокойны, потому что настоящее поглотило насъ. Теперь будущее, и великое, и грозное, стоитъ передъ дверью. Вѣрно, и ты не можешь писать. Но и нѣтъ нужды много писать: я думаю, во всякомъ случаѣ, черезъ недѣлю опять пріѣхать. Черезъ нѣсколько часовъ получу письма,—не знаю, что и предчувствовать. На дорогѣ я нѣ-

[1]) Дамскій кавалеръ.

сколько разъ былъ въ лихорадкѣ, думая, какъ ты страдаешь теперь.

Я такъ скоро уѣхалъ третьяго дня, что не успѣлъ тебѣ написать, хоть строчку,—и меня совѣсть мучила: вѣрно, ты ждала.

Ну, слава Богу, мой ангелъ, я поспокойнѣе,—получилъ твои письма. Знаешь ли, какіе гигантскіе шаги мы дѣлаемъ. Папенька мнѣ пишетъ, чтобъ я, Бога ради, не дѣлалъ неосторожностей, а то это можетъ *огорчить тебя*, что женихамъ твоимъ откажутъ, да и что ты меня *такъ любишь*, что не пойдешь ни за кого другого, кромѣ меня. Развѣ это не прямое дозволеніе? Все хорошо. Ко Льву Алексѣевичу писалъ, къ Ал. Ал. тоже. Завтра я буду опять славный малый,—отдохну. Изъ всѣхъ предложеній худшее—переѣхать къ Вас. Абрам. [1]), этого я не позволяю: слишкомъ презрительные люди. Какъ достанутъ свидѣтельство—или изъ консисторіи, или изъ церкви, въ которой родилась, или отъ сіятельнѣйшей княгини,—ты можешь пріѣхать съ Emilie; коляску возьми у Сазонова, а провожатымъ Кетчера, безъ него не ѣзди; всего лучше, назначьте мнѣ день и часъ, я буду васъ ждать въ трактирѣ Перова—9 верстъ отъ Москвы. Квартира готова, фрейлина покамѣстъ не отличная, но есть. Emilie я никогда не допущу, чтобъ она была твоей фрейлиной, и это изъ гордости, потому что она мнѣ сестра. Да, пожалуйста, и не воображай, что у насъ не будетъ денегъ, имѣя вездѣ друзей, и какихъ! да это было бы смѣшно. Въ письмѣ къ папенькѣ я положилъ распечатанную записку къ тебѣ, отвѣчай на нее черезъ него же,—это только опытъ, насколько я сломилъ его. Между тѣмъ, пусть переписка наша идетъ такъ же. Зачѣмъ ты не пишешь явно? теперь можно: ты официально моя невѣста.

Что за мысль отложить до іюля? Для чего? При первой возможности (т. е. черезъ четверть часа послѣ полученія свидѣтельства) отправь гонца къ Emilie, та за Кетчеромъ,—и во Владиміръ, во Владиміръ, о, мой ангелъ! Квартира довольно хороша, я до вѣнчанья останусь на своей старой; ежели бы случилось, что вы скоро поѣдете, то пріѣзжайте въ городъ не иначе, какъ или въ ночь, или утромъ до 6 часовъ. Но объ этомъ въ путевой инструкціи Кетчеру. Да, пожалуйста, готовьте все необходимое. Получила ли Emilie 500 рублей? я могу еще прислать 500, когда получу изъ Вятки. Вѣнчальное платье просто, но какъ можно воздушнѣе, изящнѣе, ну, ты понимаешь. Покупайте все готовое на Кузнецкомъ Мосту; въ нуждѣ денегъ можете прибѣгнуть опять къ Сазонову. Теперь

[1]) Насакинъ.

меня тѣшатъ эти подробности, онѣ какъ-то мнѣ говорятъ о скоромъ, скоромъ приближеніи. Я тебѣ здѣсь приготовлю два подарка, за оба ты поцѣлуешь меня (а будто безъ нихъ и не поцѣлуешь?). Это—цвѣты и другой,—не скажу.

Читала ли «О себѣ»? Вакханалія очень понравилась Сазонову съ комп. Смотри, чтобъ эта книга не попала княгинѣ да и вообще кому бы то ни было, кромѣ Emilie и Астракова. Когда поѣдешь, возьми ее. Теперь я могу попробовать похлопотать о портретѣ: не велика бѣда, ежели неоконченный останется. Такъ г-да струсили; стало быть, хорошо, что я явился имъ во весь ростъ!

Да на дорогѣ берегись; ты не я,—лучше дольше будьте въ проѣздѣ, нежели мучить себя, особенно въ скверную погоду, это—не просьба, а *приказаніе*. Я изфельдъегерничался, а твои путешествія въ Загорье, кажется, не могли пріучить къ дорогѣ.

Ежели будетъ невозможно достать свидѣт., пиши, я попробую попросить разрѣшенія отъ архіерея, основанное на моей присягѣ о твоихъ лѣтахъ и вѣроисповѣданіи.

◆◆ 1. Какъ увидимъ дальше, Герценъ рѣшилъ воспользоваться пріятельствомъ съ Николаемъ Ивановичемъ Астраковымъ, который, бывъ еще студентомъ математическаго отдѣленія московскаго университета, давалъ уроки математики Сатину и у него познакомился съ Герценомъ.

Послѣ высылки товарищей изъ Москвы, Астраковъ ходилъ, точно въ воду опущенный, потомъ развлекся приготовленіемъ къ защитѣ диссертаціи на магистра и, получивши это званіе, женился на Татьянѣ Алексѣевнѣ. Домашнія заботы такъ поглотили ихъ, что они едва вспоминали объ удаленныхъ, и уже спустя довольно долгое время узнали, что Герценъ переведенъ во Владиміръ.

Въ «Воспоминаніяхъ» Пассекъ есть нѣсколько страничекъ, написанныхъ ею со словъ Т. А. Астраковой,—слѣд., заслуживающихъ довѣрія. Приведу ихъ съ небольшими купюрами.

«Однажды, весной 1838 года мужъ,—писала Т. А—на,—сказалъ мнѣ, что Александръ сбирается жениться на воспитанницѣ княгини Хованской, Наталіи, о которой я не имѣла и понятія, а 18 апрѣля ночью кто-то постучался къ намъ въ ворота,—дождь лилъ страшный, въ домѣ всѣ уже спали. Братъ моего мужа, спавшій въ мезонинѣ, открылъ окно и спросилъ: «кто стучится?» ему отвѣчали: «поручикъ Богдановъ». Николай, услыхавши это, вскочилъ съ постели, наскоро одѣлся, говоря мнѣ: «это пріѣхалъ Александръ, одѣнься и приходи къ намъ въ кабинетъ». Я слышала отъ Николая, что это—личность чрезвычайно замѣчательная, и интересова-

лась его видѣть. Когда Николай представилъ насъ другъ другу, Александръ какъ-то такъ просто, дружески подалъ мнѣ руку, что съ перваго взгляда привлекъ къ себѣ.

«Я очень радъ,—сказалъ онъ, пожавши мнѣ руку,—счастью Николая и пріѣхалъ сюда просить васъ помочь мнѣ быть такъ же счастливымъ.

«Онъ говорилъ живо, иногда съ чувствомъ, иногда съ юморомъ, и все, что ни говорилъ, было чрезвычайно увлекательно. Между прочимъ, онъ сказалъ, что пріѣхалъ съ тѣмъ, чтобы во что ни стало увезти Наташу, такъ какъ онъ слышалъ, что лѣтомъ ее хотятъ везти въ деревню и тамъ выдать замужъ; слѣдовательно, время дорого и откладывать нельзя.

«— Скажи, пожалуйста,—спросилъ его Николай:—какъ же это ты уѣхалъ изъ Владиміра и прибылъ сюда?

«— Курута, добрѣйшій человѣкъ, и жена его знаютъ о моемъ намѣреніи жениться и готовы помогать мнѣ. А такъ какъ я имѣю право быть возлѣ столицы, только не въѣзжать въ нее, то и попросилъ себѣ отпускъ на Воробьевы горы. Курута догадался, въ чемъ дѣло, улыбнулся, далъ отпускъ и посовѣтовалъ *осторожность*. Я взялъ видъ поручика Богданова и въѣхалъ съ нимъ въ заставу.

«Я ушла спать уже поздно, а Николай съ Александромъ проговорили въ кабинетѣ чуть не всю ночь. Рано утромъ они поѣхали къ Н. И. Сазонову, а отъ него къ Н. Х. Кетчеру и вмѣстѣ съ Кетчеромъ возвратились къ намъ.

«Не смѣшно ли вамъ покажется,—сказалъ Александръ, обращаясь ко мнѣ:—что я, видя васъ въ первый разъ, хочу просить васъ пожертвовать для моего счастья,—конечно, не жизнью, чего не позволилъ бы вамъ вашъ мужъ,—а вашимъ спокойствіемъ? Возьметесь ли вы съѣздить съ порученіемъ къ Наташѣ?

«Николай объяснилъ мнѣ, что я должна была ѣхать къ княгинѣ съ ливрейнымъ лакеемъ (это для шика, говорилъ Кетчеръ), спросить прислугу, уже предупрежденную, о Наташѣ и тогда меня проведутъ прямо къ ней. Наташѣ я должна была сказать, что я близко знакомая ея брата, Алексѣя Александровича Яковлева, который, узнавши, что я ѣду въ Петербургъ, поручилъ мнѣ привезти ее къ нему. Въ случаѣ же, что княгиня не согласится отпустить Наташу со мной на слово, передать ей письмо отъ Алексѣя Александровича, которое мнѣ и вручили. Они разсчитывали, что княгиня, прочитавши это письмо, смѣло и даже дерзко написанное, разсердится и выгонитъ Наташу вонъ, а этого только и желали.

«Выслушавши инструкцію, я отправилась, а они остались ждать результата своей выдумки.

«Мало бывая въ обществѣ, я ѣхала со страхомъ и въ продолженіе пути обдумывала, какъ я явлюсь къ княгинѣ и что буду говорить.

«Только-что я вышла изъ экипажа, какъ слуга торопливо повелъ меня дворомъ на заднее крыльцо, прямо въ дѣвичью; тамъ встрѣтила меня молоденькая дѣвушка и проводила наверхъ къ Наташѣ. Наверху на меня бросилась съ страшнымъ лаемъ собачонка, и изъ-за двери выглянула старуха въ огромномъ чепцѣ. Наташа, увидавши меня, бросилась мнѣ на шею, сказавши «избавительница», и залилась слезами. Я заглядѣлась на ея милое личико, на ея глубокіе глаза и полюбила ее, полюбила навсегда. Ее нельзя было назвать красавицей, въ строгомъ смыслѣ этого слова, но она была до того симпатична, что всѣ увлекались ею. Красота ея заключалась въ выраженіи прекрасныхъ синихъ глазъ и всѣхъ чертъ ея лица.

«Я разсказала Наташѣ, за чѣмъ меня прислалъ къ ней Александръ, отдала ей письмо, объяснила его значеніе. Наташа удивилась и сказала:

«— Какой Александръ чудакъ! да развѣ можно, чтобы княгиня согласилась отпустить меня съ незнакомой дамой?! Письмо же можетъ только повредить мнѣ.

«— Что дѣлать?—спросила я ее.

«Наташа не успѣла еще отвѣтить, какъ вбѣжала дѣвушка и торопливо проговорила:

«— Наталья Александровна, пожалуйте поскорѣй къ княгинѣ.

«— Что-то будетъ!—сказала Наташа:—можетъ, вамъ придется явиться къ княгинѣ. Какъ же быть? я боюсь за васъ.

«— Не бойтесь, идите, я готова на все,—отвѣчала я.

«Когда дверь за Наташей затворилась и я осталась одна въ ея комнатѣ, невольный страхъ охватилъ меня: ну, если Наташу запрутъ внизу, а меня оставятъ тутъ безъ отвѣта, что тогда дѣлать? Минуты казались мнѣ часами. Въ комнату вошла какая-то старушка съ желтыми лентами на чепцѣ (Макашина—*М. Л.*), посмотрѣла на меня, взяла полотенце и вышла. Походивши по комнатѣ, я отворила дверь, собачонка опять съ лаемъ бросилась на меня. На лай вбѣжала дѣвушка.

«— Гдѣ Наталья Александровна?—спросила я.

«— У княгини,—отвѣчала она и ушла.

«Наконецъ, меня пригласили къ ея сіятельству. Сердце у меня сильно дрогнуло. Вхожу въ кабинетъ. Княгиня сидитъ на большомъ креслѣ у окна, передъ столикомъ, въ чепцѣ съ лиловыми лентами. Подлѣ нея стоитъ Наташа блѣдная, какъ полотно. Я поклонилась. Княгиня кивнула мнѣ головой и строгимъ голосомъ спросила:

«— Вы отъ кого?

«Не приглашенная сѣсть, я оглянулась, гдѣ бы усѣсться; но въ комнатѣ не оказалось никакой мебели (послѣ я узнала, что мебель нарочно велѣли вынести), и я осталась передъ княгиней стоя. Это окончательно раздражило меня, и я полунасмѣшливо, полугрубо отвѣчала ей:

«— Я отъ брата Натальи Александровны; Алексѣй Александровичъ просилъ меня привезти ее къ нему въ Петербургъ.

«— Какъ же онъ смѣлъ прислать за нею, не спросясь меня? еще позволю ли я? и съ какой стати вы изволили ко мнѣ пріѣхать?

«— Я и не думала пріѣзжать къ вамъ,—отвѣчала я:—и если бы мнѣ не сказали, что Наталья Александровна у васъ, то и не пришла бы теперь къ вамъ.

«— Это я знаю! И знаю,—едва владѣя собой, возразила княгиня:—что все это штуки того негодяя, ссыльнаго (и еще какъ-то обозвала его), но этого не будетъ, я не отпущу ее!

«— Я васъ и не спрашиваю,—сказала я:—Наталья Александровна въ такомъ возрастѣ, что можетъ сама рѣшить этотъ вопросъ, а до васъ мнѣ нѣтъ никакого дѣла.

«И, обратясь къ Наташѣ, сказала:

«— Что же, ѣдете вы къ брату?

«Наташѣ было не до отвѣта, она дрожала, и лицо ея приняло такое страдальческое выраженіе, что я испугалась, взяла ее за руку и, не глядя на княгиню, вышла съ ней въ залу, гдѣ едва успѣла спросить ее: «какъ же?» а она отвѣтила: «такъ нельзя, будетъ хуже»,—какъ раздался грозный голосъ: «Наташа!»—и она убѣжала.

«Возвратясь домой, я съ жаромъ разсказала все, какъ было, и разбранила всѣхъ, зачѣмъ они все это затѣяли и только надѣлали еще больше горя Наташѣ. Они согласились со мной. Но, несмотря ни на что, Александръ былъ въ восторгѣ и находилъ, что я вела себя отлично.

«— Одно досадно,—прибавилъ онъ:—зачѣмъ вы не увезли Наташу, такъ-таки и увезли бы.

«— Я дивлюсь,—сказалъ Кетчеръ:—не тому, что вы не увезли ее, а какъ не догадалась княгиня велѣть лакеямъ вытолкать васъ за дерзости вонъ. А если бы Наталья Александровна уѣхала: тогда, навѣрно, явились бы здѣсь жандармы, и тогда—увы!

«Александръ расхохотался. Затѣмъ началось совѣщаніе, что дѣлать. Не долго думая, рѣшили Наташу увезти, Александру сейчасъ ѣхать во Владиміръ, просить у Куруты позволенія жениться,

найти священника, который взялся бы ихъ обвѣнчать и, устроивши все, пріѣзжать за Наташей» (т. II, 79—84).

216. [Программа сообщеній для составленія общихъ заключеній о губерніи].

Въ прошломъ листкѣ мы сказали о нашемъ желаніи сообщить гг. членамъ-корреспондентамъ статистическаго комитета въ особенности, а, сверхъ того, и всѣмъ занимающимся статистикой и исторіей Владимірской губерніи, въ чемъ именно просила бы редакція ихъ пособія для составленія общихъ заключеній о нашей губерніи. Приступаемъ къ этому теперь. Съ особенной благодарностью приняла бы редакція всякое свѣдѣніе

1) О бытѣ народномъ.

Крестьяне Владимірской губерніи имѣютъ весьма много особенностей, какъ во внутренней жизни, такъ и въ самыхъ занятіяхъ [1]), а всякая особенность, въ какомъ бы родѣ она ни была, есть драгоцѣнный фактъ, и тѣмъ тщательнѣе должно его записывать, что время мало-по-малу стираетъ эти особенности. Весьма любопытно было бы знать, насколько улучшается хлѣбопашество, обрабатываніе полей, особенно совокупное разсмотрѣніе этихъ улучшеній въ казенныхъ и помѣщичьихъ деревняхъ привело бы къ нѣкоторымъ заключеніямъ; само собой разумѣется, что даже и частныя причины возвышенія или упадка деревень имѣютъ мѣсто. Но тутъ еще не все. Самые праздники и обычаи ведутъ иногда къ историческимъ открытіямъ, это—буквы, изъ которыхъ слагается рѣчь о народномъ бытѣ, и въ этой рѣчи имѣютъ мѣсто и пѣсня, которую поетъ крестьянинъ, и преданіе, которое разсказываетъ старикъ внукамъ своимъ.

Хотя вообще *городскіе* жители не имѣютъ той оригинальности, какъ сельскіе, лѣсами и полями отдѣленные отъ всякаго посторонняго вліянія, но, вѣроятно, среднее состояніе имѣетъ свои отличительныя черты въ каждомъ городѣ; повторяемъ, ничего не должно пропадать изъ быта народнаго. Весьма любопытны историческія свѣдѣнія о началѣ городовъ, объ упадкѣ или улучшеніи ихъ и т. д.

[1]) Не достаточно ли указать на касту иконописцевъ суздальскихъ и на ходебщиковъ Ковровскаго и Вязниковскаго уѣздовъ. *А. И. Г.*

2) Историческіе памятники.

Вся Владимірская губернія есть огромный памятникъ суздальскаго великокняжества и вѣковъ послѣдующихъ. Сколько же должно находиться въ предѣлахъ этой губерніи драгоцѣнныхъ древностей. Владиміръ, Суздаль, Александровъ и другіе города представляютъ обширное поле для историческихъ изслѣдованій. У насъ памятники жизни народной составляютъ церкви и вклады: ясно отсюда, какъ важны свѣдѣнія о началѣ старинныхъ церквей и о вкладахъ. Впрочемъ, историческія свѣдѣнія требуютъ необходимой опоры на ясныхъ и достовѣрныхъ документахъ. Не хранятся ли гдѣ при церквахъ или монастыряхъ рукописи, легенды и тому подобное?

3) Торговля.

Мануфактурная и фабричная дѣятельность губерніи поведетъ къ прямому заключенію о матеріальномъ благосостояніи ея жителей. Всѣ значительные заводы и фабрики имѣютъ право на подробное описаніе; сверхъ того, чрезвычайно важны свѣдѣнія о ремеслахъ, которыми занимаются горожане и крестьяне, о томъ, откуда они берутъ первые матеріалы, куда сбываютъ свои продукты. Самыя грубо выработанныя произведенія иногда занимаютъ столько рукъ и доставляютъ пропитаніе столькимъ семействамъ, что они необходимы для полнаго обзора промышленнаго быта губерніи; сверхъ того, въ немъ имѣетъ значительное мѣсто мелочная торговля, которой развитіе тѣсно соединено съ развитіемъ гражданственности. Въ краяхъ, гдѣ торговля не могла достигнуть постояннаго и обширнаго круга дѣйствія, замѣчательныя ярмарки и торги.

4) Свѣдѣнія физическія.

Опредѣленіе климата губерніи на основаніяхъ, изложенныхъ въ первыхъ листкахъ «Прибавленій», и описаніе почвъ всѣхъ уѣздовъ доставитъ два огромные факта; ежели къ нимъ присоединится возможно полное описаніе горнокаменныхъ породъ, особенно имѣющихъ технологическую пользу, растеній дикорастущихъ и тѣхъ, которымъ въ особенности благопріятствуетъ климатъ Владимірской губерніи [1]), также животныхъ, обитающихъ предѣлы ея, то фи-

[1]) Конечно, всего лучше было бы имѣть полную флору; но, при невозможности, можно ограничиться описаніемъ растеній, употребляющихся на прямую пользу, врачебную или наукъ. *А. И. Г.*

зическое описаніе будетъ полно; особенно, ежели присоединится обзоръ, какими болѣзнями поражаются наиболѣе люди и животныя въ предѣлахъ описываемаго края.

Вотъ на первый случай краткое исчисленіе самонужнѣйшихъ предметовъ для составленія полной и отчетливой топографіи Владимірской губерніи. Но и всякое другое свѣдѣніе, въ какомъ бы родѣ оно ни было, будетъ принято съ благодарностію редакціею.

217. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

23 апрѣля 1838.
Владиміръ.

Наконецъ, Наташа, небо начинаетъ проясниваться, оно устало гнать насъ за то дивное блаженство, которымъ подарило, указавъ намъ другъ на друга. Будь же спокойна, молись, скоро совершится судьба наша,—царственное повелѣніе Бога не останется втуне.

Я до сихъ поръ не знаю, чѣмъ окончилось предложеніе Татьяны Алексѣевны, но по письму папеньки вижу, что послѣдствія не были дурны. Это письмо, посланное черезъ папеньку,—лучшее доказательство. Благодари же за него папеньку, къ нему прибѣгнулъ я и съ другой просьбой, которая давнымъ давно тяготила душу: я просилъ твой портретъ. Вымѣряй же теперь все разстояніе, которое мы прошли съ тѣхъ поръ, какъ я во Владимірѣ, невѣста, ангелъ!

Папенька пишетъ, что скоро будетъ Алексѣй Александр.,—вѣроятно, онъ противодѣйствовать не будетъ, а Левъ Алексѣевичъ уже доказалъ, что страданія наши тронули его. Призваніе наше высоко, мы должны молитвою свести благословеніе неба на родителей, и полной любовью заключить предыдущее, не вовсе свѣтлое. И какъ же наша жизнь будетъ счастлива! Пламеннымъ воображеніемъ поэта искалъ я земныхъ идеаловъ и терялся, когда ты, религіозная и несчастная, явилась предо мною. Вмѣстѣ съ любовью я выучился молитвѣ, такъ, какъ ты отъ молитвы перешла къ любви. И будто кто-нибудь станетъ препятствовать такой любви,—это невозможно. Вѣра въ соединеніе незыблема у меня, она рядомъ съ вѣрой въ тебя составляетъ краеугольный камень бытія. Странно, какъ рѣшились *другіе* явиться съ предложеніями. Что ты для нихъ? хорошенькая собою и только; какъ они не разочли впередъ отказъ? въ то время, какъ для меня ты была исполненіе того огромнаго пророчества *высшаго*, которое томило меня съ 9 лѣтъ, и въ

то время, какъ я явился передъ тобою, какъ вознагражденіе за всѣ страданія. О, ты моя, это я чувствую съ каждымъ дыханіемъ.

Прощай же, милая невѣста, прощай, благослови меня чистою рукою твоей нести еще нашъ крестъ.

Твой навѣки *Александръ.*

23, поздно.

Ангелъ, ангелъ, улеглась ли буря въ твоей душѣ? О, ты, небесная, спокойна; ты опять—одна любовь, одно созерцаніе Бога и меня. Успокоился и я, но все еще кипитъ моя африканская кровь, я вышелъ изъ обыкновенной колеи и не могу втѣснить себя въ старую рамку. Завтра получу важныя извѣстія; неужели вы цѣлымъ синклитомъ не сумѣете взять свидѣтельства? жаль, что отставной поручикъ Богдановъ [1]) не могъ дольше остаться, онъ досталъ бы его. Ахъ, Natalie, скорѣе, скорѣе къ Александру! лети въ его объятія, пей блаженство! я томлюсь безъ тебя, тоска прорывается всюду; Наташа, невѣста, скорѣе же! По теперешнему расположенію нашихъ, я вижу, что они удивятся и простятъ; время—тиранъ ужасный: провожая въ могилу каждый день, я упрекаю его,—ну, что въ этихъ 24 часахъ, а тѣ *минуты*, когда мой влажный взоръ останавливался на твоемъ влажномъ взорѣ.

Иногда середь мечтаній, такихъ близкихъ о будущемъ счастьи, вдругъ прорветъ сомнѣніе,—и кровь остынетъ, и взоръ выражаетъ безуміе. Я тебѣ писалъ какъ-то, что послѣ 3 марта мы можемъ вынести ужасныя несчастія, но не разлуку; я погибну, ежели не удастся соединеніе, я чувствую, что не вынесу: или сумасшествіе спасетъ тѣло на счетъ души, или чахотка спасетъ душу на счетъ тѣла. Лети же, голубица чистая, неси и мирты и оливу въ долго страдавшую грудь! Не откладывай никакъ до іюля безъ необходимости, всего лучше сдѣлай такъ: какъ получишь свидѣтельство, тотчасъ пришли его ко мнѣ и ужъ не жди письма, а жди меня; между тѣмъ, скажи Кетчеру; ежели вы не достанете коляски, я привезу; карета еще лучше, а то *ты заторишь*, я кокетничаю за тебя. Да накупи съ Emilie побольше дамскаго снадобья и, какъ можно лучше, я ей писалъ, что могу прислать денегъ, я люблю comfort. Досадно: хозяйка дома, который я нанялъ, отказала; есть другой, прекрасный, но еще не кончилъ и найму его. Ну, не стыдно ли пап.?! для чего онъ препятствуетъ? какъ бы все хорошо могъ онъ устроить: ты бы пріѣхала съ мам... или съ Праск. Андр. [2]), пріѣ-

[1]) Самъ Герценъ.
[2]) П. А. Эрнъ.

ѣхала бы и Emilie, все спокойно, тихо... Да, вѣнчаться въ 7 часовъ утра, *въ часъ нашей молитвы*, такъ ужъ сказано, и священникъ—поэтъ, который въ восторгѣ отъ твоего Александра. Не дивно ли все это?! А я тебѣ покаюсь, что съ отъѣзда отсюда я не вспомнилъ до сегодняшняго дня часъ молитвы нашей. Фу, какъ бѣдно, блѣдно, недостаточно письмо послѣ взора, поцѣлуя... Наташа, да пріѣзжай же!

25 апрѣля.

Твои *записочки* получилъ. Нѣтъ, я теперь совсѣмъ не такъ спокоенъ, какъ ты. Скажу откровенно: я задавленъ. Всѣ знакомые замѣтили ужасную перемѣну во мнѣ послѣ пріѣзда. Я не могу говорить, не могу скрыть внутреннюю тоску. Теперь я вижу, что правъ былъ, когда говорилъ, что моя любовь должна быть ужасна; да, теперь только она и принимаетъ характеръ ужасный; въ то время, какъ твоя душа плаваетъ спокойно въ океанѣ свѣта, моя, томимая, сожженная, вырывается огнемъ. Наташа, я страдаю съ отъѣзда, *я не могу больше переносить разлуку*. Чувствую, что пылающая душа жжетъ тѣло, я весь боленъ, мнѣ *не хочется* къ тебѣ писать, огонь льется въ жилахъ. Нѣтъ, Наташа, ты не знаешь этой стороны любви, и сохрани тебя Богъ ее знать.

У тебя поднимается рука писать: «ну, такъ послѣ поста». А я смотрю на эти слова,—и слезы, и кровь струится. Зачѣмъ мы видѣлись, послѣ 3 марта, зачѣмъ я цѣловалъ тебя, зачѣмъ рука моя смѣла обвить твой станъ?! Теперь отрѣзана былая жизнь, она невозможна. Не жди больше тѣхъ писемъ, гдѣ широкій восторгъ лился пѣснью. Вдали манилъ призракъ, и мы шли; теперь онъ облекся въ дѣйствительность..... Ты помнишь поцѣлуй прощальный, мой взоръ..... И послѣ опять разлука!? О, ежели такъ, то ты права; 3 марта надобно было умереть. А мы *были веселы*, свидѣвшись. Да неужели ты спокойна? о, тогда я снова преклоню колѣна передъ тобою. Послѣ 3 марта я очистилъ свою жизнь, я былъ поэтъ. Теперь я готовъ судорожно ухватиться за все, я не могу жить, сложа руки, хоть бы меня бросили въ какую-нибудь тюрьму, хоть бы сильная болѣзнь утишила ядовитую боль. Наташа, Наташа, Бога ради, спаси меня, я не могу дольше ждать, пріѣзжай же... не то я буду играть въ карты, пить вино, я съ ума сойду! О, ежели бы ты знала мученья души, огненной огнемъ земли, души недостойной тебя..... Фу! [1]

26.

Цвѣты—опять тоже симпатія. Сейчасъ пріѣхалъ изъ деревни. Прощай, ангелъ,—помни же, что я очень, очень страдаю и торопись сюда.

Твой *Александръ*.

Emilie, да что же вы всѣ ничего не пишете? Пора, пора дѣйствовать!

◆◆ 1. 29 апрѣля Н. А—на отвѣчала:

«Твое письмо, Александръ! *Въ этомъ письмѣ* ты недостоинъ меня. Вотъ мой приговоръ тебѣ. О! Да, мой ангелъ, жизнь моя, все это любовь, любовь,... но гдѣ же вѣра, гдѣ Богъ? Ты спрашиваешь покойна ли я? Да была ли бы я *твоя Наташа*, ежели бы была не покойна? Любовь моя до того сильна и свята, до того безмѣрна, необъятна, что я часто забываю, что ты не подлѣ меня, потому что моя душа въ твоей душѣ, потому что я такъ тѣсно слита съ тобой, что незамѣтна разлука. А ты?... Александръ, послушай: я *скоро* стану съ тобой подъ вѣнецъ, *скоро* Онъ благословитъ насъ еще на всю жизнь, *скоро* ни минуты разлуки,—*будь же достоинъ этого*! Меньше ли я люблю тебя, божество мое, отецъ мой!.. До твоего письма я была покойна, теперь мучаюсь; нѣтъ, ты не любишь меня моей любовью. Не могу теперь оставить перо.—Александръ, я у ногъ твоихъ. Да чего ты хочешь, отчего ты въ такомъ волненіи? Всѣ наши друзья хлопочутъ, стараются, вѣрно, ужь не отнимутъ они у насъ и минуты; какъ только будетъ все готово, я, клянусь тебѣ, ни одного часа мѣшкать не буду; ну, я выпрыгну въ окно, ежели нельзя будетъ итти въ ворота. Да ужъ я не знаю, какъ успокоить тебя. Александръ, ей Богу, я не знаю, что съ тобой. Довольно ли тебѣ: *въ мать мы обвѣнчаны??* На что страхъ, на что сомнѣніе? ни разу въ мою душу сомнѣніе не заглядывало, вотъ ужъ двѣ недѣли *я жду* и не вижу, какъ летитъ время. Господи! Нѣтъ, мой Александръ, ты мучаешь меня» (т. VII Спб. изд., стр. 580—581).

218. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

(27 апрѣля 1838).

Сегодня 27 апрѣля, еще 30 дней остается для соединенія, а все идетъ медленно, почти совсѣмъ не идетъ. Послѣ 27 мая падетъ черная завѣса [1]) на цѣлый мѣсяцъ, предупредимъ же ее. Буду искать средства обойтиться безъ свидѣтельства. 30 дней... издали кажется много, очень много времени, а вдругъ опомнишься и увидишь, что едва остается нѣсколько дней. Это одна изъ главныхъ сторонъ моего огненнаго характера, что я не могу возвращаться къ про-

[1]) Петровскій постъ.

шедшему. «Впередъ!» кричитъ голосъ сильный, и я мчусь. Итакъ, перстъ Божій указалъ намъ май, будь же готова исполнить волю Его. Я страданіями, ты молитвой, и оба, любовью очищенные, святые станемъ передъ алтаремъ.

Нынче я утомленъ, усталъ за всѣ прошлые дни, думать я давно не могу, но теперь и чувствовать ясно не могу. Я похожъ на человѣка, который при кораблекрушеніи вскочилъ на бревно, пытался дать ему направленіе къ берегу, но волна не слушается, и вотъ, отдавъ попеченіе Богу, человѣкъ засыпаетъ душою, смотритъ на огромное море и не понимаетъ ни спасенія, ни гибели, потому что своими силами ужь онъ не можетъ ускорить ни того, ни другого. Завтра получу письма, авось, что-нибудь узнаю. Да, Наташа, прежде нежели ты исполнишь, напиши мнѣ весь планъ и жди отвѣта; я боюсь твоей неосторожности; всего лучше мнѣ самому пріѣхать за тобою, *только чтобъ все готово было*. Я писалъ къ Ал. Ал., но, признаюсь, сдѣлалъ это, исполняя твою волю à contre coeur [1]). Холодная душа, эгоистъ въ высшей степени. Когда я, школьникъ, цѣнилъ одинъ умъ, я любилъ его, и онъ, кажется, любилъ (не меня, а мои таланты), но теперь между мною и имъ нѣтъ перехода. Онъ *хуже* ихъ: они дѣлаютъ глупости, какъ угорѣлыя кошки, отъ дыма предразсудковъ, онъ, по тонкому расчету, по теоріи, дурной человѣкъ. Мнѣ очень непріятно будетъ, ежели ты переѣдешь къ нему; онъ ведетъ такой образъ жизни, какого бы я не желалъ ставить передъ твоими глазами. Ежели судьба будетъ такъ жестока, что въ маѣ ты не пріѣдешь сюда, а пробудешь весь іюнь у Ал. Ал., то прошу тебя, будь, какъ можно, дальше отъ него. Даже нѣтъ нужды скрывать холодности. Всего же лучше просись въ Перхушково, тамъ есть церковь, тамъ могу я быть смѣло. Впрочемъ, я тогда напишу ему письмо *повыразительнѣе* перваго. Олимп. Макс. [2])—добрая женщина, сколько я знаю, но безъ характера. Говорятъ въ защиту Ал. Ал., что гоненія отца сдѣлали его такимъ, а зачѣмъ же его душа сломилась отъ этихъ гоненій? Нѣтъ, весь корень зла—воспитаніе въ грубыхъ правилахъ философіи прошлаго столѣтія, въ матеріализмѣ и невѣріи. Насъ, живыхъ людей, и худшія гоненія не сломили.

Четвергъ, 28.

Ангелъ мой, Наташа, что же время разучилось ходить? стоитъ на одномъ мѣстѣ и давитъ ногою въ грудь. Ежели мы въ маѣ не успѣемъ ничего сдѣлать, что будетъ со мною въ іюнѣ? О, тогда

[1]) Скрѣпя сердце.
[2]) Жена отца Н. А—ны, мать «химика».

пусть небо броситъ камнемъ въ меня, пусть дохнетъ ядомъ, чтобъ я пролежалъ больной въ постели, очень больной, въ бреду. Знаешь ли, какъ физическія боли врачуютъ душу: сперва страданія, потомъ весь ослабѣешь, потомъ выздоровленіе и первая прогулка и встрѣча съ былою жизнью. Какъ я былъ покоенъ, когда въ Вяткѣ расшибъ себѣ голову; я безпрестанно спалъ, даже боли не чувствовалъ, потому что мочили опіумомъ. Опіумъ, опіумъ—вотъ дивное вещество, это ужъ не вино европейцевъ, это—чародѣйная сила Востока, полная его нѣги и поэзіи, это—весенній воздухъ для чахоточнаго, который разомъ льетъ наслажденіе и отраву. Давно хочется мнѣ попробовать; тогда было смутно, неясно, надо попробовать здоровому.

Читала ли ты книгу, которую я оставилъ? Смотри, когда поѣдешь, не забудь ее, она одна и черная и бѣлая [1]). Саз. и Кет. въ восхищеньи, особенно отъ вакханаліи [2]). Да что ты теперь такъ трусишь? требуй себѣ права писать, особенно, ежели пап. пришлетъ записку.

Прежде я носилъ браслетъ рѣдко, теперь я не могу минуты пробыть безъ него, это—мой талисманъ, онъ живъ до сихъ поръ, *твой локонъ!* Иногда въ грустную минуту долго смотрю на него и на твое имя, и голосъ съ неба раздается: «Не грусти; она, прелестная, великая, святая, она твоя, эта Natalie», и я бѣшено цѣлую браслетъ и ленту (не черную, а голубую). Утромъ, когда проснусь, я ищу молитву и твой браслетъ, онъ—святой антиминсъ моей молитвы. Наташа! милый другъ, пожалѣй Александра и прилети къ нему, не могу дольше быть безъ тебя. Наташа, Наташа, Бога ради, сюда, сюда..... изъ состраданья, изъ любви! Обстоятельства склонятся сами и легче, нежели мы думаемъ.

Пятница.

Это письмо доставитъ Матвѣй, т. е. настоящій. Наташа, *рѣшено*, все готово, собирайся. Я жду во Владимірѣ; завтра Матвѣй ѣдетъ къ тебѣ; можетъ, въ четвергъ... пусть договоритъ твое сердце.

Твой *Александръ*.

Возьми же сестру Emilie.

Нѣтъ, не совсѣмъ рѣшено. Я въ претензіи на всѣхъ нашихъ. Какъ не умѣть достать свидѣтельства изъ церкви, гдѣ тебя крестили?! Я просилъ архіерея; онъ сказалъ, что или вѣнчаться тайно [3])

[1]) Толстая тетрадь, въ которой были написаны нѣкоторыя изъ не дошедшихъ до насъ сочиненій Герцена.

[2]) См. № 212.

[3]) Не докончено.

Къ Emilie.

Теперь все будущее, все счастье я отдалъ въ руки друзей, больше всего въ твои руки, Emilie; здѣсь все готово, надобно украсть Natalie — и тогда кончено. Я остался нарочно во Владимірѣ, чтобъ не подать подозрѣнія. Вотъ мои совѣты. Всего лучше увезти въ началѣ ночи и тотчасъ въ коляску, ибо 12 часовъ пройдутъ прежде, нежели они успѣютъ что-либо предпринять. Здѣсь до вѣнчанья надобно, чтобъ прошло только часа два; я назначаю пріѣхать сюда въ 4 часа утра (полагая, что выѣдете въ 2,—это 26 часовъ), денегъ на водку не жалѣйте.

Уложи всѣ пожитки и все вручи Матвѣю; ежели нужны деньги, онъ можетъ достать, сколько хочешь. Пріѣзжайте только въ такой день, въ который вѣнчаютъ. Хотя я и сладилъ безъ метрическаго свидѣтельства, но это плохо; ежели можно достать изъ церкви, гдѣ Наташу крестили, достаньте. Ну, впрочемъ, полагаюсь на Бога и на васъ.

А каково будетъ мнѣ ждать нѣсколько дней!..

(Погоди,—новыя бѣды, читай писанное къ Natalie).

Къ Natalie.

Поздно вечеромъ.

Natalie, мое положеніе ужасно; все, казалось, было готово, губернаторъ подписалъ, вдругъ отъ свящ. рѣшительный отказъ: нѣтъ доказательства о твоемъ совершеннолѣтіи.

Нѣтъ, довольно страданій, не могу больше, вся моя чугунная твердость раздробилась, я гибну безъ тебя, гибну, гибну..... Ты говорила мнѣ: «Спаси меня», теперь я тебѣ и Богу говорю: «Спасите меня»... Grâce, grâce! [1]). Я уже одной ногой былъ въ повозкѣ, чтобъ скакать въ Москву, но tant va la cruche à l'eau qu'à la fin elle se casse... [2]) слишкомъ часто.

Фу, какая буря мятется въ душѣ, и какъ больно, больно... Я схватилъ бутылку вина и выпилъ ее заразъ,—этого я давно не дѣлалъ. А, вѣдь, я счастливъ, очень счастливъ: меня любитъ она, она святая недосягаемая, что же было бы, ежели-бъ она не любила? Ха-ха-ха... Будто Natalie могла жить, не любивши меня?! это nonsens, это нелѣпость.

Но кончите же, Бога ради, Бога ради, кончите! Пріѣзжай на *авось*, *авось* либо, сладимъ. Странно, безумно,—ну, слушай, ежели

[1]) Помилуй, помилуй!

[2]) Повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить.

не сладимъ, ты, мой ангелъ, тверда... есть средство, данное Богомъ людямъ, которымъ скучно по небу: acidum hydrocyanicum [1]); выпьемъ вмѣстѣ... ты слабже, ты выпьешь меньше, и тогда въ одинъ мигъ—къ Богу Отцу.

Суббота, вечеръ.

Бога ради, свидѣтельство отъ того свящ., который крестилъ, и съ Богомъ тогда во Владиміръ. Все готово!..

Ангелъ мой!

219. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Ночь на первое мая (1838).

Итакъ, ужасный, огромный шагъ совершился! Матвѣй скачетъ теперь, и черезъ сутки все начнетъ дѣйствовать. О, если-бъ ты меня могла видѣть теперь! Дивная, святая! да, тогда бы узнала не любовь мою,—ее ты знаешь, а бѣшенство моего характера. Я страшенъ теперь, я на шагъ отъ всякаго злодѣйства, — и боленъ, боленъ тѣломъ, дрожу отъ холода, а въ головѣ жаръ, огонь.

Повторю въ послѣдній разъ мою первую фразу: «Голубь привязанъ къ ракетѣ»,—но ты не боялась и тогда.

Измученный мечтами, страхомъ, бросаюсь я на постель, на минуту засыпаю и просыпаюсь въ ужасѣ, въ оцѣпенѣніи. Ну, если ты пріѣдешь и найдутъ препятствія?! Горе, горе мнѣ тогда.

Великій Боже, вотъ моя жизнь,—возьми ее; вотъ мое тѣло,—пусть оно сломится подъ крестомъ, но да не падетъ пылинка на нее! Прощай, лягу; ежели это долго еще продолжится, не знаю, что будетъ со мною. Ангелъ Наташа, ангелъ Наташа!

1-е мая. Поздно.

Ну, поздравь меня, я вылѣчился: разумѣется чѣмъ—письмомъ твоимъ. Съ каждой строкой воскресала душа, и оправилась, и отряхнулась при послѣднихъ строкахъ, и возлетѣла къ небу. Итакъ, ты, ангелъ, теперь видишь сама, что ты выше меня. Однако, скажу откровенно, мнѣ больно было читать: «Я буду бояться приблизиться къ тебѣ». Наташа, у тебя есть еще за Александромъ небо, я *всю* жизнь перенесъ въ тебя, я безъ боязни иду въ вѣчную муку, лишь бы ты была моя. Я-ль виноватъ, что въ моихъ жилахъ льется огонь? Пусть Матвѣй тебѣ скажетъ, что было со мною, когда свящ.

[1]) Синильная кислота.

отказался. Ты въ своей тюрьмѣ ждешь окончанія, а *мы* придвигаемъ его, оттого ты и можешь быть покойна, а тутъ цѣлый день борьба съ людьми, переговоры: и мечты почернѣютъ, и сонъ ночью бѣжитъ отъ глазъ, и грудь болитъ физически.

Свящ. сказалъ: «итакъ, въ пятницу, въ 7 утра»,—а теперь воскресенье. Не могу обнять этой близкой мечты; нѣтъ, она не по груди моей..... Ну, спи съ Богомъ. Матвѣй теперь дѣйствуетъ. Ты хвалишь друзей, да что же толку, что они дѣйствуютъ? дѣйствуютъ и все не такъ, какъ слѣдуетъ: свидѣтельство и деньги,—только и было нужно.

3 мая.

Смутно. Я смотрю на все глазами человѣка, котораго разбудили. Сегодня вторникъ—еще страшнѣе. Есть слухъ, будто насъ простили,—это было бы не вовсе умѣстно. Еще разъ возвращаюсь къ тому, что ты испугалась бѣшенаго языка моего. Зачѣмъ же не вѣрила ты, когда я тебѣ говорилъ, что ты мнѣ много придала своего, идеальнаго? зачѣмъ не вѣрила ты въ клокочущую грудь, въ мои необузданныя страсти? Душа моя, какъ порохъ: попала искра, и она разорветъ все, что̀ около.

Я нашелъ тебѣ домъ, гдѣ ты можешь провести нѣсколько часовъ или даже день до вѣнчанья и гдѣ тебя не найдутъ, ежели бы послали эстафету. Получилъ отъ Астрак. письмо,—и въ самомъ дѣлѣ, они все дѣлаютъ, а я, вмѣсто благодарности, бранюсь.—Главное необъятно. Почти невозможно, чтобъ май прошелъ, не приведя соединенія. О, время вятской жизни, потускло ты, ты заплачено 3 марта, а 17 апрѣля и 18 были началомъ новаго фазиса жизни. Промежутокъ—молитва.

Одинъ человѣкъ здѣсь и есть, который отчасти близокъ душѣ, это—мой шаферъ, Богдановъ. Помощники есть, но... но ничего про нихъ не скажу. Тебѣ хочется знать второй подарокъ,—пріѣзжай, увидишь.

4 мая, среда.

Можетъ, нынче!.. Ужь довольно того, что есть возможность думать, что—можетъ. Мое опьяненіе продолжается; не могу ясно и чисто связать двѣ мысли. Ты очень хорошо выразилась, сказавши: «какъ приговоренная къ смерти»,—да, я думаю, *физически* душа точно въ томъ положеніи. Но не брани же меня, *смирись* и ты въ свою очередь; ежели Богъ тебѣ далъ вѣры больше, то все любовь равна; съ разницею лазореваго цвѣта и пурпуроваго, оба они хороши въ радугѣ Господней,—зачѣмъ же ты меня бранишь за любовь къ тебѣ?! О, она необъятна, моя любовь, и точно: обыкно-

венной женщинѣ должно бѣжать такой любви, а ты—созданная для меня, умѣвшая въ себѣ сосредоточить всѣ лучи моей экспансивной души. Наташа, будто это возможно: черезъ недѣлю, а можетъ, черезъ день... О!—когда мы останемся одни, тогда бросимся на колѣна и поблагодаримъ Бога... Душа моя, а какъ непріятно вести переговоры съ попами... Фу!.. Зато у архіерея я былъ хорошъ: я не просилъ, я далъ волю языку и пламенно, бѣшено требовалъ; онъ обѣщалъ *не* препятствовать и прибавилъ: «Вотъ огонь-то,—и ссылка и тюрьма не вылѣчила его». Да, я требую тебя, какъ своей собственности..... А все не могу послѣдовательно писать.

Квартира по необходимости осталась та же. Возлѣ почты бубенчики и колокольчики всегда волновали меня, а теперь всякій разъ кровь бросается въ голову.

Среда, четвертый часъ передъ обѣдомъ.

Послушай, другъ мой, что со мною было сейчасъ. Сижу у стола и ничего не дѣлаю (я читать не могу). Безпрерывно мчатся дорожные. Вдругъ ѣдетъ колясочка въ четыре лошади. Когда я взглянулъ, она остановилась у самыхъ моихъ оконъ; кто сидитъ—не видно, и только часть дамскаго плаща... Первое движеніе мое было броситься внизъ, но я не могъ: холодъ пробѣжалъ по всему тѣлу, до сихъ поръ сердце бьется, и руки дрожатъ. Кто-то эта дама?—ей, чай, и во снѣ не грезилось взволновать меня прибытіемъ во Владиміръ...

220. Письмо къ Н. А. Захарьиной.

Мая 5-е, четвергъ, 11 часовъ утра. 1838.

Обо мнѣ, какъ о больномъ, надобно писать каждые два-три часа бюллетени. То улыбка, то слеза, то потъ холодный и ужасъ, то надежда, вѣра, то сомнѣніе винтитъ душу...

6, пятница.

Вчера маленькая записочка отъ тебя; кажется, я спокойнѣе сегодня. Но зачѣмъ же ты въ запискѣ не пишешь, ѣдешь или нѣтъ теперь, впередъ ли посылается Матвѣй или нѣтъ. Твоя вѣра велика, Наташа, но взгляни же теперь на всю необъятность моей любви, и опять повторяю: не брани. Было время, ты со скорбью, съ отчаяніемъ писала ко мнѣ, когда я сидѣлъ въ Крут., и я былъ

покоенъ, я утѣшалъ тебя. Вспомни, что и въ вятской жизни я умѣлъ переносить отказы и «мытарства», что вырвется грустный звукъ и покроется свѣтлой пѣснью любви. Минуты черныя происходили отъ угрызеній, это—дѣло другое. Я знаю, что я твердъ, что могу много вынести, но... мое настоящее положеніе раскрыло разомъ и всѣ надежды и всѣ раны, кровь струится отовсюду, и благословеніе Бога тускнѣетъ мѣстами отъ проклятія толпы. Счастливая! ты не знаешь всего, что могутъ сдѣлать противъ насъ; ангелъ, ты не можешь постигнуть всѣхъ гнусностей людскихъ. А я, выпившій до дна чашу жизни, жившій 3 года съ толпою, въ толпѣ,—я знаю. Толпа, имѣвшая силу распять Христа, продать его—сильна! А мы сильны любовью, смѣлостью, но зато слабы матеріально. Вотъ тебѣ доказательства. Полтора мѣсяца неусыпныхъ трудовъ, всякаго рода пожертвованій едва учредили положительную возможность вѣнчаться, и вся эта возможность рухнетъ, ежели успѣютъ предупредить архіерея. Конечно, есть тѣнь вѣроятія, что я склоню его на свою сторону, но вѣрно ли это? Малѣйшая злонамѣренность можетъ все остановить, но, однако, тутъ я испыталъ, какую власть имѣетъ человѣкъ не изъ толпы надъ людьми. Когда я разскажу подробности, ты увидишь, могъ ли бы другой такъ склонить.—Оно страшнѣе теперь потому, что ближе, но я спокойнѣе; теперь остается двадцать дней.—У меня одна молитва, лишь бы все оборвалось на моей головѣ, и это не для тебя я желаю, а для себя: мнѣ легко страдать и думать, что страдаю за Наташу, но пылинка на тебя,—и я руками готовъ изорвать свою грудь, и черная волна отчаянія захлестнетъ душу.

Деньги изъ Вятки еще получилъ, покамѣстъ довольно.[1] Ну, прощай, писать неловко, пора *говорить*. Милый, милый ангелъ, моя дѣва, моя обѣтованная!

О, Наташа, какъ ты счастлива: быть такъ любимой, знать это! Нѣтъ, съ гордостью говорю,—тебя жалѣть *не надобно*.

Конецъ перепискѣ.

◆◆ 1. Какъ видно будетъ дальше изъ словъ самого Герцена (см. № 224), онъ занялъ деньги у своего вятскаго пріятеля, К. В. Бѣляева, который охотно помогъ, зная, что иначе достать было трудно.

221. Письмо къ А. Л. Витбергу.

11 мая 1838.
Владиміръ.

Александръ Лаврентьевичъ, не ждите ни разсказа, ни отчета, ничего; довольно, ежели скажу, что 9-го мая я вѣнчался во Владимірѣ. Слишкомъ свѣтло, слишкомъ свято, чтобъ переносить на бумагу. Наконецъ, гармонія замѣнитъ судорожное развитіе. Какъ и что̀,—напишу послѣ, гораздо послѣ... Довольно—я ее увезъ, прямо въ церковь и, съ благословенія архіерея, съ соблюденіемъ всѣхъ формъ обвѣнчался. Счастливъ ли я? ну, тутъ нечего говорить, пусть скажетъ это M-me Herzen сама.

Поручаю aux bonnes grâces вашихъ *мою жену*. Прощайте.

По вашему наставленію, Наташино кольцо серебряное. *Александръ* [1]).

Сообщите всѣмъ любящимъ и помнящимъ меня о 9-мъ мая. Всѣмъ, всѣмъ. *Александръ.*

222. Письмо къ А. Л. Витбергу.

(Май 1838).

Вамъ, вѣрно, будетъ очень пріятно узнать, Александръ Лаврентьевичъ, какъ высокія души симпатизируютъ. Василій Андреевичъ Жуковскій не забылъ встрѣчи съ вами; онъ говоритъ въ Москвѣ вездѣ, что жалѣетъ, зачѣмъ храмъ будетъ не вашъ, предлагалъ даже спросить вашего мнѣнія о новомъ проектѣ и вообще отзывался, какъ поэтъ Жуковскій.

Что касается до моего дѣла,—болѣе перевода во Владиміръ ничего нельзя было сдѣлать. Государь сказалъ: «Я для нихъ назначилъ срокъ». Но теперь что̀ же мнѣ Владиміръ? уголъ рая, и ежели человѣку надобна земная опора, не все ли равно, гдѣ она—на Клязьмѣ или на Эльбѣ. Я до того счастливъ, что мнѣ иногда становится страшно. За что же провидѣніе меня такъ наградило? Неужели за мои мелкія страданія? Въ самомъ дѣлѣ, какъ необъятно наше блаженство,—даже всѣ эти непреоборимыя препятствія исчезли, растаяли отъ чистаго огня любви чистой. Папенька и Левъ Але-

[1]) Дальше идетъ приписка Н. А—ны.

ксѣевичъ съ первой же почтой писали миръ и поздравленіе, и хотя, кажется, папенька хочетъ немножко меня потѣснить матеріальными средствами, но это—больше отцовское наказаніе, временное, нежели сердце. Еще разъ прощайте. Цѣлую и обнимаю васъ.

223. Письмо къ А. Г. Кліентовой.

21 мая 1838.
Владиміръ.

Помилуйте, Александра Григорьевна, да что я за цѣпная собака, что вы боитесь меня; нѣтъ, Александръ Наташинъ не страшенъ для той, которая такъ пламенно ее любила; и какъ же вамъ бояться моего суда, суда земного человѣка, когда вы не боялись приблизиться къ ней, къ ангелу небесному?

Ну, дайте же ручку и прощайте, а, вѣдь, я право не кусаюсь.

А. Герценъ.

224. Письмо къ А. Л. Витбергу.

3 іюня 1838.
Владиміръ.

Съ искреннимъ и живымъ восторгомъ прочли мы, почтеннѣйшій, любезнѣйшій Александръ Лаврентьевичъ, ваше письмо отъ 24-го. И вы не хотѣли тогда дать мнѣ поцѣловать вашу руку!— я цѣлую ее теперь. О, я умѣю чувствовать эту струю теплоты, умѣю понимать слова съ устъ вашихъ!

Вы—ближайшій мнѣ родственникъ. Боже мой, какъ я богатъ, какъ счастливъ: и любовь, и симпатія вѣнчаютъ меня!... Дайте остановиться, волнуется сердце. О, какъ бы я прижалъ васъ къ груди моей, какъ пролилъ бы вмѣстѣ слезу! Вѣдь, тогда, въ 1835 г. я слабый, не окрѣпнувшій, увлеченный, въ вашемъ объятіи нашелъ опору отца, я былъ еще не устроенъ, а теперь этотъ юноша, этотъ сынъ... нѣтъ, нѣтъ, не словомъ, не звуками, а слезой и взоромъ я бы сказалъ вамъ, что̀ я теперь.

Какъ было, какія послѣдствія—вотъ нѣсколько словъ, но ужъ *лично* подробности; *я вѣрю*, что мнѣ еще суждено видѣть *семью родныхъ*. Папенька объявилъ полное прощеніе, амнистію и въ доказательство приложилъ государственными ассигнаціями; первое я сохранилъ навѣки въ сердцѣ, второе—на два дня въ шка-

тулкѣ. Теперь исторія. Я прискакалъ за Наташей, взялъ ее въ коляску въ чужомъ платкѣ, въ чужомъ салопѣ 8-го мая, въ обѣдъ и поскакалъ назадъ. Тутъ все было готово. Смутно было по дорогѣ: и опасенія, и необъятность счастья, словомъ, ни я, ни она не поняли, что мы ѣдемъ вмѣстѣ. Минутно вспыхивала душа, но постоянно была оглушена счастьемъ. Ночью мы проѣзжали маленькій городокъ; было темно, городъ спалъ, но въ часовнѣ теплилась лампада, а свѣтъ ея, обращенный туда, къ Дѣвѣ чистѣйшей, затрепеталъ на лицѣ моей Наталіи... Тутъ я проснулся, сказалъ ей: «молись» и самъ молился; потомъ опять дорога, хлопоты, «пожалуйте на водку» и т. д. Въ пять часовъ, послѣ обѣда мы пріѣхали. Все было готово, но что всего лучше,—и души наши изготовились. Когда я подалъ руку ей, чтобъ вести въ церковь, тогда душа полнымъ размахомъ взлетѣла. О, тогда мы были изящны, а пышное солнце на закатѣ насъ освѣщало, провожало! Въ церкви почти никого не было; рука-объ-руку взошелъ я съ нею. Вы знаете, что я уже понимаю теперь важность таинства, что я понялъ «любите другъ друга, зане повелѣваетъ Богъ». О, это было торжественно и величественно! И священникъ дивный... ну, все, все, даже «многая лѣта» на концѣ гремѣло торжественнѣе обыкновеннаго. Нѣсколько дней послѣ мы дивились другъ на друга, какъ это случилось, спрашивали другъ друга, а когда настало гармоническое, спокойное чувство, когда мы развернули наши письма, когда вмѣстѣ стали читать отрывки этой поэмы, которая поднимала насъ къ небу, и потомъ бросились другъ другу на шею,—ну, опять граница. Языкъ малъ, бѣденъ, недостаточенъ (и притомъ говорю я, а вы знаете мою способность *языческую*). И какъ для меня ново это гармоническое бытіе послѣ судорожной юности; я чувствую, что становлюсь сильнѣе—да, имѣя такой залогъ отъ Бога. Однако, пора изъ вашего кабинета итти, прощайте... Да я не со двора, а въ ту комнату, т. е. къ Авдотьѣ Викторовнѣ.

Да, сестра, ангела, ангела дивнаго послало мнѣ небо. Ежели ему довольно любви пламенной, безпредѣльной, любви души широкой, ежели достаточно, то эта душа, алкавшая и славы, и шума, и поприща, и власти, вмѣсто всего смиренно обратилась къ подножію его, то она счастлива. А вы знаете любовь ея ко мнѣ...

Вѣрите ли, что я далъ бы теперь половину, что̀ у меня есть, чтобъ провести недѣлю съ Наташей въ дальней, холодной Вяткѣ. Богу угодно было соединить, переплесть жизнь Витберговъ съ жизнью Герценыхъ [1]). Да исполнится воля Его.

[1]) Возможно, что написано именно такъ: Герценъ иногда образовывалъ такъ множественное число своей фамиліи.

Ну, позвольте теперь поговорить о вздорѣ,—неизлѣчимъ, грѣшный человѣкъ: ну, представьте вы себѣ меня женатымъ, комфортабельнымъ человѣкомъ; воля ваша, а это смѣшно. Ну, мы сущія дѣти, маленькія дѣти, и я и Natalie шалимъ, учимся. Впрочемъ, по хозяйственному отношенію, я занимаюсь много, а именно съ султанскою настойчивостью требую, чтобы madame-дитя ходила *затянутая* и одѣтая, car tel est le bon plaisir de monsieur-дитя [1]).

А получили ли вы канву? я съ тѣхъ поръ, какъ женатъ, сдѣлался вотъ какъ аккуратенъ [2]). А на душѣ свѣтло, свѣтло!

Гдѣ Вѣра Александровна, меньшая сестра, въ саду или дорисовываетъ розанъ, начатый лѣта 1673,—ну, тотъ, что́ Александръ Лаврентьевичъ смылъ? Все равно, гдѣ бы она ни была, она мнѣ дастъ руку, а я ее сожму крѣпко, отъ души...

Черезъ мѣсяцъ ваше рожденье,—поздравляю. Какой дивный былъ вечеръ въ 1836 году—помните?

PS. Да, я забылъ, было: 1) бракъ былъ съ благословенія архіерея, 2) всѣ денежныя издержки фурнированы были благороднымъ Косьмой Васильевичемъ *Бѣляевымъ*; мнѣ пріятно упомянуть объ этомъ, тѣмъ болѣе, что все это требовало довольно значительной суммы.

PS. А ужъ княгиня М. А. бѣсится! А Голохвастовъ все скачетъ по Москвѣ и судитъ; говорятъ, отъ него въ Москвѣ проѣзда нѣтъ.

225. Письмо къ А. Л. Витбергу.

14 іюля 1838.
Владиміръ.

Почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ! Васъ удивятъ приложенные 1.000 рублей; итакъ, съ нихъ начну рѣчь. Вамъ деньги нужны,—вотъ 1.000 рублей; когда будутъ не нужны, вы ихъ пришлете—и дѣло съ концомъ. Деньги эти не мои; онѣ принадлежатъ одному человѣку, душою преданному вамъ и который, имѣя деньги въ рукахъ, могъ, нисколько не стѣсняя себя, дать взаймы 1.000 рублей.

[1]) Потому что таково удовольствіе господина.

[2]) Въ подлинникѣ, по словамъ Пассекъ, здѣсь чернильное пятно, и подлѣ него написано: «Извините. Lagus proponticus» Герценъ хотѣлъ, вѣроятно, сказать «Черное море», но вышло нѣчто другое: Озеро (предполагая, что lagus—описка, вмѣсто lacus) Пропонтидское (нынѣшнее Мраморное море).

Для васъ все это загадка, и вы ее не отгадаете, только вѣрьте, что мое—только трудъ и больше ничего. Ежели вы откажетесь отъ нихъ, вы оскорбите меня самымъ горькимъ образомъ, и развѣ возможно христіанину отвергнуть руку брата?..

Читали ли вы рѣчь Филарета при перенесеніи закладки храма? Ну, человѣкъ, нечего сказать, великій! («Московскія Вѣдомости» за 1838 г. іюля 2-го № 53).[1]

Ну, что я вамъ скажу о себѣ? Счастливъ, сколько можетъ человѣкъ быть счастливъ на землѣ, сколько можетъ быть счастливъ человѣкъ, имѣющій душу, раскрытую и свѣтлому и высокому, и симпатичную къ страданію другихъ.

Наташа—поэтъ безумный, неземной, въ ней все необыкновенно: она дика, боится толпы, но со мною высока и изящна. Кстати, я хотѣлъ вамъ написать: она, тоже какъ вы, не любитъ смѣхъ, никогда не произноситъ напрасно имя Бога и не любитъ Гогартовыхъ карикатуръ [1]). Это напомнитъ вамъ нашу жизнь совокупную. А я думаю, подчасъ вамъ сладко вспомнить мрачные 1836 и 1837 годы: и въ дальней Вяткѣ вы нашли человѣка, душевно преданнаго, съ пламенной любовью къ вамъ.

Я воображаю, что въ Вяткѣ скука ужасная.

Что̀ новый губернаторъ? что Величко [2]), съ которымъ, мнѣ казалось, я былъ довольно знакомъ? Разумѣется, что здѣсь лучше жить: здѣсь Европа (вчернѣ) и зато европейская дороговизна. Прощайте, душой любящій васъ *А. Г.*

◆◆ 1. Московскій митрополитъ Филаретъ не постѣснился бросить камнемъ въ беззащитнаго Витберга, произнося 20 іюня свое слово при перенесеніи предметовъ прежней закладки храма Христа Спасителя для приготовленія закладки его на новомъ мѣстѣ: «Богъ низлагаетъ гордость нечестивыхъ, разрушая созданія ихъ безъ надежды возстановленія; Богъ смиряетъ и усовершаетъ благочестивыхъ, приводя благія ихъ намѣренія къ исполненію не тѣми путями, которые предначерталъ самомудрствующій человѣческій разумъ». Москва поняла, въ кого были брошены эти жестокія слова.

---

[1]) Вильямъ Гогартъ—англійскій художникъ. Смыслъ шире: Н. А—на вообще не любила ироніи.

[2]) ?

226. Письмо къ А. Л. Витбергу.

10 августа 1838.
Владиміръ.

Часа два тому назадъ пріѣхалъ я во Владиміръ изъ деревни [1]) и, нашедши письмо ваше, тотчасъ принялся отвѣчать вамъ. Мнѣ было необходимо писать къ вамъ, сообщить толпу думъ и чувствъ, наполнявшихъ меня на мѣстѣ, святомъ для насъ. Путь мой лежалъ около Москвы, онъ меня привелъ на Воробьевы горы. Душа стѣснилась, когда я издали увидѣлъ лѣстницу. Тутъ я—ребенокъ—въ какомъ-то восторгѣ понялъ высокую душу Ника, тутъ заходящее солнце благословило нашу дружбу; съ тѣхъ поръ Воробьевы горы для насъ святыня. Потомъ я узналъ васъ, мы сдвинулись, и снова Воробьевы горы стали святы. И вотъ этотъ двукраты святой холмъ явился, но не тѣмъ торжественнымъ, какъ прежде; дождь лился, сырой вѣтеръ дулъ. Я велѣлъ ямщику остановиться и пошелъ съ Наташей по ужасной грязи на мѣсто закладки. Мѣсто закладки, какъ открытая могила, приводило въ трепетъ; камни разбросаны... я прислонился къ барьеру, смотрѣлъ вдаль: одна сѣрая масса паровъ и больше ничего. Я думалъ о дальнемъ другѣ, о братѣ Николаѣ, и слеза наливалась на глаза мои и ея, я думалъ потомъ объ васъ: вотъ на этомъ мѣстѣ, можетъ, стояли вы съ широкой думой, и опять слеза навернулась. Мы молились объ васъ. А сырой вѣтеръ вылъ, растрепывалъ деревья, было страшно; я взялъ два камешка—ихъ сохраню въ память торжественной минуты. Когда я ѣхалъ обратно, была ночь, и Воробьевы горы едва виднѣлись. Итакъ, палъ туманъ на нихъ, онѣ подернулись флеромъ, крепомъ.

Послѣ четырехъ лѣтъ я увидѣлся въ деревнѣ со всѣми своими. У насъ совершенный миръ.[1]

Вы ошиблись, думая, что присланныя деньги Наташины. Повторяю вамъ: онѣ принадлежатъ человѣку, благородному душою, но который не желаетъ, чтобъ вы знали, кто онъ.

Въ газетахъ помѣщена новая рѣчь Филарета. Вашъ *Александръ.*

◆◆ 1. Свиданіе съ отцомъ состоялось по его желанію, когда онъ сложилъ на милость гнѣвъ за самовольный бракъ сына. Покровское въ 50 верстахъ отъ Москвы; Курута разрѣшилъ Герцену

[1]) С. Покровское.

съѣздить туда, взявъ съ него слово, что въ Москву не заѣдетъ. «Насколько помню,—говоритъ М. К. Рейхель,—молодые пробыли у насъ недолго» (стр. 24).

227. Письмо къ Н. И. Астракову.

20 августа (1838).

Любезный другъ! Ну, вотъ я опять на мѣстѣ, т. е. совсѣмъ не на мѣстѣ, а во Владимірѣ. Письмо твое получилъ. Поѣздка окончилась хорошо. Я, не видавши 8 лѣтъ деревни, гдѣ я бывалъ ребенкомъ, душою былъ радъ—природа не перемѣнилась, и всѣ наши домашніе совершенно тѣ же—люди не перемѣнились. Когда я вышелъ на балконъ, взглянулъ на лѣсъ, воду, небо, опираясь на Наташу, мнѣ показалось, что все черное уже миновалось (оно и точно миновалось, но не во всѣхъ смыслахъ), однако, древній fatum—quid nolentem trahit [1]), новый fatum исламизма, отдалъ приказъ, и лошади заложены, и дождь мочитъ, и дорога прескверная. «Прощайте, прощайте», «Bon voyage» [2]), «Дай Богъ вамъ хорошую погоду»—и грустно люди плачутъ въ два ручья—ихъ слезы проникаютъ до сердца. Небо плачетъ (по чину) въ два мильона ручьевъ—его слезы проникаютъ до костей. А потомъ опять скверная дорога, портреты Паскевича и Бобелины, за постой двугривенный,—и мы во Владимірѣ. Зачѣмъ, для чего,—а вотъ то-то и fatum; а то, что̀ былъ бы за fatum, ежели-бъ онъ давалъ отчетъ по всѣмъ законамъ логики, causae sufficientis etc. [3])... А, вѣдь, ежели-бъ ты узналъ эту пустую жизнь провинціи, фа! Помнишь, лѣтъ 6 тому назадъ ты мнѣ повѣствовалъ о нѣкоемъ помѣщикѣ, который тебѣ отвелъ комнату безъ оконъ? Ну, представь себѣ этого помѣщика, какъ гидру Лернскую о 200 головахъ, лежащаго на берегу Клязьмы.

Кланяйся женѣ много и себѣ столько же.

А. Герценъ.

Деньги на покупки [4]) вамъ пришлетъ Егоръ Ивановичъ въ концѣ недѣли.

Пожалуйста, доставь поскорѣе письмо къ барону Упсальскому [5]), онъ что-то грустенъ.

[1]) Рокъ, который влечетъ того, кто не хочетъ итти.
[2]) Добраго пути!
[3]) Достаточнаго основанія и т. д.
[4]) Вещей для Н. А—ны.
[5]) Н Х. Кетчеръ.

228. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

20 августа (1838).

Зачѣмъ же, другъ, такъ грустно твое письмо? Впрочемъ, я понимаю твою грусть: ты человѣкъ симпатіи и вянешь безъ нея. Я испыталъ эту тошность быть *чужимъ* со всѣмъ, что окружаетъ. Почему я не писалъ? 1-е, я ждалъ, по письмамъ Астракова, мѣсяцъ цѣлый тебя къ намъ; 2-е, ты никогда не отвѣчаешь на письма; 3-е, я много разъ приписывалъ къ тебѣ въ письмахъ къ Астракову. Наконецъ, меня удивляетъ, что не получилъ ни письма, ни книгъ, посланныхъ съ уланскимъ офицеромъ Богдановымъ. Напиши, получилъ ли, и какъ твой адресъ; я твердо убѣжденъ, что и почта тебя не найдетъ.

Что тебѣ сказать о нашей жизни? *Сказать* нечего. Свѣтлая, лазоревая струя гармоніи. Ну, о чемъ же тутъ говорить. Взгляни въ ясный день на небо, на землю, на воду, на солнце — и ты разомъ поймешь *благосостояніе* природы, а толковать надобно долго, да и то не всегда удачно, какъ то испытываетъ Алексѣй Левонтичъ Ловецкій [1]). Взгляни же на насъ, баронъ.

Благодарю за знакомство съ Левашовымъ [2]).

Книги почти всѣ я отослалъ съ Богдановымъ. Доставь же къ намъ въ домъ «Revue des 2 Mondes» за 2-ю половину 1837 и еще чего-нибудь. Я въ восторгѣ отъ «Encyclopédie» Le Roux, — вотъ дивный памятникъ вѣдѣнію XIX вѣка! «Объ Америкѣ» соч. Токвиля нагнало скорбь и грусть на меня. Онъ въ заключеніи говоритъ: «двѣ страны несутъ въ себѣ будущее: Америка и Россія». Но гдѣ же въ Америкѣ начало будущаго развитія? Страна холодная, разсчетливая. А будущее Россіи необъятно — о, я вѣрую въ ея прогрессивность. Прочти (когда пришлю) «La Turquie» par Urquhart [3]). Великъ Востокъ, но мы его не знаемъ.

Дѣла мои идутъ изрядно. Не то, чтобы полный совершенный міръ, а etwas [4]) въ томъ родѣ.

Имѣешь ли возможность переслать письмо къ Ог.? — отвѣчай. Книги доставь Егору Ивановичу для пересылки. Засимъ прощай.

[1]) Профессоръ московскаго университета.

[2]) Николай Васильевичъ, мужъ Ек. Г. Левашовой.

[3]) Очевидно, французскій переводъ сочиненія извѣстнаго знатока Турціи, англичанина Уркехарта.

[4]) Нѣчто.

Скажи Сазонову, ежели ему нужны деньги, то я могу ему прислать изъ моего долга 500 асс.; ежели же не нужны очень, то лучше пусть подождетъ. Ему поклонъ. Я слышалъ отъ нашихъ людей, что его сестра [1]) идетъ замужъ. Взялъ ли онъ своего Гете у насъ? не дастъ ли еще книгъ? Книгъ, книгъ!

Николаю Христофоровичу
Кетчеру.

Адресъ долженъ быть *въ душѣ* у того, кто понесетъ: разсказать земнымъ языкомъ невозможно [2]).

229. Письмо къ Н. И. Астракову.

23 августа (1838).

Вотъ, другъ мой, снова къ тебѣ просьба, и просьба большая для меня: доставь это письмо, при... въ [3]) адресъ, котораго я не знаю. Читавши *меня*, ты видѣлъ, что̀ мнѣ Огаревъ, и съ нимъ-то почти нѣтъ переклички. Вотъ прошло мѣсяцевъ 8, какъ я писалъ. Кетчеръ потерялъ, кажется, два письма моихъ; будь въ этомъ случаѣ аккуратнѣе его.

Ежели Сазонову нужно, я могу ему отдать 500 асс.; ежели же нѣтъ, то мнѣ легче будетъ послѣ полнаго учрежденія финансоваго и дипломатическаго устроиться съ платежами. Напиши пуще всего, пошлешь ли и когда письмо.

Прощай.

А. Герценъ.

Кланяйся отъ Н. [4]) Татьянѣ Алексѣевнѣ и отъ меня.

230. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

(Августъ-сентябрь) 1838.

Чудакъ ты:—я мало пишу, а самъ никогда ничего, и туда же съ репримандами. И ты говоришь, что въ тебѣ мало экспансивности въ то время, какъ ты живешь дружбой и симпатіей.—Ога-

[1]) Марія Ивановна, по мужу Полуденская.

[2]) Шутка надъ тѣмъ, что Кетчеръ жилъ въ малообитаемой части Москвы.

[3]) Вѣроятно, «приписавъ»—вырвано съ печатью.

[4]) Н. А—на.

рева молчаніе приводитъ меня въ грусть. Нѣтъ, онъ не могъ перемѣниться, *не могъ*, но какъ же понять его скорбь о друзьяхъ и молчаніе со мною? Потеря его была бы для меня потеря половины благородныхъ вѣрованій, но доселѣ вѣра моя въ него незыблема.—Ты что-то слишкомъ дурнымъ находишь аккуратность Сазонова въ полученіи своихъ денегъ.—Я бы не сдѣлалъ такъ, какъ онъ, но, впрочемъ, очень дурного тутъ ничего нѣтъ: я ему отдалъ 600 руб.

Я, ежели успѣю, то пришлю съ Левашовымъ всего «Лициніа» (1-я часть), да повторяю, хочешь ли для «Наблюдателя» статей отъ меня? И почему ты не прислалъ моей писанной книги? [1]) Въ ней надобно то и сё поправить. Когда возвратишь,—черезъ нашъ домъ, напр.,—тогда пришлю новыхъ статей.

Ежели письма распечатываютъ, то это лучшее доказательство, что есть на бѣломъ свѣтѣ люди, которымъ нечего дѣлать, а такъ какъ, можетъ, и это распечатаютъ, то буду учтивъ и обращусь съ рѣчью:

«Г. NN,

«Не стыдно ли вамъ читать чужія письма? и неужели вы такъ глупы, что думаете найти вашей грубой удочкой что-нибудь?

«Ха, ха, ха.

«Прощайте, любезный незнакомецъ».

Благодарю за книги. Писать, ей-Богу, некогда.—Спроси Измаила [2]). Пріѣзжай, другъ, сдѣлай одолженье,—пріѣзжай.

231. „Лициній“ и „Вильямъ Пенъ“.

Scenario двухъ драматическихъ опытовъ.

I.

„Лициній“ [3]).

Первая сцена.—Римъ во времена Нерона. Празднество новаго года у Пизона, пышная оргія à l'antique; у Пизона собрались сановитые патриціи, художники, поэты, поклонники старины, предста-

[1]) Вѣроятно, рѣчь идетъ о тетради, въ которой заключались «Легенда», «Встрѣчи» и др.

[2]) ?

[3]) Вслѣдъ за «Записками молодого человѣка» помѣщаю я Scenario моихъ несчастныхъ драматическихъ опытовъ, безжалостно убитыхъ Бѣлинскимъ (XVI глава I части «Былого и думъ»), который просилъ меня перепи-

вители славнаго прошедшаго, недовольные, *легитимисты* римской республики. Они увѣрены, что императорство не устоитъ и въ тиши работаютъ, чтобъ низвергнуть тирана. У нихъ есть заговоръ; въ немъ участвуютъ избранные изъ избранныхъ: самъ Пизонъ, поэтъ Луканъ, строгій, стоическій римлянинъ древнихъ дней, Тразей, и восторженная куртизанка Эпихарисъ, которая не уступитъ ему въ энергіи и героизмѣ.

Пиръ идетъ своимъ порядкомъ: тосты, желанія, политическіе намеки, цвѣты, вино, яства. Въ общемъ разгулѣ не участвуетъ одинъ молодой человѣкъ,—больной, нѣсколько юродивый, племянникъ Пизона, Лициній. Онъ недавно возвратился изъ Аѳинъ; родные замѣтили, что онъ съ тѣхъ поръ сталъ заговариваться. Вызванный изъ своихъ мечтаній, Лициній на веселый тостъ отвѣчаетъ печальной рѣчью. Онъ не вѣритъ въ воскресеніе древняго Рима и, еще хуже, онъ и не желаетъ его. На Римѣ лежитъ грѣхъ, грѣхъ Ромула; какъ бы, вызывая прошедшее изъ могилы, не вызвать Рема—голоднаго, одичалаго въ подземной жизни своей! Его ждутъ не граждане Рима, не патриціи,—его ждутъ безправные, покрытые рубищемъ, чернь спартаковская.

Гости привыкли къ бреду Лицинія, но тѣмъ не меньше на разсвѣтѣ, послѣ оргіи, слова его дѣйствуютъ на нервы. Пиръ разстраивается.

Вторая сцена.—Въ саду пизоновской виллы. Лициній очень боленъ; его мучитъ тоска, онъ велѣлъ себя положить подъ деревомъ. Возлѣ него другъ его первой молодости, юноша, блестящій умомъ и красотой, пылающій здоровьемъ, Мевій. Мысль Лицинія занята смертью; какъ настоящій римлянинъ, онъ философствуетъ, чувствуя ея приближеніе. Печаленъ его взглядъ. Онъ видитъ ясно, какъ всѣ его близкіе несутся въ неминуемую гибель, онъ знаетъ о ихъ заговорѣ, онъ не вѣритъ въ его успѣхъ, и вообще не вѣритъ, чтобъ Римъ можно было воскресить: его часъ насталъ, и спасти его нельзя и не нужно.

Мевій съ нимъ согласенъ; онъ ясно понимаетъ, что тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя поддерживали древнюю республику, нѣтъ больше. Онъ тоже не видитъ выхода въ смыслѣ реставраціи, но онъ находитъ безумнымъ страдать о вещахъ, которыхъ нельзя перемѣнить; не остается ли человѣку еще другая жизнь, чисто личная, принадлежащая ему? Развѣ у него можно взять способность на-

сать стихи *въ строку*, чтобы нельзя было замѣтить, что они писаны рубленой прозой, на манеръ стиховъ. Сцены эти относятся къ 1838 г. Въ нихъ ясно виденъ остатокъ религіознаго воззрѣнія и путь, которымъ оно перерабатывалось не въ мистицизмъ, а въ революцію, въ соціализмъ. *А. И. Г.*

слаждаться? Пусть же человѣкъ пользуется всѣми дарами жизни, пользуется тѣмъ мгновеніемъ, которое ему уступлено судьбой и которое дается только разъ. Мевій увѣряетъ Лициніа, что вообще въ природѣ нѣтъ ни того счастія, ни того несчастія, о которомъ мечтаютъ люди и котораго боятся: жизнь почти всегда одинакая, и перемѣны поражаютъ только со стороны. «Сегодня цвѣтетъ одно дерево, а завтра другое». Теперь, гдѣ-нибудь въ полуразрушенныхъ Ѳивахъ нѣтъ прежней исторической жизни, а змѣямъ и ящерицамъ жить веселѣе, и птицамъ привольнѣе вить себѣ гнѣзда.

Лициній не слушаетъ его; онъ вспоминаетъ о встрѣчѣ съ какимъ-то пророкомъ или волхвомъ, котораго вѣра была такъ полна покоя, надежды,—если-бъ онъ могъ вѣрить, онъ былъ бы счастливъ, но вѣры нѣтъ въ его сердцѣ. Онъ забывается или впадаетъ въ забытье. Старикъ, плѣшивый аѳинскій старикъ, волхвъ передъ нимъ,—онъ зоветъ его... Дыханіе слабѣетъ и юноша умираетъ.

Третья сцена, на форумѣ.—Державный народъ у себя дома, въ своей пріемной залѣ. Импровизаторъ поетъ наивычурнѣйшими стихами оду о доблестяхъ божественнаго, августѣйшаго Нерона, отца отечества. Лазутчики подсматриваютъ, восхищаются ли люди, хорошо одѣтые. За плебеями никто не смотритъ, они и бранятъ цезаря, но они его любятъ; бранятъ они его за то, что онъ сталъ скупъ на гладіаторовъ; агенты успокаиваютъ народъ, говорятъ, что скоро будутъ травить въ циркѣ дикими звѣрями какихъ-то назареевъ, что они ужъ привезены и содержатся въ клѣткахъ, т. е. тигры и львы, а назареевъ скоро пригонятъ. Это успокаиваетъ умы.

Патриціи потомъ толкуютъ о тяжелыхъ временахъ. Новая несправедливость Нерона сильно оскорбила ихъ: какой-то сенаторъ былъ убитъ рабомъ, наслѣдники хотѣли въ наказанье убить всѣхъ рабовъ до единаго; Неронъ сказалъ, что это глупо, и запретилъ. Послѣ этого гдѣ же неприкосновенная святость собственности?

Приходитъ какой-то рабъ и разсказываетъ, что недалеко отъ города, на Аппіевой дорогѣ онъ видѣлъ какого-то колдуна съ востока, что ему на встрѣчу шли изъ Рима люди въ бѣлой одеждѣ съ зелеными вѣтвями, что за колдуномъ идетъ толпа нищихъ, женщинъ; они разсказываютъ, что онъ лѣчитъ прикосновеніемъ руки, что ночью около его головы видно сіяніе... «Въ циркъ его, въ циркъ!» кричатъ со всѣхъ сторонъ. «Но сначала пойдемте его смотрѣть!»

Четвертая сцена.—Via Appia [1]). Съ одной стороны дороги родовой колумбарій Пизона; все приготовлено для сожженія тѣла Ли-

[1]) Аппіева дорога.

цинія. Похоронная процессія; отецъ Лициній идетъ печально за тѣломъ; его утѣшаетъ Сенека, приводя въ примѣръ всѣхъ знаменитыхъ отцовъ, потерявшихъ дѣтей, разсказывая мнѣнія египтянъ о смерти.

Патриціи-заговорщики рады случаю пошептать, съ важностью сообщаютъ они другъ другу неважныя вѣсти, таинственно сговариваются на пустой сходъ. Родные устали и хотятъ ѣсть.

Въ это время съ противоположной стороны показывается на дорогѣ поднимающійся въ гору *апостолъ Павелъ* и останавливается передъ разстилающимся амфитеатромъ вѣчнаго города. Онъ благословляетъ языческую весь и, обращаясь къ своимъ, произноситъ рѣчь.

Отецъ Лициній придирается къ нему и проситъ воскресить сына: «если твой Богъ великъ, отдай мнѣ сына и возьми у меня, что̀ хочешь». Апостолъ говоритъ ему, чтобъ онъ молился и вѣрилъ, потомъ, снова обращаясь къ народу, пророчитъ кончину стараго міра и водвореніе новаго, смерть въ первомъ Адамѣ и жизнь во второмъ. Окончивъ проповѣдь, онъ молится колѣнопреклоненный.

Лициній открываетъ глаза, приходитъ въ себя и начинаетъ узнавать Павла.

Павелъ продолжаетъ рѣчь. Народъ, пораженный ужасомъ, видя оживленнаго покойника, молчитъ. Отецъ Лициній умоляетъ Павла взять часть его достоянія. «Раздай бѣднымъ, отвѣчаетъ Павелъ, мнѣ не нужно!» Народъ яростно рукоплещетъ. Отецъ зоветъ сына съ собой, но тотъ, кротко взявъ его руку, говоритъ ему: «Лициній твой умеръ: вотъ мой отецъ и моя родина, я иду по стопамъ его».

Народъ разступается, привѣтствуетъ Павла. Сенека не вѣритъ въ воскрешеніе, онъ думаетъ, что Лициній былъ въ летаргическомъ снѣ. Какой-то жрецъ находитъ, что это гораздо опаснѣе, нежели думаютъ, и идетъ, во имя боговъ, дѣлать доносъ въ языческую консисторію.

II.

„Вильямъ Пенъ“.

Та же мысль, тотъ же основной мотивъ и въ Вильямѣ Пенѣ. Опять разрывъ двухъ міровъ, опять отходящее старое тѣснитъ возникающее юное, опять двѣ нравственности съ ненавистью глядятъ другъ на друга.

Вильямъ Пенъ историческихъ сценъ не похожъ на историческаго Пена; я плохо зналъ исторію Англіи того времени и имѣлъ самыя общія понятія о Пенѣ, населившемъ Пенсильванію. Въ моемъ очеркѣ должно искать другую правду, не историческую; въ Шил-

леровомъ Донъ Карлосѣ такъ же трудно найти Донъ Карлоса испанскихъ лѣтописей, какъ въ моемъ блѣдномъ Вильямѣ Пенѣ хитраго квакера, описаннаго (съ пристрастіемъ, можетъ, въ другую сторону) Маколеемъ. Бѣда не въ томъ, а въ томъ, что очеркъ изъ англійской протестантской жизни, кажется мнѣ больше натянутымъ, чѣмъ «Лициній», особенно въ концѣ.

Въ небольшомъ англійскомъ городѣ, въ сырой, темной лачугѣ сапожникъ оканчиваетъ субботнюю работу; въ углу лежитъ больной ребенокъ, его сынъ, въ лихорадкѣ; одежда, которой онъ покрытъ, коротка; въ комнатѣ холодно, топить нечѣмъ. Возлѣ сапожника тощій, изнуренный работникъ. «Что-жъ, деньги отъ попа получилъ?»—спрашиваетъ хозяинъ работника. Работникъ говоритъ, что два раза ходилъ, но что кухарка не только не допустила его, но разбранила и строго-настрого запретила приходить до понедѣльника. Reverend [1]) сочиняетъ проповѣдь на завтра и всѣ мірскія дѣла оставилъ.

Сапожникъ крѣпился; онъ давно угрюмъ, въ его головѣ давно бродятъ странныя мысли, онъ самъ ихъ боится; но сосудъ переполнился, этой капли недоставало: больной ребенокъ долженъ дрогнуть, они оба остаются два дня безъ пищи,—потому что reverend сочиняетъ проповѣдь.

«Не объ милосердіи ли?» спрашиваетъ онъ и бросаетъ свое шило; рѣчь страстная, полная упрековъ и обличеній, несется бурнымъ потокомъ, и болѣзненный работникъ, пораженный, тронутый, повергается въ прахъ передъ нимъ, увѣренный, что его устами говоритъ Духъ святой. Сапожникъ растетъ гнѣвомъ и мыслью, завтра онъ идетъ въ церковь, онъ прерветъ рѣчь фарисея, онъ скажетъ проповѣдь, онъ—самъ священникъ.

Во *второй сценѣ* мы уже встрѣчаемъ Чарльза Фокса, лейстерскаго чеботаря, раскольническимъ іересіархомъ; онъ уже не живетъ на мѣстѣ; «слово», ему ввѣренное, духъ божій его гонитъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного мѣстечка въ другое, съ проповѣдью, съ призывомъ на новую евангельскую жизнь.

На дорогѣ, ведущей отъ большого, сумрачнаго замка, лежитъ нищая старуха, разбитая параличемъ. Проходитъ Фоксъ. Выѣзжаетъ изъ воротъ замка мальчикъ верхомъ. Нищая поетъ свою пѣсню, мальчикъ съ состраданіемъ взглянулъ на нее, пошарилъ въ карманѣ и бросилъ ей серебряную монету, но бросилъ такъ далеко, что безногой нищей нельзя и достать безъ большихъ усилій. Юноша хочетъ скакать далѣе, но передъ нимъ мрачная фи-

[1]) Достопочтенный—титулъ пасторовъ англиканской церкви.

гура сапожника-пророка. Дюжей рукой пролетарія онъ схватилъ лошадь подъ уздцы. «Ты сдѣлалъ доброе дѣло, но сдѣлалъ его скверно—говоритъ онъ мальчику. — Посмотри, куда ты бросилъ деньги; какъ же эта безпомощная женщина ихъ достанетъ? подними ихъ и отдай ей». Первое движеніе мальчика было желаніе вытянуть его хлыстомъ и дать шпору лошади. Но спокойно-строгій видъ Фокса, его ожидающій взглядъ и страшныя слова поразили юношу. Онъ наивно говоритъ, что не видѣлъ, куда бросилъ монету, и въ доказательство, что онъ напрасно его бранитъ, соскакиваетъ съ лошади и съ улыбкой подаетъ старухѣ деньги. Фоксъ, тронутый до слезъ, благословляетъ его. Мальчикъ этотъ— Вильямъ Пенъ.

Третья сцена въ замкѣ Вильямова отца. Съ тѣхъ поръ, какъ юноша встрѣтился съ Фоксомъ, прошло нѣсколько лѣтъ. Отецъ его начальствовалъ гдѣ-то въ колоніяхъ англійскимъ войскомъ, завоевалъ земли, разбилъ непріятелей, заключилъ выгодный миръ и теперь возвращается торжественно отдохнуть на родину. Его ожидаютъ депутаты, присланные изъ Лондона съ великолѣпными подарками, посланный короля съ лентой, звѣздой и огромнымъ пергаментовымъ свиткомъ. Гремятъ литавры и музыка, является отважный полководецъ, ему говорятъ привѣтствія, онъ говоритъ привѣтствія; пробиваясь сквозь альдерменовъ, придворныхъ и офицеровъ, бѣжитъ къ нему его сынъ и бросается ему на шею. Старикъ радостно прижимаетъ его къ груди и вдругъ отступаетъ, спрашивая съ удивленіемъ сына, что за странный костюмъ на немъ и какъ онъ смѣлъ явиться къ нему такъ навстрѣчу. Сынъ объясняетъ ему, что онъ принадлежитъ къ братству, которое приняло эту одежду. Отецъ хочетъ обернуть дѣло въ шутку, посылаетъ сына снять платье и одѣться прилично. Сынъ кротокъ, тихъ, но непоколебимъ. Отецъ начинаетъ сердиться и, когда сынъ говоритъ ему: «Ты самъ подумай, отецъ мой, не лучше ли тебѣ снять твой мечъ: вѣдь, здѣсь нѣтъ враговъ, кого-жъ хочешь убить имъ?»—онъ выходитъ изъ себя и велитъ сыну удалиться.

Четвертая сцена. Семейный совѣтъ въ домѣ старика. Отецъ созвалъ всѣхъ ближнихъ своихъ, законниковъ и духовныхъ, чтобъ въ послѣдній разъ урезонить сына и, если онъ и тутъ будетъ упорствовать, выбросить его изъ семьи, которую онъ пятнаетъ. Вильямъ является не подсудимымъ, а судьей и обличителемъ (процессъ сенъ-симонистовъ въ 1832 году былъ еще живъ въ памяти въ 38). Родные отказываются отъ него, легисты осуждаютъ, духовные предаютъ проклятію, отецъ хочетъ его лишить наслѣдства. Наслѣдники придумываютъ, какія улучшенія они сдѣлаютъ въ имѣніи,

какъ перестроятъ замокъ. У раздраженнаго старика поднялась подагра; его кладутъ въ постель и онъ умираетъ, не сдѣлавъ завѣщанія.

Въ *пятой сценѣ* Вильямъ Пенъ,—теперь богачъ, располагающій, какъ хочетъ, своимъ имѣніемъ,—сидитъ со старикомъ Фоксомъ; ихъ занимаетъ важный разговоръ. Вильямъ много ѣздилъ; онъ не вѣритъ ни въ Англію, ни въ Европу,—для основанія братской общины надобна свѣжая, дѣвственная почва; эта почва по ту сторону океана; онъ продалъ свое имущество въ Англіи и купилъ корабли; онъ кликнулъ кличъ въ Англію, Германію, Голландію и только проситъ благословенія Фокса. Жаль устарѣлому Фоксу отпустить его и трудно самому разстаться со своей старой Англіей, но, наконецъ, благословляетъ его на путь.

Шестая сцена въ Пенсильваніи. Дряхлый Пенъ близокъ къ могилѣ, онъ очень печаленъ: мечтаемое евангельское братство не учредилось, а новый край, призванный имъ къ жизни, растетъ съ могучей красотой; вездѣ слышится стукъ топора, рѣки покрываются барками, плугъ подымаетъ землю, починки растутъ въ деревни, деревни—въ города. Все это видно изъ разговоровъ разныхъ сетлеровъ и пр.

Наконецъ, весь этотъ длинный рядъ картинъ, переданныхъ мною довольно вѣрно по памяти, sauf erreur et omission [1]) (очень естественныхъ, если вспомнить, что я двадцать два года до нихъ не дотрагивался), оканчивался такимъ чисто французскимъ финаломъ: на могилѣ Вильяма Пена, въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, стоятъ три путника, пришедшихъ поклониться его праху. Одинъ изъ нихъ *Вашингтонъ*, другой *Франклинъ*, третій *Лафайетъ*—граждане Сѣверо-Американской республики.

232. ЛИЦИНІЙ.

(Отрывокъ).

Однимъ сентябрьскимъ днемъ грустныя думы рядомъ съ туманной, сырой погодой навели на меня сильную печаль. Чтобъ разсѣяться, я вздумалъ читать, но книга выпадала изъ рукъ на второй страницѣ... Перебравъ нѣсколько, мнѣ попалась, наконецъ, такая, которая поглотила меня до глубокой ночи,—то былъ Тацитъ. Задыхаясь, съ холоднымъ потомъ на челѣ, читалъ я страшную по-

[1]) Кромѣ невольныхъ ошибокъ и пропусковъ.

вѣсть, какъ отходилъ въ корчахъ, судорогахъ, съ рѣчью предсмертнаго бреда вѣчный городъ. Не личность цезарей, не личность ихъ окружавшихъ клевретовъ поражала меня,—страшная личность народа римскаго далеко покрывала ихъ собой. Мелькомъ и съ чрезвычайнымъ хладнокровіемъ говоритъ Тацитъ о гоненіи христіанъ, на которыхъ Неронъ сложилъ извѣстный пожаръ. До того назареевъ даже не гнали. Я зналъ, что въ то время апостолъ Павелъ былъ въ Римѣ; это дало мнѣ поводъ раскрыть Апостольскія Дѣянія, и рядомъ съ мрачнымъ, окровавленнымъ, развратнымъ, снѣдаемымъ страстями Римомъ предстала мнѣ эта бѣдная община гонимыхъ, угнетенныхъ проповѣдниковъ Евангелія, сознавшая, что ей вручено пересозданіе міра; рядомъ съ распадающеюся весью, которой все достояніе въ воспоминаніи, въ прошедшемъ,—святая хранилищница благой вѣсти, вѣры и надежды въ грядущее. Я долго думалъ о времени, предварившемъ ихъ встрѣчу. Есть особое состояніе трепета и безпокойства, мучительнаго стремленія и боязни, когда будущее, чреватое цѣлымъ міромъ, хочетъ разверзнуться, отрѣзать все былое, но еще не разверзалось; когда сильная гроза предвидится; когда ея неотразимость очевидна, но еще царитъ тишина,—настоящее тягостно въ такія мгновенія, ужасъ и стремленіе наполняютъ душу, трудно поднимается грудь, и сердце, полное тоски и ожиданія, бьется сильнѣе. Этотъ трепетъ передъ будущимъ неизвѣстнымъ, но близкимъ, это отрицаніе всѣхъ узъ, которыми сросся человѣкъ съ былымъ и существующимъ, это мученіе неизвѣстности, мученіе предчувствія и необладанія хотѣлось мнѣ уловить въ тогдашнемъ состояніи умовъ,—не страданіе города, а отчаянный крикъ человѣка и врачеваніе его словомъ Евангелія. Здѣсь предлагается отрывокъ изъ тогда написанныхъ сценъ. Лициній—мой герой; онъ еще не имѣетъ понятія объ ученіи Христовомъ, но вѣяніе духа современности раскрыло въ немъ вопросы, на которые, кромѣ Евангелія, не было отвѣта. Отсутствіе религіи, неудовлетворительность философіи, наконецъ, очевидное разрушеніе Рима сломили его для того, чтобъ онъ воскресъ новымъ человѣкомъ. Мевій—благородная, прекрасная, античная натура, но не принадлежавшая къ тѣмъ организаціямъ, которыя шагаютъ за предѣлы понятій своего вѣка. Въ Лициніи предсуществуетъ романтическое воззрѣніе, Мевій—классикъ со всѣмъ реализмомъ древняго міра.

«Ну, посмотри, посмотри, Лициній, около себя,—сказалъ юный философъ Мевій другу своему, указывая на видъ съ холма:—неужели ты не чувствуешь теплое, живое дыханіе природы и неужели это дыханіе матери не согрѣваетъ тебя? О, космосъ! мое сочувствіе къ тебѣ велико, я поклоняюсь тебѣ потому, что ты не

хочешь поклоненія; ты все содержишь, и все свободно въ тебѣ. Птица, червякъ, звѣрь,—каждый воленъ, каждый чувствуетъ себя дома, на мѣстѣ, всѣмъ хорошо. Какое блаженство существовать, существовать и понимать, что существуешь; въ этомъ—безконечное наслажденіе; существовать, любить—два великія начала и два великія окончанія природы, положивъ въ основу ей Венеру. Но послушай, Лициній, ни одной морщины не свелъ съ твоего чела этотъ видъ; что за странная грусть поселилась въ тебѣ, давно ли въ твоей груди обитали свѣтлые образы? Я перестаю узнавать тебя. Теперь даже, когда вся природа около насъ дышитъ нѣгой, когда все живое радостно припадаетъ къ лучамъ солнца, чтобъ сосать изъ нихъ огонь, ты одинъ, какъ чужой, какъ пасынокъ въ родительской храминѣ, стоишь мрачный и сосредоточенный въ себѣ».

Противоположность двухъ друзей была разительна. Одушевленныя черты Мевія, распростертыя руки, какъ бы раскрывшія объятія всему, и свѣтлое чело, и ясный взглядъ, разливавшійся на все окружающее, дѣлали его похожимъ на греческаго бога; полнота и гармонія, юность и избытокъ жизни громко говорили его чертами. О такомъ лицѣ думалъ Платонъ, когда сказалъ, что есть нѣчто изящнѣе тверди небесной, усыпанной звѣздами,—очи, разсматривающія эту твердь. Блѣдное, нѣжное и худое лицо Лициния, болѣзненно-страдальческое выраженіе, скрещенныя на груди руки и глаза, свѣтящіеся какъ-то лихорадочно и независимо отъ окружающаго, однимъ своимъ свѣтомъ говорили совсѣмъ иное; казалось, душа, смотрящая такъ,—бездонная пропасть, въ которую утягивается вся природа и пропадаетъ безвѣстно; блѣдное и холодно-влажное чело его носило клеймо думъ тягостныхъ, безотходныхъ и мученій нестерпимыхъ.

Онъ отвѣчалъ Мевію: «Я не виноватъ, что природа на меня не такъ дѣйствуетъ, какъ на тебя; я завидую тебѣ, но перенять не могу; такъ, со слезою на глазахъ, я смотрю на дѣтскія игры; ихъ безотчетная радость, звонкій смѣхъ, совершенное поглощеніе игрой понятно, но оно невозможно, когда выйдешь изъ того возраста. Я, съ своей стороны, дивлюсь тебѣ, какъ такой дешевой цѣной ты сыскалъ миръ душѣ и наслажденіе; что птицѣ, червяку хорошо—не спорю: животныя—дѣти, у которыхъ нѣтъ совершеннолѣтія, нѣтъ ума, нѣтъ вопросовъ; бѣдные, обманутые, они беззаботно живутъ, не подозрѣвая, что вмѣстѣ съ груднымъ молокомъ сосутъ отраву. Но на этомъ дѣтскомъ праздникѣ Изиды человѣкъ—чужой. Сверхъ этихъ глазъ, есть у него другіе, и они видятъ, чего бы не надобно видѣть, и въ душѣ тѣснятся вопросы, на которые плохо отвѣтили мудрецы всѣхъ вѣковъ. Я изучилъ ихъ и

бросилъ,—одни слова и уловки. Скажи мнѣ, объяснили ли они цѣль человѣка, для чего онъ? что послѣ? что прежде?»

Мевій. Цѣль! Да жизнь—вотъ и цѣль, мнѣ это ясно; ты ищешь какой-то другой цѣли, внѣ человѣка, внѣ природы. По какому праву?

Лициній. Оно законно. Я выстрадалъ себѣ это право, оно запечатлѣно морщинами на моемъ челѣ. Ты легко удовлетворяешься, мой другъ, но такое примиреніе не для всѣхъ; у нихъ въ груди зарождается демонъ, котораго не убаюкаешь эпикурейскою пѣснью. Жизнь—цѣль жизни! Да что мнѣ въ ней? Я принимаю только тѣ дары, которыхъ требую. Жизни я не просилъ... Я вдругъ проснулся изъ небытія; кто разбудилъ меня,—не знаю, но моей воли не было. Мнѣ втѣснено тяжелое бремя жизни, этой странной борьбы, не имѣющей конца, борьбы безпрерывной, утомительной. Въ груди лежитъ сознаніе моей нравственной свободы, моей безконечности, а я со всѣхъ сторонъ ограниченъ, униженъ тѣломъ. Я иногда возвращаюсь къ религіознымъ вымысламъ и вѣрю, что людей создалъ возмутившійся дерзкій Титанъ. Онъ затѣялъ беззаконное смѣшеніе вещества и ума, а мы страдаемъ, искупая нелѣпость, невозможность такого смѣшенія. Именно нелѣпость, она очевидна: вложить духъ, разумъ въ безволосую обезьяну и оставить ее обезьяной, чтобъ вся жизнь была страданіе отъ двухъ противоположныхъ влеченій—одного, не имѣющаго силы поднять на небо, другого, не имѣющаго силы стянуть на землю! Это аристофановская иронія!

Мевій. Одно слово. Зачѣмъ ты такъ дѣлишь духъ отъ тѣла, и точно ли они непримиримые враги? и мѣшаетъ ли тѣло духу? не оно ли чрево, изъ котораго духъ развился?

Лициній. Какъ не мѣшаетъ?! Да кто же меня приковалъ ко времени и пространству, къ этимъ двумъ цѣпямъ, ежеминутно брящающимъ на моихъ рукахъ и ногахъ? Мой духъ хотѣлъ бы обнять всю вселенную, разлиться по ней безпредѣльнымъ и вольнымъ, а онъ сидитъ въ этихъ костяхъ, въ этой оболочкѣ мяса. Я—колодникъ, котораго пересылаютъ куда-то, не сказавши ему, за что; время влачитъ скованнаго съ свирѣпой быстротой и само, кажется, не вѣдаетъ куда, не внемлетъ слезамъ, стенанью, не даетъ остановиться; кто на дорогѣ упалъ, того трупъ—хищнымъ птицамъ, и мимо. Духъ оскорбленный, униженный борется, но тѣлу дана сила грубая и дикая, которую не сломишь. Духъ понимаетъ свою свободу отъ временнаго, да время не понимаетъ ея. Оно идетъ безотвѣтно, тупо, однообразно. Могу ли я продолжить мигъ восторга? Могу ли я сжать мигъ горести? Нѣтъ. У кого во власти клепсидра?

У случая, у судьбы. Судьба—слово безъ смысла. И чтобъ эта жизнь была цѣль! Коли она цѣль, за ней—ничего, понимаешь ли? ничего! Я сдѣлаюсь прошедшее, жизнь промчится по моимъ костямъ, раздавитъ ихъ, и я не почувствую боли. Лучшее—царство Плутона, чтобъ я исчезъ, какъ звукъ лиры въ безконечномъ пространствѣ; если я не вѣченъ, Мевій, такъ и міръ умретъ когда-нибудь, одряхлѣвши, истощивъ свои силы, и не оставивъ слѣда, и будетъ ничего; памяти не оставитъ по себѣ, потому что некому будетъ помнить.

Мевій. Въ этомъ можешь быть обезпеченъ: для вселенной нѣтъ смерти. Космосъ есть,—ты понимаешь ли, что въ этомъ словѣ заключена вѣчность? Это значитъ: міръ былъ и будетъ, потому что онъ есть. Онъ живетъ, обновляясь поколѣніями.

Лициній. Да, онъ, какъ Хроносъ, пожираетъ своихъ дѣтей, бросая обглоданныя кости, чтобъ мы могли угадать свою судьбу. Когда я былъ въ Египтѣ, я посѣтилъ Ѳивы, этотъ стовратный городъ Гомера. Дворцы, столбы, аллеи сфинксовъ, грифы стоятъ, на скалахъ сидятъ страшные Мемноны, обелиски, испещренные цѣлыми рѣчами іероглифовъ, стерегутъ ворота, въ которыя никто не входитъ, и говорятъ что-то каменной рѣчью, которую никто не слушаетъ и никто не понимаетъ теперь. Тишина страшная—ни одного человѣка, и пустыя зданія, формы безсмысленныя, оттого что содержаніе выдохлось: черепа чего-то умершаго! Куда ушелъ народъ, толпившійся тутъ, работавшій? ушелъ, да куда? Гдѣ этотъ Пантеонъ или та Cloaca maxima [1]), куда стекаетъ прошедшее—люди, царства, звѣри, мысли, дѣянія? Хроносъ съ ненасытной жадностью безпрестанно ѣстъ, но у него нѣтъ внутренностей: все, что онъ проглотитъ, исчезаетъ, и оттого онъ не сытъ и безпрестанно гложетъ.

Мевій. Ты послѣ спросишь, зачѣмъ сегодня волна нанесла кучу песку на берегъ, а завтра смываетъ его и какъ его отыскать въ морѣ. Все существующее существуетъ во времени,—въ этомъ надо убѣдиться однажды навсегда. Одна жизнь вѣчна. Когда ты бродилъ по Ѳивамъ, зачѣмъ не взглянулъ вверхъ? ты увидѣлъ бы прекраснаго пестраго орикса; зачѣмъ ты не видалъ ни одного изъ красивыхъ цвѣтовъ, качавшихъ яркими и благоухающими вѣнчиками изъ-за трещинъ колоннъ и упавшихъ капителей, между которыми ползла, извиваясь и блестя чешуей, змѣя? Гдѣ тутъ запахъ смерти, пустоты? Жизнь человѣческая перешла, жизнь природы, разлитая повсюду, осталась. Царства, дѣла рукъ человѣческихъ,—падутъ; жизнь вѣчно юная цвѣтетъ на ихъ развалинахъ.

[1]) Наибольшая отводная труба въ древнемъ Римѣ.

Что за дѣло, куда ушли египтяне? чего жалѣть ихъ? Развѣ они въ продолженіе своей жизни не наслаждались по-своему, не имѣли минутъ блаженства и сильныхъ ощущеній? развѣ они не любили, не трепетали отъ радости? развѣ жизнь не подносила свой кубокъ наслажденій и къ ихъ устамъ?

Лициній. А несчастные, задавленные обломками, присутствовавшіе при гибели родины,—тѣмъ много ли отпущено было наслажденій?

Мевій. Ихъ участь была горька, но тутъ ненавистная тебѣ смерть явилась благодѣтельнымъ геніемъ, успокоила ихъ въ могилѣ, замѣнивши новыми поколѣніями, такъ, какъ замѣняетъ траву, скошенную на лугу. Ты слишкомъ много придаешь важности человѣку, это нравится гордости; онъ не больше, какъ листъ на деревѣ, какъ песчинка въ горѣ.

Лициній. Счастливъ ты, удовлетворяющійся такими объясненіями. Нѣтъ, я считаю жизнь каждаго человѣка важнѣе всей природы. Человѣкъ—носитель безсмертнаго духа, къ которому природа только рвется. Каждая слеза, каждое страданіе человѣка отзывается въ моемъ сердцѣ. Безчувственно жертвовать какому-то отвлеченному понятію о жизни людьми, не жалѣя ихъ. Варвары, приносящіе на жертву людей, закалываютъ ихъ, по крайней мѣрѣ, своимъ богамъ... Я съ нѣкотораго времени боюсь произносить это слово: оно утратило великій смыслъ свой въ нашихъ устахъ. Для насъ боги—какой-то сонъ, облекающій въ образы идеи и мысли. А что прежде была религія? Зачѣмъ я не могу дѣтски вѣровать, зачѣмъ я родился въ развратный вѣкъ, вѣрующій въ одно сомнѣнье? Что мнѣ дали философы? Ни одного полнаго рѣшенія, ни одной достовѣрности. Они лишили только покоя мою душу, приведя ее въ вѣчное колебаніе. Фетишизмъ давалъ больше положительнаго, нежели разъѣдающій духъ нашихъ учителей. Подкопавшись подъ пьедесталы боговъ, свергнувъ, осмѣявъ ихъ,—что они поставили на эти пьедесталы? Скептическій взглядъ и удостовѣреніе, что мы ничего не знаемъ! Нѣтъ, еще кое-что: стоическую нравственность и ясный взглядъ.

Мевій. Ты всегда вдаешься въ крайности и требуешь несправедливаго. Что они поставили на пьедесталы, съ которыхъ сняли олимпійцевъ?—помилуй, они поставили Нусъ [1]), великій законъ, великую энергію всего развитія, они поставили живую душу міра,—многіе, хотя и не понимаю, для чего, доказывали бытіе боговъ.

Лициній. И въ томъ числѣ нашъ Цицеронъ. И нечего сказать, хорошо написалъ онъ въ ихъ пользу,—не хуже, какъ за Архія

[1]) Разумъ, какъ начало, правящее міромъ.

поэта. И я такъ же, какъ ты, не могу понять, для чего они доказывали,—для изощренія въ діалектикѣ, вѣроятно. Доказывать можно только то, въ чемъ можно сомнѣваться. Неужели голосъ мощный, звучащій въ груди, не говоритъ громче всѣхъ философовъ? Что вышло изъ философскихъ доказательствъ? Холодный, безчувственный деизмъ; съ ихъ богами мы чужіе, нѣтъ связи между нами; одинъ Платонъ изъ всѣхъ провидѣлъ, какъ мало удовлетворяетъ такое признаніе боговъ. Я чувствую, что человѣкъ долженъ быть связанъ съ божествомъ, въ немъ успокоиться, любовью возноситься къ нему. Какъ?—не знаю, не понимаю какъ, отъ того-то я и страдаю; я ищу, жажду, и все—камень, все—слова, все—мертвое, до чего ни коснусь. У одного Платона и его учениковъ есть что-то,—намекъ, приводящій въ трепетъ всю душу. Думалъ ли ты когда-нибудь, что значитъ *Λογος* [1])? Тайна, тайна, и мы умремъ, не разгадавъ ее. Пусть явится, кто-бъ онъ ни былъ, и откроетъ мнѣ эту тайну,—я обниму его ноги, облобызаю прахъ его сандалій. Предчувствіе мое меня мучитъ; знать, что не знаешь,—ужасно. Логосъ, Логосъ—профорикосъ, въ этомъ словѣ для меня заключено все—идея, событіе, іероглифъ, связь міра и бога... и не могу понять. (*Молчитъ*).

Послушай, Мевій, что-то великое совершается. Этимъ путемъ міръ дальше итти не можетъ: онъ своими когтями разорвалъ свою грудь и пожираетъ свои внутренности; на такой пищѣ долго не проживешь. Бродятъ вопросы, никогда не являвшіеся прежде. Если бы можно было приподнять завѣсу, хоть для того, чтобъ взглянуть и умереть... (*Задумывается и молчитъ*).

Мевій. Мечтатель, милый мечтатель, люблю слушать его рѣчь; она имѣетъ какую-то магическую силу, какъ музыка, какъ лунный свѣтъ.

(Лициній садится на холмъ и не принимаетъ, повидимому, никакого участія въ разговорѣ Мевія съ подошедшимъ патриціемъ).

Патрицій. Я сейчасъ отъ Пизона.

Мевій. Много было?

Патрицій. Да всѣ наши.

Мевій. Эпихарисъ была?

Патрицій. Была и говорила, какъ вдохновенная богами пиѳія. Великая женщина! Имя ея пойдетъ до позднѣйшаго потомства, окруженное лучами славы. Странно, женскую руку избрали боги участвовать въ великомъ дѣлѣ, для котораго такъ долго не находилось достаточно крѣпкихъ рукъ мужчины.

Мевій. Что новаго о цезарѣ?

[1]) «Слово» во всемъ его философскомъ и религіозномъ значеніи.

Патрицій. Каждое дыханіе Нерона—злодѣйство. На-дняхъ рабы убили какого-то сенатора. Отцы присудили всѣхъ рабовъ его, жившихъ у него въ домѣ и внѣ дома, казнить. Ты знаешь, на это есть прямой законъ. Неронъ, когда ему подали дѣло [1]), сказалъ: «Безумно нѣсколько сотъ человѣкъ казнить въ то время, какъ подозрѣніе падаетъ на двухъ-трехъ изъ окружавшихъ».—«Императоръ», вскричало нѣсколько голосовъ, «законъ требуетъ ихъ казни».—«А я», возразилъ Неронъ, «требую казни этого закона, потому что онъ безсмысленъ».—Видишь ли, какъ онъ пренебрегаетъ закономъ и какъ льститъ подлымъ рабамъ. И сенатъ поддался, но ропталъ больше, нежели когда-либо.

Мевій. Онъ безпрестанно ищетъ случая унизить патриція и отцовъ. Давеча я встрѣтилъ недалеко отъ вновь строющагося дворца похороны. Чьи, ты думаешь? Тигръ околѣлъ у него въ звѣринцѣ: онъ велѣлъ его хоронить, какъ сенатора, завернувши въ латиклаву. Плебеи толпами шли за трупомъ гадкой кошки, съ рукоплесканіями и хохотомъ; тутъ какой-то ободранный разбойникъ взлѣзъ на камень и кричалъ: «Божественный цезарь, доверши благое дѣло; ты посадилъ тигра въ сенатъ, посади же отцовъ въ звѣринецъ»... Толпа съ восторгомъ слушала эти нечестивыя рѣчи.

Патрицій. Подлое отродье подлыхъ корней. Плебей никогда не былъ римляниномъ, это—ложныя дѣти Италіи. Мевій, сегодня приходи непремѣнно къ Латерину, у него совѣщаніе; всѣ поняли, что пора приступить къ дѣлу; еще нѣсколько дней—и заговоръ непремѣнно будетъ открытъ. Отъ быстроты зависитъ успѣхъ. Мы утромъ для того сходились, но было какъ-то смутно и безтолково. Латеринъ поссорился съ Пизономъ. Ты знаешь его—воплощенный Брутъ, а Пизонъ туда же, мѣтитъ въ цезари. Луканъ, который въ Неронѣ ненавидитъ соперника-поэта больше, нежели тирана, хотѣлъ выпить чашу вина за здоровье новаго цезаря; Латеринъ и Эпихарисъ чуть не растерзали его. Пизонъ надулся; тутъ, какъ на смѣхъ, Сульпицій-Асперъ сталъ требовать въ раздачу тѣмъ преторіанскимъ когортамъ, которыя пристанутъ къ намъ, какихъ-то полей близъ Рима. Пизонъ испугался за земли, находящіяся вѣка во владѣніи Калпурніевъ безъ всякихъ правъ, надулся вдвое и уѣхалъ къ себѣ на дачу, а Луканъ на него сочинилъ уморительное двустишіе,—однако, у Латерина будутъ всѣ.

Мевій. Латеринъ—великій гражданинъ. Когда я смотрю на его открытое чело, на его спокойный, величественный и грустный видъ, онъ мнѣ представляется однимъ изъ полководцевъ временъ нашей

[1]) Историческій фактъ. *А. И. Г.*

славы. Римъ не погибъ, если могъ создать такого гражданина. Ну, а что касается до Пизона и...

Патрицій. Всякій знаетъ, да они намъ нужны. Что мы сдѣлаемъ безъ Пизоновыхъ сестерцій? А, сверхъ денегъ, его происхожденіе глубоко оцѣнено даже плебеями. Онъ—имя. Да, кстати, я, было, забылъ сказать: не знаю почему, пало подозрѣніе на старика-пафлагонца, раба Пизона,—знаешь, что игралъ на флейтѣ?—будто онъ доноситъ. Пизонъ велѣлъ его отравить и еще двухъ.

Мевій. Что-жъ, онъ узналъ навѣрное?

Патрицій. Эти вещи доказывать и узнавать мудрено. Онъ предупредилъ, если они не успѣли донести что-нибудь важное, и лишилъ себя трехъ рабовъ безъ пользы, если они уже сдѣлали доносъ. Это обстоятельство заставляетъ еще болѣе торопиться. Мнѣ есть еще дѣла. Итакъ, сегодня ночью у Латерина!

Мевій. За мной дѣло не станетъ: моя жизнь принадлежитъ Риму, я буду умѣть принести ее на жертву. А странно на душѣ: вѣра и недовѣріе, страхъ и надежда. Да неужели это не сонъ, что разъ, два сядетъ солнце и въ третій взойдетъ надъ освобожденнымъ Римомъ, и онъ, какъ фениксъ, воскреснетъ въ лучахъ прежней славы, пробудится отъ тяжелаго лихорадочнаго сна, въ которомъ грезилъ чудовищныя событія? И такъ скоро?

Лициній (встаетъ и подходитъ къ нимъ). Сонъ! И я скажу теперь—мечты! Домъ падаетъ, столбы покачнулись, скоро рухнутъ, а вы хотите поддержать его; чѣмъ? руками?—васъ раздавитъ, а зданіе, все-таки, упадетъ. Убить Нерона—дѣло возможное: ножемъ легко перерѣзать нить жизни, но трудно вызвать изъ могилы мертваго. Я участвовалъ въ заговорѣ, вы знаете, и пойду сегодня и буду дѣлать, что другіе хотятъ, но вѣра моя остыла. Римъ кончилъ свое бытіе, убійствомъ его воскресить нельзя: явится другой Неронъ. И вотъ уже есть желающій, Пизонъ,—этотъ ограниченный человѣкъ, сильный только деньгами и предками, протягиваетъ дерзкую руку. Мнѣ жаль Латерина, жаль васъ, жаль эту голубицу [1]), назначенную летать по поднебесью въ Элладѣ и залетѣвшую въ горящій домъ. Не то жаль, что вы погибнете, а жаль, что вы втуне употребляете вашу вѣру... Что хотите? Воскресить Римъ? Зачѣмъ? Онъ былъ нелѣпъ, римляне были хороши. Не законъ, начертанный на доскахъ, покорилъ ему міръ, а другой законъ, который онъ сосалъ съ молокомъ. Истинный Римъ построенъ былъ не изъ камня, онъ былъ въ груди гражданъ, въ ихъ сердцахъ; а теперь его нѣтъ, остался его остовъ, каменныя стѣны, каменныя учрежденія. И въ этомъ

[1]) Эпихарисъ. *А. И. Г.*

трупѣ, уже загнившемъ, тлѣетъ какая-то болѣзненная, лихорадочная, упорная искра жизни. Одряхлѣвшій Римъ одинъ ходить не можетъ, а вы, добрые люди, хотите отнять вожатаго у калѣки, чтобъ онъ упалъ въ первую канаву. Для кого вы работаете, на кого обопретесь? На плебеевъ, что ли? Да они васъ ненавидятъ. Было время, плебей считалъ патриція за отца. Хорошо воспиталъ отецъ сына!—онъ его ограбилъ, замучилъ на тяжкой работѣ, прогналъ изъ дома, раба принялъ на его мѣсто, рѣзалъ мясо его на куски за долги, морилъ въ тюрьмѣ, ругаясь надъ нимъ, спрашивалъ, глядя на заскорузлую руку,—не четвероногій ли онъ? [1]). Онъ и въ самомъ дѣлѣ сдѣлался звѣремъ. Посмотрите вы на кровожаднаго барса, выходящаго иногда погулять на площади, послушайте его ревъ; цезари поняли его характеръ: они ему, голодному, вмѣсто хлѣба, бросаютъ трупы гладіаторовъ, и звѣрь, упоенный зрѣлищемъ крови, рукоплещетъ. При первомъ шагѣ онъ васъ растерзаетъ на части, и нечему дивиться. Вы сейчасъ бранили плебеевъ за то, что они ругались надъ сенатомъ, а сенатъ развѣ нѣсколько столѣтій не ругался надъ ними? На плебеевъ обопрется цезарь,—не вы, а вы обопретесь, можетъ, на патриціатъ. Хорошъ и этотъ крокодилъ, не имѣющій зубовъ, снѣдаемый нечистыми страстями, умирающій въ рукахъ рабовъ, египетскихъ поваровъ и нагихъ невольницъ! Въ основѣ своей Римъ носилъ зародышъ гибели. Время казни настало. Онъ богами посвященъ! Ремъ, облитый кровью, всталъ, онъ требуетъ наслѣдія, отчета; онъ не забылъ, что его зарѣзалъ родной братъ изъ корысти. Онъ одичалъ въ преисподней, безумье блеститъ въ его глазахъ, лишенныхъ свѣта нѣсколько вѣковъ, у него въ груди одно чувство—месть! Онъ, какъ Протей, является въ тысячѣ формъ: онъ Калигула, онъ Клавдій, онъ Неронъ, онъ нѣкогда кололъ булавкой языкъ Цицерона и таскалъ его окровавленную голову по площади, онъ былъ Катилина, онъ выводитъ теперь сенаторовъ на арену и заставляетъ бороться съ подлыми гладіаторами, и онъ же—чернь, рукоплескающая около арены... Онъ—огонь, прокравшійся всюду и сожигающій со всѣхъ сторонъ ветхое зданіе, воздвигнутое на его размозженномъ черепѣ... Когда-нибудь пожаръ кончится, тогда тишина наляжетъ на эту полосу, будутъ объ Римѣ говорить, какъ о Карѳагенѣ, о Вавилонѣ. Звѣри поселятся, имъ ловко норы устраивать въ развалинахъ, стаи хищныхъ птицъ прилетятъ доѣдать не съѣденное Хроносомъ. Поторжествуютъ животныя паденіе человѣка; нѣтъ, еще хуже, они будутъ жить, какъ дома, въ берлогахъ своихъ, на великомъ римскомъ форумѣ.

Мевій. Остановись, наконецъ, дерзновенный! Что за ужасное

[1]) Острота Сципіона Африканскаго. *А. И. Г.*

воображеніе—слѣдъ беззаконныхъ, преступныхъ мечтаній. Римлянинъ не долженъ слушать такую рѣчь, полную отравы. Погибнуть лучше съ вѣрою въ Римъ, нежели дать мѣсто въ груди ядовитымъ пѣснямъ фурій.

Лициній. Мнѣ самому досадно: больше сказалось, нежели я хотѣлъ. Я, видишь ли, долго молчалъ; грудь отъ этого стала полна,—ей надобенъ былъ истокъ, она не могла дольше хранить жгучія истины; мнѣ горько, Мевій, что я дерзкой рукой тронулъ твое сердце гражданина. Но не брани меня,—плачь обо мнѣ; потерявши многое, у васъ осталась вѣра въ Римъ,—для меня и Римъ пересталъ быть святымъ. А я люблю его, но не могу не видѣть, что стою у изголовья умирающаго. Если-бъ можно было создать новый Римъ—прочную, обширную храмину изъ незажившихъ остатковъ! Но кто мощный, великій, который вольетъ новую кровь въ наши жилы, юную и алую, который огнемъ своего генія сплавитъ въ одну семью патриціатъ и плебеевъ, согрѣетъ ихъ своею любовью, очиститъ своей молитвой и, наполнивъ своимъ духомъ, всѣхъ гордою стопой поведетъ въ грядущіе вѣка? Но и Зевсъ, сойдя на землю, не сдѣлаетъ этого.

Мевій. Другъ, такія слова еще ужаснѣе; бѣшеные звуки твоей филиппики возбудили гнѣвъ, а эти слова... послушай (*съ отчаяніемъ*): скажи, что̀ намъ дѣлать, что̀ намъ дѣлать?

Лициній. Наконецъ-то, ты увидѣлъ весь ужасъ настоящаго... Что̀ дѣлать? Въ этомъ-то вся задача сфинксовъ. Во всѣ времена, отъ троглодитовъ до прошлаго поколѣнія, можно было что-нибудь дѣлать. Теперь *дѣлать нечего*. Да, нечего, и это худшая кара, которая можетъ пасть на людей, хуже Сизифовой, хуже Танталовой. Бѣдные, несчастные! Фатумъ призвалъ насъ быть страдательными свидѣтелями позорной смерти нашего отца и не далъ никакихъ средствъ помочь умирающему, даже отнялъ уваженіе къ развратному старику. А, между тѣмъ, въ груди бьется сердце, жадное дѣяній и полное любви. Ни Эсхилу, ни Софоклу не приходило въ голову такого трагическаго положенія. Можетъ, придутъ другія поколѣнія,—будетъ у нихъ вѣра, будетъ надежда, свѣтло имъ будетъ, зацвѣтетъ счастье, можетъ. Но мы—промежуточное кольцо, вышедшее изъ былого, не дошедшее до грядущаго. Для насъ темная ночь—ночь, потерявшая послѣдніе лучи заходящаго солнца и не нашедшая алой полосы на востокѣ. Счастливые потомки, вы не поймете нашихъ страданій, не поймете, что нѣтъ тягостнѣе работы, нѣтъ злѣйшаго страданія, какъ *ничего не дѣлать!* Душно!

(Лициній закрываетъ руками лицо. Мевій, глубоко взволнованный, молчитъ).

FORUM APII [1]).

Кружокъ обдерганныхъ плебеевъ окружаетъ какую-то женщину; ее поставили на возвышеніе.

Голоса. Сама, сама ты видѣла?

Женщина. Братья мои, свидѣтельствуюсь богами—видѣла; святого-то мужа, какъ преступника, вели въ цѣпяхъ, поселяне его провожали. А онъ кротко, спокойно, просто все поучалъ своей вѣрѣ.

Голоса. Чтòжъ онъ говорилъ, чтò?

Женщина. Онъ такъ утѣшительно говорилъ, такъ хорошо, не могу всего пересказать. Говорилъ онъ, что пора каяться, что новая жизнь началась, что Богъ послалъ Сына своего спасти міръ, спасти притѣсненныхъ и бѣдныхъ. Мы плакали, слушая его. Потомъ онъ взялъ моего маленькаго, посмотрѣлъ на него ласково и сказалъ: «Ты увидишь уже сильнымъ царство Христово»...

Голоса. Слышите! слышите! Говорятъ, и слѣпые стали видѣть, и мертвые воскресаютъ!

1838 г. Владиміръ-на-Клязьмѣ.

233. Письмо къ А. Л. Витбергу.

1 октября 1838.
Владиміръ.

...Видѣли ли вы памятникъ Сусанину (картинка въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ», слѣдовательно, въ канцеляріи губернатора)? мнѣ нравится. Работникъ упалъ въ самомъ дѣлѣ съ Алексѣевскаго монастыря. Я писалъ, что вы не поняли тонъ, въ которомъ я разсказалъ это происшествіе [2]).

Я пишу стихи—вотъ новость...

234. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

4 октября (1838).
Владиміръ.

Любезный Кетчеръ! Левашовъ проѣздомъ здѣсь и на одну минуту, писать некогда; но нѣсколько словъ скажу, потому что

[1]) Аппіева площадь.
[2]) См. № 191.

жаль пропустить случай. При первой оказіи я пришлю тебѣ первую часть фантазіи «Палингенезія». Я написалъ Сазонову, что это—драма; нѣтъ, просто сцены изъ умирающаго Рима. Это первые стихи, съ 1812 года мною писанные; кажется, 5-ст. ямбъ дѣло человѣческое. — Еще началъ я диссертацію о томъ, о семъ. *Напиши мнѣ непремѣнно*, вступить ли мнѣ въ сношеніе съ Полевымъ? Послать ли ему что-нибудь или нѣтъ? Сдѣлай одолженіе, напиши. Далѣе, я subintelligitur [1]) счастливъ; однако, пора разстаться съ провинціей: сердцу довольно, но хочется и для ума дѣятельности. А вы, варвары, книгъ посылаете мало.

Я опредѣляюсь здѣсь къ мѣсту.

Прощай.

Твой *А. Г.*

Отослано ли мое письмо къ Ог.?

Наташа клан.

235. Письмо къ А. Л. Витбергу.

24 ноября 1838.
Владиміръ.

Давно, почтеннѣйшій Александръ Лаврентьевичъ, вы не писали ко мнѣ. Получили ли вы посланный мною фасадъ Тонова храма?... [2]).

Что вы подѣлываете? Вятка, вѣроятно, съ каждымъ часомъ дѣлается скучнѣе. Я занимаюсь, иду съ человѣчествомъ, сколько могу и понимаю. Нынѣшняя нѣмецкая философія (Гегель) очень утѣшительная, это—слитіе мысли и откровенія, воззрѣнія идеализма и воззрѣнія теологическаго. На-дняхъ я перечитывалъ извѣстныя вамъ тетради, которыя мы вмѣстѣ писали. [1] Полна была жизнь ваша и совершила высокое предназначеніе жизни. Я возвращаюсь къ мысли, которую имѣлъ очень давно: сознаніе всѣхъ трудовъ, совершонныхъ вами, сознаніе, что жизнь не тщетно была прожита, должно служить опорой теперь и съ этой опорой не тяжело настоящее. Оно тяжело мелочами, реальностью, но не душѣ; душа взмахнетъ крылами, и исчезаетъ болотистый, грязный міръ реальнаго.

[1]) Само собою подразумѣвается.

[2]) Константинъ Андреевичъ Тонъ, профессоръ архитектуры, по проекту котораго выстроенъ въ Москвѣ храмъ Христа Спасителя.

А ужасную пыль наноситъ на душу суета и хлопоты домашняго, я ихъ отталкиваю «обѣма рукама», и какъ ничтожны онѣ,— почти стоятъ на одной доскѣ съ сплетнями и пересудами, отъ которыхъ въ провинціяхъ почти никто не изъятъ...

Вспомнили ли вы меня 23-го,—день, въ который въ 1835 г. я первый разъ слушалъ ваши морали, Александръ Лаврентьевичъ?... Душою преданный *А. Герценъ*.

◆◆ 1. Въ I, II и IV кн. «Русской Старины» 1872 г. были напечатаны «Записки» А. Л. Витберга съ нѣкоторыми къ нимъ приложеніями. Редакція журнала сообщила сначала (кн. I), что матеріалъ этотъ доставленъ ей Т. П. Пассекъ и что составляющія его семь большихъ тетрадей написаны въ іюлѣ 1836 г. въ Вяткѣ «рукою одного изъ близкихъ друзей и почитателей таланта Витберга». Рукопись написана «крайне связнымъ почеркомъ, наскоро, со множествомъ недомолвокъ, но очевидно, не только со словъ, но совершенно подъ диктовку Витберга; изъ многочисленныхъ поправокъ, вставокъ и набросковъ отдѣльныхъ замѣтокъ на поляхъ тетрадей видно, что записки многократно читаны Витбергу и, по его указаніямъ, были добавлены и исправлены». Затѣмъ тамъ же было сообщено, что «въ 1846 году владѣлецъ рукописи, покидая отечество, оставилъ ее своему другу дѣтства, Т. П. Пассекъ, и та, свято сохранивъ драгоцѣнный историческій матеріалъ, передала его въ распоряженіе «Русской Старины».

Въ IV кн. редакція имѣла уже возможность раскрыть имя этого друга и назвала его А. И. Герценомъ; при этомъ добавлено, что на верху первой страницы рукою Герцена помѣчено: «15 іюля 1836 г. Вятка», а на одной изъ послѣднихъ страницъ:—«Владиміръ, ноября 16 д. 1838 г. А. Герценъ»; кромѣ того, указано, что на поляхъ попадаются силуэты женскихъ головокъ, шифры «N», «Natalie». Что касается передачи рукописи Пассекъ, то въ IV кн. сдѣлано существенное исправленіе: «вмѣстѣ съ другими немногими бумагами и довольно изрядною библіотекою она была оставлена Герценомъ у его брата, Егора Ивановича, въ Москвѣ. Въ 1859 г. А. И. Герценъ писалъ изъ-за границы къ своему брату, чтобъ тотъ передалъ, какъ бумаги, такъ и книги въ собственность Т. П. Пассекъ. Это и было исполнено, но уцѣлѣло уже до того весьма не много» (стр. 581). На этомъ кончается часть болѣе или менѣе фактическая. Изъ предположеній Т. П. Пассекъ или редакціи «Рус. Старины» нельзя не остановиться на слѣдующемъ: «Очень вѣроятно, что Герценъ готовился обработать эти записки къ печати; расположеніе частей, хорошо вставленные эпизоды, умѣнье поддержать инте-

ресъ разсказа,—все это показываетъ что Герценъ въ этомъ случаѣ былъ не простымъ стенографомъ Витберга, а, безъ сомнѣнія, направлялъ даже его разсказъ сообразно плану задуманнаго ими обоими труда. Было ли его продолженіе? Очень можетъ быть, что ни тотъ, ни другой не продолжалъ записокъ, тѣмъ болѣе, что далѣе идетъ горькая полоса въ жизни Витберга; подробности изъ нея могли казаться обоимъ друзьямъ недоступными не только для печати, но и для того, чтобъ хранить ихъ въ рукописи, и вотъ трудъ оборванъ» (стр. 581). Ясно, что ни у Т. П. Пассекъ, ни у «Рус. Старины» не было никакихъ вѣскихъ основаній дѣлать Герцена сначала писцомъ, а потомъ соавторомъ Витберга; все это написано безъ серьезнаго вдумчиваго отношенія къ подобнаго рода редакціоннымъ замѣчаніямъ. Не имѣя возможности видѣть не найденныя тетради «Записокъ», я не могу высказать какого-либо своего мнѣнія о долѣ участія въ нихъ Герцена. Несомнѣнно только, что тетради были взяты имъ изъ Вятки во Владиміръ, и на нихъ-то онъ и указываетъ въ настоящемъ письмѣ.

236. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

1838, дек. 4.
Владиміръ.

Въ Ревелѣ, подъ Олаевской колокольней бережется сушеный баронъ лѣтъ триста и ни съ кѣмъ не переписывается; ну, это дѣло обыкновенное, и никто на него не сердится, во-первыхъ, потому, что всѣ его знакомые умерли, во-вторыхъ, потому, что онъ самъ умеръ.

Въ Москвѣ, у Яра въ гостиницѣ живетъ Сазоновъ, и тотъ ни съ кѣмъ никогда не переписывается, а когда и пишетъ письма, то беретъ мѣры, чтобъ они пропадали, однако, я отъ него получаю иногда вѣсточки. Ну, а ты,

Баронъ не сушеный, а Упсальскій?

постыдись стѣнъ: ты—стенографъ, каллиграфъ и никогда не потѣшишь строкой бѣднаго Герцена.

Я самъ рѣдко пишу, да на это есть причина. На инструментальный заводъ, чортъ знаетъ гдѣ, почта не ходитъ, а Владиміръ—городъ, Богомъ хранимый и Боголюбскимъ отстроенный, c'est une autre [1]) дѣло. Прими же въ наказаніе эту страницу, полную глу-

[1]) Это другое.

постей, и притомъ безропотно, да и не вздумай хохотать, а утри слезу раскаянія, возьми перо и пиши отвѣтъ на слѣдующее:

☞

¿

I-е. Имѣются ли вѣсти о Н. Огар. и возможность къ нему писать?

II-е. Имѣется ли возможность отъ тебя выручить мою писанную книгу, которую пришли по оказіи черезъ Егора Ив.?

III-е. Получилъ ли ты отъ Эмиліи Михайловны [1]) записку и думаешь ли посѣтить меня?

IV. Вступить ли въ сношеніе съ Полевымъ или съ кѣмъ лучше?

V. Достанешь ли «Revue» за вторую половину 1837 и книгъ отъ Катерины Гавриловны [2])?

VI (изъ скромности на концѣ). Какъ мыслишь о планѣ моего «Лицинія», который наружно похорошѣлъ послѣ отрывковъ, очень дурно выбранныхъ—я досадовалъ послѣ на себя: надобно бы разомъ прислать?

?

Шутки въ сторону, меня удивляетъ молчаніе Огарева. Письмо, полученное мною въ мартѣ,—отвѣтъ на старое; съ тѣхъ поръ я писалъ два раза и писалъ о своей женитьбѣ,—онъ ни слова. Я не понимаю, какъ онъ въ состояніи такъ долго молчать, и что за невозможности,—фантастическія, будьте увѣрены. Это наводитъ подчасъ на меня грусть середь моей жизни поэзіи. Теперь, Кетчеръ, я чистъ: толпу оттолкнулъ далеко, вѣчно дома, вѣчно съ ней и съ моимъ міромъ... Расту душою... Нѣтъ, не стану всего разсказывать, не за что; вотъ какъ напишешь длинное письмо мнѣ, тогда разговорюсь.

Новостей, новостей литературныхъ, всяческихъ!

Наташа часто вспоминаетъ Рыцаря бѣлаго платка, а теперь дружески жметъ его руку, расковавшую ее.

[1]) Аксбергъ.
[2]) Левашова.

Когда будешь у Левашовой, передай ей и Чаадаеву [1]) искреннее почтеніе и Николаю Васильевичу [2]).

Николаю Христофоровичу
Кетчеру.

Не правда ли, буква эта что-то выражаетъ, самого Барона? Въ его характерѣ?

237. Письмо къ А. Л. Витбергу.

8 декабря 1838.
Владиміръ.

...Итакъ, артистическій инстинктъ мой былъ вѣренъ касательно Тонова проекта. Боюсь сомнѣваться, что вы исполните ваше обѣщаніе, но прошу, ежели можно, не долго томить—пришлите обѣщанное. Это одно изъ давнихъ, заповѣдныхъ желаній имѣть вашъ проектъ и притомъ именно въ византійско-тевтонскомъ стилѣ. Здѣсь, во Владимірѣ, есть древній соборъ, строенный при в. к. Всеволодѣ; онъ не великъ, но масса его очень хороша: въ немъ есть что-то стройное, конченное и, признаюсь, онъ для меня въ 10 разъ лучше тоновскаго. Между прочимъ, какъ нелѣпо огромное окно надъ дверями. Можетъ, тевтонская розетка не шла, но ужъ и это pseudo-венеціанское очень нелѣпо. Да и вообще масса ничтожна,—подобныхъ соборовъ въ Кіевѣ, Москвѣ и проч. много; Тонъ прибавилъ только мамонтовскій размѣръ. Я желалъ бы вамъ прислать фасадъ нашего Дмитровскаго собора: онъ одноглавый, четырехугольный, но чрезвычайно гармоничны части. Строенъ изъ дикаго камня, весь покрытъ барельефами *(нынѣ поправленными!)* и, конечно, строилъ какой-нибудь греческій зодчій. Другой соборъ, Успенскій, тоже четырехугольный, нелѣпъ. А, вѣдь, византійское зодчество, т. е. зодчество съ plein cintre [3]), куполомъ, переходами и проч., имѣетъ, мнѣ кажется, большую будущность. Древнее греческое окончено, оно же сводится на нѣсколько типовъ; тевтонское богаче, но что воздвигать послѣ соборовъ въ Реймсѣ, Парижѣ, Кёльнѣ, Миланѣ? Но византійскій стиль, рожденный у гроба Господня, сроднившійся съ покойной, созерцательной идеей Востока,—ему будущность большая, которую Тонъ не понялъ. Слышали ли вы, что Кёльнскій со-

[1]) Петръ Яковлевичъ.
[2]) Левашовъ.
[3]) Полукруглый сводъ.

боръ достраивается совершенно по первоначальному чертежу? Душевно радъ, что вы заняты. Я занятъ очень много и, разумѣется, не службой: много читаю, пишу и доволенъ собою. Мнѣ такъ страшна эта жизнь постояннаго, безмятежнаго счастья, этой полной симпатіи между мною и Наташей. Нѣтъ мысли, нѣтъ мечты, нѣтъ идеи, которая не находила бы больше, нежели отзывъ, въ ея душѣ;—развитіе поэтическое, высокое. Александръ Лаврентьевичъ, помните, вы говаривали, что я паду; я вамъ всегда отвѣчалъ: провидѣніе поддержитъ. Ужели вы не увѣрены теперь, что я не паду? Но душа моя все та же бурная, порывистая, еще больше она поюнѣла, весь прежній пылъ, всѣ надежды возвратились. Небо дало залогъ, съ нимъ я окрѣпъ, съ нимъ силенъ! Прощайте, къ новому году пришлю дѣтямъ книгъ. А скоро и 29-е декабря—вспомните меня, я васъ вспомню; годъ тому: «Addio», Бахта, проводы... Прощайте. Весь вашъ.

238. Письмо къ А. Л. Витбергу.

8 декабря 1838.

Теперь я къ вамъ, Александръ Лаврентьевичъ, съ весьма важной просьбой. У Наташи есть меньшой братъ, несчастный юноша, совершенно всѣми оставленный [1]). Этотъ молодой человѣкъ, не имѣвши возможности образоваться, самъ собою немного выучился рисовать и пламенно желаетъ быть живописцемъ. Я придумалъ обратиться къ вамъ съ всепокорной просьбой. Такъ какъ онъ вовсе безпріютенъ, то я бы прислалъ его въ Вятку, буде возможно, къ вамъ, въ противномъ случаѣ къ Скворцову, съ тѣмъ только, чтобъ онъ могъ пользоваться вашими совѣтами. Si cela est faisable [2]), вы меня обяжете чрезвычайно и спасете молодого человѣка; само собой разумѣется, что вы намъ позволите ежегодно за него, по возможности, платить, vu les circonstances dans lesquelles vous êtes à présent [3]). Буде же вы не сочтете это за возможное, то напишите, что̀ намъ съ нимъ дѣлать...

Боже мой, какъ дорого выкупаетъ нашъ вѣкъ порочную нравственность прошлаго,—вотъ еще бѣдная жертва. А сколько ихъ! И у него есть родной братъ [4]), у котораго 500 душъ etc., etc. Но

[1]) Петръ Александровичъ Захарьинъ.
[2]) Если это исполнимо.
[3]) Въ виду обстоятельствъ, въ которыхъ вы теперь находитесь.
[4]) Алексѣй Александровичъ, «химикъ».

Богъ съ ними, надобно какъ-нибудь помочь... Пожалуйста, поспѣшите отвѣтомъ. Юноша ждетъ, и такъ онъ много потерялъ,—ему 18-й годъ...

Прасковьѣ Петровнѣ [1]) посылаю отрывокъ изъ моей поэмы [2]), которая сама есть отрывокъ изъ меня самого, а я—отрывокъ человѣчества, а человѣчество—вселенной. Прасковьѣ Петровнѣ совѣтую его раза два прочитать и потомъ въ торжественное собраніе, въ новый годъ прочитать, буде позволено, вслухъ...

Люденькѣ, Любенькѣ, Сонечкѣ, Николенькѣ [3]) посылаются книги; да простятъ мнѣ, что не всѣ новыя,—то значитъ, что онѣ были въ рукахъ у одного ребенка, а cet enfant c'est moi [4]).

239. Отъ редакціи.

Оканчивая годичное изданіе «Прибавленій», редакція считаетъ себя обязанною дать въ нѣкоторомъ смыслѣ отчетъ гг. подписавшимся въ планѣ, котораго она придерживалась почти съ первыхъ №№ своего существованія. Тѣмъ пріятнѣе будетъ это ей сдѣлать, что она, съ своей стороны, употребила все возможное стараніе, чтобъ достигнуть цѣли, съ которою, какъ ей кажется, правительство учредило изданіе «Прибавленій».

Неофиціальная часть «Вѣдомостей» вмѣстѣ съ губернскими статистическими комитетами, должна раскрыть внутреннюю жизнь каждой части нашей родины, привесть въ извѣстность бытъ и средства, дать гласность всѣмъ особенностямъ своего края, даже чрезвычайнымъ происшествіямъ. Изъ этого очевидно, что цѣль «Прибавленій» отнюдь не литературная, а *статистическая* и тѣмъ важнѣе это, что при сообщеніи своихъ свѣдѣній читателямъ, редакція до нѣкоторой степени ручается за ихъ достовѣрность, ибо сама беретъ ихъ изъ офиціальныхъ источниковъ, которые гораздо болѣе изъяты отъ ошибокъ и гадательныхъ показаній частнаго труда. Итакъ, предположивъ, что совокупность «Прибавленій» за нѣсколько лѣтъ должна представить *возможно полную статистику Владимірской губерніи,* мы съ 10 № прямо пошли къ цѣли, начавъ помѣщать отрывки изъ отчетовъ городничихъ, и тогда же сообщили (№ 15) всю важность этихъ сухихъ матеріаловъ, которые послу-

[1]) Медвѣдева.
[2]) См. № 232.
[3]) Дѣти А. Л. Витберга.
[4]) Этотъ ребенокъ—я.

жатъ твердою основою для дальнѣйшихъ трудовъ. Мало-по-малу, мы помѣстили описаніе *всѣхъ* городовъ, даже заштатныхъ. Такимъ образомъ одинъ элементъ для общаго описанія готовъ и переданъ публикѣ,—эти отрывки изъ отчетовъ, вмѣстѣ взятые, въ которыхъ строго соблюдена одна форма, представляютъ довольно полную *городовую статистику Владимірской губерніи.*

Съ другой стороны, наша губернія такъ обильна историческими воспоминаніями, памятниками, что описаніями монастырей, соборовъ, церквей, помѣщеніемъ разныхъ достопримѣчательныхъ грамотъ весьма обильно наполнилась историческая часть, несмотря на то, что редакція еще едва коснулась всѣхъ историческихъ сокровищъ Владимірской губерніи. Нашъ край такъ богатъ воспоминаніями, онъ можетъ гордиться своимъ былымъ величіемъ и быть увѣреннымъ, что всякій русскій съ благоговѣніемъ прочтетъ подробности его былой жизни и пролившей столько крови съ тяжелой руки Батыя. Вотъ почему мы не думаемъ, что отступили отъ назначенія газеты, давши столько мѣста исторической части: здѣсь она составляетъ существенный элементъ самаго быта; можно ли разсказывать о Владимірѣ, Суздалѣ, Переяславлѣ, Александровѣ и проч., не касаясь историческихъ воспоминаній? *Доселѣ* сообщенныя свѣдѣнія большею частью почерпнуты изъ рукописей, хранящихся при соборахъ и монастыряхъ,—мы не имѣемъ покамѣстъ другихъ средствъ.

Сверхъ статей, относящихся къ симъ двумъ разрядамъ, помѣщались въ «Прибавленіяхъ» отдѣльныя статьи по части технологіи и общественной гигіены (почерпнутыя большею частію изъ другихъ «Вѣдомостей»), метеорологическія наблюденія и разныя свѣдѣнія, до нашей губерніи относящіяся (какъ-то, отчетъ гимназіи о состояніи Публичной библіотеки, некрологія г. Бенедиктова, о рыбной ловлѣ на Клязьмѣ и т. д.). Эти свѣдѣнія, не подчиняющіяся никакому систематическому порядку, какъ и во всякомъ періодическомъ изданіи, тѣмъ не менѣе взойдутъ, какъ отдѣльныя статьи, какъ отдѣльные матеріалы при составленіи общаго описанія.

Давши такимъ образомъ отчетъ нашимъ читателямъ за оканчивающійся годъ, мы съ грустію сообщимъ имъ, что вторая отрасль статистики — описаніе уѣздовъ, была особенно бѣдна: она ограничилась краткимъ обзоромъ Муромскаго уѣзда. Прямыхъ официальныхъ источниковъ на такія описанія мы не имѣли, а призывъ нашъ (въ 16 и 17 №№) гг. членамъ-корреспондентамъ статистическаго комитета и вообще къ жителямъ Владимірской губерніи остался безъ успѣха. Мы льстимъ, однако, себя надеждою, что онъ не останется безъ него на будущій, 1839 годъ. Ежели бы исполнилась наша

надежда, то мы думаемъ, что «Прибавленія» слѣдующаго года должны заключать въ себѣ: во-первыхъ, *статистику уѣздовъ*, во-вторыхъ, *коммерческую и индустріальную жизнь* Владимірской губерніи. Много будетъ зависѣть отъ нашихъ читателей въ исполненіи надежды и потому повторяемъ наше приглашеніе сообщать редакціи всякаго рода свѣдѣнія, по двумъ частямъ этимъ въ особенности.

240. Письмо къ М. Н. Похвисневу.[1]

(1838—1839).

Благодарю за Марбаха [1]) и посылаю его. Если вы прочли 2 отдѣлъ, то одобрите. Хорошо, но очень неудовлетворительно; по этой книжкѣ можно столько же понять германскую литературу, сколько по очеркамъ «Художественной Газеты» картины Рафаэля и др. Гегель относится къ Марбаху, какъ Христосъ къ какому-нибудь кардиналу... [2]), какъ Гете къ Эккерману [3]), что нисколько не мѣшаетъ мнѣ засвидѣтельствовать почтеніе Михаилу Николаевичу.

А. Герценъ.

◆◆ 1. Михаилъ Николаевичъ Похвисневъ въ 1841 г. былъ назначенъ помощникомъ управляющаго Владимірскою удѣльною конторою и пробылъ на этой должности до 1847 г.; въ 1852 г. былъ назначенъ цензоромъ московскаго ценз. комитета; въ 1863 г.— директоръ департамента полиціи исполнительной, а съ 1866 г.—начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати; въ годъ смерти Герцена (1870)—сенаторъ. Во Владимірѣ Похвисневъ былъ близко принятъ у Куруты и вообще въ интеллигентномъ обществѣ.

---

[1]) Освальдъ Марбахъ, нѣмецкій писатель. Въ 1838 г. вышло второе изданіе его «Gedichte».

[2]) Фамилія неразборчива.

[3]) Іоганнъ, нѣмецкій писатель, авторъ «Разговоровъ съ Гете».

1839

241. Извѣстія.

I.

Слухъ носится, и мы спѣшимъ передать его нашимъ читателямъ, какъ радостную новость къ новому году, что во Владимірѣ, сообразно желанію правительства, чрезъ нѣкоторое время будетъ читаться публичный курсъ *физики и химіи;* предпріятіе превосходное и вполнѣ принадлежащее къ ряду усилій и нововведеній, которыми правительство распространяетъ просвѣщеніе по губерніямъ: сумма физическихъ и химическихъ свѣдѣній, находящихся въ оборотѣ общества, очень мала, да и средства для пріобрѣтенія ихъ небогаты въ губернскихъ городахъ. И тутъ правительство подало руку; вѣроятно, эта новость обрадуетъ всѣхъ любителей просвѣщенія, а въ особенности гг. заводчиковъ и фабрикантовъ. Доказывать пользу подобнаго рода чтеній было бы довольно странно въ XIX вѣкѣ, потому что это свелось бы на доказательство пользы познанія природы и ея силъ, въ чемъ никто не сомнѣвается. Эпиктетъ сказалъ, что Юпитеръ создалъ человѣка для того, чтобъ онъ познавалъ природу. Кто не согласенъ съ Эпиктетомъ, тотъ навѣрное согласится въ технологической пользѣ химическихъ и физическихъ свѣдѣній.

Въ весьма непродолжительномъ времени надѣемся передать читателямъ подробности объ сихъ чтеніяхъ и самую программу.

242. Извѣстія.

II.

Физическій кабинетъ нашей губернской гимназіи обогатился новымъ и превосходнымъ снарядомъ, извѣстнымъ подъ названіемъ *Атвудовой машины* (раскрывающей законы паденія тѣлъ); машина

сдѣлана г. Нейгебауеромъ въ Москвѣ, по заказу г. почетнаго попечителя, С. Н. Богданова, трудамъ и усиліямъ котораго, какъ уже знаютъ наши прошлогодніе читатели, обязанъ физическій кабинетъ своимъ существованіемъ.[1]

◆◆ 1. Въ «Прибавленіи» къ «Владимірскимъ Губ. Вѣдомостямъ» отъ 21 января 1839 г. напечатано:

«Г. почетный попечитель губернской гимназіи, С. Н. Богдановъ, сообщилъ редакціи слѣдующее: физическій кабинетъ владимірскаго благороднаго пансіона получилъ значительное приращеніе пожертвованіемъ титулярнаго совѣтника А. И. Герцена, приславшаго на дняхъ при письмѣ къ г. почетному попечителю *эвдіометръ Вольты*, употребляемый химиками для опредѣленія пропорціи кислорода, содержащагося въ атмосферномъ воздухѣ. Хотя г. почетный попечитель уже и благодарилъ г. Герцена частнымъ письмомъ за его прекрасное пожертвованіе, но вмѣняетъ себѣ въ пріятную обязанность довесть до свѣдѣнія публики о участіи г. Герцена въ пополненіи кабинета. Редакція, съ своей стороны, спѣшитъ передать своимъ читателямъ сообщеніе г. почетнаго попечителя; весьма хотѣлось бы ей имѣть чаще случай припечатывать подобныя новости».

243. Письмо къ А. Л. Витбергу.

10 января 1839.
Владиміръ.

Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Живописнаго Обозрѣнія» находится политипажная картинка, представляющая вашъ храмъ. Я очень этому удивился; кто его далъ въ редакцію и кто писалъ всю статью? Впрочемъ, это недурно; пусть сличатъ,—чувство изящнаго принадлежитъ не однимъ артистамъ: всякій, имѣющій очи, увидитъ.[1]

На-дняхъ день вашего рожденія. Поздравляю съ этимъ днемъ академію художествъ и вообще зодчество. Подвигъ вашъ не останется втуне, нѣтъ, человѣчество имѣетъ свою мѣрку великому, и ваше мѣсто въ исторіи искусства занято. Вспомните, какъ въ 1837 г. я былъ Дантомъ,—этотъ вечеръ отмѣченъ въ моей памяти свѣтлой чертой. Вы были тронуты тогда, и ваша слеза принадлежала отчасти мнѣ.

Какъ встрѣтили вы новый годъ? Отчасти грустно, но въ вашей душѣ награда за все. Эрнъ писалъ мнѣ, что въ праздникъ

(25-го декабря) онъ обѣдалъ у васъ, много было говорено обо мнѣ. Меня обрадовала эта вѣсть, не изъ суетнаго самолюбія, а изъ той симпатіи, глубокой и сердечной, которая соединила насъ въ горькую эпоху жизни.

Читали ли вы посланный отрывокъ изъ моей поэмы? Впрочемъ, по немъ нельзя судить обо всемъ. Когда угодно прочесть все, то попросите у Скворцова; я ему посылаю черновой, измаранный...

◆◆ 1. На стр. 177 ч. IV «Живописнаго Обозрѣнія» 1838 г. помѣщенъ плохо исполненный рисунокъ храма по проекту Витберга, а далѣе—по проекту Тона, которымъ авторъ замѣтки восхищается.

244. Письмо къ А. Л. Витбергу.

11 января 1839.

Новый годъ я встрѣтилъ у постели больной Наташи, которой, впрочемъ, теперь лучше. Однако, васъ не забыли, я въ 12 часовъ безъ *вина* поздравилъ васъ. «Благословенье друзьямъ въ Вяткѣ»—сказалъ я и сдѣлалъ крестъ рукою; другимъ хиротонисали меня, и она даетъ право благословлять.

Вы, кажется, хороши съ губернаторомъ. Это меня удивляетъ, потому что я объ немъ со всѣхъ сторонъ слышу пакости [1]).

Я еще не чиновникъ особыхъ порученій, понеже это будетъ зависѣть отъ министра внутреннихъ дѣлъ; ну, да впрочемъ, я иначе теперь помышляю о службѣ: лишь бы асессорскій чинъ, а съ нимъ въ отставку [2]). Теперь я все еще редакторъ газеты, и она идетъ, кажется, недурно. Ежели министръ утвердитъ, то буду получать 1.000 р. жалованья да 500 за редакцію (потому такъ мало, что я требовалъ помощника), да домашнія стипендіи, и все это вмѣстѣ мнѣ далеко не хватаетъ, ибо здѣсь дороговизна ужасная.[1]

Въ томъ письмѣ, которое пропало, я спрашивалъ васъ, не обяжете ли вы насъ тѣмъ, что возьмете en pension Наташинова меньшого брата, который мечтаетъ быть живописцемъ. Но теперь, кажется, его опредѣляютъ въ медико-хирургическую академію.

[1]) Иванъ Петровичъ Хомутовъ.

[2]) Чинъ коллежскаго асессора давалъ право владѣть крѣпостными тѣмъ, кто не имѣлъ этого права по законному рожденію.

◆◆ 1. Какъ разъ въ это время, 26 декабря 1838 г. владимірскій губернаторъ, И. Э. Курута, вошелъ съ представленіемъ къ министру внутреннихъ дѣлъ, Блудову, объ освобожденіи Герцена отъ надзора, въ виду того, что вотъ уже около года онъ «оказалъ себя по нравственности и образу жизни вполнѣ достойнымъ чиновникомъ, а по способностямъ и ревности къ службѣ—весьма полезнымъ для оной». 22 января Блудовъ сообщилъ объ этомъ шефу жандармовъ, отъ котораго и получилъ отвѣтъ отъ 1 февраля: теперь неудобно ходатайствовать,—ужъ очень скоро послѣ перевода во Владиміръ. Тогда 8 февраля И. А. Яковлевъ послалъ Блудову слѣдующее письмо:

«Пачтенный и любезный Дмитрій Николаевичъ! Съ растѣрзанной отъ горѣсти душаю къ каму магу я обратится съ моими стѣнаніями, есть ли не къ темъ лицамъ кои принимаютъ еще ва мне участіе, и дарятъ меня своею дружбою. Извѣстно вамъ что я будучи удручонъ старостію, находясь уже 15 лѣтъ безпрестанно въ болезненномъ состояніи, пораженъ былъ 5 лѣтъ таму назадъ, неожиданной разлукой, съ воспитанникомъ моимъ Александромъ Герценомъ, который былъ предметомъ моего попѣченія и занятія, и вместе съ темъ и моего утѣшенія. Несколько лицъ, коихъ настоящее и будущее существованіе, опирается единственно на мне, занимали безпрестанно, тяжкія и послѣднія дни моей жизни, но я имѣлъ твердую надѣжду что по мне останется для нихъ несумненно благодѣтелемъ и покровителемъ, единственной и радной мой братъ и другъ Левъ Алексѣевичъ которой имѣетъ также своихъ 4-хъ дѣтей сиротъ, подобно моимъ. Представте же себе, съ христіанскимъ духомъ, настоящее и ужасное мое положеніе. Неожиданно, но Богу было угодно, посѣтить меня новымъ испытаніемъ, прекративъ жизнь любезнейшаго брата и друга моего Льва Алексѣевича. Будучи лишонъ и тѣлесныхъ и душевныхъ силъ, я пораженъ былъ сей новою бедою и увидѣлъ передъ собою 3-хъ сваихъ и 4-хъ братниныхъ сиротъ, на моемъ ничтожномъ попѣченіи. Примите участіе въ несчастномъ положеніи моемъ; ето на сколько нибудь, можетъ облѣхчить горѣсть маю, и будте увѣрены, что при очевидномъ упадке моихъ силъ, чувства благодарности и дружбы, я сохраню, до последняго издыханія моего.

«Въ семъ моемъ писме я вижу всю маю на сей разъ, противъ васъ нескромность, но вы, въ душе своей найдете мнѣ и оправданіе.

«Нужно ли повторять, что я съ истиннымъ почтеніемъ и душевною привязанностію былъ и пребуду вашъ покорнейшій слуга *Иванъ Яковлевъ*».

Снова Блудовъ обратился къ Бенкендорфу и снова получилъ такой же отвѣтъ (архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи 1 эксп., 1834 г., дѣло № 239, ч. 10).

245. Письмо къ А. Л. Витбергу.

17-го января 1839.

...Наташа вообще получила отъ природы въ обратной пропорціи души и тѣла. Сколько здорова и тверда душа, столько утло и хрупко тѣло...

...Я, кажется, догадываюсь, съ какой цѣлью Прасковья Петровна не читала вамъ отрывка: она его берегла къ 15-му [1]). Итакъ, чтобы не отстать, посылаю я вамъ отрывочекъ,—судите и пишите ваше мнѣніе.

246. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

7 февраля 1839.
Владиміръ.

Pardon, caro [2]), что я тогда тебя обманулъ: вина была не моя. Пожалуйста, не сердись.

Прилагаю записочку о дѣлѣ Чаадаева [3]).

Что ты скажешь о редакціи «Отеч. Зап.?» [4]) 1 № недуренъ, особенно разборъ «Фауста» [5]); въ направленіи есть что-то, сбивающееся на Вадимовы восклицанія: «у насъ свои Лейбницы—Погодины, свои Гете—Загоскины». Вы, московскіе журналисты, что такъ бѣдны? Я въ самомъ дѣлѣ дивлюсь; кажется, вся литературная дѣятельность переѣхала въ Петербургъ. Впрочемъ, много очень странныхъ явленій на бѣломъ свѣтѣ, и къ нимъ принадлежитъ современное состояніе французской литературы. Во всемъ множествѣ выходящихъ книгъ ужасная пустота,—я разлюбилъ даже Гюго, одна G. Sand растетъ талантомъ, взглядомъ, формой. (Попроси для меня у Кат. Гавр. 1 № «Revue», тамъ окончаніе «Spiridion» [6]) и статьи Ог. Тьерри). Вспомни теперь время Реставраціи, когда новая историческая школа,

[1]) День рожденія Витберга.
[2]) Дорогòй.
[3]) Суть этого дѣла неясна, но изъ послѣдующихъ писемъ видно, что Чаадаевъ хлопоталъ о какомъ-то имѣніи, находившемся въ опекѣ.
[4]) Съ января 1839 года возобновлены А. А. Краевскимъ.
[5]) Статья анонимная, разбирается переводъ Губера.
[6]) Романъ Жоржъ Санда, посвященный извѣстному Пьеру Леру.

новая философская, новая поэтическая печатала прекраснѣйшія произведенія. Вспомни даже первое время послѣ іюльской революціи, эти Flitterwochen de la charte, désormais vérité [1]) и тогда было увлеченье: Анфантенъ [2]) являлся какимъ-то Іоанномъ Лейденскимъ, Базаръ [3]) — Савонаролой. Тогда были молодые люди, обѣщавшіе, такъ напр., Gh. Didier [4]). Теперь передо мною романъ, который ты присл., Chavornoy, и его путешествіе по Калабріи и Базиликатѣ, и то и другое очень посредственно. И при всемъ этомъ, сумма идей, находящихся въ оборотѣ, велика; нынче нѣтъ такихъ огромныхъ банковъ идей, какъ Гете, Лейбницъ, ихъ размѣняли на мелкое серебро и пустили по рукамъ. A propos, спасибо за Barchou [5]); впрочемъ, я имъ недоволенъ,—не умѣютъ французы писать о философіи; ихъ надутый языкъ, пестрый метафорами, не идетъ. Гегеля я самъ не читалъ, но помню очень превосходный языкъ Шеллинга: онъ рѣжетъ на мѣди; а всѣ эти *барши* — дурныя литографіи, по которымъ можно только догадываться о мысли художника.

Зачѣмъ ты мнѣ второй разъ присылаешь «Записки» La Rochefoucauld [6])? право, я думаю, что христіанинъ и титул. совѣтн. можетъ прожить вѣкъ, не зная, какъ Людовику XVIII мѣняли рубашку и какъ Карлъ X любилъ узкіе панталоны. А изъ всего присланнаго хуже Puckler [7]).

Ну теперь, pour la bonne bouche [8]), опять просьба. Большую часть этихъ книгъ я возвращу съ Левашов., а ты мнѣ пришли новыхъ (да будь же аккуратенъ, доставь просто къ намъ въ домъ, увязанныя). Романы я на свой счетъ не принимаю, это—для Наташи, а мнѣ достань что-нибудь изъ гегелистовъ да, ежели можно, историческихъ книгъ—комфортабельныхъ историковъ, т. е. Раумера etc... самъ знаешь.

Прощай. Буде увидишь Астракова, кланяйся ему, и много, много его супругѣ.

Екатеринѣ Гавриловнѣ свидѣт. почтеніе и поблагодари М-г Чаадаева за его порученіе; оно мнѣ показало, что онъ не забылъ

[1]) Медовый мѣсяцъ хартіи, ставшей отнынѣ истиною. Извѣстная фраза манифеста Людовика-Филиппа при вступленіи на франц. престолъ послѣ революціи 1830 г., въ которомъ обѣщана была истинность конституціи.

[2]) Бартелеми, одинъ изъ главныхъ представителей сенъ-симонизма.

[3]) Сентъ-Аманъ, основатель карбонаризма во Франціи и апостолъ сенъ-симонизма.

[4]) Шарль Дидье, франц. писатель.

[5]) Огюстъ Баршу, франц. публицистъ, редакторъ «Revue des Deux Mondes», авторъ «Philosophie de Schelling».

[6]) Франсуа, герцогъ, извѣстный франц. моралистъ.

[7]) Германъ-Людвигъ Пюклеръ-Мускау, нѣмец. писатель.

[8]) На закуску.

схимника владимірскаго, который питаетъ къ нему чувства... ut in litteris [1]).

Къ Ог. пишу завтра, получивъ отъ него. Да вотъ еще что: напиши письмо ко мнѣ и тамъ побольше литературныхъ сплетенъ, а то мнѣ ужъ надоѣли сплетни о дворянскихъ выборахъ.

247. Отъ редакціи.

Г. Борисовъ, извѣстный нашимъ читателямъ по доставленнымъ грамотамъ, весьма замѣчательнымъ и любопытнымъ, прислалъ нынѣ прекрасное описаніе Шуи (которое помѣстится въ слѣдующемъ №) и вмѣстѣ съ тѣмъ спрашиваетъ редакцію, можетъ ли онъ доставлять описанія мѣстныхъ свадебъ, похоронъ и проч. Редакція считаетъ себя обязанною снова благодарить г. Борисова за его участіе въ ея трудахъ и проситъ его убѣдительнѣйше подѣлиться съ нею упомянутыми статьями, относящимися до обычаевъ шуйскихъ жителей.

Повторяемъ свои слова (№ 16 1838 г.), что всѣ подробности о бытѣ горожанъ или сельскихъ обывателей суть драгоцѣнныя буквы, изъ которыхъ слагается рѣчь быта народнаго. Нынѣ во всей Европѣ съ величайшимъ вниманіемъ собираются малѣйшія частности быта простого народа, въ которомъ преимущественно сохранились и повѣрія и преданія древности: къ этому привело современное состояніе историческихъ наукъ, которое стремится къ воссозданію прошедшаго со всѣмъ его духомъ и тѣломъ. Какимъ пособіемъ служили, напр., знаменитому О. Тьерри подробности нравовъ и обычаевъ временъ Вильгельма-Завоевателя. Г. Сахаровъ занялъ у насъ почетное мѣсто въ числѣ литераторовъ, разсказывая обычаи нашихъ предковъ; но не одни обычаи былыхъ временъ важны; съ ними рядомъ стоятъ и настоящіе обряды, которыми сопровождаетъ народъ важнѣйшія событія своей жизни, какъ свадьбы, похороны. И потому не только мы имѣемъ право сообщать читателямъ подробности объ обычаяхъ нашей губерніи, но это даже есть одна изъ существеннѣйшихъ пользъ, одна изъ важнѣйшихъ отраслей губернской газеты.

[1]) Какъ обычно пишется.

248. Письмо къ неизвѣстному.

27 февраля (1839).

Милостивый государь, Петръ Ивановичъ! Вы когда-то были такъ добры, что обѣщали мнѣ «Иліаду» пер. Гнѣдича; позвольте воспользоваться теперь предложеніемъ, — хочется на берегахъ замерзшей Клязьмы, хоть воображеніемъ, погулять подъ благодатнымъ небомъ Ахайскимъ [1]).

Всегда готовый къ услугамъ Вашимъ

Александръ Герценъ.

249. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

28 февраля 1839.
Влад.

Вотъ тебѣ записка о дѣлѣ Петра Яковлевича [2]); скажи ему, что я употреблю всѣ старанія, чтобъ дополненія скоро отослали въ Черниговъ; но главное, — чего хочетъ П. Як. отъ владимірскаго губ. правл.? здѣсь это дѣло *не производится*, а только составляется опись, и потому здѣсь нѣтъ ни рѣшеній, ни заключеній. Подробности въ записочкѣ.

Благодарю тебя за доставленіе письма отъ Ог. Все онъ остается дивный и превосходный. Я ожилъ юностью, прошедшимъ, тѣмъ временемъ, когда беззаботно мы пировали на Никитской и на Прѣснѣ. Сколько съ тѣхъ поръ прошло по душѣ! Грусть его понятна; ты ее не такъ понялъ, я больше не понимаю ея грусть. Хочется увидѣться, очень хочется. На извѣстный тебѣ вопросъ изъ Петербурга не отвѣчаютъ.

Благодарю за обѣщаніе книгъ, очень благодарю; пришли ихъ къ намъ въ домъ, — теперь есть три или четыре оказіи. Главное, о чемъ я прошу, это — больше историческихъ и гегелевскихъ. Меня Баршу завлекъ, да не удовлетворилъ. Дайте намъ *Жегеля* [3]).

[1]) Ахаія—въ древности сѣверная приморская часть Пелопонеса.
[2]) Чаадаевъ.
[3]) Шутка надъ Баршу, писавшимъ фамилію Гегеля такъ, что она должна была произноситься Жегель (Geguel).

По этой же почтѣ ты получишь связку книгъ; я не счелъ *за нужное* послать теперь всѣ, остальныя пришлю съ оказіей. Пожалуйста же, поскорѣй.

У меня бродитъ въ головѣ новая поэма: «Даніилъ въ Вавилонѣ». Досадно очень, что, кромѣ Библіи и Геерена [1]), «Ideen über die...», у меня ничего нѣтъ о семитическихъ народахъ, а Гееренъ—человѣкъ хорошій и умный, да не поэтъ и не философъ. Впрочемъ, Библія это—неисчерпаемый источникъ (изъ него можно даже брать такія нелѣпости, какъ «Хеверь» Соколовскаго). Читалъ ли ты когда-нибудь пророчество Iезекіиля, гдѣ онъ говоритъ о Тирѣ и Сидонѣ?

Не стыдно ли тебѣ писать такія гомеопатическія записки? На этотъ разъ, впрочемъ, и я пишу немного. Прощай.

Ежели-бъ я зналъ, что надобно отослать книги, я давно бы прислалъ и, слѣд., смѣло посылай мнѣ на срокъ.

Николай Вас. [2]) давалъ мнѣ тѣ №№ «Revue», которые были съ нимъ, и я ему ихъ уже отослалъ въ Нижній; но окончаніе «Спиридіона», статьи Тьерри о историкахъ Франціи и о Неронѣ должны быть въ Москвѣ. Прошу.

А. Г.

1 марта.

Наташа тебѣ много кланяется.

Письмо и книги не по почтѣ.

Въ книгахъ для тебя маленькій отрывокъ изъ «Лицинія».

250. Письмо къ Н. И. и Т. А. Астраковымъ.

(15—19 марта 1839).

Друзья, мы безконечно счастливы! Насъ четверо... И что это за женщина Марья Львовна! она выше всякой похвалы. Никъ счастливъ, что нашелъ такую подругу.

У меня сохранилось распятіе, которое далъ мнѣ Никъ при разлукѣ. И вотъ мы вчетверомъ бросились на колѣни передъ Божественнымъ Страдальцемъ, молились, благодарили Его за то счастье, которое Онъ ниспослалъ намъ послѣ столькихъ лѣтъ страданій и разлуки. Мы цѣловали его пригвожденныя ноги, цѣловались сами, говоря: «Христосъ воскресъ!»

[1]) Арнольдъ-Германъ, нѣмец. историкъ и философъ; «Ideen über Politik, den Verkehr u. den Handel d. vornehmsten Völker der alten Welt».

[2]) Левашовъ.

251. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

16 марта 1839.
Владиміръ.

Это письмо отправляется по оказіи, посему и начну его съ грустнаго сообщенія. Отвѣтъ изъ П. пришелъ. Графъ Б. [1]) пишетъ мин. внут. дѣлъ, что онъ не находитъ *удобнымъ* ходатайствовать о снятіи надзора, ergo, *по крайней мѣрѣ, еще годъ во Владимірѣ*, ибо до года губернаторъ не въ правѣ представить, а Богъ вѣсть, будетъ ли *удобное* время черезъ годъ. Жить мнѣ здѣсь хорошо, не спорю; но за что же это шестилѣтнее гоненіе (съ 1834 и до 1840)?

Здѣсь ежедневно привозятъ скованныхъ изъ Кіева; всѣ въ каторжную работу, нѣкоторые на 20 лѣтъ. Я не знаю совсѣмъ, по какому дѣлу.

Надобно теперь запастись на годъ дровами, огурцами, идеями и книгами. Первые три пункта я беру на себя, а въ третьемъ [2])—и твоя доля. Я выписалъ Менцеля [3]) «Исторію нѣмцевъ», выпишу и еще кое-что классическое, но больше 200 руб. на книги издержать не могу. Здѣсь былъ пасторъ Зедергольмъ [4]), который вышелъ мнѣ знакомъ по Огар.; я провелъ съ нимъ вечеръ и узналъ много новаго объ нѣмецкой литер.; напр., что молодое поколѣніе смотритъ на Гете уже не такъ подобострастно, что раціонализмъ въ религіи, почти совершенно философскій, взялъ перевѣсъ надъ піэтизмомъ etc. Онъ толкуетъ о вредѣ Гегеля, но, кажется, плохо его знаетъ, а, впрочемъ, мало было времени говорить пространнѣе.

Что хочешь толкуй, а Лафайетъ очень посредственный человѣкъ; важнѣйшее его дѣло, это — *примѣръ* аристократа-либерала. Отнюдь не политическое соображеніе! Я прочелъ уже 5 частей (ежели дочитаю, пришлю по сей же оказіи) и ничего не нашелъ. Какъ дрянно имъ изображена революція: у него все интриги, личности, мелочи, а великое, это—конституція 1789. Я вспомнилъ тутъ замѣчаніе Гейне, что почтальонъ не знаетъ, что несетъ, а знаетъ

[1]) Бенкендорфъ.
[2]) Четвертомъ,—описка.
[3]) Вольфгангъ, нѣмец. публицистъ и историкъ; «Geschichte der Deutschen».
[4]) Карлъ Альбертовичъ, просвѣщенный человѣкъ, поддерживалъ въ Москвѣ сношенія со славянофилами.

прекрасно всѣ рытвины, ухабы, грязь на дорогѣ; посланникъ же божій видитъ судьбы вселенной и не замѣчаетъ всѣхъ мелочей. Интересно его заключеніе, очень интересно, какъ живая картина притѣсненій союзныхъ королей. Твердость его въ правилахъ смѣшна. Это не есть твердость фанатика, а стоячесть ума узкаго; хваля свою конст. 1789, онъ похожъ на того шута, который, убѣдясь, что его другъ—мерзавецъ, соглашается съ прибавкой: «да, все-таки, онъ—добрый малый». Нѣтъ, нѣтъ, не такимъ людямъ достается въ удѣлъ святое имя благодѣтеля людей, имя Вашингтона, c'est un homme de bonne volonté, gloire lui soit rendue en qualité de *sa bonne volonté* [1]), но, измѣняя текстъ, «воля бодра, духъ немощенъ». Всматриваясь болѣе и болѣе, я нахожу даже смѣшнымъ его безпрерывныя повторенія о чести, объ участіи въ Америкѣ. И какой формалистъ, даже дитя, это—классикъ либерализма; тутъ, впрочемъ, его поэзія. Ты скажешь, мое сужденіе рѣзко. Нѣтъ, es giebt keine Autorität im Reiche der Wahrheit [2]). Я смѣло говорилъ всегда, что Гете—эгоистъ, скажу то же о Наполеонѣ, почему-жъ не говорить и обо всѣхъ такъ же.

Ты какъ-то ужъ давно побранилъ моего «Лициніа» и былъ не вовсе правъ. Во-первыхъ, тутъ два элемента—самъ Лициній и Римъ. Лициній—типъ, такъ онъ и пожертвованъ *идеѣ*. Но заговоръ Латерина взятъ мною цѣликомъ изъ Тацита; почему же ты говоришь, что всѣ лица—слѣпыя орудія моей arrière pensée [3])? Впрочемъ, этотъ заговоръ представленъ дурно; думаю его исправить, а потомъ приняться и за вторую часть. Тутъ я хочу коснуться до заповѣднѣйшихъ вопросовъ быта общественнаго: съ одной стороны, *идеала* христіанства, съ другой—*факта* Рима.

Ежели успѣю да ежели будетъ bonne volonté [4]), о которой столько писано выше, то пришлю еще что-нибудь изъ «Лициніа», а ты, пожалуйста, сообщи Астракову и дурную вѣсть, и хорошіе отрывки. Надобно бы самому писать къ нему, да, право, что-то на сей день не хочется.

Когда будешь посылать книги, то повторяю: 1-е «Revue», 2-е исторія, 3-е Гегель съ c-nie. Это главное.

Слухъ есть, что Марья Львовна будетъ въ Москву—кажется, дорога на Арзамасъ, ergo, и на Владиміръ.

Да вотъ еще: не знаешь ли ты очень хорошаго перевода

[1]) Это человѣкъ *доброжелательный*, да воздастся ему слава за его *добрую волю*.

[2]) Въ царствѣ истины нѣтъ никакихъ авторитетовъ.

[3]) Задняя мысль.

[4]) Добрая воля.

Библіи на французскій языкъ или нѣмецкій, изъ новыхъ, и не можешь ли прислать? Славянскій языкъ теменъ мѣстами, да и на филологію Мартина Лютера я не надѣюсь.

Я читаю теперь съ восторгомъ «Иліаду» (Гнѣдича); вотъ истинный сынъ природы; тутъ человѣкъ кажется во всей естественной наготѣ. Представь себѣ, что я прожилъ 26 лѣтъ и читаю теперь 1-й разъ «Иліаду». Мы всѣ учились чему-нибудь и какъ-нибудь, и я, какъ истинный соотчичъ Онѣгина, «ученый малый», могу

Потолковать объ Ювеналѣ,
Въ концѣ письма поставить Vale!

Наташа кланяется много!

Вотъ что я жду отъ Греффа:

Hegels Werke, neue ed.
Tacitus. Agricola, neue Übers
Goethe und Schiller. Ster. ed.

да еще разной мелочи. Вѣроятно, скоро получу.

Еще разъ возвращаюсь къ Лафайету: я его слишкомъ разругалъ (хотя и по дѣломъ); онъ чрезвычайно хорошъ во время Наполеона и первой реставраціи, но послѣ 30 іюля опять теряется.— Какъ его любили американцы.

17 марта.

Вмѣсто Эрна это письмо доставитъ тебѣ Марья Львовна.— Она разскажетъ, какъ мы провели время во Владимірѣ. Представь и удивленье, etc. Я въ восхищеньи и отъ него, и отъ нея. Отдай ей мою писанную книгу. И прощай.

А. Г.

252. Письмо къ М. Л. Огаревой.

21 марта 1839.
Владиміръ.

Marie, Marie, милая сестра, другъ! вотъ тебѣ привѣтъ отъ покинутыхъ друзей. Какимъ свѣтлымъ и дивнымъ явленіемъ слетала ты къ намъ. О, что это за дни—15, 16, 17, 18 и 19 марта!

Помнишь ту торжественную минуту, когда мы молились? Тогда-то совершилась мистерія присоединенія Наташи къ вамъ и тебя къ намъ. Тогда-то мы четверо стали одно. Hosanna! Hosanna! [1]).

Marie, какъ необъятно великъ твой Николай! Я готовъ не токмо стоять съ нимъ рядомъ, но подчиниться его благородной душѣ, и только его! Ты вплела твою прелестную жизнь въ его жизнь-поэму, поэму обширную, какъ океанъ и небо, и вмѣстѣ вы стали еще изящнѣе... Благословляю васъ! Той силой, которою человѣкъ можетъ двинуть гору, благословляю васъ. Ни тѣни сомнѣнія въ васъ. Онъ писалъ тебѣ:

Elle sèmera de fleurs le pavé de ma vie
Et je n'en sentirai jamais la dureté
Et désormais toujours dans mon âme rajeunie
Je bénirai mon Dieu dans son éternité [2]).

Слава тебѣ, Марія, Богомъ избранная облегчить жизнь поэта, слава тебѣ! Береги его: поэтъ—дитя.

Грустно было разстаться съ вами, но все какъ-то восторгъ и радость покрывали разлуку. Теперь я набралъ силъ надолго. Теперь душа моя, какъ земля весною, кипитъ жизнью и, лучезарная, обращается на все съ теплотою. И это вы сдѣлали.

Пиши къ намъ. Адресуй просто во Владиміръ.

Приходи же, май! [3]).

Прощай.

Salut, amitié, sympathie éternelle! [4]).

Александръ Герценъ.

А гдѣ-то онъ? Груститъ... ахъ, такъ бы и полетѣлъ къ нему. [1]

◆◆ 1. 23 февраля 1838 г. Панчулидзевъ передалъ Бенкендорфу о просьбѣ Огарева въ четырехмѣсячный отпускъ на кавказскія минеральныя воды. 9 марта Николаю I былъ сдѣланъ по этому поводу всеподданнѣйшій докладъ, на которомъ положена резолюція: «чемъ боленъ?». 14 марта объ этомъ запросили пензенскаго губернатора; между тѣмъ, послѣдній, не дождавшись отвѣта на пер-

[1]) Осанна! Осанна!

[2]) Она усѣетъ цвѣтами каменистый путь моей жизни, и я не буду больше чувствовать его жесткость, и съ тѣхъ поръ, въ своей обновленной душѣ, я всегда буду благословлять Бога въ его вѣчности.

[3]) Въ маѣ ждали прощенія Огарева.

[4]) Привѣтъ, дружба, вѣчная симпатія!

вое свое ходатайство, 2 марта просилъ еще о снятіи съ родственника надзора и о предоставленіи ему права служить и жить гдѣ пожелаетъ. 26 марта Панчулидзевъ послалъ шефу жандармовъ сфабрикованное свидѣтельство, для большей вѣрности, подписанное не только инспекторомъ врачебной управы, Чириковымъ, и операторомъ Радекеромъ, но и акушеромъ, фамилія котораго пропала для потомства за неразборчивостью почерка. Въ свидѣтельствѣ было, между прочимъ, сказано: «Огаревъ, послѣ частыхъ и упорныхъ лихорадокъ, съ гемороидальными припадками соединенныхъ, одержимъ завалами брюшныхъ внутренностей, въ особенности же печени, отъ чего, по причинѣ несвободнаго кровообращенія въ системѣ воротной вены, при слабомъ тѣлосложеніи, подверженъ нерѣдко одышкѣ, біенію сердца, головокруженію съ жестокою поясничною болью и другимъ гемороидальнонервнымъ припадкамъ»,—а потому удостовѣрялось, что ему весьма необходимы кавказскія минеральныя воды. На вторичномъ докладѣ 10 апрѣля 1838 г. Николай I написалъ: «согласенъ». По второму ходатайству Бенкендорфъ не входилъ съ форменнымъ докладомъ, спросилъ государя на словахъ и, сообщая Панчулидзеву о резолюціи 10 апрѣля, прибавилъ, что по прошествіи 4 мѣсяцевъ Огареву слѣдуетъ явиться въ Пензу къ исполненію той же должности. 5 мая начальникъ 6 округа корпуса жандармовъ, Скалонъ, сообщилъ III Отдѣленію, что будетъ имѣть за Огаревымъ на Кавказѣ неослабное наблюденіе. 15 сентября Скалонъ сообщилъ, что Огаревъ отправился изъ Пятигорска въ Пензу.

Въ тѣхъ немногихъ страницахъ, которыя остались послѣ Огарева въ качествѣ автобіографическаго матеріала, очень цѣненъ его очеркъ «Кавказскія воды», напечатанный въ «Полярной Звѣздѣ».

«Наконецъ, губернаторъ, занявъ у меня пять тысячъ рублей ассигнаціями (безъ отдачи, разумѣется) выхлопоталъ мнѣ разрѣшеніе ѣхать на Кавказъ... лѣчиться»—говоритъ тамъ Огаревъ... Вотъ, слѣдовательно, причина такой старательности Панчулидзева и внимательности врачебной управы къ недугамъ губернаторскаго родича... Затѣмъ онъ продолжаетъ:

«Я самъ хорошенько не знаю, былъ ли я дѣйствительно боленъ или нѣтъ. Мнѣ кажется, болѣзнь моя была—только смутная тоска; конечно, не отъ того, что я былъ сосланъ,—ссылка для меня была сносна по положенію и равнодушна по рѣшимости терпѣть. Я даже не думаю, чтобъ у меня была настоящая тоска по дѣятельности; это скорѣе была тоска темнаго сознанія, что я свою жизнь пускаю по ошибочной колеѣ; а между тѣмъ женатъ я былъ недавно и упорно думалъ, что я счастливъ. Болѣзнь моего отца, постепенный упадокъ его мозга, его любовь ко мнѣ, добросердечіе и

вмѣстѣ больныя фантазіи и странный деспотизмъ, отъ котораго становилось душно и противъ котораго самое его положеніе мѣшало спорить, моя любовь къ нему и совершенное разномысліе съ нимъ,—все это меня давило, и мнѣ хотѣлось вздохнуть свободно; мнѣ хотѣлось уѣхать куда-нибудь, хоть ненадолго, лишь бы уѣхать. Къ тоскѣ обыденной жизни примѣшивалась тоска стремленія къ друзьямъ. Поѣздка на Кавказъ представляла мнѣ свиданіе съ однимъ изъ нихъ мимоѣздомъ (Лахтинымъ—*М. Л.*) и потомъ возможность провести цѣлое лѣто съ другимъ, изъ самыхъ мнѣ близкихъ (Сатинымъ—*М. Л.*). Мнѣ такъ хотѣлось обнять его со всей горячностью юношеской дружбы и почувствовать на дѣлѣ то, въ чемъ я не сомнѣвался: что ссылка насъ ни на волосъ не измѣнила, и что мы встрѣчаемся съ прежней неизмѣнной готовностью жертвовать собою на общее дѣло. Въ то время и мои теоретическія занятія не вели меня къ дѣятельному спокойствію яснаго сознанія, сильно пахли метафизическимъ мистицизмомъ безъ религіи, отыскиваніемъ таинственныхъ силъ и таинственной связи вещей, и чѣмъ-то почти пророчествующимъ, но отнюдь не христіанскимъ».

Пріѣхавъ въ Саратовъ, Огаревъ, изъ предосторожности, самъ остался, все-таки, въ гостиницѣ, а къ пріятелю отправилъ жену... Черезъ нѣкоторое время всѣ вмѣстѣ сидѣли въ огаревскомъ номерѣ... Но Огаревъ страдалъ, глядя на друга. «Я встрѣтилъ въ Лахтинѣ такое уныніе,—говоритъ онъ,—что даже и его ученое трудолюбіе исчезло, и любовь къ наукѣ была скорѣе похожа на хорошее воспоминаніе, чѣмъ на что-нибудь живое»... Тяжело было смотрѣть на человѣка, котораго такъ могла согнуть, въ сущности, вовсе еще не суровая ссылка въ Саратовъ... И Огаревы на другой же день двинулись дальше, прямо уже въ Пятигорскъ. Черезъ годъ Лахтинъ умеръ.

1 февраля нѣкій Федоръ Хвощинскій просилъ за Сатина въ смыслѣ возвращенія его въ Москву, но Бенкендорфъ категорически отказался ходатайствовать объ этомъ передъ государемъ. Тогда черезъ министра внутреннихъ дѣлъ Сатинъ просилъ оставить его на Кавказѣ для лѣченія весь курсъ 1838 г.; въ удостовѣреніе его болѣзни было представлено свидѣтельство Кавказской врачебной управы. 4 марта Николай I разрѣшилъ удовлетворить эту просьбу. Изъ сообщенія Скалона видно, что 2 сентября Сатинъ отправился изъ Пятигорска къ мѣсту служенія, въ Симбирскъ.

Живя съ ранней весны 1838 г. въ Пятигорскѣ съ докторомъ Мейеромъ, который былъ очень близокъ къ Сатину и пользовался его горячей любовью (Лермонтовъ изобразилъ его въ «Княжнѣ Мери» подъ именемъ доктора Вернера), Сатинъ и не думалъ, что

ему вскорѣ придется встрѣтиться съ Огаревымъ. Все произошло сюрпризомъ.

Когда камердинеръ Огарева, Василій Михайловъ, явился къ Сатину съ сообщеніемъ, что пріѣхавшіе господа ждутъ его къ себѣ, Сатинъ такъ обрадовался, какъ, по его словамъ, потомъ уже не радовался никогда въ жизни.

Огаревъ разсказываетъ, что Сатинъ нисколько не ослабѣлъ духомъ и остался такимъ же, какимъ онъ зналъ его въ раннюю пору перехода изъ отрочества въ юность. «Та же чистота сердца, та же трогательная дружба, та же неизмѣнность... какъ и тогда, какъ и всегда, все тотъ же, какимъ онъ не могъ не быть, какъ бы судьба ни разбросала насъ по земному шару».

Черезъ нѣсколько дней Огаревъ встрѣтился у Сатина съ декабристомъ, кн. А. И. Одоевскимъ. Это былъ первый герой 14-го декабря, съ которымъ Огареву пришлось говорить... Потомъ онъ познакомился и съ его товарищами.

«Встрѣча съ Одоевскимъ и декабристами возбудила всѣ мои симпатіи до состоянія какой-то восторженности. Я стоялъ лицомъ къ лицу съ нашими мучениками, я—идущій по ихъ дорогѣ, я—обрекающій себя на ту же участь... это чувство меня не покидало».

Огарева захватило небольшое дружеское общество Пятигорска. Онъ жилъ въ немъ всѣмъ своимъ существомъ и только изрѣдка спускался на землю... А на землѣ ему приходилось ощутить первые удары надвигавшагося шквала... «Какъ ни дружна казалась М. Л. съ людьми, которыхъ я любилъ, т. е. съ Одоевскимъ, Мейеромъ и моимъ неизмѣннымъ Н. (Сатинымъ—*М. Л.*), сколько ни принимала она участія въ моихъ либеральныхъ стремленіяхъ, но ее влекло въ другую сторону. Ее влекло къ пустой свѣтскости и къ пустымъ удовольствіямъ; я самъ ни прежде, ни послѣ не былъ врагомъ ихъ и могъ предаваться мѣсяцы не только пустымъ, но дикимъ удовольствіямъ; но они не составляли для меня серьезной стороны жизни; для нея, казалось, они были предназначены разыгрывать серьезную сторону, а все дѣйствительно серьезное—только поверхностную сторону жизни. Мое углубленіе въ христіанское покаяніе ей не нравилось не изъ убѣжденія, а потому, что это скучно; сосредоточенность, которую это направленіе на меня навѣяло, она принимала за апатію и скучала; и естественно, чѣмъ больше скучала, тѣмъ больше искала развлеченій. Я смутно чувствовалъ, что между нами ложится черта, которая раздвоится въ бездну, но въ этомъ я самъ себѣ боялся признаться. Я тогда слишкомъ любилъ ее. Мнѣ было больно и я старался скрывать отъ себя, что мнѣ было больно».

Слишкомъ было велико искушеніе въ тогдашнемъ Пятигорскѣ, который по лѣтамъ собиралъ массу самаго разнообразнаго общества, запертаго Николаемъ I въ границахъ отечества и даже подъ самымъ благовиднымъ предлогомъ не смѣвшаго проситься за границу. Съ одной стороны, серьезно настроенные мужъ, Сатинъ, Одоевскій, Мейеръ и пр., съ другой—ослѣпительно освѣщаемый солнцемъ, а вечеромъ—тысячами плошекъ и фонарей курзалъ, гдѣ было столько веселья, шума, живого говора и вина... Ѣдучи на Кавказъ, Марія Львовна разсчитывала вознаградить себя за прозябаніе въ пензенскихъ дебряхъ, и вдругъ ей снова предстояло вести тихую жизнь!.. Это было свыше силъ молодой, отъ природы экспансивной и сангвинической барыни... У нея появились знакомые, совершенно неизвѣстные мужу... Съ ними она проводила время не такъ, какъ съ нимъ и его друзьями...

Въ августѣ Огаревы, Сатинъ и Одоевскій переселились въ Желѣзноводскъ. Вскорѣ пришло извѣстіе, что Платону Богдановичу очень плохо, и Огаревъ тотчасъ полетѣлъ домой. Марія Львовна осталась въ Желѣзноводскѣ.

2-го ноября 1838 г. Огаревъ стоялъ уже передъ трупомъ отца, пробывъ съ нимъ безотлучно все послѣднее время. Потомъ подъѣхала и Марія Львовна.

Теперь, когда вслѣдъ за смертью отца, мужъ ея сдѣлался полнымъ обладателемъ громаднаго состоянія, и они могли начать жить не такъ, какъ жили при отцѣ на получаемыя отъ него 4.000 руб., Марья Львовна рѣшилась добиться прощенія мужа и переселиться въ Москву, гдѣ и хотѣла развернуться во всю ширь своей натуры.

Огаревъ и самъ, разумѣется, ничего не имѣлъ противъ переселенія въ Москву, разсчитывая, съ своей стороны, предоставивъ женѣ большій кругъ знакомства и болѣе пространное поле для удовлетворенія ея интересовъ въ области развлеченій, сохранить ее, какъ жену и друга. Съ этою цѣлью 25-го января 1839 года онъ пишетъ первое свое письмо Бенкендорфу:

«Ваше Сіятельство, Милостивый Государь!

«Непрерывно оказываемая Вашимъ Сіятельствомъ помощь и покровительство несчастнымъ осмѣливаютъ меня прибѣгнуть къ Вамъ, Милостивый Государь, съ убѣдительною просьбою не лишить меня оныхъ въ бѣдственномъ моемъ положеніи.

«Въ 1834 году я былъ взятъ подъ арестъ. Не стану оправдываться передъ Вашимъ Сіятельствомъ въ тогдашнемъ моемъ образѣ жизни; скажу только: мнѣ тогда было двадцать лѣтъ, но вѣрьте, я никогда не имѣлъ вредныхъ намѣреній. Мой арестъ продолжался девять мѣсяцевъ, послѣ чего я былъ отправленъ на службу въ Пензу.

Съ тѣхъ поръ, я полагаю, мое поведеніе не можетъ заслужить упрека. Я жилъ съ моимъ больнымъ отцомъ и даже не желалъ измѣнить своего положенія; желалъ одного: быть ему утѣшеніемъ при концѣ его жизни. Теперь моего отца уже нѣтъ на свѣтѣ, и ничто не привязываетъ меня къ здѣшнему мѣсту.

«Мое разстроенное здоровье, а еще болѣе совершенно разстроенное здоровье моей жены требуетъ лучшихъ медицинскихъ пособій, нежели какія можно найти въ провинціи.

«Ваше Сіятельство, удостойте испросить для меня милость Монарха: быть переведену на службу въ Москву въ Правительствующій Сенатъ. Въ Москву, какъ для поправленія здоровья моей жены, такъ и потому, что у меня тамъ родная сестра [1]) и что я имѣю поблизости, въ Рязанской губерніи имѣніе, требующее моего надзора. Если возможно, я желалъ бы служить въ Сенатѣ, въ особенности потому, что надѣюсь обратить на себя вниманіе Правительства и доказать мое усердіе на поприщѣ служенія, доказать, что если по молодости лѣтъ и по теченію обстоятельствъ я и могъ навлечь на себя невыгодное мнѣніе, то, безъ сомнѣнія, внутренно я никогда не переставалъ быть вѣрнымъ и ревностнымъ подданнымъ.

«Ваше Сіятельство! не откажите ходатайствовать за меня. Возвратите мнѣ жизнь, давъ мнѣ средства возстановить здоровье жены моей и мое собственное, откройте мнѣ на поприщѣ службы путь, уже пять лѣтъ для меня почти загражденный.

«Милость Государя Императора, столь щедро изливаемая на всѣхъ Его вѣрноподданныхъ, составляетъ мою единственную надежду. Не откажите, Ваше Сіятельство, предстательствовать за меня предъ престоломъ Его Величества для спасенія меня и моего семейства.

«Съ глубочайшимъ почтеніемъ и совершенною преданностью честь имѣю быть Вашего Сіятельства, Милостивый Государь, покорнѣйшій слуга

Николай Огаревъ».

Но этого мало. Марія Львовна подняла на ноги всѣхъ маломальски вліятельныхъ родственниковъ и знакомыхъ. Родственникъ Огарева по матери, Е. И. Баскаковой, князь Гогенлоэ писалъ своему пріятелю, Бенкендорфу, небольшую записку, изъ которой видно, что шефъ жандармовъ обѣщалъ ему заняться дѣломъ Николая Платоновича. Гогенлоэ просилъ посодѣйствовать опредѣленію его на службу въ московскій сенатъ. Вслѣдъ за этимъ Бенкендорфъ былъ

[1]) Анна Платоновна Плаутина.

атакованъ еще и съ другой стороны, тоже родственницей Огарева — Анной Олениной. Она писала ему по-французски:

«Когда адвокатомъ является женщина, она должна выиграть дѣло; сама пословица за насъ, она гласитъ: чего хочетъ женщина, того хочетъ Богъ. Недаромъ же я женщина и *хочу я* очень. Къ тому же меня поддерживаетъ и говоритъ за меня ваша всѣми признанная доброта и обычная любезность. Вы обѣщали мнѣ, графъ, разсмотрѣть это дѣло, и я на васъ разсчитываю. Госпожа Огарева, за которую я хлопочу, въ отчаяніи; она хочетъ уѣхать и не знаетъ, когда кончится ея дѣло, въ сущности пустяшное, какъ вы увидите изъ прилагаемой замѣтки. Ея мужъ въ 20 лѣтъ надѣлалъ глупостей и потомъ искупилъ ихъ пятью годами непріятностей. Сознайтесь, что это—достаточно суровая кара и для мужчины, и для женщины, и для всякаго живого существа. За эти пять лѣтъ онъ женился на очаровательной женщинѣ и, вы понимаете, сталъ благоразуменъ. Будьте же добры и великодушны, умоляю васъ; неужели вы мнѣ откажете въ первый же разъ, что я къ вамъ обращаюсь съ самой маленькой, крохотной просьбой?! Конечно, нѣтъ, я въ томъ увѣрена и поэтому заранѣе прошу васъ принять мою искреннюю благодарность и увѣреніе въ сердечной преданности».

Атака со стороны красивой женщины, пользовавшейся тогда въ Петербургѣ опредѣленнымъ положеніемъ и имѣвшей одинъ изъ блестящихъ салоновъ, была разсчитана на всѣмъ извѣстную слабость Бенкендорфа...

Писалъ еще и дядя Огарева, Илья Богдановичъ, прося о томъ же самомъ, что и другіе.

Наконецъ, кто-то (подпись совершенно неразборчива) писалъ еще и помощнику Бенкендорфа, Дубельту: «Почтеннѣйшій другъ, Леонтій Васильевичъ! два раза къ вамъ заѣзжалъ и все не имѣлъ удовольствія застать васъ дома, а мнѣ хотѣлось съ вами лично переговорить о Огаревѣ; вотъ въ чемъ дѣло: онъ самъ, а болѣе еще жена страдаютъ болѣе двухъ лѣтъ нервными припадками; прошлаго лѣта ѣздилъ къ кавказскимъ минеральнымъ водамъ, но не получилъ никакого облегченія; припадки жены еще усилились и нынѣ онъ писалъ къ графу Александру Христофоровичу и проситъ его ходатайства, чтобы перевели его на службу въ Москву, гдѣ пособіе медиковъ можетъ излечить его и жены болѣзнь, а въ Пензѣ никакого пособія съ сей стороны найти невозможно; губернаторъ пензенскій Панчулидзевъ о семъ же пишетъ къ графу. Помогите, любезнѣйшій другъ, бѣднымъ Огаревымъ, чѣмъ меня и жену мою премного одолжите».

Панчулидзевъ, дѣйствительно, просилъ Бенкендорфа о совер-

шенномъ прощеніи Огарева. Повидимому, это было слѣдствіемъ какой-то угрозы со стороны послѣдняго. Иначе нельзя истолковать его слова въ письмѣ Герцену: «я заставилъ просить о переводѣ моемъ въ Москву нѣкоего сатрапа, да, именно, заставилъ. И все это такъ шло естественно, такъ просто, какъ чашка чаю, какъ трубка табаку» (Русская Мысль», 1888 г., IX, 11).

Пока шли всѣ эти хлопоты, и не было еще надобности въ личномъ присутствіи Маріи Львовны въ Петербургѣ, Огаревы рѣшили, пользуясь правомъ посѣщать свои имѣнія въ другихъ губерніяхъ, проѣхать изъ Пензы въ Рязанскую вотчину, Бѣлоомутъ, и по дорогѣ завернуть къ Герценамъ во Владиміръ.

Свиданіе друзей, не видавшихся уже пять лѣтъ, и ихъ женъ произошло 15-го марта.

253. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

21 марта (1839).

Ну, братъ, Кетчеръ, ежели-бъ жизнь моя не имѣла никакой цѣли, кромѣ индивидуальной, знаешь ли, что бы я сдѣлалъ 18 марта? Принялъ бы ложку синильной кислоты (и не сказалъ бы о томъ твоему брату, который спасаетъ отъ нея собакъ). Относительно къ себѣ «я все земное совершилъ!»

Только еще и оставалось мнѣ послѣ Наташи желать, и оно сбылось, и какъ сбылось!—четырехдневное, свѣтлое, ясное, святое свиданье!

Мы инстинктуально всѣ четверо бросились передъ распятьемъ, и горячая молитва лилась изъ устъ. Что за дивный, что за высокій Огаревъ! И она не совсѣмъ такова, какъ ты говорилъ; по твоимъ разсказамъ, я только зналъ, что она умна, а теперь я увидѣлъ въ ней тьму сердца, душу, раскрытую симпатіямъ высокимъ и обширнымъ. Она достойна его. Зачѣмъ ты не могъ взглянуть на эту группу счастливыхъ, на эту группу, которая обратилась къ небу не съ упрекомъ, не съ просьбой, а съ гимномъ, съ осанной!

А ты, другъ, стоялъ въ это время у гроба усопшей, у гроба высокаго существа [1]). Да сопроводитъ и наша молитва ее. Много симпатіи получилъ я отъ ея теплой души. Оттого-то и мы пролили слезу объ ней.

[1]) 9 марта умерла Е. Г. Левашова.

Что Павелъ [1]) Яковлевичъ?

Прощай. У Маріи мой «Лициній», возьми прочесть; да отдай же ей мою книгу писанную. Посылаю всѣ твои книги (исключая брошюрку Ирвинга [2]).

Когда будешь у О., жми руку ей отъ меня и отъ Наташи.

Не прикажете ли прислать въ «Наблюдатель» отрывки изъ моей біографіи, только, впрочемъ, съ непремѣннымъ условіемъ очень скоро напечатать?

Вотъ стихи, написанные О., у насъ.

Маріи, Александру и Наташѣ.

Благодарю тебя, о, Провидѣнье,
Благодарю, благодарю тебя,
Ты мнѣ дало чудесное мгновенье,
Я дожилъ до чудеснѣйшаго дня.
Какъ я желалъ его! Въ душѣ глубоко
Я, какъ мечту, какъ сонъ, его ласкалъ,—
Сбылась мечта, и этотъ мигъ высокій
Я не во снѣ, я на яву узналъ.
Любовь и дружба!—Вы теперь со мною,
Теперь вы вмѣстѣ, вмѣстѣ у меня,—
О, Боже мой, я радостной слезою
Благодарю, благодарю тебя.
Благодарю! О, съ самаго рожденья
Ты два зерна мнѣ въ душу посадилъ,
И вотъ я два прекрасныя растенья
Изъ нихъ, мой Боже, свято возрастилъ.
Одно—то дубъ съ зелеными листами,
Высокій, твердый: гордою главой
Онъ съединился дивно съ небесами
И тѣнь отрадно бросилъ надъ землей,
Другое—то роскошное явленье,
То южныхъ странъ душистое дитя,
Магнолія—вѣнецъ всего творенья...
О, Боже мой, благодарю тебя!

[1]) Вѣроятно, описка—Петръ (Чаадаевъ, очень близкій съ Левашовыми).
[2]) Вашингтонъ, извѣстный америк. писатель.

Любовь и дружба! вы теперь со мною!
Друзья! Такъ обнимите же меня!
Вотъ вамъ слеза,—пусть этою слезою
Вамъ скажется, что̀ ощущаю я.

Н. О.[1]

1839, марта 17.
Владиміръ.

Буде есть охота, то имѣешь право печатать въ «Наблюдателѣ» отрывокъ изъ «Лицинія» (который у Мар. Льв.), то печатай, даже дозволяю сдѣлать маленькія поправки въ стихахъ, но никакъ въ смыслѣ. Да не прислать ли еще чего? ОТВѢЧАЙ.

◆◆ **1.** Тогда же Огаревъ написалъ стихотвореніе въ прозѣ, трилогію «Три мгновенія», въ которой третью часть посвятилъ владимірскому свиданію (см. «Рус. Мысль» 1902, XI).

Тѣ же чувства одушевляли и Наталію Александровну. Она писала своей новой подругѣ: «Посѣщеніе ваше удвоило наше блаженство, сдѣлало насъ лучше. И какъ забыться, какъ раздаваться грубому голосу земли въ душѣ, когда она вся—гармонія, вся гимнъ! Богъ милосердъ къ намъ. Онъ далъ намъ все; чѣмъ заслужить? Мы сохранимъ душу, мы употребимъ всѣ силы наши и все, что дано намъ, къ спасенію страждущихъ, несчастныхъ».

А каково же было отношеніе къ колѣнопреклоненной мольбѣ Маріи Львовны? Потомъ она призналась Герцену, что сцена эта показалась ей «натянутой и дѣтской»... И, конечно, не потому, что она была впереди ихъ или менѣе способна къ романтизму, а просто потому, что не чувствовала такъ радости сближенія. Наоборотъ, она хорошо понимала, что съ этими людьми ей скоро придется бороться, завоевывая мужа для выѣздовъ въ свѣтъ...

Пять дней провели Огаревы во Владимірѣ и 19-го марта поѣхали въ разныя стороны: она—въ Петербургъ, чтобы ускорить прощеніе мужа, онъ—въ свою рязанскую вотчину.

Энергичныя хлопоты Марьи Львовны увѣнчались успѣхомъ: 11-го мая государю былъ представленъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ Бенкендорфъ, «получивъ удостовѣреніе мѣстнаго начальства о хорошей нравственности и искреннемъ раскаяніи Огарева, равно какъ засвидѣтельствованіе о томъ же со стороны разныхъ почтенныхъ особъ», осмѣливался повергнуть на благоусмотрѣніе просьбу Огарева о переводѣ его на службу въ московскій сенатъ. При этомъ шефъ жандармовъ счелъ даже нужнымъ прибавить: «таковой примѣръ монаршаго снисхожденія къ лицу, бывшему

виновнымъ, но принесшему въ своемъ заблужденіи чистосердечное раскаяніе, должно произвести, по мнѣнію моему, весьма хорошее и на другихъ подобныхъ лицъ впечатлѣніе»... Николай I написалъ: «согласенъ» (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1 эксп., 1834 г., дѣло № 239, ч. 8). 23 октября Огаревъ былъ опредѣленъ въ канцелярію 8-го департамента московскаго сената.

254. Письмо къ А. Л. Витбергу.

23 марта 1839.

Вчера въ ночь уѣхалъ Эрнъ [1]), пробывшій двое сутокъ. Съ жадностью разспрашивалъ я обо всемъ, касающемся до васъ, и много разныхъ чувствъ волновалось. Наша встрѣча—важнѣйшее событіе въ моей вятской жизни. То безпредѣльное чувство любви и уваженія къ вамъ и къ вашимъ страданіямъ, которое заставило меня на Бахтѣ схватить вашу руку, съ тѣмъ, чтобъ прижать ее къ устамъ,—это чувство живо во всей полнотѣ.

...Всего болѣе радуетъ меня, что вы заняты;[1] сверхъ того, что это отвлекаетъ васъ отъ ряда мыслей очень черныхъ,—высшій законъ творчества требуетъ *не зарывать таланта*, а особенно таланта, столь мощнаго, какъ вашъ. Я видѣлъ слезы на глазахъ одного священника, разсматривавшаго проектъ въ «Живописномъ Обозрѣніи» (à propos, вы мнѣ не объяснили, кто напечаталъ его?). Итакъ, да благословятся ваши труды,—творите вопреки толпы, вопреки цѣпи... Не ждете ли вы чего при предстоящемъ бракосочетаніи [2])? Мое дѣло идетъ забавно: въ февралѣ мѣсяцѣ писалъ гр. Б. [3]), что̀ не находитъ удобнымъ снятіе надзора (послѣ 5-ти лѣтъ), и, слѣдственно, я еще поживу здѣсь.[2]

Счастье мое такъ безпредѣльно, что подчасъ кружится голова отъ мысли: заслужилъ ли я, хоть долю, того, что имѣю, или не есть ли это испытаніе? Преданность провидѣнію безгранична тоже. Я чувствую огромную перемѣну; душа становится шире; чистота первобытная и утраченная юношескимъ разгуломъ возникаетъ, и хотя налетаютъ минуты горькаго сомнѣнія въ себѣ, минуты, въ которыя я кажусь себѣ ничтожнымъ карлой...

[1]) Гавріилъ Каспаровичъ.

[2]) Дочь Николая I, Марія, вступила въ супружество съ герцогомъ Максиміліаномъ Лейхтенбергскимъ.

[3]) Бенкендорфъ.

Одного недоставало въ моей жизни, это—свиданія съ тѣмъ дивнымъ другомъ, котораго портретъ висѣлъ у меня въ комнатѣ. Сбылось и это. *Онъ* и *она* были, и мы четверо стали на колѣни передъ распятіемъ и молились съ горячими слезами и благодарили провидѣніе. Больше счастія не можетъ помѣститься въ груди. Теперь въ путь—трудиться... чтобъ заработать столько блаженства, даннаго Богомъ.

Ваше замѣчаніе насчетъ лица апостола Павла въ «Лициніи» принять я никакъ не могу. *Во-первыхъ*, области искусства принадлежитъ вся вселенная, вся исторія и всѣ лица. Почему Рафаэлева кисть не задрожала отъ мысли писать Мадонну, и еще больше,—придавая ей черты Форнарины? Почему рѣзецъ Буонаротти не остановился, изображая Моисея? *Во-вторыхъ*, въ мистеріяхъ, разыгрываемыхъ въ средніе времена, выводится на сцену Іисусъ. Ваше выраженіе «*вольная* поэзія» я не понимаю. Поэзія есть одна. Перенесите вашъ широкій взглядъ на зодчество къ поэзіи,—и вы увидите, что я правъ. Хорошо ли я представилъ апостола—это будетъ другой вопросъ. Скворцовъ имѣетъ черновую тетрадку, попросите у него «Intermezzo», гдѣ и является апостолъ. Именно въ томъ-то и вопросъ нашего вѣка — помирить религію съ жизнью, Откровеніе—съ мыслью... Salut et amitié.

◆◆ **1**. Въ это время Витбергъ работалъ надъ проектомъ Александро-Невскаго собора въ Вяткѣ, который потомъ былъ принятъ всѣми очень лестно. Говоря дальше въ нѣсколькихъ письмахъ о храмѣ, Герценъ подразумѣваетъ именно этотъ соборъ.

2. 16 марта Герценъ былъ опредѣленъ старшимъ помощникомъ правителя канцеляріи губернатора (Дѣла деп. герольдіи прав. сената 1841 г. №№ 230 и 136/2; Н. Н. Чебышевъ, въ «Трудахъ Владимір. учен. арх. ком.» кн. IV, стр. 66, указываетъ на 13-ое марта, но это, вѣроятно, ошибка или просто опечатка).

255. Письмо къ А. Л. Витбергу.

Le 18 avril 1839.
Wladimir.

...Ma veine poétique ne s'épuise pas, il y a une nouveau poême commencé, William Penn, c'est à dire non le christianisme en germe, le christianisme — religion mystique, poétique, oriental, comme il paraît avec l'apôtre Paul à Rome («Лициній»), mais le christianisme—religion sociale, progressive, le Quakerisme enfin. Mais je n'ai pas le temps. Adieu—salut et amitié...

Переводъ.

18 апрѣля 1839.
Владиміръ.

Мое поэтическое вдохновеніе не истощается: начата новая поэма—«Вильямъ Пенъ», т. е. христіанство не въ зародышѣ, христіанство не въ видѣ мистической, поэтической, восточной религіи, какъ оно появилось вмѣстѣ съ апостоломъ Павломъ въ Римѣ («Лициній»), но христіанство, какъ религія соціальная, прогрессивная, или, наконецъ,—квакерство. Но у меня нѣтъ времени. Прощайте—привѣтъ и дружба.

256. Письмо къ Т. А. Астраковой.

(18 апрѣля 1839).

«Татьяна Алексѣевна, вы понимаете ли, что̀ это значитъ: *18-е апрѣля*? вѣдь, это день нашей встрѣчи, день, въ который въ мои святцы вписаны два новыхъ угодника:

Рабъ божій Николай [1]) } иже за освобожденіе мученицы Наталіи
Раба божія Татьяна } въ Цареградѣ пострадавшихъ.

18-го апрѣля, передъ обѣдомъ явился я къ вамъ печальный, смущенный, во фракѣ Сазонова. Вотъ вы поѣхали къ княгинѣ [2]), а я жду... Кажется, вы года полтора ѣздили, а воротились, все-таки, 18-го апрѣля.

18-го апрѣля я, грустный еще больше, безъ положительныхъ надеждъ и безъ фрака Сазонова, поѣхалъ... динь, динь...

Вспомнили ли вы? А мы вспомнили!

Да и каковы бы мы были, если бы не вспомнили. Еще разъ благодарю васъ дружески, братски и до тѣхъ поръ мнѣ не надоѣстъ благодарить, покуда Богу не надоѣстъ повторять *18-е апрѣля*; а это, спросите у Николая, такъ тѣсно связано съ путемъ солнца (которое не двигается ни съ мѣста), благосостояніемъ земного шара и разной планиды небесной, что никакой надежды нѣтъ къ прекращенію *18-го апрѣля*.

Какъ я взгляну назадъ и припомню все, что̀ было между этой парой 18-хъ апрѣля, то, ей-Богу, готовъ броситься на колѣни и молиться, и молиться со слезами восторга: все было несбыточно—все сбылось, все было черно—все сдѣлалось свѣтло, и дивно свѣтло, и я сжился со свѣтомъ. Право, въ этотъ годъ мой путь я не промѣняю

[1]) Астраковъ.
[2]) М. А. Хованская.

на путь Сатурна, несмотря на то, что онъ, какъ паяцъ въ конной комедіи, летитъ съ обручемъ ежегодно верстъ 100,000,000,000,000 (добро бы куда-нибудь, а то, такъ себѣ, просто летитъ). Ну, и ты, рабъ божій Николай, дай руку; да, братъ, дай право еще разъ сказать тебѣ *спасибо* и не сердись, вѣдь, слово это истаскано: черезъ чьи губы оно ни цѣдилось, по чьему языку ни сползало въ воздухъ, да я смыслъ ему придаю поважнѣе. И у меня оно вовсе теперь не съ языка ползетъ (ибо я всегда пишу, закрывши ротъ, чтобъ какъ-нибудь муха не залетѣла), а течетъ съ пера прямымъ трактомъ изъ сердца,—не даромъ я Герценъ.

PS. Соприкосновенному къ 18-му апрѣля К.[1]) поклонъ. Скажите ему, что Голубевъ[2]) былъ; благодарю его очень за книги. Только онъ велитъ скоро ихъ прислать. Ну, пусть самъ разсудитъ: ежели литература вздоръ,—можно пробѣжать быстро, но 6 томовъ (нѣмецкой работы) Раумеровой исторіи не берусь отчитать ближе мѣсяца. Пожалуйста, скажи ему и особенно благодари его за Раумера[3]). К. долго не придетъ къ тебѣ; тѣмъ лучше,—это выиграетъ срокъ на чтеніе. Не собирается ли онъ ко мнѣ?

Между владимірскими новостями тебя всего болѣе тронетъ вѣсть о кончинѣ кн. Одоевскаго[4]), особенно, когда ты узнаешь, что онъ лѣтъ семьдесятъ, какъ родился и, слѣдовательно, получилъ понятіе, зачѣмъ онъ существовалъ. Memento mori. *Александръ.*

257. Владиміръ, апрѣля 20.

Одинъ изъ почетныхъ жителей Владиміра обратился съ письмомъ къ завѣдывающему изданіемъ «Прибавленій» къ «Губернскимъ Вѣдомостямъ», прося его сообщить читателямъ о томъ, что по прибытіи въ губернскій городъ г. губернскаго предводителя дворянства, князя А. Б. Голицына, значительнѣйшіе жители города Владиміра, слѣдуя примѣру г. гражданскаго губернатора, привѣтствовали обѣдами во всю прошедшую недѣлю новаго представителя дворянства, показывая тѣмъ искреннюю радость, что выборъ палъ на столь уважаемаго члена общества.

Исполняя съ особеннымъ удовольствіемъ желаніе почтеннѣйшаго корреспондента, мы жалѣемъ о невозможности передать всѣ подробности, заключающіяся въ его письмѣ.

[1]) Кетчеръ.
[2]) Яковъ Ивановичъ.
[3]) Георгъ-Вильгельмъ, нѣмецкій историкъ.
[4]) Иванъ Сергѣевичъ, отецъ декабриста, тоже умершаго въ 1839 г.

258. Письмо къ Н. П. Огареву.

Владиміръ. 1839.

21 марта. Я обѣщалъ писать къ тебѣ, другъ, большое письмо и вчера хотѣлъ начать,—но, нѣтъ, чувства такъ свѣжи, такъ горячи, такъ пространны, что не могу уловить ихъ на бумагу. Свиданье наше сдѣлало эпоху. Какая-то юношеская свѣжесть и полнота силъ кипитъ въ груди мыслями, восторгами. О, Николай! о, мой другъ! Это—дружба, возращенная нами съ 7-ми лѣтняго возраста, это—любовь, въ которой выгорѣло нечистое и себялюбивое начало нашихъ душъ,—вотъ что̀ мы принесли туда, и Духъ велій проститъ все за эти два чувства. Глубоко чувство нашего ничтожества, но есть другой голосъ, примиряющій: а за что же насъ благословилъ онъ этою любовью, этою дружбой? за что меня—Натали, а тебя—Маріею? за что меня—тобою, а тебя—мною? До какой степени счастье можетъ поднять человѣка на землѣ! И всѣ могли быть такъ счастливы, всѣ могли бы въ вѣчномъ гимнѣ Богу испарять душу, напитанную любовью. Но они дѣти, дѣти, имъ еще нужны игрушки. Новый шагъ,—я съ состраданіемъ на нихъ смотрю, а не съ кичливымъ презрѣніемъ.

Мгновеніе, когда мы пали передъ распятіемъ, это—одинъ изъ тѣхъ высшихъ моментовъ жизни, въ который надобно бы людямъ умирать. И какъ это случилось? когда и кто принесъ знаменіе искупленія? Я вдругъ нежданно увидѣлъ его на мраморной доскѣ стола. А потомъ онѣ [1]) во прахѣ. Онѣ были поражены нашимъ величіемъ. О, Боже мой, о, Боже, прости мнѣ ропоты былые, прости укоризны; ты награждаешь каждую царапину такъ щедро: Наталіей наградилъ ты за тюрьму, Николаемъ и Маріей за ссылку. Я писалъ сегодня къ Маріи. Я пламенно люблю ее, потому что понялъ, что она тебя *успокоила.* «И азъ успокою васъ»,—сказалъ Христосъ. Вотъ, что̀ я писалъ ей, между прочимъ: «Слава тебѣ, Марія, Богомъ избранная облегчить жизнь поэта, слава тебѣ».—«Когда мы мучились всѣ четверо, совершилась великая мистерія присоединенія Наташи къ вамъ и тебя къ намъ». Это было вѣнчанье сочетающихся душъ, вѣнчанье дружбы и симпатіи.

25 марта. Сегодня мое рожденье. Два года тому назадъ, еще увлеченный мечтаніями о славѣ, я писалъ Наташѣ: «25 лѣтъ—и

[1]) Жены обоихъ друзей.

ничего не совершено»; вотъ ея отвѣтъ: «Какъ? неужели это сознаніе истинное? Тебѣ 25 лѣтъ, а у тебя есть другъ, есть подруга!» Впослѣдствіи это стало краеугольнымъ камнемъ бытія. Да, боги *дали залогъ* намъ. Намъ ли еще не гордо взмахнуть крылами? Итакъ, 27 лѣтъ прожито,—можетъ, не больше 27 осталось. О, сколько надобно трудиться, трудиться!

Грустишь, чай, ты, другъ, въ одиночествѣ. Но, я увѣренъ, послѣ нашего свиданія это одиночество именно принесетъ большую пользу. Я самъ сознаю, что какъ-то улучшился взглядомъ и дѣломъ послѣ четырехъ дней. Прощай, завтра посылаю записочку объ Эрнѣ.

Апрѣля 7. Давно не писалъ я къ тебѣ, но ты тутъ со мною. Свиданіе живо, оно розлило столько и столько по душѣ, что я и сказать не могу. Я какъ-то сталъ добрѣе съ тѣхъ поръ, еще выросъ. Все это время проведено дѣятельно. Я писалъ продолженіе къ статьѣ о XIX вѣкѣ и началъ новую поэму «Вильямъ Пенъ»; начало ея такъ пламенно излилось, что, я увѣренъ, оно хорошо. Въ «Лициніи» явленіе христіанства въ идеѣ, здѣсь явленіе въ фактѣ—*квакерство*. Желаю, очень желаю прочесть вамъ обоимъ. А такъ какъ я далъ себѣ слово первую статью, писанную послѣ свиданія, посвятить Маріи, то ей «Вил. Пенъ»... Фу, какая дѣятельность кипитъ опять въ груди! Nein, nein, es sind keine leere Träume [1]). Прощай.

Апрѣля 27. Двацать дней и я тебѣ не писалъ; и нѣтъ охоты *писать*, оттого что мысль скораго свиданія, живой рѣчи сильно борется противъ писанія. Конечно, финикіяне—отличные люди и много одолжили тѣмъ, что *выдумали* буквы, но Богъ несравненно больше одолжилъ людей, выдумавши имъ языкъ et vive la langue! [2])

Скоро ли «вы, Колинка», какъ тебя зоветъ Марія, двинетесь?

259. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

2 мая 1839.
Владиміръ.

Что, любезный другъ, здоровье твоей матушки? Твое письмецо меня удивило, потому что я не ждалъ О.,—и съ тѣмъ вмѣстѣ навело грусть. Еще ударъ, когда еще не успѣлъ оправиться.

Благодарю за книги, присл. съ Голубевымъ; пришлю всѣ, кромѣ Раумера, по первой оказіи.—Очень благодарю.

[1]) Нѣтъ, нѣтъ, это—не пустыя мечты!
[2]) И да здравствуетъ языкъ!

Я тебѣ хотѣлъ писать много и написалъ бы, ежели бъ не было Огар.; итакъ, прощай.

Буде случится «Revue des 2 M.», пришли. Да, на тебя Огар. мнѣ наябедничалъ,—что за новыя мысли о централизаціи?[1]

◆◆ 1. Огаревъ еще разъ заѣхалъ во Владиміръ и провелъ съ Герценомъ, кажется, два дня.

260. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

1839. Мая 6. Вечеромъ.

Это письмецо тебѣ доставитъ Орѣховъ, нѣкогда превесьма намъ извѣстный, какъ подаватель Клико, теперь же бюрократъ и губернаторъ [1]).

Второе свиданье съ Огар. убѣдило меня въ томъ, что первое произвело на насъ огромнѣйшее вліяніе. Я писалъ къ нему: «Такъ, какъ весною дождь вдругъ въ нѣсколько часовъ вызываетъ цвѣты, такъ тысячи идей, едва обозначенныхъ, развились въ насъ отъ четырехдневнаго взаимнаго дѣйствія,—вотъ сила любви!»—Я очень хочу видѣться съ тобою, очень,—какъ бы это устроить? не явишься ли ты кавальеромъ сервенте съ Маріей? [2]) Но, впрочемъ, что здоровье твоей матушки?... А свиданья иногда чрезвычайно полезны, необходимы не однимъ тѣмъ, что передашь словами, а словами.—Придумали и думали много.—Что это, какъ О. благороденъ и чистъ и какъ глубоко религіозенъ!

Право, некогда читать и потому не сердись, что еще не посылаю книги, да и не скоро пошлю ихъ. У меня теперь заботъ и полноты душевной всякой тьма тьмущая: ты знаешь Наташино положенье [3]).

Дѣло воспитанія раскроется передо мною. Это свято и высоко. Богъ поручаетъ мнѣ существо, я устремлю его къ Богу.

Когда поѣдетъ Марія, скажи ей, что мы 15-го съѣзжаемъ на другую квартиру, а именно: домъ Опрянинова, у Ивановскаго моста.

Наташа тебѣ много кланяется.

Эй, пріѣзжайте!

Твой *А. Г.*

Я хотѣлъ вложить Маріи записочку, но, вѣдь, скоро увидимся.

[1]) (?) Такого губернатора тогда не было.
[2]) Огарева, которую ждали во Владиміръ.
[3]) Беременность.

261. Письмо къ А. Л. Витбергу.

18 мая 1839.
Владиміръ.

Вотъ, Александръ Лаврентьевичъ, нѣсколько строкъ, писанныя вамъ человѣкомъ, котораго вы только знаете черезъ меня,—Огаревымъ. Онъ былъ въ восторгѣ отъ мысли вашего храма и просилъ, чтобъ я ему списалъ изъ вашихъ «Записокъ» о проектѣ; но я не смѣлъ этого сдѣлать, потому онъ и проситъ васъ. Напишите ему, хотя строчку, это—человѣкъ дивной чистоты душевной, любите его—онъ васъ любитъ.

Вамъ предстоитъ разлука съ Прасковьей Петровной, одиночество ваше еще увеличится. Гдѣ то время, когда я иногда служилъ вамъ отдохновеніемъ (ибо въ вашей любви я не сомнѣваюсь)? зачѣмъ это было тогда, а не теперь? теперь я больше чистъ, теперь я достойнѣе вашей дружбы.

Прежде нежели вы получите это письмо, Наташа будетъ матерью. Какое великое дѣло—воспитаніе, раскрывается передъ нами: на нашу отвѣтственность Богъ даетъ существо—человѣка. Господи! дай же силу вести его по закону Твоему. Помолитесь о насъ, помолитесь и объ малюткѣ...

...Пришлите мнѣ, пожалуйста, съ Прасковьей Петровной одинъ изъ вашихъ проектовъ (большого храма) въ тевтоно-готическомъ стилѣ; это будетъ священный залогъ вашего вниманія ко мнѣ. Прощайте. Вашъ другъ до гроба.

Наташа жметъ вашу руку. 9-го мая мы торжественно прочитали ваше поздравительное письмо, 1838 г. въ маѣ писанное. Оно такъ тепло, такъ дышитъ любовью, что безъ слезъ не можемъ перечитывать...

262. Письмо къ А. Л. Витбергу.

7 іюня 1839.
Владиміръ.

Любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ, Александръ Лаврентьевичъ! Многое совершилось съ тѣхъ поръ, какъ я писалъ къ вамъ, но третьяго Герцена нѣтъ; неопытность наша ошиблась цѣлымъ

мѣсяцемъ; впрочемъ, ждемъ съ часу на часъ. Богъ да благословитъ новое существо, назначенное представителемъ его славы на землѣ!— Но что же это многое? Огаревъ прощенъ высочайшимъ повелѣніемъ въ концѣ мая, и теперь ждутъ многіе того же, и я въ томъ числѣ; все это по случаю свадьбы великой княжны. Онъ скоро поѣдетъ въ Москву, и тогда я ему передамъ вашъ привѣтъ, и онъ его приметъ со слезою. Не обижайтесь *нескромностью*, какъ вы пишете, его выраженій; онъ былъ такъ увлеченъ разсказомъ о вашемъ великомъ созданіи, такъ увлеченъ разсказомъ жизни, которая почти съ первой юности посвятилась во славу и православіе Бога и перешла все земное: отъ кабинета артиста, черезъ кабинетъ императора до кабинета, засыпаннаго снѣгомъ въ Вяткѣ, и что nonobstant [1]) всего этого, твореніе росло, идея выражалась яснѣе, идеалъ не померкнулъ. (Онъ говоритъ, что надобно его воздвигнуть въ Англіи,—тамъ не пожалѣютъ денегъ). Вотъ отчего съ такимъ восторгомъ писалъ онъ къ вамъ, и да будетъ и это доказательствомъ, что есть люди, вполнѣ понявшіе величіе вашего идеала и у которыхъ ни годы, ни разстоянія не охладятъ любви къ художнику, творцу идеала.

Ежели придетъ моя индульгенція, то я уѣду на августъ и сентябрь въ отпускъ, потомъ возвращусь сюда прослужить до ноября. Въ ноябрѣ пойдетъ обо мнѣ представленіе въ чинъ асессора, и тогда я тотчасъ переѣду въ Москву. Батюшка купилъ для насъ новый домъ, рядомъ съ своимъ (принадлежавшій генералу Тучкову). Намѣренъ потомъ, въ видѣ прогулки, съѣздить въ Петербургъ. Только не на службу... О, нѣтъ, пока довольно! Мнѣ кажется, если-бъ въ ваши желанія входило возвращеніе въ Москву, то это—не совсѣмъ трудное дѣло теперь. Но что вамъ Москва съ своей дороговизной?...

...Александръ Лаврентьевичъ, пришлите же большой проектъ въ византійскомъ стилѣ. Наташа, одна изъ самыхъ фантастическихъ поклонницъ вашихъ, жметъ вамъ руку дружески, крѣпко. Любите насъ, любите и не забывайте *А. Герцена*.

8 іюня.

Моя поэма «Вильямъ Пенъ» идетъ очень успѣшно. Сообщите, пожалуйста, Скворцову пріятную вѣсть объ Огаревѣ.

[1]) Вопреки.

263. Изъ „Дневника“.

Владиміръ-на-Клязьмѣ.

Январь.

11-е.

Новый годъ встрѣтилъ меня у постели больной Natalie. Кругомъ тишина; не было ни постороннихъ взглядовъ, ни постороннихъ звуковъ. Странная перемѣна. Сбылась мечта, и сбылась съ необъятной полнотой. Мы хотѣли быть вмѣстѣ. Провидѣніе соединило насъ и оставило *однихъ;* да, по сю сторону—мы, по ту—люди. Мы—точно забытые всѣми въ нашемъ уголку, гдѣ обитаетъ любовь. Мы даны другъ другу, и за это обведены цѣпью, за которую никто не ходитъ; даже письма отъ друзей долетаютъ рѣдко, рѣдко, едва отвѣтъ на два наши... И между тѣмъ мы такъ счастливы.—Новый годъ навѣваетъ много думъ всякому; радостно встрѣчая пришельца, я вздохнулъ о 1838,— онъ для меня былъ хорошъ: выкупъ трехъ мрачныхъ, ужасныхъ предшественниковъ. Лучшаго года въ мою жизнь не будетъ. Какъ скоро стираются несчастья, страданія, а минуты восторга, блаженства вѣчно живы, вѣчно свѣжи въ душѣ; я забылъ сердцемъ все, постигавшее меня съ чернаго 20 іюля 1834. А свѣтлое свѣтитъ.

Новый годъ—всегда загадка, и мысль о ней наводитъ много меланхолическаго.

Мы годомъ ближе къ смерти! Это вѣрно.

А человѣчество годомъ ближе къ великой эпохѣ братства и гармоніи! И это вѣрно.

Остальное покрыто; время—тиранъ, отъ прошедшаго оставляетъ тѣнь, а будущему едва-едва приподнимаетъ завѣсу.

Пройдутъ столѣтія, и новый годъ навѣетъ кому-нибудь тѣ же мысли, тѣ же мечты. Гдѣ я буду тогда? Будемъ ли мы тоже вмѣстѣ съ Natalie?

Новый годъ есть періодическое memento mori.

Я дивлюсь геройству толпы: она толкуетъ о смерти такъ, какъ о поѣздкѣ въ подмосковную; живетъ въ своихъ мелочныхъ отношеніяхъ, какъ будто каждому отпущено жизни, какъ Маѳусаилу. Для чего они хлопочутъ о вздорѣ? Они—дѣти, потому и играютъ. Какъ имъ сдѣлалось бы стыдно, ежели-бъ [1])

[1]) Не окончено.

Покойникъ былъ добръ, но исполненъ предразсудковъ и, какъ человѣкъ прошлаго вѣка, и какъ знатный человѣкъ [1]). Ну, чѣмъ же былъ *онъ* виноватъ, что родился въ такую эпоху и въ такомъ положеніи?

— Мы почти всегда осуждаемъ людей за вины, вовсе не отъ нихъ зависящія.—Но онъ могъ бы быть лучше въ другую эпоху; это тоже доказываетъ безсмертіе души: ежели *могъ*, то и разовьется; за что же индивидумъ будетъ принесенъ совсѣмъ на жертву человѣчеству? [1]

Мартъ.

15, 16, 17, 18 марта.

Не въ самомъ ли дѣлѣ въ году есть дни, мѣсяцы особенно важные, климактерическіе, какъ говорили занимающіеся тайными науками? Въ такомъ случаѣ мартъ отмѣченъ ярко въ моей жизни.

25 марта 1812 я родился.

31 марта 1835 прочли повелѣніе о ссылкѣ.

3 марта 1838 первое свиданіе съ Natalie послѣ долгой, тяжкой и скорбной разлуки. Съ этого дня я долженъ считать свѣтлую эпоху,—за нею идутъ другія свиданья; но во главѣ ихъ торжественное 3 марта. Одного недоставало для полнаго блаженства—Николая, и съ нимъ свиданіе было въ мартѣ.

Онъ пробылъ у насъ съ Маріей 15, 16, 17, 18. 19-го я проводилъ его.

Когда я буду умирать, велю принести себѣ мои письма, гдѣ я писалъ о 3 марта, и хоть эту страницу о свиданьи съ другомъ. Мы четверо вдругъ стали на колѣни и молились передъ распятіемъ. Душа такъ была свѣтла, такъ торжественна!

Свиданье было намъ необходимо, теперь я это понимаю вполнѣ; мы передали другъ другу повѣсть души за 5 лѣтъ, и послѣ свиданья все это улеглось, и сердца наши закалились другъ въ другѣ, и мы благословили другъ друга. [2]

13 іюня. Десятый часъ.

О, Боже, о, великій Боже! Сохрани ее и сохрани его!

Тебя, существо народившееся, тебя, въ которомъ слились два бытія, Александръ и Наталія, благословляю тебя, благословляю! Иди въ жизнь, иди на службу человѣчеству; я тебя обрекъ на трудный путь,—иди, благословляю тебя.—Можетъ, погибнешь... но принесешь

[1]) 19 января 1839 г. умеръ Левъ А. Яковлевъ.

чистую душу.—Всею силою отца, всею силою воспитателя, всею силою магнетизма поведу я тебя по пути, не мною избранному для тебя, а Богомъ для человѣчества.

Ея жизнью, твоей жизнью клянусь и присягаю.

Боже, сохрани ихъ!

Первый часъ.

Благодарю тебя, великій Промыслъ!

Сердце бьется, еще чувства не укладываются въ грудь, не только на бумагу.[3]

◆◆ **1.** 21 января Герценъ былъ отпущенъ негласно Курутой въ Москву по случаю смерти «сенатора». На похоронахъ онъ не былъ и, утѣшивъ отца, черезъ два дня вернулся во Владиміръ.

2. Здѣсь рукою Наталіи А—ны приписано:

«Да, и я увидѣла ихъ, наконецъ,—Боже мой! Какое счастье обнять впервые тѣхъ, кого уже давно любила такъ много, съ кѣмъ такъ сроднилась душою, кто, казалось, составлялъ съ нами одно существо... О, съ какимъ восторгомъ я бросилась къ *нему* на шею, какъ искренно, пламенно прижала *ее* къ моему сердцу,—я плакала, смѣялась, молилась, не помнила себя отъ радости...

«У меня такъ мало родныхъ.... и которые есть, такъ чужды мнѣ.... А мнѣ необходима сестра,—душа теплая, родная, душа, исполненная любви, живущая одной любовью, въ которую бы я могла перелить все блаженство мое, съ которой бы могла говорить о *немъ*, которая бы поняла мою любовь...

«Я писала къ Маріи, но этого было мало для меня; нѣтъ, въ ея письмахъ я не находила полнаго отвѣта,—намъ надо видѣться; о! съ какимъ нетерпѣніемъ ждала я этого времени! она—*подруга Николая*,—кто же можетъ быть ближе ея мнѣ?... И настало это время, они пріѣхали....»

3. Въ этотъ день у Герценовъ родился первенецъ—Александръ, впослѣдствіи извѣстный профессоръ физіологіи лозаннскаго университета, сочиненія котораго хорошо были приняты и въ Россіи, гдѣ имѣли одно время большой успѣхъ.

На другой страницѣ Н. А—на написала 1 января 1841 года:

«Вчера, когда истекалъ 40-й годъ, Александръ далъ мнѣ прочесть этотъ листокъ,—лучшаго подарка онъ не могъ сдѣлать: этотъ листокъ разомъ, вдругъ освѣтилъ всю картину трехлѣтняго счастья, безпрерывнаго, безпредѣльнаго, основаннаго на одной любви... Мы сжали другъ другу руку крѣпко... Безмолвный поцѣлуй и горячія слезы высказали, что происходило въ душѣ нашей. Такъ очищен-

ные, просвѣтленные, перешли мы въ новый годъ. Боже мой, что бы ни ждало насъ въ немъ,—я склоняю мою голову и говорю *за нихъ обоихъ*: да будетъ Твоя воля!

«Мы встрѣчали новый годъ дома, уединенно, только Витбергъ былъ у насъ. Недоставало маленькаго Александра въ кружкѣ нашемъ: малютка покоился безмятежнымъ ангельскимъ сномъ; для него еще не существуетъ ни прошедшаго, ни будущаго. Спи, мой ангелъ, беззаботно, я молюсь о тебѣ, и о тебѣ, дитя мое, еще неродившееся, но которое я люблю уже всей любовью матери; твое движеніе, твой трепетъ такъ много говорятъ моему сердцу, такимъ блаженствомъ наполняютъ мою душу,—да будетъ твое пришествіе въ міръ радостно и благословенно!!!... [1])

«Друзья, никто изъ васъ не забытъ... соединимъ наши гимны и молитвы...

«Духъ святой сойдетъ на насъ».

264. Письмо къ А. Л. Витбергу.

14-го іюня 1839.

Вчера, въ 12 утра явился на свѣтъ Саша. Все до сихъ поръ чрезвычайно легко и благополучно.

Вы знаете очень хорошо чувства, которыя волнуютъ отца при рожденіи, особенно первенца. Я плакалъ, я стоялъ на колѣняхъ передъ распятіемъ, я дрожалъ отъ страха, и этотъ страхъ происходилъ не отъ одного вида ея страданій, а отъ огромности дѣла отцовскаго. Мой сынъ относится ко мнѣ такъ, какъ новое поколѣніе къ старому, moi je donnerai la première impulsion [2]) его вѣрованіямъ, его убѣжденіямъ, я устремлю его къ тому или другому и, слѣдственно, часть судьбы его зависитъ отъ меня. Какая отвѣтственность! Но у него есть еще мать съ душою ангела,—ей предстоитъ религіозно-эстетическая часть.

Господи, помоги намъ исполнить великое дѣло воспитанія, помоги поставить его на путь правдивый (хотя бы съ этимъ и были сопряжены тяжелыя несчастія земной жизни)! Молю тебя!

Сообщите эту радостную вѣсть для насъ Авдотьѣ Викторовнѣ, Прасковьѣ Петровнѣ,—буде ее письмо мое застанетъ (вѣроятно, она получила посланные ей 500 р.), Вѣрѣ Александровнѣ...

[1]) Въ февралѣ 1841 г. родился сынъ Иванъ.
[2]) Я дамъ первый импульсъ.

Обнимаю вашихъ малютокъ. Да будетъ надъ ними благословеніе неба. Проектъ-то пришлите, сдѣлайте одолженіе, и... довольно. Другъ вашъ.

15-го іюня, одиннадцатый часъ. Все пока, благодареніе Богу, хорошо. Помолитесь же о малюткѣ и о матери.

265. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ [1]).

19-го іюня 1839.
Владиміръ.

Милостивая Государыня, Юлія Ѳедоровна! Наконецъ, 13-го іюня родился у насъ сынъ, сынъ и вашъ, и по понятіямъ нашей религіи, духовные родители еще важнѣе и выше. И не счастливъ ли этотъ малютка, имѣя васъ воспреемницей? Вами сойдетъ на него первое благословеніе Бога.[1]

Описывать вамъ то множество чувствъ, наполнявшихъ мою душу въ минуту рожденія, я не могу. Это была цѣлая поэма, но поэма не въ словахъ; скорѣе музыка могла бы уловить что-нибудь и изъ страха, и изъ восторга, и изъ слезъ радости, и изъ слезъ состраданія. Жизнь моя получила еще цѣль—дитя это, спящее у груди Наташи, я долженъ вывести въ міръ; первое направленіе ума и сердца будетъ зависѣть отъ меня и отъ Наташи. Великое дѣло,—вы сами матерь малютки,—вамъ все это знакомо, и вы задумывались передъ колыбелью. Но у меня надежда большая на Наташу; ея чистая душа вамъ извѣстна, изъ нея онъ будетъ питаться еще другимъ молокомъ,—религіозное и эстетическое воспитаніе принадлежитъ ей.

Но я боюсь дать волю своему языку; вы изволите знать несчастную слабость нашу (мою и Анны Богдановны [2])), т. е. говорить длиннѣе и скучнѣе, нежели говорилъ лордъ Брумъ въ парламентѣ, и потому остановлюсь для того, чтобы дать мѣсто другому чувству, настоятельно требующему высказаться.

А это чувство есть благодарность. Каждое письмо ваше и Софіи Ѳеодоровны [3]) больше и больше доказываетъ намъ, какъ вы умѣете прекрасною душой вашей помнить людей, имѣющихъ одно право на вашу память безпредѣльною и искреннею любовью. Пере-

[1]) Жена владимірскаго губернатора.
[2]) ?
[3]) Каппель, сестра Ю. Ѳ. Куруты.

дайте тоже почтеннѣйшему Ивану Эммануиловичу [1]) нашу благодарность за стараніе объ улучшеніи нашего настоящаго положенія; если необходимость заставитъ меня служить, то молю Бога объ одномъ, чтобы служить у такого начальника, какъ Иванъ Эммануиловичъ.

Наташа, пятая дочь ваша, именно съ чувствами дочерней любви благодаритъ васъ за все теплое вниманіе и свидѣтельствуетъ свое почтеніе Ивану Эммануиловичу.[2]

Я пропустилъ два урока за хлопотами и не столько отъ недосуга, но отъ того, что я не могъ ни мыслей привести въ порядокъ, ни памяти. Я боялся, что, говоря о Цезарѣ, буду говорить о Сашкѣ и перемѣшаю Каролину Карловну [2]) съ Агриппиной.

Позвольте мнѣ, наконецъ, освободить ваше вниманіе отъ моего письма, но позвольте это на томъ условіи, что вы не имѣете ни малѣйшаго сомнѣнія въ тѣхъ чувствахъ искренняго уваженія и преданности, съ которыми честь имѣю пребыть, милостивая государыня, вашего превосходительства покорнѣйшимъ слугой.

А. Герценъ.

Прасковья Андреевна Эрнъ, которой одолженія намъ не имѣютъ ни мѣры, ни вѣса [3]), проситъ пріобщить и ея почтеніе.

◆◆ **1.** Крестины происходили 9 іюля; отцомъ записанъ И. А. Яковлевъ, матерью—Ю. Ѳ. Курута («Рус. Старина» 1889, I, 181—182).

2. Отношенія съ семьей губернатора Куруты создавались постепенно и затѣмъ были уже вполнѣ дружескими. Дочери Куруты: Ольга Ив., по мужу Ліонъ, Евгенія Ив., по мужу Палеологъ, Людмила Ив., по мужу Шульгина, и Клавдія Ив.—умерла въ юности; Герценъ давалъ уроки двумъ послѣднимъ. По словамъ брата ихъ, Владиміра Ив. Куруты, въ теченіе 1838—1840 гг. Герценъ бывалъ въ семьѣ губернатора почти ежедневно. Это невѣрно: въ 1838 г. отношенія были далеко еще не такъ близки («Рус. Мысль» 1889, V, 2).

Людмила И. Шульгина такъ отозвалась объ урокахъ Герцена: «Онъ училъ меня древней исторіи и литературѣ и такъ интересно и хорошо занимался этимъ, что я ни прежде, ни послѣ ни съ кѣмъ не училась такъ охотно и съ пользой» («Рус. Мысль» 1889, VI, 8).

[1]) Курута, губернаторъ.
[2]) Павлова, писательница и поэтесса.
[3]) Она была при родахъ Н. А—ны и послѣ нѣсколько недѣль.

266. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

27 іюня (1839).

Александръ Герценъ Николаю Кетчеру
Baro ab Upsala, здравія желаетъ.

(α) Чаадаеву скажи, чтобъ онъ благомилостиво взглянулъ въ «Сводъ»; тамъ онъ увидитъ, что дѣло могло и должно было перенестись въ ту губ., гдѣ большая часть; это же сдѣлано по сенаторскому указу; ergo, мысль его подать просьбу въ сенатъ гораздо вѣрнѣе напечатанной въ историческомъ 15 № «Телескопа» [1]). *Во Владимірской губ. ничего не производится*, кромѣ собранія справокъ. Онъ думаетъ, что дворянская опека хочетъ продолжить владѣніе имѣніемъ, — kann möglich sein, habe nichts dagegen! [2]). (*З извѣщенье!*)

(β) Ты, вѣрно, слышалъ, что 13 у меня родился сынъ. При свиданьи я тебѣ сообщу планъ воспитанія, etc., etc.

(γ) О, дружба, кто тебя не знаетъ,
Не знаетъ тотъ и тщетныхъ *просьбъ!*

Николай Упсальскій, исполни хоть разъ so ein bischen [3]), попробуй,—самому слюбится; ну, для шутки, а именно:

Rp. уложи Витберговой работы портретъ ℨβ
adde:
Писанную книгу мою ℨvj
«Лицинія» ℨjj

Перемѣшать съ ароматическими травами «сѣно» propr. sic. dictum.

Dms.
Для втиранія въ мозговую плеву.

Pro D-ro A. Herzen
Louis-Philippe
Docteur en médecine [4]).

$18\frac{28}{VI}39.$

[1]) Намекъ на извѣстное «Философическое письмо».
[2]) Можетъ быть,—я не имѣю ничего противъ.
[3]) Такъ, чуть-чуть.
[4]) Пародія на докторскій рецептъ.

Представь себѣ, что хочу поправить «Лицинія» и продолжать не могу, потому что M-me Ogareff, точно черниговская дворянская опека, перенесла все дѣло о «Лициніи» въ Упсальское (trans-basmano) владѣніе [1]).

О портретѣ же проситъ Наташа.

A propos. Нельзя ли наградить «Revu'*ями*» и «Jahrbücher'*ами*», а Фенена [2]) даромъ не надобно. У меня твой Раумеръ; что прочелъ, посылаю.

100 литерат. [3])

Портретъ Сенковскаго [4]) мнѣ служитъ подтвержденіемъ, что всѣ гнусныя души имѣютъ представителя въ лицѣ человѣка. Да что это за дрянь «Лейзевицъ» Кукольника, а Сенк. пишетъ: «надобно понимать сердцемъ, всѣмъ сердцемъ».

Наши журналы очень дурны, кромѣ «Отечеств. Записокъ». Что же вы плошаете въ Москвѣ?

Отошлите же по рецепту все къ Егору Ивановичу, да сдѣлай же одолженье.—Rogo, peto; ich bitte; je vous en prie [5]).

Сегодня я, кромѣ глупостей, ничего не въ состояніи писать.

А. Г.

30 ін. Сдѣлай же одолженье, прямо съ доставившимъ сіе (это Senkowskii [6])) Ларивономъ пришли Егору Ив. «Лицинія» etc., запечатавъ «гербомъ печати».

Мой сынъ плачетъ тебѣ.

Его Еминенцу

Николаю Христофоровичу

Кетчеру.

Съ присовокупленіемъ того и сего, завернутаго въ бумагу.

[1]) Басманная улица въ Москвѣ; опять шутка надъ мѣстомъ жительства Кетчера.

[2]) Пьеръ, франц. историкъ, выпустившій тогда сочиненіе: «Mémoires relatifs à l'histoire de France».

[3]) «Сто русскихъ литераторовъ», т. I, Спб. 1839 г.

[4]) Осипъ Ивановичъ, редакторъ «Библіотеки для Чтенія».

[5]) Выраженія просьбы по-латыни, по-нѣмецки и по-французски.

[6]) Насмѣшка надъ Сенковскимъ, отстаивавшимъ употребленіе этого слова.

267. [Отъ редакціи].

Г. Протопоповъ обѣщаетъ намъ доставлять и впредь отрывки изъ своихъ историческихъ розысканій. Редакція съ большимъ удовольствіемъ готова быть посредницею между имъ и своими читателями.

268. Письмо къ А. Л. Витбергу.

(28 іюля 1839).

...Читая ваши строки къ Нику, написанныя со всей поэзіей и огнемъ юности, я еще болѣе удостовѣрился въ истинѣ словъ Жанъ-Поля, что душа высокая юнѣетъ, очищается съ каждымъ годомъ. Въ началѣ августа онъ проѣдетъ здѣсь, и тогда я ему вручу. Вы совершили вашъ храмъ; видите ли, какой энтузіазмъ производитъ одинъ разсказъ. Толпа не восхищается,—что̀ за дѣло: ей надобно отлить мысль въ камнѣ, чтобъ заставить понять. Но есть люди, умѣющіе постигать великое въ идеѣ. Вашъ храмъ *будетъ* и изъ камня, вы оставляете богатое наслѣдіе дѣтямъ, благословите ихъ въ зодчіе и велите итти строить *тамъ, гдѣ укажетъ Богъ*. Вотъ мой совѣтъ!

Все время послѣ нашей разлуки я очень много занимался, особенно исторіей и философіей; между прочимъ, я принялся за диссертацію, которой тема: «какое звено между прошедшимъ и будущимъ нашъ вѣкъ?» Вопросъ важный, я обработалъ очень много. Вдругъ вижу: что-то подобное напечатано въ Берлинѣ, «Prolegomena zur Historiographie», выписываю,—и, представьте мою радость, что во всемъ главномъ я сошелся съ авторомъ до удивительной степени. Значитъ, мои положенія вѣрны, и я еще больше примусь за обработку ея. Поэма «Вильямъ Пенъ» почти окончена. Видите ли, что и я, не поджавъ руки, сижу.

28-го іюля. *Высочайшимъ повелѣніемъ 20-го іюля я прощенъ.*[1] Сегодня ѣду въ Москву на нѣсколько дней.

◆◆ 1. 19 іюня И. Э. Курута донесъ министру внутр. дѣлъ, гр. А. Г. Строганову, что находитъ Герцена заслуживающимъ полнаго прощенія. «Во время путешествія по Россіи Государя Цесаревича Герценъ, будучи употребленъ по устройству вятской губерн-

ской выставки, имѣлъ счастіе обратить на себя вниманіе Е. И. В., о чемъ тогда же было донесено по начальству». Строгановъ обратился къ Бенкендорфу 27 іюня съ просьбой исполнить желаніе губернатора. 13 іюля представленъ всеподданнѣйшій докладъ, въ которомъ, однако, испрашивалось лишь освобожденіе отъ полицейскаго надзора. 16 іюля сдѣлана резолюція: «согласенъ». Въ Москвѣ Герценъ былъ сначала нѣсколько дней одинъ, а потомъ съ семьей; въ этотъ болѣе продолжительный пріѣздъ полиція схватилась, не было ли здѣсь оплошности. Жандармское дежурство не хотѣло ее подвести и 27 августа запросило Дубельта, совершенно не упомянувъ, что Герценъ уже былъ въ столицѣ. 11 сентября изъ III Отдѣленія было отвѣчено, что можно жить, но не постоянно. Къ 1 октября Герценъ вернулся во Владиміръ.

Дано на 10 марта, ибо 11 дѣлается...
Я рѣшительно сожгу этотъ неудавшійся опытъ.

269. ВИЛЬЯМЪ ПЕНЪ.

(Сцены въ стихахъ).

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПРОЛЕТАРІЙ.

Сцена I.

1650. Лейчестеръ.

Суббота, вечеръ. Холодная, сырая комнатка со сводами; величайшая бѣдность; на соломѣ лежитъ больное дитя, вздрагиваетъ и стонетъ во снѣ; разный хламъ, кожи и посуда. Передъ окномъ сидитъ сапожникъ и работаетъ, возлѣ него ученикъ.

Сапожникъ (*бросаетъ работу*).

Нѣтъ, выбился изъ силъ, держать въ рукахъ
Я шила не могу. Какая стужа,
Я до костей измерзнулъ весь.
(Дуетъ въ руки)
Что, Жоржъ, ни одного полѣна нѣтъ?

Жоржъ.

Ни одного, хозяинъ, не осталось.
Вчера послѣднее сожгли, когда
Малютка такъ прозябъ.

Сапожникъ.

Я сапоги—
Вотъ эти—думалъ кончить непремѣнно
Сегодня по утру и провозился вотъ
До коихъ поръ. А завтра воскресенье.
Для бѣдняковъ, какъ мы съ тобою, Жоржъ,
Нѣтъ праздниковъ. Ахъ, Боже, Боже мой!
Тяжелъ твой крестъ, не въ силахъ плечи наши
Сдержать безропотно его.
Изъ всѣхъ крестовъ тяжеле бѣдность;
Она сосетъ, изсохшая, худая, [1])
По каплѣ кровь и силы человѣка,
А послѣ броситъ на солому
Въ углу безпомощнаго умирать;
Тутъ, возлѣ дѣти хлѣба просятъ
И негдѣ взять его; дрожатъ отъ холода
И нечѣмъ ихъ согрѣть. [2])
(Подходитъ къ ребенку)
Ты посинѣлъ весь, Томъ-малютка;
Зачѣмъ же разметался такъ, дружочекъ?
Шубенка стала коротка тебѣ,
(покрываетъ его)
Не покрываетъ ужъ тебя, бѣдняжка...
Ахъ, Томъ, мой Томъ, когда родился ты,
Съ восторгомъ на руки тебя я взялъ
И поднялъ вверхъ, чтобъ Богу показать,
Но мысль ужасная втѣснилась въ грудь:
Вѣдь, онъ на горе, какъ и ты, родился;
Сынъ нищаго счастливъ не можетъ быть.
И руки на грудь опустились у меня.
И до крещенія святой водою
Тебя слезами окрестилъ отецъ.
Для бѣднаго минуты свѣтлой нѣтъ;
Забудется подчасъ онъ иногда,—
Покажется, что равенъ людямъ онъ,
Что будто радости и для него
Цвѣтутъ,—а привидѣнье мрачное,
Со впалыми щеками тутъ, какъ тутъ,
Грозитъ изъ-за угла. [3])
Преступника онъ хуже вдвое:

Палачъ того накажетъ разъ одинъ,
А бѣдный оскорбленъ на шагѣ каждомъ.

(*Жоржу*)

И ты, мой другъ, все это испытаешь.
Вотъ, Жоржъ, когда бы ты родился
Купеческимъ сынкомъ, ты-бъ завтра,
Въ пухъ разрядившися, пошелъ къ обѣднѣ,
Оттуда бы въ таверну или въ гости,—
Анъ нѣтъ, сиди въ сыромъ подвалѣ,
Лохмотья стыдно показать. Мы подъ
Опалой вѣчною живемъ. Какъ чумные,
Отвергнуты мы отъ всего людского!

Жоржъ.

Помолимся и дома завтра мы;
Два пенса у меня лежатъ давно,
На водку далъ тогда мнѣ лордъ, [4])
Которому носилъ я сапоги;
На нихъ мы купимъ завтра джину, [5])
Попьемъ да посидимъ; люблю тебя
Я слушать, ты когда изъ Библіи
Толкуешь что-нибудь; потомъ мы ляжемъ
Пораньше спать, чтобы скорѣй
До понедѣльника добраться.

Сапожникъ.

Ты молодецъ; три пенса я тебѣ
Отдамъ съ лихвою, когда заплатитъ долгъ
Пасторъ. Да, что ты давеча къ нему
Ходилъ,—что-жъ онъ?

Жоржъ.

Прогналъ меня и разругалъ.
Я говорилъ ему: помилуйте,
У насъ нѣтъ дровъ, сегодня день торговый,
И надо бы для праздника купить
Говядины. Но онъ отвѣтилъ мнѣ:
«Не знаешь развѣ, скотъ, что по субботамъ
Я предики пишу всегда? Оселъ!
Пришелъ мѣшать съ своими пустяками,
И нить мнѣ мыслей перервалъ!
Развѣ не зналъ хозяинъ твой

Вчера, что дровъ не будетъ у него?
И попоститься завтра не бѣда!»
Потомъ съ сердцами дверь захлопнулъ онъ
И заперъ изнутри, ворча сквозь зубы.

(Сапожникъ, слушавшій весь разсказъ, скрестивъ руки на груди и мѣняясь въ лицѣ, говоритъ громко и отрывисто и подъ конецъ съ какимъ-то восторгомъ)

Онъ пишетъ предику, онъ пишетъ предику!
А сынъ мой осьмилѣтній съ холоду,
Быть можетъ, околѣетъ; а мнѣ
Куска нѣтъ завтра перкусить;
Ему, вишь, помѣшали мы!
О милосердіи, конечно, онъ
Писалъ, наемный проповѣдникъ,
Торгашъ даровъ Святого Духа!
Не милостыню, а свои я деньги
Просилъ, и тутъ осмѣлился онъ выгнать,
Осмѣлился не дать—слуга Христовъ! [6])
Позоръ на нихъ, на фарисеевъ!

(Пауза)

Намъ нѣтъ досуга помолиться Богу,
Мы сутки цѣлыя должны работать,
Чтобъ хлѣбъ имѣть насущный.
Есть для другихъ науки, книги,
Досугъ, чѣмъ хочешь заниматься,
Для нихъ раскрытъ весь міръ Господень,
И отъ избытка притупились ихъ
Желанья вялыя. А намъ что на
Замѣнъ всего ограбленнаго дали?
Работу тяжкую и униженье.
Кто надѣлилъ землею ихъ?
И кто-бъ ни надѣлилъ, какое право [7])
Имѣлъ надъ божіимъ созданьемъ онъ? [8])
Пришелъ конецъ безбожному такому безобразью!
Пора обмановъ глупыхъ миновала,
Читаемъ, слава Богу, мы теперь
Евангелье на нашемъ языкѣ родномъ;
Чего хотѣлъ Христосъ, теперь мы знаемъ,
Вѣдь, англинской языкъ—ужъ не латынь.
Хотѣлъ онъ братства, равенства, свободы,
Хотѣлъ, чтобъ не было богатыхъ вовсе,

Хотѣлъ, чтобъ бѣднымъ слезы отирали,
Хотѣлъ, чтобъ всѣ любили всѣхъ;
А вмѣсто этого подъ именемъ
Божественнымъ Христа Спасителя
Устроили порядокъ намъ прекрасный
Монахи римскіе и лорды,
Камеръ-лакеи, чуждые народу,
Которые, народа не спросясь,
Явились представлять его предъ тономъ.
Египетскій пора окончить плѣнъ,
Израилю пора проснуться,
И утро радостнаго дня
Для искупленья отъ цѣпей
Займется скоро; уже пѣтухи
Не разъ кричали громко, громко...

Жоржъ.

Когда, хозяинъ, говоришь ты такъ,
Не узнаю тебя я болѣ.
Ты будто больше станешь ростомъ,
И всѣ измѣнятся черты, горятъ огнемъ
Глаза, и страшно мнѣ смотрѣть
Тебѣ въ лицо, а сердце бьется сильно,
И кровь кипитъ отъ словъ твоихъ и вида;
Въ минуты эти на святого ты похожъ,
Который былъ на образѣ старинномъ
У бабушки моей: кажись, Ѳомой
Его звала она, Бекетомъ.
Нѣтъ, мастеръ Карлъ, ты не для шила
Родился въ свѣтъ, и я смекнулъ ужъ это.
Послушай моего ты глупаго совѣта:
Парламентъ всѣхъ зоветъ гражданъ
Итти на Карла короля; ты силенъ,
Ты въ цвѣтѣ лѣтъ, поди въ солдаты,
Меня оставь съ твоимъ мальчишкой,
Богъ милостивъ, безъ хлѣба не умремъ.

Сапожникъ.

Нѣтъ, добрый Жоржъ, совѣтъ твой не хорошъ,
И изъ войны не будетъ проку этой.
Развѣ позволилъ намъ Христосъ лить кровь?
Забылъ ты развѣ, какъ Онъ исцѣлилъ

Апостоломъ пораненнаго война
И мечъ въ ножны велѣлъ ему вложить?
Не кровью должно поливать людской
Ту ниву, на которой слово Божье
Посѣяно; повѣрь, жизнь грѣшника
Для Бога дорога; меня судьей
Надъ нимъ не ставилъ Онъ, тѣмъ больше—
Кровавымъ мстителемъ и палачомъ.
Онъ всѣхъ любилъ и намъ враговъ любить
Велѣлъ; разбойникомъ, и тѣмъ Христосъ
Спаситель не гнушался на крестѣ,
А пригласилъ къ Отцу въ обитель свѣта.
Не мечъ вручилъ намъ Богъ, а слово,
Оно—врожденное святое право,
И мощь его обширна, велика. [9])

(Кто-то стучится въ дверь)

Сапожникъ.

Взойди, кто-бъ ни былъ ты, взойди!

(Входитъ нищій, весь ободранный и дрожащій отъ холода)

Нищій.

Подайте, ради имени Христова;
Не откажите бѣдному больному,
Второй ужъ день не ѣлъ я ничего.

Сапожникъ.

Фу, Господи, прости, недоставало только!
Ну, что я дамъ ему? Старикъ, садись,
Братъ, здѣсь; ну, что стоишь, вѣдь не къ пастору,
Не къ лорду, а къ сапожнику пришелъ,—
Одной семьи мы дѣти,—руку дай,
А ты, Жоржъ, въ лавочку теперь сходи
И принеси намъ завтрашняго джину; [10])
Намъ гостя Богъ послалъ, такъ угостимъ
Его, а завтра Богъ же намъ поможетъ.
Кусочекъ солонины гдѣ-то былъ
Да булка... Нѣтъ, ее оставлю я
Для Тома. Что-жъ печаленъ ты, старикъ?
Забудь, братъ, горе на минуту,
Переночуешь здѣсь и отдохнешь.

Нищій.

Давно такой я встрѣчи не видалъ;
Гдѣ и даютъ намъ деньги люди,
Бросаютъ ихъ, какъ псу, ногой толкая;
А ты (*плачетъ*), спасибо, добрый человѣкъ,
Ты душу отогрѣлъ больную,—
И ей, вѣдь, надо подаянье;
Скажи, мой сынъ, какъ поминать тебя
Въ молитвахъ мнѣ?

Сапожникъ (*тронутый, сильно жметъ руку нищему*).

Карлъ Фоксъ, рабъ божій!

Сцена II.

1660. Дорога отъ Лейчестера въ Лондонъ.

На дорогѣ лежитъ больная старуха. Издали слышны трубы, охотничьи рога, лай собакъ. Карлъ Фоксъ идетъ съ котомкой за плечами, съ нимъ Жоржъ.

Нищая.

Будьте милосерды,
Добрые граждане,
Не оставьте смертью
На землѣ забытую.
Вамъ Христосъ заплатитъ
Во сто больше разъ!

Фоксъ.

Старушка, нà! (*подаетъ ей монету*)
Вездѣ одно и то же,
Вездѣ простолюдинъ сгнетенъ, страдаетъ,
И брошенъ всѣми въ нищетѣ, болѣзняхъ.
Они одни сыны Христа [11])
И право полное имѣютъ
Его всемощнымъ именемъ просить...
Но стонъ дошелъ до Саваоѳа ихъ,
И вавилонскій плѣнъ не вѣченъ.
(*Фоксъ садится подъ деревомъ съ другой стороны дороги*)
А отъ чего ослѣпла ты, старушка?

Нищая.

Ахъ, посѣтилъ меня Господь, знать, за
Грѣхи мои; слезами выплакала я
Свѣтъ изъ очей. Три сына было
У меня, и жили во всякомъ мы
Довольствѣ, хлѣбъ и скотъ былъ свой...
Словами вымолвить такъ тяжело—
Ихъ старый Нолль всѣхъ трехъ обманомъ взялъ
Къ себѣ въ войска и, окаянный, всѣхъ
Сгубилъ; погибли подъ Ворчестромъ двое,
А третій въ морѣ потонулъ, ловить
Когда Нолль посылалъ по морю
Стюарта молодого, королемъ теперь
Что сталъ. Въ два мѣсяца я посѣдѣла;
Какъ воскъ, отъ горя таетъ тѣло.
Но тѣмъ еще бѣды не заключились:
Какъ воротился въ Англію король,
И лордъ съ нимъ воротился тотъ, которому
Земля принадлежала нашей мызы,
Кортомъ удвоилъ онъ, чтобъ пиръ задать
Для короля; а безъ дѣтей мы, какъ
Безъ рукъ, да тутъ же хлѣбъ не уродился,
Скопилась недоимка... Лордъ велѣлъ
Продать корову нашу, лошадь
И все обзаведенье... Богъ ему судья,
Просилися остаться до уборки
Хлѣбовъ,—прогналъ безчеловѣчный;
Тутъ заболѣлъ старикъ мой: на дорогѣ
Лишился ногъ онъ отъ удара,
Годъ мучился и умеръ, наконецъ.
А я ослѣпла и съ тѣхъ поръ людскимъ
Живу лишь подаяньемъ. Богъ меня
Забылъ: не прибираетъ горемыку. [12])

Карлъ Фоксъ.

Привелъ бы я сюда взглянуть
Кромвелей, Монковъ и Стюартовъ...
Да что имъ нужды, правда, до того,
Что съ голоду мрутъ люди отъ ихъ славы?!
У нихъ сердца рукъ нашихъ жестче вдвое...
На сумасшедшихъ люди страхъ похожи:

Разбойника куютъ, казнятъ позорно
За то, что онъ, спасаясь отъ голодной смерти,
Безумный, одичалый отъ несчастья,
Кого-нибудь ограбилъ и убилъ,
И рядомъ съ висѣлицей для него
Тѣ жъ руки тріумфальныя врата
Разбойникамъ другимъ сооружаютъ
За то, что грабятъ днемъ они, не ночью,
За то, что извели безъ всякой нужды
Мильоны англичанъ и ихъ семейства
Пустили по міру бродить (*Помолчавъ*).
А эти изъ чего дрались, погибли?
Республика ли съ Ноллемъ, лорды-ль съ королемъ—
Для нихъ, ей Богу, было-бъ все равно
Платить послѣднюю копейку
За право день и ночь работать.

(Бѣжитъ усталый, измученный олень, за нимъ нѣсколько собакъ, и вблизи слышенъ гикъ охотниковъ)

Жоржъ.

Вотъ тѣшатся они, ограбивши
Народъ: людей нельзя, такъ, хоть звѣрей,
Душить имъ надо для потѣхи;
Дай Богъ, чтобы олень убрался поскорѣй!

(Веселая и шумная гурьба охотниковъ).

Нищая.

Будьте милосерды, [13])
Кавалеры добрые,
Лорды благородные...

Одинъ изъ охотниковъ.

Молчи ты, старая ворона!
Есть время намъ съ тобою толковать.

Другой (*чуть-чуть не раздавившій ее*).

Середь дороги тутъ сидитъ, безумная,
Пугать коней. Ахъ, встарь какъ славно
Учила Букингэмова охота
Бродягъ такихъ, какъ ты, негодныхъ;
Собакъ сюда! — и поминай, какъ звали.

(Проѣзжаютъ)

К. Фоксъ.

Помилуй ихъ, Господь, и разбуди
Ты усыпленныя ихъ души.
О, сжалься, Милосердый, ты надъ ними!

(Спустя минуту, скачетъ юноша лѣтъ 16 или меньше, богато одѣтый и съ прелестнымъ лицомъ)

Нищая.

Боже милосердый (*и пр.*).

(Юноша пріостанавливается и ищетъ кошелька)

Юноша.

Нѣтъ, скучно, далеко засунулъ деньги;
Богъ дастъ, прощай!

(Хочетъ ѣхать. Фоксъ схватываетъ за узду)

Фоксъ.

Ни съ мѣста, мальчикъ!

Юноша.

Ай, ай! Разбойники!

Фоксъ.

Нѣтъ, не разбойникъ,—
Британецъ честный, христіанинъ. [14])
Тебя не для того, чтобъ грабить, я
Остановилъ; при мнѣ оружья нѣтъ.
А ты увѣшанъ ими съ головы
До ногъ. Мнѣ жаль тебя, вотъ почему
Я удержалъ коня: тебѣ нѣтъ время
Монету вынуть для слѣпой старухи,
А есть досугъ часы терять и дни,
Гоняясь за оленями. Стыдись,
Стыдись, бездушный человѣкъ, краснѣй!
Едва-ль тебѣ шестнадцать лѣтъ минуло,
Когда-жъ безчувственнымъ привыкъ ты быть?
Въ душѣ твоей мелькнуло состраданье,
И лѣнью ты его сгубилъ. Мнѣ жаль
Тебя, опомнись, время есть пока...
Давай же, что̀ хотѣлъ.

Юноша (*видимо смутившійся*).

Помѣшанный,
Безумный пуританинъ ты какой-то!
А знаешь ли, что я имѣю право
За проповѣдь твою и дерзость
Сейчасъ тебя сковать?! Паркъ этотъ мой,
И я здѣсь полный господинъ; счастливъ,
Что ты меня остановилъ, а не
Кого-либо изъ егерей моихъ.
Пренебрегаю я тобой.

К. Фоксъ.

И эти
Какъ рано чувства имъ вперяютъ;
Меня, сѣдого старика, ковать,
Въ тюрьму вести за то, что смѣлъ
Остановить мальчишку-шалуна,
Которому лѣнь денегъ нищему
Достать.

Юноша (*бьетъ его хлыстикомъ по спинѣ*).

Да ты еще грубить, оселъ!
Пошелъ же прочь, ты лошадь замараешь!

Фоксъ.

Ахъ, юноша ты жалкій и несчастный, [15])
Понять когда-бъ ты могъ, съ какой любовью
Къ тебѣ я обратился съ горькимъ словомъ,
Не сталъ бы бить меня. Спроси у сердца
Своего ты самъ, хорошъ ли твой
Поступокъ съ нищей этой и со мной?
Ты бѣдностью моей меня коришь,
Но я трудомъ своимъ кусокъ свой добываю,
Не граблю фермеровъ и государство.
Ударилъ ты хлыстомъ и не успѣлъ
Ни разсердить, ни оскорбить меня;
Ну, гдѣ-жъ хваленое величье духа,
Которымъ хвастаетесь вы всегда? [16])
Прощай, я не держу коня ужъ болѣ.

Юноша (*вынимая кошелекъ*).

Что за чудакъ! И какъ онъ гордо смотритъ...
Мнѣ жаль, что я его обидѣлъ.
(Бросаетъ горсть мелкихъ денегъ на траву старухѣ)
На тебѣ.
(Фоксу) Доволенъ-ли ты мной?

Фоксъ.

Нѣтъ, не совсѣмъ;
Прекрасное ты сдѣлалъ дѣло,
Да сдѣлалъ скверно—деньги бросилъ ты
Въ траву, и зрячій тотчасъ не найдетъ;
Поди же, подбери ей деньги самъ.

Нищая.

Охъ, Господи тебя благослови!
Я подберу ужъ какъ-нибудь.
Христосъ тебя да наградитъ
За сердце доброе твое!

Юноша.

Ты правъ; въ самъ-дѣлѣ, дурно сдѣлалъ я.
(Соскакиваетъ съ лошади)
Голубушка, вотъ на, я подобралъ.
(Съ улыбкой Фоксу)
Позволите мнѣ ѣхать, господинъ?
(Нищая ловитъ поцѣловать его руку).

Фоксъ.

Ступай, и я теперь скажу: благословенье
Да будетъ божье надъ тобой.
Въ тебѣ еще не вымерла душа,
Ты чистъ еще подъ золотой одеждой;
Благодари и день и ночь Христа
За то, что поддержалъ тебя
На высотѣ, въ которой ты родился.
Однакожъ, передъ разставаньемъ
Скажи мнѣ, юноша, за что оленя
Съ такой свирѣпостью ты гонишь?
Неужели безъ крови и убійства
Нѣтъ наслажденья никакого вамъ?

Губить живое, рѣзать и душить—
Какая грубая утѣха!
Ты посмотри, невинно какъ живетъ
Олень въ своемъ лѣсу, какъ веселъ онъ,
Какъ гордо бѣгаетъ, красуяся
Вѣтвистыми рогами, станомъ гибкимъ.
Онъ зла не сдѣлалъ, вѣдь, тебѣ,
А ты ужъ пулю въ дуло опустилъ,
Чтобы убить его; ужель пріятнѣй
Тебѣ предсмертья судорожный трепетъ
Его смотрѣть, чѣмъ имъ на волѣ любоваться?

Юноша.

Какой чудакъ! престранный человѣкъ! [17])
Кто ты такой?

Фоксъ.

Лейчестерскій сапожникъ.

Юноша.

Ну, сэръ сапожникъ, другъ оленей,
Зайди ко мнѣ,—работу дамъ тебѣ,
И проповѣдь твою готовъ я слушать,
Снимать покуда будешь мѣрку.

Фоксъ.

А какъ спросить?

Юноша.

Я лорда Пена сынъ Вильямъ

Фоксъ.

Прощай же, Вильямъ Пенъ, дай руку, братъ,
Иль все еще боишься замараться?
А зайца рѣзать—ничего; не бойсь,
Черна рука простолюдина,
Да сердце чисто у него.

Вильямъ (*протягиваетъ ему руку*).

Не обижай же больше ты меня,
Разстанемся друзьми.

Фоксъ (*выразительно*).

Пенъ, друзьями!

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

ЛОРДЪ-ОТЕЦЪ.

Сцена III.

Пріемная зала генерала Пена; военные и гражданскіе чиновники en gala *)... Лордъ Пенъ, здоровый старикъ лѣтъ 50 слишкомъ, сидитъ въ богатыхъ креслахъ подъ балдахиномъ, на которомъ вышитъ его гербъ.

Huissier de la porte **).

Графъ Портландъ, камергеръ двора его
Величества британскихъ острововъ.

(*Графъ входитъ*)

Графъ Портландъ.

Милордъ, во имя короля!
Сейчасъ графъ Портландъ молодой упалъ
Съ коня, пятнадцати не больше лѣтъ;
И сынъ его ужъ камергеромъ при дворѣ.

Лордъ Пенъ.

А что вашъ батюшка здоровъ еще?

Графъ.

О, нѣтъ, подагрой очень страждетъ онъ.

Лордъ Пенъ (*улыбаясь*).

Любилъ, вѣдь, пошалить, бывало.
Прошу ему напомнить Георгъ Пена.

Графъ (*откашливаясь*).

Благодарю васъ, лордъ. Еще не кончилось
Мое посольство. Лордъ, Вильяма Пена я
Ищу.

Лордъ Пенъ.

Въ Пентоунъ за нимъ я эстафету,
Чѣмъ свѣтъ, услалъ, его я жду сейчасъ.

*) Въ парадной формѣ.
**) Вѣстовой при дверяхъ.

Графъ.

Ему письмо отъ его свѣтлости
Лордъ Букингэма, перваго министра.

Лордъ Пенъ.

Охотно передамъ (*беретъ письмо*).

Huissier de la porte.

Лордъ-мэръ и Камеры ораторъ!

Лордъ-ораторъ.

(*Въ сопровожденіи двухъ членовъ парламента*)

Парламентъ черезъ насъ привѣтствуетъ
Васъ, генералъ, съ успѣшнымъ окончаньемъ
Двухъ важныхъ порученій короля.
Признательность желая изъявить
Всей Англіи, билль пэры утвердили:
Вамъ, генералъ, отвесть въ Корнваллисѣ
Пять тысячъ десятинъ земли
На вѣчное владѣнье; документы
Доставимъ завтра, лордъ, мы непремѣнно.

Лордъ-мэръ.

И добрые граждане Лондона
Участвовать посильно въ торжествѣ
Хотятъ: вручить гиней пятнадцать тысячъ
Великому согражданину, воину
И примирителю волненій
Рѣшили въ ратушѣ сегодня
И вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ дали порученье
Отъ имени гражданъ привѣтствовать
Васъ, генералъ, въ стѣнахъ святого града.

Лордъ Пенъ (*тронутый*).

Благодарите, лорды благородные,
Парламентъ и гражданъ. Простите, не
Могу трехъ словъ сказать,—вотъ эти слезы
Отвѣтомъ будутъ пусть моимъ. Я не

Ораторъ, не умѣю рѣчи говорить,
Но воина грудь доступна сильнымъ чувствамъ.

(*Лорды уходятъ. Лордъ Пенъ, проводивъ ихъ, подходитъ къ открытому окну. Собравшаяся чернь, увидѣвши его, кричитъ:*

Да здравствуетъ лордъ Пенъ, виватъ, виватъ!

Лордъ Пэнъ кланяется на всѣ стороны, потомъ усталый отъ торжества, упоенный, садится на свои кресла. Минутное молчаніе)

Робертъ Пенъ.

Вотъ, лордъ, достойная тому награда,
Кто крови не жалѣя и трудовъ,
Двойными лаврами обвилъ свой мечъ!
Британецъ гордый кровъ оставилъ свой
И съ крикомъ радостнымъ пришелъ
Заступника благодарить народной чести.

Лордъ Пенъ.

Да, сладостны, Робертъ, рукоплесканья
Народа вольнаго, когда сознанье
Въ душѣ живетъ, что долгъ исполненъ нами
Святой и рыцаря и гражданина.
Благодарю я Господа стократно,
Что чести пріобщилъ меня великой—
Кровь лить свою за родину святую.

Пасторъ.

Оружіе благочестивыхъ воевъ
Всегда благословлялъ Богъ силъ всемощный,
Его вы—войнъ, лордъ Пенъ, вы побѣждали,
За англиканскую воюя церковь;
Ему, ему вы, новый Маккавей,
Дѣтей отпавшихъ стадо покорили.
Его мечемъ преступниковъ казнили,
И расточилися враги Его
Предъ исполнителемъ судебъ всевышнихъ;
Вамъ, лордъ, и роду вашему всему,
Да дастъ Господь благословенье!

Лордъ Пенъ.

Ахъ, Боже мой, увижу скоро Вилля я!
Пять лѣтъ мы не видались слишкомъ...

Чай, какъ перемѣнился, выросъ, —
Тогда ему тринадцать было лѣтъ;
Ему въ наслѣдіе мои побѣды,
Богатство, слава, имя и почетъ.
Сэръ Эдуардъ, вы были здѣсь все время, —
Какъ велъ Вильямъ себя, скажите мнѣ.

Сэръ Эдуардъ.

Лордъ Пенъ уединенье любитъ очень;
Послѣдніе три года мы его
Почти ни разу не видали.
За книгами въ Пентоунѣ ихъ провелъ
Вашъ сынъ.

Лордъ Пенъ.

Все это хорошо; однакожъ,
Зачѣмъ чуждаться свѣта въ молодыхъ
Лѣтахъ; не кроется ли тутъ любовь
Какая, сэръ?

Сэръ Эдуардъ.

О, нѣтъ, подобнаго
Мы, право, не слыхали ничего.

Huissier (*смущенный*).

Лордъ Вильямъ Пенъ!

Лордъ Пенъ.

Онъ самъ, ну, слава Богу!

(*Входитъ Вильямъ Пенъ въ темной и простой одеждѣ особаго покроя, шляпа съ широкими полями на головѣ. Лордъ Пенъ бѣжитъ на встрѣчу со словами: «Мой Вилль!» и вдругъ останавливается*)

Что за нарядъ? помилуй, въ шляпѣ...

(*Вильямъ Пенъ бросается ему на шею со слезами*)

О, мой отецъ, какъ ждалъ тебя твой Вилль!
Ужь не ребенокъ больше онъ,
Уже его призвалъ Христосъ въ свою
Семью. О, радуйся, ликуй, отецъ!
Высокая святая жизнь ему раскрылась,
И теплою любовью къ человѣку
Наполнилась его душа. Меня,
Быть можетъ, онъ орудіемъ избралъ

Тебя къ нему привесть въ обитель.
Пойдемъ, отецъ, пойдемъ! съ тобой хочу
Я быть одинъ; слезами смою я
Кровь неповинныхъ жертвъ, тобой убитыхъ,
Съ твоей руки.

(*бросается на колѣни*)

О, Господи благій!
Прости ему его побѣды,
Вѣдь, онъ въ невѣдѣньи, въ туманѣ бродитъ;
Его души, закрытой панцыремъ
Со дня рожденья, гласъ избранныхъ
Ни разу не касался; ложные
Служители Твои еще младенцемъ
Съ пути спасенія его столкнули.

Л. Пенъ (*мрачно*).

Онъ сумасшедшій!

Пасторъ (*язвительно*).

Нѣтъ, онъ — квакеръ!

Л. Пенъ

Онъ — квакеръ! Лорда Пена сынъ Вилль — квакеръ?!
Такъ вотъ отрада мнѣ готовилась
Какая дома за труды! Змѣя
Въ мое отсутствіе въ любимый мой
Цвѣтокъ пустила ядъ. [18])
Ты жалокъ, Вилль, брось этотъ вздоръ
И, ежели ты отравилъ свиданье,
Раскаяньемъ утѣшь, дай радость мнѣ
Простить тебя сегодня, милый Вилль.
Тебѣ-ль отступникомъ быть англиканской
Святой и православной церкви?!
Прощаю я тебя, мой сынъ, ты увлеченъ:
Поди, сними ты платье шутовское.

Вилль.

Отецъ, я не могу надѣть другого;
Какъ я одѣнусь въ ткани дорогія,
Когда другіе братья во Христѣ
И рубища, чтобъ наготу покрыть,
Едва имѣютъ.

Л. Пенъ.

Слышите, какъ онъ урокъ свой знаетъ!
Учители преступные тобою говорятъ,
Мерзавцы подлые, впередъ по пенсу
Ужъ разсчитавшіе, ограбятъ только у
Тебя; вотъ дай мнѣ умереть,
Какъ вороны, злодѣи налетятъ
На ставленника своего... И ты,
Глупецъ, настолько ихъ не могъ понять!

Вильямъ (*кротко*).

Не поноси, отецъ, людей тобой
Незнаемыхъ; людское поношенье
Не значитъ ничего; Христа бранили,
Въ его лицо плевать дерзали,
А Онъ на небѣ одесную Бога,
И Карлъ Стюартъ, которому къ рукѣ
Подходятъ пэры гордые и лорды,
Передъ его святымъ изображеньемъ
Колѣна преклоняетъ всякій день...

Л. Пенъ.

Не думаешь ли ты, что въ Лондонъ я
Пріѣхалъ слушать проповѣдь твою?
Сними сейчасъ дурацкую ты шляпу!
Какъ смѣешь ты передо мной стоять
Съ покрытой головой?!

Вильямъ.

Предъ Господомъ
Хожу я въ этой шляпѣ;
Земному я отцу небеснаго
Не больше поклоняюсь.
Но, ежели она препятствуетъ тебѣ
Моимъ словамъ внимать, ее я скину.
(*Скидаетъ*)
Отецъ, ты старъ, ты къ гробу близокъ,
Жизнь новая начнется скоро для
Тебя, отчетъ тебѣ придется дать
Спасителю за странствіе земное,

И ужь невѣдѣньемъ нельзя тебѣ
Отречься. «Меня ты видѣлъ,—скажетъ онъ,—
И не хотѣлъ узнать, не знаю
И Я теперь тебя». О, горько будетъ
Тебѣ тогда; раскаешься, но поздно.
Въ былomъ поправки сдѣлать ужь нельзя,
Для искупленія не дастся тѣло вновь.
Меня бранишь за платье ты,—
Подумай самъ, и брось ты гордости
Нарядъ; [19])
Смиренье подобаетъ намъ,
Мы братія одной семьи, [20])
Христосъ намъ повелѣлъ служить другъ другу,
Своимъ ученикамъ онъ ноги мылъ.
Ну, какъ же намъ предъ братьями въ Христѣ
Богатствомъ, пышностью одеждъ кичиться?
Зачѣмъ въ вооруженьи ты сидишь?
Зачѣмъ ножъ смертоносный при твоемъ
Бедрѣ—орудье мукъ, насилій и страданій?
Кого ты рѣзать хочешь имъ теперь?
О, брось его! Дымится кровью онъ.

Л. Пенъ.

Мой мечъ, которымъ столько славы
Умѣлъ я пріобрѣсть на полѣ брани!..
И ты, презрѣнный, смѣешь называть
Меня отцомъ! Пошелъ же съ глазъ долой!
Не смѣй казаться мнѣ, доколѣ Богъ
Не вразумитъ тебя, несчастный! вонъ!!

Вильямъ (*на колѣняхъ передъ отцомъ*).

Не отсылай меня жестоко такъ,
Вѣдь, я добра тебѣ хочу, я—сынъ твой;
Во прахѣ предъ тобой, отецъ, молю я,
Раскрой моимъ словамъ ты душу.

Л. Пенъ (*сердито*).

Ни слова больше, вонъ ступай! ты слышишь?!
Что ползаешь у ногъ, какъ смердъ презрѣнный?
Брось квакерство иль проклинаю я!

Вильямъ (*обнимаетъ съ рыданіемъ его колѣни*).

Отецъ, отецъ! о, вороти
Ужасное ты слово, чтобъ оно
Не пало на главу твою сѣдую.
Заклинаю именемъ я ангела того,
На насъ который съ неба свѣтитъ
Чертами нѣкогда тебѣ святыми.
Ужасное возьми назадъ ты слово;
Соединятся какъ въ моей судьбѣ
Ея предсмертное благословенье
Съ твоимъ проклятіемъ холоднымъ?

(*Лордъ Пенъ, нѣсколько тронутый и боясь, что сожалѣнье возьметъ верхъ, отталкиваетъ легонько сына и выходитъ вонъ. Вильямъ остается на колѣняхъ, рыдая*)

Слезу я видѣлъ на твоей рѣсницѣ...
Чего же испугался ты, отецъ?
Но онъ не слышитъ, онъ бѣжитъ,
Чтобы отъ собственнаго сердца скрыться.
Постой, постой, отецъ!.. Ушелъ онъ, Боже!
И подъ проклятіемъ меня оставилъ...
Проклятіе отца—оно ужасно.
Что сдѣлалъ я, какое преступленье?
Что ближняго я полюбилъ, какъ самого
Себя, что Богу жизнь я въ жертву отдалъ,
Меня за то клянетъ отецъ родной!

(*Глаза къ небу и руки на груди*)

Ты, Господи, меня призвалъ себѣ
На службу, измѣнить не въ силахъ я
Призванья твоего, тебѣ я жертвую
Отцомъ—легко-ль, ты это видишь самъ.

(*Встаетъ и собирается итти. Секретарь лорда Пена входитъ къ нему*)

Милордъ! Вамъ позабылъ родитель вашъ
Письмо вручить отъ лорда Букингэма,
И чтобъ отвѣтъ сказали мнѣ—онъ приказалъ.

(*Вильямъ Пенъ срываетъ печать и читаетъ*)

«Милордъ! спѣшу увѣдомить васъ, что его величество соизволилъ приказать мнѣ назначить васъ, въ пополненіе къ наградамъ вашему родителю, камергеромъ при дворѣ его величества. Поздра-

вляя съ такой особенной королевской милостью, я принимаю на себя смѣлость посовѣтовать вамъ явиться къ лорду-церемоніймейстеру, который объяснитъ вамъ вашу должность, ибо завтра вы будете имѣть счастіе нести шлейфъ королевы при большомъ выходѣ. Вашъ покорный слуга *Г. Букиніэмъ*».

Вильямъ (*къ секретарю*).

Принять я не могу—вотъ мой отвѣтъ!

Секретарь (*съ ужасомъ*).

И это лорду, первому министру написать?!

Вильямъ (*холодно*).

Пожалуй, хоть второму Карлу.

(*Уходитъ*).

Сцена IV.

Пріемная зала л. Пена; нѣсколько стариковъ, подъ предсѣдательствомъ лорда Роберта Пена, сидятъ за большимъ столомъ, на которомъ поставлено распятіе и возлѣ Евангеліе. Докторъ теологіи прохаживается по комнатѣ, докторъ юриспруденціи въ полслуха разговариваетъ съ л. Робертомъ, стоя за креслами.

Л. Робертъ.

Однако, можетъ онъ и послѣ
Перемѣнить?

Докторъ юриспр.

Конечно, можетъ всякій
Свой тестаментъ мѣнять, и Ульпіанъ
Рѣшительно сказалъ въ шестой статьѣ...

Л. Робертъ.

Да, Богъ съ нимъ, съ Ульпіаномъ,
Вѣдь, на него нельзя сослаться.
Какъ вздумаетъ мой братъ Георгъ...

Докторъ юриспр.

Но можно, вѣдь, предупредить, милордъ;
Вы распустите слухъ, что братецъ вашъ

Отъ горести, что сынъ его такъ развратился,
Задумчивъ сталъ, замѣтно повредился,
А alienatio mentale *).

Л. Робертъ.

Я понимаю, сэръ, а если листъ
Подпишетъ квакеръ нашъ?

Докт. юриспр.

Не можетъ быть,
За это головой ручаюсь вамъ;
Онъ гордъ, да сверхъ того мечтатель;
И отреченье докторъ написалъ
Такое, что и легатъ изъ Рима, [21])
Который въ Вормсѣ былъ, я полагаю,
За слишкомъ дерзкое его бы счелъ
Мартину Лютеру подать отъ папы.

Huissier.

Лордъ Вильямъ Пенъ!

Л. Робертъ.

Введи его сюда.

Вильямъ Пенъ входитъ въ своемъ квакерскомъ нарядѣ и съ покрытой головой.

Л. Робертъ (*указывая на стулъ*).

Сэръ Пенъ, садитесь. Вашъ отецъ,
А мой любезный братъ, насъ собралъ здѣсь,
Какъ старшихъ представителей семейства,
Письмомъ такого содержанья:

(*Читаетъ*)

«Любезный братъ!

Богу угодно было посѣтить меня ужасной горестью. Мой несчастный сынъ Вильямъ, совращенный съ пути чести гнусной шайкой сапожника Фокса, предался лжеученію, извѣстному подъ именемъ квакерства. Долгое время послѣ первой горестной встрѣчи ждалъ я его раскающагося въ свои объятія; но любовь къ родителю потушена сообщниками его. А потому, чувствуя, что силы мои сла-

*) Умопомѣшательство.

бѣютъ подъ бременемъ сего тяжкаго креста, я рѣшился принять окончательныя мѣры. Соберите, любезный братъ, всѣхъ старшихъ нашего почтеннаго семейства въ субботу и призовите Вильяма (котораго самъ я не хочу видѣть до исправленія) и предложите ему для подписи листъ отреченія, составленный другомъ моимъ, докторомъ теологіи Гольдеоугомъ; буде же онъ не согласенъ, буде его не тронетъ горесть и отчаяніе, въ которое повергнетъ стараго отца его отказъ,—отца, который долженъ скоро сойти въ могилу (*Вильямъ отираетъ слезу*), то объявите ему, что я лишаю его, какъ непокорнаго сына, всего наслѣдства, не желая, чтобы имѣнье, увеличенное попеченіями благородныхъ предковъ нашихъ, перешло въ руки безумной шайки фанатиковъ. (*Вильямъ принимаетъ опять холодный видъ*). Да поможетъ вамъ Господь въ святомъ дѣлѣ вашемъ! *Георгъ Пенъ*».

(*Передаетъ письмо Вильяму*).

Сэръ Вильямъ Пенъ, какъ старшій въ родѣ нашемъ,
Я обращаюсь первый къ вамъ съ вопросомъ:
Намѣрены ли вы, родителеву волю исполняя,
Отречься отъ нелѣпаго раскола,
Или, забывъ гласъ чести и любви,
Къ родителю повиновенья долгъ
Забывъ, вы жертвуете Карлу Фоксу
Отцомъ, котораго убьетъ отказъ,
И состояньемъ будущимъ своимъ?

Вильямъ (*руку на сердце*).

Свидѣтель Богъ, что я не понимаю,
Чего отецъ мой хочетъ отъ меня;
Я двадцать разъ съ моленьемъ и слезами
Сидѣлъ на мраморныхъ плитахъ подъѣзда,
Но дверь родительскаго дома, всѣмъ
Раскрытая, не отворялась сыну...
Не я бѣжалъ отъ объясненья,
Я пламенно его хочу, но только
Съ отцомъ хочу я объясниться,—
Любовь служила-бъ переходнымъ мостомъ
Межъ мной и имъ. Вѣдь, то порывъ былъ гнѣва,
Когда ужасное онъ слово произнесъ,
Онъ въ немъ раскаялся, я это знаю,
И кроткая любовь отца всплыла опять,
Какъ мѣсяцъ изъ-за тучъ, въ его душѣ.

А съ вами мы другъ друга не поймемъ,
Мы говоримъ на разныхъ языкахъ,
И худо рѣчь моя на ваши фразы
Высокопарныя кладется,
И ваши убѣжденія безъ вѣры,
Самихъ себя обманы и натяжки
Я врядъ пойму ли хорошо. Зачѣмъ
Сюда отецъ мой не пришелъ —
Онъ Богомъ мнѣ въ судьи назначенъ!

Л. Робертъ (*перебивая*).

Въ доброжеланьи нашемъ, стало, вы
Сомнѣнье изъявляете, сэръ Пенъ?

В. Пенъ.

О, нѣтъ! Пилатъ зла не желалъ Христу,
Но онъ былъ человѣкъ холодный,
И на Голгоѳу прямо отъ него
Пошелъ Христосъ; онъ вымылъ руки
И, вѣрно, преспокойно спалъ ту ночь.

Докт. теологіи.

Невѣдѣнье Писанія: землетрясенье было,
И, слѣдственно, онъ спать не могъ.

Вильямъ.

Хотѣлъ сказать я только, что въ такихъ
Дѣлахъ судей нѣтъ хуже, какъ людей холодныхъ,
Такихъ, которыхъ колебаніе земли одно
Изъ равнодушной косности выводитъ.

Л. Робертъ.

Скажите прямо и открыто, сэръ,
Угодно вамъ отвѣтъ дать или нѣтъ?

В. Пенъ.

Какой отвѣтъ, какое отреченье
Хотите вы? Ни вы, ни мой отецъ
Не знаете, въ чемъ правила мои,
А требуете отреченья.
Да сверхъ того, какія-бъ ни были они,

Отъ убѣжденій сердца будто можно,
Какъ отъ наслѣдства, отказаться?
Узнавши свѣтъ, во мракъ возврата нѣтъ;
И если я скажу: «не знаю свѣта»,
Я обману отца, — внѣ воли то моей.
Какъ сдѣлать то, чтобъ я не зналъ
Того, что знаю? отъ знанія отречься?

(*Докторамъ*)

Сообразите вы, ученые мужья;
Ну пусть еще-бъ я, въ силу убѣжденій,
Въ порокъ, иль въ беззаконье впалъ какое;
Всѣ дѣйствія свои я помню очень—
Что жъ въ нихъ преступнаго для васъ?
Скажите, я готовъ держать отвѣтъ.

Докт. юриспр.

Поступокъ — слѣдствіе причина — образъ мыслей,
А въ зломъ и вредномъ направленіи его
Васъ именно и обвиняютъ, сэръ.
Законы той страны, въ которой вы
Родились, обязываютъ васъ
Повиноваться имъ безпрекословно.

Вильямъ.

Когда-бъ не подчинялся я законамъ,
Передъ шерифомъ я-бъ стоялъ, не передъ вами.
Гдѣ-жъ право обвинять мой образъ мыслей,
Когда онъ не привелъ меня къ пороку?

Докт. юриспр.

То есть in facto, sed in idea *);
И Катилина Рима сжечь, вѣдь, не успѣлъ;
Однакожъ, это не мѣшало Цицерону
Сказать свои «Катилинаріи»
И казни требовать его.

Докт. теологіи.

Напрасно говорите вы, сэръ Пенъ,
Что исполняете законъ; гдѣ-жъ это?
Церковные законы нарушаете

*) Фактически да, но не въ мысли.

Вы явно словомъ и дѣлами
Къ соблазну вѣрующихъ христіанъ.

Вильямъ (*громко*).

Я вѣрую въ Святую Троицу,
Отца и Сына и Святаго Духа.
Я вѣрую въ Евангелье Христово,
Какъ въ дверь, отверстую къ спасенью,
И тщусь, по мѣрѣ силъ и разумѣнья,
Святой Спасителевъ завѣтъ исполнить.

Докт. теологіи.

Прекрасно, сэръ, такъ для чего же вы
Покинули чистѣйшую Христову дщерь—
Святую и евангельскую церковь,
Молитвами которой Альбіонъ цвѣтетъ,
Возносится надъ всѣми языками?

Вильямъ.

По самой той причинѣ, по которой
Полвѣка вы тому назадъ отпали
Отъ церкви римской, православной,
Апостольской, святой, какъ звали вы ее:
Вамъ коротка цѣпь показалась,
Легаты на которой васъ держали;
А мнѣ узка и ваша церковь стала,
Когда святое слово я прочелъ;
Узка ужъ потому, что молится
За Альбіонъ она одинъ, какъ ты
Сейчасъ сказалъ, а не за всѣхъ людей.
Довольно говорилъ я вашимъ языкомъ,
Скажу своимъ, быть можетъ,—Богъ великъ,—
Иное слово западетъ вамъ въ сердце,
Которое вы заживо въ металлѣ,
Какъ въ урнѣ или гробѣ, бережете
Отъ свѣта солнечныхъ лучей;
А мимо проскользнутъ мои слова,
То прахъ я отрясу, какъ повелѣлъ Онъ,
И помолюсь, чтобъ удержалъ карающую руку,
Доколь раскроются глаза у васъ.
Пятнадцать ужъ вѣковъ прошло,
Какъ мы окрещены водою,

Пора намъ духомъ окреститься,
Пора пеленки снять—настало время
Млеко иною пищей замѣнить.
Прозябло слово и взошло въ душахъ
Людей самоотверженныхъ, избранныхъ:
Они хотятъ не словомъ, а дѣлами,
А жизнью быть Христовыми дѣтьми.
Начало сдѣлали вы сами,
Когда желѣзную сломили руку
Вы пестуна того, который принялъ
Міръ христіанскій изъ купели;
Онъ крѣпко пеленалъ ребенка,
Младенецъ выросъ и порвалъ часть узъ,—
Вы помогли ему освободиться.
Теперь его ужъ не скуете вновь.
Ему Евангелье вы дали въ руки,
И научился онъ плевелы отличать
Отъ колоса пшеницы божьей.
Хотите вы напрасно свѣтъ загородить
Надутыми безъ вѣры и любви словами
Отъ зоркихъ глазъ подросшаго младенца.
Скажите сами откровенно лучше,
Не стыдно-ль христіанами вамъ зваться?
И не обманъ ли то позорный, низкій,—
Съ Евангельемъ въ рукахъ тѣснить
Мильоны бѣдныхъ, ихъ, какъ машины
Заставлять работать для себя,
Ихъ жизни поглощать для прихотей своихъ,
Грозя голодной смертью и позоромъ,
Коль смѣютъ отъ земли взоръ оторвать
И устремить его въ міръ вышній, горній?!
Съ Евангельемъ въ рукахъ итти передъ
Полками кровожадныхъ воевъ,
И именемъ Христа, который миръ
Принесъ съ небесъ, забвенье зла, обидъ,
Любовь—врагу, клянущему—привѣтъ,
Благословлять оружье смерти
И увѣрять, что самъ Христосъ со стороны,
Которая зарѣжетъ больше братій?! [22])
Личиной хитрою законности покрыли вы,
Насилье, рабство, [23])
И, святотатства верхъ,—на слово божіе

Вы оперли неправое созданье.
Хотите христіанами вы быть,
Такъ исполняйте слово божье,
А нѣтъ, такъ всенародно, громогласно
Вы отрекитесь отъ него!

(*Беретъ со стола Евангеліе*)

Тутъ ясно все, двусмысленности нѣтъ,
Не такъ, какъ въ вычурныхъ проповѣдяхъ.

(*Читаетъ*)

«У вѣрующихъ всѣхъ душа была одна;
Они отдѣльно не имѣли ничего,
Все было общее, и между ними
Нуждающійся быть не могъ;
Имѣлъ кто поле, домъ, тотъ продавалъ,
Къ стопамъ апостольскимъ слагая деньги,
Они же неимущей братьи раздавали».

Докт. теологіи (*важно*).

Глава четвертая «Дѣяній», знаю!

Вильямъ.

Вотъ бытъ общественный, текущій ясно
Изъ словъ Спасителя; вотъ, видите,
Апостолы какъ поняли его;
Онъ заключенъ, какъ въ сѣмени цвѣтокъ,
Въ законѣ высшемъ Іисуса:
«Любите ближняго, врага любите».
Вотъ онъ вамъ весь обширный, свѣтлый,
Величественный въ простотѣ своей
Законъ любви, Христомъ завѣщанный
Апостоламъ и міру черезъ нихъ,—
И какъ легокъ Его законъ!
Любить естественно намъ, какъ дышать;
Онъ не тѣснитъ, не душитъ воли,
Не ставитъ вымышленныхъ граней
И цѣпью не грозитъ, какъ вашъ законъ,
А всю вселенную даритъ.
Куда ни взглянете съ любовью,—
Все ваше, все родное, все семья,
Всѣ люди братья, а природа—
Родительскій обширный домъ,

Гдѣ доля каждаго равна. [24])
Любите,—зло исчезнетъ безъ цѣпей,
Порокъ собою исключится самъ;
Гдѣ въ чистой жить ему обители
Любви? А вы успѣли-ль покорить его
Ножемъ, огнемъ, веревкой и тюрьмой? [25])
Любите братій вы и Бога будете
Любить на небесахъ и тварей на
Землѣ, и просвѣтлѣетъ ваша жизнь.
Когда-бъ могли блаженство вы понять—
Любить людей и ими быть любимымъ,
Когда-бъ могли вы на людей взглянуть,
Какъ на одну счастливую семью,
Тогда-бъ вы пали на колѣни всѣ
Въ восторгѣ лучезарномъ передъ Нимъ;
Ужь не молить Его, чтобъ далъ и то и то,
Какъ дѣлаютъ у васъ, а чтобъ
Торжественно осанну новую пропѣть
Тому, который намъ принесъ
Законъ любви краеугольнымъ камнемъ
Божественнаго искупленія
Людей изъ плѣна чувствъ животныхъ
И изъ цѣпей нечистой, темной силы.

Докт. теологіи.

Середь хаоса словъ, пустыхъ мечтаній
И выраженій очень дерзкихъ
Я вижу ясно ваше заблужденье.
Понять вы не хотите, сэръ, что церковь
Стремится наша къ той же цѣли
Путемъ законнымъ, тихимъ, постепеннымъ;
Вы сами сознаетесь,—сдѣлала она
Великій шагъ, низвергнувъ иго Рима.
Нельзя же вдругъ людей поднять до той
Любви высокой, о которой говоритъ
Христосъ. Вы текстъ прочли намъ изъ «Дѣяній»
О первобытномъ обществѣ Христовомъ,
Откуда-жъ взять въ нашъ развращенный вѣкъ
Тѣхъ чистыхъ и святыхъ мужей, которые
Займутъ высокое апостольское мѣсто?

Вильямъ.

О, это странно для меня!
Нашлись въ невѣжественной Іудеѣ,
Не озаренной свѣтомъ слова,
Апостолы, а черезъ рядъ вѣковъ,
Воспитанныхъ евангельскимъ ученьемъ,
Нельзя найти намъ человѣка
Съ любовью пламенной къ Творцу и людямъ!
О, если это такъ, какая казнь [26])
На небѣ будетъ ждать тѣхъ дерзновенныхъ,
Которые взялись воспитывать
Людей и въ мракѣ ихъ водили!

Докт. теологіи.

Не въ нашей волѣ чудеса творить:
Мы дѣлаемъ, что можемъ, для мірянъ.

Вильямъ.

Однако, Онъ сказалъ: «ты съ вѣрой
Горѣ итти вели—пойдетъ», да вѣры
Въ васъ, вѣдь, нѣтъ. Апостолы
Творили чудеса: они имѣли вѣру
И къ людямъ безпредѣльную любовь.
Всѣ помышленья ихъ души, всѣ силы
На поученье слову устремлялись—
Вотъ оттого-то слово ихъ имѣло
Мощь чудотворную, [27])
А вы, разсѣянныя души,
Служащія двумъ разомъ господамъ,
Ну, гдѣ-жъ вамъ чудеса творить!—[28])
Какъ фарисеи, буквою
Одной вы заняты закона;
Съ толпой людей вооруженныхъ,
Вы, большую изъ братій часть ограбля,
Въ подножье бросили себѣ,
Чтобъ вамъ ступать не грязно было.
Вы ихъ на жертву обрекли
Несчастьямъ, бѣдности, насильямъ;
Себѣ все свѣтлое вы взяли,—имъ
Работу и страданье въ долю дали,
Возможность просвѣтиться отняли
У нихъ! Такъ это ваше воспитанье?

Докт. теологіи.

Различье состояній будетъ вѣчно;
Его искоренить нельзя, но мы
Старались милосердье возбуждать всегда
Къ несчастнымъ, неимущимъ братьямъ.

Вильямъ.

Да!

Отнявъ и земли, и права у бѣдныхъ,
Златыя горы раздѣливъ съ царями,
Крупицы стали вы бросать народу
Съ роскошнаго стола отъ пресыщенья;
О милостынѣ проповѣдать стали,
Чтобы его молчать заставить.
О, тутъ-то верхъ коварства вижу я!
Зачѣмъ изъ милости то дѣлать намъ,
Принадлежитъ по праву людямъ что?
Богатымъ кто богатство далъ, скажите?
Одно насилье, наглое насилье,
Двойной грабежъ войны и мира!
Гдѣ-жъ право ихъ? Ужель благій Господь
Такъ учредилъ свой міръ,
Чтобъ десятеро пили черезъ край
Всѣ радости земли, а тысячи
Страдали бы, согбенные работой? [29])
Пора окончить мрачную эпоху.
Христосъ сказалъ: «иду рабовъ
Освободить и попранныхъ воздвигнуть»,
И скоро слово будетъ дѣломъ!
Блаженны грустные—утѣшатся они,
А вы, несчастные, за злато душу
Продавшіе тьмы князю,—горе вамъ!
«Кто милосердія не зналъ, не знать тому
Пощады»,—такъ пишетъ Яковъ, божій братъ;
Грядетъ женихъ и спящихъ васъ застанетъ
Отъ пресыщеній чувственныхъ и лѣни.
О, кайтесь, время есть пока!
Судья идетъ [30])
И приближается Сіонъ Господень!

(*Всѣ показываютъ видъ негодованія*)

Лордъ-дядя.

Безумный бредъ жильца Бедлама!

Докт. теологіи.

«И явятся тогда подъ именемъ моимъ
Антихристы»... Настало исполненье,
Теперь ратуй, божественная церковь!
(*Вздыхаетъ*)
Врагъ злѣе пуританъ передъ тобой!

Докт. юриспруденціи.

Ниспроверженье humanarum *) всѣхъ,
Ac divinarum **) правъ, гражданскихъ вѣковыхъ,
Подкопъ подъ бытъ общественный!
Всегда, конечно, были люди,
Мечтавшіе о невозможномъ,—
Платонъ и Томасъ Морусъ, напримѣръ; [31])
Но, ежели-бъ вы вникли, лордъ,
Въ науку права и «Corpus Juris» ***) прочитали... [32])

Вильямъ.

Не вѣрю той наукѣ я, цвѣтетъ
Которая межъ Каракаллой и
Отвратительнымъ паденьемъ Рима: [33])
Предсмертное они могли боренье
Искусственными формами продлить
Преступной и развратной воли,
А не грядущимъ поколѣньямъ дать
Незыблемый законъ и право.
И что у васъ права? Капканы, чтобы ловить
Людей неосторожныхъ, вы которыхъ
На преступленіе зовете сами
Общественнымъ нелѣпымъ учрежденьемъ; [34])
Топоръ и бичъ—вотъ ваше право,
И судьи ваши—палачи, отъ короля
До волостного альдермэна.

*) Человѣческихъ.
**) Божественныхъ.
***) Римское право.

Докт. теологіи.

Вотъ уваженіе къ властямъ! Когда-бъ
Безъ ухищреній писанье вы читали,
Не смѣли бы вы порицать властей,
Слова апостола припоминая:
«Отъ Бога власти всѣ».

Вильямъ.

Я знаю текстъ;
На немъ, мнѣ кажется, и папа римскій
Основывалъ свои права въ борьбѣ
Съ Мартиномъ Лютеромъ. Отъ Бога все,
Все Имъ и чрезъ Него; мы случая не знаемъ,
Языческая мысль о случаѣ лишь можетъ
Въ вашемъ не-христіанскомъ мірѣ быть,
И потому, что власти всѣ отъ Бога,
Мы не пойдемъ съ оружьемъ противъ нихъ,
Мы рѣки крови не польемъ, какъ Лютеръ,— [35])
Богоотступнымъ этотъ путь считаемъ мы;
Но, покоряясь власти, Павелъ
Не пересталъ крестить въ святую вѣру;
Понесъ онъ вѣсть благую искупленья
Къ эллинскимъ племенамъ, далеко;
То власть была его святая,
Ему врученная отъ Іисуса,
Неправое, ветхозавѣтное
Созданье уничтожить.

Докт. теологіи.

Апостоловъ избралъ Христосъ, и Духъ
Его призванье подтвердилъ; а Фоксъ
Съ чего попалъ въ апостолы, сапожникъ?
Призванье онъ свое докажетъ чѣмъ?

Вильямъ.

Сапожникъ Фоксъ, какъ Петръ рыбакъ,
Святою жизнью, даромъ слова,
Любовью пламенной къ Христу и людямъ
Свое призванье можетъ доказать.
Коль нѣтъ ему благословенья свыше—
Его ученіе падетъ, какъ прахъ,

Безъ вашихъ средствъ свирѣпыхъ,
Которыми анабаптистовъ вы
Терзали, жгли, топили въ Нидерландахъ.
Когда жъ Христосъ его благословилъ,
То ни костромъ, ни цѣпью, ни тюрьмой
Общину братства и любви вы не убьете,
Зане и эта власть отъ Бога.
Вотъ докторъ тотчасъ намъ разскажетъ,
Какъ въ Римѣ гнали христіанъ...

Докт. юриспруденціи.

При добродѣтельномъ Траянѣ, правда...

Лордъ Робертъ.

Довольно, господа, мы не на диспутъ
Теологическій пришли; пора
Окончить порученье брата намъ.

(*Громко*)

Довольно-ль вы убѣждены въ паденіи
Вильяма Пена, безвозвратномъ, полномъ?

Всѣ.

О, слишкомъ, слишкомъ, по несчастью!

Робертъ (*Вильяму*).

Подписываете ли отреченье?

Вильямъ (*твердо*).

Нѣтъ!

Добрый человѣкъ изъ родныхъ.

Еще осталась вамъ одна минута.
Подумайте, вѣдь, вы лишаетесь
Всѣхъ титловъ, сэръ.

Вильямъ.

Не всѣхъ, я—человѣкъ
И сынъ святой Христовой паствы.

Добрый человѣкъ.

Вы нищій будете, ужасна бѣдность:
Она унизитъ до работы васъ!

Вильямъ.

Здоровъ я, слава Богу, до сихъ поръ
И смерть голодную миную, стало;
И отчего-жъ руками не работать мнѣ?
Кто привилегію мнѣ далъ
Изнѣженнымъ быть тунеядцемъ?

Добрый человѣкъ.

Лишитесь вы отца, Вильямъ...
О, горьки будутъ слезы старика!

Вильямъ.

Ужасно то, и кровь по сердцу льется,
Когда я вздумаю о немъ.
Зачѣмъ же онъ привелъ свою любовь
Въ зависимость отъ предразсудковъ?
Пускай меня лишитъ наслѣдства—
Вотъ будетъ наказанье мнѣ;
Но пусть онъ призоветъ меня къ себѣ,—
Тѣмъ чище, больше буду я его
Любить; тогда не будетъ между мной
И имъ расчетовъ денежныхъ и видовъ;
Тогди при смертномъ ложѣ старины
Не буду я похожъ на ворона,
Который съ нетерпѣньемъ ждетъ кончины,
Чтобъ трупъ клевать полуостылый.

Добрый человѣкъ (*видимо тронутый*).

Вы уступите старику немного,
Хоть въ одеждѣ и наружныхъ формахъ;
Сказали сами вы, сэръ Вильямъ,
Что Богъ еще порядокъ этотъ терпитъ;
Итакъ, другой ли, тотъ ли долженъ быть
Богатымъ, васъ избрала судьба,
Такъ почему-жъ не покориться вамъ?
Не перестроить свѣта вамъ однимъ...

Вильямъ.

Сынъ человѣческій ученикомъ
Предаться долженъ былъ. «Но горе, рекъ
Христосъ, тому, кто на себя возьметъ

Ужасное то преступленье,—
Ему бы вовсе лучше не родиться!»
И, сверхъ того, кто вѣрить будетъ мнѣ,
Когда, подобно вашимъ я пасторамъ,
Одно начну учить, другое дѣлать?
Пора, пора жизнь съ мыслью помирить,
Окончить судорожный бой
Межъ дѣйствій, словъ и убѣжденій.

(*Добрый человѣкъ пожимаетъ плечами и умолкаетъ*)

Лордъ Робертъ (*давно показывавшій нетерпѣнье*).

Всѣ средства мы употребили:
Передъ собой и передъ Богомъ чисты мы.

(*Встаетъ и всѣ встаютъ*)

Вильямъ.

Отца я не увижу?

Лордъ Робертъ (*дерзко*).

Отца здѣсь нѣту у тебя; бездѣтенъ
Мой братъ Георгъ.

Вильямъ.

Они и Бога поправляютъ:
Мнѣ говорятъ они, что мой отецъ
Бездѣтенъ, оттого что не умѣютъ
Понятье сына отъ отцовыхъ денегъ
Отвлечь. Скажите вы ему,
Что я прошу свиданья непремѣнно.

Добрый человѣкъ.

Ну, что же, скажемъ; можетъ быть, лордъ Пенъ...

Лордъ Робертъ (*съ неудовольствіемъ*).

И безъ того разстроенъ братъ.

Вильямъ.

Ахъ, наконецъ, понялъ я, въ чемъ дѣло;
О, бѣдный, бѣдный мой отецъ!

Докт. юриспруденціи.

Съ наслѣдствомъ можно васъ поздравить, лордъ.

Робертъ.

Какъ жаль, какъ жаль, что онъ неисправимъ!

(*Поспѣшно уходитъ*).

Продолженіе той же сцены.

Сѣни Пенова дома; Вильямъ печальный и задумчивый выходитъ; толпа собрашейся черни встрѣчаетъ его свистомъ и ругательствами:

Отродье подлое ты Пеновъ славныхъ!
Проклятый квакеръ! Кистеромъ тебѣ-бъ
Родиться, а не сыномъ полководца!

(*Бросаютъ грязью въ него*)

Пенъ (*останавливается и говоритъ кротко*).

И вы противъ меня! Ахъ, дѣти, дѣти,
Когда-бъ вы понимали, что за васъ
Лишился я сейчасъ отца и достоянья,
Вы покраснѣли-бъ отъ души; но я
Васъ не виню: васъ воспитали такъ
Злодѣи ваши,—имъ позоръ и стыдъ!
Они за ваши всѣ грѣхи и тамъ
Предъ сыномъ божіимъ, Христомъ, отвѣтятъ.

(*Одному изъ толпы*)

Ты, другъ любезный, камнемъ бросилъ.
Скажи, за что меня побить хотѣлъ?

Мужикъ.

Да что тутъ толковать: ты—квакеръ,
Ужъ надоѣли смертно намъ ханжи,
Всѣ эти пуритане, методисты.

Вильямъ.

Ну, а почему-жъ они вамъ надоѣли?

Мужикъ.

Да пользы нѣтъ отъ нихъ отъ всѣхъ;
Толкуютъ, учатъ и шумятъ,
А мы все такъ же бѣдны, какъ и прежде.

Вильямъ.

А отъ пасторовъ вашихъ польза есть?

Мужикъ.

Ну, имъ, вѣдь, власть отъ Бога хоть дана;
И какъ же быть намъ безъ пасторовъ?
Вѣдь, мы не нехристи, не турки.
А васъ кто проситъ не въ свои дѣла
Вступать?

Вильямъ.

Послушайте, друзья мои,
Я вамъ скажу, что квакеръ значитъ.
Евангелье читали-ль вы когда?

Солдатъ.

Да ты не предикой-ли хочешь угостить?
Довольно скуки было намъ при Ноллѣ,
Когда предъ каждымъ взводомъ офицеры
Чортъ знай, что городили каждый день.
Нѣтъ, опоздалъ, любезный другъ!

(*Общій хохотъ, свистъ и ругательства*)

Вильямъ.

Возможно ли судить, не слушая?!
Да дайте же сказать, потомъ...

(*Ругательства удваиваются*)

Солдатъ.

Спасибо, другъ;
Найди кого-нибудь ты поглупѣй,
Намъ нѣтъ досуга толковать съ тобой.
Пойдемте-ка въ шинокъ! какъ тамъ одинъ
Хромой ирландецъ лихо мечетъ кости,
Ахъ, чортъ его возьми!

Всѣ.

Пойдемъ, пойдемъ!

Вильямъ (*смотритъ съ глубокой горестью имъ вслѣдъ*).[36])

Они не виноваты;[37])
И не тяжелъ отвѣтъ ихъ будетъ передъ Богомъ.

(*Уходитъ*)

Сцена IV.

Лордъ Пенъ, слабый и больной, сидитъ въ креслахъ, и добрый человѣкъ возлѣ; поодаль докторъ и лордъ Робертъ.

Лордъ Робертъ.

Террасу эту я велю сломать
И сдѣлаю отсюда прямо ходъ *).

Добрый человѣкъ.

Покойный лордъ
Предупредилъ желанье ваше, сэръ,
Онъ завѣщанье уничтожилъ,
И лордъ Вильямъ—единственный наслѣдникъ.

Лордъ Робертъ.

Да вы не въ бѣлой ли горячкѣ, господинъ?

Добрый человѣкъ.

Нотаріусъ, здѣсь ваше дѣло; сэръ,
Вотъ документъ за подписомъ друзей
Покойника и самого его.

Лордъ Робертъ.

Фальшивый документъ!

Нотаріусъ.

Рука покойника!

Лордъ Робертъ.

Онъ въ помѣшательствѣ, безумьи былъ.

Нотаріусъ.

Однако, докторъ подписалъ.

Докторъ.

И даже присягнуть
Готовъ, что въ полномъ разумѣ лордъ Пенъ
Составилъ этотъ актъ,—я самъ тутъ былъ.

*) Здѣсь въ оригиналѣ, по словамъ А. Н. Пыпина, недоставало шести страницъ.

Лордъ Робертъ.

Да почему-жъ духовную онъ просто
Не изорвалъ, когда хотѣлъ, чтобъ сынъ...

Докторъ.

Вамъ горесть повредила память, лордъ:
Духовную зачѣмъ-то взяли вы съ собой.

Лордъ Робертъ (*отираетъ холодный потъ*).

Ну, слава Богу, что онъ примирился
Съ Вильямомъ; очень радъ, давно ему
Я говорилъ... Охъ, какъ разстроенъ я!
Поѣду ужъ домой: такой ударъ
Возможно-ль пернести,—вы сами люди,—
Лишиться брата и единственнаго друга!

(*Уходитъ*).

(*Вильямъ, не бравшій никакого участія въ происходившемъ, остается въ томъ же положеніи передъ отцомъ*).

ОТДѢЛЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

ВИЛЬЯМЪ ПЕНЪ.

Сцена V.

Фоксъ—сѣдой, какъ лунь, и съ полуобезвласеннымъ высокимъ челомъ, сидитъ на простой скамьѣ передъ столомъ, на которомъ лежитъ Новый Завѣтъ въ большомъ форматѣ. Что-то апостольское въ его спокойной наружности. Вильямъ сидитъ по другую сторону; его щеки горятъ, восторгъ виденъ въ глазахъ. [38])

Вильямъ.

Вотъ мѣсяцъ цѣлый, какъ ни на минуту
Не оставляетъ эта мысль меня;
Она вплелась такъ тѣсно въ жизнь,
Что насъ разъять ужъ невозможно.
О, тяжко было мнѣ молчать передъ
Тобой, но я хотѣлъ сперва обдумать,
Привесть въ порядокъ, обсудить;
Теперь все мной совершено въ душѣ,
Осталось выполнять на самомъ дѣлѣ,—
Благослови мою ты рѣчь, отецъ!

Фоксъ.

Благословляю именемъ Христа!

Вильямъ.

Исполненные вѣры и любви,
Что дѣлаемъ мы здѣсь? Полусловами, [39])
Какъ вяло, бѣдно по стезѣ высокой,
Апостолами проложенной, мы
Идемъ. Народъ не хочетъ слушать насъ,
Богатые насъ презираютъ,
Пасторы каждый шагъ намъ затруднили.
Пускай бы явно гнали насъ, то было-бъ лучше: [40])
Слышна та рѣчь, которая съ костра
Иль съ эшафота раздается всенародно,—
Она раскроетъ тысячи сердецъ
Передмогильнымъ краснорѣчьемъ;
И этого они намъ не дали въ удѣлъ;
Мы глохнемъ въ темнотѣ, какъ вешній цвѣтъ,
Которому лопушникъ грубыми
Листами свѣтъ загородилъ, лишь онъ
Успѣлъ родиться и вздохнуть на волѣ.

Фоксъ.

Ты правъ: взошли плевелы вмѣстѣ съ хлѣбомъ,
И стало тѣсно для колосьевъ,
Но сѣятель придетъ, траву исторгнетъ,
И на просторѣ возрастетъ пшеница.

Вильямъ.

А до того останется зарытымъ
Талантъ, врученный намъ отъ Бога,
И этотъ огнь любви, который рвется
Изъ тѣсной груди къ брату-человѣку;
И эту вѣру плѣнную въ святое,
Живоначальное Христово слово,
Какъ въ гробѣ, схоронить въ своей душѣ
И жить, сложивши руки, межъ людей
Несчастныхъ, гибнущихъ отъ предразсудковъ;
А между тѣмъ, жизнь эта коротка,
И гробъ раскроется предъ нами скоро.

Фоксъ.

Мой сынъ, тьма не объемлетъ свѣта,
И не потухнетъ огнь небесный
Отъ дуновенія земли.
Въ насъ возбудилъ Христосъ любовь и вѣру,
Возбудимъ мы ее въ другихъ: мы безъ
Преемниковъ въ могилу не сойдемъ,
Они докончатъ начатое нами;
Не въ томъ, вѣдь, дѣло: я ли, ты ли,
Иль третій кто-нибудь укажетъ путь
Въ отверстыя Спасителемъ врата;
Насколько власти было намъ дано,—
Настолько спросится судьей правдивымъ. [41])

Вильямъ.

Однако, согласись, зачѣмъ итти,
Влача цѣпь тяжкую, коль можемъ мы
Безъ всякаго насилья снять ее?
Зачѣмъ намъ силу нашу тратить
Въ борьбѣ пустой, коль можемъ миновать
Ее и силу всю употребить
На насажденье вертограда?

Фоксъ.

Христосъ боролся съ дьяволомъ самимъ:
Въ борьбѣ мы силу узнаемъ и крѣпнемъ.
Но дальше говори: не знаю я
Еще, какое средство у тебя
Снять кандалы.

Вильямъ.

Когда народъ Господень
Въ Египтѣ погибалъ отъ Фараона,
Іегова Моисею повелѣлъ
Въ обѣтованную страну известь
Его, и въ Палестину онъ повелъ
Израиль черезъ степь и море.

(*Смотритъ проницательно на Фокса*)

Фоксъ.

Гдѣ намъ обѣтовалъ Господь страну?

Вильямъ.

Какъ гдѣ? Она готова, ждетъ она
Сыновъ Господнихъ съ дѣвственной душою.
Страна, до коей не касался человѣкъ,
Страна обѣтованья, гдѣ Сіонъ
Господень возрастетъ великолѣпный,
Какъ тѣхъ краевъ могучая природа.
Когда второй разъ одряхлѣвшій Римъ
Въ предсмертную впадалъ свою болѣзнь,
И связи рваться начали Европы,
Сколоченной насильемъ кое-какъ,
И части, спаянныя неповинной
Народовъ кровью, расторгались,—
Казалось, рухнуться готовъ былъ міръ,
Казалось, наставали дни суда
Надъ новою Гоморрой и Содомомъ;
Кровавое склонялось солнце въ океанъ,
И тучи черныя неслись съ востока...
Тогда Господь послалъ пророка своего
На утѣшенье гибнущему міру;
Подобно солнцу, онъ на западъ звалъ. [42])
Узка Европа имъ была обоимъ;
Подобно солнцу, всю хотѣлъ онъ землю
Огню божественному причастить
И, перейдя пустыню водъ глубокихъ,
Онъ крестъ Христовъ поставилъ въ новомъ мірѣ
И подарилъ для воздѣянья людямъ
Вселенную за океаномъ бурнымъ.
Вотъ намъ обѣтованная страна,
Тамъ слово возрастимъ мы Іисуса
Во всей его красѣ и вѣчной славѣ,
Тамъ, вольные, мы оснуемъ общину
На равенствѣ и братствѣ, и любви.
Не какъ испанцы, мы туда поѣдемъ
Съ мечомъ и гнусной цѣлью злата,
Не съ алчностью британскихъ торгашей,
Чтобъ негритянской кровью землю удобрять,
А, какъ апостолы живого слова,
Туда мы нашу вѣру понесемъ
И тамъ положимъ первый камень храму
Во имя распятаго Іисуса;

Вдали отъ европейскихъ поселенцевъ,
Въ какихъ-нибудь лѣсахъ, пустыняхъ
Его начнемъ мы воздвигать. [43])
Онъ будетъ вся страна, храмъ этотъ,
Гдѣ братья поселятся во Христѣ,
Ихъ счастье будетъ литургіей дивной
На прославленье Троицы Святой.
Мы, какъ Христосъ, отворимъ двери
Всѣмъ страждущимъ и угнетеннымъ,
За столъ садится каждый съ нами пусть,—
Богата тамъ не истощенная природа;
Пусть идутъ отовсюда гости,
Обиженные древнимъ міромъ,
Пускай идутъ, кто-бъ ни были они,
Имъ океанъ обмоетъ предразсудки,
И братьями они обнимутъ насъ;
Любовью мы залѣчимъ раны ихъ,
Любовью пятна съ ихъ души сотремъ.
О, вѣрь, отецъ, взойдутъ мои надежды,
Онѣ—не сонъ пустой, а божій гласъ,
Меня избравшій волю возвѣстить
Свою несчастнымъ, бѣднымъ дѣтямъ!
Теперь я понялъ, для чего Господь
Мнѣ кучи злата въ руки далъ:
Теперь благословляю я богатство,—
Оно орудьемъ сильнымъ мнѣ дано.
Оставимъ Англію, отецъ, пускай
Она свой доживаетъ вѣкъ,
Какъ тотъ скупецъ, который не хотѣлъ
Раздать имѣнье, чтобъ итти за Богомъ.

Фоксъ.

Мысль велика твоя, Вильямъ, не спорю.
Однакоже, мой сынъ, не забывай:
Христосъ сперва хотѣлъ Израиля
Сынамъ благую вѣсть сказать,
Чѣмъ эллинамъ; апостолы сперва
Учили въ Палестинѣ, гдѣ слѣдъ
Еще креста былъ виденъ на Голгоѳѣ;
И ужъ къ язычникамъ тогда пошли,
Когда незыблемъ былъ храмъ Іудейскій.

Вильямъ.

Мы сдѣлали для родины все, что
Могли, и не сказалъ ли Онъ: въ отчизнѣ
Пророка нѣтъ своей.

Фоксъ.

Сказалъ, а жизнь
Окончилъ на крестѣ въ Іерусалимѣ,
И, если не призналъ пророкомъ Назаретъ
Его, то міръ призналъ за сына божья;
Но прежде родины спрошу тебя самъ:
Ты почему созналъ себя пророкомъ?
Остерегись, мой сынъ, тутъ проникаетъ
Врага сильнѣйшее орудье—гордость.
Едва тебѣ Господь раскрылъ глаза, [44])
Какъ ужъ себя въ пророки посвятилъ
И будущностью управлять берешься;
Гдѣ тутъ любовь, коль ты страну,
Тебѣ назначенную Богомъ,
Мѣняешь на другую, мой Вильямъ?!
Гдѣ вѣра тутъ въ Него, коль самъ
Ты жизнью управляешь самовольно?!
Возможно-ль, чтобъ случайно ты родился
Въ Британіи, когда и волосъ съ головы
Твоей безъ воли божьей не падетъ?
И христіанское смиренье гдѣ,
Когда себя ты зодчимъ назначаешь
Обители огромной, увѣнчать
Которая должна труды Христовы?

Вильямъ.

О, нѣтъ, любовь, любовь влечетъ меня,
Не гордость! Нѣтъ, клянусь Христомъ!!
Горитъ душа, я не могу, не долженъ
Оставить втуне голосъ сильный,
Меня зовущій проповѣдать слово.
А что-жъ могу я сдѣлать здѣсь?

Фоксъ.

Развѣ не встрѣтилъ ты и здѣсь двухъ-трехъ,
Которымъ привилъ плодъ отъ древа жизни.

«А гдѣ васъ двое, тамъ и Я межъ вами».
Зачѣмъ же эта жажда ширины,
Дѣяній громкихъ, достохвальныхъ?
Вѣдь, не для поприща Богъ создалъ міръ
Тебѣ, Вильямъ. Что сдѣлать можешь здѣсь?
Почемъ ты знаешь мощь свою: едва
Ты сдѣлалъ первый шагъ,—и ужъ сомнѣнье
Проникло въ душу, маловѣрный.
Я нищимъ и невѣждой вышелъ къ людямъ
И обратился прямо къ нимъ со словомъ,
Которымъ вдохновилъ меня Господь.
Толпа не слушала, но слушали иные;
И если-бъ я съ тобой однимъ, мой сынъ,
Сведенъ былъ промысломъ небеснымъ,
Я жизнь свою благословилъ-бъ, довольный;
Будь простъ, мой сынъ, и по словамъ Его
Гряди: раздай имѣнье нищимъ.
Голодный, сирый, неодѣтый
Ступай съ любовію и вѣрой,
Врачуй Евангельемъ больную душу.
Отри слезу вдовы, отдай
Алкающей послѣдній свой кусокъ
Несчастной сиротѣ, обмой больному рану,
Молись съ преступникомъ ты о прощеньи
И умирающему принеси
Отраду теплую, надежду на
Христа... Потомъ учи людей,
Зови на покаяніе въ грѣхахъ,
И тщетнымъ твой призывъ, клянусь, не будетъ.
Трудись въ тиши, да только съ полной вѣрой,
А будущее Богу предоставь,
Зане не знаешь ты судебъ его.
Но если-жъ вѣры нѣтъ, оставь—и тамъ
Не быть успѣха; вѣра, какъ безъ дѣлъ
Мертва, такъ мертвы и дѣла безъ вѣры.

Вильямъ.

Нѣтъ, мой отецъ, я не дерзнулъ бы камень
Краеугольный храму положить
Безъ вѣры и безъ указанья свыше.
Не самъ я въ зодчіе себя назначилъ;
Въ минуту пламенной молитвы,

Когда, передъ Распятымъ распростертый,
Я слезы лилъ объ угнетенныхъ братьяхъ,
И чашу горькую да отведетъ
Отъ нихъ, Его молилъ,—тогда въ моей
Груди, торжественна и лучезарна,
Явилася внезапно мысль о новомъ мірѣ,
И успокоилась душа моя.
Не родину для поприща покинуть,
Но мѣхъ для новаго напитка новый
Взять онъ велитъ, чтобъ древо юное
На дѣвственной землѣ взросло
Безъ ядовитыхъ старыхъ соковъ
Развратной европейской почвы.

Фоксъ.

Ты понимаешь ли отвѣтственность,
Какую на себя возьметъ строитель
Евангельской общины въ новомъ мірѣ? [45])
Въ Америку селились до тебя
Анабаптисты, пуритане;
Однако, подвигъ что-то ихъ не виденъ,
Ихъ цѣль была бѣжать отъ притѣсненій? [46])
Будь остороженъ,
Извѣдай чистоту своей души:
Не христіанскій Соломоновъ храмъ
Условьемъ первымъ зодчему поставилъ
И всѣмъ работающимъ,—чистоту...
Не та ли же развратная Европа
Тебя вскормила на груди своей,
Не принесешь ли ты съ собой
Начало заразительныхъ болѣзней?
Ты вспомни, что въ плѣну рожденные
Страны обѣтованной не видали;
Они, самъ Моисей, нечисты были,
Имъ рабство запятнало душу,
И Іегова ихъ схоронилъ въ пустынѣ.
Найдется-ль твердость у тебя, мой сынъ,
Съ смиреніемъ, съ невинностью души
Святую мысль твою исполнить. [47])
Не погуби себя,—и ты Христовъ!
А страшныя тутъ будутъ искушенья:
Ты поведешь въ далекую страну

Толпу людей несчастныхъ, бѣдныхъ,
Ты дашь имъ корабли на морѣ,
Ты дашь имъ лѣсъ и поле на землѣ,
Ты дашь законъ твоей общинѣ юной,—
О, горе, если духъ твой вознесется,
И ступишь ты на новый материкъ
Не такъ, какъ братъ, одинъ изъ братьевъ,
А какъ глава и какъ создатель храма,—
Глава, себя избравшій самъ;
И если въ сердцѣ есть твоемъ,
Малѣйшая хоть доля самолюбья,
Она, вѣдь, тоже дастъ ростокъ,
И силенъ ростъ дурной травы.

Вильямъ.

О, нѣтъ, повѣрь мнѣ, мой отецъ,
Не властелиномъ буду я страны,
Которую на равенствѣ стремлюсь
Евангельскомъ, незыблемомъ поставить.
Я землю братьямъ всю отдамъ,—себѣ
Возьму клочекъ, расчищу самъ его
И потеряюсь между братій.

Фоксъ.

Мірская слава загремитъ тогда;
Въ другихъ добру дивиться любятъ люди;
Для нихъ герой великій тотъ, кто можетъ
Богатствомъ пренебречь и властью.
И эта слава до тебя дойдетъ,
И позабудешь ты, что славенъ Онъ
Одинъ, тебя орудіемъ избравшій.
Своею красотой прельстился ангелъ,
Забылъ Творца и въ себялюбьи гордомъ
Онъ съ неба удалился въ преисподню;
Но что ужаснѣе всего,—увлекъ
Въ свое паденье легіонъ духовъ,
Его вліянью подчиненныхъ. [48])

Вильямъ.

О, если такъ, отецъ,
Позволь мнѣ путь лишь указать другимъ, [49])
Дать средства имъ.

Я мысль свою не смѣю скрыть,—
Пророческій то голосъ, откровенье,—
Ее я долженъ міру сообщить;
Она не мнѣ принадлежитъ,—сосудъ
Я только избранный, горсть грубая
Земли; въ нее же сѣятель небесный
Зерно своей пшеницы бросилъ;
Оно должно взойти, зане ужъ пало
Изъ рукъ державныхъ провидѣнья.
Но я-ль имъ избранный?—вотъ въ чемъ вопросъ.
Назначь, отецъ, ты искусъ трудный, строгій,—
То будутъ сорокъ дней пустынныхъ мнѣ;
И если выдержу я твердо ихъ,
Тогда благослови меня на путь;
Тогда увѣренъ будешь ты, что Онъ
Меня призвалъ на дѣланье святое,
Что устроенье вертограда Онъ
Назначилъ въ новомъ свѣтѣ, а не я.

Фоксъ.

Не сорокъ дней готовился Спаситель,—
Часть жизни всей; Христосъ двѣнадцати
Былъ лѣтъ, когда законъ ужъ толковалъ,
Но въ тридцать лѣтъ явился предъ народомъ
Съ великой властью искупленья міру,
И тутъ еще осмѣлился діаволъ
Въ пустынѣ подойти къ нему;
Тѣмъ паче мы должны быть осторожны.
Однакожъ, голосомъ души зачѣмъ
Пренебрегать,—согласенъ въ этомъ я.
Ступай ты проповѣдать міру свой
Походъ крестовый, какъ пустынникъ Петръ,
Походъ не крови, а любви и братства;
Ступай одинъ, безъ денегъ, пѣшій,
Смирись передъ людьми, проси
Кусокъ насущнаго ты хлѣба,
Терпи отказъ, переноси обиды,
Свое ты имя и богатство скрой
И нищимъ нищій ты скажи
О новомъ мірѣ, ихъ зови туда
И слушай, что тебѣ на это скажутъ.
Коль духъ не возмутится твой

Отъ притѣсненій и обидъ,
Коль нищему тебѣ повѣрятъ люди,
Коли пойдутъ съ тобой—веди, мой сынъ:
Тогда твое призванье подтвердилось.

Вильямъ (*со слезами бросается ему на шею*).

Иду, иду, благослови, отецъ!

Фоксъ.

О, горько, горько мнѣ съ тобой разстаться!..

1839. Владим.

Сіе писаніе не апробовано барономъ Упсальскимъ.

270. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

26 августа 1839 г.

Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна!

Вотъ уже мы и пользуемся Вашимъ позволеніемъ писать и пишемъ изъ Москвы, куда довольно благополучно пріѣхали въ среду [1]) вечеромъ, въ 7 часовъ. Малютка, было, занемогъ, но, кажется, ему гораздо лучше; Наташа перенесла дорогу очень хорошо. Я еще не оглядѣлся, еще не понимаю себя въ Москвѣ и потому ничего не могу сказать о себѣ: слишкомъ много чувствъ и воспоминаній, и мыслей, и знакомыхъ лицъ, и знакомыхъ улицъ, и пыли, и колокольнаго звона, и новостей,—и все это въ ужасномъ безпорядкѣ сыплется въ голову, а у меня голова гораздо не такъ помѣстительна, какъ у общаго знакомаго нашего—слона, котораго я еще разъ имѣлъ удовольствіе видѣть въ Ундолахъ [2]). А главное, что все то вмѣстѣ такъ сухо, скучно и такъ перемѣнилось въ 5 лѣтъ, что мнѣ подчасъ становится грустно по нашей пустой улицѣ, въ началѣ которой М. И. Алякринскій [3]), а въ концѣ ни-

[1]) 23 августа.

[2]) Деревня между Владиміромъ и Покровомъ, куда приводили громаднаго слона.

[3]) Инспекторъ владимірской врачебной управы.

чего нѣтъ, грустно по Владиміру, т. е. хотѣлось бы итти къ вамъ,— такого искренняго привѣта намъ здѣсь нѣтъ, гдѣ же взять? Можетъ, въ Петровскомъ? ну, тамъ я еще не былъ, а говорятъ, что все туда выѣзжаетъ дышать пылью. Истинно, Юлія Ѳеодоровна, здѣсь мы со всякимъ днемъ яснѣе, свѣтлѣе понимаемъ вашу дружбу, ваше вниманіе: вы избаловали насъ. О, дай Богъ, чтобы съ января и вы переѣхали въ Москву!

Впрочемъ, дурное впечатлѣніе пройдетъ: большіе города, это— большія поэмы; надобно вчитаться, чтобъ постигнуть поэзію Данта; такъ и Москва—поэма, немного водянистая, съ большими маржами [1]), съ пробѣлами, но лишь только приживемся, поймемъ поэму въ 40 квадратныхъ верстъ.

Батюшку я засталъ довольно здоровымъ; онъ усердно кланяется и свидѣтельствуетъ свое почтеніе Вамъ и Ивану Эммануиловичу, повторяя, что до гроба будетъ считать себя облагодѣтельствованнымъ Иваномъ Эммануиловичемъ. Присоедините къ этому и отъ меня подтвержденіе тѣхъ чувствъ преданности, въ которыхъ, я думаю, Иванъ Эммануиловичъ и не сомнѣвается.

Обѣщанное мною относительно Пр. Петр. [2]) начинаетъ сбываться: нѣсколько добрыхъ знакомыхъ обѣщались достать ей мѣсто, но я къ ней тогда напишу, когда навѣрное узнаю.[1]

Пріѣхала ли Софья Ѳеодоровна? Сдѣлайте одолженіе, свидѣтельствуйте ей мое почтеніе, также Евгеніи Ивановнѣ, Ольгѣ Ивановнѣ, а ученицамъ—учительскій поклонъ. Засимъ позвольте мнѣ замолчать, но не прежде, какъ повторивши (и притомъ не перомъ, а сердцемъ, всѣмъ сердцемъ) тѣ чувства искренняго уваженія, съ которыми честь имѣю пребыть

Милостивая Государыня
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою
А. Герценъ.

◆◆ 1. Въ половинѣ іюля 1839 г. Медвѣдева навсегда оставила Вятку и поѣхала во Владиміръ, чѣмъ очень огорчила Витберга. Она поселилась съ дѣтьми у Курутъ, но вскорѣ, въ сентябрѣ почему-то должна была уѣхать въ Москву. По этому поводу Витбергъ писалъ Герцену: «Жаль, жаль намъ очень, что она такъ скоро должна была оставить домъ Куруты. Да какъ же вы это не сообразили прежде? Поспѣшили!» («Рус. Старина» 1897, XII, 495).

[1]) Marge—край, поле на бумагѣ.
[2]) Медвѣдева.

271. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

6 сентября 1839 г.
Москва.

Милостивая государыня, Юлія Ѳеодоровна!

Нѣтъ, благодарить за Ваше второе письмо лучше я не буду, потому что не умѣю высказать всего, а одну долю мало. Начну просто съ повѣствованія о нашемъ житьѣ-бытьѣ въ градѣ Москвѣ.

Наташа почти здорова, «маленькая собаца» [1]) тоже здорова; слѣдственно, у меня на душѣ легко и досужно присматриваться и вглядываться въ Москву.

Важнѣйшее, что я здѣсь узналъ, состоитъ въ томъ, что модные духи́ называются paccioulі [2]) и пахнутъ алоемъ; что Жуковскій получилъ аренду и деньги впередъ за 25 лѣтъ; что Блекшмидтъ дѣлаетъ чудесную мебель (à propos, я обѣщалъ Ольгѣ Ивановнѣ заказать ему табуретъ къ фортепіано, но не заказалъ, потому что онъ меньше 250 руб. не беретъ); что князь С. М. Голицынъ намѣренъ дать балъ, а митрополитъ—сказать рѣчь на закладкѣ храма. Мнѣ кажется, что все это знать скучно; вотъ какова Москва!—даже Жуковскій въ ея разсказахъ является не поэтомъ, а арендаторомъ. Москва только по костюму похожа на Европу; я рѣшительно недоволенъ ею въ нынѣшній пріѣздъ. Одна изъ самыхъ замѣчательныхъ статей для меня былъ нашъ старый, забытый каменный домъ. Я бродилъ по пустымъ комнатамъ его, и сердце билось: въ этотъ домъ я переѣхалъ ребенкомъ (въ 1824 г.) и прожилъ 9 лѣтъ. Тутъ родилась первая мысль, первый восторгъ; тутъ душа распустилась изъ почки; тутъ я былъ юнъ, неопытенъ, чистъ, свѣжъ. Я всматривался въ стѣны: черты карандашемъ остались, разныя нарѣзки, какъ было 10 лѣтъ тому назадъ, и будто я 1839 года—тотъ юноша 1829?.... Я—pater familias [3]), я—титулярный совѣтникъ, я—*возвращенный*,—не можетъ быть! Примѣривая прежнія комнатки къ душѣ, вижу, сколько душа перемѣнилась, къ лучшему ли?—можетъ; къ изящнѣйшему ли?—не знаю. Однако, очень глупо занимать собою.

Днемъ десять разъ, по крайней мѣрѣ, бываемъ мы во Владимірѣ, т. е. у Васъ. Я всегда былъ очень недоволенъ, что человѣкъ ограниченъ пространствомъ,—ну, какъ это можно снести такое при-

[1]) Такъ называлъ Сашу Герцена сынъ Е. И. Палеологъ.
[2]) Пачули.
[3]) Отецъ семейства.

тѣсненіе... Хотимъ сегодня вечеромъ быть у васъ—нельзя; отчего?—оттого, что люди не умѣютъ побѣдить верстъ. Но это придетъ; я вѣрую, что откроютъ средства ѣздить изъ Москвы завтракать къ Tortoni [1]) въ Парижъ, обѣдать—въ Лондонъ и послѣ—на концертъ въ римскую консерваторію,—одними сутками! Есть же въ Москвѣ церковь, построенная въ 24 часа—«Иліи обыденнаго». А, видитъ Богъ, я сейчасъ бросилъ бы Москву съ готовящеюся иллюминаціей etc. и явился бы съ Наташей къ Вамъ и сѣлъ бы возлѣ пялецъ, въ которыхъ, я думаю, распустилось много и много цвѣтовъ послѣ нашего отъѣзда, и отдохнулъ бы не отъ устали, а отъ треска, шума и хлопотливаго бездѣлья. Въ концѣ сентября я думаю это совершить очью [2]); до тѣхъ поръ позвольте мнѣ письменно засвидѣтельствовать Вамъ, Софіи Ѳеодоровнѣ, Ивану Эммануиловичу, Евгеніи Ивановнѣ и всему почтенному семейству Вашему чувства искреннѣйшаго уваженія, съ которыми

честь имѣю пребыть,

Милостивая Государыня, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою

Александръ Герценъ.

PS. Государь пріѣхалъ 3-го и пробудетъ до 15-го. Закладка будетъ 8 или 9-го. Дѣло Прасковьи Петровны (которое, какъ гангрена, терзало меня) приводится къ концу. M-me Жарнье рѣшается ее взять съ дѣтьми.

272. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

12 сентября 1839 г.

Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна! Получили мы послѣднее письмо Ваше съ тѣмъ же восторгомъ и радостью, съ тою же благодарностью, какъ и предыдущія. Много видѣлъ я здѣсь, живу разсѣянно, а бѣдная Наташа такъ вполнѣ посвятила себя Сашѣ, что не участвуетъ ни въ чемъ. 10-го сентября была закладка: похороны Витберговой славы, колыбель извѣстности Тона. Шествіе весьма было торжественно: духовенство, гвардія, посланники и тысячи народа на крышахъ, на заборахъ, въ окнахъ; самая рама—Замоскворѣчье съ своими церквами, хижинами и огром-

[1]) Извѣстная кондитерская-кафэ, гдѣ приготовлялось лучшее въ Парижѣ мороженое по итальянскому рецепту.

[2]) Т. е. воочію.

ными зданіями дѣлала еще торжественнѣе картину. Видѣлъ я и Сильфиду,—маленькое, воздушное, граціозное творенье, être papillonné [1])—Санковскую [2]). Мила, очень мила! Видѣлъ я Паскевича [3]); онъ гораздо выше Санковской и безъ крылышекъ, зато съ цѣлою системой звѣздъ. Итакъ, ему некуда летѣть: онъ самъ—твердь небесная. Видѣлъ принца Лейхтенбергскаго etc. Отъ принца до его полка—одинъ шагъ. Лишь только я запечаталъ и отослалъ къ вамъ мое прошлое письмо, явился къ намъ Христофоръ Павловичъ [4]). Съ искреннимъ восхищеніемъ приняли мы его; онъ представился намъ репрезентентомъ всѣхъ Васъ. Скоро вы увидите его... Ей-Богу, мнѣ грустно по Владиміру; быть можетъ, я скорѣе пріѣду, нежели вы думаете.

Середь писанія я былъ прерванъ, во-первыхъ, Христофоромъ Павловичемъ, который былъ такъ добръ, что раздѣлилъ нашъ обѣдъ сегодня, и, во-вторыхъ, Егоромъ Ивановичемъ, который сообщилъ мнѣ, что въ конторѣ уже получены бумаги отъ Ивана Эммануиловича обо мнѣ. Опять долженъ я благодарить, опять знакъ того драгоцѣннаго для насъ вниманія, которое согрѣло нашу владимірскую жизнь и останется однимъ изъ самыхъ лучшихъ воспоминаній въ нашей жизни... Прошу васъ передать эти чувства Ивану Эммануиловичу.[1]

Всѣ наши свидѣтельствуютъ Ивану Эммануиловичу, Вамъ, Софіи Ѳеодоровнѣ усердное почтеніе. А я прошу, сверхъ того, напомнить меня Евгеніи Ивановнѣ, Ольгѣ Ивановнѣ и ученицамъ.

Вѣчно готовый къ услугамъ вашимъ

Александръ Герценъ.

Владиміръ [5]).

◆◆ 1. Егоръ Ивановичъ сообщилъ, что въ московской дворцовой конторѣ получена просьба Куруты выслать, какъ можно скорѣе, подлинный университетскій аттестатъ Герцена, что̀ и было исполнено конторою 18 сентября («Дѣло московскаго отдѣленія архива Импер. Двора»; при печатаніи въ «Быломъ» 1907 г. фамилія Куруты искажена въ Кутузова).

[1]) Существо-«бабочка».
[2]) Танцовщица.
[3]) Иванъ Ѳедоровичъ, свѣтлѣйшій князь.
[4]) Палеологъ, мужъ Е. И. Куруты, офицеръ гусарскаго полка.
[5]) Сейчасъ увидѣлъ ошибку. Видите ли, какъ Владиміръ безпрестанно у меня въ головѣ? *А. И. Г.*

273. Письмо къ А. Л. Витбергу.

13 сентября 1839 г.

...Послѣднее письмо ваше я получилъ въ Москвѣ, гдѣ проживу весь сентябрь... Что сказать вамъ о продолжительномъ свиданіи моемъ съ Москвою? Москва похожа на тѣхъ добрыхъ людей, о которыхъ часто поминаешь въ разлукѣ, и до которыхъ дѣла нѣтъ, когда они налицо. Москва скучна, несмотря на то, что теперь шумъ, бѣготня, трескъ. Именно, эта суета суетствій наводитъ подчасъ грусть. Я видѣлся здѣсь съ Жуковскимъ, но особенно замѣчательнаго сказать не могу. Въ публикѣ васъ часто поминаютъ, особенно теперь, когда новая закладка sur le tapis [1]), и знаете ли, что бо̀льшая часть за вашъ проектъ, кромѣ аристократовъ? Есть даже громогласные партизаны, и, въ томъ числѣ, архитекторъ Мирановскій и друг...

Прасковья Петровна передала мнѣ все, что̀ вы ей поручили,— рядъ грустныхъ обстоятельствъ наводитъ на вашу душу меланхолическія мысли; ежели вы вызовете изъ прошедшаго все мое поведеніе относительно васъ и вашего семейства, то ясно увидите всю дружбу мою, всю преданность. А что не было отвѣта на письмо вашей супруги, то совѣстью клянусь вамъ, что я вовсе этого не помню и совсѣмъ не знаю, о какомъ письмѣ идетъ рѣчь. Скворцовъ пишетъ на три письма отъ меня одну записку, и я, право, не сомнѣвался въ его дружбѣ. Конечно, я съ вами болѣе сблизился, нежели съ Авдотьей Викторовной,—что же изъ этого? Между мною и вами больше общаго, симпатическаго (хотя я не скажу, чтобъ была полная гармонія). Отвергните ли вы дружбу искреннюю, примите ли ее, какъ прежде принимали,—это не измѣнитъ ни моего уваженія, ни моей любви къ вамъ, et cela sera le dernier mot de ma lettre [2]). Salut et amitié...

Государь и иностранные принцы еще здѣсь. 12-го была новая закладка.

[1]) Служитъ предметомъ разговоровъ.
[2]) И это будетъ послѣднимъ словомъ моего письма.

274. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

14 сентября 1839 г.

Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна! Вотъ какое было положеніе Веньямина Франклина, жившаго посланникомъ въ Парижѣ: каждое утро являлось къ нему множество особъ, просившихъ рекомендательныя письма къ Вашингтону,—особы, хотѣвшія par anticipation essayer la république [1]). Что дѣлать? Не дать письма—совѣстно передъ просителемъ, дать—совѣстно передъ собою. Какъ же быть? Неужели человѣкъ, выдумавшій громоотводы, не найдется? Онъ и нашелся: сталъ всѣмъ давать рекомендательныя письма такого содержанія:

«May dear General! «Le porteur de cette lettre m'est parfaitement inconnu, or il n'y a pas cause de le croire mauvais—je vous le recommande donc etc.» [2]).

То же случилось со мной, когда я пріѣхалъ въ старый свѣтъ, какъ Франклинъ, а именно—меня познакомили съ г. Лихаревымъ, который желаетъ получить убійственное мѣсто (лѣкаря) во Владимірѣ, несмотря на то, что его зовутъ Ѳедоромъ Григорьевичемъ. Этотъ Ѳедоръ Григорьевичъ проситъ неотступно способствовать его погребальнымъ видамъ и говоритъ, что онъ честный и бѣдный человѣкъ, вслѣдствіе чего я ему посовѣтовалъ, во-первыхъ, какъ можно болѣе натирать виски оподельдокомъ, принимать мятныя капли бутылками и, во-вторыхъ, молиться Діонисію Ареопагиту (ибо онъ одинъ изъ святыхъ въ рангѣ сенатора и, слѣд., можетъ имѣть вліяніе на полученіе мѣста) [3]). Наконецъ, рѣшился даже дать ему это письмо для доставленія вамъ, зная ангельскую доброту, съ которой вы готовы протянуть руку помощи каждому просящему, и зная это по собственному опыту.

Простите меня!

Пользуюсь симъ случаемъ, чтобы поздравить Васъ—и особенно Евгенію Ивановну—со Станиславомъ, о которомъ въ прошломъ письмѣ

[1]) Попытаться предварительно устроиться при республикѣ.

[2]) «Любезный генералъ, податель этого письма мнѣ совершенно неизвѣстенъ; слѣд., нѣтъ основаній предполагать, что онъ дурной человѣкъ, а потому я вамъ его рекомендую и т. д.».

[3]) Намекъ на моренковскій оподельдокъ и мятныя капли, привилегіей на продажу которыхъ пользовался будущій начальникъ Лихарева, инспекторъ владимірской врачебной управы, Алякринскій, усыновленный изобрѣтателемъ ихъ, Моренковымъ.

потому я не писалъ, что Христофоръ Павловичъ хотѣлъ удивить всѣхъ неожиданно [1]). Евгенія Ивановна завтра, вѣроятно, увидитъ Христофора Павловича; Наташа еще прежде увидится съ своимъ мужемъ, а именно—за чаемъ сегодня.

Огаревъ здѣсь. Москва расцвѣла.

Въ заключеніе прошу свидѣтельствовать мое почтеніе Ивану Эммануиловичу, Софьѣ Ѳеодоровнѣ, Христофору Павловичу и всѣмъ. Ей-Богу, мы васъ очень, очень любимъ и уважаемъ.

Наташа, вѣроятно, будетъ писать сама, да и мужу въ женихъ дѣлахъ не идетъ въ доносчики.

До гроба уважающій

А. Герценъ.

275. Письмо къ А. Л. Витбергу.

18 сентября 1839 г.

...Съ восхищеніемъ читалъ я (въ письмѣ вашемъ) о 30-мъ августа; я понялъ все, что вы должны были чувствовать при закладкѣ. Это—росинка благодати на ваше больное сердце. Молю Бога, да благословитъ онъ новое начинаніе во славу его, во славу вашего благодѣтеля [2]), во славу вашу...[1]

◆◆ 1. Въ письмѣ отъ 5 сентября Витбергъ описывалъ, какъ его чествовало вятское общество въ день именинъ, 30 августа, какъ сочувственно была принята подписка на постройку храма и пр. («Рус. Старина» 1897, XII, 493—495).

276. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

(21—25 сентября 1839).

Мнѣ даже для поздравленія не оставлено мѣста.[1]

◆◆ 1. 26 сентября были именины И. Э. Куруты; Н. А—на написала большое письмо и не оставила мѣста для мужа.

[1]) Палеологъ получилъ орденъ Станислава.
[2]) Александра I.

277. Письмо къ С. Ѳ. Каппель.

29 сентября 1839 г.

Милостивая Государыня, Софія Ѳеодоровна!

Вотъ мой обозъ, состоящій изъ сундука, трехъ ящиковъ, одного повара, одной прачки и троихъ дѣтей. Сдѣлайте милость, препроводите ихъ на мою квартиру, которую я вовсе не знаю.[1] Я сейчасъ же посылаю письмо по экстра-почтѣ, а самъ ѣду завтра. Можетъ, увижусь прежде письма этого.

Вашъ покорнѣйшій слуга

А. Герценъ.

Главное я пропустилъ,—буде у Матвѣя недостанетъ денегъ заплатить извозчику, потрудитесь ему дать.

◆◆ 1. Третья квартира Герцена во Владимірѣ: по Дворянской ул., д. Рагозиной.

278. Письмо къ А. Л. Витбергу.

1 октября 1839 г.

...Я утвержденъ министромъ чиновникомъ особыхъ порученій.[1] Въ январѣ поѣду въ Петербургъ. Папенька желаетъ, чтобы я тамъ служилъ. Москву увижу только проѣздомъ; я часто скучалъ въ Москвѣ, а жаль было разставаться съ нею. Таковъ человѣкъ!

Эрнъ, кажется, рѣшительно нанимается у Огарева.[2] Въ Москвѣ видѣлся съ Владиміромъ Машковцевымъ, вятскимъ ренегатомъ. У меня все еще бьется сердце горячѣе, когда вижу вятскихъ, когда могу говорить о васъ, о Скворцовѣ. Черные годы провелъ я тамъ, но полные многаго, полные поэзіи, мощной поэзіи жизни. Видѣлся я съ Жуковскимъ, но какъ-то въ шумѣ, въ вихрѣ, когда все въ Москвѣ торопилось, суетилось, и Василій Андреевичъ торопился, суетился. Душой вашъ *Александръ.*

◆◆ 1. 31 августа Герценъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій владимірскаго гражданскаго губернатора; представленіе объ этомъ Куруты помѣчено 5 августа съ указаніемъ, что эту

должность онъ находитъ «болѣе соотвѣтствующей способностямъ и достоинствамъ своего чиновника» («Труды Владимірской уч. арх. комиссіи», IV, 66—67).

2. О службѣ Г. К. Эрна у Н. П. Огарева см. «Рус. Мысль» 1888, X, 14 и XI, 15.

279. Письмо къ А. Л. Витбергу.

1 ноября 1839 г.
Владиміръ.

Душевно и искренно порадовались мы, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ Александръ Лаврентьевичъ, получивши ваше письмо, въ которомъ извѣщаете о повелѣніи, полученномъ 15-го октября [1]). Конечно, это еще только начало, но, стало, вы прошли Culminationspunkt [2]) гоненій, и день послѣ тяжкой полярной ночи возвращается. Пусть вы и не скоро оставите Вятку, но великое дѣло—сознаніе права.[1] Не думаете ли вы теперь занять мѣсто въ академіи художествъ? Я думаю, на это есть прямыя права у васъ, и тогда мы увидимся въ Петербургѣ.

А какъ же безъ васъ пойдетъ храмъ вятскій,—памятникъ вашихъ страданій, лѣтъ изгнанія? Онъ будетъ ваша «Divina Comedia» [3]), какъ же его оставить неисполненнымъ? Зачѣмъ вы поскупились сообщить о духѣ и содержаніи полученной бумаги?

Итакъ, мы увидимся! Я сожму опять руку вашу, вы обнимите Наташу, и слезою радости смоемъ прошедшее. Не могу безъ восторга вздумать о нашей встрѣчѣ. Вы найдете во мнѣ перемѣны: я больше развился, скажу съ гордостью: я выросъ духомъ съ 1837 года. Я много занимался, много думалъ съ тѣхъ поръ, и все это оставило слѣды, развило новыя стороны духа, характера. О, пріѣзжайте, пріѣзжайте!

Наташа бредитъ скорымъ свиданіемъ съ вами; она теперь едва оправляется послѣ горячки. Вѣсть о счастливой перемѣнѣ вашего положенія была радостною вѣстью, выкупившей горькія недѣли болѣзни.

Вотъ вамъ программа, гдѣ (буде ничего особеннаго не случится) меня искать: до половины января (1840 г.) я рѣшительно *во Владимірѣ, на Дворянской улицѣ, въ домѣ Разозиной.* Въ по-

[1]) Разрѣшеніе Витбергу жить, гдѣ пожелаетъ.
[2]) Кульминаціонную точку.
[3]) «Божественная комедія» Данта.

ловинѣ января думаю ѣхать одинъ въ Петербургъ; на случай, ежели васъ туда прямо призовутъ дѣла, то вотъ адресъ: *на Невскомъ проспектѣ, домъ Петиліа* (съ Адмиралтейской площади 2-й домъ), *спросить Серіѣя Львовича Львицкаю; его же можно найти въ канцеляріи министерства внутреннихъ дѣлъ, это—мой двоюродный братъ.* Ну, въ Москвѣ вы знаете, какъ меня отрыть.

Теперь къ вамъ, Авдотья Викторовна, обращаю мое поздравленіе; дайте руку поцѣловать,—вы знаете, что я безъ важныхъ оказій не цѣлую дамскихъ рукъ,—и вашу руку, Вѣра Александровна. Не вините меня насчетъ Медвѣдевой: вина ея,—она рѣшительно не имѣетъ таланта пользоваться настоящимъ. Такъ, въ Москвѣ она пропустила ужъ одно мѣсто. Готовъ все дѣлать для нея, но je m'en lave les mains pour les suites et résultats [1]). «Самъ возрастъ имашь», какъ вы говорите. Прощайте.

◆◆ 1. 17 октября Витбергъ писалъ: «...Но чтобъ воспользоваться данною свободою, надо имѣть способы на выѣздъ и проживаніе, а этого не дано, и какъ я ихъ не имѣю, то и тронуться съ мѣста не могу и думать еще, и не знаю, когда и какъ распоряжусь выѣздомъ; вѣроятнѣе всего, что этого скоро сдѣлать нельзя, если Господь не устроитъ особенно» («Рус. Старина» 1897, XII, 495).

280. Письмо къ В. В. и Т. П. Пассекамъ.

4-го ноября 1839 года.

Благословляю васъ подъ 55-ю градусами 45 минутами сѣверной широты; благословляю васъ подъ 55 градусами 11 минутами восточной долготы; благословляю васъ въ первопрестольномъ, многодорожномъ градѣ Москвѣ, стоящемъ при рѣкѣ Москвѣ, Неглинной и Яузѣ, съ 350.000 жителей, университетомъ etc. Такъ-то географически-статистически поздравляю я съ пріѣздомъ историка и географа, Вадима Пассека, въ наши края, а вмѣстѣ съ нимъ и Таню.

Знаете ли вы, помните ли вы, что между тѣмъ временемъ, въ которое насыпали курганы, о которыхъ пишетъ Кепенъ [2]) и о которыхъ Кепенъ не пишетъ, и 1839 годомъ есть одинъ историческій періодъ, часто занимающій меня, это—маленькій промежутокъ отъ 1825 до 1833 года? Правда, это время наполнено миѳами, какъ цар-

[1]) Я не отвѣчаю за послѣдствія и результаты.
[2]) Петръ Ивановичъ, врачъ, географъ, статистикъ, археологъ, славистъ.

ствованіе Тезея, но миѳы такъ же изящны, какъ эти типическіе Медузы, Язоны. Я начинаю не вѣрить, что они были, то есть, очью совершались, а люблю passer et repasser [1]) 1825 годъ и пріѣздъ Тани къ намъ. Все это юно, мило.—Путешествіе Бартелеми [2]) и Вертеровы страданія читаются, Озерова [3]) трагедіи декламируются, и миѳъ Герценъ съ широкими мечтами, и миѳъ Темира съ пылкими мечтами, съ описаніями Волги (а впослѣдствіи и Волхова *съ свинцовыми волнами*)... кто не пророчилъ бы тогда обоимъ миѳамъ и Вадиму par dessus le marché [4]) желтый домъ, но—увы, явился міръ реальный, эта огромная Прокрустова кровать, на которую кладутъ всѣ идеи, всѣ миѳы Герцена, Вадима, Тани, Мехметъ-Али, М. П. Погодина, Чумакова [5]) etc., чтобы подрубить имъ ноги или голову, смотря по надобности. И что же? Изъ миѳическихъ лицъ вышли люди, такъ-таки—просто люди: чиновники особыхъ порученій, отцы семейства, матери семейства, путешествующіе, очерчивающіе Русь.—Гдѣ же миѳы? А гдѣ у бабочки куколка? Гдѣ у лягушки образъ червячка, въ которомъ она родилась? Теперь лягушка пришла въ полное развитіе. Итакъ, поздравимъ другъ другъ лягушками, вполнѣ развитыми; остается давать концерты au rez-de-chaussée [6]) въ болотѣ.

Еще тутъ былъ миѳъ и, именно, одѣтый въ Кіариньевскій костюмъ, въ бешметъ, шитый золотомъ, серебромъ, адамантами и висономъ, и имя ему Діомидъ [7]). Что онъ? Ежели миѳическое существованіе продолжается, то онъ, вѣрно, еще ходитъ въ испанскомъ или татарскомъ, или мексиканскомъ костюмѣ. Если же и онъ побывалъ на Прокрустовой постели, то, во-первыхъ, ходитъ comme il faut [8]), во-вторыхъ, думаетъ comme il n'en faut jamais [9]).

«Мечты, мечты, гдѣ ваша сладость!»

Право, жаль, что мы сбились съ дороги и не попали въ сумасшедшій домъ. Прощай. *Александръ.*

[1]) Повторно вспоминать.

[2]) Жанъ-Жакъ, французскій археологъ, авторъ очень извѣстнаго въ свое время «Voyage du jeune Anacharsis en Grèce», 1788 г.

[3]) Владиславъ Александровичъ, трагикъ.

[4]) Вдобавокъ.

[5]) Ѳедоръ Ивановичъ, проф. математики въ московскомъ университетѣ, скончался отъ нервной горячки, полученной отъ испуга при кончинѣ дочери.

[6]) Въ нижнемъ этажѣ, вровень съ землею.

[7]) Пассекъ.

[8]) Какъ слѣдуетъ.

[9]) Какъ никогда не слѣдовало бы.

Прошу отдать мой решпектъ Алексѣю Петровичу [1]); вотъ онъ самобытнѣе насъ, не измѣнилъ себѣ,—все тотъ же практическій профессоръ теоріи вѣроятностей.[1]

◆◆ 1. «Въ концѣ осени,—разсказываетъ Т. П. Пассекъ,—Саша пріѣзжалъ не надолго въ Москву. При первомъ свиданіи съ нами онъ былъ нѣсколько смущенъ и какъ бы затруднялся, но мы такъ искренно обрадовались ему и Наташѣ, такъ были счастливы свиданіемъ съ ними, что онъ успокоился, сдѣлался веселъ, милъ и остеръ по обычному. Спустя нѣсколько дней, онъ хотѣлъ что-то объяснить Вадиму. Вадимъ это объясненіе отклонилъ. Они остались въ прежнихъ товарищески-дружескихъ отношеніяхъ, но, несмотря на это, было чувствительно, что у Саши какъ будто камень на душѣ, который тяготитъ его, и онъ какъ бы уклоняется Вадима. Уклоненіе свое онъ относилъ къ сочувствію Вадима дѣлу славянъ, по его тогдашнему мнѣнію, противоположное его западнымъ стремленіямъ, и говорилъ, что они слишкомъ различно смотрятъ на нѣкоторые предметы для того, чтобы совпадаться, что этого нельзя позабыть или найти интересъ въ самой противоположности. Но это было не такъ. Видались они и толковали попрежнему пріятельски. Въ Вадимѣ не было и тѣни перемѣны ни къ прежнимъ друзьямъ, ни въ прежнихъ убѣжденіяхъ, несмотря на его сочувствіе славянскому дѣлу и его любовь къ родинѣ, несмотря на его религіозное направленіе, и поэтому я была удивлена недавно, узнавши, что Саша, вспоминая о Вадимѣ, какъ о человѣкѣ умномъ, благородномъ и чистомъ, въ то же время говоритъ, что онъ отъ славянофильства дошелъ до ортодоктности и ненависти къ Западу, и такимъ образомъ ему пришлось отвергнуть все историческое развитіе человѣчества, всю науку, философію, всю мысль нашего вѣка. Это огорчило меня не только потому, что въ Вадимѣ ничего и похожаго не было на такое отчужденіе, но оно утвердило меня въ грустномъ предположеніи, что Саша отдалялся отъ Вадима по причинамъ, въ которыхъ не хотѣлось самому себѣ сознаться. Добрый, простосердечный, но избалованный средой, въ которой росъ, еще не знавшій ни отказа своимъ желаніямъ, ни горя настоящаго, Саша нерѣдко легко и небрежно относился къ тому, что близко другимъ и, вѣроятно, безотчетно боясь нарушить стройное, пріятное состояніе духа, избѣгалъ анализа самого себя; къ несчастію, это не всю жизнь ему удавалось; приходилось много страдать отъ этой черты его характера. Сверхъ дѣйствительнаго

[1]) Кучинъ, братъ Т. П., страстный карточный игрокъ.

горя, онъ мучился еще тѣмъ, *зачѣмъ ему больно*, боль нравственно мѣшала ему жить—это еще счастливо,—а онъ зналъ жизнь и цѣну жизни» (т. II, 271—272).

Не для каждаго ясно, что здѣсь продолжаются обвиненія, въ видѣ намековъ, за Людмилу Пассекъ. Какъ я уже говорилъ, читателю самому нужно заняться сводкой всего сказаннаго объ этой любви Герценомъ и Т. Пассекъ, чтобы вынести собственное мнѣніе о виновности перваго и справедливости второй. Что касается перемѣны взглядовъ и убѣжденій В. Пассека, то помимо того, какъ оцѣнивалъ ее Герценъ (напр., № 284), лучше всего сослаться на свидѣтельство его жены. Она сама называетъ людей, съ которыми вскорѣ сблизился ея мужъ; это были: А. Ѳ. Вельтманъ, М. Н. Загоскинъ, Ѳ. И. Миллеръ, Ѳ. Н. Глинка, М. Н. Макаровъ, Я. И. де-Сангленъ и др. (стр. 289—290)—все люди, мало подходившіе къ прогрессивному образу мыслей.

281. Письмо къ Д. П. Голохвастову.

Владиміръ, 1839, ноября 4-го.

Милостивый Государь, Дмитрій Павловичъ! Прежде, нежели я буду утруждать васъ просьбою объ обмѣнѣ аттестата, выданнаго мнѣ въ 1833, позвольте мнѣ удостовѣриться, въ самомъ ли дѣлѣ нужно это. У меня не *свидѣтельство*, получаемое на актѣ, а аттестатъ, только *писанный и на простой бумагѣ*. Гражданскій губернаторъ говоритъ, что онъ не видывалъ аттестатовъ изъ университета, не пергаментныхъ. Но ежели это все равно, и писанный аттестатъ тоже gültig [1]) при представленіи къ чину кол. асесс., то для чего же мѣнять? Ежели, напротивъ, въ сенатѣ могутъ сдѣлать затрудненіе, то я покорнѣйше попросилъ бы васъ принять на себя трудъ приказать мнѣ выслать печатный аттестатъ, а я тотчасъ возвращу писанный (на которомъ никакой подписи нѣтъ). Прислалъ бы я его и теперь, да боюсь—скоро пойдутъ представленія.

Извините, что я васъ безпокою такой неважной просьбой, зато будьте увѣрены: третьяго аттестата просить не буду до тѣхъ поръ, пока или опять вступлю въ студенты, или мой сынъ выйдетъ изъ него: итакъ, въ обоихъ случаяхъ не такъ-то скоро.

[1]) Дѣйствителенъ.

Прошу свидѣтельствовать наше искреннѣйшее почтеніе Надеждѣ Владиміровнѣ [1]). Въ заключеніе позвольте повторить тѣ чувства уваженія, съ которыми честь имѣю пребыть вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Герценъ.

P.S. При семъ прилагаю *примѣты* аттестата.

282. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

7 ноября (1839).

Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна! Позвольте мнѣ попросить Васъ извинить меня передъ моими ученицами: я сегодня не могу быть. Сатинъ, съ которымъ я не видался слишкомъ 5 лѣтъ, проѣздомъ въ Москву остановился у меня и пробудетъ до вечера завтрашняго дня, и это время посвящаю я ему исключительно.[1]

Наташа свидѣтельствуетъ Вамъ свое искреннее почтеніе.

Преданный отъ всей души

А. Герценъ. [2]

◆◆ **1.** Въ октябрѣ 1838 г. Сатинъ вернулся съ Кавказа въ Симбирскъ. Весною 1839 г. онъ снова просился туда же; министръ внутр. дѣлъ сообщилъ объ этомъ шефу жандармовъ, но Бенкендорфъ отказался ходатайствовать, написавъ 12 апрѣля, что это ужъ очень часто, да и при томъ, по его свѣдѣніямъ (которыхъ въ дѣлѣ нѣтъ), вмѣсто лѣченія Сатинъ занимался на водахъ карточною игрой. 25 мая, неизвѣстно почему, онъ сообщилъ симбирскому губернатору, что Сатину разрѣшается поѣздка на Сергіевскія минеральныя воды, въ Оренбургской губ., на границѣ съ Симбирской, на 6 недѣль. Въ августѣ сестра Сатина, Анастасія, подала прошеніе о прощеніи брата. 3 сентября Бенкендорфъ запросилъ губернатора о поведеніи сосланнаго. 10 сентября та же Анна Оленина, которая просила за Огарева, обратилась къ Дубельту съ любезной запиской: «Вотъ памятка, которую вы просили достать и которую я спѣшу переслать вамъ въ увѣренности, что вы добьетесь полнаго успѣха, такъ какъ обращаясь къ вамъ, я обратилась къ человѣку, доброта котораго всѣмъ извѣстна и который сочувствуетъ всякому стра-

[1]) Жена Голохвастова, урожденная Новосильцова.

данію. Мнѣ отрадно будетъ помочь бѣдному человѣку, надъ которымъ стряслось несчастіе, только благодаря его молодости, такъ какъ это глупое ребячество. Я всю жизнь буду Вамъ благодарна за такое одолженіе». При этомъ была приложена памятная записка о Сатинѣ, съ указаніемъ, что онъ проситъ опредѣлить его въ канцелярію московскаго генералъ-губернатора, главнымъ образомъ, изъ-за ревматизма въ колѣняхъ и сведенія ахиллесовыхъ жилъ. 15 сентября симбирскій губернаторъ поддержалъ просьбу Сатина. 30 сентября былъ сдѣланъ всеподданнѣйшій докладъ о прощеніи его. 2 октября Николай I положилъ резолюцію: «согласенъ» (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, 1 экс., 1834 г., дѣло № 239, ч. 9).

2. 15 ноября, по предписанію губернатора, Герценъ производилъ во владимірской городской полиціи повѣрку дѣла объ удержаніи денегъ изъ жалованья губ. секретаря Дурова на удовлетвореніе его кредиторовъ. Дѣло это, очевидно, имѣло мѣстное значеніе, такъ какъ особо занесено въ формуляръ Герцена (Дѣло деп. гер. прав. сената 1841 г. № 230).

283. Письмо къ женѣ.

8 декабря 1839.
Москва. [1]

И вотъ, мой ангелъ, послѣ полуторагодового свиданія, свѣтлаго и радостнаго, мы опять въ разлукѣ, но мы уже не тѣ, и разлука не та. Мы съ спокойнымъ сознаніемъ нашего счастія, его продолженія, и у разлуки отнята вся горечь (грусть — совсѣмъ другое), потому что на концѣ ея наше свиданіе. Ну, дай же поцѣловать тебя, благословить, благословить Сашку и потомъ примусь за разсказъ.

Пріѣхалъ я въ 17 часовъ, т. е. въ шестомъ часу, вышелъ и... Огар. дома нѣтъ. Досадно. M-me [1]) приняла холодно, сухо. Онъ у Кетч., — туда. Искалъ, искалъ — онъ переѣхалъ. Морозу град. 28; наконецъ, попалъ къ барону. Тотъ былъ въ восторгѣ, и Ог. и Сатинъ, но какъ-то впечатлѣніе печальное было у меня, не въ пользу радости. Огаревъ *долженъ былъ* ѣхать въ собраніе; я легъ спать и утромъ явился домой. Итакъ, вотъ эти приготовленія impromptu [2]), — впрочемъ, у Кетчера провелъ время хорошо; тамъ

[1]) Марія Львовна Огарева.
[2]) Безъ приготовленія.

познакомился съ извѣстнымъ актеромъ Щепкинымъ [1]) и хохоталъ, какъ безумный, отъ его дара разсказывать анекдоты.

Ѣду я въ понедѣльникъ утромъ, въ 9 часовъ. Завтра буду опять писать. Ты знаешь ли, когда надобно посылать на почту? Каждое воскресенье и каждый четвергъ вечеромъ, въ 8 часовъ.

Pour en finir avec les nouvelles, M-me Og. est vraiment au dessous encore de mon opinion; c'est une femme sans coeur, sans esprit de conduite même; déjà il y a des histoires *qu'on raconte* d'elle [2]). Бѣдный, бѣдный Огаревъ! и еще повязка не спала съ глазъ его! [2]

Ну, ты, мой ангелъ, какъ проводишь время безъ меня? Что нашъ малютка Сашка? Здоровъ ли онъ? Пиши, какъ можно, подробнѣе. Вотъ мой адресъ въ Петерб.: Его Высокобл. Ивану Яковлевичу Лисенкозу, въ С.-Петербургъ, въ канцелярію г. оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода. *Для доставленія Герцену.*

По полученіи этого письма ты пиши прямо въ Петербургъ.

Татьяну Петр. я еще не видалъ; это удовольствіе предстоитъ *сегодняшнему числу.*

Я опять въ московскихъ суетахъ, насилу нашелъ свободную минуту, и потому все не устоялось: душа отъ вздору, хлопотъ, розсказней безъ интереса и видовъ съ интересами... Я хотѣлъ ѣхать завтра; это значило бы двумя днями сократить разлуку нашу.

Шляпка отправлена еще 25 ноября съ Найденовымъ [3]), скажи ему, что Пап. очень сердится на него за неаккуратную доставку.

Ты знаешь мои чувства, мое уваженіе къ Юліи Ѳеодоровнѣ, Ивану Эммануиловичу и можешь ихъ передать безъ того, чтобъ я повторялъ. Видѣлась ли ты съ Софіей Ѳедоровной? Была ли Похвис. [4]) у тебя? Что концертъ? etc., etc.

Я такъ живо представляю тебя и Сашку, какъ будто съ вами. Его «Ба... ба... дрррр», ангельскую улыбку, голосъ, твое босополье и твой взглядъ на него, полный любви, молитвы... О, какъ онъ счастливъ тобою! да будетъ же благословеніе божіе надъ вами!

Прощай. Жди отъ меня записки, но не письма до Петербурга.

Мамзель *Катишъ* [5]) поклонъ преусердный. Какъ ведетъ себя нянька и вся честная компанія?

[1]) Михаилъ Семеновичъ.

[2]) Чтобы покончить съ новостями,—M-me Ог., дѣйствительно, еще ниже моего мнѣнія: это женщина безъ сердца и даже безъ такта; о ней уже *разсказываютъ исторіи.*

[3]) Сельскій староста Яковлева.

[4]) Жена Михаила Николаевича Похвиснева.

[5]) Екатерина Александровна Захарьина, сестра Н. А—ны.

При семъ знаменитая поэма «Баронъ Упсальскій» [1]). Всѣ наши кланяются. Пап. ждетъ, что ты будешь писать къ нему.

Прощай, мой ангелъ; въ первый разъ подпишусь

Мужъ твой А. Герценъ.

Не забудь, что я завтра опять буду писать.

◆◆ **1.** Въ 1839 г. Герценъ имѣлъ право на производство за выслугу въ чинъ коллежскаго асессора, который давалъ бы ему право стать владѣльцемъ имѣній отца. По тогдашнему закону, владѣніе крѣпостными не могло принадлежать не-дворянину, а личное дворянство получалось этимъ чиномъ. Кромѣ того Яковлеву хотѣлось, чтобы сынъ лично поддержалъ его старинныя отношенія съ людьми, имѣвшими возможность устроить его переводъ на службу въ Спб. Получивъ 28-дневный отпускъ, Герценъ выѣхалъ изъ Владиміра 6 декабря.

2. По отзывамъ тѣхъ, кто видѣлъ Марью Львовну въ Петербургѣ и Москвѣ, вскорѣ послѣ переѣзда въ послѣднюю, на нее очень подѣйствовали петербургскія гостиныя. Она понимала, что съ капиталами мужа можно жить гораздо лучше, можно ни въ чемъ себѣ не отказывать...

Для насъ особенно цѣнно указаніе самого Огарева, а оно имѣется въ допросѣ его въ 1850 году: «Когда я былъ въ 1839 г. переведенъ на службу въ правительствующій сенатъ, уже домашняя жизнь моя была рядомъ мелкихъ ежедневныхъ несогласій, которыя, несмотря на тихость моего нрава, возростали ежедневно». И мелкія несогласія возникали вовсе не потому, что Огаревъ препятствовалъ женѣ устроить домъ такъ, какъ ей хотѣлось. Онъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы не вызывать на этомъ столкновеній. Несогласія происходили, благодаря нежеланію Огарева уйти съ головой въ свѣтскую жизнь, которую начала Марія Львовна. По словамъ Т. А. Астраковой, «устроивши блестящимъ образомъ свой домъ, Марья Львовна стала дѣлать парадные визиты знакомымъ и роднымъ изъ аристократическаго круга. Никъ отказался ей сопутствовать; это раздражало ее и было началомъ внутренняго распаденія. Никъ и не любилъ большого свѣта, стѣснялся имъ, началъ кутить и почти не бывалъ дома» (Пассекъ, II, 106—107).

Правда, его тяготилъ иногда и постоянный гамъ дружескаго круга, но это были вещи несоизмѣримыя. «Грустнѣе всего — писалъ

[1]) Пародія, сочиненная Огаревымъ и М. Н. Катковымъ, читанная ими 24 ноября 1839 г., послѣ шутливаго спектакля у Огаревыхъ («Рус. Мысль», 1888, XI, 11).

Огаревъ Герцену въ ноябрѣ 1839 г.—мой образъ жизни, а вмѣстѣ и хорошъ; я въ своей сферѣ, а душа подавлена. Если я просыпаюсь рано, то я еще могу заняться чѣмъ-нибудь. Но съ 10-ти часовъ я уже на ходу. Ritter (Сатинъ—*М. Л.*), баронъ, Катковъ, Боткинъ, Галаховъ, Іоганнисъ (музыкантъ—*М. Л.*) безпрерывно мѣняются въ воображеніи и въ дѣйствительности. Куча идей и образовъ, но они еще не связались въ живое цѣлое, и мнѣ хотѣлось бы опять въ степь, въ глушь, въ уединеніе, почти въ одиночество. Тамъ переработать всю эту массу новыхъ понятій и примириться съ міромъ и съ собою, примириться съ Богомъ, перенести Его въ свое сознаніе и въ свою любовь. А между тѣмъ, такъ мнѣ хорошо между этими людьми: я люблю ихъ» («Рус. Мысль» 1888, XI, 9—10).

Герценъ, очевидно, написалъ своему другу не особенно лестное объ его женѣ, потому что черезъ нѣсколько мѣсяцевъ (въ ноябрѣ 1839 г.) Огаревъ ему отвѣчаетъ: «Ты былъ неправъ въ отношеніи Маріи, это доказываетъ фактъ; но что ты пользы этимъ никакой не сдѣлалъ, какъ возстановилъ ее противъ себя жестоко и, можетъ быть, надолго, это—тоже фактъ. Въ васъ я вижу раздвоеніе самого себя и грустно,—но satis sufficit [1]) объ этомъ» («Рус. Мысль» 1888, XI, 11).

Въ началѣ декабря Галаховъ привезъ Герцену письмо Огарева, гдѣ, между прочимъ, находимъ слѣдующее мѣсто: «Всѣ разсказали другъ другу, что думаютъ, а больше ужь и говорить нечего. Ergo, что-то пусто, а, можетъ, это моя личная хандра. Какъ бы то ни было, частыя посѣщенія нами другъ друга имѣютъ, кажется, тотъ результатъ, что мы другъ другу страхъ какъ мѣшаемъ, но что дѣлать—une fois le pli pris [2])—такъ и осталось. Однако, дѣятельности все у меня больше, чѣмъ когда я былъ одинъ, но не дѣятельности активной, а собственно производящей. Я пишу много, что увидишь при свиданіи. Ты на дняхъ будешь, ты долженъ быть сюда, другъ мой! Я обниму тебя отъ полноты души. Ты придешь ко мнѣ, и мы проведемъ полночи или цѣлую ночь вмѣстѣ да никому не скажемъ о томъ,—Саша, пожалуйста, никому; останемся tête-à-tête у камина: вѣдь, мнѣ, все-таки, тебѣ больше есть кое о чемъ сказать, нежели имъ... Только и остались у меня святые часы—рано поутру, когда я пишу, и потомъ, когда случится задушевный разговоръ съ Маріей, гдѣ есть и теплыя слова и горячіе поцѣлуи. Одно въ моей жизни неизмѣнно хорошо—дружба и лю-

[1]) Довольно достаточно.
[2]) Но разъ ужь такъ сложилось.

бовь, любовь и дружба—и я счастливъ, мирюсь со скукой обыденности; пусть она будетъ вдесятеро скучнѣе, лишь бы я все такъ же могъ на обѣ стороны протянуть руки и встрѣтить крѣпкія рукопожатія. Когда же ты пріѣдешь? Ты мнѣ дашь аудіенцію у меня передъ каминомъ въ часъ заутрени? Да? Да, да, да! Пройдемъ все наше прошедшее, богатое воспоминаніями, условимся въ будущемъ: много есть о чемъ говорить» («Рус. Мысль» 1889, I, 1—2).

Конечно, Герценъ исполнилъ желаніе и просьбу друга и прямо съ заставы поѣхалъ къ нему...

284. Письмо къ женѣ.

9 декабря 1839.
Москва.

Здравствуй, мой ангелъ, чувствуешь ли ты по вечерамъ мое благословеніе, посылаемое вамъ обоимъ? чувствуешь ли, что середь всякаго рода хлопотъ я съ вами?

Мѣсто въ дилижансѣ взято, я ѣду 11 декабря, въ 9 ч. утра, т. е. въ понедѣльникъ; писавши вчера, я правъ былъ: здѣсь нѣтъ минуты спокойной,—или друзья или tutti frutti [1]). Тебѣ кланяется Надежда Владиміровна [2]), которая очень мило и умно у княгини [3]) увѣряла какъ-то на дняхъ, что неправда, что я покидаю тебя и что ты оттого больна. Всѣ вѣсти переносятъ и всѣ мерзости отъ Елиз. Мих. Кучиной [4]); entre autres она сказала, что Николенька М. [5])—МОЙ СЫНЪ.

Видѣлъ Татьяну Петровну... Лучше бы не видать: что-то толсто, толсто, бабовато, бабовато. Ни онъ [6]), ни она—ни на шагъ впередъ: стоятъ спокойно, привинченные къ 1833 году. Прасковья Петровна [7]) кланяется. Страшно много въ ней и скрытности и откровенности,—и комедія, и трагедія. Дѣти опредѣлены.

За симъ прощай, времени ни секунды. Схожу къ Ог.; у Астракова еще не могъ урваться побывать.

Можетъ быть, ты по слѣдующей почтѣ письма не будешь

[1]) Всякая всячина.
[2]) Жена Д. П. Голохвастова.
[3]) М. А. Хованская.
[4]) Мачеха Т. П. Пассекъ.
[5]) Медвѣдевъ.
[6]) Вадимъ Пассекъ.
[7]) Медвѣдева.

имѣть, потому что я не знаю, по какимъ днямъ надобно писать съ петерб. дороги.

Будьте здоровы, расцѣлуй Сашку. Душка, какъ я давно его не видалъ!.. Прощай

Александръ.

Вѣроятно, ты получила 1-е письмо.

285. Письмо къ женѣ.

Понедѣл. 11 декабря 1839.
Москва.

Милый другъ мой, Наташа, теперь шестой часъ, въ девятомъ я ѣду, нарочно всталъ, чтобы имѣть время написать строчку, другую.

Главное, что меня безпокоитъ, это—неизвѣстность, спокойна ли ты. Сегодня должно прійти письмо, но оно меня не застанетъ. Что нашъ малютка? Хочется взять его на руки, глядѣть на него... Я люблю васъ, люблю.

Ог. видитъ многое, страдаетъ, мучится; мое письмо сдѣлало ужасную сцену; я помирился съ М-me для того, чтобы успокоить его, я видѣлъ, что это необходимо для его любящей души, и сдѣлалъ первый шагъ, принесъ на жертву гордость, оскорбленіе и протянулъ руку, и тутъ, стало, дружба побѣдила любовь. У меня съ нею было объясненіе. Боже мой, какая горькая чаша достается ему, ежели все останется, какъ есть, и еще разовьется! [1]

Мои вѣсти нехороши,—что дѣлать... Не лучше и то, что могу сказать о Петрушѣ [1]). Астрак. жалуется, что, переѣхавъ отъ него, онъ *ни разу не былъ у него*. Я спросилъ П., по какой причинѣ. «Не хотѣлось».—Да надобно же было изъ благодарности.—«Когда придетъ желаніе, я поблагодарю». Послѣ этого я далъ ему 25 руб. и рѣшительно не говорилъ ни слова, ибо я ясно вижу дерзость подобныхъ отвѣтовъ и совершенную глупость того, кто отвѣчаетъ.

Шуба Матвѣева не нашлась.

Праск. Петр. я видѣлъ разъ. Татьяна Петр. просидѣла вчера весь вечеръ; она всѣхъ больше перемѣнилась: ни одной европейской—ни мысли, ни слова, ни даже произношенія,—харьковское нарѣчіе, харьковскія идеи etc. Алеша Кучинъ отправленъ съ жандармомъ изъ Москвы, tant va la cruche... [2])

[1]) Петръ А. Захарьинъ.

[2]) Не окончена поговорка: «Tant va le cruche à l'eau qu'à la fin elle se casse»—«повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить».

Астракова будетъ писать къ тебѣ. Люблю ее я; она какъ-то неразрывна съ воспоминаніями отъ 3 марта до 9 мая.

До сихъ поръ мнѣ не дали сосредоточиться въ моей разлукѣ: барабанный бой со всѣхъ сторонъ, и музыка дружбы возлѣ. Я разлуку чувствую теперь par boutades [1]): вдругъ сдѣлается *нѣмобольно*, недостаетъ половины бытія, недостаетъ той души, въ которую погружена моя душа; по Сашкѣ тоже очень грустно сдѣлается: такимъ жалкенькимъ кажется онъ въ эти минуты. А добрые люди тотчасъ—прыгать, кривляться, гримасничать, несутъ водку и вино, сыръ и журналы, шумятъ—и опять съ ними, какъ въ «Волшебной Флейтѣ», пляшешь. Прощай, благословляю васъ три раза. Кат. [2]) поклонъ.

Эту записку пошлютъ 13-го. До Петерб. врядъ будетъ ли возможность написать.

Прощай.

Твой *Александръ*.

◆◆ 1. Огаревъ былъ радъ примиренію Герцена съ Маріей Львовной и 12 декабря писалъ Н. А—нѣ: «Александръ и Марія помирились. Ничего не прибавлю къ этому; ты и безъ того поймешь, сколько это для меня значитъ. Твой Александръ былъ благороденъ, былъ прекрасенъ въ этомъ примиреніи». Марія Львовна, въ свою очередь, сообщила Н. А—нѣ: «Дорогая Наташа, извините, что я долго не отвѣчала вамъ. Ничего хорошаго я не могла вамъ сказать и была сердита на вашего мужа, а о такихъ вещахъ, вы сами знаете, непріятно говорить. Сегодня извѣщаю васъ о томъ, что онъ протянулъ мнѣ руку, прося меня покончить съ этимъ, а я ничего бо̀льшаго не хотѣла, какъ забыть свои обиды, тѣмъ болѣе, что нашъ бѣдный Николай, такой нѣжный и добрый, жестоко страдалъ отъ этого. Огорчать Колю, это—преступленіе, и всякій разъ, когда это случается, я чувствую угрызенія совѣсти».

Н. А—на отвѣчала на это: «Марія! Итакъ, вы помирились съ Александромъ... Помнишь ли нашу первую встрѣчу? О, я любила тебя, еще не видѣвши, любила много, много мечтала и, какъ дитя, вѣрила этимъ мечтамъ. Мнѣ казалось, что ближе тебя никто на свѣтѣ мнѣ не можетъ быть, потому что ты одно съ N., а N. одно съ А... И вдругъ... о, тяжело говорить о томъ, я не хочу; но оно прошло, Марія, говоришь ты? Дай Богъ!» («Рус. Мысль» 1888, XI, 12 и 13; 1889, X, 12—13).

[1]) Вспышками.
[2]) Е. А. Захарьина.

286. Письмо къ женѣ.

14 декабря 1839.
Петербургъ.

Ну вотъ, душа моя, твой Александръ почти за 1000 верстъ отъ тебя сидитъ въ комфортабельномъ № d'hôtel des diligences [1]) и думаетъ все о васъ же, мои милые, мои два ангела... Петербургъ будетъ для меня великой поэмой, которую я стану читать три недѣли. Мыслей много явилось и на дорогѣ, но это послѣ. Вотъ тебѣ подробности путевыя. Поѣхалъ 11-го въ дилижансѣ, погода была скверная, гостиницы зато прекрасныя; здѣсь я еще не оглядѣлся. Я вмѣстѣ съ этимъ письмецомъ отсылаю другое завтра, чтобъ посмотрѣть, которое придетъ скорѣе: черезъ Москву или прямо. Итакъ, не сердись за мои безсвязныя записки, дай устояться.

15-го. Я здоровъ, Сережа [2]) кланяется, а я благословляю васъ.

287. Письмо къ женѣ.

15 декабря 1839.
С.-Петербургъ.

Вотъ первая минута, мой ангелъ, послѣ отъѣзда, въ которую я физически свободенъ; въ душѣ не то все еще волнуется, безпорядокъ ужасный, много, много новаго—образовъ, мыслей, ощущеній и Богъ знаетъ чего, но все это еще не приняло формы, неясно. Итакъ, я въ Петербургѣ; не странно ли? Сегодня былъ я въ вашемъ домѣ [3]) и ушелъ скоро,—что-то грустенъ онъ, разваливается. Всего больше меня поразилъ Зимній дворецъ своей наружностью. Я не смотрѣлъ, стоя у колонны, ни на Главный штабъ, ни на министерство, а на одинъ дворецъ. Лучше я ничего не видывалъ, даже на картинахъ; онъ что-то припоминаетъ Эскуріалъ, впрочемъ. Хороша будетъ Исаакіевская церковь, чудно хорошъ и монументъ Петра, но въ немъ мнѣ именно все нравится, кромѣ Петра: какое то натянутое, педантски-академическое положеніе; зато лошадь и огромная масса гранита, какъ пьедесталъ великому царю, выкупаютъ все. А моря нѣтъ и Невы нѣтъ. Остальное мало дѣйствовало. Главное отличіе отъ Москвы—чрезвычайная комфортабельность, большая

[1]) Гостиница при дилижансной станціи.
[2]) С. Л. Львовъ-Львицкій.
[3]) Домъ отца Н. А—ны на Англійской набережной.

пышность и комнатъ, и платья, дѣятельность торговая и административная главнаго города цѣлой части свѣта... И при всемъ этомъ я унылъ; это нехорошо; отчасти виновата въ этомъ ты, то есть твое отсутствіе, но есть и другія причины. Я и прежде меня всѣ отъ Адама и до Пѣшкова [1]), повторяли: удивительно необъятна душа человѣка; что̀ можетъ ее наполнить до краевъ? Океана мало, Петербурга мало, можетъ одно—душа любящая. Вѣроятно, завтра получу письмо отъ тебя (доселѣ, душка, ни вѣсточки съ 5 декабря), твое письмо вылѣчитъ многое, а остаюсь я грустенъ; не пора ли домой? Нѣтъ, я еще не видалъ Эрмитажа.

Ну, на сонъ грядущій о вздорѣ. Я переѣхалъ въ Hôtel de Londres, противъ самаго Адмиралтейства; за недѣлю 40 руб. Двѣ комнаты, убранныя хорошо и, главное, съ прекраснымъ видомъ. Прощай, завтра буду опять писать. Вѣроятно, я здѣсь не заживусь; ужь вѣрно, не больше *двухъ недѣль*. Что Сашка, что его зубки, здоровъ ли онъ? Хоть бы на него взглянулъ... Я видѣлъ во снѣ, спавши въ дилижансѣ, Сашку какъ-то странно, видѣлъ и тебя. Множество птицъ летало, и я ловилъ ихъ и носилъ тебѣ. Что это значитъ? Гдѣ Афимьинъ [2]) «ракулъ»? Прощайте, благословляю васъ. Я и въ дилижансѣ ночью благословлялъ васъ.

16-ое. Мы готовимся переѣхать сюда,—много страшнаго въ этомъ; люди послѣ 25 лѣтъ трудно мѣняютъ нѣкоторыя основныя привычки жизни. Лишь бы прежде путешествовать,—это будетъ эпилогъ поэтической жизни. Ну, да объ этомъ послѣ. Досадно, что нѣтъ писемъ. Кажется, сегодня надобно бы получить... До 12 часовъ подожду, потомъ пошлю. Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ отправляю и къ Юліи Ѳеодоровнѣ грамоту.

Писемъ еще нѣтъ. Итакъ, прощай пока. Цѣлую тебя много и много разъ.

288. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

16 декабря 1839 г.
С.-Петербургъ.

Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна! Хотя и не предвидится возможность, чтобы мое письмо пришло къ 20, но позвольте мнѣ имѣть честь пріобщить и мое поздравленіе съ днемъ Вашего рожденія; оно будетъ позднее, но, вѣдь, жаворонки, прилетающіе послѣ 9 марта, не худшіе, особенно, ежели ихъ сравнить съ пече-

[1]) Московскій студентъ, въ которомъ Герценъ принималъ участіе.
[2]) Евфимія, няня у Герценовъ.

ными на постномъ маслѣ. Дай Богъ Вамъ одного вознагражденія за ту небесную доброту, съ которой вы встрѣтили насъ, странниковъ и скитальцевъ.

Я въ Петербургѣ. Доселѣ одно зданіе привело меня въ восторгъ, это—Зимній дворецъ, дивно-чудное зданіе; можетъ, одни palazzi [1]) въ Венеціи и Эскуріалъ могутъ стать съ нимъ на одну доску; самый безпорядокъ этихъ пристроекъ, дополненій, разнохарактерность частей,—все придаетъ ему то широкое, многообразное изящество, которое находимъ мы въ трагедіяхъ Шекспира. Я непремѣнно куплю дагерротипный видъ его; но это не легко: солнце здѣсь живетъ бонтонно, встаетъ въ 10-томъ часу и такое блѣдное, торопливое, какъ всѣ петербургскіе жители, что его не поймаешь въ дагерротипъ. Здѣсь раскупили всѣ картинки, привезенныя изъ Парижа; въ самомъ дѣлѣ, удивительная вѣрность рисунка и отдѣлки; ежели привезутъ еще, я попрошу позволенія прислать одну или двѣ Вамъ для образца.

Къ Ольгѣ Александровнѣ [2]) я поѣду завтра и тотчасъ напишу Ивану Эммануиловичу; папенька меня тоже снабдилъ письмомъ къ ней.

Вотъ ужъ одиннадцатый день, какъ я не имѣю вѣсти объ Наташѣ, и отъ этого мнѣ грустно, и шпицъ Адмиралтейства, который передъ самыми окнами моими, меня не утѣшаетъ. Мнѣ что-то страшна и даль отъ Владиміра, и одиночество въ этой огромной массѣ людей; должно быть, я скоро отсюда уѣду. Я здѣсь не дома,—въ дилижансѣ я какъ-то привыкъ жить, а здѣсь нѣтъ.

Въ заключеніе позвольте мнѣ попросить Васъ передать мое усерднѣйшее поздравленіе Евгеніи Ивановнѣ съ 24 декабря; я душою приду самъ поздравить въ 12 часовъ и для этого надѣну фракъ и бѣлыя перчатки, сидя дома въ Hôtel de Londres № 4. Тоже позвольте утрудить Васъ просьбою засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе Ивану Эммануиловичу, Софіи Ѳеодоровнѣ, Ольгѣ Ивановнѣ и моимъ ученицамъ.

Прелестный голосъ Ольги Ивановны здѣсь извѣстенъ; меня спрашивалъ генералъ Коровинъ, имѣлъ ли я во Владимірѣ случай слышать Ольгу Ивановну?

Съ чувствомъ истиннаго уваженія и преданности честь имѣю пребыть,

Милостивая Государыня,
Вашимъ покорнѣйшимъ слугою,

А. Герценъ.

[1]) Дворцы.
[2]) Жеребцова; къ ней Герценъ имѣлъ письмо отъ И. Э. Куруты.

289. Письмо къ женѣ.

17 декабря (1839).
СПБ.

Ну вотъ, душечка, наконецъ, твое письмо, мой ангелъ, моя безцѣнная подруга! И въ этомъ письмѣ видна ты, моя Наташа. Сегодня мнѣ счастье, съ утра пошло хорошо. Я былъ у Жуковскаго, онъ — тотъ Жуковскій, о которомъ писано въ «I Maestri»; потомъ былъ у Ольги Ал. Жеребцовой и нашелъ столько привѣтливости и доброты, сколько не ждалъ. Пришелъ домой—твое письмо. Я прочелъ его, и точно, какъ бывало въ Вяткѣ, мнѣ сдѣлалось узко въ комнатѣ, захотѣлось бѣжать къ Невѣ, на Невскій проспектъ, гдѣ бы было обширно, гдѣ бы ничто не тѣснило моего счастья. Наташа, о, напрасно сказала ты какъ-то, что я уже не влюбленъ въ тебя! Другъ мой, напрасно!

Я былъ у Анны Александровны [1]). Она и ея мужъ приняли меня, какъ брата, просили переѣхать къ нимъ; я просидѣлъ цѣлый вечеръ, говорилъ о тебѣ, о будущемъ пріѣздѣ, о томъ и о семъ, и я тутъ только узналъ продѣлку Ал. Ал. [2]): онъ сжегъ духовное завѣщаніе вашего отца.

Сережа un homme répandu [3]),
Въ вицмундирѣ, въ башмакахъ
Вальсируетъ по паркету.

Я больше и больше вглядываюсь въ Петер. Ко многому привыкъ, ко многому никогда не привыкну. Мнѣ часто бываетъ досадно, когда я долго займусь чѣмъ-нибудь новымъ, досадно, что въ эти минуты не чувствую разлуки, и мнѣ тотчасъ представляешься ты печальная и одинъ утѣшитель—Сашка. Я рвусь домой, но опредѣленно сказать, когда ѣду, нельзя.

Мои письма ужасно безпорядочны и сбиты отъ вѣчной суеты; здѣсь, ежели люди мѣшаютъ мнѣ меньше, нежели въ Москвѣ, такъ домá, улицы мѣшаютъ, а не то, что я на нихъ радовался или чему нибудь радовался, — нѣтъ, какъ то первое впечатлѣніе по въѣздѣ было не въ пользу Петерб., и сердце сжалось и до сихъ поръ недоступно истинной радости, но это только до Эрмитажа,—тамъ надѣюсь провести чудный день; билетъ уже есть.

[1]) Орлова, сестра Н. А—ны.
[2]) Захарьинъ, «химикъ».
[3]) Человѣкъ съ широкимъ знакомствомъ.

18-го. Здоровы ли вы, мои дѣти, Наташа и Сашка? Фу, какая даль въ самомъ дѣлѣ,—900 верстъ! Я сегодня иду смотрѣть Каратыгина въ «Гамлетѣ»,—еще ни разу не былъ въ театрѣ; вообще я воображалъ, что буду еще больше суетиться, метаться, а, можетъ, и оттого я мало даю воли душѣ, что дѣла много—хлопотъ, довольно сухихъ и скучныхъ.

Объяви Сашкѣ мое благоволеніе за приписку,—я такъ живо, ясно вижу его передъ собой. «Ну, тяни же рученки къ папѣ». Я не забылъ о поясѣ ему, но не могу догадаться, какой. Поѣду на дняхъ въ лавки, т. е. на Невскій п—тъ, съ Анной Ал. и разомъ куплю нужное.

Скучно, другъ мой, встрѣтишь ты праздникъ, да я не веселѣе; скоро оба мы будемъ встрѣчать и провожать его здѣсь, въ Петербургѣ. Я видѣлся съ Арсеньевымъ [1]); кажется по всему, недолго намъ жить во Владимірѣ; жалѣть нечего, ибо и Иванъ Эммануиловичъ недолго останется. Завтра буду опять писать. Прощайте, мои милые... Что хочешь дѣлай, а тоски не заглушишь.

Твой *Александръ.*

Благословляю васъ.

290. Письмо къ женѣ.

18 (декабрь 1839). Вечеръ, поздно.

Великъ, необъятенъ Шекспиръ! Я сейчасъ возвратился съ «Гамлета» и, повѣришь ли, не только слезы лились изъ глазъ моихъ, но я рыдалъ... Нѣтъ, не читать, это надобно видѣть (voir c'est avoir) [2]) для того, чтобы усвоить себѣ. Сцена съ Офеліей и потомъ та, когда Гамлетъ хохочетъ послѣ того, какъ король убѣжалъ съ представленія, были превосходно сыграны Каратыгинымъ, и безумная Офелія была хороша.[1] Что это за сила генія! такъ уловить жизнь во всей необъятности ея отъ Гамлета до могильщика! А самъ Гамлетъ страшный и великій! Правъ Гете,—Шекспиръ творитъ, какъ Богъ: тутъ ни дополнять, ни возражать нечего, его созданіе есть потому, что есть, его созданіе имѣетъ непреложную реальность и истинность... Я воротился домой весь взволнованный... Теперь вижу темную ночь, и блѣдный Гамлетъ показываетъ на концѣ шпаги черепъ и говоритъ: «тутъ были губы, а теперь ха, ха, ха!» Ты сдѣлаешься больна послѣ этой пьесы. Завтра въ Эрмитажъ.

[1]) Константинъ Ивановичъ.
[2]) Видѣть значитъ имѣть (получить).

Еще письмо отъ тебя; твоя душа, мой ангелъ,—такая же безконечная поэма любви, въ ней та же грація, какъ въ высочайшихъ произведеніяхъ художества: художникъ-Богъ не уступитъ Рафаэлю. Все въ твоемъ письмѣ дышитъ любовью, проникнуто поэзіей. Я прочитываю и перечитываю, и тотчасъ станетъ радостно и захочется сѣсть въ дилижансъ и мчаться, мчаться и обнять душку и поцѣловать лапку, которая подписалась подъ письмомъ своимъ портретомъ [1]). Да мы счастливы, а *они* нѣтъ! О. [2]) звалъ меня поговорить объ этомъ; я сказалъ ему дѣло и спросилъ, кто виноватъ? Слезы были у него на глазахъ, и онъ, наконецъ, сказалъ: «Que faire, à présent on ne peut plus changer» [3]). Онъ страдаетъ и мечтаетъ облегчить свою грудь, помиривши насъ; мы помирились, но онъ, вѣрно, не меньше страдаетъ.

19 декабря.

Въ ней есть поэзія, но это не высокая поэзія—avec minauderies, avec coquetterie [4]), зато сердца нѣтъ; я не вѣрю, чтобы она любила его, она обманываетъ, а ежели и любитъ, то что это за любовь! Ссора за меня такъ далеко, было, зашла, что она предлагала разстаться. Скорѣй разстаться, нежели пожертвовать гордостью,—понимаешь ли ты это? Отвернемся, — это страшно, какъ сцена изъ «Гамлета».

Когда я смотрѣлъ на Тат. Петровну, мнѣ пришло въ голову: такъ я встрѣчусь съ Полиной [5]), можетъ. Онѣ обѣ были хороши до замужества, но міръ высшій, который одинъ придаетъ человѣку печать духа божья, блескъ и торжественность, не былъ для нихъ *необходимостью.* Онѣ могли удовлетворяться вседневными заботами... Да, за что же я говорю о Полинѣ? Можетъ, она и не такова,—*можетъ*, но не больше. А за тебя я ручаюсь, даже въ этомъ отношеніи ручаюсь за Марію (хотя она умомъ, а не сердцемъ подымается въ сферу пообширнѣе хозяйственной). Какое разстояніе между человѣкомъ въ самомъ дѣлѣ и добрымъ человѣкомъ. Сколько ступеней отъ Гете до Зонненберга, и всѣмъ ладно: у каждаго свое счастье, и своя полнота жизни, и свое мѣсто. Чудеса!

[1]) Въ письмѣ Н. А—ны былъ нарисованъ обводъ руки и пальцевъ Саши.

[2]) Огаревъ.

[3]) Что дѣлать,—теперь нельзя измѣнить.

[4]) Съ жеманствомъ, съ кокетствомъ.

[5]) Скворцова.

Вечеръ.

Сегодняшній день провелъ я въ Эрмитажѣ. Но не жди ни описаній, ничего. Какой гигантъ долженъ быть тотъ, кто можетъ сразу оцѣнить, почувствовать, восхищаться *40 залами* картинъ. И тутъ надобно мѣсяцъ времени, да и я вовсе не умѣю смотрѣть на галлереи. Какъ было бы въ душѣ твоей, если бы тебѣ прочли «Пѣснь Миньоны», главу «Онѣгина», «Фауста», куплеты Беранже, оду Шиллера и пр. за одинъ присѣстъ? Когда я взошелъ въ V или VI залу, я былъ неспособенъ вмѣщать ничего: душа была полна, и я смотрѣлъ *такъ*. Нѣсколько картинъ Рафаэля,—узналъ ли бы я его безъ подписи? Изъ всѣхъ я узналъ бы одну (замѣть, это моя узкость, а не художникова)—Мадонна и старикъ Іосифъ. Чѣмъ дольше я всматривался въ черты Мадонны, тѣмъ отраднѣе становилось въ душѣ, слезы навертывались... Какая кротость и безконечность во взорѣ, какая любовь струится изъ него! Вотъ такъ человѣческое лицо есть оттискъ божественнаго духа; и ребенокъ очень хорошъ, онъ какъ-то *задумчиво* улыбается Іосифу... Фламандская школа,—страсть люблю эти сцены, вырванныя изъ клокочущей около насъ жизни, это—другая сторона искусства. У итальянцевъ идеализація тѣла, здѣсь—жизни. Ну, здѣсь было довольно случая посмотрѣть на Теньера [1]), Остада [2]) и пр. Въ заключеніе меня поразила loggia [3]) Рафаэля, сдѣланная совершенно по ватиканской. Представь себѣ огромную галлерею, въ которой нѣтъ нигдѣ вершка, гдѣ не было бы картинки или арабесковъ, или цвѣтка, или бѣлки... и все это дѣлано по рисункамъ Рафаэля, и все имѣетъ единство. Такого украшенія стѣнъ, съ такою роскошью и избыткомъ генія, льющагося черезъ край, я и не могъ вообразить себѣ. Довольно... Обѣдалъ у Legrand [4]), вечеромъ былъ въ Михайловскомъ театрѣ. Французская труппа прекрасная, но выборъ пьесъ плохъ. Тальони [5]) я еще не видалъ,—билетъ достать довольно трудно. Климатъ здѣсь для непривыкшаго ужасный; мнѣ кажется, что съ тѣхъ поръ, какъ я пріѣхалъ, все продолжается одна вьюга,—неба не видать, дни продолжаются 4 часа, и темнымъ холоднымъ ночамъ не помогаютъ газовые фонари. Зато обѣщаютъ чудныя ночи въ маѣ на берегахъ Невы—и ихъ-то мы увидимъ вмѣстѣ, мой другъ!

[1]) Неправильно написанная фамилія трехъ голландскихъ художниковъ Тенирсъ (Teniers), картины которыхъ тогда были въ Эрмитажѣ.

[2]) Неправильно написанная фамилія двухъ голландскихъ художниковъ Остадэ (Ostade).

[3]) Открытая галлерея.

[4]) Французскій ресторанъ, существующій до сихъ поръ.

[5]) Знаменитая балерина, итальянка.

20 декабря.

Ну, дѣтушки-мелкота, встали ли вы, здоровы ли, мои душки? Сашка, ѣшь кашу порядочно и не марайся, а ты, Наташа, будь весела и спокойна,—пройдетъ десять дней декабря да дней пять января, а я и тутъ, какъ тутъ.

Ѣду сейчасъ къ Жуковскому; тамъ рѣшимъ, что дѣлать и куда опредѣлиться, и какъ и пр., и пр. Прощай, не знаю, успѣю ли я сегодня приписать, хоть строчку. Прощайте, мои милые. А зачѣмъ вы это уронили Кат. Алекс.? вѣдь, говорилъ, что разбудите!

Хлопоты и хлопоты... Прощай, въ слѣдующемъ письмѣ я могу написать, когда буду.

◆◆ 1. 30 декабря 1839 г. Бѣлинскій писалъ Боткину: «Я теперь въ такомъ состояніи, что оскорбленіе духа грубымъ непониманіемъ при поползновеніи резонерствовать о немъ приводитъ меня въ остервенѣніе. Герценъ былъ восторженъ и упоенъ Каратыгинымъ въ роли Гамлета» (Бѣлинскій «Письма», т. II, 19).

291. Письмо къ женѣ.

21 декабря 1839.
Петерб.

Дружокъ мой, знаешь ли ты, что можетъ очень легко сдѣлаться? что я 26 или 27 выѣду и тогда 31 пріѣду въ Москву, а 3—во Владиміръ. Смерть хочется къ тебѣ, мой ангелъ. Дѣла идутъ теперь хорошо, мое присутствіе не нужно, и я полечу и буду летѣть, летѣть стремглавъ, и обниму душку и отдохну на ея груди, и поцѣлую Сашку, и все это скоро,—отъ 21 до 3-го 12 сутокъ. О, какъ грудь трепещетъ при этой надеждѣ. Ужь и гостинцы тебѣ куплены: стоитъ сѣсть да ѣхать—и сяду, душка, и поѣду.

Вчера видѣлъ я Talioni la grande, l'immense [1]) Talioni, Тальони—просто перышко, граціозное, милое, совершенно воздушное перышко райской птички. Какъ она танцовала Bolero! Что за избытокъ граціи и изящества!.. Ну, да это дѣло рѣшенное, объ этомъ нынче ужъ и не говорятъ.

У Анны Алекс. бываю; по наружности она очень хочетъ быть близка съ нами, что по внутренности, то знаетъ одинъ Богъ. Прощай, ѣду слушать «Robert le Diable» [2]).

[1]) Великая, неизмѣримая.
[2]) «Робертъ-Дьяволъ»—опера Мейербера.

Мы переѣдемъ въ Петербургъ непремѣнно; я сегодня подалъ бумагу и мѣсяца черезъ три явлюсь сюда съ тобою. Радоваться этому или нѣтъ, право, не знаю, qui vivra verra [1])...[1]

23 декабря.

Вотъ тебѣ, другъ мой, подарокъ къ Рождеству; я завтра ѣду отсюда въ Москву и, стало, 1-го или 2-го обниму. Ну, и больше ни слова не жди. Хлопотъ, дѣла ужасно много. Прощай.

А. Герценъ.

Благословляю Сашку.

Отъ доброй и милой Анны Александровны поклонъ привезу лично.

◆◆ 1. 21 декабря Герценъ, по совѣту министра внутр. дѣлъ, гр. А. Г. Строганова, подалъ рапортъ о желаніи служить въ канцеляріи министерства.

292. Письмо къ женѣ.

27 декабря (1839).
Москва.

Душка, душка, знаешь ли ты, что я уже въ Москвѣ? 23 выѣхалъ изъ Питера и вчера вечеромъ очутился здѣсь, и все, что надобно, сдѣлалъ: никто глазамъ не вѣритъ, что я—въ самомъ дѣлѣ я и не на Невскомъ проспектѣ, а на Арбатѣ. Любовь носитъ быстро, я летѣлъ къ тебѣ, мой другъ, и дня черезъ четыре (ежели отпуститъ П.) [2]) поскачу во Владиміръ.

Я смертельно обрадовался, въѣхавъ въ Москву. Москва не замѣнится въ моей душѣ Петерб. и не по однимъ воспоминаніямъ. Петербургъ холодный, угрюмый, полурусскій, покрытый туманомъ, совсѣмъ не то, что наша Москва, звонящая тысячью колоколенъ, народная. А климатъ Петер.! Я тамъ не видалъ солнца, жить тамъ всегда—страшно и подумать.

Ну, что вы, мои милые? Скажи Сашкѣ, что я ему везу мячикъ, поясъ и игрушку. Здоровъ ли онъ? Часто мечтаю я о немъ; онъ какъ-то нераздѣленъ сталъ и съ тобою, и съ нашей любовью, и съ самой жизнью.

[1]) Кто поживетъ—увидитъ.
[2]) Папенька.

Послѣднее письмо, которое получилъ отъ тебя, было отъ 16-го,—прелестное письмо, какъ всѣ; и Ог. дивно хорошъ: я не могъ удержать слезы, читая выписки изъ его письма. Я не видалъ его еще... сегодня увижу... Странно располагается наша жизнь,—надобно итти по волѣ сильнаго начала, распредѣляющаго людей. Этотъ ужасный и рѣшительный вопросъ: Москва или Петерб.? такъ страшно явился и требовалъ, какъ въ военномъ судѣ, рѣшенія въ 24 часа... Я думалъ, думалъ и подалъ просьбу министру. А, видитъ Богъ, легко ли мнѣ оставить еще на два года (по крайней мѣрѣ) Москву и Николая! Но дѣло рѣшено, и мы весною въ Петерб., а Петерб. весною хорошъ, и у него есть майскія ночи, лунныя, приморскія.

Ты, должно быть, вмѣстѣ съ этимъ письмомъ получишь посланное изъ Петерб. 23 и, можетъ, побранишь меня за краткость моихъ писемъ вообще—и дурно сдѣлаешь. Если бы ты знала, какъ я метался въ Петерб., какъ былъ занятъ. Вспомни, я въ *9 дней* успѣлъ все привести къ концу; итакъ, насколько короче письма, настолько короче разлука.

Кат. Алекс. поклонъ; везу ей на платье кимри отъ себя да серьги отъ Орловой.

Затѣмъ благословляю васъ и поручаю покрову божію.

Твой *Александръ.*

Вѣроятно, въ субботу напишу послѣднее письмо.

Юліи Ѳеодоровнѣ я не приписываю почтенія: скажу на словахъ его.

1840

293. Приписка къ А. Г. Кліентовой.

(Начало января 1840).

Мое вамъ почтеніе.

А. Герценъ.

294. Письмо къ А. Л. Витбергу.

3 января 1840 г.
Владиміръ.

Только-что [1]) пріѣхалъ и спѣшу увѣдомить васъ, что я въ Петербургѣ видѣлся съ В. А. Жуковскимъ, который принимаетъ въ васъ участіе художника и поэта. Я говорилъ ему насчетъ вашихъ финансовъ, и онъ поручилъ написать вамъ слѣдующее: напишите къ нему письмо, извѣстите, что получили право выѣзда и что не ѣдете оттого, что нѣтъ средствъ. Онъ въ большой силѣ. Адресуйте просто: В. А. Жуковскому, въ Шепелевскомъ отдѣленіи императорскаго Зимняго дворца.

Меня, кажется, скоро переведутъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Поздравляю васъ и съ новымъ годомъ, и съ будущимъ днемъ рожденія; три года, какъ я представлялъ Данта,—богатые и полные жизни три года для меня: чего-чего не было пережито въ нихъ.

...Въ Петербургѣ я слышалъ отъ бывшаго вашего слуги, Лукьяна, который теперь у двоюроднаго брата моего [2]), что вы тотчасъ послѣ свадьбы [3]) будете въ Петербургѣ. Правда ли это? Въ такомъ случаѣ мы ждемъ васъ во Владиміръ, гдѣ пробудемъ, навѣрное, до половины марта. Въ Петербургъ я поѣду не прежде конца апрѣля...

[1]) 31 декабря 1839 г.
[2]) С. Л. Львовъ-Львицкій.
[3]) Дочь Витберга, Вѣра Александровна, вышла за Я. И. Голубева.

295. Письмо къ Д. П. Голохвастову.

Владиміръ, 1840, 10 февраля.

Милостивый Государь, Дмитрій Павловичъ! Позвольте васъ отъ всей души поблагодарить за письмо отъ 5-го февраля. Я только что убѣдился, было, въ необходимости второго путешествія въ Петербургъ, какъ обстоятельства совершенно перемѣнились: графъ Строгановъ переводитъ меня официально въ свое министерство; третьяго дня губернаторъ получилъ предписаніе; итакъ, дѣло кончилось само собою. Константинъ Ив. Арсеньевъ вторично просилъ Грессера (какъ пишетъ Сережа) [1]), чтобъ онъ принялъ мою просьбу, пока не замѣщены двѣ вакансіи чиновниковъ при канцеляріи. [1]

Читая ваше письмо, мнѣ пришло въ голову странное сближеніе двухъ обстоятельствъ въ моей жизни, въ которыхъ я ссылался папенькѣ на васъ и просилъ вашего совѣта. Въ 1829 году я писалъ къ вамъ изъ Васильевскаго ein Philister-Brief [2]) съ примѣрами изъ римской исторіи и съ латинскими словами и просилъ уговорить папеньку не задерживать еще годъ моего вступленія въ университетъ. Теперь, черезъ одиннадцать лѣтъ, повторились тѣ же обстоятельства; [2] а ежели я вздумаю, сколько я пережилъ перемѣнъ въ себѣ, сколько свѣтлаго и темнаго пережилъ съ 1829! Тогда я былъ даже еще не студентъ, смотрѣлъ на все въ цвѣтные очки; теперь женатъ, теперь уже прожилъ бурный и порывистый періодъ, понялъ семейное счастіе и тихое, стройное развитіе совершеннолѣтія.

У моего дофина [3]) прорѣзался зубъ. Доселѣ это ему не стоило большихъ трудовъ. Наташа благодаритъ за память; она здорова. Вы не можете себѣ представить, какъ въ этомъ скромномъ углу земного шара тихо и счастливо живемъ мы, окруженные книгами и рѣдко являясь въ маленькомъ большомъ обществѣ Владиміра.

Очень благодаренъ вамъ, Дмитрій Павловичъ, за Ильинскаго [4]); я особенно коротко, хотя не знаю, но знаю (и потому рискнулъ просить), что онъ очень бѣденъ и тихій, благородный человѣкъ.

[1]) Львовъ-Львицкій, тогда младшій помощникъ столоначальника въ канцеляріи министерства внутр. дѣлъ.

[2]) Филистерское письмо.

[3]) Наслѣдникъ.

[4]) ?

Надеждѣ Владиміровнѣ просимъ передать наше усердное почтеніе, Саша съ зубомъ — вашимъ малюткамъ. А я честь имѣю пребывать вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

А. Герценъ.

◆◆ **1.** 11 января 1840 г. Герценъ былъ утвержденъ въ званіи члена владимірскаго комитета общества попечительнаго о тюрьмахъ съ возложеніемъ на него должности секретаря комитета. Это, однако, не служило препятствіемъ къ продолженію хлопотъ о переводѣ въ Спб. 31 января гр. Строгановъ отправилъ слѣдующее предписаніе Курутѣ: «Состоящій при вашемъ превосходительствѣ чиновникъ особыхъ порученій, тит. сов. Герценъ, изъявилъ желаніе продолжать службу въ С.-Петербургѣ по министерству внутреннихъ дѣлъ. Вслѣдствіе чего прошу васъ, милостивый государь, доставить мнѣ формулярный о службѣ г. Герцена списокъ и съ тѣмъ вмѣстѣ увѣдомить, не имѣется ли къ таковому его перемѣщенію со стороны вашей какого-либо препятствія». Курута отвѣтилъ, что никакихъ препятствій не встрѣчаетъ. 22 марта гр. Строгановъ писалъ: «По представленію вашего превосходительства отъ 13 минувшаго февраля о неимѣніи со стороны вашей препятствія къ перемѣщенію на службу въ С.-Петербургъ тит. сов. Герцена, я причислилъ его 29 того же мѣсяца въ вѣдомство министерства внутр. дѣлъ. Сообщая о семъ вашему пр-ву для объявленія г. Герцену, я прошу васъ, м. г., приказать ему явиться въ Спб. къ новой его службѣ». («Труды Владимір. учен. арх. комиссіи», кн. IV).

2. Изъ этого мѣста письма можно заключить, что отецъ Герцена не хотѣлъ его скораго переѣзда въ Спб. и, слѣдовательно, вовсе не стремился поскорѣе перевести его туда на службу; между тѣмъ, этому противорѣчитъ указаніе Герцена въ № 278.

296. Приписка къ А. Г. Кліентовой.

(20 февраля 1840).

Принимая искреннее участіе въ горести, постигнувшей васъ [1]), я надѣюсь, что вы найдете столько силъ, чтобы безропотно покориться Богу и Его волѣ. [1]

А. Герценъ.

[1]) Смерть матери, Е. А. Кліентовой.

◆◆ 1. Около этого времени Н. А—на писала Кліентовой: «Счастье мое все такъ же безпредѣльно, безмятежно, такъ же свято и чисто. Жизнь полна, полна... на душѣ такъ свѣтло и такъ легко, такъ хорошо, хорошо... Я не смѣю болѣе *Ему молиться*, я пою гимнъ. Иногда мы перебираемъ съ Александромъ всю нашу жизнь и плачемъ, Сашенька, плачемъ слезами истиннаго счастья и благодарности небесному Отцу. Вотъ уже скоро два года!.. И ни облачка на нашемъ небѣ, ни пылинки на душѣ... Душка моя, перекрестись, читая эти строки» («Рус. Старина» 1892, III, 789).

297. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

3 марта (1840).

Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна! Я писалъ уже вчерашній день объ отправляемой дамѣ со всѣми подробностями и, сверхъ того, прилагаю письмо къ Егору Ивановичу, въ родѣ lettre d'introduction [1]), потому именно къ нему, что, вѣроятно, онъ и займется отправкой. Я писалъ отправить самымъ *дешевымъ образомъ*.

Наташа свидѣтельствуетъ почтеніе, а крестникъ цѣлуетъ ваши ручки съ тѣмъ чувствомъ уваженія, которое онъ могъ унаслѣдовать отъ

А. Герцена.

298. Письмо къ А. Л. Витбергу.

7 марта 1840 г.

Истинно уважаемый нашъ другъ, Александръ Лаврентьевичъ! Наконецъ-то, я получилъ отъ васъ письмо, успокоившее меня; не могли понять мы, отчего вы вдругъ замолкли. Поздравляю васъ со свадьбой, поздравляю съ рожденіемъ Софіи [2]); кажется, въ искреннѣйшемъ участіи вамъ сомнѣваться нельзя.

Порученіе Жуковскаго вовсе не было сдѣлано, какъ тайна,— даже по тому можете заключить, что онъ просилъ *меня* написать по почтѣ изъ Питера. Я полагаю, что нѣтъ сомнѣнія въ необходимости поѣздки вашей въ Петербургъ. Ежели бы вы были къ концу

[1]) Рекомендательное письмо.
[2] Дочь.

апрѣля въ Москвѣ, я предложилъ бы вамъ мѣсто въ своемъ дилижансѣ.

На Владиміръ больше не адресуйте ко мнѣ писемъ, я жду окончательной бумаги отъ министра внутреннихъ дѣлъ (формуляръ и прочее уже потребовали) и тотчасъ по полученіи поѣду въ Москву; тамъ предполагаю пробыть до Ѳоминой и, слѣд., къ 1-му мая — въ Петербургъ. Письма туда адресуйте просто на канцелярію министра внутреннихъ дѣлъ.[1]

Я знаю, что вы уже говорили о моемъ «легкомысліи, вѣтренности». Призму, сквозь которую вы смотрите на людей, Александръ Лаврентьевичъ, я имѣлъ случай узнать; знаю особенность вашего взгляда, и потому не требую исключенія для себя; я въ самомъ этомъ умѣю цѣнить высокую чистоту вашей души. Душой преданный *Александръ*.

◆◆ 1. Въ «Рус. Старинѣ» здѣсь сдѣлана выноска: «Опускаемъ подробности о неудачахъ «вятскаго друга» Витберга по устройству дѣлъ П. П. Медвѣдевой».

299. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

29 марта 1840 г.
Москва.

Позвольте и мнѣ, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, присоединить мой голосъ благодарности за ваше письмо, — оно насъ возвратило на цѣлый вечеръ во Владиміръ; мы вспоминали васъ, нашу тихую, тихую жизнь... На этотъ разъ я болѣе доволенъ Москвою, нежели въ прошлыя поѣздки, — можетъ, оттого, что я смотрю на нее взоромъ разстающагося.

Я получилъ изъ Петербурга подтвержденіе, что дѣло за канцеляріей: министръ подписалъ журналъ 29 февраля. Но и это не дурно, — дольше въ Москвѣ.

Въ заключеніе позвольте попросить Васъ передать Ивану Эммануиловичу, Софіи Ѳеодоровнѣ и всему семейству вашему мое глубокое почтеніе, — что оно истинно, въ этомъ, я увѣренъ, вы не усомнитесь.

Преданный отъ всей души

А. Герценъ.

Что здоровье Ольги Ивановны [1])?

[1]) Жена владимірскаго вице-губернатора, Павла Сергѣевича Кожина.

300. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

16 апрѣля (1840).

Наташа едва оставила мнѣ мѣсто засвидѣтельствовать мое глубочайшее почтеніе.[1]

А. Герценъ.

◆◆ 1. И. Э. Курута не хотѣлъ ограничиться бывшей своей перепиской съ гр. А. Г. Строгановымъ по поводу перемѣщаемаго въ Спб. чиновника и 5 апрѣля выдалъ (выслано по почтѣ) Герцену слѣдующій аттестатъ: «Данъ сей тит. сов. А. И. Г. въ томъ, что онъ въ теченіе двухлѣтняго служенія его, первоначально въ канцеляріи моей старшимъ помощникомъ правителя канцеляріи, а потомъ чиновникомъ особыхъ порученій при мнѣ, исполняя обязанности службы съ отличнымъ стараніемъ, при хорошемъ [1]) образованіи своемъ, былъ вполнѣ полезенъ для службы, занимаясь сверхъ обязанностей по оной редакціей Губернскихъ Вѣдомостей, и отличался всегда похвальными правилами нравственности,—въ чемъ пріятнымъ долгомъ поставляя свидѣтельствовать, удостовѣряю подписомъ, съ приложеніемъ герба моего печати» («Труды Вадимір. учен. арх. ком.», кн. IV).

Въ письмѣ своемъ къ Курутѣ Н. А—на сообщаетъ, что И. А. Яковлевъ далъ Герцену 150.000 руб.,—вѣроятно, ассигнаціями,—«только съ тѣмъ, чтобъ капиталъ не трогать». Такимъ образомъ матеріальное положеніе Герцена было уже обезпечено, особенно съ прибавкой получаемаго имъ жалованья по службѣ.

Въ это время Герценъ говѣлъ и послѣ причащенія получилъ письмо Ю. Ѳ. Куруты съ поздравленіемъ по этому случаю.

301. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

(Конецъ апрѣля—начало мая 1840).

Въ прошлые годы въ этотъ день являлся я самъ съ поздравленіемъ къ Вамъ, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, теперь издали, перомъ поздравляю, но чувства не перемѣнились, живы, ясны, какъ во время владимірской жизни. Поздравьте отъ меня

[1]) Въ черновикѣ стояло «превосходномъ», потомъ перемѣнено.

Ивана Эммануиловича и всѣхъ членовъ Вашего семейства, всѣхъ торжествующихъ 4 мая [1]).

Я въ хлопотахъ; дѣла и бездѣлья много, то и другое отнимаетъ у меня часовъ, право, 28 въ сутки, потому позвольте мнѣ ограничиться этими немногими строками.

Душевно преданный Вамъ

А. Герценъ.

302. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

9 мая 1840 г.

Вспомнили ли Вы, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, сегодня объ насъ? Два года тому назадъ вечеромъ сказалъ Вамъ Модзолевскій [2]), что Герценъ женился. Годъ тому назадъ вы вспомнили розой этотъ день.

Мы встали въ шестомъ часу и поѣхали въ Симоновъ монастырь. Тамъ прощались съ Москвой, которая стелется вся подъ колокольней, и вспоминали прошлые два 9 мая... Вечеромъ были близкіе сердцу друзья. Конечно, этотъ день долженъ я болѣе праздновать, нежели безсмысленный день именинъ,—день полнаго духовнаго возрожденія, начало гармонической жизни и блаженства, которому конца не видать.

Мы ѣдемъ завтра. Прощайте, пожелайте счастливаго пути намъ. Ивану Эммануиловичу усерднѣйшее почтеніе.

Душевно преданный

А. Герценъ.

10-го. Когда вы получите это письмо, мы будемъ за 400 верстъ отъ Васъ,—когда-то увидимся?

303. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

22 мая 1840 г.
С.-Петербургъ.

Я былъ, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, у г-жи Евреиновой [3]), но она нездорова, и я не видалъ ее, а потому поѣду на-дняхъ опять. Ивану Эммануиловичу доношу, что министръ меня

[1]) День рожденія И. Э. Куруты.
[2]) Петръ Петровичъ, совѣтникъ владимірскаго губ. правленія.
[3]) Александра Григорьевна.

принялъ хорошо; званія никакого у меня нѣтъ, просто причисленъ, а чиновникомъ особ. поруч. сдѣлать обѣщаютъ. Ф.-Поль [1]) весьма благосклоненъ.

Вчера мы ѣздили въ лодкѣ до взморья, чтобъ тоже сказать: «и я плавалъ по широкому морю», а моря надлежащимъ образомъ не видали за лѣсомъ мачтъ и парусовъ; надобно будетъ ѣхать въ Кронштадтъ, чтобы поближе познакомиться съ водою...

Глубочайшее почтеніе всѣмъ вашимъ, и въ особенности Софіи Ѳеодоровнѣ.

А что мое фортепіано? И что Похвисневы [2]) (filiation des idées [3]): отъ фортепіано до Праск. Ник. одинъ шагъ!)? Сарнецкому [4]) позвольте черезъ васъ послать поклонъ.

304. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

11 іюня 1840 г.
С.-Петербургъ.

Болтливость моей жены заставила меня приняться за другой листокъ, чтобы повторить Вамъ, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, давно извѣстную преданность нашу. Отъѣздъ нашъ удвоилъ это чувство, набросивъ на всѣ воспоминанія владимірской жизни неуловимую прелесть, которая принадлежитъ всему милому въ прошедшемъ. Ежели сравнить прошлогодній іюнь и нынѣшній, то разница огромна. Гдѣ тихій Владиміръ со своею скромненькою Клязьмой, съ своими помороженными вишнями? Онъ исчезъ, и изъ него сдѣлалась въ памяти прелестная рамка, въ которой намъ виднѣются ваши черты и вы сами, т. е. не однѣ черты лица, какъ на портретѣ, а черты души. Вмѣсто Владиміра—Петербургъ, городъ шестиэтажныхъ домовъ, шестимачтовыхъ кораблей, мельница, въ которой толкутъ страсти, деньги, подчасъ воду, но, главное, безпрестанно толкутъ, съ шумомъ, трескомъ. Что̀ сказалъ бы Соломонъ, который, спокойно сидя въ Іерусалимѣ, находилъ, что тамъ «суета суетствій и всяческая суета»?

Домъ, въ которомъ мы живемъ,—отъ души петербургскій домъ: во-первыхъ, шестиэтажный, во-вторыхъ, въ немъ нѣтъ секунды,

[1]) Карлъ Карловичъ, директоръ канцеляріи министерства внутр. дѣлъ.
[2]) Михаилъ Николаевичъ и его жена, Прасковья Николаевна, хорошая піанистка.
[3]) Ассоціація идей.
[4]) Чиновникъ при владимірскомъ губернаторѣ.

когда бы не пилили бы, не звонили бы въ колокольчикъ, не играли бы на гитарѣ и пр. Жильцовъ малымъ чѣмъ меньше, нежели въ Ноевомъ ковчегѣ, да и составъ похожъ, т. е. нѣсколько человѣкъ и потомъ отъ каждаго рода птицъ, рыбъ, животныхъ — пара. Къ числу людей я присчитываю m-me Allan [1]), нашу ближайшую сосѣдку. Я увѣренъ, что въ годъ мнѣ Петерб. такъ надоѣстъ, что я буду проситься въ Судогду или куда угодно, только вонъ отсюда; хорошіе тротуары никакъ не удовлетворяютъ всѣмъ потребностямъ души. Когда-то сбудутся мои мечты о путешествіи?.. Вотъ оно, море: манитъ, зоветъ, пароходъ ждетъ, кажется, только насъ, куря свою огромную сигару отъ Петерб. до Любека.[1]

«Haben sie warten gelernt?» [2]) — говаривала мнѣ m-me Proveau. — «Ja, ja, liebe Lisaweta Iwanowna, aber doch nicht ganz ausgelernt, blieb stehen am 4 Capitel» [3]), а эта 4 глава подъ заглавіемъ: «man will was man kann!» [4])

Получили ли вы наше первое письмо? Я теперь вспомнилъ, что оно было послано съ лонъ-лакеемъ изъ тракт. Демута [5]).

Въ заключеніе прошу Васъ передать мое глубочайшее почтеніе Ивану Эммануиловичу. По службѣ еще ничего нѣтъ дурного, что не мѣшаетъ никакъ и тому, что нѣтъ ничего и хорошаго. Подождемъ да посмотримъ, что будетъ.

Усерднѣйшее почтеніе Софіи Ѳеодоровнѣ; послѣзавтра рожденіе Сашки; этотъ день невольно приведетъ на память все то дружеское вниманіе, всѣ одолженія, которыми въ это время насъ наградила такъ щедро Софья Ѳеодоровна.

Ольгѣ Ивановнѣ [6]) и моимъ ученицамъ тоже прошу меня напомнить. Гдѣ Евгенія Ивановна? «Маленькая собаца» кланяется Вамъ.

Однако, большая собаца должна честь знать.

Душевно преданный Вамъ

А. Герценъ.

Сарнецкому попрошу васъ передать поклонъ. Портретъ П. Н. Безобр. [7]) хранится у меня въ столѣ.

[1]) Французская актриса.

[2]) Научились ли вы ожидать?

[3]) Да, да, милая Лизавета Ивановна, но не совсѣмъ выучился: остановился на 4-ой главѣ.

[4]) Хотятъ того, что возможно.

[5]) Помѣщался тамъ, гдѣ теперь «Медвѣдь».

[6]) Ліонъ.

[7]) Павелъ Н. Безобразовъ, предсѣдатель владимірской удѣльной конторы, отецъ публициста, В. П. Безобразова.

P.S. Совсѣмъ забылъ написать очень интересное панданъ къ аллегоріи и Филадельфіи [1]). Наши люди, видя статуи Барклая и Кутузова, замѣтили, что «и въ Петерб. есть Мининъ и Пожарскій, только стоятъ врозь».

◆◆ 1. Изъ письма Н. А—ны отъ того же числа видно, что изъ отеля Демута они переѣхали сначала къ ея сестрѣ, Аннѣ А. Орловой, потомъ, послѣ болѣе двухнедѣльныхъ поисковъ, нашли квартиру на углу Гороховой и Морской за 2.500 руб. Мебель и все хозяйство нужно было завести; куплено все было хорошее и со вкусомъ. В. В. Пассекъ писалъ 11 октября своей женѣ: «Александръ живетъ съ Сережей Львицкимъ, платитъ за квартиру 2.500 р., 100 р. за воду и почти столько же, чтобы носили имъ дрова въ третій этажъ... Комнаты высоки и такъ отдѣланы, какъ не много въ лучшихъ московскихъ домахъ» (Пассекъ, II, 288).

305. Приписки къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

22 іюня 1840.
Спб.

(Да и кромѣ климата есть многое).[1]

Весьма много благодарю Васъ, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, за трудъ вашъ или больше за скуку, которую вы имѣли при продажѣ моихъ огромныхъ ф—піанъ. Деньги потрудитесь прислать сюда, адресъ я послалъ въ прошедшемъ письмѣ: на углу Гороховой и Морской, домъ Лерхе, кв. № 21. Я имѣю самыя вѣрныя свѣдѣнія, что во Владиміръ послано въ мартѣ изъ Вятки письмо на мое имя. Нельзя ли вамъ сдѣлать мнѣ огромное одолженіе, приказавши кому-нибудь выправиться по картѣ, куда оно дѣлось?

Ивану Эммануиловичу, Софіи Ѳеодоровнѣ мое глубочайшее почтеніе, равно всѣмъ Вашимъ.

Душевно и истинно преданный

А. Герценъ.

[1]) Во Владимірѣ жилъ старикъ Ляпуновъ, имѣвшій страсть къ употребленію иностранныхъ словъ, которыхъ не понималъ. Однажды онъ разсказывалъ, что ходилъ по своей «аллегоріи» (галлереѣ) и увидалъ на улицѣ «филадельфію», т. е. двухъ дерущихся пьяныхъ мужиковъ.

◆◆ 1. Н. А—на писала: «Повторю и повторю опять: хорошъ Петербургъ, хорошо *пожить* въ немъ, но не всегда здѣсь оставаться: всетаки, климатъ для меня—одно изъ важнѣйшихъ условій». Къ этому мѣсту Герценъ и сдѣлалъ первую приписку.

306. Письмо къ Д. П. Голохвастову.

С.-Петербургъ. 1840 г. Іюля 3-го.

Милостивый Государь, Дмитрій Павловичъ! Я долго лишалъ себя удовольствія извѣстить васъ о моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ, потому что хотѣлъ вмѣстѣ съ тѣмъ сказать, какъ я нахожусь въ новыхъ обстоятельствахъ и на новомъ поприщѣ. Простое же извѣщеніе было бы лишнее и потому, что, поѣхавши въ Петербургъ, нельзя сбиться съ дороги, особливо въ дилижансѣ. Послѣдняя приписка ваша отъ 15-го іюня [1]) ускорила исполненіе моего желанія, и потому, поблагодаривши за нее, я начну.

Во-первыхъ, графа [2]) вблизи я нашелъ далеко не такимъ грознымъ; при нѣкоторыхъ недостаткахъ, онъ весьма добрый и благородный человѣкъ. Во-вторыхъ, министерская служба и не отяготительна, и не трудна, хотя, сказать правду, въ ней нѣтъ и особенныхъ агрементовъ [3]). Сквозь длинную анфиладу столовъ, отдѣленій, канцелярій, департаментовъ начальнику никакъ нельзя и въ микроскопъ разглядѣть, хорошъ или худъ, уменъ или глупъ какой-нибудь armer Titular-Rath [4]).

Постоянной мечтой моей, idée-fixe, совсѣмъ не то. Малѣйшее мѣсто помощника, товарища библіотекаря или, не знаю чего, въ свитѣ Цесаревича, я не промѣнялъ бы на лучшее мѣсто въ министерствѣ. Въ этомъ моя служебная вѣра, инстинктъ, внутреннѣйшее убѣжденіе. К. И. Арсеньевъ со мною несказанно хорошъ; у него я бываю, но молчу: пусть онъ узнаетъ меня. Буду молчать и съ В. А. Жуковскимъ до поры. Но цѣли этой не выпущу изъ вида. Меня свитѣ указало провидѣніе.

Сережу [5]) вы видѣли; стало, мнѣ писать объ немъ нечего. Мы нанимаемъ квартиру въ настоящемъ петербургскомъ домѣ, то-есть не

[1]) Очевидно, въ письмѣ отца.
[2]) А. Г. Строгановъ.
[3]) Agrément—пріятность.
[4]) Бѣдный титулярный совѣтникъ.
[5]) Львовъ-Львицкій.

домъ, a orbis [1]): тутъ есть лавки, магазины, директора министерствъ, m-me Allan, офицеры, винные погреба, шесть этажей и нѣсколько сотъ оконъ; тутъ по подряду на весь домъ ставятъ воду, топятъ печи, вставляютъ рамы, натираютъ полы. Все это совершенно противоположно московскому широкому комфорту; у папеньки, напр., есть лѣса и степи на дворѣ стараго дома. Вообще, новизны много для меня, несмотря на то, что я поглядѣлъ свѣтъ въ Вяткѣ и Перми. Эта близость къ Европѣ, которая всякій день подъѣзжаетъ на пароходѣ по Англійской набережной; эта необычайная дѣятельность и, наконецъ, море! Я теперь, какъ Комоэнсъ, могу сказать: «И я плавалъ по широкому морю». Это все хорошо; но худо то, что до 1-го іюля здѣсь дождливая весна, а съ 1-го іюля дождливая осень. А въ Москвѣ теперь такъ тепло, что даже папенька пишетъ объ этомъ, qui est assez difficile [2]), какъ вы знаете, на этотъ счетъ.

Жена и малютка здоровы. Дай Богъ, чтобъ мое письмо и вашихъ застало также здоровыхъ, какъ я видѣлъ ихъ. Свидѣтельствую наше усердное почтеніе Надеждѣ Владиміровнѣ, и примите еще разъ удостовѣреніе въ тѣхъ чувствахъ истиннаго почтенія, съ какими остаюсь вашъ покорный слуга,

А. Герценъ.

P.S. Можетъ быть, это письмо найдетъ васъ въ Покровскомъ. Знаете ли вы, что уже прошло *одиннадцать* лѣтъ, какъ я былъ тамъ у васъ? E pur si muove! [3])

307. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

10 августа 1840.
Спб.

Я думаю, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, что Софія Ѳеодоровна съ досадой услышитъ, что гомеопатія чуть-чуть не лишила насъ Саши и что аллопатія рѣшительно тутъ восторжествовала надъ гомеопатизмомъ. Что дѣлать—истина впередъ всего. Здѣсь начинается холодная осень взамѣнъ мокрой осени, что довольно скучно. Петербургъ—городъ стѣнъ и улицъ; осмотрѣвши его разъ, останется, можетъ, одна Нева, а остальное надоѣстъ. [1]

[1]) Міръ.
[2]) Который довольно требователенъ.
[3]) Фраза, которая приписывается Галилею: «И, всетаки, она движется».

Служба моя идетъ обыкновеннымъ, прескучнымъ образомъ. Новостей здѣсь много; о томъ, что Араратъ вполовину провалился,—вы, вѣрно, слышали [1]), но зато, вѣрно, не знаете, что третьяго дня здѣсь на Волковомъ полѣ при артиллерійскихъ опытахъ убитъ генералъ Ботай, ранены генер. Берхманъ и Моллеръ и нѣсколько рядовыхъ.

Ивану Эммануиловичу и всѣмъ Вашимъ мое искреннѣйшее почтеніе.

А. Герценъ.

Деньги за фортеп. я давно получилъ и весьма благодарю.

◆◆ 1. Въ это время Н. А—на писала А. Г. Кліентовой: «Наша жизнь здѣсь все та же тихая, свѣтлая, уединенная. Много новыхъ наслажденій открылось душѣ въ Петербургѣ. Что всего болѣе поразило ее, это—море; описывать не стану, *какое* оно, такъ много говорено о немъ, и кто не видывалъ его въ своемъ воображеніи со всѣми ужасами его и во всемъ величіи; потомъ Нева... Мы очень часто катаемся по ней поздно вечеромъ, одни, въ маленькой лодочкѣ... Я не перестаю говорить: хороша жизнь! хороша жизнь! Слава въ вышнихъ Богу!!! («Рус. Старина» 1892, III, 791)

308. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

3 сентября 1840.
Спб.

Благодарю Васъ, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, за память и прошу всѣ почтенія и поклоны моей жены передать и отъ меня.

Сейчасъ надобно посылать на почту.

Душевно уважающій Васъ

А. Герценъ.

309. Приписка къ Т. П. Пассекъ.

11 октября 1840.

Ну, вотъ Вадимъ и въ Питерѣ, и мы съ нимъ попрежнему толкуемъ да толкуемъ и, между прочимъ, вспоминаемъ васъ и дѣ-

[1]) Въ 1840 г. тамъ было землетрясеніе.

токъ. Что Корчева? Нѣкогда мы съ вами переписывались безпрестанно и именно—когда еще, во времена допотопныя, вы жили дома, а я былъ полуребенкомъ и полуюношей. Остальное, вѣроятно, все написалъ вамъ Вадимъ. Остается только обнять васъ и малютокъ, передать дружескій поцѣлуй отъ Наташи и подписаться

Александръ.[1]

◆◆ 1. Съ Пассекомъ Герценъ видѣлся каждый день пребыванія того въ Спб., пригласивъ его къ себѣ обѣдать. «Ихъ прежнія интимныя отношенія возстановились; они вмѣстѣ проводили вечера, осматривали Эрмитажъ, вмѣстѣ восхищались танцами Тальони и видались съ А. Н. Савичемъ и Бѣлинскимъ. Въ ноябрѣ Вадимъ возвратился въ Корчеву» (Пассекъ, II, 289).

310. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

19 октября 1840.
Спб.

Мнѣ пріятно, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, быть вѣстникомъ веселой новости для подчиненныхъ Ивана Эммануиловича, а именно: оба Томасовы [1]) произведены и, конечно, въ ускореніи дѣла должны сказать мнѣ спасибо. И я—божіею, Ивана Эммануиловичевой и сенатской милостью—асессоръ. Для меня чинъ этотъ важенъ.[1]

Евгенію Ивановну поздравляю съ третьимъ ангеломъ; я увѣренъ, что меньшая сестрица не отстанетъ отъ Вани и Юли ни въ прелестной греческой красотѣ, ни въ живости. Представляю себѣ, каково было Христофору Павловичу [2]) въ Москвѣ въ это время.

Мы не успѣли писать съ Павломъ Сергѣевичемъ [3]); онъ едва мелькнулъ у насъ и уѣхалъ.

Ивану Эммануиловичу, Софіи Ѳеодоровнѣ и всѣмъ Вашимъ свидѣтельствую почтеніе.

Вспоминаетъ ли Людмила Ивановна наши уроки?

Истинно уважающій васъ

А. Герценъ.

[1]) Братья, служили при владимірскомъ губернаторѣ.
[2]) Палеологъ, мужъ Евгеніи Ивановны.
[3]) Кожинъ.

◆◆ 1. Указъ сената о производствѣ въ чинъ коллежскаго асессора послѣдовалъ 18 ноября 1840 г.; старшинство въ чинѣ дано съ 25 декабря 1839 г. (дѣло деп. герольдіи прав. сената 1841 г., № 230). Значеніе этого чина для Герцена было объяснено раньше.

311. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

26 ноября 1840 г.
Спб.

Скоро настанетъ и январь, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, а носился слухъ, что въ январѣ Иванъ Эммануиловичъ будетъ здѣсь. Съ какимъ истиннымъ удовольствіемъ увидимъ мы Васъ здѣсь, среди этого непривѣтнаго, отталкивающаго общества! Нѣтъ, я остаюсь москвичъ au fond de l'âme [1]): и тамъ скучно, но здѣсь скучнѣе.

Паста [2]) здѣсь и весьма недовольна пріемомъ; я слышалъ ее — это не *бархатное* пѣніе, какъ Вы выражались, а крикъ уязвленной львицы. Ужасный голосъ — Богъ знаетъ, граціи столько ли, сколько силы. Я слышалъ извѣстную Гейнефетеръ въ «Нормѣ», на «Casta diva» вспомнилъ Ольгу Ивановну. Жду теперь «Донъ-Жуана», въ которомъ, говорятъ, будутъ участвовать, сверхъ Гейнефетеръ, Гомбертъ (теноръ) и пр. Ферзингъ здѣшній — истинно отличный пѣвецъ. Я еще «Донъ-Жуана» не слыхалъ никогда. Теперь кричатъ о бенефисѣ Тальони, который будетъ на-дняхъ. На прошлой недѣлѣ кричали о томъ, что будочникъ у Синяго моста зарѣзалъ и ограбилъ какого-то купца и, пойманный, повинился, что это уже шестое душегубство въ этой будкѣ. Вотъ наши новости.[1] Засимъ, снова и снова отъ души свидѣтельствуя мое глубочайшее почтеніе Ивану Эммануиловичу и всему семейству вашему, честь имѣю пребыть

Покорнѣйшимъ слугою
А. Герценъ.

P. S. Не знаю, какъ благодарить Васъ за вашу память о такихъ бездѣлицахъ, какъ о 23 ноября.

◆◆ 1. Одновременно Герценъ сообщилъ о будочникѣ и въ письмѣ къ отцу, прибавивъ послѣ разсказа: «по этому вы можете

[1]) Въ глубинѣ души.
[2]) Юдиѳь, знаменитая пѣвица, въ 1840 г. посѣтившая Спб.

судить, какова здѣсь полиція». Письмо попало въ перлюстрацію (очередную, случайную или спеціальную съ розыскомъ—трудно сказать)... 5 декабря Дубельтъ предписалъ Спб. оберъ-полицмейстеру, по порученію гр. Бенкендорфа, немедленно по всѣмъ частямъ столицы предписать объ отысканіи тит. сов. Александра Герцена и о доставленіи его въ III Отдѣленіе. 7 декабря Герценъ былъ разысканъ и представленъ туда съ квартальнымъ отъ пристава 1-й части.

Все пережитое въ это время Герценъ подробно разсказалъ въ главѣ XXVI «Былого и думъ»; я не буду повторять его разсказа.

312. Письмо къ гр. А. Х. Бенкендорфу.

8 декабря 1840.

Сіятельнѣйшій Графъ! У меня нѣтъ другаго права безпокоить Ваше Сіятельство кромѣ права несчастія, кромѣ права глубокаго чувства моей невинности и чистой совѣсти! Я не смѣлъ, немогъ ни оправдаться, ни испросить себѣ льготы давича пораженный мыслью что я снова навлекъ на себя неудовольствіе Государя Императора, что я сдѣлался какъ бы недостоинъ милосерднаго дозволенія служить въ Петербургѣ. Теперь обдумывая съ горькими слезами, все случившееся я клятвенно долженъ повторить что совѣсть моя чиста, я пересказалъ въ семейномъ кругу слышанную новость и пересказалъ ее какъ слышалъ—я не могу вѣрить чтобъ случай этотъ могъ разомъ лишить меня всѣхъ надеждъ, всѣхъ упованій на милосердіе Государя Императора. Сіятельнѣйшій графъ, васъ Господь избралъ чтобъ быть посредникомъ между Монархомъ и всякимъ удрученнымъ горестью и я съ полной довѣренностью кладу судьбу мою подъ покровительство Вашего Сіятельства. Испросите мнѣ какъ послѣднюю милость дозволеніе ѣхать на службу въ Москву, тамъ живетъ свои послѣдніе годы мой отецъ старикъ 73 лѣтъ, тамъ родные моей жены. Переводъ во всякой другой городъ убьетъ старика. О Графъ, не положите на мою совѣсть смерть отца, это доведетъ меня до совершеннаго отчаянія, не заставте меня такъ горько, такъ ужасно заплатить за слова сказанные если и неосторожно то навѣрное безъ злаго намѣренія. Государь милосердъ и къ преступнымъ, я вѣрую въ его милосердіе—и умоляю его повелѣть перевести меня въ Москву, повергните къ стопамъ Его послѣднюю просьбу мою—и цѣлая жизнь моя будетъ доказательствомъ достоинъ-ли я этой милости.

Позвольте надѣяться, что Ваше Сіятельство будете такъ милостивы что сообщите или прямо мнѣ или въ мѣсто моего служенія отвѣтъ на мою просьбу.

Честь имѣю пребыть съ глубочайшимъ уваженіемъ Милостивый Государь Вашего Сіятельства

покорнѣйшимъ слугою

Александръ Герценъ.[1]

◆◆ 1. На подлинникѣ имѣются надписи карандашемъ: «къ докладу», «невозможно», «объявлено словесно».

На слѣдующій день, 9 декабря Бенкендорфъ писалъ гр. А. Г. Строганову: «Дошло до свѣдѣнія Государя Императора, что служащій въ канцеляріи министерства внутр. дѣлъ тит. сов. Герценъ распространяетъ неосновательные слухи о происшествіяхъ въ столицѣ. Е. И. В. благоугодно было Высочайше повелѣть, чтобы Ваше Сіятельство учинили зависящее отъ Васъ распоряженіе о высылкѣ означеннаго Герцена изъ С.-Петербурга съ тѣмъ, что если Вы, М. Г., находите сего чиновника по службѣ и поведенію его, кромѣ помянутаго обстоятельства, достойнымъ вниманія, то отъ Васъ зависѣть будетъ опредѣлить его на службу въ одну изъ губерній, кромѣ столицъ».

Въ дѣлѣ въ этомъ мѣстѣ подшита «записка для памяти», написанная Дубельтомъ: «Тит. сов. Герценъ служитъ въ канцеляріи мин. вн. дѣлъ. Онъ проситъ прощенія, а ежели не удостоится онаго, то испрашиваетъ милости быть отправлену на службу въ Новороссійскій край или въ Малороссію. У него жена беременна послѣднѣе время».

П. А. Плетневъ писалъ Я. К. Гроту: «Жуковскій мнѣ разсказалъ странный и самый огорчительный случай. Одинъ чиновникъ, женатый, написалъ куда-то къ своему отцу о нелѣпомъ слухѣ, здѣсь носившемся и о чемъ принуждены, наконецъ, были напечатать въ «Сѣверной Пчелѣ» для прекращенія толковъ, будто у Синяго моста будочникъ убилъ человѣка. На почтѣ прочитали это, и объявили графу Бенкендорфу, что вотъ человѣкъ, распространяющій повсюду дурные слухи на правительство. Этому чиновнику приказали выѣхать изъ Петербурга и не въѣзжать въ обѣ столицы. Мудрено ли, что и за другую самую невинную вѣсть нападутъ и отравятъ жизнь навсегда? Пожалуйста,—заканчивалъ трусливый Плетневъ—увѣдомьте меня о предыдущемъ письмѣ отъ 17 декабря, что вы его *получили въ исправности и въ обыкновенное время.* Не болѣе. Это будетъ знакъ, что покамѣстъ еще ничего не готовится». («Переписка Я. К. Грота съ П. А. Плетневымъ», I, 176).

313. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

(Середина декабря 1840).

Одно изъ самыхъ полныхъ, самыхъ святыхъ наслажденій въ жизни людей, это—мысль, что пространство не дѣлитъ людей и что время не въ силахъ своей гуммиластиковой лапой стереть память о прекрасныхъ мгновеніяхъ. Мы забываемъ только то, къ чему совершенно равнодушны, чего не любимъ. Чего не любимъ, то будто не существуетъ. Напротивъ, то, что̀ человѣкъ любитъ, почитаетъ, то вѣчно съ нимъ, въ немъ. Такъ и Вы часто бываете съ нами, и мы тогда нѣсколько юнѣемъ, возвращаемся къ нашимъ прекраснымъ Flitterwochen [1]) и благословляемъ тысячу разъ встрѣчу съ Вами.

Послѣ того, какъ я не имѣлъ чести Васъ видѣть, я, въ самомъ дѣлѣ, состарѣлся; я ежедневно проживаю лѣтъ пять и увѣренъ, что если Вы встрѣтите меня черезъ годъ, то спросите: «Кто этотъ старичокъ? Не смотритель ли владимірской библіотеки, который вѣчно удитъ рыбу?» Да, я буду похожъ на него [2]).

Но я неизлѣчимый болтунъ: взялъ перо, чтобы принести Вамъ и Ивану Эммануиловичу усердныя и искреннія поздравленія, и этого именно не сдѣлалъ.

Софіи Ѳеодоровнѣ и всему почтенному семейству Вашему позвольте мнѣ просить засвидѣтельствовать мое глубокое уваженіе.

314. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

19 декабря 1840 г.
С.-Петербургъ.

Позвольте и мнѣ, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, поздравить Васъ съ милостью, полученною Иваномъ Эммануиловичемъ, и ему передать и мое поздравленіе, и усердное желаніе скораго перемѣщенія [3]). Ольгѣ Александровнѣ [4]) передали все, что Вы изволите писать; я и Наташа бываемъ у нея довольно часто. Вы, вѣроятно, услышите отъ нашихъ не совсѣмъ радостную вѣсть объ насъ. Провидѣніе знаетъ, какими путями оно ведетъ [5]).

[1]) Медовый мѣсяцъ супружества.
[2]) Намекъ на новыя переживанія преслѣдованій III Отдѣленія.
[3]) 5 декабря Курута былъ произведенъ въ тайные совѣтники.
[4]) Жеребцова.
[5]) Въ это время было уже ясно, что на прощеніе разсчитывать нельзя.

Поздравляю Васъ и съ новымъ годомъ. Чудеса! Въ прошлый новый годъ, т. е. 1 января 1840 г., я пріѣхалъ изъ Петерб. въ нашъ мирный Владиміръ, и впереди предстояло такъ много, «и мѣсяцъ съ правой стороны» свѣтилъ. Вотъ опять новый годъ—«и мѣсяцъ съ лѣвой стороны».

Въ заключеніе я попрошу васъ передать Ольгѣ Ивановнѣ мое почтеніе и сказать Софіи Ѳеодоровнѣ, что чѣмъ ближе подходитъ время для Наташи, тѣмъ чаще вспоминаемъ мы всю безсчетность ея одолженій.

Душевно преданный *А. Герценъ*.

315. Записки одного молодого человѣка.

Вступленіе.

Твое предложеніе, другъ мой, удивило меня. Нѣсколько дней я думалъ о немъ. Въ эту грустную, томную, безцвѣтную эпоху жизни, въ этотъ болѣзненный переломъ, который еще Богъ-вѣсть, чѣмъ кончится, «писать мои воспоминанія». Мысль эта сначала испугала меня; но когда мало-по-малу образы давно-прошедшіе наполнили душу, окружили радостной вереницей,—мнѣ жаль стало разстаться съ ними, и я рѣшился писать, для того, чтобъ остановить, удержать воспоминанія, пожить съ ними подольше; мнѣ такъ хорошо было подъ ихъ вліяніемъ, такъ привольно... Сверхъ того, думалось мнѣ, пока я буду писать, подольется вешняя вода и смоетъ съ мели мою барку.

А странно! Съ начала юности искалъ я дѣятельности, жизни полной; шумъ житейскій манилъ меня, но едва я началъ жить, какая-то bufera infernale [1]) завертѣла меня, бросила далеко отъ людей, очертила кругъ дѣятельности карманнымъ циркулемъ, велѣла сложить руки. Мнѣ пришлось въ молодости испытать отраду стариковъ: перебирать былое и вмѣсто того, чтобъ жить, въ самомъ дѣлѣ, записывать прожитое. Дѣлать нечего! Я вздохнувши принялся за перо, но едва написалъ страницу, какъ мнѣ стало легче; тягость настоящаго дѣлалась менѣе чувствительна; моя веселость возвращалась; я оживалъ самъ съ прошедшимъ; разстояніе между нами исчезало. Моя работа стала мнѣ нравиться, я увлекался ею и, какъ комаръ Крылова, «изъ Ахиллеса сталъ Омиромъ»; и почему же нѣтъ, когда я прожилъ свою Иліаду?.. Цѣлая часть жизни окончена; я вступилъ въ новую область; тутъ другіе нравы, другіе люди—почему же не остановиться, перейдя межу, пока пройденное еще ясно видно? Почему не проститься съ нимъ по-братски, когда оно того стоитъ? Каждый день насъ отдаляетъ другъ отъ друга, а возвращенія нѣтъ. Моя тетрадка будетъ надгробнымъ памятникомъ

[1]) Адскій вихрь (въ «Бож. ком.» Данте).

доли жизни, канувшей въ вѣчность. Въ ней будетъ записано, сколько я схоронилъ себя. Но скучна будетъ Иліада человѣка обыкновеннаго, ничего не совершившаго, и жизнь наша течетъ теперь по такому прозаическому, гладко-скошенному полю, такъ исполнена благоразумія и осторожности etc., etc. Я не вѣрю этому; нѣтъ, жизнь столько же разнообразна, ярка, исполнена поэзіи, страстей, коллизій, какъ житье-бытье рыцарей въ среднихъ вѣкахъ, какъ житье-бытье римлянъ и грековъ. Да и о какихъ совершеніяхъ идетъ рѣчь? Кто жилъ умомъ и сердцемъ, кто провелъ знойную юность, кто человѣчески страдалъ съ каждымъ страданьемъ и сочувствовалъ каждому восторгу, кто можетъ указать на *нее* и сказать: «вотъ моя подруга», на *него* и сказать: «вотъ мой другъ»,—тотъ *совершилъ кое-что*. «Каждый человѣкъ», говоритъ Гейне, «есть вселенная, которая съ нимъ родилась и съ нимъ умираетъ; подъ каждымъ надгробнымъ камнемъ погребена цѣлая всемірная исторія», и исторія каждаго существованія имѣетъ свой интересъ. Это понимали Шекспиръ, Вальтеръ-Скоттъ, Теньеръ [1]), вся фламандская школа. Интересъ этотъ состоитъ въ зрѣлищѣ развитія духа подъ вліяніемъ времени, обстоятельствъ, случайностей, растягивающихъ, укорачивающихъ его нормальное общее направленіе.

Какая-то тайная сила заставила меня жить: тутъ моего мало. Для меня избрано время, въ немъ мое владѣніе; у меня нѣтъ на землѣ прошедшаго, ни будущаго не будетъ черезъ нѣсколько лѣтъ. Откуда это тѣло, крѣпости котораго удивлялся Гамлетъ, я не знаю. Но жизнь—мое естественное право; я распоряжаюсь хозяиномъ въ ней, вдвигаю свое «я» во все окружающее, борюсь съ нимъ, раскрываю свою душу всему, всасываю ею весь міръ, переплавляю его, какъ въ горнилѣ, сознаю связь съ человѣчествомъ, съ безконечностью,—и будто *исторія* этого вырабатыванія отъ ребяческой непосредственности, отъ этого покойнаго сна на лонѣ матери до сознанія, до требованія участія во всемъ человѣческомъ, до самобытной жизни—лишена интереса. Не можетъ быть!

Но довольно:

Ihr naht euch wieder, schwankende Gestalten!
Die früh sich einst dem trüben Blick gezeigt.
. . . . . .
Versuch'ich wohl euch diessmal fest zu halten? [2])

[1]) Тенирсъ, художникъ фламандской школы (Teniers).

[2]) Вы вновь ко мнѣ, воздушныя видѣнья!
Давно знакомъ печальный съ вами взоръ.
. . . . . .
Васъ удержу-ль во власти вдохновенья?
(«Фаустъ» Гете).

Съ восхищеніемъ переживу я еще мои 25 лѣтъ, сдѣлаюсь опять ребенкомъ съ голой шеей, сяду за азбуку, потомъ встрѣчусь *съ нимъ* тамъ, на Воробьевыхъ горахъ и упьюсь еще разъ всѣмъ блаженствомъ первой дружбы; и тебя вспомню я, «старый домъ»:

Въ этой комнаткѣ счастье былое,
Дружба родилась и выросла тамъ,
А теперь запустѣнье глухое,
Паутины висятъ по угламъ [1]).

Потомъ и вы, товарищи аудиторіи, окружите меня, и съ тобою, мой ангелъ, встрѣчусь я на кладбищѣ...

О, съ какимъ восторгомъ встрѣчу я каждое воспоминаніе... Выходите-жъ изъ гроба. Я каждое прижму къ сердцу и съ любовью положу опять въ гробъ...

Владиміръ-на-Клязьмѣ.
Весной 1838.

I.

Ребячество.

Das Hœchste was wir von Gott und der Natur erhalten haben ist das Leben... [2])
Goethe.

До пяти лѣтъ я ничего ясно не помню, ничего въ связи... Голубой полъ въ комнаткѣ, гдѣ я жилъ; большой садъ и въ немъ множество воронъ. Идучи въ садъ, надобно было проходить сарай; тутъ обыкновенно сидѣлъ кучеръ Мосей съ огромной бородой, который ласкалъ меня и на котораго я смотрѣлъ съ какимъ-то подобострастіемъ; съ нимъ, кажется, ни за какія блага въ мірѣ я не рѣшился бы остаться наединѣ. Тогда при мнѣ уже была M-me Proveau [3]), которая водила меня за руку по лѣстницѣ, зани-

[1]) Огаревъ «Старый домъ» написалъ въ 1840 [0]) году. Стихи эти прибавилъ я, отдавая Бѣлинскому статью въ концѣ сорокового года. *А. И. Г.*

[2]) Самое высокое, что̀ мы получили отъ Бога и природы, есть жизнь.— Гете.

[3]) Прово̀, Елизавета Ивановна.

---

[0]) Въ 1839.

малась моимъ воспитаніемъ и, сверхъ того, по дружбѣ, въ свободные часы присматривала за хозяйствомъ. Еще года два-три наполнены смутными, неясными воспоминаніями; потомъ мало-по-малу образы яснѣютъ, какъ деревья и горы изъ-за тумана; вырѣзываются мелкія подробности дѣтства и крупныя событія, о которыхъ всѣ говорили и которыя дошли даже до меня. Помню смерть Наполеона. Радовались, что Богъ прибралъ это чудовище, о которомъ было предсказано въ апокалипсисѣ; проницательные не вѣрили его смерти; болѣе проницательные увѣряли, что онъ въ Греціи. Всѣхъ больше радовалась одна богомольная старушка [1]), скитавшаяся изъ дома въ домъ по бѣдности и не работавшая по *благородству*,— она не могла простить Наполеону пожаръ въ Звенигородѣ, при которомъ сгорѣли двѣ коровы ея, связанныя съ нею нѣжнѣйшей дружбой. Разсказами о пожарѣ Москвы меня убаюкивали; сверхъ того, у меня были карты, гдѣ на каждую букву находилась карикатура на Наполеона съ острыми двустишіями, напримѣръ:

Широкъ французъ въ плечахъ, ничто его нейметъ,
Авось-либо, моя нагайка зашибетъ,—

и съ еще болѣе острыми изображеніями, напр., Наполеонъ ѣдетъ на свиньѣ, и проч. Мудрено ли, что и я радовался смерти его? Помню умерщвленіе Коцебу [2]). За что Зандъ убилъ его, я никакъ не могъ понять, но очень помню, что племянникъ m-me Proveau, гезель въ аптекѣ на Моросейкѣ, отъ котораго всегда пахло ребарбаромъ съ розовымъ масломъ, человѣкъ отчаянный и ученый, приносилъ картинку, на которой былъ представленъ юноша съ длинными волосами, и разсказывалъ, что онъ убилъ почтеннаго старика, что юношѣ отрубили голову, *и я очень жалѣлъ*, *разумѣется*, *юношу*.

Я былъ совершенно одинъ; игрушки стали скоро мнѣ надоѣдать, а ихъ у меня было много: чего-чего ни дарилъ мнѣ дядюшка [3])! И кухню, въ которой готовился недѣли три обѣдъ, готовился бы и до сего дня и часа, ежели-бъ я не отклеилъ задней стѣны, чтобъ подсмотрѣть секретъ, и избу, покрытую мхомъ, въ которой обиталъ купидонъ, весь въ фольгѣ, и lanterne magique [4]), занимавшій меня всего болѣе... Вотъ является на стѣнѣ яркое пятно, и больше ничего; надумаешься тутъ, что-то явится въ этихъ

[1]) М. С. Макашина.

[2]) Августъ, нѣмецкій писатель, убитый студентомъ Карломъ Зандомъ, какъ доносчикъ.

[3]) Левъ А. Яковлевъ.

[4]) Волшебный фонарь.

лучахъ славы и вогнутаго стекла?.. Вдругъ выступаетъ слонъ, увеличивается, уменьшается, точно живой; иной разъ пройдетъ вверхъ ногами, чего живому слону и не сдѣлать; потомъ Давидъ и Голіаѳъ дерутся и двигаются оба вмѣстѣ; потомъ арапъ, черный, какъ моська Карла Ивановича [1]), камердинера дядюшки (и она уже умерла, бѣдная Крапка!). Весело было смотрѣть на такое общество и вверхъ головою и вверхъ ногами. Но недоставало важнаго пополненія: некому было мнѣ показать его, и потому я часто покидалъ игрушки и просилъ Лизавету Ивановну что-нибудь разсказать, смиренно садился на скамеечку и часы цѣлые слушалъ ее съ самымъ напряженнымъ вниманіемъ. Молчаливость не принадлежала къ числу добродѣтелей m-me Proveau; она не заставляла повторять просьбу и, продолжая вязать свой чулокъ, начинала разсказъ. Вязала она безпрестанно. Я полагаю, если бы сшить вмѣстѣ все связанное ею въ 58 лѣтъ, то вышла бы фуфайка, ежели не шару земному, то лунѣ (ей же и нужнѣе для ночныхъ прогулокъ). Дай Богъ ей царство небесное! Недолго пережила она Наполеона и умерла такъ же далеко отъ своей родины, какъ онъ—только въ другую сторону. Но что же она мнѣ разсказывала? Во-первыхъ,—это была ея любимая тема,—какъ покойный мужъ ея былъ какимъ-то метръ-д'отелемъ въ масонской ложѣ; какъ она разъ зашла туда: все обтянуто чернымъ сукномъ, а на столѣ лежитъ черепъ на двухъ шпагахъ... Я дрожалъ, какъ осиновый листъ, слушая ее. На стѣнахъ висятъ портреты, и ежели кто измѣнитъ, стрѣляютъ въ портретъ, а оригиналъ падаетъ мертвый, хотя бы онъ былъ за тридевять земель въ тридесятомъ государствѣ. Потомъ разсказывала она интересные отрывки изъ исторіи французской революціи: какъ опять-таки покойный сожитель ея чуть не попалъ на фонарь, какъ кровь текла по улицамъ, какіе ужасы дѣлалъ Робеспьеръ, и отрывки изъ собственной своей исторіи: какъ она жила при дѣтяхъ у одного помѣщика въ Тверской губерніи, который увѣрилъ ее, что у него по саду ходятъ медвѣди. «Ну, вотъ, я и пошла разъ уфъ садъ; клешу, клешу, идетъ медвѣдь престрашучій... Я только—ахъ! и въ обморокъ», а почтенный сожитель чуть не выстрѣлилъ въ медвѣдя: кажется, за тѣмъ дѣло стало, что съ нимъ не было ружья; а медвѣдь былъ камердинеръ барина, который велѣлъ ему надѣть шубу шерстью вверхъ. Господи, какъ нравились мнѣ разсказы эти... Я ихъ послѣ искалъ въ «Тысячѣ-одной ночи» и не нашелъ.

Въ русской грамотѣ мы оба тогда были недалеки: съ тѣхъ

[1]) Кало.

поръ я выучился по толкамъ, а Лизавета Ивановна умерла и можетъ доучиваться изъ первыхъ рукъ у Кирилла и Меѳодія.

Однако, горестное время ученія подступило. Разъ вечеромъ батюшка говорилъ съ дядюшкой, не отдать ли меня въ пансіонъ. Фу!.. Услышавъ это ужасное слово, я чуть не умеръ отъ страха, выбѣжалъ въ дѣвичью и горько заплакалъ; ночью просыпался, осматривался, не въ пансіонѣ ли я, и старался увѣрить себя, что страшное слово только приснилось. Впрочемъ, батюшка рѣшился воспитывать меня дома. И воспитанье мое началось, какъ разумѣется, съ французской грамоты. M-r Bouchot — первое лицо, являющееся возлѣ Лизаветы Ивановны въ дѣлѣ моего воспитанія; вслѣдъ за нимъ выступаетъ Карлъ Карловичъ [1]). M-r Bouchot былъ французъ изъ Меца, а Карлъ Карловичъ нѣмецъ изъ Сарепты и училъ музыкѣ. Параллель этихъ людей не безъ занимательности. Мужчина высокаго роста, совершенно плѣшивый, кромѣ двухъ-трехъ пасмъ волосъ безконечной длины на вискахъ, вѣчно въ синемъ фракѣ толстаго сукна, на стаметовой подкладкѣ,—таковъ былъ m-r Bouchot; важность отпечатлѣвалась не только въ каждомъ поступкѣ его, но въ каждомъ движеніи (онъ кланялся ногами, улыбался одной нижней губой); голова у него ни разу не гнулась съ тѣхъ поръ, какъ перестали его пеленать, а это было очень давно,—лѣтъ полтораста тому назадъ. Ко всему этому надобно прибавить французскую физіономію конца прошлаго вѣка, съ огромнымъ носомъ, нависшими бровями,—одну изъ тѣхъ физіономій, которыя можно видѣть на хорошихъ гравюрахъ, представляющихъ народныя сцены временъ федераціи. Я боялся Бушо, особенно сначала. Карлъ Карловичъ былъ тоже высокъ, но такъ тонокъ и гибокъ, что походилъ на развернутый англійскій футъ, который на каждомъ дюймѣ гнется въ обѣ стороны; фракъ у него былъ сѣренькій, съ перламутровыми пуговицами; панталоны черные, какой-то непонятной допотопной матеріи; они смиренно прятались въ сапоги à la Souvaroff съ кисточками, и ихъ онъ выписывалъ изъ Сарепты; онъ свободно бралъ своими сухими, едва обтянутыми сморщившейся кожицей пальцами около двухъ октавъ на фортепьяно. Имѣя такой рѣшительный талантъ, мудрено ли, что Карлъ Карловичъ посвятилъ себя мусикійскому игранію? Карлъ Карловичъ провелъ свою жизнь въ чистѣйшей нравственности; это было одно изъ тѣхъ тихихъ, кроткихъ нѣмецкихъ существъ, исполненныхъ простоты сер-

[1]) Иванъ Ивановичъ Эккъ. Онъ давалъ долго уроки моему брату, но на меня имѣлъ очень мало вліянія. Портретъ его вѣренъ. *А. И. Г.*

дечной, кротости и смиренія, которыя, не узнанныя никѣмъ, но счастливыя въ своемъ маленькомъ кружочкѣ, живутъ, любятъ другъ друга, играютъ на фортепьяно и умираютъ тихо, кротко, какъ жили. Онъ былъ женатъ въ незапамятныя времена; я пилъ малагу на золотой свадьбѣ его, и, право, старичекъ и старушка любили другъ друга, какъ въ медовый мѣсяцъ.

Изъ сказаннаго можно себѣ составить понятіе о Карлѣ Карловичѣ: это лицо изъ легендъ реформаціи, изъ времени пуританизма во всей чистотѣ его. И Бушо былъ человѣкъ добрый, такъ точно, какъ лошадь—звѣрь добрый, по инстинкту, и къ нему, однако, какъ къ лошади, не всякій рѣшился бы подойти ближе размѣра ноги и копытъ. Онъ уѣхалъ изъ Парижа въ самый разгаръ революціи, и, припоминая теперь его слова и лицо, я воображаю, что citoyen Bouchot не былъ лишнимъ или празднымъ ни при взятіи Бастиліи, ни 10 августа; онъ обо всемъ говорилъ съ пренебреженіемъ, кромѣ Меца и тамошней соборной церкви; о революціи онъ почти никогда не говорилъ, но, какъ-то грозно улыбаясь, молчалъ о ней. Холостой, серьезный, важный, онъ со мной не тратилъ словъ, спрягалъ глаголы, диктовалъ изъ «Les Incas» de Marmontel [1]), разстанавливалъ accent grave и aigu, отмѣчалъ на полѣ, сколько ошибокъ, бранился и уходилъ, опираясь на огромную сучковатую палку; *его никто никогда не билъ* [2]).

Несмотря на занимательность педагоговъ, я скучалъ; мнѣ некуда было дѣть мою дѣятельность, охоту играть, потребность раздѣлить впечатлѣнія и игры съ другими дѣтьми. Одинъ товарищъ, одна подруга была у меня—Берта, полу-шарлотъ и полу-испанская собака батюшки. Много дѣлилъ я съ нею времени, запрягалъ ее; бывало, ѣздилъ на ней верхомъ, дразнилъ ее, а въ зимніе дни сидѣлъ съ нею у печки: я пою пѣсни, а она спитъ, и время идетъ незамѣтно. Тогда она была ужь очень стара, а все еще кокетничала и носила длинныя уши съ мохнатой коричневой шерстью. Не я одинъ любилъ Берту: лакей нашъ Яковъ Игнатьевичъ [3]) не могъ пережить ее,—просто умеръ съ горя и съ вина, черезъ недѣлю послѣ

[1]) Жанъ-Франсуа, извѣстный французскій писатель.

[2]) Это окончаніе искажено цензурой. Я заключалъ очеркъ характеристическимъ анекдотомъ. И. И. Эккъ молодымъ человѣкомъ былъ сидѣльцемъ въ сарептской лавкѣ въ Москвѣ. Какой-то изъ дикихъ вельможъ того времени разгнѣвался на него и ударилъ его въ щеку. Эккъ кротко и спокойно подставилъ другую. Дикій посмотрѣлъ на него—и вдругъ бросился ему на шею, прося прощенія. Съ тѣхъ поръ онъ былъ съ нимъ пріятелемъ до конца жизни. Почему цензура выпустила это? *А. И. Г.*

[3]) Бакай.

ея смерти. Кромѣ Берты, былъ у меня еще рессурсъ: дѣти повара, никогда не утиравшія носъ и вѣчно валявшіяся гдѣ-нибудь въ дряни на дворѣ. Но съ ними играть было мнѣ строго запрещено, и я, побѣждая разныя опасности, могъ едва на нѣсколько минутъ ускользнуть на дворъ, чтобъ порубить съ ними ледъ около кухни зимою или замараться въ грязи лѣтомъ. Сверхъ того, я и играть почти не умѣлъ съ другими: малѣйшая оппозиція меня бѣсила, оттого что игрушки не перечили ни въ чемъ, а дѣти вообще большіе демократы и не терпятъ товарища, который беретъ верхъ надъ ними.

Между тѣмъ, важныя обстоятельства совершились. Лизавета Ивановна занемогла. Домовый лѣкарь сказалъ, что это легкая простуда, затопилъ ей внутренность ромашкой, залѣпилъ болѣзнь мушкой и очень удивился, заставъ однимъ добрымъ утромъ свою выздоравливающую на столѣ. Да, она умерла. Карлъ Карловичъ былъ ея душеприказчикомъ и тогда поссорился съ племянникомъ Лизаветы Ивановны, каретникомъ Шмальцгофомъ, у котораго носъ былъ красно-фіолетовый. Какъ теперь помню ея похороны: я провожалъ тѣло старухи на католическое кладбище и плакалъ.

Въ жизни моей много перемѣнилось: кончились разсказы Лизаветы Ивановны; кончилось патріархальное царствованіе ея надо мною; кончилась непомѣрная благость, съ которой она вступалась за обиды, нанесенныя мнѣ. Словомъ, весь прежній быть ниспровергнулся; во время Лизаветы Ивановны ходила за мной няня, столько же добрая, какъ она, Вѣра Артамоновна, какъ двѣ капли похожая на индѣйку въ косынкѣ,—такая же шея въ складочкахъ и морщинахъ, тотъ же видъ ingénu [1]). Теперь приставили ко мнѣ камердинера Ванюшку, которому я обязанъ первыми основаніями искусства курить табакъ (завертывая его въ мокрую бумажку, свернутую трубочкой) [2]) и богатой фразеологіей, въ которой хозяиномъ раскинулся русскій духъ. Время, въ которое ребенка передаютъ съ женскихъ рукъ въ мужскія,—эпоха, переломъ; съ мальчикомъ это бываетъ лѣтъ въ семь, восемь, съ дѣвочкой лѣтъ въ семнадцать, восемнадцать.

Ребячество оканчивалось преждевременно; я бросилъ игрушки и принялся читать. Такъ иногда въ теплые дни февраля наливаются почки на деревьяхъ, подвергаясь ежедневно опасности погибнуть отъ мороза и лишить дерева лучшихъ соковъ. За книги принялся я, скуки ради,—само собою разумѣется, не за учебныя. Развившаяся охота къ чтенію выучила меня очень скоро по-французски и по-

[1]) Простодушный.

[2]) Тогда не знали сигаретокъ. *А. И. Г.*

нѣмецки, и съ тѣмъ вмѣстѣ послужила вѣчнымъ препятствіемъ доучиться. Первая книга, которую я прочелъ con amore [1]), была «Лолотта и Фанфанъ», вторая «Алексисъ, или домикъ въ лѣсу» [2]). Съ легкой ручки мамзель Лолотты, я пустился читать безъ выбора, безъ устали, понимая, не понимая, старое и новое, трагедіи Сумарокова, «Россіаду», «Россійскій Ѳеатръ» etc., etc. И, повторяю, это неумѣренное чтеніе было важнымъ препятствіемъ ученію. Покидая какой-нибудь томъ «Дѣтей аббатства» и весь занятый «Лордомъ Мортимеромъ», могъ ли я съ охотой заниматься грамматикой и спрягать глаголъ aimer съ его адъютантами, être и avoir, послѣ того, какъ я зналъ, какъ спрягается онъ жизнью и въ жизни. Къ тому же романы я понималъ, а грамматику нѣтъ; то, что теперь кажется такъ ясно текущимъ изъ здраваго смысла, тогда представлялось какими-то путами, нарочно выдуманными затрудненіями. Бушо не любилъ меня и съ сквернымъ мнѣніемъ обо мнѣ уѣхалъ въ Мецъ. Досадно! Когда поѣду во Францію, заверну къ старику. Чѣмъ же мнѣ убѣдить его? Онъ измѣряетъ человѣка знаніемъ французской грамматики и то не какой-нибудь, а именно восьмымъ изданіемъ Ломондовой [3]),—а я только не дѣлаю ошибокъ на санскритскомъ языкѣ и то потому, что не знаю его вовсе. Чѣмъ же? Есть у меня доказательство,—ну, ужъ, это мой секретъ, а старикъ сдастся,—какъ бы только онъ не поторопился на тотъ свѣтъ. Впрочемъ, я и туда поѣду: мнѣ очень хочется путешествовать.

Перечитавъ всѣ книги, найденныя мною въ сундукѣ, стоявшемъ въ кладовой, я сталъ промышлять другія, и провизоръ на Маросейкѣ, приносившій когда-то Зандовъ портретъ и всегда запахъ ребарбара съ розой, прислалъ мнѣ засаленные и ощипанные тома Лафонтена [4]); тома эти совершенно свели меня съ ума. Я началъ съ романа «Der Sonderling» и пошелъ, и пошелъ!.. Романы поглотили все мое вниманіе: читая, я забывалъ себя въ камлотовой курточкѣ и переселялся послѣдовательно въ молодого Бургарда, Алкивіада, Ринальдо-Ринальдини и т. д. Но какъ мое умственное обжорство не знало мѣры, то вскорѣ недостало въ фармаціи на Маросейкѣ романовъ, а я началъ отыскивать вездѣ всякую дрянь, между прочимъ, отрылъ и «Письмовникъ» Курганова,— [5]) этотъ блестящій предше-

[1]) Съ любовью.

[2]) Сочиненія Дюкрэ Дюминиля; изданіе въ русскомъ переводѣ 1792 и 1794 гг.

[3]) Шарль-Франсуа Ломондъ.

[4]) Августъ-Генрихъ-Юлій, плодовитый нѣмецкій романистъ (1758—1831).

[5]) Николай Гавриловичъ, оригинальная фигура XVIII ст.

ственникъ нравственно-сатирической школы въ нашей литературѣ. Богатымъ запасомъ истинъ и анекдотовъ украсилъ Кургановъ мою память; даже до сихъ поръ не забыты нѣкоторые, напр.: «Нѣкій польскій шляхтичъ вѣтрогоннаго нрава, желая оконфузить одного ученаго, спросилъ его, что значитъ оболъ, параболъ, фариболъ? Сей отвѣчалъ ему» и т. д... Можете въ самомъ источникѣ почерпнуть острый отвѣтъ.

Полезныя занятія Кургановымъ и Лафонтеномъ были вскорѣ прерваны новымъ лицомъ. Къ человѣку французской грамоты присоединился человѣкъ русской грамматики, Василій Евдокимовичъ Пациферскій [1]), студентъ медицины. Господи, Боже мой, какъ онъ, бывало, стучитъ дверью, когда придетъ, какъ снимаетъ калоши, какъ топаетъ! Волосы носилъ онъ ужасно длинные и никогда не чесалъ ихъ по выходѣ изъ рязанской епархіальной семинаріи; на иностранныхъ словахъ ставилъ онъ дикія ударенія школы, а французскія щедро снабжалъ греческой λ и русскимъ *ъ* на концѣ. Но благодарность студенту медицины: у него была теплая человѣческая душа, и съ нимъ съ первымъ сталъ я заниматься, хотя и не съ самаго начала.

Пока дѣло шло о грамматикѣ, которая шла въ корню, и о географіи и ариѳметикѣ, которыя бѣжали на пристяжкѣ, Пациферскій находилъ во мнѣ упорную лѣнь и разсѣянность, приводившую въ удивленіе самого Бушо, не удивлявшагося ничему (какъ было сказано), кромѣ соборной церкви въ Мецѣ. Онъ не зналъ, что дѣлать, не принадлежа къ числу записныхъ учителей, готовыхъ за билетъ [2]) часъ цѣлый толковать свою науку каменной стѣнѣ. Василій Евдокимовичъ краснѣя бралъ деньги и нѣсколько разъ хотѣлъ бросить уроки. Наконецъ, онъ перемѣнилъ одну пристяжную и, наскоро прочитавши въ Геймѣ [3]), изданномъ Титомъ Каменецкимъ [4]), о ненужной и только для баланса выдуманной части свѣта, Австраліи, принялся за исторію и вмѣсто того, чтобъ задать въ Шреккѣ [5]) *до отмѣтки ноітемъ*, онъ мнѣ разсказывалъ, что помнилъ и какъ помнилъ; я долженъ былъ на другой день ему повторять *своими* словами, и я исторіей началъ заниматься съ величайшимъ прилежаніемъ. Пациферскій удивился и, утомленный моею лѣнью въ грам-

[1]) Иванъ Евдокимовичъ Протопоповъ, онъ былъ впослѣдствіи штабъ-лѣкаремъ въ какомъ-то карабинерномъ полку; носились слухи, что онъ былъ убитъ во время старорусскаго бунта. *А. И. Г.*

[2]) Поурочная плата выдавалась учителямъ по особымъ билетамъ.

[3]) Иванъ Андреевичъ, профессоръ московскаго университета.

[4]) Титъ Алексѣевичъ, авторъ лучшаго тогда учебника географіи.

[5]) Іоганнъ-Матіасъ, историкъ церкви.

матикѣ, онъ поступилъ, какъ настоящій студентъ: положилъ ее къ сторонѣ и вмѣсто того, чтобъ мучить меня мѣстничествомъ между *е* и *ѣ*, онъ принялся за *словесность*. Повторяю, у него душа была человѣческая, сочувствовавшая изящному,—и лѣнивый ученикъ, занимавшійся во время класса вырѣзываніемъ іероглифовъ на столѣ, быстро усваивалъ себѣ школьно-романтическія воззрѣнія будущаго медико-хирурга. Уроки Пациферскаго много способствовали къ раннему развитію моихъ способностей. Въ двѣнадцать лѣтъ я помню себя совершеннымъ ребенкомъ, несмотря на чтеніе романовъ; черезъ годъ я уже любилъ заниматься, и мысль пробудилась въ душѣ, жившей дотолѣ однимъ дѣтскимъ воображеніемъ.

Но въ чемъ же состояло преподаваніе словесности Василія Евдокимовича? Мудрено сказать: это было какое-то отрицательное преподаваніе. Принимаясь за риторику, Василій Евдокимовичъ объявилъ мнѣ, что она—пустѣйшая вѣтвь изъ всѣхъ вѣтвей и сучковъ древа познанія добра и зла, вовсе ненужная; «кому Богъ не далъ способности красно говорить, того ни Квинтиліанъ, ни Цицеронъ не научатъ, а кому далъ, тотъ родился съ риторикой». Послѣ такого введенія, онъ началъ по порядку толковать о фигурахъ, метафорахъ, хріяхъ. Потомъ онъ мнѣ предписалъ diurna manu nocturnaque [1]) переворачивать листы «Образцовыхъ сочиненій», гигантской хрестоматіи томовъ въ двѣнадцать, и прибавилъ, для поощренія, что десять строкъ «Кавказскаго плѣнника» лучше всѣхъ образцовыхъ сочиненій Муравьева [2]), Капниста [3]) и компаніи. Несмотря на всю забавность отрицательнаго преподаванія, въ совокупности всего, что говорилъ Василій Евдокимовичъ, проглядывалъ живой, широкій современный взглядъ на литературу, который я умѣлъ усвоить и, какъ обыкновенно дѣлаютъ послѣдователи, возвелъ въ квадратъ и въ кубъ всѣ односторонности учителя. Прежде я читалъ съ одинакимъ удовольствіемъ все, что попадалось: трагедіи Сумарокова, сквернѣйшіе переводы восьмидесятыхъ годовъ разныхъ комедій и романовъ; теперь я сталъ выбирать, цѣнить. Пациферскій былъ въ восторгѣ отъ новой литературы нашей, и я, бравши книгу, справлялся тотчасъ, въ которомъ году печатана, и бросалъ ее, ежели она была печатана больше пяти лѣтъ тому назадъ, хотя-бы имя Державина или Карамзина предохраняло ее отъ такой дерзости. Зато поклоненіе юной литературѣ сдѣлалось безусловно,—да она и могла увлечь именно въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь.

[1]) И днемъ, и ночью.
[2]) Михаилъ Никитичъ.
[3]) Василій Васильевичъ.

Великій Пушкинъ явился царемъ-властителемъ литературнаго движенія; каждая строка его летала изъ рукъ въ руки; печатные экземпляры «не удовлетворяли», списки ходили по рукамъ. «Горе отъ ума» надѣлало болѣе шума въ Москвѣ, нежели всѣ книги, писанныя по-русски, отъ путешествія Коробейникова ко святымъ мѣстамъ [1]) до «Плодовъ чуствованій» князя Шаликова [2]). «Телеграфъ» [3]) начиналъ энергически свое поприще и неполными, угловатыми знаками своими быстро передавалъ европеизмъ; альманахи съ прекрасными стихами, поэмы сыпались со всѣхъ сторонъ; Жуковскій переводилъ Шиллера, Козловъ—Байрона, и во всемъ, у всѣхъ была бездна надеждъ, упованій, вѣрованій горячихъ и сердечныхъ. Что за восторгъ, что за восхищеніе, когда я сталъ читать только что вышедшую первую главу «Онѣгина»! [4]). Я ее мѣсяца два носилъ въ карманѣ, вытвердилъ на память. Потомъ, года черезъ полтора я услышалъ, что Пушкинъ въ Москвѣ. О, Боже мой, какъ пламенно я желалъ увидѣть поэта! Казалось, что я выросту, поумнѣю, поглядѣвши на него. И я увидѣлъ, наконецъ, и всѣ показывали, съ восхищеніемъ говоря: «вотъ *онъ*, вотъ *онъ*... [5])

Чацкій.

Вы помните?

Софья.

Ребячество?

Чацкій.

Да-съ, а теперь...

Нѣтъ, лучше промолчимъ, потому что Софья Павловна Фамусова совсѣмъ не параллельно развивалась съ нашей литературой...

Бушо уѣхалъ въ Мецъ; его замѣнилъ m-r Маршаль. Маршаль былъ человѣкъ большой учености (во французскомъ смыслѣ), нравственный, тихій, кроткій; онъ оставилъ во мнѣ память яснаго лѣтняго вечера безъ малѣйшаго облака. Маршаль принадлежалъ къ числу тѣхъ людей, которые отъ роду не имѣли знойныхъ страстей,

[1]) «Хожденіе по св. мѣстамъ Трифона Коробейникова».

[2]) Петръ Ивановичъ, писатель; собраніе его стиховъ носило заглавіе: «Плодъ свободныхъ чувствованій».

[3]) «Московскій Телеграфъ», журналъ Н. А. Полевого.

[4]) Она была выпущена въ свѣтъ отдѣльно въ 1825 году.

[5]) Цензурный пропускъ. *А. И. Г.*

которыхъ характеръ свѣтелъ, ровенъ, которымъ дано настолько любви, чтобъ они были счастливы, но не настолько, чтобъ она сожгла ихъ. Всѣ люди такого рода—классики par droit de naissance [1]); его прекрасныя познанія въ древнихъ литературахъ дѣлали его, сверхъ того, классикомъ par droit de conquête [2]). Откровенный почитатель изящной, ваятельной формы греческой поэзіи и вываянной изъ нея поэзіи вѣка Людовика XIV, онъ не зналъ и не чувствовалъ потребности знать глубоко-духовное искусство Германіи. Онъ вѣрилъ, что послѣ трагедіи Расина нельзя читать варварскія драмы Шекспира, хотя въ нихъ и проблескиваетъ талантъ; вѣрилъ, что вдохновеніе поэта можетъ только выливаться въ глиняныя формы Баттё [3]) и Лагарпа [4]); вѣрилъ, что бездушная поэма Буало [5]) есть Corpus juris poeticis [6]); вѣрилъ, что лучше Цицерона никто не писалъ прозой; вѣрилъ, что драмѣ такъ же необходимы три единства, какъ жиду одно обрѣзанье. При всемъ этомъ, ни въ одномъ словѣ Маршаля не было пошлости. Онъ сталъ со мною читать Расина въ то самое время, какъ я попался въ руки Шиллеровымъ «Разбойникамъ»; ватага Карла Моора увела меня надолго въ богемскіе лѣса романтизма. Василій Евдокимовичъ неумолимо помогалъ разбойникамъ, и китайскіе башмаки лагарповскаго воззрѣнія рвались по швамъ и по кожѣ.

Изъ сказаннаго уже видно, что все ученье было безсистемно; оттого я выучился очень немногому, и вмѣсто стройнаго цѣлаго въ головѣ моей образовалась безпорядочная масса разныхъ свѣдѣній, общихъ мѣстъ, переплетенныхъ фантазіями и мечтами. Наука зато для меня не была мертвой буквой, а живою частью моего бытія, но это увидимъ послѣ. Ко времени, о которомъ рѣчь, относится самая занимательная статья моего дѣтства. Міръ книжный не удовлетворялъ меня; распускавшаяся душа требовала живой симпатіи, ласки, товарища, любви, а не книгу,—и я вызвалъ, наконецъ, себѣ симпатію, и еще изъ чистой груди дѣвушки.

---

[1]) По праву рожденія.
[2]) По праву завоеванія.
[3]) Шарль, аббатъ, французскій эстетикъ.
[4]) Жанъ-Франсуа, французскій критикъ.
[5]) Французскій поэтъ и критикъ.
[6]) Основной кодексъ поэзіи.

Jetzt mit des Zuckers
Linderndem Saft
Zaehmet die herbe,
Brennende Kraft
Schiller [1]).

Еще въ тѣ времена, когда были живы m-me Прово и m-me Берта, Бушо не уѣзжалъ въ Мецъ, а Карлъ Карловичъ не улеталъ въ рай съ звуками органа, гостила у насъ иногда родственница, пріѣзжавшая изъ Владимірской губерніи [2]); сначала она была маленькая дѣвушка, потомъ дѣвушка побольше. Пріѣзжала она изъ Меленокъ всегда въ сопровожденіи своей тетки, разительно похожей на принцессу ангулемскую и на брабантскія кружева; эта тетка имѣла пріятное обыкновеніе ежегодно класть деньги въ ломбардъ. У меленковской родственницы была душа добрая, мечтательная; дѣвицы вообще несравненно экспансивнѣе нашего брата, въ нихъ есть теплота всегда грѣющая, есть симпатія всегда готовая любить; у нихъ рѣдко чувства подавлены эгоизмомъ, и нѣтъ мужского, расчетливаго ума. Она въ одинъ изъ пріѣздовъ своихъ приголубила меня, приласкала; ей стало жаль, что я такъ одинокъ, такъ безъ привѣта; она со мною, тринадцати-лѣтнимъ мальчикомъ, стала обходиться, какъ съ большимъ; я полюбилъ ее отъ всей души за это; я подалъ ей съ горячностью мою маленькую руку, поклялся въ дружбѣ, въ любви, и теперь, черезъ 13 другихъ лѣтъ, готовъ снова протянуть руку,—а сколько обстоятельствъ, людей, верстъ протѣснилось между нами!.. Свѣтлымъ призракомъ прилетала она съ береговъ Клязьмы и надолго исчезала потомъ; тогда я писалъ всякую недѣлю эпистолы въ Меленки, и въ этихъ эпистолахъ сохранились всѣ тогдашнія мечты и вѣрованія. Она въ долгу не оставалась, отвѣчала на каждое письмо и расточала съ чрезвычайной щедростью существительныя и прилагательныя для описанія меленковскихъ окрестностей, своей комнаты съ зелеными шторочками и съ лиловыми левкойчиками на окнахъ. Но я мало довольствовался письмами и ждалъ съ нетерпѣніемъ ея самой; рѣшено было, что она пріѣдетъ къ намъ на цѣлые полгода; я разсчитывалъ по паль-

[1]) Сладостной влагой
Ты укроти
Острую силу
Ѣдкой струи.
(Шиллеръ «Пуншевая пѣсня», пер. А. С. Пушкина).

[2]) Т. П. Кучина (Пассекъ).

цамъ дни... И вотъ, однимъ зимнимъ вечеромъ сижу я съ Васильемъ Евдокимовичемъ; онъ толкуетъ *о четырехъ родахъ* поэзіи и запиваетъ квасомъ каждый родъ. Вдругъ шумъ, поцѣлуи, громкій разговоръ радости, ея голосъ... Я отворилъ дверь: по залѣ таскаютъ узелки и картончики; щеки вспыхнули у меня отъ радости, я не слушалъ больше, что Иванъ [1]) Евдокимовичъ говорилъ о дидактической поэзіи (можетъ, потому и поднесь не понимаю ея, хотя съ тѣхъ поръ и имѣлъ случай прочесть Петрозиліусову поэму «О фарфорѣ»); черезъ нѣсколько минутъ она пришла ко мнѣ въ комнатку и послѣ оскорбительнаго: «Ахъ, какъ ты выросъ!»—она спросила, чѣмъ мы занимаемся. Я гордо отвѣчалъ: «Разборомъ поэтическихъ сочиненій». Даже красное мериносовое платье помню, въ которомъ она явилась тогда передо мною. Но, увы! времена перемѣнились: она волосы зачесала въ косу; это меня оскорбило,—меня съ воротничками à l'enfant,—новая прическа такъ рѣзко переводила ее въ совершеннолѣтнюю. Она знала мою скорбь о локонахъ и въ мое рожденье, 25-го марта, причесалась опять по-дѣтски. Чудный день былъ день моего рожденья! Она подарила мнѣ кольцо чугунное на серебряной подкладкѣ; на немъ было вырѣзано ея имя, какой-то девизъ, какой-то знакъ, змѣиная голова и проч.; вечеромъ мы читали на память отрывокъ изъ «Фингала»,—она была Моина, я Фингалъ (вѣроятно, я сюрпризомъ для себя твердилъ къ дню рожденья стихи), съ тѣхъ поръ еще ни разу я не развертывалъ Озерова [2]). Лѣнивѣе опять пошло ученье: живая симпатія мнѣ нравилась больше книги. Ни съ кѣмъ и никогда до нея я не говорилъ о чувствахъ, а между тѣмъ ихъ было ужь много, благодаря быстрому развитію души и чтенію романовъ. Ей-то передалъ я первыя мечты,—мечты пестрыя, какъ райскія птицы, и чистыя, какъ дѣтскій лепетъ; ей писалъ я разъ двадцать въ альбомъ по-русски, по-французски, по-нѣмецки, даже, помнится, по-латыни. Она пресерьезно выслушивала меня и увѣряла еще больше, что *я рожденъ быть* Роландомъ Роландини или Алкивіадомъ; я еще больше полюбилъ ее за эти удостовѣренія. Отогрѣвался я тогда за весь холодъ моей короткой жизни милою дружбою меленковской пери. Передавъ другъ другу плоды чувствованій, мы принялись вмѣстѣ читать сначала разныя повѣсти: «Векфильдскаго священника», «Нуму Помпилія» Флоріана [3]) и т. п., обливая ихъ рѣками горючихъ слезъ; потомъ принялись за «Анахарсисово путешествіе», и она имѣла самоотвер-

[1]) Описка по имени, данному Протопопову въ «Запискахъ», но на самомъ дѣлѣ вѣрно.

[2]) Владиславъ Александровичъ, трагикъ.

[3]) Жанъ-Пьеръ, французскій писатель.

женіе слушать эту, положимъ, чрезвычайно ученую, полезную и умную, но тѣмъ не менѣе скучную и безжизненную компиляцію въ семь томовъ.

Не знаю, было ли ея вліяніе на меня хорошо во всѣхъ смыслахъ. При многихъ истинныхъ и прекрасныхъ достоинствахъ меленковская кузина не была освобождена отъ натянутой «сентиментальности», которая прививается дѣвушкамъ въ дортуарахъ женскихъ пансіоновъ, гдѣ онѣ выкалываютъ булавками вензеля на рукѣ, гдѣ даютъ обѣты годъ не снимать такой-то ленточки; не была она также свободна отъ моральныхъ сентенцій, этой лебеды, наполнявшей романы и комедіи прошлаго вѣка. Она любила, чтобъ ее звали Темирой, и всѣ родственники звали ее такъ; ужь это одно доказываетъ сентиментальность; просто человѣкъ не согласится въ XIX вѣкѣ называться Пленирой, Темирой, Селеной, Усладомъ. Я вскорѣ взбунтовался противъ классическаго имени, совѣтовалъ ей, на зло Буало [1]), назваться Toinon; а когда вышла вторая книжка «Онѣгина», совѣтовалъ рѣшительно остаться Татьяной, какъ священникъ крестилъ. Перемѣна имени мало помогла: Таня, попрежнему, при каждой встрѣчѣ съ блѣдной подругой земного шара дѣлала къ ней лирическое воззваніе, попрежнему сравнивала свою жизнь съ цвѣтками, брошенными въ «буйныя волны» Клязьмы; любила она въ досужные часы поплакать о своей горькой участи, о гоненіяхъ судьбы (которая гнала ее, впрочемъ, очень скромно, такъ, что со стороны ея удары были вовсе незамѣтны), о томъ, что «никто въ мірѣ ея не понимаетъ». Это—лафонтеновскій элементъ. Не лучше его былъ и жанлисовски-моральный: она меня, который читалъ чортъ знаетъ что, умоляла не дотрогиваться до «Вертера», рекомендовала нравственныя книги и проч. Теперь все это мнѣ кажется смѣшно, но тогда Таня была для меня валкирія: я покорно слушался ея прорицаній. Она очень хорошо знала свой авторитетъ и потому угнетала меня; когда же я возмущался, и она видѣла опасность потерять власть,—слезы текли у ней изъ глазъ, дружескіе, теплые упреки—изъ устъ, мнѣ становилось жаль ея: я казался себѣ виноватымъ, и тронъ ея стоялъ опять незыблемо. Надобно замѣтить, дѣвушки лѣтъ въ 18-ть вообще любятъ пошколить мальчика, который имъ попадется въ руки и надъ которымъ онѣ пробуютъ оружіе, приготовленное для завоеваній, болѣе важ-

[1]) Et changer, sans respect de l'oreille et du son
Lycidas en Pierrot, et Philis en Toinon.—Art Poétique [6]). *А. И. Г.*

[6]) И мѣнять,—не считаясь ни со слухомъ, ни со звукомъ,—Лисидаса на Пьеро и Филисъ на Туанонъ.

ныхъ; зато какъ же и ихъ школятъ мальчики потомъ, лѣтъ восемьнадцать кряду, и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже! Итакъ, я слушался Тани, сентиментальничалъ, и подчасъ нравственныя сентенціи, блѣдныя и тощія, служили финаломъ моихъ рѣчей. Воображаю, что въ эти минуты я былъ очень смѣшонъ: живой характеръ мой мудрено было обязать конфектнымъ билетомъ ложной чувствительности, и вовсе мнѣ не было къ лицу ваять нравственныя сентенціи изъ патоки, безъ инбиря, жанлисовской морали. Но что дѣлать! я прошелъ черезъ это, а, можетъ, оно и недурно: сентиментальность развела, подсластила «жгучую силу» и, слѣдственно, поступила по фармокопеѣ Шиллера [1]); самый возрастъ отчасти способствовалъ къ развитію нѣжности. Для меня наставало то время, когда ребячество оканчивается, а юность начинается; это обыкновенно бываетъ въ 16 лѣтъ. Ребячья наивная красота пропадаетъ, юношеская еще не является: въ чертахъ дисгармонія, онѣ дѣлаются грубѣе, нѣтъ граціи, голосъ переливается изъ тонкаго въ толстый, глаза томны, а подчасъ заискрятся, щеки блѣдны, а подчасъ вспыхнутъ,—физическое совершеннолѣтіе наступаетъ. То же происходитъ въ душѣ: неопредѣленныя чувства, зародыши страстей, волненіе, томность, чувство чего-то тайнаго, невѣдомаго и вслѣдъ за тѣмъ юность, восторженный лиризмъ, полный любви, раскрытыя объятія всему міру божьему... Ранній цвѣтокъ, я скорѣе достигъ этой эпохи, и распуколькн въ моей душѣ развернулись въ 14 лѣтъ; я чувствовалъ, что ребячество кончилось, а юность началась, и обижался, что никто не замѣчаетъ перелома въ моемъ бытіи. По несчастію, замѣтилъ это Василій Евдокимовичъ и началъ, въ силу того, преподавать мнѣ эстетику, въ которой, не тѣмъ будь помянутъ, онъ былъ крайне недалекъ, и тогда же заставилъ меня писать статьи. Жаль, очень жаль, что когда мы переѣзжали изъ стараго дома въ новый, пропали эти статьи! Съ какимъ наслажденіемъ перечиталъ бы я ихъ теперь! Чего я ни писалъ! Были статьи, писанныя взапуски съ Темирой, были литературные обзоры и въ нихъ я «уничтожалъ» классицизмъ. Василій Евдокимовичъ приходилъ въ восторгъ, поправляя (и немудрено—его же мысли повторялись мною). Я перевелъ свои обзоры на французскій языкъ и гордо подалъ Маршалю: «Вотъ, молъ, какъ я уважаю вашего Буало». Были и историческія статьи: сравненіе Марѳы Посадницы (то есть не настоящей, а той спартанской Марѳы, о которой повѣсть написалъ Карамзинъ) съ Зиновіей Пальмирской; Бориса Годунова съ Кромвелемъ. Жаль, что я не писалъ моихъ сравненій по-французски, а

[1]) См. эпиграфъ. *А. И. Г.*

то я увѣренъ, что они были настолько негодны, что попали бы образцами въ Ноэлевъ «Курсъ словесности», въ отдѣленіе «Parallèles et caractères» [1]).

Такъ оканчивался періодъ прозябанія моей жизни. Вотъ предыдущее, съ которымъ я вошелъ въ пропилеи юности. Маршаль завѣщалъ мнѣ любовь къ изящной формѣ, любовь къ Греціи и Риму, логическую ясность, исторію французской литературы и «Art poétique» Буало, котораго первую пѣснь помню до сихъ поръ; Василій Евдокимовичъ завѣщалъ поклоненіе Пушкину и юной литературѣ, метафизическую неясность романтизма и тетрадь *писанныхъ* стиховъ, которые я еще лучше вытвердилъ на память, нежели Буало; Темира — искреннее, теплое чувство любви и дружбы, слезы о «Векфильдскомъ священникѣ» и потомъ о ней самой, когда она осенью уѣхала въ Меленки. Ergo, съ одной стороны, классицизмъ, въ видѣ Маршаля, съ другой—романтизмъ въ видѣ Пациферскаго, и жизнь въ видѣ Темиры,—а въ средоточіе всего я самъ: мальчикъ пылкій, готовый ко всякимъ впечатлѣніямъ, не по лѣтамъ умудрившійся, развитой отчасти насильственно или, вѣрнѣе, искусственно чтеніемъ романовъ и вѣчнымъ одиночествомъ.

Такъ продолжалась моя жизнь до пятнадцатаго года.

II.

Юность.

Respect vor den Traumen deiner Jugend
Schiller. [2])

Gaudeamus igitur,
Juvenes dum sumus!.. [3])

Прелестное время въ развитіи человѣка, когда дитя сознаетъ себя юношею и требуетъ въ первый разъ доли во всемъ человѣческомъ: дѣятельность кипитъ, сердце бьется, кровь горяча, силъ много, а міръ такъ хорошъ, новъ, свѣтелъ, исполненъ торжества, ликованія, жизни... Удаль Ахиллеса и мечтательность Позы наполняютъ душу. Время благородныхъ увлеченій, самопожертвованій, платонизма, пламенной любви къ человѣчеству, безпредѣльной дружбы;— блестящій прологъ, за которымъ часто-часто слѣдуетъ пошлая мѣщанская драма.

[1]) «Параллели и характеры».
[2]) Уважай грезы юности.—Шиллеръ.
[3]) Начало извѣстной студенческой пѣсни «Гаудеамусъ».

Разумъ восходитъ, но, проходя черезъ облака фантазіи, онъ окрашиваетъ, какъ восходящее солнце, пурпуромъ весь міръ. Освѣщенье истинное, которое исчезаетъ, должно исчезнуть, но прелестное, какъ лѣтнее утро на берегу моря. О, юность, юность!..

И я въ Аркадіи родился!

Беззаботно отдался я стремительнымъ волнамъ; онѣ увлекли меня далеко за предѣлы тихаго русла частной жизни! Мнѣ нравились упругія волны, безконечность; будущее рисовалось какимъ-то ипподромомъ, въ концѣ котораго ожидаетъ стоустая слава и дѣва любви, вѣнокъ лавровый и вѣнокъ миртовый; я предчувствовалъ, какъ моя жизнь вплетется блестящей пасмой въ жизнь человѣчества, воображалъ себя великимъ, доблестнымъ... Сердце раздавалось, голова кружилась... Право, хороша была юность! Она прошла; жизнь не кипитъ больше, какъ пѣнящееся вино; элементы души приходятъ въ равновѣсіе, тихнутъ; наступаетъ совершеннолѣтній возрастъ, и да будетъ благословенно и тогдашнее бѣшеное кипѣніе, и нынѣшняя предвозвѣстница гармоніи! Каждый моментъ жизни хорошъ, лишь бы онъ былъ вѣренъ себѣ; дурно, если онъ является не въ своемъ видѣ. Не люблю я скромныхъ, чопорныхъ, образцовыхъ молодыхъ людей: они мнѣ напоминаютъ Алексѣя Степановича Молчалина; они не постигли жизни, они не питали теплой кровью своего сердца отрадныхъ вѣрованій, не рвались участвовать въ міровыхъ подвигахъ. Они не жили надеждами на великое призваніе, они не лили слезъ горести при видѣ несчастія и слезъ восторга, созерцая изящное; они не отдавались бурному восторгу оргіи, у нихъ не было потребности друга,—и не полюбитъ ихъ дѣва любовью истинной; ихъ удѣлъ—утонуть съ головою въ толпѣ. Пусть юноши будутъ юношами. Совершеннолѣтіе покажетъ, что провидѣніе не отдало такъ много во власть каждаго человѣка; что человѣчество развивается по своей міровой логикѣ, въ которой нельзя перескочить черезъ терминъ въ угоду индивидуальной волѣ; совершеннолѣтіе покажетъ необходимость частной жизни; почка, принадлежавшая человѣчеству, разовьется въ отдѣльную вѣтвь, но, какъ говоритъ Жуковскій о волнѣ:

Влившися въ море, она назадъ изъ него не польется.

Душа, однажды предавшаяся универсальной жизни, высокимъ интересамъ, и въ практическомъ мірѣ будетъ выше толпы, симпатичнѣе къ изящному; она не забудетъ моря и его пространства... Но я забываю себя,—вотъ что значитъ заговорить о юности.

Темира уѣхала въ Меленки. Я долго смотрѣлъ на ворота, про-

пустившія коляску-бричку, въ которой повезли ее; день былъ мертво-осенній. Печально воротился я въ свою комнатку и развернулъ книгу. Старый другъ... опять книга, одна книга осталась товарищемъ; я принялся тщательно перечитывать греческую и римскую исторію. Разумѣется, я за исторію принялся не такъ, какъ за книгу народовъ,—зерцало того и сего,—а опять, какъ за романъ, и читалъ ее по той же методѣ, то есть самъ выступая на сцену въ акрополисѣ и на форумѣ. Еще больше разумѣется, что Грецiя и Римъ, возстановленные по Сегюру [1]), были нелѣпы, но живы и соотвѣтствовали тогдашнимъ потребностямъ. Театральныхъ натяжекъ, всѣхъ этихъ Курціевъ, бросающихся въ пропасти, вовсе не существующія, Сцеволъ, жгущихъ себѣ руки по локоть, и пр. я не замѣчалъ, а гражданскія добродѣтели ихъ понималъ. Напрасно нынче возстаютъ противъ прежней методы пространно преподавать дѣтямъ древнюю исторію, это—эстетическая школа нравственности. Великіе люди Греціи и Рима имѣютъ въ себѣ ту поражающую, пластическую, художественную красоту, которая навѣкъ отпечатлѣвается въ юной душѣ. Оттого-то эти величественныя тѣни Ѳемистокла, Перикла, Александра провожаютъ насъ черезъ всю жизнь такъ, какъ ихъ самихъ провожали величественные образы Зевса, Аполлона. Въ Греціи все было такъ проникнуто изящнымъ, что самые великіе люди ея похожи на художественныя произведенія. Не напоминаютъ ли они собою, напримѣръ, свѣтлый міръ греческаго зодчества? Та же ясность, гармонія, простота, юношество, благодатное небо, чистая дѣтская совѣсть; даже черты лица Плутарховыхъ героевъ такъ же дивно изящны, открыты, исполнены мысли, какъ фронтоны и портики Парѳенона. Самое тріединое зодчество Греціи имѣетъ параллель съ героями ея трехъ эпохъ; такъ изящное тѣсно спаяно было у нихъ съ ихъ жизнію. Гомеровскіе герои—не дорическія ли это колонны, твердыя, безыскусныя? Герои персидскихъ войнъ и пелопонезской не сродни ли іоническому стилю такъ, какъ Алкивіадъ изнѣженный—тонкой кудрявой коринѳской колоннѣ? Пусть же встрѣчаютъ эти высоко изящныя статуи юношу при первомъ шагѣ его въ область сознанія, съ высоты величія своего вперятъ ему первые уроки гражданскихъ добродѣтелей...

Сильно дѣйствовало на меня чтеніе греческой и римской исторіи. Я скорбѣлъ о томъ, что этотъ міръ добродѣтелей и энергіи давно схороненъ, плакалъ на его могилѣ, какъ вдругъ болѣе внимательное чтеніе одного автора, бывшаго въ моихъ рукахъ, доказало мнѣ, что и тотъ міръ, который окружаетъ меня, въ которомъ

[1]) Графъ Филиппъ-Анри, французскій историкъ.

я живу, не изъятъ доблестнаго и великаго. Открытіе это сдѣлало переворотъ въ моемъ бытіи.

Шиллеръ! Благословляю тебя, тебѣ обязанъ я святыми минутами начальной юности! Сколько слезъ лилось изъ глазъ моихъ на твои поэмы! Какой алтарь я воздвигнулъ тебѣ въ душѣ моей! Ты — по превосходству поэтъ юношества. Тотъ же мечтательный взоръ, обращенный на одно будущее—«туда, туда!», тѣ же чувства благородныя, энергическія, увлекательныя; та же любовь къ людямъ и та же симпатія къ современности... Однажды взявъ Шиллера въ руки, я не покидалъ его, и теперь, въ грустныя минуты, его чистая пѣснь врачуетъ меня. Долго ставилъ я Гете ниже его. Для того, чтобъ умѣть понимать Гете и Шекспира, надобно, чтобъ всѣ способности развернулись, надобно познакомиться съ жизнью, надобны грозные опыты, надобно пережить долю страданій Фауста, Гамлета, Отелло. Стремленье къ добродѣтели, горячая симпатія къ высокому достаточны, чтобъ сочувствовать Шиллеру. Я боялся Гете; онъ оскорблялъ меня своимъ пренебреженіемъ, своимъ несимпатизированіемъ со мною,—симпатіи со вселенной я понять тогда не могъ. Пусть, думалъ я, Гете—море, на днѣ котораго невѣсть какія драгоцѣнности, я люблю лучше германскую рѣку, этотъ Рейнъ, льющійся между феодальными замками и виноградниками,—Рейнъ, свидѣтель тридцатилѣтней войны, отражающей Альпы и облака, покрывающія ихъ вершины. Я забывалъ тогда, что рѣка вливается тоже въ море, въ землеобнимающій океанъ, равно нераздѣльный съ небомъ и съ землею. Гораздо послѣ мощный Гете увлекъ меня; я тогда еще не вполнѣ понялъ его, но почувствовалъ его *морскую* волну, его глубину, его пространство и (болѣзнь юности—никогда не знать вѣса и мѣры!) на Шиллера взглянулъ иначе: тѣмъ взглядомъ, которымъ юноша, пріѣхавшій въ отпускъ, смотритъ на добрыя черты старца-воспитателя, привыкнувъ къ строгому лицу своего начальника,—немножко внизъ, немножко съ благосклонностью. Но я скоро опомнился, покраснѣлъ отъ своей неблагодарности и съ горячими слезами раскаянія бросился въ объятія Шиллера. Имъ обоимъ не тѣсно было въ мірѣ,—не тѣсно будетъ и въ моей груди; они были друзьями,—такими да идутъ въ потомство.

Но въ ту эпоху, о которой идетъ рѣчь, я никакъ не могъ понимать Гете: у него въ груди не билось такъ человѣчески-нѣжное сердце, какъ у Шиллера. Шиллеръ съ своимъ Максомъ, Донъ-Карлосомъ жилъ въ одной сферѣ со мною,—какъ же мнѣ было не понимать его?! Суха душа того человѣка, который въ юности не любилъ Шиллера, завяла у того, кто любилъ, да пересталъ!

У меня страсть перечитывать поэмы великихъ maestri: Гете, Шекспира, Пушкина, Вальтеръ Скотта. Казалось бы, зачѣмъ читать одно и то же, когда въ это время можно «украсить» свой умъ произведеніями гг. А., В., С.? Да въ томъ-то и дѣло, что это не одно и то же; въ промежутки какой-то духъ мѣняетъ очень много въ вѣчно-живыхъ произведеніяхъ маэстро. Какъ Гамлетъ, Фаустъ прежде были шире меня, такъ и теперь шире, несмотря на то, что я убѣжденъ въ своемъ расширеніи. Нѣтъ, я не оставлю привычки перечитывать, по этому я наглазно измѣряю свое возрастаніе, улучшеніе, паденіе, направленіе. Прошли годы первой юности, и надъ Мооромъ, Позой выставилась мрачная, задумчивая тѣнь Валленштейна, и выше ихъ парила дѣва Орлеанская; прошли еще годы— и Изабелла, дивная мать, стала рядомъ съ гордой дѣвственницей. Гдѣ же прежде была Изабелла? Мѣста, приводившія меня, пятнадцатилѣтняго, въ восторгъ, поблекли, напр., студентскія выходки, сентенціи въ «Разбойникахъ», а тѣ, которыя едва обращали вниманіе, захватываютъ душу. Да, надобно перечитывать великихъ поэтовъ и особенно Шиллера, поэта благородныхъ порывовъ, чтобъ поймать свою душу, если она начнетъ сохнуть! Человѣчество своимъ образомъ перечитываетъ цѣлыя тысячелѣтія Гомера, и это для него оселокъ, на которомъ оно пробуетъ силу возраста. Лишь только Грецiя развилась,—она Софокломъ, Праксителемъ, Зевксисомъ, Эврипидомъ, Эсхиломъ повторила образы, завѣщанные колыбельною пѣснью ея, «Иліадой»; потомъ Римъ попытался возсоздать ихъ посвоему, стоически, Сенекою; потомъ Франція напудрила ихъ и надѣла башмаки съ пряжками—Расиномъ; потомъ падшая Италія перечитала ихъ чернымъ Альфіери; потомъ Германія возсоздала своимъ Гете Ифигенію и на ней увидѣла всю мощь его...

Тутъ недостаетъ нѣсколькихъ страницъ... А досадно: должно быть, онѣ занимательны. Кстати, я не догадался объяснить въ предисловіи (можетъ быть, потому что его вовсе нѣтъ), какъ мнѣ попалась эта тетрадь; потому, пользуясь свободнымъ мѣстомъ, оставленнымъ выдранными страницами, я объяснюсь въ *междусловіи*, и притомъ считаю это необходимымъ для предупрежденія догадокъ, заключеній и пр. Тетрадь, въ которой описываются похожденія любезнаго молодого человѣка, попалась мнѣ въ руки совершенно нечаянно и—чему не всякій повѣритъ—въ Вяткѣ, окруженной лѣсами и черемисами, болотами и исправниками, вотяками и становыми приставами,—въ Вяткѣ, засыпанной снѣгомъ и всякаго рода дѣлами, кромѣ литературныхъ. Но должно ли дивиться, что какая-нибудь тетрадь попалась въ Вятку?... «Нашъ вѣкъ—вѣкъ чудесъ»,

говаривалъ Фонтенель [1]), жившій въ прошломъ вѣкѣ... Тетрадь молодого человѣка была забыта, вѣроятно, самимъ молодымъ человѣкомъ на станціи; смотритель, возивши для ревизованія книги въ губернскій городъ, подарилъ ее почтовому чиновнику. Почтовый чиновникъ далъ ее мнѣ,—я ему не отдавалъ ея. Но прежде меня онъ давалъ ее поиграть черной quasi-датской собакѣ; собака, болѣе скромная, нежели я, не присваивая себѣ всей тетради, выдрала только мѣста, особенно пришедшія на ея quasi-датскій вкусъ; и, говоря откровенно, я не думаю, чтобъ это были худшія мѣста. Я буду отмѣчать, гдѣ выдраны листья, гдѣ остались одни городки, и прошу помнить, что единственный виновникъ—черная собака; имя же ей *Пултусъ*.—Послѣ выдранныхъ страницъ продолжается рукопись такъ [2]).

Поза, Поза! гдѣ ты, юноша-другъ, съ которымъ мы обручимся душою, съ которымъ выйдемъ рука-объ-руку въ жизнь, крѣпкіе нашей любовью? Въ этомъ вопросѣ будущему было упованіе и молитва, грусть и восторгъ. Я вызывалъ симпатію, потому что не было мѣста въ одной груди вмѣстить все, волновавшее ее. Мнѣ надобна была другая душа, которой я могъ бы высказать свою тайну; мнѣ надобны были глаза полные любви и слезъ, которые были бы устремлены на меня; мнѣ надобенъ былъ другъ, къ которому я могъ бы броситься въ объятія и въ объятіяхъ котораго мнѣ было бы просторно, вольно. Поза, гдѣ же ты?..

Онъ былъ близокъ.

Въ мірѣ все подтасовано; это старая истина, ее разсказалъ какой-то аббатъ на вечерѣ у Дидро. Одни *честные* игроки не догадываются и ссылаются на случай. Счастливый случай, думаютъ они, вызвалъ любовь Дездемоны къ мавру; несчастный случай затворилъ душу Эсмеральды для Клода Фролло. Совсѣмъ нѣтъ, все подтасовано, и лишь только потребность истинная, сильная, потребность друга захватила мою душу,—онъ [3]) явился, прекрасный и юный, какимъ мечтался мнѣ, какимъ представлялъ его Шиллеръ. Мы сблизились по какому-то тайному влеченію, такъ, какъ въ растворѣ сближаются два атома однороднаго вещества непонятнымъ для нихъ сродствомъ.

[1]) Французскій писатель, авторъ нашумѣвшей книги «О множественности обитаемыхъ міровъ».

[2]) Бѣлинскій показывалъ рукопись мою цензору до посылки въ цензуру. Онъ отмѣтилъ нѣсколько мѣстъ, какъ совершенно невозможныя. Вотъ что подало мысль ихъ выпустить предварительно и отмѣтить въ текстѣ. *А. И. Г.*

[3]) Н. П. Огаревъ.

Въ маломъ числѣ моихъ знакомыхъ былъ полу-юноша, полуребенокъ, однихъ лѣтъ со мною, кроткій, тихій, задумчивый; печально сидѣлъ онъ обыкновенно на стулѣ и какъ-то невнимательно смотрѣлъ на окружающіе предметы своими большими сѣрыми глазами, особо разсѣченными и того сѣраго цвѣта, который лучше голубого. Непонятною силою тяготѣли мы другъ къ другу; я предчувствовалъ въ немъ брата, близкаго родственника душѣ,—и онъ во мнѣ тоже. Но мы боялись показать начинавшуюся дружбу; мы оба хотѣли говорить *ты* и не смѣли даже въ запискахъ употреблять слово «другъ», придавая ему смыслъ обширный и святой... Милое время дѣтской непорочности и чистоты душевной!.. Мало-помалу слова дружбы и симпатіи начали врываться стороною, какъ бы нехотя; посылая мнѣ идилліи Геснера [1]), онъ написалъ маленькое письмецо и въ раздумьи подписалъ: «вашъ другъ ли,—не знаю еще». Передъ отъѣздомъ моимъ въ деревню онъ приносилъ томъ Шиллера, гдѣ его «Philosophische Briefe», и предложилъ читать вмѣстѣ... Ахъ, какъ билось сердце, слезы навертывались на глазахъ. Мы тщательно скрывали слезы. «Ты уѣхалъ, Рафаилъ,—и желтые листья валятся съ деревьевъ, и мгла осенняго тумана, какъ гробовой покровъ, лежитъ на вымершей природѣ. Одиноко брожу я по печальнымъ окрестностямъ, зову моего Рафаила, и больно, что онъ не откликается мнѣ». Я схватилъ Карамзина и читалъ въ отвѣтъ: «Нѣтъ Агатона, нѣтъ моего друга». Мы явно понимали, что каждый изъ насъ адресуетъ эти слова отъ себя, но боялись прямо сказать. Такъ дѣлаютъ *неопытные* влюбленные, отмѣчая другъ другу мѣста въ романахъ; да мы и были à la lettre влюбленные, и влюблялись съ каждымъ днемъ больше и больше. Дружба, прозябнувшая подъ благословеніемъ Шиллера, подъ его благословеніемъ расцвѣтала: мы усваивали себѣ характеры всѣхъ его героевъ. Не могу выразить всей восторженности того времени. Жизнь раскрывалась предъ нами торжественно, величественно; мы откровенно клялись пожертвовать наше существованіе во благо человѣчеству; чертили себѣ будущность несбыточную, безъ малѣйшей примѣси самолюбія, личныхъ видовъ. Свѣтлые дни юношескихъ мечтаній и симпатіи, они проводили меня далеко въ жизнь...

(Здѣсь опять недостаетъ двухъ-трехъ страницъ).

...Въ деревнѣ я сдѣлалъ знакомство, достойное сдѣланнаго въ Москвѣ,—я въ первый разъ послѣ ребячества явился лицомъ къ лицу съ природой, и ея выразительныя черты сдѣлались понятны для меня. Это отдохновеніе отъ школьныхъ занятій было на мѣстѣ; я

[1]) Соломонъ, нѣмецкій идиллическій поэтъ и художникъ.

закрылъ учебную книгу, несмотря на то, что надобно было готовиться къ университету. Колоссальная идиллія лежала развернутая передо мной, и я не могъ наглядѣться на нее: такъ нова она была мнѣ, выросшему въ третьемъ этажѣ на Пречистенкѣ. Читалъ я мало, и то одного Шиллера; на высокой горѣ, съ которой открывались пять-шесть деревенекъ, пробѣгалъ я «Телля», и въ мрачномъ лѣсу перечитывалъ Карла Моора,—и, казалось, молодецкій посвистъ его ватаги и топотъ конницы, окружавшей его, раздавался между соснами и елями. Но чаще всего я бросалъ книгу и долго-долго смотрѣлъ на окружающія поля, на рѣку, перерѣзывающую ихъ, на храмъ божій, бѣлый, какъ лилія, и, какъ лилія, окруженный зеленью. Иногда мнѣ казалось, что вся эта даль—продолженіе меня, что гора со всѣмъ окружающимъ—мое тѣло, и мнѣ слышался пульсъ ея, и мы вмѣстѣ вдыхали и выдыхали воздухъ. Иногда мнѣ казалось, что я совершенно потерянъ въ этой безконечности—листокъ на огромномъ деревѣ,—но безконечность эта не давила меня, мнѣ было хорошо лежать на моей горѣ; я понималъ, что я дома, что все это родное...

Смѣшно, что я останавливаюсь на этихъ подробностяхъ медоваго мѣсяца моей жизни; я очень знаю, что всѣ видали природу днемъ и ночью, и чувствовали при этомъ и то, и се; что тысяча лѣтъ тому назадъ люди восхищались ею, потому что въ ней также просвѣчивалъ на каждой строчкѣ ея творецъ,—но... но... но, пожалуй, воротимся въ Москву. Вотъ глубокая осень, грязь по колѣно; иное утро подмерзнетъ, иное—льется мелкій дождь; работы оканчиваются, одинъ цѣпъ стучитъ въ тактъ; сборы, хлопоты; священникъ съ просвирою и напутственнымъ благословеніемъ;... староста провожаетъ верхомъ за десять верстъ на мірской лошади, чтобъ убѣдиться, что господа точно уѣхали... Карета вязнетъ въ грязи проселочной дороги, едва двигается, иногда склоняется на бокъ, и всякій разъ батюшкинъ камердинеръ, преданный, какъ въ «Айвенго» Гуртъ Седрику Саксону, выходитъ изъ кибитки и поддерживаетъ карету,—а самъ такой тщедушный, что десяти фунтовъ не подыметъ. Наконецъ, вотъ Дорогомиловскій мостъ, освѣщенныя лавочки, «калачи горячи!»,—и мы въ Москвѣ.

Такъ доѣхалъ я чрезъ Дорогомиловскій мостъ до окончанія первой части моей юности. Отсюда начинается новая жизнь,—жизнь аудиторіи, жизнь студента; отселѣ не пустынныя четыре стѣны родительскаго дома, а семья трехсотголовая, шумная и неугомонная...

Владиміръ-на-Клязьмѣ.
1838.

1841

316. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

17 января 1841 г.
СПБ.

Мнѣ очень хотѣлось въ Одессу,—самый новый городъ въ Россіи, а меня перевели въ Новгородъ,—самый старый городъ. Судьба не перестала тѣшиться мною; дай Богъ, чтобы въ тундрахъ новгородскихъ я нашелъ долю того привѣта, какъ въ миломъ Владимірѣ, и, ежели Владиміръ радъ, что мы его поминаемъ съ любовью, онъ долженъ Золотыми воротами своими поклониться вамъ, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна. Что будетъ, то будетъ; я употреблю всѣ силы не заживаться въ Новгородѣ; хочется въ Тверь: тамъ нѣкогда расцвѣталъ Дмитрій Небаба [1]), а какъ расцвѣлъ,—изволите сами знать.

Признаюсь, нѣсколько я усталъ отъ кочевой жизни, но я безропотно вручаю *внѣшнее* моей жизни судьбѣ, внутреннее—дѣло, независимое отъ нея.

Засвидѣтельствуйте мое почтеніе Ивану Эммануиловичу... Ахъ! ежели бы попасть опять подъ его начальство, а, можетъ, это и возможно, ежели Ивану Эммануиловичу, вмѣсто сенаторскихъ креселъ, дадутъ нѣсколько губерній.

Напомните обо мнѣ Софіи Ѳеодоровнѣ и всѣмъ членамъ Вашего семейства, истинно преданный

Вамъ *А. Герценъ.*

Просьба, съ которою Наташа обращается къ Вамъ, такъ глубоко вышла изъ нашей души, что намъ кажется не можетъ даже иначе быть, что и малютка будетъ не въ малютку, ежели не Вы, Юлія Ѳеодоровна, сдѣлаете намъ милость и новый знакъ вашего

[1]) См. № 214 и «Былое и думы».

расположенія,—не помѣтите и его рожденіе. Впрочемъ, позвольте объ этомъ написать къ вамъ особое письмо въ началѣ февраля.[1]

◆◆ 1. Н. А—на еще 18 декабря 1840 г., когда надъ ея мужемъ повисла новая туча ссылки, писала Курутѣ, что въ концѣ января ждетъ ребенка («Рус. Мысль» 1889, VI, 10). Теперь она просила Куруту «быть воспріемницей будущаго малютки», такъ какъ вѣрила, что «черезъ таинство крещенія будетъ имѣть вліяніе на младенца ея добродѣтель» (тамъ же, 11). Такимъ образомъ, утвержденіе Герцена, что, благодаря преслѣдованію Николая I, жена его родила преждевременно, невѣрно (см. гл. XXVI «Былого и думъ»).

317. Письмо къ В. В. Пассеку.

23 января 1841 г.

Любезнѣйшій Вадимъ, много и много прожито съ тѣхъ поръ, какъ ты отъ Серапина [1]) присылалъ кучера съ забытымъ бумажникомъ. Впрочемъ, все въ *порядкѣ вещей*. Вотъ Котошихина книга о XVII столѣтіи [2]). Ничего не ново подъ луною! Умилительная книга: я думаю, ты плакалъ надъ нею, и я плачу.

Статья о Витберговомъ храмѣ готова, да хочется у себя оставить копію.[1] Онъ въ ужасномъ положеніи и въ дополненіе нездоровъ.

Ѣду въ Новгородъ. Зачѣмъ не тебя Богъ шлетъ въ этотъ городъ стертыхъ надписей, перестроенныхъ монастырей, ганзеатическихъ воспоминаній и православнаго либерализма? Ты ожилъ бы смертью его. Ты разобралъ бы надпись надъ архіереемъ Іосафомъ, лѣта 7115 почившимъ; а я, профанъ, буду съ досадой смотрѣть на туманное небо, на трескучіе морозы и не вспомню, что отъ нихъ дрожали ганзеатическіе купцы.[2] Переберусь въ Тверь черезъ годъ, Тверь лучше. И ты, Корчева, городъ моей древней исторіи, открой свои объятія!

Читала ли твоя жена, что̀ объ ней писалъ кто-то въ XII-мъ № «Отечественныхъ Записокъ»? [3])

[1]) Серапинская гостиница въ Спб.
[2]) Въ 1840 г. сочиненіе это было издано въ Россіи.
[3]) Самъ Герценъ въ «Запискахъ одного молодого человѣка».

Теперь отъ Львицкаго [1]) порученія:

1) Онъ проситъ вручить Вельтману [2]) рукопись для исправленія [3]).

2) Такъ какъ онъ сбирается ѣхать за границу, то проситъ васъ самихъ распорядиться о печати и о прочемъ. Онъ готовъ даже отступиться отъ своихъ 500 р., лишь бы не платить вторыхъ. Я полагаю, вы должны принять такой патріотическій порывъ и прислать ему послѣ, по лавочной цѣнѣ, на 500 р. сновъ въ лѣтнюю ночь. Вѣдь, дѣло-то въ томъ, что Сатинъ напечатаетъ, ежели уже не напечаталъ, свой переводъ, и тогда пойдетъ конкуренція, довольно опасная. Въ умилительной, патріархальной странѣ... Шекспира знаютъ 20 человѣкъ, въ томъ числѣ и блаженной памяти Сумароковъ переводилъ «Гамлета датскаго принеца».

3) Должно быть, № 3 — твой отвѣтъ.

Прощайте-съ, цѣлую вашихъ дѣтокъ.

А твоя жена не пишетъ никогда болѣе одной строчки,—Богъ ей судья! Все отъ того, что о татарахъ думаетъ [4]) и о дивныхъ судьбахъ патріархальнаго племени. Ахъ, чортъ возьми! да она писала когда-то о свинцовыхъ водахъ Волхова или объ оловянныхъ,— какъ бишь?

Наташа не очень здорова; вѣроятно, въ началѣ февраля Богъ дастъ намъ второй № Шушки.

Доставь приложенную записку Сатину. Вотъ умная догадка переписываться черезъ меня,—какъ не похвалить!

Картинки посылаются черезъ контору Т.: Африка ѣдетъ въ Корчеву.

Трубочки взяты офицеромъ. *Александръ.*

◆◆ **1.** По всей вѣроятности, здѣсь говорится о тѣхъ «запискахъ» Витберга, о которыхъ уже сказано въ № 235. Эта фраза еще разъ доказываетъ, что Герценъ далеко не былъ только писцомъ этого сочиненія.

2. Мѣстомъ ссылки Герцена гр. А. Г. Строгановъ избралъ Новгородъ; подробности въ гл. XXVI «Былого и думъ».

[1]) Сергѣй Львовичъ.

[2]) Александръ Ѳомичъ, писатель.

[3]) Переводъ шекспировскаго «Сна въ лѣтнюю ночь».

[4]) Пассекъ написала статью «Поѣздка въ Бахчисарай», составленную во время пребыванія съ мужемъ въ Крыму.

318. Разсказы о временахъ меровингскихъ.

(Статья первая).

Извѣстность Огюстэна Тьерри, столь справедливо заслуженная новымъ его взглядомъ на событія французской исторіи и увлекательнымъ разсказомъ самыхъ событій, давно дошла до насъ, но на этомъ поверхностномъ знакомствѣ мы и остановились: ни одно сочиненіе Огюстэна Тьерри не переведено еще на русскій языкъ. Положимъ, что его «Письма объ исторіи Франціи», его «Десятилѣтніе историческіе труды» для нашей публики слишкомъ спеціальны и отчасти лишены интереса, потому что обсуживаютъ и разрѣшаютъ вопросы, не возникавшіе въ ней и къ которымъ она равнодушна; но его «Завоеваніе Англіи норманнами» и «Разсказы о временахъ меровингскихъ», изданные въ прошломъ году,—великія, обширныя эпопеи, въ которыхъ событія и индивидуальности возсоздаются съ какой-то художественной рельефностью, въ которыхъ давнопрошедшіе вѣка выходятъ изъ могилы, стряхаютъ съ себя пыль и прахъ, обрастаютъ плотію и снова живутъ передъ вашими глазами; эти эпопеи имѣютъ интересъ всеобщій, какъ художественныя реставраціи Вальтера Скотта, какъ мрачные портреты Тацита. Желая передать въ «Отечественныхъ Запискахъ» нѣсколько разсказовъ о Меровингахъ, мы обращаемъ вниманіе читателей на *чисто повѣствовательный* характеръ историческихъ сочиненій Огюстэна Тьерри; въ этомъ тайна его чрезвычайнаго успѣха, въ этомъ свидѣтельство его яснаго сознанія французскаго духа и его симпатія съ нимъ; онъ остался вѣренъ ему, несмотря на общее увлеченіе молодой школы къ теоретическимъ мудрованіямъ въ исторіи: онъ писалъ *разсказы*, а не философствованія по поводу исторіи (какъ, напримѣръ, Мишле). Истинная, единая философія, философія-наука не дается еще французамъ, и эклектизмъ Кузена [1])—такъ же мало философія, какъ пространное опроверженіе его, написанное, можетъ быть, сильнѣйшей спекулятивной головой, какая теперь есть на-лицо во Франціи, Пьеромъ Леру [2]). Гдѣ нѣтъ философіи, какъ науки, тамъ не можетъ быть и твердой, послѣдовательной философіи исторіи, какъ бы ярки и блестящи ни были отдѣльныя

[1]) Викторъ, французскій философъ.

[2]) «Réfutation de l'éclectisme, où se trouve exposée *la vraie définition* de la philosophie etc.» par P. Leroux 1839. Paris. *А. И. Г.*

мнѣнія, высказанныя тѣмъ или другимъ [1]). Тьерри, повторяемъ, остался вѣренъ французскому духу: онъ *разсказываетъ* былое прошедшихъ вѣковъ, внося въ разсказъ свой всю живость и увлекательность француза и, несмотря на то, что каждая строка его повѣствованій твердо опирается на множествѣ цитатъ и ссылокъ, разсказы его существуютъ самобытно и независимо отъ нихъ; всѣ матеріалы сплавились въ нѣчто, органически живое, въ свободное художественное произведеніе въ мощномъ горнилѣ таланта, и нигдѣ не осталось «запаха лампы», несмотря на то, что много масла было сожжено имъ въ продолженіе двадцатилѣтнихъ глубочайшихъ изысканій и трудовъ. Для того, чтобъ оцѣнить всю прелесть его разсказа, поставьте рядомъ съ нимъ какого-нибудь Капфига [2]): онъ, въ сравненіи съ Тьерри, вамъ покажется несчастной каріатидой, раздавленной множествомъ матеріаловъ, актовъ, жалкимъ труженикомъ, выписывающимъ тамъ и сямъ по страницѣ, и какъ бы выписки его ни были занимательны сами въ себѣ, весь трудъ мертвъ, все вмѣстѣ—сухая компиляція. Не говоря уже о томъ, что одно глубочайшее изученіе своего предмета, жизнь въ немъ могла сообщить разсказу Тьерри его одушевленіе и вѣрность, надобно припомнить, что для него изученіе исторіи имѣло современный, живой, общественный интересъ: онъ принялся за древнюю Францію, чтобъ уяснить себѣ тяжкіе вопросы о новой Франціи, въ которой онъ жилъ и для которой жилъ [3]). Такое направленіе сообщило еще болѣе энергіи его труду, и въ самомъ направленіи этомъ онъ опять находится въ той области, гдѣ французъ дóма и полонъ поэзіи. Но не думайте, чтобъ онъ внесъ какую-нибудь arrière pensée, какую-нибудь свою задушевную теорійку въ свои изслѣдованія (какъ нѣкогда Булэнвильѐ [4]), Мабли [5]) и проч.),—для этого онъ слишкомъ ученъ, слишкомъ талантливъ, слишкомъ добросовѣстенъ.

Самая личность Тьерри занимательна. Страдалецъ науки, онъ потерялъ зрѣніе въ 1826 году отъ безпрерывныхъ занятій; рушились всѣ его предпріятія, всѣ замыслы; горесть начинала овладѣвать имъ, какъ вдругъ явился юный, тогда еще безвѣстный, помощ-

[1]) Напримѣръ, множество чрезвычайно вѣрныхъ и глубокихъ мыслей у Буше [6]); въ статьяхъ «Новой Энциклопедіи», издаваемой Леру, въ прежней «Revue Encyclopédique» и въ многихъ другихъ сочиненіяхъ. *А. И. Г.*

[2]) Поверхностный французскій историкъ.

[3]) См. въ «Dix ans d'études historiques», par A. Thierry, предисловіе и въ особенности статьи, написанныя отъ 1819 до 1821 года. *А. И. Г.*

[4]) Графъ Генрихъ, французскій историкъ.

[5]) Габріель-Боно, французскій писатель-публицистъ.

[6]) Жакъ Буше де Кревкеръ де Пертъ, французскій ученый и писатель.

никъ, замѣнившій ему съ теплою симпатіей глаза и руку; посредствомъ его слѣпецъ *помирился съ мракомъ* [1]); имя этого юноши впослѣдствіи сдѣлалось довольно громко, и бѣдному Тьерри пришлось плакать на его могилѣ: то былъ извѣстный Арманъ Каррель [2]). Когда историкъ возобновилъ свои занятія, болѣзненный организмъ его еще разъ объявилъ войну духу: совершенно больной и изнеможенный, онъ долженъ былъ оставить Парижъ, но болѣзни не побѣдили его. Вотъ что́ писалъ онъ въ мѣстечкѣ Везуль [3]) 10 ноября 1834: «Если интересы науки считать на ряду съ великими національными интересами, то я далъ родинѣ все, что можетъ дать ей солдатъ, изувѣченный на полѣ битвы. Какова бы ни была участь моихъ трудовъ, примѣръ этотъ не долженъ погибнуть; пусть онъ будетъ уликой противъ нравственнаго изнеможенія, этой язвы новаго поколѣнія; пусть укажетъ онъ на прямую дорогу жизни кому-нибудь изъ этихъ разслабленныхъ, жалующихся на недостатокъ вѣрованій, не знающихъ, куда дѣться, гдѣ найти любовь и убѣжденія... Развѣ въ наукѣ нѣтъ убѣжища, пристани, надежды? Съ нею не такъ тягостно идутъ дурные дни, съ нею жизнь употреблена благородно... Слѣпой и страждущій безнадежно, я могу свидѣтельствовать,—и моему свидѣтельству должно дать вѣру: есть въ мірѣ нѣчто драгоцѣннѣе матеріальныхъ наслажденій, богатства, самаго здоровья—*любовь къ наукѣ*». И эта благородная любовь настолько восторжествовала надъ мракомъ и недугами, что въ 1840 году вышли двѣ изящныя книжки «Разсказовъ о временахъ меровингскихъ», которые Тьерри твердо намѣренъ продолжать. Единодушныя рукоплесканія цѣлой Франціи встрѣтили новый трудъ историка; Франція щедро наградила страждущаго инвалида науки,—объ этомъ писали во всѣхъ газетахъ. Отрывки изъ «Разсказовъ» были напечатаны въ его «Dix Ans» и «Revue des Deux Mondes» [4]). На этотъ разъ мы предлагаемъ «*первый разсказъ*» по исправленному и дополненному тексту вновь вышедшей книги. Сверхъ того, намъ казалось необходимымъ присоединить къ разсказу письмо Тьерри къ издателю «Revue des Deux Mondes», чтобъ разомъ поставить читателя на ту точку зрѣнія относительно временъ меровингскихъ, съ которой всего правильнѣе долженъ освѣтиться рядъ слѣдующихъ картинъ. Вотъ это письмо [5]):

[1]) «J'avais fait amitié avec les ténèbres», говоритъ Тьерри. Какое умилительное, кроткое выраженіе! («Dix Ans.» Préface). *А. И. Г.*

[2]) Французскій публицистъ.

[3]) Везуль—главный городъ департамента Верхней Соны.

[4]) N° du 15 Décembre 1883 et du 15 Juillet 1834. *А. И. Г.*

[5]) N° du 15 Août 1833. Оно не перепечатано въ его «Récits», и не было

«М. Г. Съ давняго времени утвердилось и распространилось до пошлости мнѣніе, что нѣтъ періода въ нашей исторіи безплоднѣе и запутаннѣе періода меровингскаго. О немъ говорятъ нàскоро, сокращаютъ его, скользятъ по немъ безъ малѣйшаго зазрѣнія совѣсти. Мнѣ кажется, въ этомъ пренебреженіи больше лѣни, нежели истины, и если отчасти справедливо, что исторія Меровинговъ запутана, то ужь вовсе несправедливо, что она безплодна. Напротивъ, это время исполнено происшествій рѣзкихъ, личностей выразительныхъ, случаевъ драматическихъ, такъ что затрудненіе, собственно, сводится на приведеніе въ порядокъ огромнаго количества матеріаловъ. Вторая половина шестого столѣтія въ особенности богата интересами для современныхъ историковъ и читателей,— потому ли, что то было время начальнаго смѣшенія между туземцами и побѣдителями, запечатлѣвшаго ее поэтическимъ характеромъ, или она такъ оживлена для насъ простосердечнымъ лѣтописцемъ своимъ, Георгіемъ-Флоренціемъ-Григоріемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Григорія Турскаго. Въ самомъ дѣлѣ, надобно спуститься до временъ Фруасара [1]) чтобъ найти повѣствователя, который могъ бы равняться ему въ искусствѣ драматически выводить людей на сцену. Въ его разсказахъ, иногда забавныхъ, иногда печальныхъ, но всегда истинныхъ и оживленныхъ, выставляются перепутанными и смѣшанными всѣ борьбы, всѣ противоположности племенъ, сословій, состояній, вызванныхъ въ Галлію франкскимъ завоеваніемъ. Это—галлерея картинъ и изваяній, въ безпорядкѣ расположенныхъ; это—древнія народныя пѣснопѣнія, случайно собранныя вмѣстѣ и слѣдующія другъ за другомъ безъ всякаго порядка, но изъ нихъ рука искусная можетъ образовать великую поэму. Григорій Турскій и его современники, однимъ словомъ,—прекрасный предметъ для художественнаго и историческаго произведенія.

«Если я не осмѣливаюсь предпринять этого труда во всей его обширности, если вся поэма выше силъ моихъ, я могу, по крайней мѣрѣ, обѣщать вамъ нѣсколько эпизодовъ, нѣсколько отрывковъ, которые дадутъ истинное понятіе о странномъ смѣшеніи людей и фактовъ, наполняющемъ періодъ меровингскій. Мое дѣло будетъ— собрать разсѣянные, не связанные между собою случаи и подробности и составить изъ нихъ *массы* повѣствованій. Бытъ королевскій, внутренняя жизнь ихъ дворцовъ, буйство вельможъ и насилія, междоусобныя войны и войны частныя, коварная мятежность галло-

въ томъ нужды послѣ его пространной и прекрасной диссертаціи «Considérations sur l'histoire de France», служащей какъ бы введеніемъ къ нимъ *А. И. Г.*

[1]) Французскій лѣтописецъ XIV ст.

римлянъ и дикая необузданность варваровъ, духъ возмущенія и самоуправства, распространенный даже за стѣны женскихъ монастырей,—вотъ картины, которыя я хочу набросать по современнымъ памятникамъ и которыхъ совокупность должна возстановить Галлію шестого вѣка. Я изучу до малѣйшихъ подробностей судьбу историческихъ лицъ, буду слѣдовать за ними черезъ всѣ фазы ихъ существованія и постараюсь дать реальность и жизнь тѣмъ, которыя были наиболѣе оставлены въ тѣни новѣйшею исторіей. Наконецъ, надъ всѣми ими будутъ господствовать три индивидуальности, типически выражающія свой вѣкъ: Фредегонда, Эоній Муммолъ и самъ Григорій Турскій; Фредегонда—идеалъ первоначальнаго варварства безъ всякаго сознанія добра и зла; Муммолъ—образованный человѣкъ, который по доброй волѣ *развращается* въ варварство для того, чтобъ быть своевременнымъ; Григорій Турскій—человѣкъ прошедшаго, но прошедшаго лучшаго, нежели тягостное настоящее,—вѣрное эхо скорбныхъ звуковъ, исторгавшихся у благородныхъ сердецъ при видѣ гибнущей цивилизаціи!».

319. Письмо къ Н. П. Огареву.

1841 г. 11-го февраля.
С.-Петербургъ.

День идетъ за днемъ, пора готовить эпистолы съ Сатинымъ; я, было, написалъ къ тебѣ письмо удивительной длины, прочелъ Сатину да и сжегъ; теперь напишу, сколько Богъ на сердце положитъ.[1]

Ты, Огаревъ, проповѣдуешь *резигнацію*, но въ томъ случаѣ, въ которомъ ты ее проповѣдуешь мнѣ, она не идетъ; даже я думаю, что именно и бѣда-то вся, что ея *слишкомъ много*. Я понимаю, что человѣкъ, одержимый чахоткой, былъ бы жалокъ со своими упреками и гнѣвомъ на судьбу; понимаю, что человѣкъ, у котораго потонулъ корабль со всѣмъ имуществомъ его, благороденъ, перенося кротко то, что внѣ сферы разума и его воли; но резигнаціи, когда бьютъ въ рожу, я не понимаю, и люблю свой гнѣвъ столько же, сколько ты свой покой. «Частный случай!». Конечно, все, что случается не съ цѣлымъ племенемъ, можно назвать частнымъ случаемъ, но, я думаю, есть повыше точка зрѣнія, съ которой землетрясеніе Лиссабона—частный случай, на который надобно смотрѣть сложа руки, а приказъ Геслера Теллю стрѣлять въ яблоко, касавшійся только двухъ индивидовъ,—самое возмутительное дѣй-

ствіе для всего человѣчества. И на чемъ будетъ основано, ежели я скажу: «личное несчастіе Телля его подвергло этому?», а возможность зачѣмъ была? Да и развѣ лучше поступилъ бы Геслеръ съ Штауфахеромъ и др.? и развѣ съ нимъ однимъ такъ поступлено? Ежели ты написалъ, что это—частный случай, мнѣ въ утѣшеніе, то спасибо; если же ты, не шутя, такъ думаешь, то это одно изъ проявленій *той ложной монашеской пассивности, которая, по моему мнѣнію, твой Тифонъ, твой злой духъ.* Христіане истинные могли смотрѣть равнодушно на все, что съ ними дѣлали; для нихъ жизнь была дурная станція по дорогѣ въ царство божіе, гдѣ наградятся труды. Мы на жизнь не такъ смотримъ, мы слишкомъ шатки въ вѣрѣ, въ насъ будетъ слабостью, что̀ у нихъ сила. Въ этомъ отношеніи намъ, можетъ, скорѣе идетъ гордый, непреклонный стоицизмъ, нежели кроткое прощеніе дѣйствительности, индульгенція всѣмъ пакостямъ ея. И именно случай, о которомъ идетъ рѣчь, принадлежитъ къ пакостямъ, превышающимъ всякую мѣру, такъ что, кромѣ подлѣйшихъ организацій, совершенно отрицательныхъ, онъ ошеломилъ всѣхъ (какъ услышишь изъ разсказа). Satis [1]). С. [2]) говоритъ, что, между прочимъ, у тебя бродитъ намѣреніе пожить здѣсь годъ-другой. По-моему (какъ я уже говорилъ въ 1839 году), это просто безуміе и, какъ всякое безуміе, не имѣетъ ни малѣйшаго оправданія въ самомъ себѣ. Служить ты неспособенъ, да и гдѣ съ твоимъ *раніомъ?* Прожить все свое достояніе самымъ глупымъ образомъ chemin faisant [3]) къ камеръ-юнкерству—разсуди самъ! Пожить весело—низкая цѣль, да и притомъ я не думаю, чтобъ ты *сумѣлъ здѣсь веселиться;* собственно *жить* сюда никто не ѣздитъ. Спроси у С., какъ я и Бѣлинс. разбивали Струговщикова [4]) и Невѣрова [5]) и до какой ясности доказали необъятное разстояніе между Москвой и Петербургомъ. Кн. Одоевскій [6]) много лѣтъ пріискиваетъ средства быть разомъ человѣкомъ Петербурга и человѣкомъ человѣчества, а удается плохо: онъ играетъ роль какой-то Zwittergestalt [7]), и, несмотря на всю прелесть души, виденъ и камергерскій ключъ на заду. Пріѣхать сюда на лѣто и на часть зимы, посмотрѣть на гигантскій городъ, насладиться его

[1]) Довольно.
[2]) Сатинъ.
[3]) Мимоходомъ.
[4]) Александръ Николаевичъ, поэтъ и переводчикъ.
[5]) Януарій Михайловичъ, педагогъ и писатель, другъ Н. В. Станкевича и Грановскаго.
[6]) Владиміръ Ѳедоровичъ, писатель.
[7]) Гермафродитъ.

островами, его пышностью, всосать къ нему отвращеніе ex ipso fonte [1]),—противъ этого я ни слова. А искать здѣсь тебѣ une position dans le monde [2]) смѣшно. Да ты имѣешь ли понятіе о здѣшней аристократіи? (разумѣется, это слово даже не идетъ къ ней). Это—аристократія придворныхъ чиновъ, аристократія занимаемыхъ мѣстъ,—неужели ты думалъ, что они познакомятся съ тобою? Pardon! они дозволятъ тебѣ пріѣзжать съ женой на ихъ балы, они *спустятся* до тебя, но плечамъ твоимъ будетъ не легко, а тягости не съ кѣмъ будетъ раздѣлить. Удостовѣрь меня, что планъ этотъ исчезъ. Да и что теперь можетъ быть лучше 5 лѣтъ путешествія? И я, остающійся со стѣсненнымъ сердцемъ, но съ полною любовью друга и брата благословлю васъ (и Сатинъ ѣдетъ) на благодатныя пять лѣтъ. Поѣзжайте, поѣзжайте!

Omni casu [3]), 1 января 1845 мы встрѣчаемъ въ Женевѣ, то есть каждый съ своей стороны пусть сдѣлаетъ все отъ него зависящее—à l'impossible nul n'est tenu [4]). Давай руку.—И съ этой-то надеждой я поѣду въ Новгородъ. «Не бейся, сердце—погоди»,—все заключено да будетъ глубоко внутри. О!! Лютеръ говаривалъ: «въ гнѣвѣ чувствую я всю мощь бытія моего». Ненависть—superexaltatio [5]) любви. [2] Планы, проекты литературно-жизненные разскажетъ С. 1-е, продолжать изучать Гегеля и нѣмцевъ. 2-е, диссертація о петровскомъ переворотѣ,—тезисы пришлю. 3-е, опытъ дѣтской книжки, приготовительной для изученія всеобщей исторіи. Я радуюсь, что цѣли ограниченныя: *пора перестать блуждать по морю, по окіану!* Скоро наступитъ *тридцатый* годъ... Не правда ли, при этомъ морозъ деретъ по кожѣ: «много собрали, да мало напряли».

Ты любишь «эту землю». Понятно. И я любилъ Москву, а жилъ въ Перми, Вяткѣ, не переставалъ ее любить, а жилъ годъ въ Петербургѣ да ѣду въ Новгородъ. Попробуемъ полюбить земной шаръ,—оно лучше: куда ни поѣзжай тогда, все будешь въ любимомъ мѣстѣ.

С. говоритъ, что ты, кажется, сжегъ мои письма. Это скверно, лучше бы сжегъ дюймъ мизинца на лѣвой рукѣ у меня. Наши письма—важнѣйшій документъ развитія; въ нихъ, время отъ времени, отражаются всѣ модуляціи, отзываются всѣ впечатлѣнія на душу. Ну, какъ же можно жечь такія вещи? [3]

[1]) Изъ самаго источника.
[2]) Положеніе въ обществѣ.
[3]) Во всякомъ случаѣ.
[4]) Невозможнымъ никто не обязывается.
[5]) Сверхъ-экзальтація.

20 февраля, поздно.

Десять дней съ тѣхъ поръ, какъ начато письмо, и десять лѣтъ жизни. Съ тѣхъ поръ у меня родился малютка, умеръ малютка, Наташа была нѣсколько дней въ опасности и... и жизнь опять взошла въ свое обычное русло. Но прошедшее не гибнетъ, оно внутри вѣчно живо,—на душѣ новыя чувства, на тѣлѣ новыя морщины. Странно: чувство любви къ малюткѣ, къ безсмысленному существу уже теряетъ свою плотскую сторону и возрождается грустью въ духѣ. Опять вопросы кипѣли въ душѣ и слезы на глазахъ. Наташа и тутъ явилась во всемъ блескѣ прелестной, просвѣтленной души. Ни на минуту дикаго отчаянія, а торжественная грусть,—и какъ не грустить, когда передъ глазами борется матерія съ духомъ, и духъ побѣжденъ, и безумныя стихіи берутъ верхъ надъ жизнію. Да, тутъ религія, одна религія несетъ утѣшеніе. Философія не овладѣла еще идеей индивидуума, она холодна еще къ нему.— Сатина Богъ послалъ въ это время; съ нимъ я отдыхалъ, — онъ умѣетъ сочувствовать, потому что умѣетъ любить.[4] Вечеромъ отвезли малютку, а утромъ я ѣздилъ его хоронить; чудное дѣло, я радостно встрѣтилъ его гробикъ въ церкви, будто свидѣлись старые знакомые.—И все-таки, ты хороша, жизнь! Счастливъ былъ бы человѣкъ, ежели бъ онъ заключалъ этимъ всякое горе. Видишь ли, что я умѣю быть кроткимъ тамъ, гдѣ разумъ повелѣваетъ кротость. Но въ борьбѣ съ властью «князя тьмы» я могу быть побѣжденъ, но не покорюсь и, думаю, что тутъ гордость умѣстнѣе резигнаціи. Этотъ князь оскорбляетъ во мнѣ мое высокое достоинство, а стихія глупа, она оскорблять не можетъ, она сама не знаетъ нелѣпостей, которыя дѣлаетъ; на нее и нельзя сердиться, какъ на дурную погоду. Довольно.[5]

26 февр.—С. говоритъ, что ты въ восхищеньи отъ Ретшерова[1]) разбора «Wahlverwandschaften»[2]), а я нахожу его, во-первыхъ, ложнымъ по идеѣ, во 2-хъ, ложнымъ по воззрѣнію и безмѣрно скучнымъ. Гете нисколько не думалъ написать моральную притчу, а разрѣшалъ для себя мучительный вопросъ о борьбѣ формализма брака съ избирательнымъ сродствомъ. Бракъ не восторжествовалъ у Гете (какъ думаетъ Ретшеръ). Неужели самоубійца отъ ревности—побѣдитель ревности? Нѣтъ, вызванныя противоположности естественныхъ влеченій, не просвѣтленныхъ въ духѣ,

[1]) Генрихъ-Теодоръ Ретшеръ, нѣмецкій теоретикъ эстетики и драматическаго искусства.

[2]) «Сродство душъ» Гете.

формы безъ содержанія гражданскаго устройства вступили въ ужасную коллизію и окончились смертью. За смертью новая жизнь, — Фортинбрасъ [1]) у трупа Гамлета,—она попрежнему польется, а тѣ пали жертвами, но безъ торжества съ чьей бы то ни было стороны. [6]

◆◆ **1.** Когда Огареву стало извѣстно о ссылкѣ Герцена въ Новгородъ, онъ написалъ ему:

«Что тебѣ сказать, другъ? Досада, но не отчаяніе. Когда я получилъ твое письмо, я взбѣсился, а потомъ примирился съ ходомъ вещей. Не ты первый, не ты и послѣдній. Частный случай не можетъ навести уныніе за общее. Я привязанъ къ этой землѣ, въ другомъ мѣстѣ я буду чувствовать свою ненужность. Пусть кто-нибудь окреститъ за меня твоего новаго сына или дочь, если я до тѣхъ поръ не пріѣду, но все же меня считай крестнымъ отцомъ; назови сына Павломъ, а дочь Маріей... Впередъ! я не боюсь жить, я твердъ и вѣрю. Не такъ-ли, Наташа? Дайте вашу руку. Ваша кротость не знаетъ ни досады, ни ненависти, и не знайте этихъ страшныхъ словъ, да и у Алекс. выгоните ихъ. Любовь и вѣра—и, вѣрно, досада на какой-нибудь случай самому себѣ покажется милостью» («Рус. Мысль» 1889, IV, 14—15).

2. Весною 1840 г. Огаревы рѣшили съѣздить на Кавказъ. Начальство, т. е. оберъ-прокуроръ 8 департамента сената, отказало въ отпускѣ даже и на 28 дней, мотивируя отказъ тѣмъ, что Огаревъ переведенъ въ Москву по высочайшему повелѣнію, и потому отпускъ можетъ быть данъ только тѣмъ же порядкомъ. Тогда, не долго думая, Огаревъ подалъ въ отставку. Исправлявшій обязанности министра юстиціи, Н. Лонгиновъ запросилъ III Отдѣленіе, можно ли уволить въ отставку по болѣзни состоящаго въ сенатѣ на низшемъ окладѣ канцелярскаго служителя Огарева. Тамъ ничего не имѣли противъ. Отставка была получена въ началѣ іюня.

Тогда сейчасъ же были начаты хлопоты о заграничной поѣздкѣ. Огаревъ возлагалъ на нее большія надежды, надѣясь, что она упрочитъ отношенія съ Марьей Львовной, отвлекая ее отъ ея друзей и московскихъ сплетенъ.

Московскій генералъ-губернаторъ, кн. Д. В. Голицынъ, не находилъ никакихъ препятствій къ выдачѣ заграничнаго паспорта на лѣчебныя минеральныя воды Германіи и Италіи, но, всетаки, запросилъ III Отдѣленіе. Государю дѣло было представлено въ пользу Огарева, аттестованнаго, со словъ Голицына, какъ чиновника «благороднаго поведенія», заслуживавшаго при томъ полнаго проще-

[1]) Норвежскій принцъ въ «Гамлетѣ».

нія,—но Николай I и слышать не хотѣлъ о заграничной поѣздкѣ недавняго вольнодумца. «Никакъ нельзя позволить. Можетъ ѣхать на Кавказъ, или въ Старую Русь, или въ Одессу»,—написалъ Бенкендорфъ на проектѣ всеподданнѣйшаго доклада. Тогда рѣшено было командировать въ Петербургъ Марью Львовну. Она сейчасъ же, какъ только пріѣхала туда, написала Дубельту (разумѣется, по-французски) слѣдующую записку:

«Генералъ, я пріѣхала въ Петербургъ нарочно для того, чтобы умолять васъ еще разъ взять меня подъ свою защиту. Прошу, какъ милости, въ виду готовящагося торжества [1]), о разрѣшеніи моему мужу сопровождать меня на итальянскія или нѣмецкія воды, такъ какъ кавказскія мнѣ запрещены. Я очень больна, иначе не рѣшилась бы докучать вамъ моими просьбами. Вы—сама доброта, вы поймете, какъ тяжело больной женщинѣ путешествовать одной, въ особенности за границей, гдѣ у меня нѣтъ ни родныхъ, ни друзей. Вы знаете, какъ уже давно я жду и надѣюсь. Умоляю, придите мнѣ на помощь, окажите еще разъ услугу той, для кого вы уже такъ много сдѣлали».

Дубельтъ былъ безсиленъ. Приходилось оставаться въ Москвѣ...

Тяжело было пережить этотъ годъ... Огаревъ все яснѣе и яснѣе видѣлъ, какъ ускользала изъ-подъ ногъ почва, какъ все ближе и ближе накатывался громадный снѣжный комъ...

15 апрѣля 1841 года Бенкендорфъ опять вошелъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Огаревъ во все время нахожденія его подъ наблюденіемъ велъ себя благородно и послѣ помянутаго обстоятельства, по которому онъ причисленъ былъ къ послѣднему разряду виновныхъ, ни въ чемъ предосудительномъ замѣченъ не былъ; равно и родственники его, заслуживающіе довѣрія, свидѣтельствуютъ о его благонадежности и степенномъ нравѣ, особенно со времени вступленія его въ бракъ»...

Но Николаю I, считавшему своею обязанностью знать всю подноготную однажды соприкоснувшихся съ нимъ лицъ, этого было мало. «Кто такая?»—пишетъ онъ на докладѣ. Шефъ жандармовъ черезъ двѣ недѣли доложилъ о женѣ Огарева. «Переговоримъ»,—написалъ Николай, что̀ обозначало: доклада мало, надо побесѣдовать и узнать то, что въ бумагу не шло. Очевидно, разговоръ былъ такой, что Николай I потребовалъ отъ Бенкендорфа категорически выраженнаго ручательства въ благонадежности Огарева, потому что только такіе подданные имѣли право мечтать о поѣздкахъ за границу. Бенкендорфъ не рѣшился взять отвѣтственность

[1]) По случаю женитьбы наслѣдника.

на себя и запросилъ кн. Голицына, находитъ ли онъ Огарева, по настоящему его поведенію и образу мыслей, вполнѣ благонадежнымъ и полагаетъ ли возможнымъ дозволить ему выѣхать за границу. 27 апрѣля Голицынъ отвѣчаетъ: «Тит. сов. Николай Огаревъ, сколько въ настоящее время могу припамятовать себѣ, сдѣлался сопричастнымъ къ дѣлу о пѣтыхъ въ Москвѣ молодыми людьми пасквильныхъ стихахъ, не по побужденію какого-либо злого намѣренія, но по одному сообществу съ людьми, худо имъ понятыми, и съ тѣхъ поръ онъ велъ себя тихо и хорошо, такъ что не подавалъ никакого повода сдѣлать о немъ дурное замѣчаніе». 29-го апрѣля Николай I написалъ на новомъ докладѣ: «на 6 мѣсяцевъ». Около 1 іюня Огаревы выѣхали за границу (Архивъ III Отдѣленія С. Е. И. В. канцеляріи, 1 экс., 1834 г., дѣло № 239, ч. 8).

Принимавшему нѣкоторое участіе въ этой исторіи Герцену Огаревъ писалъ въ апрѣлѣ 1841 г.: «Помогай въ хлопотахъ моей женѣ. Можетъ быть, эти обстоятельства сведутъ васъ; если-бъ вы разстались друзьями, я былъ бы счастливъ. Вотъ тебѣ моя рука: она благороднѣйшая женщина — уваженіе къ ней, да! я этого требую. Теперь надо быть дѣятельнымъ; поѣздка за границу будетъ вѣнцомъ освобожденія. Конечно, это путешествіе и не будетъ науки ради, но поэтическое будетъ навѣрное. Возстановленіе здоровья чаятельно. Словомъ, я радъ ѣхать, радъ, какъ ребенокъ. Виновникъ моего отпуска, генералъ-губернаторъ—благородный человѣкъ». («Рус. Мысль» 1889 г., XI, 1). Это письмо очень важно, какъ устанавливающее еще несомнѣнное убѣжденіе Огарева въ возможности связать его раскалывавшуюся жизнь. Вскорѣ Огаревъ пріѣхалъ въ Петербургъ. Тамъ онъ писалъ Герцену записку, въ которой находимъ такое мѣсто: «Намедни я прилегъ къ ней (Марьѣ Львовнѣ — *М. Л.*) на плечо, вспомнилъ все прежнее и записалъ эту минуту, какъ одну изъ послѣднихъ нашего расшатаннаго счастья, но все же блаженную минуту. Что дѣлать? Учи человѣка, какъ хочешь, — пока внутри его не живетъ сила сдѣлать то или другое, ничему его не выучишь. Was ihr nicht fühlt, ihr werdet's nie erjagen [1]). Такъ и я. Все не въ прокъ, — нитка тянется и не лопается; придетъ время, она лопнетъ» (тамъ же, 2).

3. Огаревъ не имѣлъ обыкновенія подолгу беречь даже самыя дорогія для него письма друзей, не исключая и Герцена. Онъ носилъ ихъ иногда по мѣсяцамъ въ карманахъ, а затѣмъ часто уничтожалъ. Такимъ образомъ погибла масса писемъ Герцена.

[1]) Чего вы не чувствуете, того не достигнете.

Только въ концѣ жизни, послѣднія лѣтъ 15, привычка эта была Огаревымъ оставлена.

4. Объ этой сторонѣ Сатина Огаревъ писалъ Герцену: «Ritter—человѣкъ, за способность любить котораго я готовъ стать передъ нимъ на колѣни. Мнѣ кажется, этой силы любви ни у кого изъ насъ нѣтъ. Онъ почти женщина, любитъ до нѣжности. Но я люблю этотъ элементъ въ мужчинѣ» («Рус. Мысль» 1888, XI, 10).

5. На это письмо Огаревъ отвѣчалъ, между прочимъ: «Что-то недоброе надъ нашими головами, Искандеръ,—надъ нашими, потому что мы такъ созданы, что не можемъ отстать другъ отъ друга. Но пусть будетъ, что будетъ,—я думаю, что благородство не состоитъ въ томъ, чтобъ бѣжать съ поля битвы и гдѣ-нибудь въ тиши кончить никому ненужную жизнь; благородство—оставаться на полѣ битвы до конца. Бѣдный мой другъ! Когда я узналъ о смерти моего крестника, я впалъ въ тоску, какъ никогда не бывало. Все казалось такъ гадко въ жизни, такъ черно; я не видѣлъ плодовъ прошедшаго, не вѣрилъ въ будущность, я страдалъ и насилу выбираюсь изъ этого состоянія. Надо выбраться силою резигнаціи, силою воли, силою мысли—чѣмъ хочешь. Я выбираюсь силою резигнаціи» («Рус. Мысль» 1889, IV, 15).

6. 10 декабря 1840 г. Бѣлинскій писалъ Боткину: «Герценъ кричитъ противъ статьи Ретшера о «Wahlverwandschaften» и, знаешь ли, что?—мнѣ хочется съ нимъ согласиться: Ретшера уваженіе къ субстанціональнымъ элементамъ жизни мнѣ не нравится (можетъ быть, потому что я теперь въ другой крайности); въ статьѣ о 4 драмахъ Шекспира меня даже оскорбилъ его взглядъ на эту Люцію, которая, не любя Флоуардена, гоняется за нимъ, въ качествѣ вѣрной жены. Для меня баядерка и гетера лучше вѣрной жены безъ любви такъ же, какъ взглядъ сенсимонистовъ на бракъ лучше и человѣчнѣе взгляда гегелевскаго (т. е. который я принималъ за гегелевскій). Что мнѣ за дѣло, что абстрактнымъ бракомъ держится государство? Вѣдь, оно держится и палачемъ съ кнутомъ въ рукахъ, однакожъ, палачъ все гадокъ. Я даже готовъ согласиться съ Герценомъ, что Ретшеръ не понялъ романа Гете, что онъ не апологія, а скорѣе протестъ противъ этого *собачьяго склещиванія* съ разрѣшенія церкви» (Бѣлинскій «Письма», т. II, 188).

320. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

1 марта 1841.
СПБ.

Баронъ! Много говорить мнѣ нечего: Сатинъ на словахъ разскажетъ и фактъ, и status quo [1]) мой, и futurus status [2]), и пр., и пр. Слава Богу, что ты не умеръ, это была бы нелѣпость: и такъ семья мала, да и въ той малой семьѣ не все здорово,—съ какой же стати тебѣ умирать, да и переводы не всѣ кончилъ.

Сатинъ много груститъ и тоскуетъ. Доля грусти имѣетъ сама въ себѣ озаконеніе, но доля происходитъ отъ этой неопредѣленности цѣлей, занятій, отъ ограниченія однимъ стремленіемъ. Нехорошо, надобно обуздать себя, совершеннолѣтіе требуетъ пути опредѣленнаго. Чѣмъ ни занимайся, все лучше шатанія. Я сдѣлалъ шага два къ этой опредѣленности; на первый случай на главномъ планѣ философія и періодъ Петра.

Бѣлинскому я могу выдать аттестатъ въ самыхъ похвальныхъ выраженіяхъ. Чтобъ характеризовать его благодатную перемѣну, достаточно сказать, что онъ пренаивно вчера разсказывалъ: «одинъ человѣкъ, прочитавши мою статью о «Бор.» [3]), пересталъ читать «Отеч. Зап.»,— вотъ благородный человѣкъ». Мы сблизились съ нимъ. Въ какомъ забавномъ положеніи теперь его защитники à la Katkoff [4]), когда онъ самъ со мною заодно противъ того, что они именно защищали.[1] Да и твое баронство не было изъято вліянія нелѣпаго примиренія съ дѣйствительностью. Отпускаю грѣхи твои! Я нахожу одно примиреніе—полнѣйшую вражду (кристаллизація не кристаллизуется, употребленіе никуда не употребляется). Много мечтаній утратилось, я не жалѣю объ нихъ: это—послѣдніе лепестки вѣнчика, въ періодъ плодотворенія они должны спасть. Истина не въ нихъ, а въ плодѣ. Не скажу, чтобъ вмѣстѣ съ мечтами отлетѣли и надежды,—о, нѣтъ, нѣтъ и 1000 разъ нѣтъ. Напротивъ, въ жизнь мою я не чувствовалъ яснѣе галилеевскаго «e pur si muove» [5]). Скорбь родовъ нисколько не похожа на скорбь агоніи, а умираютъ и рòдами; для избѣжанія этого блаженный мужъ отходитъ отъ совѣта нечестивыхъ и отъ дороги неправедныхъ. Да,

[1]) Нынѣшнее мое состояніе.
[2]) Будущее состояніе.
[3]) «Бородинская годовщина».
[4]) Въ родѣ Каткова (Михаила Никифоровича).
[5]) «И, все-таки, движется!».

онъ идетъ съ своей вѣрой, съ своей любовью, съ надеждой и, какъ упрекъ, садится вдали и скорбитъ.

Ну, что въ Москвѣ? Тоже пустовато, и глуповато, и холодновато? Мнѣ немного жаль Петербурга, я какъ-то, было, здѣсь началъ знакомиться съ людьми, получать голосъ. И что можетъ быть смѣшнѣе Новгорода!? Кромѣ Рюрика и Зурова [1]), я не знаю никого, кто бы по охотѣ туда поѣхалъ, особенно послѣ того, какъ царь Іоаннъ Вас. взыскалъ его своей милостью... Я удостовѣрился, впрочемъ, что, не обижая ни одного губ. города, всѣ они необитаемы (зная это, Одессу не назвали губ. гор.), что̀, впрочемъ, не отнимаетъ чрезвычайной скуки обѣихъ столицъ. Итакъ, я — совѣт. губ. прав. Ужъ дамъ же я себя знать уѣздному лѣкарю! [2])

Сатинъ, право, можетъ разсказать очень многое, да, вѣдь, изъ него надо выковырять, иначе онъ все будетъ шиллерничать, а объ дѣлѣ ни полслова. Напр., онъ *только вчера* мнѣ разсказалъ вашу прелестную прогулку изъ Петровскаго въ Марьину рощу, гдѣ были шампанское, попъ, шинель, воръ, квартальный, чай въ трактирѣ, трактиръ на Петровкѣ, портеръ и, наконецъ, даже моя квартира... И отошла у меня душа, и на минуту выбѣжали изъ нея 7 лѣтъ, и пробѣжали по ней картины des beaux jours [3]), т. е. бывшихъ ночью. Хотя stimulus [4]) вашей прогулки и былъ далеко не юношескій разгулъ, а нервная слабость,—ну, да вышло-то хорошо. Завидно.

Онъ мнѣ говорилъ, что ты началъ, было, переводить «Wahlverwandtschaften» и бросилъ. Будь увѣренъ, что это ужь былъ приступъ горячки и что ежели ты проживешь еще лѣтъ 70, то глупѣе ничего не сдѣлаешь, какъ то, что бросилъ эту величайшую поэму. И съ твоею способностью скоро переводить и хорошо (съ чѣмъ поздравляю, напр., «Meister Floh» превосходно перев., «Ричардъ», сколько могу судить, также)! Огаревъ смотритъ на «Wahlv.», кажется, съ Ретшеровой точки зрѣнія, а Ретшеръ, можетъ, и хорошо смотритъ, да только съ Гете врозь. Нѣтъ, вникни въ эту скорбную коллизію, въ это грозное столкновеніе формъ, Naturgewalten [5]), духовныхъ узъ, влеченій, разрѣшающееся тайной смерти. Великая поэма.

[1]) Новгородскій губернаторъ.
[2]) Званіе Кетчера.
[3]) Прекрасныхъ дней.
[4]) Возбудитель.
[5]) Силы природы.

Я намѣренъ писать «Письма о петровскомъ періодѣ» и для этого обзавелся Голиковымъ [1]), разумѣется, не полевовскимъ, а настоящимъ. Разумѣется также, что я беру предметъ этотъ не съ чисто исторической стороны.

Нами заключается петровское время; мы, выходящіе изъ національности въ чисто европейскую форму и сущность, заканчиваемъ великое дѣло очеловѣченія Руси, но послѣ нашего времени начнется періодъ органическаго, субстанціальнаго развитія и притомъ чисто человѣческаго для Руси. Тогда ея роль будетъ не отрицательная въ судьбѣ Европы (преграда Наполеону, напр.), а положительная. Положеніе наше относительно Европы и Россіи странно, une fausse position [2]), но оно лежало въ идеѣ петровской революціи, и вся крутость и скорбность ея была необходима: этими скорбями искупается десятивѣковое отчужденіе отъ человѣчества. Возьми, напр., Котошихина [3]), царствов. Алексѣя Мих., и «Récits des temps Méroving.» [4]), XVII и VI столѣт., и сходство родственное, только въ Россіи больше китаизма и меньше движенія.

Ну, хорошъ вашъ «Москвитянинъ» съ Погодинымъ, покупавшимъ и примѣривавшимъ штаны на бульварѣ въ Парижѣ, и съ шевыревскими взглядами безъ штановъ. Дикое варварство!

За симъ весьма обнимаю.

Прилагаю въ подарокъ и презентъ экземпляръ печати съ письма, какъ *здѣсь приносятъ съ почты;* по крайности, санъ церемони [5]).

(4 марта 1841).

Сдѣлай одолженіе, устрой ты свои дѣла, чтобъ пріѣхать сюда въ апрѣлѣ съ Ог. [6]) и С. [7]),—во всѣхъ смыслахъ это хорошо и полезно. Во-первыхъ, я отведу душу съ вами всѣми передъ Новгородомъ; во-вторыхъ, ты увидишь и узнаешь, что такое Петръ I; въ-третьихъ, кто не былъ здѣсь, не знаетъ современной Руси. Эй, пріѣзжай. Притомъ я мечтаю, что какъ вы пріѣдете втроемъ, по-

[1]) Иванъ Ивановичъ, историкъ; «Дѣянія Петра В., мудраго преобразователя Россіи, собранныя изъ достовѣрныхъ источниковъ и расположенныя по годамъ», 1788—1789; менѣе полное изданіе въ 1837—1843 гг.

[2]) Ложное положеніе.

[3]) Григорій, авторъ сочиненія «О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича».

[4]) «Разсказы о временахъ Меровинговъ» Огюстена Тьерри.

[5]) Sans cérémonies—безъ церемоній.

[6]) Огаревъ.

[7]) Сатинъ.

ѣдемъ мы провожать по морю С. и Ог. и ихъ, разумѣется, остановятъ въ Кронштадтѣ и повезутъ обратно. Это тоже полезно. Итакъ, жду, жду, жду.

◆◆ 1. М. Н. Каткова Герценъ зналъ давно. Семейство А. А. Яковлева (дѣда Герцена) и жены его, кн. Н. Б. Мещерской, было очень дружно съ небогатой семьей Туляевыхъ, гдѣ были двѣ барышни—Варвара и Вѣра Акимовны. Первая изъ нихъ вышла за Н. Каткова. Вскорѣ онъ умеръ, оставивъ жену и двоихъ сыновей, Михаила и Меѳодія, на попеченіе кн. А. Б. Мещерской. Она достала Катковой мѣсто главной надзирательницы надъ арестантками въ тюремномъ замкѣ. Тамъ, на казенной квартирѣ и росъ будущій публицистъ «Московскихъ Вѣдомостей». По праздникамъ онъ съ матерью бывалъ у И. А. Яковлева, кн. Хованской и Голохвастовыхъ. По словамъ Т. П. Пассекъ, Катковъ вообще очень обязанъ роднѣ Герцена (т. III, стр. 287—291). Въ университетъ онъ вступилъ, когда Герценъ былъ уже арестованъ. Тамъ онъ присоединился къ кружку Станкевича, сошелся съ Бѣлинскимъ и Бакунинымъ. О роли его среди друзей можно судить по нѣсколькимъ замѣчаніямъ Огарева въ письмахъ къ Герцену. «Катковъ—славный юноша»,—пишетъ Огаревъ въ 1839 г. («Рус. Мысль» 1888, XI, 2); «видимъ почти ежедневно барона, Галахова, Іоганниса и Каткова» (тамъ же, 4); «иду съ Катковымъ на лекцію Грановскаго» (тамъ же, 5); «прощай; Катковъ пришелъ и тебѣ кланяется» (тамъ же, 6); «Каткова я очень люблю; кромѣ дѣтскаго самолюбія, это—душа славная, поэтическая; мнѣ случается проводить съ нимъ блаженныя минуты.» («Р. М.» 1889, I, 3). С. Невѣдѣнскій ошибается, говоря, со словъ Краевскаго, что у Огаревыхъ Катковъ вращался исключительно въ дамскомъ обществѣ, не входя въ общеніе съ мужской частью кружка,—точныя указанія писемъ Огарева, Бѣлинскаго и др. опровергаютъ это свидѣтельство, къ которому для большей правдоподобности припутано еще и имя Герцена («Катковъ и его время», 48). Но не ошибается Невѣдѣнскій, говоря: «для Каткова близость къ Герцену была немыслима. Натуры обоихъ были діаметрально противоположны. Онѣ не могли даже временно сойтись въ этотъ юношескій періодъ» (стр. 48—49).

321. Письмо къ Н. П. Огареву.

2 марта (1841).

«Человѣкъ удивительно устроенъ», говаривалъ Наполеонъ, да до него, я воображаю, Киръ, Камбизъ etc., etc. Въ самомъ дѣлѣ, я начинаю ощущать пользу контузіи № 2. Я, было, затерялся (по примѣру XIX вѣка) въ сферѣ мышленія, а теперь снова сталъ дѣйствующимъ и живымъ до костей; самая злоба моя возстановила меня во всей практической доблести, и, что̀ забавно, на самой этой точкѣ мы встрѣтились съ Виссаріономъ [1]) и сдѣлались партизанами другъ друга. Никогда живѣе я не чувствовалъ необходимости перевода,— нѣтъ, развитія въ жизнь философіи. И ни малѣйшей апатіи отъ удара (который неизмѣримо силенъ и только самой безвыходностью даетъ выходъ; торжественнѣе полное безсиліе нельзя видѣть,—отрицаніе въ себѣ всѣхъ малѣйшихъ правъ). Да, въ этомъ отрицаніи ist eine grosse Setzung [2]); это не игра словъ: положеніе, что я *нѣчто*, что во мнѣ есть сила, энтелехія.

3 марта.

Получилъ твое письмо съ Болг. [3]).—Благодарю.—Ты имѣешь власть надо мною. И эта честь принадлежитъ немногимъ, а еще меньшимъ—честь полнаго сознанія съ моей стороны, что я имъ подвластенъ. Долго не получая писемъ отъ тебя, я начинаю ссориться съ тобою, ворчу, недоволенъ многимъ; пришло письмо,—и наша дружба во всемъ цвѣтѣ, во всемъ юношествѣ, живящая и прекрасная, тутъ, какъ тутъ, а облака едва-едва видны. Великое дѣло въ нашей жизни—наша дружба и необходимое, безъ нея мы не совсѣмъ мы.[1]

Сегодня день великаго воспоминанія въ нашей жизни. 3 марта 1838 я видѣлся въ первый разъ съ Нат. послѣ 9 апрѣля 1835 года. Мгновеніе высочайше религіозное. Тогда я былъ безусловно чистъ. «Благослови меня», сказалъ я ей, прощаясь, и она благословила меня, и я пошелъ безъ слезъ, безъ печали. Въ такія минуты не можетъ быть ничего болѣзненнаго, человѣкъ переселяется въ высшую сферу гармоніи.—Три года! Она осталась тою же святой и чистой, и на мнѣ осталось ея благословеніе.

[1]) Бѣлинскій.
[2]) Есть важное положеніе.
[3]) Болговской.

Я поручилъ С. растолковать вамъ, что̀ я разумѣю и какъ я разумѣю отъѣздъ. Вы не поняли меня. Никто не говорилъ о праздной жизни, да и могъ ли я, весь сотканный изъ дѣятельности, рѣшиться жить, сложа руки.—Авось либо, онъ передастъ вамъ ясно. Бѣл. [1]) безъ восхищенья не можетъ говорить о моемъ желаніи,—онъ его схватилъ именно съ той точки, съ которой я хотѣлъ. A propos, не странно ли, что онъ сдѣлался моимъ партизаномъ. Я здѣсь пріобрѣлъ нѣкоторый голосъ и оттого мнѣ жаль покидать Петербургъ. Разумѣется, неумѣстность года въ Новгородѣ абсолютна. Хоть бы въ даль (теплую) куда, а то въ Новгородъ. Впрочемъ, я постараюсь черезъ годъ уѣхать, хоть въ Крымъ. Теперь нельзя, потому что того хочетъ Строгановъ [2]), а ему (равно и вашему Стр. [3])) я долженъ засвидѣтельствовать искреннѣйшее спасибо. Мнѣ, слѣдств., ими же предстоитъ и выходъ. Сат. разскажетъ тебѣ о запискѣ отъ С. Г. [3]), гуманной весьма. Дѣло въ томъ, что мы разно понимаемъ дѣло. Строгановы думаютъ, что сущность въ службѣ, и потому опредѣляютъ совѣт., чтобъ перевести въ вице-губернаторы, когда получу чинъ надв. сов., а у меня ужь это не входитъ въ разсчетъ. А смѣшно,—я выигралъ по службѣ проигрышемъ. Nolentem trahunt! [4]) Впрочемъ, я и службы не брошу теперь. Да только не хотѣлось бы жить въ мерзкомъ климатѣ.

Я прежде 1 мая не уѣду—министръ и не думаетъ торопить меня. А до тѣхъ поръ Наташа хорошенько оправится, и дороги будутъ практикабельнѣе. Стало, увидимся. Остановись въ Hôtel de Paris, на Малой Морской, возлѣ Невск. пр. Это отъ меня не болѣе 50 шаговъ.—Итакъ, мы вмѣстѣ увидимъ море, *я* тебѣ покажу его. Это одно изъ моихъ мечтаній.

Прощай. Завтра С. ѣдетъ, сегодня мы провожаемъ его у Кулона [5]) (Панаевъ, Бѣлинск., Языковъ [6]) und meine Wenigkeit [7])).

Симпатія, симпатія и симпатія.

4 марта. Огаревъ, мнѣ помнится, будто ты обѣщалъ мнѣ свой портретъ.—

Или ошибаюсь???

[1]) Бѣлинскій.
[2]) Александръ Григорьевичъ.
[3]) Сергѣй Григорьевичъ.
[4]) Не желающаго влекутъ!
[5]) Ресторанъ.
[6]) Михаилъ Александровичъ.
[7]) И мое ничтожество.

◆◆ 1. Н. А. Огарева утверждаетъ, что Герценъ подчинялся Огареву, что у перваго «не было и искры строгости къ себѣ», что «не Огаревъ былъ подъ вліяніемъ Герцена, а Герценъ подъ вліяніемъ Огарева» («Недѣля» 1899, № 46). Утвержденія эти (кромѣ второго) нельзя оспаривать, но ихъ и нельзя высказывать такъ категорически, не дѣлая никакихъ оговорокъ. Я предоставляю читателю самому рѣшить, насколько они несправедливы. Что касается второго утвержденія, то необоснованность его будетъ особенно ясна внимательному читателю настоящаго изданія.

322. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

8 марта 1841 г.
С.-Петербургъ.

Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна! Мы такъ смутно и безпокойно провели послѣднее время, что я даже хорошенько не помню, когда именно я писалъ Вамъ. Обстоятельства оправдываютъ меня въ молчаніи послѣ послѣдняго письма. Малютка Ваня, — черезъ три дня послѣ того, какъ былъ окрещенъ Вашимъ именемъ, — скончался. Мнѣ нечего разсказывать Вамъ, что происходило въ душѣ отъ удара, такъ безумно, внезапно отнявшаго новую свѣтлую надежду. Наташа, слабая еще и въ постели, была сильно потрясена кончиной, и мы въ двѣ недѣли прожили два тяжелыхъ года, отъ которыхъ останутся горькія воспоминанія на душѣ и морщины на тѣлѣ.[1] Вскорѣ послѣ кончины его получили Ваше письмо, исполненное той любви и того участія, которыя грѣли насъ два года, и мы горячо благодаримъ Васъ за письмо.

Я еще здѣсь. Вѣроятно, до конца апрѣля не выѣду: здоровье Наташи далеко не въ томъ положеніи, чтобы рисковать вешнимъ путемъ подъ 59 градус. сѣв. шир. Je suis dans les bonnes grâces du C-te St. [1]) и увѣренъ, что онъ не поторопитъ меня.

Одна жертва тяжелаго времени есть.

Меня назначаютъ совѣтникомъ губ. правл.; это почти такъ же идетъ вмѣстѣ, какъ Небаба и финалъ, о которомъ Вы пишете.[2] И это лучшее изъ возможнаго.

Передайте мое глубочайшее почтеніе Ивану Эммануиловичу, Софіи Ѳеодоровнѣ и всему почтеннѣйшему семейству вашему и примите мое искреннѣйшее почтеніе и преданность, съ которыми остаюсь

А. Герценъ.

[1]) Я въ большой милости у гр. Строганова.

◆◆ **1.** Въ «Петербургскомъ Некрополѣ» Иванъ Герценъ не значится, а потому можно предположить, что могила его упразднена и замѣнена другой. Точныхъ свѣдѣній о дняхъ рожденія и смерти второго сына Герценовъ я не имѣю.

2. О смерти Небабы Герценъ разсказалъ въ гл. XVIII «Былого и думъ».

323. Письмо къ гр. А. Х. Бенкендорфу.

12 апрѣля 1841.

Сіятельнѣйшій Графъ! Вашему Сіятельству извѣстно несчастное обстоятельство лишившее меня возможности продолжать службу въ столицахъ. Я приготовлялся безропотно покорится судьбѣ своей, какъ рядъ семейныхъ бѣдствій и разстройство дѣлъ углубили тягость моего положенія. Очень знаю что частныя обстоятельства не даютъ мнѣ никакихъ правъ; но знаю еще болѣе беспредѣльную благость Государя Императора и въ ней осмѣливаюсь я находить право умолять о дарованіи мнѣ прощенія. Теперь когда радостнѣйшее событіе совершается въ Августѣйшей фамиліи [1]), да отразится и на томъ несчастномъ семействѣ одинъ изъ тѣхъ лучей милосердія и благости, которыя озарятъ всю Россію и вызовутъ молитвы изъ всѣхъ сердецъ.

Не откажите, Ваше Сіятельство, въ высокомъ предстательствѣ Вашемъ предъ священною особой Государя Императора о прощеніи меня и о разрѣшеніи мнѣ продолжать службу тамъ, гдѣ наиболѣе потребуютъ мои семейныя обстоятельства, не исключая обѣихъ столицъ. Незнаю, сочтете-ли, Ваше Сіятельство, меня достойнымъ Вашего покровительства — но я осмѣливаюсь надѣятся и уповать. Во всякомъ случаѣ, Сіятельнѣйшій Графъ, простите смѣлость, съ которой я обратился къ Вашему Сіятельству — одна крайность можетъ извинить меня.

Съ чувствами глубочайшаго уваженія и совершеннѣйшей преданности честь имѣю пребыть, Сіятельнѣйшій Графъ, покорнѣйшимъ слугою.

Александръ Герценъ.[1]

◆◆ **1.** 15 апрѣля Бенкендорфъ представилъ всеподданнѣйшій докладъ, гдѣ говорилъ: «Принимая во вниманіе раскаяніе Герцена и имѣющіеся у меня въ виду отзывы о похвальномъ поведеніи его

[1]) Свадьба наслѣдника, впослѣдствіи императора Александра II.

и примѣрнаго усердія къ службѣ, до вышеозначеннаго обстоятельства (т. е. до письма къ отцу о будочникѣ—*М. Л.*), я осмѣливаюсь всеподданнѣйше испрашивать Всемилостивѣйшаго Вашего Величества разрѣшенія о дозволеніи тит. сов. (такъ все и именовали, забывъ, что онъ колл. асессоръ—*М. Л.*) Герцена служить гдѣ пожелаетъ, не изключая и столицъ». Резолюція государя 16 апрѣля—«рано».

324. Приписка къ Н. Х. Кетчеру и Н. М. Сатину.

(Май 1841).

И этотъ далѣе пишущій—я, mein Baron, но чтобъ не сказалъ ты, что я хочу болѣе Ог. тебя любить, то *далѣе* началъ параллельно съ нимъ. Вы молчите или разговоръ ведете съ однимъ Шекспиромъ. Я молчу тоже—отъ обстоятельствъ. Мое дѣло шевельнулось на-дняхъ, но что будетъ, не знаю. Во всякомъ случаѣ, святое время проведемъ теперь съ Ог. Я прощусь съ нимъ передъ моремъ и потону года на два въ пошлую жизнь.—Прощай.

Здравствуй, т. е. Сат.

Панаевъ [1]) взялся хлопотать въ мин. юст. о твоемъ отпускѣ, а Кони [2]) не купитъ «Сна», да ежели и купитъ, то не за 600, да ежели и не за 600, то денегъ не отдастъ.

Я сейчасъ проснулся и глупъ до крайности—ничего въ голову не идетъ. Да и О. взялъ монополію на остроты, какъ увидишь въ противолежащей страницѣ. Объ немъ донесу одно, что онъ ко мнѣ рѣдко ходитъ,—все отъ дядей, тетокъ и всякой сволочи, воображая, что ихъ безсиліе имѣетъ какую-нибудь силу.

325. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

(Май 1841).

Давай къ Кетчеру писать.

То есть сегодня, а сегодня—завтра, потому что сегодня—ужъ три часа вечера. Пусть же пишетъ Огаревъ.

[1]) Иванъ Ивановичъ.

[2]) Ѳедоръ Алексѣевичъ, водевилистъ, въ это время редакторъ «Пантеона».

326. Письмо къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

16 мая 1841 г.
СПБ.

Итакъ, Вы вспомнили, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, 9 мая [1]). Для этого надобно имѣть высокую душу, чтобъ вспомнить день, счастливый для другого, принять истинное участіе въ блаженствѣ чьемъ-нибудь, — несравненно выше, нежели сострадать несчастью. Обыкновенно мы откликаемся на стонъ, но остаемся нѣмы къ счастью. Да благословитъ же васъ Богъ за вашу высокочеловѣческую симпатію. Между прочимъ, самая возможность такой симпатіи есть благословеніе Его.

Дѣло, извѣстное Вамъ, теперь у министра юстиціи, куда оно отослано съ согласіемъ государя, и посему, во всякомъ случаѣ, можно надѣяться на скорый успѣхъ [2]).

Въ началѣ іюня мы оставимъ Петербургъ; опять скитаться, опять кругъ занятій, чуждый мнѣ, чужіе люди. Но нѣтъ такихъ непріятныхъ, даже темныхъ положеній, въ которыя бы подчасъ не прорѣзывался солнечный лучъ. Ивану Эммануиловичу и всему семейству Вашему мое глубочайшее почтеніе.

Вамъ преданный отъ всей души

А. Герценъ.

327. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

26 мая 1841.
С.-Петербургъ.

Оттого, что мнѣ всѣхъ экстреннѣе надобно было ѣхать, я проводилъ всѣхъ и теперь отправляю гуртовой транспортъ, т. е. Соколова [3]), а самъ все еще здѣсь. Хорошо это или нѣтъ, право, не знаю, но во всякомъ случаѣ не хуже, нежели сидѣть важно и доблестно въ правленіи.

Что сказать о мѣсяцѣ, проведенномъ съ Огаревымъ? Онъ необъятно благороденъ и прекрасенъ въ своемъ характерѣ абне-

[1]) День свадьбы Герценовъ.
[2]) О назначеніи И. Э. Куруты сенаторомъ.
[3]) Григорій Ивановичъ, чиновникъ особыхъ порученій при новороссійскомъ и бессарабскомъ ген.-губернаторѣ.

гаціи [1]), но я, грѣшный человѣкъ, этой добродѣтели и въ этомъ случаѣ не умѣю понимать. Мы видались *рѣдко;* бывали минуты, выкупавшія грусть и досады (на морѣ); но были дни (на сушѣ) грусти, которыхъ не выкупишь и хорошей минутой. Простились мы свѣтло и хорошо, безъ вина, безъ людей, безъ стѣнъ; я пошелъ гулять съ нимъ, и передъ Зимнимъ дворцомъ, передъ крѣпостью, на берегу Невы мы обнялись, онъ пошелъ направо, я — налѣво. А вечеръ былъ прекрасный. Какъ онъ уѣхалъ, я не знаю; но лучше проститься нельзя было, всякіе проводы были бы пошлы. Vu [2]) присутствіе M-me [3]), Хастатова [4]) и пр.

Кромѣ этого, что вамъ сказать? Петербургъ не хуже Москвы, Москва не хуже Петербурга; изъ этого равно не слѣдуетъ, ни чтобъ тотъ и другой городъ былъ хорошъ или дуренъ. Здѣсь больше Европы, а въ Москвѣ больше силъ. Впрочемъ, это матерія старая.

Бѣлинскій глубоко страдаетъ; надъ нимъ совершается теперь критическій моментъ, онъ доходитъ до предѣла скептицизма, но только съ полнымъ паѳосомъ и оттого страдаетъ; если-бъ онъ принялъ холодно скептицизмъ, страданью не было бы мѣста: отрицаніе есть такъ же покой съ другой стороны, такъ, какъ Хлестаковъ — генералъ «да съ другой стороны», по словамъ Осипа. Славная натура. И je me félicite [5]), что нѣкогда ратовалъ противъ него, ибо онъ лучше всѣхъ можетъ засвидѣтельствовать, что я былъ правъ. Кромѣ него, не о комъ много сказать. Языковъ встрѣтилъ *матроса* и говоритъ ему:

Homme atroce (о, матросъ) [6]).

Огаревъ поручилъ сообщить мою остроту на твой счетъ. Онъ сказывалъ, какъ ты бѣгалъ по валу за ландышами; я замѣтилъ на это, что, должно быть, это похоже на то, какъ boa constrictor [7]) ловитъ своей пастью мухъ. Огаревъ былъ въ восхищеньи.

Былъ завтракъ, продолжавшійся отъ 4 до 2 (не подумай, что я ошибся, т. е., что онъ продолжался отъ 2 до 4). Много устрицъ погибло, даже подъ конецъ стало очень весело, т. е. не шутя (большей частью все, кромѣ этого завтрака, дѣлалось такъ натянуто, что Господи прости). Я водилъ Огар. соннаго въ Петергофѣ

[1]) Abnégation—самоотреченіе.
[2]) Въ виду.
[3]) М. Л. Огарева.
[4]) Или это чье-нибудь прозвище, или Пыпинъ не могъ разобрать слова.
[5]) Я себя поздравляю.
[6]) Жестокій человѣкъ. Каламбуръ: французскія слова выговариваются здѣсь подъ рядъ, какъ: «Оматросъ».
[7]) Удавъ.

къ морю, во время бури,—спитъ стоя; тогда я прибѣгнулъ къ рѣшительной мѣрѣ, поставивъ его такъ, что первая большая волна, разбившаяся о берегъ, облила его съ головы до ногъ. Онъ раскрылъ глаза и сказалъ: «вотъ не токмо проснулся, да и умылся».

Соколовъ ѣстъ ужасно, должно быть, у него не глисты, а стая волковъ завелась внутри (мѣста довольно для цѣлаго звѣринца); какъ это Воронцовъ [1]), человѣкъ умный, а терпитъ начальникомъ больницы человѣка, который въ четыре раза больше здоровъ, нежели нужно двумъ семействамъ? это просто насмѣшка надо всѣми паціентами. Я съ нимъ раза три завтракалъ (NB. онъ проѣлъ здѣсь 2000 руб.). Вотъ послѣдній, въ Hôtel de Paris: 1) ботвинья, 2) щи, 3) консоме, 4) маіонезъ, 5) рябчикъ, 6) невшательскій сыръ (весь съѣлъ, что было запасено на годъ), 7) сыръ, не невшательскій, 8) сардинки. Это было бы ничего, но потомъ онъ сбѣгалъ къ Воронцову и сѣлъ послѣ обѣдать и ѣлъ все то же, только въ обратномъ порядкѣ, т. е. началъ съ сардинокъ, а когда дошелъ до ботвиньи, то спустилъ до рябчика, потому, что ботвиньей никто не оканчиваетъ обѣда, Хозяинъ Hôtel de Paris боится, не ресторація ли это подложная: чуть не подалъ въ цехъ, что подрывъ будетъ.

Ну еще что? Каменскій [2]) пошелъ въ шпіоны. Краевскій дурно платитъ Бѣл. и вообще немножко schmutzig [3]). Липпертъ, переводившій Пушкина (o traduttori-traditori! [4])), noch schmutziger [5]). Нѣтъ, братцы! нѣтъ, вспомнишь старину, глядя на эту сволочь, да и скажешь, какъ Жуковскій:

«Гдѣ нашъ старецъ Ланжеронъ,
Гдѣ нашъ старецъ Бенигсонъ!»

Носковъ [6]), милый, благородный Носковъ кланяется!

Наташа тоже, Саша что-то нездоровъ; его болѣзни меня всегда рѣжутъ, но, кажется, лучше.—Письмо это равно относится и къ Сатину, буде онъ здѣсь.

Кланяйся Боткину, Грановскому и Астраковымъ.

[1]) Графъ Семенъ Романовичъ, новороссійскій и бессарабскій ген.-губернаторъ.
[2]) Павелъ Павловичъ, писатель.
[3]) Нечистоплотенъ.
[4]) О, переводчики-предатели!
[5]) Еще болѣе нечистоплотенъ.
[6]) М. П.

328. Приписки къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

16 іюня 1841 г.
СПБ.

Дней черезъ 10 думаемъ мы, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, оставить Петербургъ, и врядъ буду ли я въ Москвѣ или Петерб. въ 1841 году. Вчера видѣлся я съ Ольгой Александровной [1]); она, пріѣхавши сюда, прислала за мной; сказывала, что видѣлась съ Иваномъ Эммануиловичемъ, и пр.

Я нѣсколько разъ встрѣчалъ здѣсь Шамбеллана [2]); онъ какъ-то и здѣсь нашелъ средство драматически и поразительно одѣться: носитъ картузъ суконный и пальто изъ картузной матеріи, что придаетъ ему видъ ежели не М-г Сталь, то М-г Besoumni.

Ивана Эммануиловича душевно благодаримъ за приписку.[1]

◆◆ 1. 30 іюня Герцены выѣхали изъ Спб., 2 іюля прибыли въ Новгородъ. 28 іюня Бѣлинскій пишетъ В. П. Боткину: «Герценъ послѣ завтра уѣзжаетъ изъ Питера. Благородная личность — мало такихъ людей на землѣ. А жена его! — что за женственное, благороднѣйшее созданіе, полное любви, кротости, нѣжности и тихой граціи! И онъ стоитъ ея — это не то, что мы; мы искали въ женщинѣ актрисы, мы хотѣли ей удивляться, а не любить ее» (Бѣлинскій «Письма», II, 251). Герценъ былъ назначенъ совѣтникомъ новгородскаго губернскаго правленія указомъ сената 7 мая, а приказъ по губерніи состоялся 24-го; 14 іюля онъ вступилъ въ должность (Дѣло деп. герольдіи прав. сената 1841 г., № 230). М. Пришвинъ былъ въ Новгородѣ, долго справлялся, гдѣ дѣла о службѣ Герцена, и, наконецъ, узналъ, что всѣ отосланы въ министерство внутреннихъ дѣлъ, и въ самомъ Новгородѣ нѣтъ ни одного («Рус. Вѣдомости» 1912, № 71).

329. Приписки къ Н. Х. Кетчеру.

14 іюля 1841.
Новгородъ.

Полагаю очень скоро увидѣться съ тобою, а потому ограничусь дружескимъ рукожатьемъ трехъ рукъ, изъ коихъ одна — $^1/_8$ руки, т. е. Сашкина.

Сатинъ очень хвораетъ.[1] Прощай.

[1]) Жеребцова.

[2]) Chambellann — камергеръ. Такъ Герценъ прозвалъ владимірскаго помѣщика Апрянинова, въ домѣ котораго тогда жилъ.

23 іюля 1841.

Я тоже очень болѣнъ, но только (читай боленъ; Сатинъ говоритъ, что тутъ надобенъ *есть*, а такъ какъ онъ лѣтъ 17 болѣнъ, то я увѣренъ, что знаетъ всѣ подробности)—итакъ, но только не тѣломъ и не духомъ, а атмосферическимъ вліяніемъ среды болотистой, въ которой я долженъ ходить на травлю всякій день, и притомъ травлюсь я же.

Я очень радъ, что ты нанялъ квартиру у Артаріо Колумба [1]); я не могу тебя иначе представить, какъ гдѣ-нибудь въ Африкѣ. Твой хозяинъ, вѣрно, остался между Америкой и Спасскими казармами, когда Христобалъ не-Артари Колумбъ ѣздилъ «искать чего нѣтъ», какъ выразился Вельтманъ.

Увижусь черезъ мѣсяцъ непремѣнно.

Я забылъ тебѣ сообщить, что передъ отъѣздомъ Ог. я снова помирился съ Мар. Льв.; мы, право, много передъ ней виноваты, въ ней есть такія достоинства, mais des [2]) достоинства,—почтеннѣйшая женщина!

Прощай. Аминь.

◆◆ 1. Какъ видно изъ письма Н. А—ны, Н. М. Сатинъ пріѣхалъ къ Герценамъ на одинъ день, а, заболѣвъ, долженъ былъ прожить въ Новгородѣ около двухъ недѣль.

330. Письмо къ А. Л. Витбергу.

2 августа 1841 г.
Новгородъ.

Нужно ли говорить, съ какимъ чувствомъ глубокой горести читали мы ваше письмо; несчастный случай, бывшій съ вами и поводомъ которому, хотя косвенно, былъ нашъ отъѣздъ—сильно огорчилъ насъ.

Кажется, тяжесть креста иногда бываетъ несоразмѣрна съ силою плечъ человѣческихъ.

Позвольте мнѣ вамъ дать совѣтъ побывать у доктора Пирогова [3]) (онъ живетъ на Гагаринской пристани, въ домѣ Косиков-

[1]) Въ его домѣ, между Красными воротами и Спасскими казармами.
[2]) Но...
[3]) Николай Ивановичъ.

скаго); это—человѣкъ, стяжавшій европейскую славу, глубоко ученый врачъ; полагаю, что онъ вамъ дастъ хорошій совѣтъ.[1]

Что касается до нашей жизни, то она идетъ здѣсь уединенно и тихо. Не могу равно сказать ничего хорошаго и ничего худого объ ней. *Александръ.*[2]

◆◆ **1.** Въ сентябрѣ 1840 г. Витбергъ пріѣхалъ въ Спб. Тамъ онъ часто видѣлся съ Герценомъ и попрежнему былъ къ нему привязанъ. Отъѣздъ Герценовъ въ Новгородъ поразилъ Витберга настолько, что съ нимъ сдѣлался припадокъ падучей болѣзни.

2. 21 іюля Н. А—на писала Курутѣ: «Вотъ здѣсь ужь мы три недѣли, а я не могу рѣшиться начать знакомство,—кажется, если бы можно, прожила бы все время такъ; мы же нашли прекрасную квартиру на берегу Волхова, съ большимъ садомъ, въ уединеніи; ни прохода, ни проѣзда нѣтъ мимо насъ, точно деревня; только жаль, что пользоваться всѣмъ этимъ нельзя: почти мѣсяцъ здѣсь безпрерывные проливные дожди».

331. Еще изъ записокъ одного молодого человѣка.

Отъ нашедшаго тетрадь.

Помѣстивъ отрывокъ изъ первой тетради «Записокъ одного молодого человѣка» въ XIII томѣ «Отеч. Записокъ» (кн. 12, 1840), мы объяснили въ приличномъ «междусловіи», какъ намъ досталась тетрадь и какъ не достались нѣкоторые листы изъ нея. Теперь пришло намъ на мысль помѣстить отрывокъ изъ другой тетради. Между первой и второй тетрадями потеряны годы, версты, дести. Мы разстались съ молодымъ человѣкомъ у Дорогомиловскаго моста на Москвѣ-рѣкѣ, а встрѣчаемся на берегу Оки-рѣки, да притомъ вовсе безъ моста. Тогда молодой человѣкъ шелъ въ университетъ, а теперь ѣдетъ въ городъ Малиновъ [1]), худшій городъ въ мірѣ, ибо ничего нельзя хуже представить для города, какъ совершенное несуществованіе его. *Молодой человѣкъ* дѣлается *просто «человѣкъ»* (не сочтите этого двусмысленнаго слова за намекъ, что онъ пошелъ въ лакеи). Завиральныя идеи начинаютъ облетать, какъ желтые листья. Въ третьей тетради — *полное развитіе*: тамъ никакихъ уже нѣтъ идей, мыслей, чувствъ; отъ этого она дѣльнѣе и видно, что молодой человѣкъ «въ умъ вошелъ»; вся третья тетрадь состоитъ изъ расходной книги, формулярнаго списка и двухъ довѣренностей, засвидѣтельствованныхъ въ гражданской палатѣ. Пока вотъ отрывокъ изъ начала второй тетради; будетъ и изъ третьей, если того захотятъ, во-первыхъ, читатели, во-вторыхъ, издатель «Отеч. Записокъ», въ-третьихъ... кто, бишь, въ-третьихъ, дай Богъ, память... Вспомню, скажу послѣ [2]).

[1]) Вятка.

[2]) Снова намекъ на цензуру.

Годы странствованія.

So bleibe denn die Sonne mir im Rücken
. . . . . .
Am färbigen Abglanz haben wir das Leben. [1])
Faust, II Theil.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Per me si va nella citta dolente!
Dante. Del' Inferno. [2])

Я устроенъ чрезвычайно гуманно. Читая Розенкранцеву «Психологію [3]), имѣлъ я случай убѣдиться, что устроенъ рѣшительно по хорошему современному руководству. Оттого меня нисколько не удивляетъ, что всякое первое впечатлѣніе бываетъ смутнѣе, слабѣе, нежели отчетъ въ немъ. Непосредственность — только пьедесталъ жизни человѣческой, и именно отчетомъ поднимается человѣкъ въ ту сферу, гдѣ вся мощь и доблесть его. Въ самомъ дѣлѣ, не знаю, какъ съ другими бываетъ, а я никогда не чувствовалъ всей полноты наслажденія въ самую минуту наслажденія (само собой разумѣется, что рѣчь идетъ не о чувственномъ наслажденіи: котлеты въ воспоминаніи, право, меньше привлекательны, нежели во рту). Наслаждаясь, я дѣлаюсь страдателенъ, воспринимающъ. Послѣ блаженство какъ-то дѣятельно струится изъ меня, и я постигаю по этой силѣ исходящей всю полноту его. То же въ горестяхъ: никогда не чувствовалъ я всей горечи разлуки такъ сильно, какъ отъѣхавъ нѣсколько станцій. Впрочемъ, такая организація не есть исключительно гуманная; покойникъ А. Л. Ловецкій, Professor ord. Mineralogiae [4]) etc., etc., читалъ, когда еще былъ въ бренной оболочкѣ, о камнѣ, называемомъ болонскимъ, который, поле-

[1]) Къ тебѣ я, солнце, обращусь спиною
. . . . . .
...жизнь на отблескъ красочный походитъ.
(Гете «Фаустъ», II ч. Пер. Н. Холодковскаго).

[2]) «Черезъ меня идутъ въ страну печали».
Данте «Адъ».

[3]) Карлъ Розенкранцъ, ученикъ Гегеля.

[4]) Ординарный профессоръ минералогіи.

жавши на солнцѣ, затаиваетъ въ себѣ свѣтъ, а послѣ, ночью свѣтится (не знаю, имѣютъ ли то же свойство болонскія собаки, но сомнѣваюсь). Такъ случилось и теперь. Съ какимъ-то тяжело-смутнымъ, дурно-неяснымъ чувствомъ проскакалъ я 250 верстъ. Было начало апрѣля. Ока разлилась широко и величественно, ледъ только что прошелъ. На большой парѣмъ поставили мою коляску, бричку какого-то коннаго офицера, ѣхавшаго получать богатое наслѣдство, и коробочку на колесахъ ревельскаго купца въ ваточномъ халатѣ, сверхъ котораго рисовалась шинель water proof [1]). Мы ѣхали вмѣстѣ третью станцію, и я радъ былъ встрѣчѣ съ людьми, хотя, въ сущности, радоваться было нечему. Офицеръ разсказывалъ съ необычайною плодовитостью свои похожденія въ Москвѣ, на Мѣщанской, съ казарменнымъ цинизмомъ, кричалъ въ интервалахъ ужаснымъ голосомъ: «Юрка, трубку!» и бурнымъ потокомъ словъ обдавалъ каждаго смотрителя. Купецъ ревельскій, чрезвычайно похожій на Пріапа, былъ въ восторгѣ отъ геройскихъ подвиговъ господина офицера и только съ чувствомъ глубокой грусти иногда говорилъ, качая головою: «хорошо имѣть эполеты, а вотъ нашъ братъ...» Офицеръ самодовольно поглаживалъ усы послѣ такого замѣчанія и еще громче кричалъ: «Юрка, трубку!»... А я, все-таки, радовался встрѣчѣ.

Небо было безоблачно, солнце свѣтило; какой-то особый запахъ весны носился надъ водою. Плавно, тихо двинулся парѣмъ; разливъ простирался верстъ на десять. Прѣсненскіе Пруды въ Москвѣ были наибольшее количество воды, видѣнное мною прежде. Меня поразила рѣка. Ревельскій Пріапъ вытащилъ фляжку съ ромомъ и, наливая въ крышку, подалъ мнѣ, говоря: «Я купилъ этотъ ромъ у Кистера въ Москвѣ; онъ очень хорошъ: пейте! вамъ *долго* не придется пить такого рома; *тамъ* продаютъ кизлярку съ мадерой за ромъ... На водѣ же не мѣшаетъ». Я выпилъ, повернулся лицомъ къ водѣ и оперся на загородку. «Долго не придется», повторилъ я, и неопредѣленныя чувства, тяготившія грудь, вдругъ стали проясняться; грусть острая, жгучая развивалась и захватывала душу. Я пристально смотрѣлъ на гладкую, лоснящуюся поверхность Оки. Московскій берегъ отодвигался далѣе и далѣе; глубь, вода, пространство, препятствія меня отдѣляли болѣе и болѣе... А тотъ берегъ — чуждый, непріязненный, изъ темно-синей полосы превращался въ поля, деревни становились ближе и ближе... На московскомъ берегу у меня все: впалыя щеки старца, по которымъ недавно катилась слеза... и другія слезы... О, Боже!.. А на

[1]) Непромокаемая (ватерпруфъ).

томъ берегу ничего для меня: ни желанія ступить на него, ни воли не ступать. Слезы полились изъ глазъ; это бываетъ рѣдко со мною, и я опять твердилъ: «долго, долго»... Ярче я никогда не чувствовалъ разлуки. Тихое, спокойное движеніе по водѣ само собою наводитъ грусть; рѣка была какимъ-то олицетвореніемъ препятствій и ихъ возрастанія, рубежей и ихъ непреодолимости, семи тяжелыхъ замковъ, которыми запирается все милое. Потомъ прошедшее осѣнило меня какъ бы въ утѣшеніе, и грустная, но вспрянувшая душа придавала ему чудное изящество: образъ друга, окруженный свѣтомъ заходящаго солнца на горахъ, образъ дѣвы-утѣшительницы, окруженный полумракомъ среди надгробныхъ памятниковъ кладбища, слетѣли съ неба. Когда они были близко, когда я могъ связать ихъ, они были еще люди; разлука придала имъ идеальную невещественность; они мнѣ казались тогда свѣтлыми видѣніями... И я былъ даже счастливъ въ эти минуты тяжкой грусти...

Парóмъ стукнулся и остановился. Офицеръ хотѣлъ перескочить на берегъ прежде, нежели положили доску, и по колѣна увязъ въ грязи.

— Можетъ ли что-нибудь быть ужаснѣе!—кричалъ онъ, бѣсясь отъ досады.—Юрка, Юрка!

— Можетъ,—отвѣчалъ я, но ему было не до моихъ возраженій.

А что?—спросите вы.

Быть отложительнымъ глаголомъ латинской грамматики и спрягаться *страдательно*, не будучи страдательнымъ.

На Волгѣ я чуть не потонулъ; однакожъ, не потонулъ, чтò очень хорошо.

Наконецъ, послѣ разнообразнѣйшихъ приключеній я благополучно сталъ на якорѣ передъ городомъ Малиновымъ, и его-то именно я хочу описать. Жаль только, что у меня голова устроена какъ-то безсмысленно. Плано Карпини [1]), напримѣръ, разсказываетъ свое путешествіе, какъ по писанному, и, сказавъ въ началѣ: «dicendo de cibis dicendum est de moribus» [2]), знаетъ уже, что какъ опишешь десертъ, такъ и слѣдуетъ о нравахъ. Я сколько ни думалъ, не придумалъ, въ какой порядокъ привести *любопытные* отрывки изъ моего журнала, и помѣщаю его въ томъ видѣ, какъ онъ былъ писанъ.

[1]) Францисканецъ-монахъ, отправленный папою къ монгольскому императору.

[2]) Сказавъ о пищѣ, надо сказать о нравахъ.

Патріархальные нравы города Малинова.

Посвящаю памяти Кука и его (вѣроятно) превосходительству Дюмонъ-д'Юрвилю, capitaine de Vaisseau [1]).

Великія океаниды! вы не пренебрегали бѣдными островами, которыхъ все населеніе составляютъ гадкіе слизняки, двѣ-три птицы съ необыкновеннымъ клювомъ и столбъ, вами же поставленный. Отвергнете ли вы городъ Малиновъ?

Тщетно искалъ я въ вашихъ вселенскихъ путешествіяхъ, въ которыхъ описанъ весь кругъ свѣта, чего-нибудь о Малиновѣ. Ясно, что Малиновъ лежитъ не въ кругѣ свѣта, а въ сторону отъ него (оттого тамъ вѣчныя сумерки). Я не видалъ всего круга свѣта и, будто въ пику вамъ и себѣ, видѣлъ одинъ Малиновъ [2]) — посвящаю его вамъ и себя съ нимъ повергаю на палубу вашихъ землеоблетающихъ фрегатовъ.

Summa cum pietate etc., etc., etc. [3])

...Паромъ двигался тихо; крутой берегъ, гдѣ грѣлось на солнцѣ желтое длинное зданіе присутственныхъ мѣстъ, едва приближался, и мнѣ было грустно; разлука или предчувствіе были причиною, не знаю; вѣроятно, то и другое. Для меня въѣздъ въ новый городъ всегда полонъ думъ, и думъ торжественныхъ; кучка людей, живущихъ тутъ, не имѣла понятія обо мнѣ, я—объ нихъ; они родились, выросли, страдали и радовались безъ меня, я безъ нихъ,—и вдругъ наши жизни коснутся и, по чему знать, можетъ, въ этой кучкѣ найду я себѣ друга, который проведетъ меня черезъ всю жизнь, врага, который пошлетъ пулю въ лобъ. Если же и ничего этого не будетъ, все же ихъ жизни для меня раскроются, и я, какъ дѣятельный элементъ, войду въ кругъ чуждый и, по чему знать, какъ подѣйствую на него, какъ онъ подѣйствуетъ на меня?..

[1]) Капитанъ перваго ранга.

[2]) Правдивость заставляетъ сказать, что до меня одинъ путешественникъ былъ въ Малиновѣ и вывезъ оттуда экземпляръ безхвостой обезьяны, названной имъ по-латыни Bedovik. Она чуть не пропала между Петербургомъ и Москвой (См. «Отеч. Зап.» 1839, т. III, отд. III, стр. 136—245, «Бѣдовикъ») [0]). *А. И. Г.*

[3]) Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и т. д., и т. д., и т. д.

---

[0]) «Бѣдовикъ»—сочиненіе В. Луганскаго (В. И. Даля), въ которомъ говорится о городѣ Малиновѣ.

Парѣмъ остановился, коляску заложили, и я въѣхалъ въ Богомъ хранимый градъ Малиновъ, шагомъ тащась на гору по глинистой землѣ. Благочестивый городъ не завелъ еще гостиницы; я остановился на постояломъ дворѣ, довольно грязномъ и чрезвычайно душномъ. Первымъ дѣломъ было раскрыть окно: низенькіе домики стоятъ по обѣимъ сторонамъ улицы, травка растетъ возлѣ деревянныхъ тротуаровъ, и изрѣдка проѣзжаютъ, особымъ образомъ дребежжа, какія-нибудь желтыя или свѣтлозеленыя дрожки, дѣланныя до француза. «Должно быть, эти люди въ простотѣ душевной живутъ себѣ тихо и хорошо», думалъ я и (такъ какъ это было на другой годъ послѣ университета) прибавилъ: «Beatus ille qui procul negotiis [1]), ѣздитъ по улицамъ, на которыхъ растетъ трава».

Такъ какъ идиллическое расположеніе не могло меня насытить, я спросилъ хозяина, что у него есть съѣстного. «Есть, пожалуй, рыба славная». — Дай рыбу! Онъ принесъ черезъ полчаса кусокъ рыбы съ запахомъ лимбургскаго сыра; я люблю, чтобъ каждая вещь пахла сама собою, и потому не могъ въ ротъ взять рыбы. — Еще что есть? — «Да ничего, *пожалуй*, нѣтъ». Хозяйка пожалѣла обо мнѣ и изъ другой комнаты, минутъ черезъ пять, принесла яичницу, въ которой были куски сыромятной кожи, состоявшіе въ должности ветчины, какъ надобно думать. Дѣлать было нечего: я наѣлся яичницы. Такъ какъ дѣло шло къ вечеру, а я былъ разбитъ весенней дорогой, то и легъ спать.

Черезъ недѣлю.

Я переѣхалъ изъ нечистаго постоялаго двора на нечистую квартиру одного изъ самыхъ большихъ домовъ въ городѣ. Домъ этотъ состоитъ изъ разныхъ пристроекъ, дополненій, прибавленій, и отдается въ наймы разнымъ семьямъ, которыя всѣ пользуются садомъ, заросшимъ крапивою и лопушникомъ. Вчера вечеромъ мнѣ вздумалось посѣтить нашъ паркъ; я нашелъ тамъ, во-первыхъ, хозяина дома, во-вторыхъ, всѣхъ его жильцовъ. Хозяинъ дома — холостой человѣкъ, лѣтъ 45, отростившій большія бакенбарды для того, чтобъ жениться, болтунъ и дуракъ, дружески адресовался ко мнѣ и тотчасъ началъ меня рекомендовать и мнѣ рекомендовать. Тутъ былъ какой-то старикъ подслѣпый, съ Анной въ петлицѣ нанковаго сюртука, отставленный членъ межевой конторы; какая-то блѣдная семинарская фигура съ тѣмъ видомъ рѣшительнаго идіотизма, который мы преимущественно находимъ у такъ называе-

[1]) Счастливъ, кто далекъ отъ дѣловыхъ хлопотъ.

мыхъ «ученыхъ»,—и въ самомъ дѣлѣ, это былъ учитель малиновской гимназіи. Межевой членъ, поднося мнѣ табакерку, спросилъ:

— Изволите служить?

— Теперь нѣтъ; дѣла мои требовали, чтобъ я покинулъ службу на нѣкоторое время.

— А, ежели смѣю спросить, имѣете чинъ?

— Титулярный совѣтникъ.

— Боже мой!—сказалъ онъ съ видомъ глубокаго оскорбленія,—я думаю, вы не родились, а я уже былъ помощникомъ землемѣра при генеральномъ межеваніи,—и мы въ одномъ чинѣ! Хоть бы при отставкѣ дали асессора! Единъ Богъ знаетъ мои труды! Да за что же васъ произвели въ такой рангъ?

Мнѣ было немножко досадно; однако, уважая его лѣта, я ему объяснилъ университетскія права. Онъ долго качалъ головою, повторяя:

— И служи послѣ этого до сѣдыхъ волосъ!

Въ то время, когда участникъ генеральнаго межеванія страдалъ отъ университетскихъ правъ, учитель гимназіи принялъ важный видъ и самодовольно замѣтилъ, что и онъ, на основаніи права лицъ, окончившихъ курсъ въ одномъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, состоитъ въ 9 разрядѣ, протянулъ мнѣ руку, какъ гражданинъ respublicae litterarum [1]) своему согражданину. Человѣкъ этотъ чрезвычайно безобразенъ, нечистъ и, судя по видимымъ образчикамъ его бѣлья, надобно думать, что онъ мѣняетъ его только въ день Кассіана-римлянина.

— Какого факультета-съ?

— Математическаго.

— И я-съ; да знаете, трудная наука, сушитъ грудь-съ; напряженіе вниманія очень нездорово; я оставилъ теперь математику и преподаю риторику...

Хозяинъ потащилъ меня, перерывая педагога, рекомендовать дамамъ; вообще онъ старался показать, что со мною старый знакомый, и, какія границы я ни ставилъ его дружбѣ, она, какъ всѣ сильныя чувства, ломала ихъ.

«Вотъ нашъ столичный гость,—кричалъ онъ *прекрасному полу,* сидѣвшему подъ качелями, рѣшительно похожими на висѣлицу.

Старуха, съ померанцовыми лентами на чепцѣ, начала меня тотчасъ разспрашивать о Москвѣ и о *Филаретѣ.* Потомъ звала приходить къ нимъ *поскучать* и, указывая на трехъ барышень,

[1]) Республика литературы.

изъ которыхъ двѣ смотрѣли мнѣ прямо въ глаза, а третья, довольно хорошенькая, сидѣла поодаль съ книгой, объявила, что это ея дочери. Учитель гимназіи приступилъ ко мнѣ съ неотступной просьбой итти къ нему чай пить. Дивясь такой необыкновенной учтивости, я пошелъ. Учитель привелъ меня въ комнату, въ которой сидѣла премолоденькая женщина и, сказавъ: «Сѐ ма фамъ», прибавилъ: «прошу безъ церемоніи трубочку фаллеру; у насъ, ученыхъ, нѣтъ церемоній». Жена его премиленькая и проста до безконечности; она говорила, что ей скучно жить на свѣтѣ, что хочетъ умереть, и при этомъ дѣлала такіе предсмертные глазки, что мнѣ пришли въ голову фантазіи, совершенно противоположныя смерти; впослѣдствіи я убѣдился, что я не такъ далекъ былъ отъ ея мыслей въ этой противоположности.

Конечно, все это смѣшно; но гдѣ же найдешь въ большомъ городѣ такое радушіе, гостепріимство? Люди всегда судятъ по наружности; что за дѣло до формы! [1])

Черезъ двѣ недѣли.

Жаль, право, что эти добрые люди такъ сплетничаютъ: это отнимаетъ всю охоту ходить къ нимъ. Я начинаю думать, что все гостепріимство ихъ основано на скукѣ; они другъ другу страшно надоѣли, и новый пріѣзжій, особенно изъ столицы, для нихъ акробатъ, фокусникъ, обязанный занимать ихъ, разсказывать имъ новости; за это они строютъ ему куры, кормятъ на убой, поятъ донельзя, заставляютъ для него дочерей пѣть, аккомпанируя на пятиоктавномъ фортепьяно съ сковородными звуками. Когда выспросятъ его обо всемъ, и тогда даже интересъ его далеко не исчерпанъ: они начинаютъ всѣми средствами узнавать о его дѣлахъ, о его родныхъ; иные дѣлаютъ это изъ видовъ; наприм., старуха-совѣтница, живущая противъ меня (я каждое утро вижу, какъ она, повязанная платкомъ, изъ-подъ котораго торчатъ нѣсколько сѣдыхъ волосъ въ палецъ толщиною, осматриваетъ свое хозяйство), познакомилась у воротъ съ моимъ камердинеромъ, Петромъ Ѳедоровичемъ, и спрашивала его, женатъ я или нѣтъ, и если нѣтъ, имѣю ли охоту и склонность къ браку. Въ это время выбѣгала за

[1]) Напередъ предувѣдомляемъ читателей: мы увѣрены, что неизвѣстный намъ авторъ «Записокъ» все предыдущее и послѣдующее въ этой статьѣ о городѣ Малиновѣ просто *выдумалъ*, и что ничего изъ разсказываемаго имъ въ дѣйствительности не было и быть не могло, точно такъ же, какъ нѣтъ и никогда не бывало въ мірѣ города *Малинова*, котораго не найдете ни на какихъ картахъ древняго и новаго свѣта.—*Ред. «От. Зап.». Каковъ макіавеллизмъ! А. И. Г.*

нею (разумѣется, ненарочно) дочка, рыжая и курносая, у которой не только на лицѣ, но и на платьѣ были веснушки. Другіе находятъ просто поэтическое удовольствіе въ томъ, чтобъ знать всѣ домашнія дѣла новоприбывшаго...

Черезъ мѣсяцъ.

Былъ на большомъ обѣдѣ у одного изъ здѣшнихъ аристократовъ. Ужасно смѣшно все безъ исключенія, начиная отъ хозяина въ свѣтло-яхонтовомъ фракѣ и съ волосами, вычесанными вгладь, до креселъ изъ цѣльнаго краснаго дерева, тяжелѣе 10-фунтоваго орудія, украшенныхъ позолоченной рѣзьбою, въ видѣ раковинъ и амуровъ. Торжественной процессіей отправился beau monde въ столовую: губернаторъ съ хозяйкой дома впередъ; за нимъ всѣ въ почтительномъ разстояніи и въ томъ порядкѣ, въ какомъ чиновники пишутся въ адресъ-календарѣ. Толпа лакеевъ въ какихъ-то чижоваго цвѣта сюртукахъ, пестрыхъ галстукахъ и съ бисерными шнурками по жилетамъ суетилась за стульями подъ предводительствомъ дворецкаго, котораго брюхо доказывало, что онъ вполнѣ пользуется правомъ ѣсть съ барскаго стола. Изъ-за полузатворенной двери выглядывала босая баба, одѣтая въ грязь, съ тарелкой въ рукѣ и съ полотенцемъ. Вице-губернаторъ хотѣлъ, было, сѣсть за второй столъ, за которымъ помѣстились барышни и молодые люди, но старуха, мать хозяина, начала кричать: «помилуйте, Сергѣй Львовичъ, что вы дѣлаете; куда это вы сѣли?» — Да развѣ вы меня считаете старикомъ? — «Охъ, батюшка», отвѣчала старуха, «лѣтами-то ты молодъ, да чинъ-то твой старъ». Малиновъ смѣло можетъ похвастать порядкомъ распредѣленія мѣстъ за обѣдомъ.

Главное дѣйствующее лицо за обѣдомъ былъ докторъ, сорокъ лѣтъ тому назадъ забывшій медицину и учившійся пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ въ Геттингенѣ. Онъ поѣхалъ въ Россію съ твердымъ убѣжденіемъ, что въ Москвѣ по улицамъ ходятъ медвѣди и, занесенный въ Малиновъ нѣмецкой страстью пытать счастья по всему бѣлому свѣту, обжился здѣсь, привыкъ и остался дожидаться, пока разстройство животной экономіи и засореніе vasorum absorbentium [1]) превратитъ его самого въ соръ. Этотъ старичокъ, весьма веселый и крошечнаго роста, лукаво посматривалъ сѣренькими глазками, острилъ въ глаза надъ всѣми, шутилъ, отпускалъ вольтеровскія замѣчанія, смѣшилъ двусмысленностями и приводилъ въ ужасъ матеріализмомъ. При этомъ онъ умѣлъ принимать такой видъ кліентизма и уничиженія, такой видъ бономіи [2]) и самоуничто-

[1]) «Всасывающіе» сосуды.

[2]) Bonhomie — сердечная доброта съ чрезвычайною простотою манеръ.

женія, что его вылазки даже на особу его превосходительства принимались милостиво. Я воображаю, что подобную роль играли жиды въ замкахъ рыцарей, когда они имъ были нужны. Его всѣ любили, и онъ всѣхъ любилъ. Это поколѣніе родилось, выросло, занемогло, выздоровѣло при немъ, отъ него; онъ не только зналъ ихъ наружность, но зналъ внутренности и еще больше, нежели наружность и внутренности,—я замѣтилъ это по нѣкоторымъ сардоническимъ взглядамъ, отъ которыхъ пылали нѣкоторыя щечки.

За обѣдомъ первый тостъ пили за *здравіе* его превосходительства, съ благоговѣйнымъ чиномъ, вставши. Докторъ сложилъ руки на груди и сказалъ: «Ваше превосходительство, ну, могу ли я откровенно пить такой ужасный тостъ для меня?»... Всѣ захохотали; чиновники качали головой, будто говоря «экій смѣльчакъ!», и я хохоталъ, потому что въ самомъ дѣлѣ выходка была смѣшна.

Когда кончился обѣдъ съ своими 26-ю блюдами и 15 тостами, всѣ бросились къ карточнымъ столамъ. Барышни столпились въ уголъ залы. Докторъ, слѣдуя гигіеническимъ правиламъ, еще возложеннымъ въ Геттингенѣ и отъ которыхъ онъ никогда не отступалъ, сталъ ходить изъ угла въ уголъ по комнатѣ, всякій разъ стрѣляя остротами, когда подходилъ къ барышнямъ. Я ушелъ.

Черезъ полтора мѣсяца.

Жена почтмейстера, принимающая во мнѣ родственное участіе, сказала, что на меня дуется весь городъ, зачѣмъ я не дѣлалъ визитовъ. Безъ вины виноватъ! Мнѣ отроду не приходила въ голову возможность ѣхать въ незнакомый домъ. Завтра нанимаю я у хозяина дома дрожки (досадно только, что онѣ обиты кирпичнаго цвѣта сукномъ) и ѣду.

На другой день.

Вездѣ приняли, какъ родного, и потчевали водкой. Право, они—предобрые люди! Глупы ужасно, ну, да что-жъ дѣлать. Дамы намекали что-то на то, что я прежде познакомился съ почтмейстершей. Какое вниманіе ко мнѣ! Немного досадно, что онѣ такъ дурно думаютъ о моемъ вкусѣ. Жена тощаго учителя въ тысячу разъ милѣе и ближе къ натурѣ. Вчера мы съ ней гуляли по саду въ лунный вечеръ. Луна и здѣсь такъ же сентиментальна, какъ вездѣ. Въ саду есть бесѣдка, изъ оконъ которой прекрасно смотрѣть на луну...

Черезъ полгода.

Бѣдная, жалкая жизнь! не могу съ нею свыкнуться... Пусть человѣкъ, гордый своимъ достоинствомъ, пріѣдетъ въ Малиновъ посмотрѣть на тамошнее общество—и смирится. Больные въ домѣ

умалишенныхъ меньше безсмысленны. Толпа людей, двигающаяся и влекущаяся къ однимъ призракамъ, по горло въ грязи, забывшая всякое достоинство, всякую доблесть, тѣсныя, узкія понятія, грубыя, животныя желанія... Ужасно и смѣшно! Въ природѣ есть какая-то сардоническая логика, по которой она безжалостно развиваетъ нелѣпости чрезвычайно послѣдовательно. И именно въ этихъ-то развитіяхъ тѣсно спаянъ, какъ въ шекспировскихъ драмахъ, глубокотрагическій элементъ съ уморительно-смѣшнымъ. И жаль ихъ отъ души, и не удержишься отъ смѣха... Бѣдные люди! Они подъ тяжелымъ фатумомъ; виноваты ли они, что съ молокомъ всосали въ себя понятія нечеловѣческія, что воспитаніемъ они исказили всѣ порывы, заглушили всѣ высшія потребности? Такъ же не виноваты, какъ альбиносы, которые вдыхаютъ въ себя сѣверный болотный воздухъ, лишающій ихъ силъ и заражающій ихъ организмъ.

И этотъ міръ нелѣпости чрезвычайно послѣдовательно учредился, такъ, какъ Японія, и въ немъ всякое измѣненіе на сію минуту невозможно, потому что онъ твердо растетъ на прошедшемъ и вѣренъ своей почвѣ. Вся жизнь сведена на матеріальныя потребности: деньги и удобства — вотъ граница желаній, и для достиженія денегъ тратится вся жизнь. Идеальная сторона жизни малиновцевъ — честолюбіе, честолюбіе дѣтское, микроскопическое, вполнѣ удовлетворяющееся приглашеніемъ на обѣдъ къ губернатору и его пожатіемъ руки.

Утромъ Малиновъ на службѣ; въ два часа Малиновъ ѣстъ очень много и очень жирно, что̀ и обусловливаетъ необходимость двухъ большихъ рюмокъ водки, чтобъ сдѣлать снисходительнымъ желудокъ. Послѣ обѣда Малиновъ почиваетъ, а вечеромъ играетъ въ карты и сплетничаетъ. Такимъ образомъ жизнь наполнена, законопачена, и нѣтъ ни одной щелки, куда бы прорѣзался лучъ восходящаго солнца, въ которую бы подулъ свѣжій, утренній вѣтеръ. И, что̀ меня выводитъ пуще всего изъ себя, это удушливое однообразіе, это отвратительное semper idem [1]). Ежели танцуютъ, — все тѣ же кавалеры и тѣ же фраки; иногда мѣняются перчатки. Какъ теперь вижу красное платье цвѣта давленой брусники на женѣ директора гимназіи; это платье пятьдесятъ разъ мелькало передо мною въ разныхъ временахъ года, въ разныхъ обстоятельствахъ жизни, въ разныхъ танцахъ; даже мнѣ памятенъ особый померанцевый запахъ отъ него въ родѣ кюрасо [2]). И говорятъ все одно и то же. Всякій вечеръ играютъ четыре мученика другъ съ

[1]) Вѣчное одно и то же.
[2]) См. предисловіе ко 2-му изданію «Кто виноватъ?».

другомъ въ бостонъ, и всякій разъ однѣ и тѣ же остроты. Одинъ скажетъ «пришестнемъ» вмѣсто шесть, «не вистъ, а вистище»—и трое другихъ хохочутъ всякій разъ! Да, вѣдь, это ужасно! Человѣчество можетъ ходить взадъ и впередъ, Лиссабонъ—проваливаться, государства возникать, поэмы Гете и картины Брюллова—являться и исчезать,—малиновцы этого не замѣтятъ. Наполеону надобно было предпринять походъ 1812 года и пройти нѣсколько тысячъ верстъ самъ-полмилліона для того, чтобъ обратить на себя ихъ вниманіе. И то какое вниманіе! О французѣ они услышали, какъ о саранчѣ; вѣдь, никто не спрашиваетъ, откуда саранча и зачѣмъ,—довольно знать, что хлѣбъ дороже будетъ...

Встрѣчались люди, у которыхъ сначала былъ какой-то зародышъ души человѣческой, какая-то возможность,—но они крѣпко заснули въ жалкой узенькой жизни. Случалось говорить съ ними о смертномъ грѣхѣ противъ духа—обращать человѣческую жизнь въ животную: они просыпались, краснѣли; душа, вспоминая свою орлиную натуру, расправляла крылья; но крылья были тяжелы, и они, какъ куры, только хлопали ими, на воздухъ не поднялись и продолжали копаться на заднемъ дворѣ. Я глядѣлъ на нихъ и чуть не плакалъ.

Чтобъ познакомить еще болѣе съ жизнію малиновцевъ, я опишу типическій день отъ 8 ч. утра до 3 ч. ночи.

Праздникъ ✠ въ кружкѣ. На дворѣ трескучій морозъ, на улицахъ снѣгъ на аршинъ; плохо разсвѣло, а снѣгъ уже скрипитъ подъ санями непремѣннаго члена приказа, который отправляется къ губернатору рапортовать о состояніи богоугодныхъ заведеній и поздравить его съ праздникомъ. Онъ увѣренъ, что губернаторъ еще спитъ, что онъ его прождетъ часа полтора, но въ томъ-то и сила, чтобъ прійти раньше всѣхъ,—почтительнѣе. Сальные лакеи для него не встанутъ; шубу онъ самъ снялъ на первой ступенькѣ лѣстницы; калоши оставилъ въ саняхъ, а сани у воротъ. Черезъ полчаса начинаютъ подъѣзжать къ воротамъ чиновники низшаго разряда,—все это, чтобъ поздравить «генерала» съ праздникомъ. Наконецъ, являются аристократы; они гордо въѣхали на дворъ и смѣло вошли въ переднюю въ шубахъ. Зала наполняется. Смиренно въ углу стоитъ какой-нибудь исправникъ; онъ всѣмъ кланяется, всѣхъ уважаетъ; онъ дрожитъ до тѣхъ поръ, пока не доберется опять до своихъ лѣсовъ. Полицмейстеръ, въ мундирѣ безъ эполетъ, держитъ рапортъ о благосостояніи города; правитель канцеляріи съ портфелемъ ждетъ у дверей кабинета; исправникъ бросаетъ тоскливые взоры на этотъ портфель... Погодя немного, съ шумомъ влетаетъ изъ внутреннихъ дверей, notez

bien cela [1])—чиновникъ особыхъ порученій, безъ шляпы; «мы, дескать, свои люди». Онъ одинъ громко говоритъ,—остальные шепчутъ; исправникъ похудѣлъ, когда онъ вошелъ, и поклонился низко; чиновникъ особыхъ порученій потолстѣлъ, увидѣвъ исправника, и поклонился ему наизнанку, то есть закинувъ голову на спину. Между тѣмъ, компанія раздѣлилась на двѣ части: аристократы сами по себѣ, плебеи сами по себѣ. Да кто же тутъ аристократы? Сейчасъ объясню вамъ это. Есть чиновники, сидящіе за перегородкой, передъ столомъ, покрытымъ краснымъ сукномъ; эти чиновники пишутъ по одному слову на каждой бумагѣ, это—*совѣтники*, аристократы; это—люди, которые приглашаются къ обѣденному столу его превосходительства. Есть другіе чиновники, сидящіе по сю сторону перегородки, передъ столами, которые покрыты чернильными пятнами; эти пишутъ по одному милліону словъ на каждомъ листѣ, но они не аристократы, они—*канцелярскіе*. Эти два міра нигдѣ не смѣшиваются; одинъ переходный мостъ между ними—секретарь; секретарь, какъ Лафайетъ [2]),—человѣкъ двухъ міровъ. Безъ него совѣтникамъ было-бъ нечего подписывать, а канцелярскимъ списывать. Онъ и въ обществѣ играетъ ту же роль. Если нѣтъ вблизи четвертаго, его сажаютъ съ собою за бостонъ аристократы, и онъ одѣваетъ бѣлый галстукъ. А завтра, на именинахъ у *канцелярскаю*, для него составятъ бостонъ изъ двухъ столоначальниковъ и частнаго пристава, и онъ придетъ въ сюртукѣ и разстегнетъ двѣ пуговки на жилетѣ. Есть еще разные двусмысленные чиновники, Zwittergestalten [3]), лавирующіе между двумя мірами и, смотря по обстоятельствамъ, прикрѣпляющіеся то къ одному, то къ другому: губернскій стряпчій, правитель дѣлъ губернатора,—но истинно завидное общественное положеніе принадлежитъ чиновнику особыхъ порученій. Партизанъ юридическихъ набѣговъ, онъ съ презрѣніемъ смотритъ на все, кромѣ губернатора; его аристократы боятся, плебеи ему удивляются, всѣ завидуютъ; онъ въ синемъ фракѣ обѣдаетъ у губернатора, онъ отправляетъ на почту письма ея превосходительства. Около міровъ губернскаго чиновничества обращаются міры уѣздныхъ; о нихъ въ другой главѣ. Внѣ всего этого, шага на два, отдѣльные владѣтельные князья: прокуроръ, директоръ гимназіи, удѣльный начальникъ; ихъ отношенія не такъ правильно истекаютъ изъ главной идеи, какъ въ мірѣ, подчиненномъ губернатору.

[1]) Отмѣтьте это хорошенько.
[2]) Маркизъ, знаменитый либеральный политическій дѣятель.
[3]) Гермофродиты.

Но двери въ кабинетъ растворились, и «генералъ» вышелъ; съ нимъ его гость и другъ, малиновскій откупщикъ, толстый мужчина съ свиными глазами. Губернаторъ Малинова говоритъ съ тремя-четырьмя изъ аристократовъ, на остальныхъ не обращаетъ вниманія, а ежели кому случится встрѣтиться съ его взглядомъ, тотъ тотчасъ кланяется, хотя бы въ пятый разъ; многіе выставляются, чтобъ заявить свое присутствіе. Директоръ гимназіи, пріѣхавши позже всѣхъ, поднимаетъ голосъ:

— Ваше превосходительство, не соблаговолите ли ѣхать въ каѳедральный соборъ? Отецъ-ректоръ семинаріи, высокопреподобный Макридій, будетъ говорить слово.

— Какъ же! непремѣнно. Онъ хорошо говоритъ?

— Ораторское искусство Цицерона, ваше превосходительство!—и директоръ гордо смотритъ на окружающихъ.

Губернаторъ, обращаясь ко всѣмъ, произноситъ: «И вы, вѣроятно, въ соборъ? Надобно молиться!»—и всѣ ѣдутъ въ соборъ.

Обѣдъ я описывалъ. Вечеромъ балъ у полицмейстера. Губернаторъ отдаетъ приказъ, чтобъ раньше собирались: онъ не любитъ, когда кто-нибудь позже его пріѣзжаетъ.

Выспавшись, городъ начинаетъ торопиться, надѣваетъ пестрый жилетъ, коричневый фракъ, надѣваетъ всего чаще вицъ-мундиръ и ѣдетъ на балъ. Дамскій туалетъ я описать не возьмусь: отъ одного описанія можетъ зарябить въ глазахъ. Плошки горятъ у воротъ полицмейстера, въ окнахъ свѣтъ. Въ восьмомъ часу начинаетъ собираться beau monde; пьяный *квартальный* снимаетъ шубы и прячетъ ихъ, чтобъ никто не уѣхалъ; въ передней тѣсно: четыре семинариста въ затрапезныхъ халатахъ, два солдата и канцелярскій служитель въ фризовой шинели, подпоясанный бѣлымъ полотенцемъ, составляютъ оркестръ. Начинаютъ подъѣзжать экипажи, и огромный возокъ почтмейстера, мыча и скрипя, остановился у крыльца. Возокъ этотъ дѣланъ около царствованія Анны Іоанновны и, отодвигаясь каждое двадцатилѣтіе на нѣсколько сотъ верстъ отъ Петербурга, оканчивалъ преклонныя лѣта свои въ сараѣ почтмейстера. Встарь онъ былъ внутри покрытъ мѣхомъ; теперь оплѣшивѣлъ, и окна качаются у него, какъ зубы у старухи. Изъ возка вынимаютъ человѣкъ восемь обоего пола: какъ они помѣстились съ накрахмаленными юбками, съ Станиславомъ (во весь ростъ) на шеѣ у почтмейстера, съ цвѣтами на челѣ почтмейстерши,—трудно постигнуть, но кому же и умѣть укладываться, какъ не почтовымъ? Это—гости почетные, и ихъ полицмейстеръ встрѣчаетъ въ передней. Въ залѣ становится людно и сильно пахнетъ духами, которые *троитъ* à Paris Мусатовъ. Но ни картъ не

дaютъ, ни чаю, ни музыка не играетъ. Подполковница гарнизоннаго баталіона,—дама отважная, дама, хорошо воспитанная въ разныхъ казармахъ и кордегардіяхъ, начинаетъ роптать и повторяетъ свою вѣчную фразу: «когда я стояла съ мужемъ въ Молдавіи, то самъ господарь...» Квартальный сбиваетъ гостей съ ногъ, ищетъ хозяина и кричитъ: «Ваше высокоблагородіе, его превосходительства карета *изволила* на мостъ въѣхать!». Полицмейстеръ, прихрамывая отъ тарутинской пули, бѣжитъ съ лѣстницы, чтобъ встрѣтить генерала. Генералъ пріѣхалъ съ откупщикомъ. Входитъ. Музыка гремитъ польскій, генералъ открываетъ балъ и отправляется за карточный столъ. Машина спущена. Чай подается, карты сдаются, vis-à-vis выбираются, пары становятся...

Балъ провинціальный описывали тысячи разъ; разумѣется, онъ имѣетъ нѣкоторыя сходства съ столичнымъ баломъ, такъ, какъ есть же общее въ портретахъ Кутузова цѣною въ десять рублей и цѣною въ 10 копѣекъ. Иногда танцующіе ссорятся за мѣста, и тутъ недалеко до членовредительства; есть дамы, въ томъ числѣ подполковница, которая непремѣнно хочетъ быть въ первой парѣ въ мазуркѣ и готова щипать несчастную даму, стоящую передъ ней. Есть кавалеры, которые какъ-то прищелкиваютъ каблуками, такъ что изъ другой комнаты можно думать, что дверью кто-нибудь давитъ грецкіе орѣхи. Зато есть голыя плечи, ни чуть не хуже столичныхъ, пластически прелестныя, отъ которыхъ трудно отвести глаза, особенно стоя за стуломъ; есть свѣжія лица, очень хорошенькія, но глазъ съ выраженіемъ нѣтъ. Во всемъ Малиновѣ было три глаза выразительные: два изъ нихъ принадлежали одной пріѣзжей барышнѣ, третій—кривой болонкѣ губернаторской. Въ антрактахъ, между одной кадрилью и другою, наполняютъ «желудка бездонную пропасть», какъ говоритъ Гомеръ: дамамъ сластями, мужчинамъ водкой, виномъ и солеными закусками. Отсюда немудрено понять, что балъ разгорается все болѣе и болѣе. Матери семействъ, сидящія неподвижно около стѣнъ, громче сплетничаютъ; лица барышень пылаютъ, юность и веселье беретъ верхъ надъ этикетомъ,—словомъ, балъ во всей красѣ.

Въ двѣнадцать часовъ губернаторъ окончилъ бостонъ, выходитъ въ залу и танцуетъ кадриль съ хозяйкой дома. Въ Малиновѣ всѣ танцуютъ—отъ грудныхъ дѣтей до столѣтнихъ старцевъ,—такъ, какъ всѣ играютъ въ бостонъ. Можно думать, что всѣ жители заражены пляской Витта. Потомъ трескъ, шумъ, sensation... «Ваше превосходительство, еще минуту!» Генералъ неумолимъ, генералъ твердъ, генералъ не ужинаетъ, генералъ въ шубѣ, генералъ уѣхалъ. Нѣсколько человѣкъ, не смѣвшіе танцовать съ нимъ подъ одной

крышей, являются на паркетѣ; уѣздный казначей кричитъ въ котильонѣ: «окончимъ *попурями!* я смерть люблю попури!» Отъ *попурей* за ужинъ, съ ужина матери семействъ укладываются, цѣлуются, уѣзжаютъ съ дочерьми; изъ дамъ остается одна подполковница,—ее не испугаешь ничѣмъ: бывалый человѣкъ. Шампанское льется рѣкой. Пьяный подполковникъ умоляетъ жену пройти съ нимъ «русскую»,—одни свои, чужіе разъѣхались. Канцелярскій въ фризовой повелъ смычкомъ «барыню», и салонъ незамѣтно переливается въ Перовъ трактиръ [1]). Часа въ четыре гости разъѣзжаются. Хозяинъ доволенъ, потираетъ себѣ руки, говоря: «жаркій денекъ! удался»...

Но довольно вязнуть въ этомъ болотѣ; тяжело ступать, тяжело дышать. Перейдемъ въ сферу, гдѣ человѣкъ отъ животныхъ отдѣляется не одними зоогностическими признаками, которые упрочиваютъ за нимъ почетное мѣсто возлѣ обезьянъ и лемуровъ.

Вотъ одна человѣческая встрѣча въ Малиновѣ, и очень странная притомъ.

Недалеко отъ Малинова-города живетъ какой-то помѣщикъ, разсказы о которомъ безконечны у малиновцевъ,—богатый человѣкъ, выписывающій вещи изъ Парижа и изъ Лондона, устроившій свое имѣнье по ученому, по *аірономіи*, польско-прусскій дворянинъ и проч., и проч.

«Почему онъ не женится?» говорили одни. «Потому что онъ фармазонъ, а въ ихъ вѣрѣ даютъ обѣтъ монашества; масоны и іезуиты, вѣдь, это—одно»,—отвѣчали люди мудрые, вершавшіе окончательно трудные вопросы, которые изрѣдка возникали въ малиновскихъ головахъ. «Онъ скупъ, какъ кащей»,—говорили чиновники: «ни одного *стола* не сдѣлалъ во всю жизнь; нашъ братъ живетъ лучше его, несмотря на бѣдные оклады». «Онъ развратилъ своихъ крестьянъ»,—говорили помѣщики,—«до того, что они въ будни ходятъ въ сапогахъ да еще имѣютъ у себя батраковъ». «Сумасшедшій, просто сумасшедшій», увѣрялъ пятидесятилѣтній корнетъ, обладатель 20 душъ и камердинера въ плисовыхъ панталонахъ.

Наконецъ, я познакомился съ нимъ.

Трензинскій сдѣлалъ на меня самое странное впечатлѣніе. Чортъ знаетъ, какъ онъ съ такимъ апатическимъ равнодушіемъ умѣлъ соединить силу дѣйствовать на душу странными мнѣніями и парадоксами. Ему удалось нанести глухой ударъ нѣкоторымъ изъ теплыхъ вѣрованій моихъ. Да что это,—какъ я слабъ или какъ слабы мои теоріи, когда первый встрѣчный можетъ потрясти ихъ!

[1]) Извѣстный тогда трактиръ въ Москвѣ.

И прескверная манера у него: онъ почти не споритъ, онъ на теоретическія разрѣшенія вопросовъ смотритъ, какъ на что-то постороннее, школьное, безъ вліянія на жизнь и безъ корня въ ней. Оттого вмѣсто спора и опроверженія онъ преравнодушно соглашается и иной разъ, кажется, откровенно.

Я ему былъ рекомендованъ единственнымъ человѣкомъ, имѣвшимъ съ нимъ постоянныя сношенія, докторомъ медицины, проживавшимъ въ одномъ изъ большихъ заводовъ малиновскихъ. Самъ докторъ—лицо примѣчательное. Имѣя практику въ городѣ, онъ въ недѣлю раза два являлся въ Малиновъ. Я часто встрѣчался съ нимъ, но никогда не слыхалъ отъ него ни одного слова, которое относилось бы къ чему-нибудь постороннему для его занятій, ни даже о погодѣ, о дорогѣ и проч. А между тѣмъ ироническая улыбка и яркіе глаза показывали, что онъ многое могъ бы сказать и что ему дорого стоитъ прилѣпить языкъ къ гортани. Мнѣ нездоровилось, и я просилъ доктора заѣхать; онъ явился, и, не знаю какъ, но у меня онъ не игралъ своей молчаливой роли. Говорятъ, что храмовые рыцари вездѣ узнавали другъ друга, узнавали даже степень свою въ таинствахъ и силу въ орденѣ при встрѣчѣ. Это только съ перваго взгляда кажется удивительнымъ: мы всѣ—храмовые рыцари, и *свой своего* узнаетъ по тремъ, четыремъ словамъ. Итакъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что два выходца университета поняли тотчасъ другъ друга въ Малиновѣ. Докторъ посѣщалъ меня вдвое чаще, нежели требовала моя полуболѣзнь, и сидѣлъ вдвое долѣе, нежели у всѣхъ больныхъ малиновцевъ. Онъ говорилъ съ восхищеніемъ о Трензинскомъ. И однимъ добрымъ утромъ мы поѣхали къ нему.

Трензинскій принялъ европейски-учтиво, т. е. малиновски-грубо, безъ полуварварскаго гостепріимства, безъ трехъ четвертей варварскихъ церемоній и безъ вполнѣ варварскаго принужденія пить и ѣсть, когда не хочется. Поговоривъ о томъ, о семъ, онъ сказалъ намъ, что въ это время ежедневно осматриваетъ заводъ, и просилъ или итти съ нимъ, или, пока онъ возвратится, погулять въ саду. Мы пошли на заводъ.—Трензинскій человѣкъ высокаго роста, чрезвычайно худой, лицо нѣжное, очень бѣлое; эта бѣлизна придаетъ что то мертвое, отжившее всѣмъ чертамъ, и если-бъ не большіе, сѣро-голубоватые глаза и улыбка на губахъ, то онъ былъ бы похожъ на хорошо сдѣланную восковую фигуру. И улыбка его примѣчательна: сначала она кажется добродушіемъ, потомъ насмѣшкой, и, наконецъ, убѣждаешься, что этотъ ротъ вовсе не можетъ улыбаться, а что движеніе губъ его—болѣзненно-судорожное сжиманіе. Ему за пятьдесятъ, но онъ прямъ и бодръ; «чело, какъ черепъ голый». Исторія его жизни, должно быть, представляетъ длинную повѣсть мыслей,

страстей, ощущеній, коллизій; но повѣсть кончена, а жизнь продолжается. Такъ казалось мнѣ, когда я пристально всматривался въ его лицо; оно мнѣ напомнило мраморные, холодные, гладкіе надгробные памятники, поставленные надъ прахомъ, въ которомъ клокоталъ когда-то огонь. Въ его кабинетѣ мало книгъ: «Mémorial de S-te Hélène» [1]) и какой-то трактатъ о черепословіи лежали на столѣ между Тэеромъ [2]), Берцеліусомъ [3]) и книгами, прямо относящимися къ заводскому дѣлу. На окнахъ стояли реторты, склянки и банки; на стѣнахъ висѣло нѣсколько видовъ Венеціи, копія съ Рембрандтова Яна Собѣсскаго, двѣ-три головы съ свѣтлыми усами и картина, тщательно завѣшанная тафтою.

Осмотрѣвъ заводъ, пришли мы въ садъ и сѣли на террасѣ; день былъ очень хорошъ, запахъ воздушныхъ жасминовъ и тополей доносился къ намъ вмѣстѣ съ неопредѣленнымъ лѣтнимъ говоромъ природы — говоромъ, въ которомъ перепутаны и шелестъ листьевъ, и чириканье птицъ, и звуки кузнечика, и жужжанье пчелъ, и еще сотня разныхъ звуковъ, свидѣтельствующихъ, что все вокругъ васъ живо, весело и радуется солнцу. Ничего нѣтъ удивительнаго, что разговоръ мало-по-малу оживился и сдѣлался откровеннымъ. Человѣку вовсе не свойственно безпрерывно корчить дипломата и надобно ему пройти великую школу разврата духовнаго, чтобъ подозрительно затаивать всякую мысль отъ каждаго вновь встрѣтившагося человѣка.

— Славно живете вы, — сказалъ я; — особенно въ хорошую погоду; но, признаюсь, удивляюсь, какъ вамъ не скучно въ такомъ одиночествѣ и въ такой глуши.

— Конечно, подчасъ бываетъ скучно, но не думайте, чтобъ болѣе, нежели гдѣ-нибудь. Скука внутри имѣетъ зародышъ. Повѣрьте, кто понялъ душою, что на свѣтѣ *можетъ быть* очень скучно, тому придется иной разъ поскучать, гдѣ бы онъ ни жилъ — отъ Ньюіорка до Малинова. Вообще, здѣсь я меньше скучаю, нежели скучалъ прежде, кочуя изъ города въ городъ: здѣсь у меня положительныя занятія.

— Я не понимаю, откровенно говоря, возможность жить и не имѣть подлѣ себя ни одного близкаго существа.

— Вамъ, кажется, лѣтъ двадцать, а мнѣ пятьдесятъ шесть. И несмотря на то, что есть много истиннаго въ вашемъ замѣчаніи, я увѣряю васъ, что человѣкъ можетъ всячески жить: таково

[1]) Сочиненіе Ласъ-Каза о Наполеонѣ I.
[2]) Альбрехтъ-Даніель, знаменитый агрономъ.
[3]) Іоганнъ-Яковъ, знаменитый шведскій химикъ.

устройство его, и я въ этомъ нахожу высочайшую премудрость; брошенный совершенно во власть случайности, не имѣя возможности измѣнить внѣшнее на волосъ, онъ былъ бы несчастнѣйшимъ существомъ, если-бъ не доставало ему эластичности, хорошо прилаживающейся къ обстоятельствамъ. Вы не имѣете повода думать, чтобъ я отталкивалъ отъ себя симпатію; одинъ человѣкъ образованный и съ душою, на 300 верстъ кругомъ, это — докторъ, и онъ бываетъ у меня; давно ли вы пріѣхали въ Малиновъ, и такъ ли, иначе ли, вы здѣсь, — и я чрезвычайно радъ. Но понимаю, что тотъ же случай могъ сдѣлать и съ тою же безсознательностію, чтобъ вы не были въ Малиновѣ, чтобъ вмѣсто доктора, привезеннаго ко мнѣ моимъ управляющимъ безъ моего вѣдома, пріѣхалъ нѣмецъ-буффъ, котораго, вѣроятно, вы видѣли. И я былъ бы одинъ. Власти надъ случаемъ у меня нѣтъ. Что-жъ бы мнѣ дѣлать? Писать элегіи — лѣта ушли. Съ тѣхъ поръ, какъ я понялъ, что случай управляетъ индивидуальнымъ существованіемъ и цѣлыми семействами, я отдался ему во власть: онъ меня бросилъ въ Малиновъ, тогда какъ я и имени этого города не слыхалъ прежде; могъ бы бросить въ Канаду, и я сдѣлался бы тамъ куперовскимъ колонистомъ...

— Случай, которому вы, кажется, придаете всю мощь греческаго фатума, имѣетъ вліяніе надъ внѣшнею стороной жизни, такъ сказать, надъ обстановкой. Въ томъ-то вся задача, чтобъ, подобно какому-нибудь Гете, стоять головою выше всѣхъ обстоятельствъ и ихъ покорять, чтобъ внутренній міръ сдѣлать независимымъ отъ наружнаго.

— Гете вы поставили не совсѣмъ хорошо въ примѣръ. Тотъ же случай, о которомъ я говорю, далъ ему, во-первыхъ, огромную дозу эгоизма и, во-вторыхъ, организацію холодную ко многому, волнующему другихъ. Тутъ нѣтъ побѣды, что человѣкъ, не чувствующій потребности пить вино, не пьянствуетъ. Что касается до вашего внутренняго міра, все это хорошо въ стихахъ и въ трактатахъ, а не на самомъ дѣлѣ и не для всѣхъ. Я тоже сошлюсь на Гете: онъ чрезвычайно глубокомысленно сказалъ въ одной эпиграммѣ, которая, вѣроятно, вамъ извѣстна, что жизнь не имѣетъ *ни ядра, ни скорлупы*. Съ другой стороны, я не спорю, внутренняя полнота, особенно при экзальтаціи воображенія, можетъ сдѣлать человѣка совершенно независимымъ отъ всего внѣшняго; но еще разъ — это не для всѣхъ: для этого надобно имѣть, можетъ быть, слабонервныхъ родителей, вообще склонность къ сумасшествію... Вѣдь, и сумасшествіе есть независимость отъ внѣшняго міра.

— Помилуйте! — вскричалъ я, выведенный изъ себя результатомъ. — Идеалъ высшаго гармоническаго существованія кажется вамъ

болѣзнію, близкой къ сумасшествію, и совершенную потерю божественной искры въ человѣкѣ вы сравнили съ безконечною высотою духа, пренебрегающаго всѣми суетами и гордо находящаго цѣлый міръ въ себѣ!

— А вы сейчасъ сказали, что не понимаете жизни безъ близкаго существа. Тутъ противорѣчіе. Это близкое существо будетъ внѣ васъ, и случай—сквозной вѣтеръ, напримѣръ,—можетъ отнять его у васъ: ну, что-то тутъ скажетъ ваша теорія внутренней полноты?

— Она самоотверженно склонитъ главу и воспоминаніемъ, самою грустью замѣнитъ былое.

— Хорошо, что у нея гибкая шея. А если-бъ у нея была непреклонная выя Байрона, если-бъ самоотверженіе для нея было столько же невозможно, какъ для рыбы дышать воздухомъ?.. Конечно, и спорить нечего: воздухъ—славная среда для дыханія, жиденькая, прозрачная, а рыба умираетъ въ ней. Я вижу, вы—большой идеалистъ. Это дѣлаетъ вамъ честь: идеализмъ доступенъ только высшимъ натурамъ; идеализмъ—одна изъ самыхъ поэтическихъ ступеней въ развитіи человѣка и совершенно по плечу юношескому возрасту, который все пытаетъ словами, а не дѣломъ. Жизнь послѣ покажетъ, что всѣ громкія слова только прикрываютъ кисейнымъ покровомъ пропасти, и что ни глубина, ни ширина ихъ не уменьшается отъ того ни на волосъ. Увидите сами.

— Увѣряю васъ, что я не позволю какому-нибудь отдѣльному, случайному факту, несчастію потрясти моихъ убѣжденій.

— Богъ знаетъ; судя по живости вашей, я не думаю, чтобъ вы могли пасть въ незавидное положеніе нѣмецкихъ ученыхъ, которые, выдумавъ теорію, всю жизнь ее отстаиваютъ, хотя бы каждый день опровергалъ ее. Конечно, это такъ невинно и безвредно, что жаль ихъ бранить, но тѣмъ не менѣе чрезвычайно смѣшно. Они мнѣ напоминаютъ старика англичанина, съ которымъ я познакомился въ началѣ нынѣшняго вѣка. Благородный лордъ доказывалъ ясно, какъ $2\times2=4$, что Наполеона не должно признавать императоромъ, и называлъ его «генераломъ Бонапарте». Это навлекло на него разныя гоненія, и онъ долженъ былъ безпрерывно оставлять городъ за городомъ; наконецъ, поселился въ Вѣнѣ,—тутъ ему было раздолье опровергать права Наполеона. На бѣду, генералъ Бонапарте сталъ близокъ австрійскому императору; лордъ покинулъ Австрію, увѣряя, что, ежели весь міръ признаетъ Бонапарте императоромъ, то онъ одинъ станетъ противъ всего міра и скорѣй положитъ свою сѣдую голову на плаху, нежели назоветъ его государемъ. Почтенный человѣкъ! Я всегда съ любовью протягивалъ ему

руку; душа отдыхала, находя въ ту эпоху флюгерства человѣка съ такимъ мощнымъ убѣжденіемъ, а, бывало, слушая его, внутренне смѣешься, переносясь въ Парижъ, гдѣ короли ждутъ большого выхода и склоняются передъ Наполеономъ.

— Всякая крайность имѣетъ свою смѣшную сторону. Но я никогда не думалъ, чтобъ толпа, погруженная въ ежедневность и направляемая ею, не знающая, что она завтра будетъ дѣлать, и которой вся жизнь опредѣляется внѣшнимъ стеченіемъ обстоятельствъ, была ближе къ назначенію человѣка, нежели гордый духъ, отвергающій всякое внѣшнее вліяніе и не покоряющійся ничему, имъ непризнанному.

— То и другое, кажется, дурно. Толпа виновата тѣмъ, что она не понимаетъ, почему она такъ живетъ; а гордый духъ, говоря вашими словами, виноватъ вдвое тѣмъ, что, умѣя понимать, не признаетъ очевидной власти обстоятельствъ и тратитъ силу свою на отстаиваніе мѣста, то есть на чисто отрицательное дѣло. Не лучше ли, куда бы и какъ бы судьба ни забросила, стараться дѣлать maximum пользы, пользоваться всѣмъ настоящимъ, окружающимъ, — словомъ, дѣйствовать въ той сферѣ, въ которую попалъ, какъ бы ни попалъ.

— Извините, я не могу удержаться отъ вопроса, какъ вы, напримѣръ, попали на мысль сдѣлаться малиновскимъ помѣщикомъ? Этотъ вопросъ идетъ прямо къ вашимъ словамъ.

— Моя жизнь нейдетъ въ примѣръ. Для того, чтобъ быть брошену такъ безцѣльно, такъ нелѣпо въ мірѣ, какъ я, надобенъ цѣлый рядъ исключительныхъ обстоятельствъ. Я никогда не зналъ ни семейной жизни, ни родины, ни обязанностей, которыя врастаютъ въ сердце съ колыбели. Но замѣтьте, я нисколько не былъ виноватъ, я не навлекъ на себя этого отчужденія отъ всего человѣческаго: обстоятельства устроили такъ. Когда-нибудь я разскажу больше, теперь только скажу о пріѣздѣ сюда. Въ 1815 году жилъ я въ Карлсбадѣ; это время мнѣ очень памятно: я никогда не страдалъ такъ, какъ тогда. Побѣдители Франціи возвращались гордые и ликующіе. Политическія партіи кипѣли; однѣ хвалились своими ранами, другіе — своими проектами; все было занято: побѣжденные слезами, униженные воспоминаніями, но все же заняты. Я одинъ былъ посторонній во всемъ, какимъ-то дальнимъ родственникомъ человѣчества... Это давило меня, я былъ еще помоложе. Всѣ больные разъѣхались; я оставался въ Карлсбадѣ, потому что не могъ придумать, куда ѣхать и зачѣмъ. Жилъ цѣлую зиму, пришла весна, явились новые больные, и я вмѣстѣ съ ними принялся пить Шпрудель. Я велъ большую игру и, вѣрьте или нѣтъ, съ радостью

видѣлъ, какъ мое богатство утекало широкою рѣкою, предвидя, что, наконецъ, нужда рѣшитъ вопросъ о томъ, что мнѣ дѣлать. Разъ въ казино мечу я банкъ; русскій князь, бросавшій деньги горстями и дѣлавшій удивительныя глупости, о которыхъ, я полагаю, до сихъ поръ говорятъ въ Карлсбадѣ, подошелъ къ столу.— «Сколько въ банкѣ?» спросилъ онъ.—Тысяча червонцевъ.—«Не стоитъ и руки марать», замѣтилъ князь съ презрительной улыбкой. Это взбѣсило меня.—Князь! закричалъ я ему вслѣдъ:—я отвѣчаю за банкъ, сколько бы вы ни выиграли; вотъ небольшая гарантія,—и бросилъ на столъ вексель въ огромную сумму.—«Теперь посмотримъ», сказалъ князь, вынулъ карту и поставилъ на нее тысячу червонцевъ. Нѣсколько игроковъ и больныхъ, стоявшихъ возлѣ, взглянули на него, какъ на великаго человѣка. Этого-то онъ и хотѣлъ и за это заплатилъ тысячу червонцевъ, потому что карта была убита. Игра завязалась, и довольно сказать, что въ пять часовъ утра князь дрожащимъ мѣломъ сосчиталъ 630.000 франковъ, два раза провѣрилъ и съ пятнами на лицѣ признался, что у него такой суммы теперь нѣтъ. На другой день онъ мнѣ прислалъ билетъ въ 130.000 франковъ и предложеніе заложить свое имѣніе въ малиновской губерніи. Новая мысль блеснула у меня въ головѣ: я просилъ за долгъ уступить имѣніе, онъ обрадовался, и я сдѣлался властителемъ и обладателемъ 550 душъ въ малиновской губерніи. Въ 1818 году я пріѣхалъ съ княземъ въ Россію и, по окончаніи нужныхъ формъ, явился сюда. Десять лѣтъ я работалъ денно и нощно. Представьте, не зная ни слова по-русски, будучи незнакомъ съ нравами, видя, что мои нововведенія принимаются съ ропотомъ и неудовольствіемъ,—я, разомъ ученикъ и распорядитель, впадалъ въ грубѣйшія погрѣшности, судилъ о русскомъ мужичкѣ à la Robert Owen [1]), и въ то же самое время усердно занимался химіей и заводскими дѣлами. Это—счастливѣйшіе годы моей жизни! Въ 1829 г. поѣхалъ я посмотрѣть Петербургъ, пробылъ тамъ зиму, соскучился и воротился сюда. Это была для меня минута, полная наслажденія. Тутъ только увидѣлъ я разомъ плоды десятилѣтнихъ трудовъ. Поля моихъ крестьянъ отличались отъ сосѣднихъ, какъ небо отъ земли; ихъ одежда... ну, словомъ, ихъ благосостояніе тронуло меня до слезъ. Съ тѣхъ поръ продолжаю я еще ревностнѣе устраивать мое имѣніе, хочу осушить болота, увеличить заводъ, и меня тѣшитъ явное улучшеніе того клочка земли, который судьба мнѣ дала. Я работаю, а между тѣмъ жизнь идетъ да идетъ. Et, c'est autant de pris sur le diable! [2])—

[1]) Робертъ Оуэнъ, знаменитый англійскій соціальный реформаторъ.
[2]) И настолько же отвоевано отъ діавола!

Прошу въ столовую,—прибавилъ онъ, вставая и принимая опять свой холодный видъ, котораго онъ, было, лишился, разсказывая свою агрономическую поэму...

Я остался въ раздумьи отъ этой встрѣчи. Въ умномъ хозяинѣ моемъ не было ничего мефистофельскаго, ни бальзаковскихъ yeux fascinateurs [1]), ни лихорадочнаго взора героевъ Сю, ни... ни всѣхъ необходимыхъ діагностическихъ и прогностическихъ признаковъ разочарованныхъ, мизантроповъ, бѣснующихся девятнадцатаго вѣка. Совсѣмъ напротивъ, въ немъ было много добраго, а между тѣмъ, его слова производили какое-то тяжкое, грустное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что въ нихъ была доля истины и что онъ жизнію дошелъ до своихъ результатовъ.

Послѣ обѣда люди дѣлаются вообще гораздо добрѣе. Это одно изъ тѣхъ убійственныхъ замѣчаній, которыя глубоко оскорбляютъ душу мечтательную, а между тѣмъ оно до того справедливо, что Гомеръ въ «Иліадѣ» и «Одиссеѣ» и Шекспиръ, не помню гдѣ, говорятъ объ этомъ. Итакъ, мы сдѣлались добрѣе и сѣли на турецкій диванъ, въ маленькой угольной комнатѣ, потому что солнце свѣтило теперь прямо на террасу. На стѣнѣ висѣло нѣсколько эстамповъ; я всталъ, чтобъ посмотрѣть ихъ, и остановился передъ гравюрой съ Раухова бюста Гете. Господи, какъ въ преклонныя лѣта сохранилась такая мощная и величественная красота! Эта голова могла бы послужить типомъ для греческаго ваятеля. Это чело, возвышенное и мощное по самой формѣ, эти спокойныя очи, эти брови... Самое слабое старческое тѣло придавало глубокій смыслъ его лицу,—смыслъ, понятый тѣмъ изъ его современниковъ, который по многому могъ стать возлѣ него. «Какъ одежда восточнаго жителя едва держится на его станѣ и готова упасть съ плечъ, такъ и тутъ вы видите, что тѣло готово отпасть, а духъ—воспрянуть во всей славѣ и красотѣ своей безтѣлесности» [2]). Я долго стоялъ передъ изображеніемъ поэта и спросилъ у Трензинскаго:

— Видали ли вы Гете, и похожъ ли этотъ бюстъ?

— Два раза,—отвѣчалъ онъ.—Да, онъ въ иныя минуты былъ похожъ на свой бюстъ. Раухъ, точно, геніально умѣлъ схватить высшее выраженіе его лица.

— Разскажите, пожалуйста, гдѣ и какъ вы его видѣли. Я страстно люблю разсказы очевидцевъ о великихъ людяхъ.

— Я не думаю, чтобъ вамъ понравился мой разсказъ; вы—мечтатель, вамъ, вѣроятно, Гете все представляется молніеноснымъ

[1]) Колдующихъ глазъ.
[2]) Гегель въ «Эстетикѣ». *А. И. Г.*

Зевсомъ, глаголющимъ міровыя истины и великія слова. Я, напротивъ, никогда не умѣлъ уничтожаться въ поклоненіи и адуляціи знаменитыхъ индивидуальностей и смотрѣлъ на нихъ безъ заготовленныхъ теорій и большею частію видѣлъ, что онѣ—sont ce que nous sommes [1]), имѣютъ лицевую сторону и изнанку. Вы, поэты, именно изнанки-то и не хотите знать, а безъ нея индивидуальность не полна, не жива. Вотъ вамъ моя встрѣча послѣ предисловія, за которое прошу не сердиться. Я былъ мальчикомъ лѣтъ 16, когда видѣлъ его въ первый разъ. Въ началѣ революціи отецъ мой былъ въ Парижѣ, и я съ нимъ. Régime de terreur [2]) какъ-то проглядывалъ сквозь сладкоглаголивую Жиронду. Люди совершенно безумные, съ растрепанными волосами и въ сальныхъ кафтанахъ, показывались въ парижскихъ салонахъ и проповѣдывали громко уничтоженіе всѣхъ прежнихъ общественныхъ связей. Иностранцамъ было опасно ѣхать и еще опаснѣе оставаться. Отецъ мой рѣшился на первое, и мы тайкомъ выбрались изъ Парижа. Много было хлопотъ, пока мы доѣхали до Эльзаса. Если-бъ я былъ настоящій пруссакъ, я издалъ бы непремѣнно толстую книгу на оберточной бумагѣ подъ заглавіемъ: «Ausserordentliche Reise-Abenteuer eines Flüchtlings aus der Hauptstadt der Franzosen zur Zeit der grossen Umwälzung—Anno 1792 nach d. Erlösung etc.» [3]). Въ самомъ дѣлѣ, мы нѣсколько разъ подвергались опасности быть принятыми за переметчиковъ. Наконецъ, кривой мальчишка, провожавшій насъ черезъ лѣсъ, указалъ вдали огни и, сказавъ: V'là vos chiens de Brunswick [4]), взялъ обѣщанный червонецъ и скрылся въ лѣсу, крича во все горло: «ça ira!» [5]). Насъ остановили на цѣпи, и пока фельдфебель ходилъ съ паспортомъ, не знаю куда, я съ удивленіемъ смотрѣлъ на солдатъ. Караулъ былъ занятъ австрійцами; я такъ привыкъ къ живымъ одушевленнымъ физіономіямъ французовъ, что меня поразила холодная нѣмота этихъ лицъ, съ свѣтлыми усами и въ бѣлыхъ мундирахъ. Неподвижно, угрюмо стояли они, точно загрязнившіяся статуи командора изъ «Донъ-Жуана». Насъ повели къ генералу, и послѣ разныхъ допросовъ и разспросовъ позволили ѣхать далѣе; но возможности никакой не было достать лошадей: всѣ были взяты подъ армію, для которой тогда наступило самое критическое время.

[1]) То же, что и мы.

[2]) Режимъ террора.

[3]) «Необыкновенныя приключенія бѣглеца изъ столицы Франціи во время великой революціи—въ 1792 г., послѣ освобожденія и т. д.».

[4]) Вотъ ваши собаки Брауншвейгскаго.

[5]) Извѣстная популярно-національная пѣсня первой французской революціи, предшествовавшая «Марсельезѣ». Припѣвъ ея: «На ладъ пойдетъ!».

Армія гибла отъ голода и грязи. На другой день пригласилъ насъ одинъ владѣтельный князь на вечеръ. Въ маленькой залѣ, принадлежавшей сельскому священнику, мы застали нѣсколько полковниковъ,—какъ всѣ нѣмецкіе полковники, съ сѣдыми усами, съ видомъ честности и не слишкомъ большой дальновидности. Они грустно курили свои сигары. Два-три адъютанта весело говорили по-французски, коверкая германизмомъ каждое слово; казалось, они еще не сомнѣвались, что имъ придется попировать въ Palais Royal и тамъ оставить свой здоровый цвѣтъ лица, завѣтный локонъ, подаренный при разлукѣ, и нѣмецкую способность краснѣть отъ двусмысленнаго слова. Вообще было скучно. Довольно поздно явился еще гость во фракѣ, мужчина хорошаго роста, довольно плотный, съ гордымъ, важнымъ видомъ. Всѣ привѣтствовали его съ величайшимъ почтеніемъ; но его взоръ не былъ привѣтливъ, не вызывалъ дружбы, а благосклонно принималъ привычную дань вассальства. Каждый могъ чувствовать, что онъ не товарищъ ему. Князь предложилъ кресло возлѣ себя; онъ сѣлъ, сохраняя ту особенную Steifheit [1]), которая въ крови у нѣмецкихъ аристократовъ. «Нынче утромъ»,—сказалъ онъ послѣ обыкновенныхъ привѣтствій: «я имѣлъ необыкновенную встрѣчу. Я ѣхалъ въ каретѣ герцога, какъ всегда; вдругъ подъѣзжаетъ верхомъ какой-то военный, закутанный шинелью отъ дождя. Увидѣвъ веймарскій гербъ и герцогскую ливрею, отъ подъѣхалъ къ каретѣ и—представьте взаимное наше удивленіе—когда я узналъ въ военномъ его величество короля, а его величество нашелъ вмѣсто герцога меня. Этотъ случай останется у меня долго въ памяти».

Разговоръ обратился отъ разсказа чрезвычайной встрѣчи къ королю, и естественно перешли къ тѣмъ вопросамъ, которые тогда занимали всѣхъ бывшихъ въ залѣ, т. е. къ войнѣ и политикѣ. Князь подвелъ моего отца къ дипломату и сказалъ, что отъ моего отца онъ можетъ узнать самыя новыя новости.

— Что дѣлаетъ генералъ Лафайетъ и всѣ эти антропофаги?—спросилъ дипломатъ.

— Лафайетъ,—отвѣчалъ мой отецъ,—неустрашимо защищаетъ короля и въ открытой борьбѣ съ якобинцами.

Дипломатъ покачалъ головою и выразительно замѣтилъ:

— Это—одна маска. Лафайетъ, я почти увѣренъ, за одно съ якобинцами.

— Помилуйте!—возразилъ мой отецъ:—да съ самаго начала у нихъ непримиримая вражда.

[1]) Окоченѣлость.

Дипломатъ иронически улыбнулся и, помолчавъ, сказалъ:

— Я собирался ѣхать въ Парижъ года два тому назадъ, но я хотѣлъ видѣть Парижъ Людовика Великаго и великаго Аруэта [1]), а не орду гунновъ, неистовствующихъ на обломкахъ его славы. Можно ли было ожидать, чтобъ буйная шайка демагоговъ имѣла такой успѣхъ? О, если-бъ Неккеръ въ свое время принялъ иныя мѣры, если-бъ Людовикъ XVI послушался не ангельскаго сердца своего, а преданныхъ ему людей, которыхъ предки столѣтія процвѣтали подъ лиліями,—намъ не нужно бы было теперь подниматься въ крестовый походъ! Но нашъ Готфридъ скоро образумитъ ихъ, въ этомъ я не сомнѣваюсь, да и сами французы ему помогутъ: Франція не заключена въ Парижѣ.

Князь былъ ужасно доволенъ его словами.

Но кто не знаетъ откровенности германскихъ воиновъ да и воиновъ вообще? Ихъ разрубленныя лица, ихъ прострѣленныя груди даютъ имъ право говорить то, о чемъ мы имѣемъ право молчать. По несчастію, за княземъ стоялъ, опершись на саблю, одинъ изъ сѣдыхъ полковниковъ; въ наружности было видно, что онъ жизнь провелъ съ 10 лѣтъ на бивакахъ и въ лагеряхъ, что онъ хорошо помнитъ стараго Фрица [2]); черты его выражали гордое мужество и безусловную честность. Онъ внимательно слушалъ слова дипломата и, наконецъ, сказалъ:

— Да неужели вы, не шутя, вѣрите до сихъ поръ, что французы насъ примутъ съ распростертыми объятіями, когда всякій день показываетъ намъ, какой свирѣпо-народный характеръ принимаетъ эта война, когда поселяне жгутъ свой хлѣбъ и свои дома для того, чтобъ затруднить насъ? Признаюсь, я не думаю, чтобъ намъ скоро пришлось обращать Парижъ на путь истинный, особенно, ежели будемъ стоять на одномъ мѣстѣ.

— Полковникъ не въ духѣ,—возразилъ дипломатъ и взглянулъ на него такъ, что мнѣ показалось, что онъ придавилъ его ногой.—Но, я полагаю, вы знаете лучше меня, что осенью, въ грязь невозможно итти впередъ. Въ полководцѣ не благородная запальчивость, а благоразуміе дорого; вспомните Фабія Кунктатора.

Полковникъ не струсилъ ни отъ взора, ни отъ словъ дипломата:

— Разумѣется, теперь нельзя итти впередъ, да и назадъ трудно. Впрочемъ, вѣдь осень въ нынѣшнемъ году не первый разъ во Франціи: грязь можно было предвидѣть. Я молю Бога, чтобъ

[1]) Вольтеръ.
[2]) Фридрихъ Великій.

дали генеральное сраженіе; лучше умереть передъ своимъ полкомъ съ оружіемъ въ рукѣ, отъ пули, чѣмъ сидѣть въ этой грязи...—

И онъ жалъ рукою эфесъ сабли. Началось шептанье и издали слышалось: «ja, ja, der Obrist hat recht... Wäre der grosse Fritz... oh! der grosse Fritz!» [1]).

Дипломатъ, улыбаясь, обернулся къ князю и сказалъ:

— Въ какой бы формѣ ни выражалась эта жажда побѣдъ воиновъ тевтонскихъ, нельзя ее видѣть безъ умиленія. Конечно, наше настоящее положеніе не изъ самыхъ блестящихъ, но вспомнимъ, чѣмъ утѣшался Жуанвиль, когда былъ въ плѣну съ Святымъ Людовикомъ: «Nous en parlerons devant les dames» [2]).

— Покорно благодарю за совѣтъ!—возразилъ неумолимый полковникъ. — Я своей женѣ, матери, сестрѣ (если-бъ онѣ у меня были) не сказалъ бы ни слова объ этой кампаніи, изъ которой мы принесемъ грязь на ногахъ и раны на спинѣ. Да и объ этомъ, пожалуй, нашимъ дамамъ прежде насъ разскажутъ эти чернильные якобинцы, о которыхъ насъ увѣряли, что они исчезнутъ, какъ дымъ, при первомъ выстрѣлѣ.

Дипломатъ понялъ, что ему не совладать съ такимъ соперникомъ, и онъ, какъ Ксенофонтъ, почетно отступилъ со слѣдующими 10,000 словами:

— Міръ политики мнѣ совершенно чуждъ; мнѣ скучно, когда я слушаю о маршахъ и эволюціяхъ, о преніяхъ и мѣрахъ государственныхъ. Я не могъ никогда безъ скуки читать газетъ; все это—что-то такое преходящее, временное да и вовсе чуждое по самой сущности намъ. Есть другія области, въ которыхъ я себя понимаю царемъ. Зачѣмъ же я пойду безъ призыва, дюжиннымъ резонеромъ, вмѣшиваться въ дѣла, возложенныя провидѣніемъ на избранныхъ имъ нести тяжкое бремя управленія? И что мнѣ за дѣло до того, что дѣлается въ этой сферѣ!

Слово «дюжинный резонеръ» попало въ цѣль: полковникъ сжалъ сигару такъ, что дымъ у нея пошелъ изъ двадцати мѣстъ, и, впрочемъ, довольно спокойно, но съ огненными глазами сказалъ:

— Вотъ я, простой человѣкъ, нигдѣ себя не чувствую ни царемъ, ни геніемъ, а вездѣ остаюсь *человѣкомъ*, и помню, какъ, еще будучи мальчикомъ, затвердилъ пословицу: Homo sum et nihil humani a me alienum puto [3]). Двѣ пули, пролетѣвшія сквозь мое

[1]) «Да, да, полковникъ правъ... Если бы былъ великій Фрицъ—о, великій Фрицъ!»

[2]) «Объ этомъ мы поговоримъ передъ дамами».

[3]) Я человѣкъ, и ничто человѣческое мнѣ не чуждо.

тѣло, подтвердили мое право вмѣшиваться въ тѣ дѣла, за которыя я плачу своею кровью.

Дипломатъ сдѣлалъ видъ, что онъ не слышитъ словъ полковника; къ тому же тотъ сказалъ это, обращаясь къ своимъ сосѣдямъ.

— И здѣсь,—продолжалъ дипломатъ,—среди военнаго стана, я такъ же далекъ отъ политики, какъ въ веймарскомъ кабинетѣ.

— А чѣмъ вы теперь занимаетесь?—спросилъ князь, едва скрывая радость, что разговоръ перемѣнился.

— Теоріею цвѣтовъ; я имѣлъ счастіе третьяго дня читать отрывки свѣтлѣйшему дядюшкѣ вашей свѣтлости.

Стало, это не дипломатъ. «Кто это»? спросилъ я эмигранта, который сидѣлъ возлѣ меня и, несмотря на бивачную жизнь, нашелъ средство претщательно нарядиться, хотя и въ короткое платье. «Ah, bah; c'est un celèbre poête allemand, M-r Goethe, qui a écrit, qui a écrit... ah, bah!.. la Messiade»! [1])

Такъ это-то авторъ романа, сводившаго меня съ ума: «Werthers Leiden»! [2])—подумалъ я, улыбаясь филологическимъ знаніямъ эмигранта.

Вотъ моя первая встрѣча.

Прошло нѣсколько лѣтъ. Мрачный терроръ скрылся за блескомъ побѣдъ. Дюмурье, Гошъ и, наконецъ, Бонапартъ поразили міръ удивленіемъ. То было время первой итальянской кампаніи, этой юношеской поэмы Наполеона. Я былъ въ Веймарѣ и пошелъ въ театръ. Давали какой-то политическій фарсъ Гетева сочиненія. Публика не смѣялась, да и по правдѣ, насмѣшка была натянута и плосковата. Гете сидѣлъ въ ложѣ съ герцогомъ. Я издали смотрѣлъ на него и отъ всей души жалѣлъ его; онъ понялъ очень хорошо равнодушіе, кашель, разговоры въ партерѣ и испытывалъ участь журналиста, попавшаго не въ тонъ. Между прочимъ, въ партерѣ былъ тотъ же полковникъ; я подошелъ къ нему, онъ узналъ меня. Лицо его исхудало, какъ будто лѣтъ десять мы не видались, рука была на перевязкѣ.

— Что же Гете тогда толковалъ, что политика ниже его, а теперь пустился въ памфлеты?! Я — *дюжинный резонеръ* и не понимаю тѣхъ людей, которые хохочутъ тамъ, гдѣ народы обливаются кровью, и, открывши глаза, не видятъ, что совершается передъ ними. А, можетъ быть, это право генія?...

[1]) «Ба! вѣдь, это знаменитый нѣмецкій поэтъ, г. Гете, который написалъ... написалъ... а, да!.. Мессіаду!»

[2]) «Страданія Вертера».

Я молча пожалъ ему руку, и мы разстались. При выходѣ изъ театра какіе-то три, вѣроятно, пьяные бурша съ растрепанными волосами въ честь Арминія и Тацитова сказанія о германцахъ, съ портретомъ Фихте на трубкахъ, принялись свистать, когда Гете садился въ карету. Буршей повели въ полицію, я пошелъ домой и съ тѣхъ поръ не видалъ Гете.

— Что вы хотите всѣмъ этимъ сказать?—спросилъ я.

— Я хотѣлъ исполнить ваше желаніе и разсказать мою встрѣчу; тутъ нѣтъ внѣшней цѣли, это—фактъ. Я видѣлъ Гете такъ, а не иначе; другіе видѣли его иначе, а не такъ, это — дѣло случая.

— Но вы какъ-то умѣли сократить колоссальную фигуру Гете, даже умѣли покорить его какому-то полковнику.

— Что-нибудь одно: или вы думаете, что я лгу,—въ такомъ случаѣ у меня нѣтъ документовъ, чтобъ убѣдить васъ въ противномъ, или вы вѣрите мнѣ,—и тогда вините себя, ежели Гете живой не похожъ на того, котораго вы создали... Всѣ мечтатели увлекаются безусловно авторитетами, строятъ себѣ въ головѣ фантастическихъ великихъ людей, одностороннихъ и, слѣдовательно, невѣрныхъ оригиналамъ. Лафатеръ, читая Гете, составилъ идею его лица по своей теоріи; черезъ нѣсколько времени они увидѣлись, и Лафатеръ чуть не заплакалъ: Гете живой нисколько не былъ похожъ на Гете a priori. Я вамъ предсказывалъ, что вы будете недовольны моимъ разсказомъ. Въ томъ-то и дѣло, что все живое такъ хитро спаяно изъ многаго множества элементовъ, что оно почти всегда стороною или двумя ускользаетъ отъ самыхъ многообъемлющихъ теорій. Отсюда рядъ ошибокъ. Когда мы говоримъ о римлянахъ, у насъ все мелькаетъ передъ глазами театральная поза, цивическія добродѣтели, форумъ. Будто жизнь римлянъ не имѣла еще множества другихъ сторонъ! Такъ поступаютъ и съ историческими людьми. Для идеалистовъ задача: какъ Рембрандтъ могъ быть скупцомъ и великимъ художникомъ? какъ Тиверій могъ быть жестокимъ и между тѣмъ глубокомысленнымъ, проницательнымъ монархомъ? Живая индивидуальность—вотъ порогъ, за который цѣпляется ваша философія, и Шекспиръ, безсомнѣнно, лучше всѣхъ философовъ, отъ Анаксагора до Гегеля, понималъ *своимъ путемъ* это необъятное море противорѣчій, бореній, добродѣтелей, пороковъ, увлеченій, прекраснаго и гнуснаго,—море, заключенное въ маленькомъ пространствѣ отъ діафрагмы до черепа и спаянное неразрывно въ живой индивидуальности... Но довольно философствовали! пойдемте гулять; погода прекрасная, жаль въ комнатѣ сидѣть.

— Въ томъ-то вся великая задача, — сказалъ я, вставая, — чтобъ умѣть примирить эти противорѣчія и боренія и соткать изъ нихъ одну гармоническую ткань жизни, и эту-то задачу разрѣшитъ намъ Германія, потому что она ее громко выговорила и одной ею и занимается.

— Дай Богъ успѣха! Но я боюсь, чтобъ не повторилась исторія отыскиванія всеобщаго лѣкарства отъ болѣзней, которое занимало Парацельса [1]) и умнѣйшія головы того вѣка. Спору нѣтъ, всякое примиреніе хорошо, и мы всѣ чѣмъ-нибудь примиряемся съ жизнію: безъ этого пришлось бы застрѣлиться. Философы примиряются съ несчастіями, слѣпо и грубо поражающими ежедневно индивидуальность мыслью о ничтожности индивидуума. Мистикъ примиряется съ этими же несчастіями, полагая, что ими искупается паденіе Люцифера, и что за это будетъ награда... по крайней мѣрѣ, это мнѣніе не такъ ледяно-холодно. А потомъ и человѣкъ чѣмъ-нибудь да примиряется съ жизнью: одинъ тѣмъ, что онъ не вѣритъ ни въ какое примиреніе, и это—выходъ; другой, какъ вы, напримѣръ, вѣря, что вы убѣждены разумомъ въ томъ, во что вы вѣрите; я тѣмъ, что будто бы дѣлаю существенную пользу, копая землю. Повѣрьте, всѣ мы—дѣти и, какъ дѣти вообще, играемъ въ игрушки и принимаемъ куклы за дѣйствительность. Мнѣ теперь пришелъ на память лордъ Гамильтонъ, ѣздившій по Европѣ и Азіи отыскивать идеалъ женской красоты между статуями и картинами. Знаете, чѣмъ онъ кончилъ?

— Нѣтъ.

— Тѣмъ, что женился на доброй, бѣлокуренькой ирландкѣ и кричалъ: «нашелъ! нашелъ!» Ха, ха, ха!.. Ей Богу, дѣти! — Но время идетъ. Пойдемте.

Мы пошли...

1838.
Вл. н. К. [2])

Примѣчаніе нашедшаго тетрадь. — Считаю себя обязаннымъ, предупреждая недоразумѣніе, сказать нѣсколько словъ о разсказѣ Трензинскаго относительно Гете. Больно было бы мнѣ думать, что разсказъ этотъ сочтутъ мелкимъ камнемъ, брошеннымъ въ великаго поэта, передъ которымъ я благоговѣю. Въ Трензинскомъ преобладаетъ скептицизмъ d'une existence manquée [3]): это—равно

[1]) Врачъ по профессіи и алхимикъ начала XVI вѣка, швейцарецъ.
[2]) Владиміръ на Клязьмѣ.
[3]) Неудачника.

ни скептицизмъ древнихъ, ни скептицизмъ Юма [1]), а скептицизмъ жизни, убитой обстоятельствами, безпредѣльно грустный взглядъ на вещи человѣка, котораго грудь покрыта ранами незаслуженными, человѣка, оскорбленнаго въ благороднѣйшихъ чувствахъ, и между тѣмъ человѣка полнаго силы (eine kernhafte Natur). Я разскажу со временемъ всю жизнь его, и тогда можно будетъ увидѣть, какъ онъ дошелъ до своего воззрѣнія. Трензинскій — человѣкъ по преимуществу практическій, всего менѣе художникъ. *Онъ могъ* смотрѣть на Гете съ такой бѣдной точки, да и долженъ ли былъ вселить Гете уваженіе къ себѣ, подавить авторитетомъ человѣка, который рядомъ бѣдствій дошелъ до неуваженія лучшихъ упованій своей жизни? Съ другой стороны, люди практической сферы рѣдко умѣютъ свой острый умъ прилагать къ сужденію о художникахъ и о ихъ произведеніяхъ. Фридрихъ II, прочитавъ «Геца фонъ-Берлихингена», сказалъ: «Encore une mauvaise tragédie dans le genre anglais» [2]). Гете простилъ ему это сужденіе отъ всей души.

Сверхъ того, не увлекаясь авторитетами, мы должны будемъ сознаться, что жизнь германскихъ поэтовъ и мыслителей чрезвычайно односторонняя: я не знаю ни одной германской біографіи, которая не была бы пропитана *филистерствомъ*. Въ нихъ, при всей космополитической всеобщности, не достаетъ цѣлаго элемента человѣчности, именно—практической жизни, и хоть они очень много пишутъ, особенно теперь, о конкретной жизни, но уже самое то, что они пишутъ о ней, а не живутъ ею, доказываетъ ихъ абстрактность. Просимъ вспомнить для того, чтобъ разомъ увидѣть все необъятное разстояніе между ними и людьми жизни, біографію Байрона... Трензинскій, конечно, не могъ симпатизировать съ германцами и, какъ человѣкъ, въ которомъ нѣкогда была развита именно та сторона жизни, которая вовсе не развита у нѣмцевъ, не могъ съ нею и примириться за другія стороны.

---

[1]) Давидъ, знаменитый философъ и историкъ.
[2]) «Еще одна плохая трагедія въ англійскомъ жанрѣ».

332. Приписка къ Ю. Ѳ. Курутѣ.

22 сентября 1841.
Москва.

Позвольте и мнѣ присовокупить, Милостивая Государыня, Юлія Ѳеодоровна, мое поздравленіе и вмѣстѣ благодарность за хлопоты о моемъ дѣлѣ, за которое особенно благодарю Софію Ѳеодоровну; у Софіи Ѳеодоровны, кажется, не прошла привычка насъ одолжать.

Мы ужасно часто вспоминаемъ Владиміръ. Ежели бы можно было много предвидѣть, я не лишился бы такого начальника, какъ Иванъ Эммануиловичъ.

Позвольте мнѣ утрудить Васъ просьбою передать Ивану Эммануиловичу и всему почтеннѣйшему семейству Вашему глубочайшее почтеніе и попрошу еще, когда увидите, напомнить обо мнѣ М. Н. Похвисневу.[1]

◆◆ 1. 5 сентября Герценъ получилъ увѣдомленіе изъ Спб., что министръ разрѣшаетъ ему мѣсячный отпускъ въ Москву. Черезъ нѣсколько дней Герцены и выѣхали туда.

22 сентября Н. А—на писала Курутѣ (также изъ Москвы): «Вотъ уже мы здѣсь двѣ недѣли, а все еще не успѣли опомниться... Вы хотите знать подробности о нашемъ путешествіи. Это было первое, исполненное происшествій; насъ опрокинули, и ночью мы должны были итти до гостиницы пѣшкомъ въ ужасную стужу, темноту и грязь, но это не имѣло никакихъ дурныхъ послѣдствій, кромѣ того, что мы ночевали не дома, а въ Черной-Грязи. Потомъ на дилижансѣ у насъ разрѣзали кожу и вынули многое, но не все; говорятъ, что это нерѣдко случается по этой дорогѣ. О Новгородѣ что вамъ сказать? О службѣ Александра я уже ничего не скажу; если вы только имѣете понятіе о должности совѣтника, то знаете, каково ему; я по необходимости сдѣлала знакомства и вижу, что не надо убѣгать отъ людей,—всегда между ними можно встрѣтить хорошихъ и добрыхъ. Вы спрашиваете о надеждахъ насчетъ будущей службы Александра. Во всякомъ случаѣ, въ Новгородѣ мы будемъ недолго; то лѣто хотѣлось бы провести въ деревнѣ... Не знаю навѣрное, много ли мы пробудемъ здѣсь, только уже недолго. Александръ все не совершенно здоровъ» («Рус. Мысль» 1889, VI, 14—15).

28 ноября Н. А—на писала Курутѣ же: «Мнѣ все что-то плохо здоровится; послѣдній несчастный случай (смерть Ивана—*М. Л.*) разливаетъ какую-то мрачность на ожидаемый, и я, несмотря на все прекрасное, которымъ такъ полно настоящее моей жизни, не могу разсѣять невольной грусти, а, можетъ быть, это и предчувствія; если вы поѣдете въ февралѣ, милая мамаша, вы не откажетесь породниться съ нами въ третій разъ? Вы спрашиваете, съ кѣмъ мы познакомились. Образъ здѣшней жизни нашей весьма сходенъ съ владимірской (да, вѣроятно, и вездѣ будетъ одинаковъ); нѣкоторыя знакомства сдѣланы по необходимости, объ нихъ нечего говорить, но вотъ недавно,—и я очень сожалѣю, что этого не случилось раньше,—мы познакомились съ Филипповичами [1]); это—люди, поставленные образованіемъ и чувствами много выше другихъ; одна эта встрѣча выкупаетъ для меня много новгородскаго холода и пустоты; а потомъ сосѣдъ нашъ, Рейхель [2]),—неоцѣненный человѣкъ,—художникъ, юноша въ 50 лѣтъ, неограниченной доброты, путешествовавшій лѣтъ 20 и неистощимый въ разсказахъ, съ большимъ образованіемъ и познаніями; онъ посѣщаетъ насъ почти ежедневно, и для бѣднаго Александра это истинный кладъ» (тамъ же, 16—17).

333. Письмо къ В. Г. Бѣлинскому.

1841. Нояб. 26.
Новгородъ.

Здравствуйте, Бѣлинскій! Да будетъ вамъ стыдно, если вы, хоть мигъ, думали, что я не писалъ потому, что не хотѣлъ. Нѣтъ, я не пишу по правиламъ моральной гигіены [3]). Теперь же, встрѣтившись здѣсь съ прекраснымъ человѣкомъ, который ѣдетъ въ Петер., пишу. A propos, совѣтую познакомиться съ нимъ; онъ много можетъ вамъ сообщить объ Европѣ свѣжаго, ибо недавно воротился (Петръ Васильевичъ Зиновьевъ).

Конечно, вамъ интересно знать, каково я здѣсь поживаю,—именно въ томъ и дѣло, что не живу, а поживаю. Служба не то, чтобъ была невмочь головоломна, но ужасно *времяломна*. Да, о службѣ я ничего не могу сказать ни умнѣе, ни національнѣе, какъ напомнивъ слѣдующіе два стиха изъ солдатской пѣсни:

[1]) Владиміръ Ивановичъ и Лариса Дмитріевна.
[2]) Александръ Казиміровичъ, чиновникъ казенной палаты, художникъ.
[3]) Т. е. не желая подводить другихъ знакомствомъ съ собою, благодаря Шпекинымъ разнаго рода.

«Намъ ученье—ничего,
Впрочемъ, очень тяжело».

Впереди покамѣстъ ничего нѣтъ. Въ устройствѣ моей судьбы дѣйствуютъ разныя воли,—одна воля только нисколько не участвуетъ,—именно моя.

Въ Москвѣ я все время ратовалъ съ славянобѣсіемъ и, несмотря на все, ей-Богу, люди тамъ лучше: у нихъ есть интересы, изъ-за которыхъ они рады дни спорить, ex. gr., Вельтманъ, доказывая, что родъ человѣческій, послѣ раздѣленія Римской имперіи, одной долей сошелъ съ ума—именно Европой, а другой въ умъ вошелъ—именно Византіей и потомъ Русью. Еслибъ татары не повредили, а потомъ Москва, а потомъ Петръ, то и не то бы было. А Европу за безуміе наказалъ Богъ всякими плевелами—французской болѣзнью и французской революціей... Эти господа до того сердиты на нѣмецкую философію, что не хотятъ даже поверхностно узнать, въ чемъ дѣло въ ней.

Зато съ какимъ истинно-полнымъ наслажденіемъ провелъ я иные часы съ Грановскимъ et C-nie; о Кетчерѣ и говорить нечего: это—типическое лицо, и рѣшительно тотъ же.

Что Ботк. не ѣдетъ? я съ нимъ жду тьму вѣстей объ васъ всѣхъ (объ Краевскомъ, пожалуй, можетъ не разсказывать). Острота Языкова [1]),—да, кстати къ остротамъ, что Панаевъ? Какъ принялъ привѣтствіе «Сѣверной Пчелы»? Я вчужѣ чуть не вызвалъ на бой (кулачный). [1]

Ваше замѣчаніе о пьянствѣ (въ 11 № «От. Зап.») попало мѣтко въ цѣль. [2]

Жду васъ къ себѣ. Прошу, искренно прошу. Вами я умоюсь отъ новгородской грязи. А Панаевъ съ Языковымъ дали слово.

Прощайте. На всякій случай желалъ бы имѣть вашъ адресъ.

А. Герценъ.

Мой дофинъ процвѣтаетъ, какъ можетъ засвидѣт. Зиновьевъ, и доселѣ помнить два петерб. знакомства—биржу и Бѣлинскаго,

◆◆ 1. Въ № 254 «Сѣв. Пчелы» отъ 12 ноября, въ статьѣ «Русская литература», подписанной «Л. Л.» (В. С. Межевичъ) и посвященной тому I «Русской Бесѣды», говорилось: *Барыня* г. Ив. Панаева есть, безъ сомнѣнія, лучшее произведеніе этого сочинителя. Отъ всѣхъ прежнихъ сочиненій его оно отличается очень

[1]) Михаилъ Александровичъ.

важнымъ достоинствомъ — краткостью, которая при такомъ родѣ повѣствованій, какія исключительно пишетъ г. Панаевъ, есть необходимое условіе».

2. Въ III статьѣ о древнихъ россійскихъ стихотвореніяхъ, собранныхъ Киршею Даниловымъ, Бѣлинскій оправдалъ до нѣкоторой степени русское пьянство чисто внѣшнимъ условіемъ и, между прочимъ, сказалъ: «пьянство русскаго человѣка не всегда бываетъ только слабостью или порокомъ, но часто признакомъ глухой силы, которая неправильно рвется наружу. Зелено вино, часто бывая причиною промаховъ и неуспѣховъ русскаго человѣка, иногда бываетъ и истиннымъ его вдохновеніемъ».

334. Письмо къ гр. А. Х. Бенкендорфу.

1 декабря 1841.

Ваше Сіятельство Милостивый Государь графъ Александръ Христофоровичъ! Въ концѣ 1840 года, несчастная не осторожность навлекла на меня одно изъ горестнѣйшихъ событій моей жизни. Ваше Сіятельство объявили мнѣ Высочайшую волю чтобъ я былъ удаленъ изъ Петербурга. Вслѣдъ затѣмъ Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ перевелъ меня въ Новгородъ Совѣтникомъ губернскаго правленія. Съ покорностью и безмолвіемъ сносилъ бы я мою судьбу, еслибъ я не былъ отцомъ семейства, еслибъ на мнѣ не лежали обязанности устроить дѣла мои, что дѣлается чрезвычайно затруднительнымъ при постоянномъ житье въ Новѣгородѣ.

Государь Императоръ заключаетъ годъ безчисленными милостями и ими начинаетъ новый; я осмѣливаюсь питать надежду что Его Величество даруетъ прощеніе мнѣ, не потому чтобы я достоинъ, но потому, что Онъ милосердъ; если Вамъ, Сіятельнѣйшій Графъ, угодно будетъ довести голосъ несчастнаго до Высочайшаго свѣдѣнія и исходатайствовать мнѣ разрѣшеніе жить и служить тамъ гдѣ потребуютъ дѣла мои по собственному выбору, не исключая столицъ.

Вашему Сіятельству извѣстны обстоятельства повергнувшія меня въ настоящее положеніе; онѣ болѣе нежели моя просьба рѣшатъ, достоинъ ли я милосердія Государя Императора и высокаго предстательства Вашего Сіятельства. Великодушію Вашему предаю судьбу моего семейства.

Съ чувствами глубочайшаго почтенія и безпредѣльной преданности честь имѣю пребыть Милостивый Государь Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

Александръ Герценъ.

335. Письмо къ Л. В. Дубельту.

1 декабря 1841.

Милостивый Государь, Леонтій Васильевичъ! Отправляясь изъ Петербурга въ Новгородъ и имѣвъ честь откланиваться Вашему Превосходительству, среди печальныхъ обстоятельствъ, постигнувшихъ меня, оживленный участіемъ Вашимъ, я испрашивалъ дозволенія напомнить современемъ о себѣ. Исполненные благороднаго желанія подать руку помощи человѣку почти Вамъ неизвѣстному— Вы не отказали мнѣ въ этомъ. Я рѣшился воспользоваться теперь снисходительностью Вашей и съ полной довѣрчивостію обратится съ покорнѣйшею просьбой къ Вашему Превосходительству.

Я отправляю, по сей же почтѣ, просительное письмо къ графу Александру Христофоровичу. Ежели Вы не находите меня вполнѣ недостойнымъ предстательства Вашего, то не откажите въ немъ мнѣ и моему несчастному семейству. Я прошу «о разрѣшеніи мнѣ службы и житья тамъ, гдѣ потребуютъ дѣла мои, неисключая столицъ». Сверхъ прямаго желанія возвратится къ престарѣлому отцу, я имѣю и другую цѣль избирать самому мѣсто служенія и мѣсто жительства по обстоятельствамъ. Мнѣ надобно заняться устройствомъ моихъ дѣлъ, надобно иногда жить въ деревнѣ. Все это въ настоящемъ положеніи моемъ затруднительно.

Когда Ваше Превосходительство вспомните, что на мнѣ лежатъ обязанности мужа и отца, что я совершенно отвлеченъ отъ дѣлъ моихъ живя въ Новгородѣ, въ климатѣ рѣшительно несвойственномъ здоровью моей жены—тогда Вы не токмо простите мою нескромную просьбу; но слѣдуя великодушному направленію Вашего сердца примите участіе въ судьбѣ моей. Позвольте этимъ упованіемъ заключить мое письмо и ждать рѣшенія моей судьбы. Но долженъ ли, могу ли я надѣятся что во всякомъ случаѣ, я получу отвѣтъ? Ваше Превосходительство! Тягостно долгое, нѣмое ожиданіе остающееся наконецъ безъотвѣтнымъ. Вотъ единственное право на которомъ я осмѣлился бы просить отвѣта.

Съ чувствами глубочайшаго почтенія и преданности честь имѣю пребыть Милостивый Государь Вашего Превосходительства покорный слуга

Александръ Герценъ. [1]

◆◆ 1. На этомъ письмѣ Дубельтъ помѣтилъ: «отвѣчать, когда графъ рѣшитъ». Графъ рѣшилъ войти со всеподданнѣйшимъ докладомъ, который и сдѣлалъ 6 декабря. Изложивъ содержаніе письма Герцена, Бенкендорфъ только добавилъ: «таковую просьбу Герцена осмѣливаюсь всепод. повергнуть на Высоч. воззрѣніе В. В.» Резолюція Николая I отъ 8 декабря: «онъ два раза уже наказанъ и не заслуживаетъ сего снисхожденія»...

336. Приписка къ Н. Х. Кетчеру.

(Конецъ декабря 1841).

У меня со всякимъ днемъ растетъ отвращеніе отъ пера, я ни къ кому не пишу и никогда не пишу. И теперь вижу, что отъ пера можно такъ же отвыкнуть, какъ отъ водки, табаку и пр. А главное — нечего мнѣ сообщать: одно и то же.

Что слышно о больномъ Н. и о здоровомъ? [1]) Я совершенно отрѣзанъ отъ всѣхъ.

Жаль Астракова. Fatum! Fatum! [2])

Тебя люблю такъ же, и да будетъ это и послѣднее слово, и то слово, съ которымъ во рту я тебя поздравляю съ новымъ годомъ. Прощай.

Буде у Боткиныхъ проявится что-либо особенно важное германское, то пусть сообщитъ хоть заглавіе. Кланяйся Грановскому женатому [3]).

337. Письмо къ Н. Х. Кетчеру.

25 декабря 1841.

Здравствуй и прощай. Боткинъ пріѣхалъ ко мнѣ въ день похоронъ малютки [4]). Фатумъ, фатумъ! и, что еще хуже, и его-то нѣтъ, а такъ просто, такъ... А между тѣмъ, я старѣюсь, а Наташа больна. Обоимъ скука.

[1]) Николай Сатинъ и Николай Огаревъ.

[2]) Судьба! Судьба! (Кетчеръ увѣдомилъ о серьезной болѣзни Н. И. Астракова и не надѣялся на выздоровленіе).

[3]) Свадьба Грановскихъ была 15 октября 1841 г.

[4]) 24 декабря умерла дочь Наталія.

Узнай, пожалуйста, какъ случилось, что Пѣшковъ [1]) не получилъ денегъ (50 руб.), посланныхъ по почтѣ. Я адресовалъ на универс. между 10 и 13 декабря.

Что Огаревъ? Прощай.

А. Г. [1]

◆◆ 1. Вскорѣ къ Герцену заѣхалъ направлявшійся въ Москву Бѣлинскій. 17 марта 1842 г. послѣдній писалъ Боткину: «Передай мой сердечный привѣтъ Александру Ивановичу, его усамъ и похвальному обычаю молча осушать всякую посуду съ виномъ, отъ рюмки до лохани»... 13 апрѣля Бѣлинскій замѣтилъ: «И вотъ недавно, проѣзжая въ Москву, въ Новгородѣ же былъ встрѣченъ маленькимъ гробомъ: гроба я не видалъ, но видѣлъ скорбь отца» («Письма», II, 286, 297). Въ декабрѣ 1842 г. Бѣлинскій замѣчаетъ Боткину: «Ты счастливѣе меня—съ тобою Герценъ, которому крѣпко, крѣпко жму руку; а я одинъ, ей Богу, одинъ» (тамъ же, 330).

[1]) Студентъ, которому помогали Герценъ и его друзья.

Библіографическій комментарій.

(Сокращенія: Наталія Александровна Захарьина, потомъ Герценъ = Н. А—на; «Собраніе сочиненій А. И. Герцена», СПБ., 1906 г. = Спб. изд.; «Сочиненія А. И. Герцена», Женева, 1875—1879 гг. = Жен. изд.; Румянцовскій музей въ Москвѣ = Рум. муз.; архивъ семьи Герцена = АСГ.; «Колоколъ» = «Кол.»: «Полярная Звѣзда» = «П. З.»).

Къ № 167. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 412; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

168. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ, стр. 50; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по Пассекъ.

169. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 50; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по книгѣ Пассекъ, несмотря на то, что, печатая это письмо раньше, въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., она допустила болѣе 12 различій съ этимъ текстомъ, который, однако, надо считать болѣе точнымъ, такъ какъ въ немъ попадаются цѣлыя фразы, отсутствовавшія въ «Рус. Старинѣ», хотя, правда, здѣсь отсутствуютъ зато нѣкоторыя слова. При той небрежности, съ которою и Пассекъ и «Рус. Старина» печатали письма и сочиненія Герцена, нѣтъ никакой гарантіи, что и послѣдній текстъ, въ книгѣ Пассекъ, мало походитъ на подлинникъ. Хочется думать, что если Т. П., при всей своей любви къ ножницамъ и клею, дала въ книгѣ другой текстъ, то потому, что, хоть поверхностно, свѣрила его съ рукописью и пожелала кое-что исправить.

170. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; въ «Отчетахъ» музея на это не указано.

171. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 414; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

172. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 51; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по книгѣ Пассекъ, хотя въ «Рус. Старинѣ» оно приведено полнѣе, что мною и указано.

173. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; въ «Отчетахъ» музея на это не указано.

174. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.; въ «Отчетахъ» музея на это не указано.

175. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 275 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 126; подлинникъ не найденъ.

176. Напечатано (съ фотографіей) въ IV кн. «Трудовъ Владимірской ученой архивной комиссіи», 1902 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ канцеляріи владимірскаго губернатора.

177. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 418; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

178. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 430; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

179. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 438; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

180. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 440; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

181. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 446; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

182. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 453; подлинникъ въ Рум. муз. не найденъ, на что въ «Отчетахъ» музея не указано.

183. Напечатано было небольшими отрывками въ статьѣ г. Иванова-Разумника «Неизвѣстная повѣсть Герцена», въ V кн. «Рус. Богатства» 1912 г. Свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго, вѣроятно, отъ Кетчера; подлинникъ не найденъ. Первое заглавіе «Тамъ» было потомъ измѣнено авторомъ на «Елену»; конецъ, глава «Черезъ десять лѣтъ», долженъ былъ быть уничтоженъ, но не считаю возможнымъ не дать его. Начата повѣсть въ августѣ—сентябрѣ 1836 года, окончательно отдѣлана, хотя и не закончена, въ февралѣ 1838 г.

24 марта 1838 г. Н. А—на писала Герцену: «я читала «Тамъ», какъ пришло письмо. Елена была въ обморокѣ, вся душа болѣла, грудь точно пилили, въ глазахъ темнѣло. Я положила письмо на тетрадь, прилегла къ печати головою. Я не обрадовалась ему, не спѣшила распечатать, боялась. Потомъ, было, забылась, подняла голову, слезы лились легче, я поцѣловала письмо и стала читать его. Теперь окончила повѣсть. *Какъ* писано, я не беру на себя судить этого рѣшительно, могу ошибиться; а *что* писано, то мое, и я вѣрно вижу, такъ оно или нѣтъ. За что ты разлюбилъ эту повѣсть, не за сумасшествіе ли князя? Много чувствъ волновало душу, не волновавшихъ прежде, при чтеніи этой повѣсти. Вѣдь, и она—письмо же, только ты не писалъ ко мнѣ такого письма. Долго-долго не буду читать ее, пока отдохну отъ нея, можетъ, послѣ Святой, можетъ, послѣ Загорья. Когда княгиня просила примиренья Елены на ея могилѣ, я не выдержала, залилась слезами и бросилась на землю; я благодарила Бога, что могу преклонить колѣна передъ Еленой живой (П. П. Медвѣдева—*М. Л.*), просить у нея примиренья и руки» (VII т. Спб. изд., 531). По мнѣнію г. Иванова-Разумника, «повѣсть вышла слабая, напыщенно-рамантическая, не художественная; но она интересна для

насъ именно какъ не-повѣсть, какъ правдивый разсказъ о маленькомъ романѣ и большихъ угрызеніяхъ совѣсти; она интересна, какъ попытка обрисовать поэтическій обликъ женщины, о которой мы такъ мало знаемъ, которой посвящены грустныя и нѣжныя страницы въ «Быломъ и думахъ», которая такъ сильно любила Герцена и такъ грустно простила ему».

184. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 461; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

185. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 462; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

186. Напечатано нигдѣ не было; печатается только самая послѣдняя страница рукописи, уцѣлѣвшая отъ чьихъ-то ножницъ, вырѣзавшихъ всю статью изъ тетради, въ которой находятся «Легенда», «Встрѣчи» и пр. и хранящейся въ Рум. муз. Изъ того, что говоритъ объ этомъ сочиненіи самъ Герценъ, ясно, что статья отнюдь не была частью автобіографіи Витберга, писанной Герценомъ, какъ думали Е. С. Некрасова, Анненковъ и др.

187. Напечатано неисправно и ошибочно вмѣстѣ съ предыдущимъ № въ VII т. Спб. изд., стр. 464; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

188. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 470; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

189. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 476; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

190. Напечатано въ не значительной части на стр. 20 — 21 «П. В. Анненковъ и его друзья»; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

191. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 129 и въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 277; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по книгѣ Пассекъ съ исправленіемъ опечатокъ по журналу.

192. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 481; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

193. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 486; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

194. Напечатано неисправно и въ не значительной части на стр. 20 и 30 «П. В. Анненковъ и его друзья»; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Годъ устанавливается, благодаря указанію на архитектурную статью (№ 186), которая окончена въ 1838 году.

195. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 492; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

196. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 492; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

197. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 498 ошибочно вмѣстѣ со слѣдующимъ №; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

198. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 498; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

199. Напечатано небрежно въ VII т. Спб. изд., стр. 501; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

200. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 508; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

201. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 518; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

202. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 520; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

203. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

204. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 533; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

205. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 540; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

206. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 548; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

207. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 12; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

208. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 553; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

209. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 279 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 130; текстъ данъ по книгѣ Пассекъ; подлинникъ не найденъ.

210. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 559; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

211. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 567; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

212. Напечатано сначала въ «Воспоминаніяхъ» Пассекъ, потомъ неисправно въ I т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ. По словамъ Пассекъ, описанное происходило въ послѣднихъ числахъ мая 1833 г.; рукопись найдена ею въ замѣткахъ среди бумагъ ея мужа и одного изъ его товарищей (стр. 416, т. I). Она нигдѣ не указала, что авторомъ является Герценъ, но никто изъ членовъ дружескаго кружка не могъ написать такъ, кромѣ него. Есть и документальныя доказательства. Въ № 177, говоря о планѣ начатой автобіографіи «О себѣ», Герценъ указываетъ, что въ первую часть войдетъ описаніе вакханалій; въ № 206 онъ означаетъ точнѣе: «въ IX главѣ описана студентская оргія и прогулка»; а въ № 218 говоритъ: «Саз. и Кетч. въ восхищеніи, особенно отъ вакханаліи»; тамъ же видно, что описаніе ея было въ тетради, оставленной Герценомъ Н. А—нѣ въ апрѣльскую поѣздку въ Москву, и притомъ было у него въ одной редакціи, такъ какъ эта тетрадь была «одна—и черная, и бѣлая». Къ этому времени, къ апрѣлю 1838 г., и можно отнести главу не дошедшаго до насъ цѣлаго. Какъ она попала къ Пассекъ—сказать трудно, равно какъ — и соотвѣтствуетъ ли приведенный ею текстъ тому, который былъ данъ Н. А—нѣ. Е. С. Некрасова полагаетъ, что текстъ Пассекъ—позднѣйшій, исправленный въ 1839 г., но доводы ея нельзя признать сколько-нибудь убѣдительными («Сѣв. Вѣстникъ» 1895 г., IX, 119). Что касается самаго заглавія очерка, то у Пассекъ оно совершенно отсутствуетъ; вся глава, въ которой сочиненіе Герцена составляетъ, правда, самое большее,

озаглавлена ею «Послѣдній праздникъ дружбы», но нигдѣ не дано понять, что это заглавіе самого Герцена; въ Спб. изд. пассековское заглавіе приведено уже безъ всякихъ оговорокъ. Я считаю болѣе правильнымъ придержаться названій, употребленныхъ самимъ Герценомъ.

213. Напечатано въ VII т. Спб. изд., стр. 569; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

214. Напечатано въ № 15 «Прибавленій» къ «Владимірскимъ Губ. Вѣдомостямъ» 1838 г. отъ 16 апрѣля.

Въ формулярахъ Герцена 1841 и 1847 гг. сказано, что губернаторомъ «поручено ему *занятіе редакціею* прибавленій къ «Владимірскимъ Губ. Вѣдомостямъ» съ 30 января 1838 г. (Дѣла деп. герольдіи Прав. Сената 1841 г. № 230 и 1847 г. № 136/2; «Рус. Старина» 1888 г., III). Въ аттестатѣ, выданномъ И. Э. Курутой въ 1840 г., тоже сказано:... «былъ вполнѣ полезнымъ для службы, занимаясь, сверхъ обязанностей по оной, *редакціей* «Губернскихъ Вѣдомостей» («Труды Владимірской учен. архив. комиссіи», IV). Такимъ образомъ ясно, что редактированіе неофиціальной части лежало на Герценѣ; своего сослуживца, Дмитрія Васильевича Небабу, онъ самъ называетъ «помощникомъ», какъ и смѣнившаго послѣдняго — Я. Е. Протопопова. Въ № 1 прибавленій 1839 г., въ объявленіи отъ редакціи сказано: «Въ заключеніе редакція должна съ тою же благодарностью отозваться о трудахъ А. И. Герцена, *постоянно участвовавшаго* въ изданіи «Прибавленій» съ 10 №».

Въ № 8 «Прибавленій» за подписью Герцена появилась статья «Владимірская Публичная библіотека», принадлежность которой себѣ Герценъ категорически отрицалъ («Кол.» 1862, № 135). Мы не имѣемъ права и основаній сомнѣваться въ его объясненіи, и поэтому названная статья не можетъ быть включена въ настоящее изданіе. Указанія на нее К. Тихонравова («Влад. Губ. Вѣд.», 1874, неоф. ч., № 44) и А. В. Смирнова («Указатель содержанія неоф. части Влад. Губ. Вѣд.», 1902) приходится считать анулированными.

Статья вовсе не подписана, но, сравнивая ее съ № 210, вчитываясь въ ея стиль и тонъ и принимая во вниманіе положеніе редактора, нельзя не сказать, что эта статья принадлежитъ Герцену, независимо отъ того, что К. Тихонравовъ и А. В. Смирновъ вовсе не указываютъ ее, руководясь отсутствіемъ всякой подписи. Основываться на указаніяхъ этихъ двухъ лицъ вообще нельзя, такъ какъ, по точно наведеннымъ мною справкамъ, ни тотъ, ни другой не имѣли въ своемъ распоряженіи никакихъ матеріаловъ, кромѣ комплектовъ №№ «Вѣдомостей». Еще Тихонравовъ могъ получить случайно то или другое указаніе отъ современниковъ Герцена изъ владимірскихъ аборигеновъ, г. же Смирновъ лишенъ былъ и этого мало надежнаго источника.

215. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 574; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

216. Напечатано въ №№ 16 и 17 «Прибавленій» къ «Владимірскимъ Губ. Вѣдомостямъ» за 1838 г.; первый датированъ 23 апрѣля. Подписи подъ программой нѣтъ, но принадлежность ея Герцену мнѣ кажется также несомнѣнной. Опытъ описанія и изученія Вятской губерніи былъ достаточенъ, чтобы создать такую программу; вмѣстѣ съ тѣмъ, если бы ее писалъ мѣстный

человѣкъ, то врядъ ли бы не сдѣлалъ нѣсколькихъ указаній чисто мѣстнаго характера, которыхъ, однако, въ программѣ нѣтъ, — сдѣланныя указанія такого рода очень примитивны и болѣе, чѣмъ легки, для человѣка, пробывшаго въ центральномъ управленіи губерніей около 4 мѣсяцевъ. К. Гихонравовъ отступилъ отъ своего чисто библіографическаго метода и, несмотря на отсутствіе подписи, приписываетъ составленіе программы Герцену, получивъ, вѣроятно, частныя на это указанія.

217. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 576; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

218. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 582; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

219. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 585; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

220. Напечатано неисправно въ VII т. Спб. изд., стр. 587; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Письмо это было передано Н. А—нѣ по пріѣздѣ ея во Владиміръ, 9 мая, въ день ихъ свадьбы.

Теперь, когда многолѣтняя переписка Герцена съ невѣстой кончена и прочтена въ ея послѣдовательномъ развитіи, я считаю не лишнимъ познакомить читателя съ оцѣнкою, которую ей сдѣлалъ проф. И. И. Ивановъ, избравшій своею спеціальностью вообще рѣзкіе и ни на чемъ не основанные отзывы о лицахъ, изученію которыхъ онъ не посвятилъ достаточнаго времени и труда, а о Герценѣ въ особенности. Прочитавши приведенное мною ниже, каждый, вѣроятно, дастъ надлежащую оцѣнку и всей работѣ профессора.

«Влюбленный Герценъ свое увлеченіе ставитъ рядомъ съ философскими откровеніями... Герценъ вмѣстѣ со своей невѣстой въ три года сочинитъ переписку по объему не меньше трехъ или четырехъ тургеневскихъ романовъ. И эта неслыханная телемахида любовныхъ приторностей будетъ посвящена рѣшенію вопроса: кто кого достоинъ или не достоинъ? Она—его или онъ—ея?... Даже несравненный Ренэ *) долженъ посинѣть отъ зависти передъ этимъ новымъ «Люциферомъ», предъ этой «тучей», предъ этимъ мракомъ; все это—самъ герой. А его настроенія: «мечты ужасныя проходили по сердцу, однѣ — облитыя кровью, другія въ саванѣ мертвеца». *Она*, разумѣется, полная противоположность: утренняя звѣзда, святая голубица, слетѣвшая изъ рая, и, конечно,—ангелъ, хотя и прельщенный «красотой Люцифера» до такой степени, что «отъ прикосновенія» къ портрету этого Люцифера она, по ея словамъ, становится «свята, небесна, почти равна съ тѣмъ, на кого молится всѣмъ существомъ»... Врядъ ли простое глубокое чувство нуждалось въ такомъ письмобѣсіи и врядъ ли искренно можно было вѣрить въ такія непостижимыя совершенства, хотя бы и любимаго предмета. Несомнѣнно, передъ нами *литература* и особаго рода литераторы, своей средой и бытомъ пріученные обсахаривать и разсмаковывать каждое свое ощущеніе и чувствованіе. Воспитанные впечатлѣніями крѣпостного міра, они весь міръ готовы вообразить своей вотчиной, умиленно взирающей на всякую господскую блажь, почти такъ же, какъ горничная герценовской невѣсты, зажи-

*) Герой Шатобріана.

гавшая лампады передъ портретомъ жениха своей барышни, или лакей Герцена, неистово цѣловавшій его руки, когда тотъ посвящалъ его въ свои сердечныя тайны» («И. С. Тургеневъ», 1914, 197—198).

221. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., и во II т. «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ; подлинникъ не найденъ.

222. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 282 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 134; подлинникъ не найденъ; повидимому, письмо здѣсь не полностью.

223. Напечатано въ III кн. «Рус. Старины» 1892 г., стр. 783; подлинникъ не найденъ. Это — приписка къ письму Н. А—ны, убѣждавшей свою подругу не бояться Герцена и писать ей попросту; «ты, можетъ быть, и не повѣришь, ну, такъ онъ самъ скажетъ тебѣ, съ какимъ удовольствіемъ читалъ онъ всѣ твои письма и восхищался твоею любовью ко мнѣ».

224. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 280 и во II т. «Воспоминаній» Т. П. Пассекъ; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по книгѣ Пассекъ, кромѣ post-scriptum'а, который тамъ опущенъ, а напечатанъ только въ журналѣ.

225. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 283 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по книгѣ Пассекъ.

226. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 284 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ.

227. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, сдѣланной Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

228. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

229. Напечатано нигдѣ не было; подлинникъ не найденъ; свѣрено съ копіей, сдѣланной Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова.

230. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

231. Напечатано въ III т. «Былого и думъ», Лондонъ 1862 г., въ VIII т. Жен. изд. и въ I т. Спб. изд. Подлинникъ не найденъ; текстъ данъ по лондонскому изданію.

Какъ видно изъ собственныхъ словъ Герцена, оба произведенія были написаны 5-тистопнымъ ямбомъ. Текстъ «Лициніа» не найденъ, текстъ «Вильяма Пена» сохранился въ копіи. Герценъ не зналъ послѣдняго обстоятельства и, считая объ вещи утерянными, но интересными для характеристики пережитой имъ эволюціи міросозерцанія, возстановилъ ихъ весьма кратко, только въ формѣ сценарія, въ 1860 году. Какъ видно изъ сравненія сценарія «В. Пена» съ полнымъ текстомъ сценъ, Герценъ не внесъ въ сценарій никакихъ поправокъ и, сдѣлавъ громадныя сокращенія, нисколько, однако, не измѣнилъ характера произведенія и дѣйствующихъ лицъ. Это отсутствіе сознательнаго привнесенія чего-либо отъ себя даетъ основаніе (см. мое предисловіе въ I томѣ) поставить сценарій именно здѣсь, а не въ 1860 или 1862 гг.; примѣчаніе сдѣлано имъ въ 1862 г.

Изъ № 230 видно, что въ сентябрѣ 1838 г. готова была первая часть фантазіи въ стихахъ «Палингенезія», а изъ № 234—что въ началѣ октября она уже была послана Кетчеру; въ № 251 указано, что вторая часть будетъ также посвящена Риму; была ли она написана—неизвѣстно; извѣстно лишь, что въ іюнѣ 1839 г. (№ 266) Герценъ проситъ вернуть «Лициніа», — слѣд., можно предположить, что, не написавъ вторую часть, онъ называлъ этимъ именемъ первую, какъ уже болѣе или менѣе самостоятельное произведеніе. «Вильямъ Пенъ» не могъ быть второй частью «Палингенезіи», такъ какъ о Римѣ въ немъ нѣтъ ничего, если только потомъ авторъ не измѣнилъ своего плана и не перенесъ мѣсто дѣйствія второй части въ Англію. Самъ Герценъ нигдѣ не выдаетъ «Пена» за вторую часть «Палингенезіи» (предположеніе объ этомъ г. Иванова-Разумника на стр. 234 III кн. «Рус. Богатства» 1912 г. необосновано).

Мы уже имѣли случай убѣдиться въ серьезности «критики» Ив. Ив. Иванова; обратимся къ ней и здѣсь.

«При первомъ же случаѣ Герценъ свой дѣтскій нравъ перевелъ на «философскій» языкъ, когда во Владимірѣ сочинялъ *Палиигенезію*. Въ сенъ-симонистскихъ брошюрахъ ему попалось новое слово, *придуманное* не сенъ-симонистами, а швейцарскимъ физіологомъ Бонне, авторомъ сочиненія *Palingénesie philosophique*. Отъ Бонне оно перешло къ Балланшу. Сенъ-симонисты привѣтствовали ученіе Балланша о *palingénésie sociale*. Отсюда слово попало на глаза Герцену. Онъ схватился за неслыханное выраженіе и понялъ его такъ же превратно, какъ сенъ-симонизмъ. И Бонне и Балланшъ подъ *палиигенезіей* разумѣли просто эволюцію, постепенное совершенствованіе всѣхъ трехъ міровъ — неорганическаго, органическаго и духовнаго, и Балланшъ употребляетъ оба понятія безразлично — *палиигенезія* и *эволюція*. Герценъ усмотрѣлъ совершенно другой смыслъ, не развитіе, а катастрофу, не усовершенствованіе, а гибель и замѣну, — такъ подсказывалъ ему его подвижной вкусъ. Задумывается драма. Герценъ желаетъ «создать новое палингенезическое время», очевидно, не отдавая отчета въ своемъ желаніи и не понимая написанныхъ имъ словъ. «Создать палингенезическое время» значитъ сдѣлать кипящую воду горячей, дважды два — четыре, летящій камень—падающимъ на землю. Палингенезія не создается, она существуетъ съ того момента, когда возникъ какой-либо предметъ во времени. Но для Герцена нужны драмы, смерти, воскресенія, катастрофы, возникновенія,—не исторія, а феерія, не природа, а чудо, — и онъ самъ здѣсь въ качествѣ артиста и чудодѣя—«задыхаясь, съ холоднымъ потомъ на челѣ»—мастеритъ подмостки, оболваниваетъ маріонетки, дергаетъ ихъ за языкв, руки и ноги, душитъ живыхъ, оживляетъ мертвыхъ, воображая, что онъ представляетъ *Палиигенезію* — смерть римскаго міра и воскресеніе христіанскаго» (Ив. Ив. Ивановъ, «И. С. Тургеневъ», 1914, стр. 287 — 288)... Все это профессорское обличеніе Герцена въ незнаніи дѣлается донельзя забавнымъ при одной лингвистической справкѣ. Палингенезія (palingénésie)—слово отнюдь не *придуманное* Бонне, а лишь перенесенное имъ изъ греческаго языка во французскій; palin по-гречески значитъ и значило до и во время Бонне—*опять*, genesis—*рожденіе*, а вмѣстѣ два эти слова означали и означаютъ *возрожде-*

nie; во всѣхъ французскихъ словаряхъ это слово также не имѣетъ другого значенія...

232. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 65—78, съ указаніемъ, что у нея сохранился «отрывокъ изъ римскихъ сценъ». Послѣднія слова она произвольно и поставила заглавіемъ; такъ напечатано и въ I т. Спб. изд. Подлинникъ не найденъ, но это не лишаетъ насъ права озаглавить отрывокъ такъ, какъ называлъ свое произведеніе самъ авторъ; какъ видно изъ сценарія, отрывокъ является первою частью 2-й сцены. На естественно возникающій вопросъ: отчего же этотъ отрывокъ написанъ прозой, когда вся вещь писалась стихами? — отвѣтить безошибочно нельзя; можно лишь предположить одно изъ двухъ: или что онъ написанъ такъ послѣ неудачи со стихами (см. стр. 206—207), или до нихъ; вѣрнѣе первое.

Г. Ивановъ-Разумникъ утверждаетъ, что и сценарій и отрывокъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что въ 30-хъ годахъ Герцена занимала та же самая тема, что и въ 50-хъ, а именно — разложеніе стараго міра и зарожденіе новаго, которой посвящены «Съ того берега», «Письма изъ Франціи и Италіи» и «Старый міръ и Россія». «Мистическое вліяніе Витберга могло отразиться на двухъ послѣднихъ дѣйствіяхъ «Лицинія», но два первыя въ безмѣрно большей степени говорятъ о самостоятельной работѣ мысли молодого автора, стоявшаго уже давно на почвѣ соціально-религіозныхъ устремленій сенъ-симонизма. Автобіографическое, въ самомъ общемъ смыслѣ, значеніе этой пьесы не подлежитъ сомнѣнію, и самъ Герценъ подчеркивалъ именно такое значеніе своей драмы. И это не только въ томъ отношеніи, что есть несомнѣнная связь между Лициніемъ и воскресившимъ его апостоломъ Павломъ, съ одной стороны, и Герценомъ съ «возродившимъ» его Витбергомъ, — съ другой; дѣло не въ этомъ внѣшнемъ сходствѣ положенія, и, разумѣется, полной аналогіи здѣсь нѣтъ. Гораздо важнѣе та внутренняя созвучность, которая соединяетъ Герцена съ героемъ его драмы» («Рус. Бог.», 1912, III).

233. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 286 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 138; подлинникъ не найденъ; повидимому, это— лишь отрывокъ изъ письма.

234. Напечатано частью на стр. 21 «П. В. Анненковъ и его друзья»; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

235. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 287 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 139; подлинникъ не найденъ.

236. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

237. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 287 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 139; подлинникъ не найденъ; повидимому, это— не все письмо.

238. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 288 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 141; подлинникъ не найденъ.

239. Напечатано въ № 50 «Прибавленій» къ «Владимірскимъ Губ. Вѣдомостямъ» 1838 г., отъ 17 декабря. Подписи нѣтъ, но и самое содержа-

ніе, и способъ изложенія въ связи съ ролью Герцена въ редакціи убѣждаютъ въ несомнѣнной принадлежности его перу.

240. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Э. П. Юргенсона.

241 и **242**. Напечатано въ прибавленіяхъ къ «Владимірскимъ Губ. Вѣдомостямъ» № 1, отъ 7 января, за подписью *А. Г.*; подлинникъ не найденъ; принадлежность ясна сама по себѣ и подтверждается К. Тихонравовымъ («Влад. Губ. Вѣд». 1874 г., неоф. ч., № 44).

243. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 289 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ.

244. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 289 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ. Дата сообщена Пассекъ врядъ ли вѣрно: о болѣзни Н. А—ны и о встрѣчѣ новаго года Герценъ сказалъ бы раньше, въ № 243; установить ее точнѣе нѣтъ возможности.

245. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 290 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ; это—несомнѣнно, только часть письма.

246. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

247. Напечатано въ № 6 «Прибавленій» къ «Владимірскимъ Губ. Вѣдомостямъ» 1839 г., отъ 11 февраля. Подписи нѣтъ; изъ содержанія и заглавія видно, что статья писана редакторомъ, а имъ и былъ Герценъ; связь, въ которую поставлена этнографія и исторія, убѣждаетъ въ этомъ еще больше, какъ и указаніе на сочиненіе А. Тьерри «Histoire de la conquête de l'Angleterre par les normands», Paris, 1825 г., которымъ Герценъ интересовался уже тогда, а затѣмъ познакомилъ русскую публику съ его «Разсказами о временахъ Меровинговъ».

248. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

249. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

250. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 93; подлинникъ не найденъ; по всей вѣроятности, это—только часть письма.

251. Напечатано частью на стр. 23—24 и 70—71 «П. В. Анненковъ и его друзья»; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

252. Напечатано неисправно въ XI кн. «Рус. Мысли» 1902 г., стр. 144; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

253. Напечатано частью на стр. 70 «П. В. Анненковъ и его друзья»; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

254. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 290 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ; изъ многоточій ясно, что сдѣланы пропуски. Текстъ данъ по журналу, гдѣ нѣтъ явныхъ ошибокъ, допущенныхъ въ книгѣ.

255. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г. стр. 292 и на

стр. 144 т. II «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ. Повидимому, это—только отрывокъ изъ письма.

256. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 88; подлинникъ не найденъ.

257. Напечатано въ № 16 «Прибавленій» къ «Владимірскимъ Губ. Вѣдомостямъ» 1839 г., отъ 22 апрѣля; подпись — *А. Г.* Подлинникъ не найденъ.

258. Напечатано неисправно въ X кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 8; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

259. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

260. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

261. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 292 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 145; подлинникъ не найденъ; пропуски очевидны.

262. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 293 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 145; подлинникъ не найденъ; по всей вѣроятности, сдѣланы пропуски.

263. Напечатано небрежно въ XI кн. «Сѣв. Вѣстника» 1894 г. и въ VI т. Спб. изд.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз. Е. С. Некрасова видѣла его, печатая въ 1894 г., передала даже зачеркнутыя слова, а не зачеркнутое гдѣ не разобрала, гдѣ перепутала. Подлинникъ состоитъ изъ нѣсколькихъ листочковъ, вырванныхъ изъ тетради; слѣдов., можно утвердительно сказать, что «дневникъ» велся уже во Владимірѣ. Кто его уничтожилъ, кто вырвалъ эти листки—неизвѣстно.

264. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 294 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 146; подлинникъ не найденъ. Изъ содержанія ясно, что сдѣланы пропуски.

265. Напечатано неисправно въ № 62 «Рус. Вѣдомостей» 1906 г.; подлинникъ не найденъ.

266. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

267. Напечатано въ № 26 «Прибавленій» къ «Владимірскимъ Губ. Вѣдомостямъ» отъ 1 іюля 1839 г., въ видѣ примѣчанія къ статьѣ Я. Е. Протопопова («Суздаль отъ княженія въ немъ Георгія Долгорукаго до нашествія татаръ»), бывшаго потомъ ихъ редакторомъ; подпись *А. Г.*; подлинникъ не найденъ.

268. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 294 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 147; подлинникъ не найденъ. Чтобы избѣгнуть явныхъ неточностей, пришлось дать текстъ средній между этими двумя, т. е. внеся въ оба изъ нихъ исправленіе явныхъ неточностей; указанная Пассекъ дата — 11 іюля — врядъ ли вѣрна: едва ли Герценъ продержалъ вполнѣ законченное письмо такъ долго, зная, какъ Витбергъ цѣнилъ аккуратность въ перепискѣ, и желая подбодрить его насчетъ проекта храма въ Вяткѣ. Конецъ писанъ крупно, что не отмѣчено Пассекъ, но указано Витбергомъ («Рус. Стар.» 1897, XII, 492).

269. Напечатано въ небольшихъ отрывкахъ въ статьѣ г. Иванова-Разумника «Драмы Герцена» въ III кн. «Рус. Богатства» 1912 г. Свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго, вѣроятно, отъ Кетчера; подлинникъ не найденъ. Исправленная авторомъ рукопись была и у М. Л. Огаревой, о чемъ можно судить по словамъ Огарева въ письмѣ отъ марта 1840 года: «Маша вамъ кланяется, а Пена не сожгла» («Рус. Мысль» 1889, I, 8). Началъ Герценъ сцены въ мартѣ 1839, о чемъ и говоритъ въ № 258; лѣтомъ онѣ еще писались (см. № 262).

Вильямъ Пенъ и Георгъ (не Чарльсъ) Фоксъ — дѣйствительныя историческія лица, а потому и фамилія перваго мною исправлена (Герценъ писалъ вездѣ Пеннъ).

«Литературно-художественное значеніе «В. Пена», совершенно нулевое, если не отрицательное,—говоритъ г. Ивановъ-Разумникъ; но это не мѣшаетъ имѣть этой пьесѣ, подобно «Лицинію», большое значеніе историко-литературное» (тамъ же). «О художественной сторонѣ обѣихъ драмъ мы не распространяемся, такъ какъ теперь слишкомъ очевидно, насколько справедливъ былъ суровый приговоръ Бѣлинскаго; но это не отнимаетъ величайшаго интереса отъ неудачно осуществленнаго замысла Герцена. Задача была титаническая, подъ силу только геніальному художнику; крушеніе стараго и зарожденіе новаго міра—тема міровая, громадная».

Копія, снятая Пыпинымъ, даетъ возможность видѣть, какъ кое-гдѣ Герценъ мѣнялъ прежде написанное. Давъ текстъ во всемъ согласно позднѣйшимъ исправленіямъ автора, я сдѣлалъ въ немъ порядковыя ссылки на стихи прежней редакціи, которые и приведены ниже подъ тѣми же цифрами.

1) Она сосетъ, изсохшая, худая,
2) И нечѣмъ ихъ согрѣть; о, счастливъ тотъ,
   Кому безумье очи заведетъ.
3) Грозитъ ему костлявою рукой.
4) На водку далъ тогда мнѣ баринъ,
5) На нихъ мы купимъ завтра пива,
6) Дальше шло:

Они—служители Ваала, не
Христа. Позоръ на нихъ, на фарисеевъ.
Мы помогли имъ иго папства свергнуть,—
Нужна была тутъ грудь власатая
И жесткая рука простолюдина;
Тогда ласкали насъ... А вышло что жъ?
Себѣ они искали правъ, искали,
Чтобъ имъ изъ десятины беззаконной
Дѣлежки съ Римомъ не чинить, а брать себѣ!
Теперь не нужны мы, опять мри съ голоду,
Простолюдинъ! Да будетъ ли конецъ
Безбожному такому безобразью?
Я давеча сказалъ: тяжелъ намъ крестъ
Господь на наши рамена кладетъ.
Нѣтъ, не Господь,—Онъ благъ, Онъ сына своего

Единороднаго на землю посылалъ
Къ намъ бѣднымъ, неимущимъ;
Людскими тотъ руками крестъ поставленъ,
На глупости онъ нашей водруженъ
Антихристомъ въ овечьей шкурѣ.
Господь ждетъ пробужденія сыновъ,
И утро скоро, скоро ужъ займется,
Ужъ пѣтухи не разъ кричали громко.

7) И кто-бъ ни надѣлилъ, какое право
8) Дальше шло:

Всѣ эти лорды, сиры, камергеры—
Лакеи подлые и больше ничего.
Награбили откуда денегъ тьму такую?
Полъ-государственныхъ доходовъ,
Исторгнутыхъ съ клоками мяса
У бѣдняковъ, у поселянъ, имъ въ даръ
Идутъ, а на два пенса пользы нѣтъ
Отъ всѣхъ... Я видѣлъ ихъ житье-бытье
При Іаковѣ покойномъ королѣ,
И волосъ становился дыбомъ у
Меня. Намъ въ голову съ тобою не
Придетъ, что ежедневно дѣлаютъ
Они; мы покраснѣемъ отъ разсказа
Объ ихъ богоотступной жизни.
А на другую половину денегъ
Солдатъ содержатъ, чтобы насъ душили,
Чтобъ лили кровь такихъ же христіанъ,
Какъ ты и я; ну, мудрено-ль, что при
Такомъ премудромъ учрежденьи
Мретъ съ голоду честной и добрый гражданинъ?
А представители Христа молчатъ—
Епископы, искаріотскіе Іуды...
Дай пуританамъ помощь, Богъ,
Они раскрыли ихъ продѣлки.

9) Дальше шло:

Когда благословитъ Христосъ
И изберетъ своимъ орудьемъ.

10) И принеси намъ завтрашняго пива;
11) Они одни сыны Христа въ самъ-дѣлѣ
12) Дальше (начало словъ Фокса) шло:

Вотъ ядовитые плоды отъ древа,
Растущаго изъ внутренностей ада,
Плоды раздора и войны кровавой.

13) Боже милосердый!
14) Британецъ честный я и христіанинъ.

15) Ахъ, юноша ты ранній и несчастный,
16) Дальше шло:

Въ послѣдній, можетъ, разъ ты слышишь
Простолюдина грубыя слова,
Дай Богъ, чтобъ ты когда-нибудь ихъ вспомнилъ.

17) Дальше шло:

А, вѣдь, отчасти справедливо говоритъ.

18) Было:

Цвѣтокъ пустила ядъ. О, ежели
Узнаю я, кто это сдѣлалъ мнѣ,
На плаху я взведу за одолженье.

19) Было:

Нарядъ,—отъ падшаго намъ ангела
Проклятое наслѣдье онъ. Сидонъ
И Тиръ и Вавилонъ развратный
Виссономъ и порфирой покрывались
И пали передъ грознымъ Іеговой.

20) Зане мы братія одной семьи,
21) Такое, что и самъ легатъ изъ Рима,
22) Дальше шло:

Вы христіанами зоветесь,
А себялюбіе низкое и злое
Царитъ во всѣхъ дѣлахъ и направляетъ ихъ
Къ корысти, алчности, стяжаньямъ,
Но что ужаснѣе,—все это

23) Насилье, рабство въ право возвели,
24) Дальше шло:

Струится жизнь лучами всюду
Отъ любящей души, она счастлива
Своей любовью и безпредѣльна ею.

25) Дальше было:

Его-жъ разя орудіемъ его.

26) О, если это такъ, какая жизнь
27) Мощь такую и живетъ доселѣ,
28) И гдѣ-жъ усилья ваши и труды
Христовымъ свѣтомъ просвѣщать
Народъ. Какъ фарисеи, буквою

29) Дальше было:

Откуда взяли вы, что нѣтъ
Возможности имѣнья поровнять
Иль ихъ распредѣлить законно?
Досель никто объ этомъ не старался,
И всѣ владѣютъ лишь по давности
Одной,—законъ нелѣпый и безумный!

Когда-жъ насилье мѣру превосходитъ,
И бѣдный голосъ думаетъ поднять,
Вы плахой, кровью, пыткой и цѣпями
Отвѣтъ даете угнетеннымъ братьямъ!

30) Покайтеся, зане Судья идетъ
31) Дальше было:

Но ихъ ученые трактаты

32) Было:

Въ республикахъ ученыхъ и хранились,
А это явный бунтъ, возстановленье
Плебеевъ, пролетаріевъ противъ сената,
Возстановленье сына на отца,
За это diminutio rapiter
Въ законахъ даже децемвировъ;
И гдѣ вы видѣли примѣръ народа,
Отъ ассирійской монархіи древней
До нашихъ дней, гдѣ-бъ не было различья
Богатыхъ съ бѣдными, патриція
Съ плебеями?

Вильямъ. —Что мнѣ до этого за дѣло;
Всѣ царства беззаконно начались,
И плодъ ихъ беззаконенъ былъ,
И смерть лежала въ ихъ груди. Намъ грѣхъ
Примѣры брать съ не озаренныхъ свѣтомъ;
Они на силѣ и корысти утверждали
Основу царствъ; на словѣ божьемъ мы
Должны бы были строить наши.

Док. юриспр.—Однакоже, позвольте, сиръ, никто,
Ни Гуго Гроцій, ни самъ Маккіавелль,
Не сомнѣваются, что право римское
Предѣлъ есть высшій,

Вильямъ. —Сомнѣваюсь я;

33) Паденьемъ Рима современнымъ:
34) Общественнымъ нелѣпымъ заблужденьемъ;
То право хорошо, которое
Предупредить порокъ умѣетъ,
А ваше право все—топоръ и бичъ
35) Дальше было:

Кальвинъ—женевскій папа, гугеноты,—

36) Дальше было:

Вотъ состояніе, въ которомъ держатъ ихъ!

37) Они не виноваты, грубость ихъ,
Какъ у дѣтей, проста и безыскусна,
38) Дальше было:

Фоксъ. Скажи, скажи, мой сынъ, какая мысль
Въ твою запала огненную душу?
Я исповѣдь твою принять готовъ.

39) Дальше было:
Почти тайкомъ передаемъ мы свѣтъ,
Тобой, отецъ, раскрытый передъ нами;

40) Дальше было:
Тогда бы на кострахъ узнали насъ;

41) Дальше было:
Конечно, больше-бъ сдѣлать мы могли,
Но точно-ль, не оттого ли плодъ нашъ малъ,
Что малы сами мы душой и вѣрой?
О, сколько намъ еще работы
Внутри себя! Нѣтъ, не придется намъ
Сидѣть сложивши руки никогда.

42) Подобно солнцу, онъ на западѣ явился.

43) Его начнемъ мы воздвигать. Великъ
Онъ будетъ, свѣтелъ и обширенъ,
Петровской церкви въ Римѣ больше
И краше всѣхъ соборовъ, колоколенъ.

44) Дальше было:
Едва пролепеталъ ты имя божье,

45) Дальше было:
Вѣдь, римскіе и патріархи
Восточные о водвореніи мечтали
Христовой веси на земныхъ началахъ,
И лишь наружный храмъ они кой-какъ
Создали; Лютеръ и Кальвинъ умомъ
Сіонъ Христовъ соорудить хотѣли,
И онъ при нихъ ужъ колебаться сталъ:
Во всѣхъ нихъ чистоты той не было
Небесной, дѣтской, безусловной,
Въ апостолахъ которую мы видимъ;
А безъ нея нѣтъ вѣры истинной
И нѣтъ любви и нѣтъ надежды.

46) Дальше было:
Съ иною мыслью ты поѣдешь, знаю я,
И потому будь остороженъ,
Не погуби въ началѣ самомъ мысль,

47) Мысль дивной высоты твою исполнить.

48) Дальше было:

Вильямъ. О, Богъ мой, если это такъ, молю,
Меня, какъ Моисея, не пускай
Въ обѣтованную страну.

49) Дальше было:

Достойнымъ, чистымъ и невиннымъ,
А самъ усну спокойно
Въ пространномъ лонѣ океана
И съ радостью взгляну, какъ надо мной
Закроется прозрачная стѣна,—
Тогда я совершилъ мое земное,
Но мысль свою я скрыть не смѣю.

270. Напечатано неисправно въ V кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 3; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

271. Напечатано неисправно въ V кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 5; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у В. Ѳ. Листа.

272. Напечатано неисправно въ V кн. «Рус. Мысли» 1888 г., стр. 6; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

273. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 295 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 148; подлинникъ не найденъ; пропуски очевидны.

274. Напечатано неисправно въ V кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 7; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

275. Напечатано въ X кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 296 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 149; подлинникъ не найденъ; пропуски значительны, что видно по указанному письму Витберга.

276. Напечатано въ V кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 9; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

277. Напечатано неисправно въ V кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 10; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

278. Напечатано въ XII кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 759 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 149; подлинникъ не найденъ; пропуски очевидны.

279. Напечатано въ XII кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 750 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ; текстъ дается по журналу, гдѣ нѣтъ недочетовъ, допущенныхъ въ книгѣ.

280. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ; подлинникъ не найденъ.

281. Напечатано во II кн. «Рус. Архива» 1887 г., стр. 519; подлинникъ не найденъ.

282. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

283. Напечатано неисправно въ сборникѣ «Братская помощь пострадавшимъ въ Турціи армянамъ», М., 1897 г.; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

284. Напечатано въ сборникѣ «Братская помощь»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

285. Напечатано неисправно въ сборникѣ «Братская помощь»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

286. Напечатано въ сборникѣ «Братская помощь»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

287. Напечатано въ сборникѣ «Братская помощь»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

288. Напечатано неисправно въ V кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 13; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

289. Напечатано неисправно въ сборникѣ «Братская помощь»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

290. Напечатано неисправно въ сборникѣ «Братская помощь»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

291. Напечатано въ сборникѣ «Братская помощь»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

292. Напечатано неисправно въ сборникѣ «Братская помощь»; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ Рум. муз.

293. Напечатано въ кн. III «Рус. Старины» 1892 г., стр. 788. Приписка къ письму жены, въ которомъ сообщается объ отъѣздѣ Герцена на мѣсяцъ въ Спб. и пр. обстоятельствахъ, безспорно относящихся къ декабрю 1839 г.; письмо не было отправлено до 31 декабря 1839 г., когда Герценъ вернулся домой.

294. Напечатано въ XII кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 761 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 152; подлинникъ не найденъ. Пропуски очевидны.

295. Напечатано во II кн. «Рус. Архива» 1887 г., стр. 520; подлинникъ не найденъ.

296. Напечатано въ III кн. «Рус. Старины» 1892 г., стр. 790; подлинникъ не найденъ; приписка къ письму жены.

297. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

298. Напечатано въ XII кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 761 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 152; подлинникъ не найденъ; пропускъ очевиденъ.

299. Напечатано неисправно и неполно въ V кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 14; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка къ письму жены.

300. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка къ письму жены.

301. Напечатано неполно въ V кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 15; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка къ письму жены.

302. Напечатано неисправно и неполно въ V кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 16; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

303. Напечатано неисправно и неполно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 1; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

304. Напечатано неисправно и неполно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 4; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

305. Напечатано неисправно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 6; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

306. Напечатано во II кн. «Рус. Архива» 1887 г., стр. 521; подлинникъ не найденъ.

307. Напечатано неисправно и неполно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 7; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка въ письмѣ жены.

308. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка къ письму жены.

309. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 288; подлинникъ не найденъ. Приписка къ письму В. В. Пассека.

310. Напечатано неисправно и неполно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 7; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка къ письму жены.

311. Напечатано неисправно и неполно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 9; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

312. Напечатано мною въ VII кн. «Міра Божьяго» 1906 г., стр. 94; свѣрено съ подлинникомъ, хранящимся въ архивѣ III Отдѣленія С. Е. И. В. Канцеляріи, и дано съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи Герцена.

313. Напечатано неисправно и неполно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 9; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка къ письму жены, поздравлявшей Ю. Ѳ. Куруту съ днемъ ея рожденія, 20 декабря.

314. Напечатано въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 10; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

315. Напечатано въ XII кн. (т. 13) «Отечественныхъ Записокъ» 1840 года, съ подписью «Искандеръ», затѣмъ въ III т. «Былого и думъ», Лондонъ, 1862, гдѣ указаны нѣкоторыя мѣста, не пропущенныя прежде цензурою, но не сдѣлано никакихъ измѣненій; въ сборникѣ «Раздумье», М. 1870, въ VIII т. Жен. изд. и въ I т. Спб. изд. Текстъ данъ по лондонскому изданію.

26 ноября 1840 г. Н. А—на сообщала Ю. Ѳ. Курутѣ: «Въ «Отеч. Запискахъ» скоро будетъ статья, знакомая вамъ,—отрывокъ изъ «О себѣ»; мнѣ страшно жаль, что въ печати она потеряетъ много». Первыя главы «О себѣ» получили позже заглавіе «Записки одного молодого человѣка».

Первыя главы «Былого и думъ» во многомъ развернуты изъ этихъ «Записокъ», многое повторяютъ буквально; отдѣльные штрихи, однако, не всѣ вошли въ нихъ, и потому «Былое» не покрываетъ «Записокъ»; послѣднія имѣютъ совершенно самостоятельный интересъ, независимо уже отъ того, что даютъ возможность узнать, какъ ко многому въ своемъ недавнемъ прошломъ Герценъ относился еще въ 1838—1839 годахъ, когда писалъ свои «Записки».

Я не считалъ нужнымъ очень подробно комментировать текстъ, такъ какъ это сдѣлано въ «Быломъ и думахъ».

Въ статьѣ «Русская литература въ 1841 году» Бѣлинскій называетъ это сочиненіе «полнымъ ума, чувства, оригинальности и остроумія» и говоритъ, что оно «заинтересовало общее вниманіе».

А въ письмѣ къ Боткину отъ 30 декабря 1840 г. Бѣлинскій говоритъ: «О «Запискахъ одного молодого человѣка» не хочу съ тобою спорить, ибо не вижу никакой возможности ни согласиться съ тобой, ни тебя согласить со мною. Ты просто несправедливъ къ нему, какъ къ лицу, и не любишь

его, какъ личность. А для меня это—человѣкъ, одинъ изъ тѣхъ, какихъ у насъ, къ несчастью, мало. Мнѣ кажется, что ты все еще держишься прежняго взгляда на людей и видишь въ нихъ боговъ или свиней, тогда какъ обѣ эти крайности соединены безконечно-длинною цѣпью звеньевъ» (Бѣлинскій «Письма», т. II, 207).

316. Напечатано неисправно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 11; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка къ письму жены.

317. Напечатано во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 293; подлинникъ не найденъ.

318. Напечатано во II кн. «Отечественныхъ Записокъ» 1841 г. за подписью «Искандеръ», затѣмъ неисправно во II т. Жен. изд. и въ IV т. Спб. изд.; подлинникъ не найденъ. Вслѣдъ за этимъ предисловіемъ Герцена въ журналѣ шелъ и самый «первый разсказъ», который не приводится, потому что принадлежитъ уже всецѣло Тьерри.

11 декабря 1840 г. Бѣлинскій писалъ В. Боткину: «Насчетъ историческихъ статей взяты мѣры,—и Герценъ уже переводитъ изъ книги Тьерри о Меровингахъ и будетъ обрабатывать другія вещи въ этомъ родѣ. Его живая, дѣятельная и практическая натура въ высшей степени способна на это».

Когда же статья была уже прислана въ редакцію, Бѣлинскій такъ отозвался о ней въ письмѣ къ тому же Боткину: «изъ исторіи Меровинговъ Тьерри—что глава изъ историческаго романа Вальтера Скотта!» (Бѣлинскій, «Письма», т. II, 190, 209).

319. Напечатано очень небрежно и неполно въ книгѣ «П. В. Анненковъ и его друзья», стр. 79—81; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

320. Напечатано въ не значительной части на стр. 88 «П. В. Анненковъ и его друзья»; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Приписка датируется. благодаря указанію Н. А—ны, написавшей тамъ же: «вчера мы праздновали въ третій разъ 3 марта».

321. Напечатано неполно и неисправно на стр. 82—83 «П. В. Анненковъ и его друзья»; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ оригинала, полученнаго имъ отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

322. Напечатано неисправно и неполно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 11; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

323. Напечатано мною въ VII кн. «Міра Божьяго» 1906 г., стр. 97 по подлиннику, находящемуся въ архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи. Приводится съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи автора.

324. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Приписка къ письму Огарева къ Кетчеру и Сатину.

325. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Дальше шла приписка Огарева; по всей вѣроятности, эта записка относится къ тому же времени, что и предыдущее письмо.

326. Напечатано неисправно и неполно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 13; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой.

327. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

328. Напечатано неисправно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 13; свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка къ письму жены.

329. Нѣсколько строкъ напечатаны въ «П. В. Анненковъ и его друзья»; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Сатинъ писалъ два письма къ Кетчеру, которыя были отправлены изъ Новгорода одновременно. Герценъ къ каждому сдѣлалъ по припискѣ.

330. Напечатано въ XII кн. «Рус. Старины» 1876 г., стр. 763 и во II т. «Воспоминаній» Пассекъ, стр. 154; текстъ данъ по журналу; подлинникъ не найденъ; пропуски очевидны.

331. Напечатано въ VIII кн. «Отечественныхъ Записокъ» 1841, цензурная дата 30 августа, за подписью «Искандеръ», потомъ въ III т. «Былого и думъ», Лондонъ, 1862 г., гдѣ Герценъ прибавилъ одно примѣчаніе, затѣмъ въ сборникѣ «Раздумье» М. 1870, въ VIII т. Жен. изд. и въ I т. Спб. изд. Текстъ данъ по лондонскому изданію. Часть этого сочиненія болѣе подробно изложена въ «Быломъ и думахъ», а все, касающееся Трензинскаго, есть повтореніе, мѣстами буквальное, «Первой встрѣчи» («Германскаго путешественника»), № 92. Трензинскій, по какому-то недоразумѣнію, считается скрытымъ П. Я. Чаадаевымъ, о чемъ многіе категорически заявляли въ литературѣ, совершенно забывая сказанное самимъ Герценомъ въ четвертомъ «Письмѣ будущему другу».

Когда Огаревъ прочелъ это сочиненіе, онъ написалъ Герцену большое письмо, изъ котораго приведу нѣкоторыя мѣста.

«Я задумался надъ Трензинскимъ. Чтобъ создать это лицо, надо было пережить его въ себѣ. И ты его въ себѣ пережилъ, это очевидно, и я то же. Тяжело сказать это, когда вспомнишь наше свѣтлое прошлое. Мы развивали въ себѣ элементъ Трензинскаго на разныхъ точкахъ земного шара и при разныхъ обстоятельствахъ. Одно общее въ этомъ развитіи: вліяніе толпы, отъ которой душа леденѣетъ. У тебя иного скорбнаго столкновенія съ людьми и не было въ жизни. Соціальный интересъ — вотъ была наша точка отправленія; мы увидѣли, что онъ существуетъ въ немногихъ, что толпа неподвижна, и намъ приходится въ унынiи скрестить руки на груди и повѣсить голову, ничего не дѣлая. Горькое чувство презрѣнія должно было необходимо быть слѣдствіемъ. Потомъ мы видѣли гнетъ внѣшней жизни, fatum немилосердный, видѣли нѣсколько благородныхъ, около насъ попадавшихъ въ могилы, другихъ еще болѣе стѣсненныхъ, чѣмъ мы сами: результатомъ было презрѣніе и къ этому fatum'у... И вотъ кажущееся равнодушіе, холодъ, который—не что иное, какъ жаръ внутренній, «колкое презрѣніе ко всѣмъ», сомнѣніе въ будущности общей и личной,—вотъ что на нѣкоторое время завладѣло нами. Характеръ Трензинскаго мы пережили въ себѣ. Мы чище и сильнѣе должны вынырнуть изъ этой горькой струи.

Теперь мы, — по крайней мѣрѣ, я, — еще на степени Трензинскаго. Задача жизни, кажется, разрѣшается такъ: отказаться отъ всякаго огромнаго соціальнаго интереса и удовлетвориться въ маленькомъ кругѣ дѣйствія; не сердиться на апатію и низость, окружающую насъ, и примириться въ томъ, чтобъ, оттолкнувъ всякаго антипатичнаго человѣка, заключиться въ маленькій кругъ близкихъ людей: отказаться отъ всякаго притязанія на личное блаженство и удовлетвориться равнодушною независимостью. Горькое чувство которое этотъ результатъ оставляетъ въ душѣ, долго не изгладится; долго не привыкнешь глядѣть безъ презрѣнія на всякаго человѣка, живущаго въ тѣсной рамкѣ; долго будешь смотрѣть съ горькою улыбкой на всякое движеніе еще юной души. Но это все пойдетъ decrescendo и замолкнетъ, чтобъ дать мѣсто новому аккорду, громкому и мощному. Если наша 1-я симфонія была die Sehnsucht (стремленіе), а вторая Desperatio (отчаяніе), то пусть третья будетъ примиреніе; пишу Maestoso (величественно) на первой страницѣ и иду твердо и спокойно... Трензинскій съ виду равнодушенъ, а внутри его огонь. Въ немъ есть любовь, но мы находимся въ апатіи. Даже то, что ты не дописываешь повѣсти, есть апатія. Враждебные элементы насъ задавили, силъ нѣтъ подняться. Гдѣ же выходъ? гдѣ примиреніе? Стало, въ насъ нѣтъ настолько любви, чтобъ вырваться изъ этого состоянія. Намъ нуженъ внѣшній толчокъ, — и любовь воскреснетъ, и, полные благороднымъ стремленіемъ, мы станемъ выше всѣхъ обстоятельствъ. Любовь примиритъ насъ съ жизнью, будетъ связью между примиреніемъ въ мысли съ примиреніемъ въ дѣйствительности, но не пассивно—изъ этого должно выйти die That (дѣйствіе). И для этого-то нуженъ внѣшній толчокъ. Не знаю, какъ ты, а я это чувствую» («Рус. Мысль» 1889, XI, 6—8).

Въ статьѣ своей «Русская литература въ 1841 году», Бѣлинскій писалъ: «Но мы заговорились и потому спѣшимъ въ общемъ перечнѣ поименовать другія заслуживающія большаго или меньшаго вниманія повѣсти, разсѣянныя въ періодическихъ изданіяхъ. «Еще изъ записокъ одного молодого человѣка» Искандера: первый отрывокъ изъ этихъ записокъ, полныхъ ума, чувства, оригинальности и остроумія и заинтересовавшихъ общее вниманіе, былъ помѣщенъ въ «О. З.» 1840 года; о второмъ можно сказать, что онъ еще лучше перваго». А въ письмѣ къ Кетчеру Бѣлинскій говорилъ: «Статья Герцена—прелесть, объяденіе. Давно уже я не читалъ ничего, что бы такъ восхитило меня. Это—человѣкъ, а не рыба: люди живутъ, а рыбы созерцаютъ и читаютъ книжки, чтобъ жить совершенно напротивъ тому, какъ писано въ книжкахъ» (Бѣлинскій, «Письма», II, 258).

По мнѣнію Н. Н. Страхова, это — «мастерской разсказъ». «По тому времени, — говоритъ онъ, — это были мысли, чрезвычайно дерзкія и вольнодумныя, такъ какъ поклоненіе Гете господствовало у насъ съ великою силою и было подкрѣпляемо авторитетомъ гегелизма, видѣвшаго въ Гете поэта наиболѣе глубокаго, всего ближе подходящаго къ духу этой философіи. Источникомъ же этихъ дерзкихъ мыслей было признаніе въ мірѣ горя, неисцѣлимаго никакой философіей» («Борьба съ Западомъ въ нашей литературѣ», I, 1887 г., стр. 14).

332. Напечатано неполно въ VI кн. «Рус. Мысли» 1889 г., стр. 15;

свѣрено съ подлинникомъ, находящимся у Ю. В. Терпуговой. Приписка къ письму жены.

333. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго имъ отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

334. Напечатано мною въ VII кн. «Міра Божьяго» 1906 г., стр. 100 съ подлинника, хранящагося въ архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи. Печатается съ точнымъ соблюденіемъ орѳографіи автора.

335. Напечатано мною въ VII кн. «Міра Божьяго» 1906 г., стр. 99, съ подлинника, хранящагося въ архивѣ III Отд. С. Е. И. В. канцеляріи.

336. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ. Приписка сдѣлана къ письму Н. А—ны.

337. Напечатано нигдѣ не было; свѣрено съ копіей, снятой Пыпинымъ съ подлинника, полученнаго отъ Анненкова; подлинникъ не найденъ.

Опечатки и дополненія.

Стран.	*Строка.*	*Напечатано.*	*Должно быть.*
74	7 сн.	Евг.	Ег.
94	2 св.	А. А.	А. Л.
119	1 сн.	?	Вѣроятно, Х. П. Палеологъ, мужъ Е. И. Куруты.
122	3 сн.	смотрѣлъ	смотрѣла
175	1 св.	Владиміръ	Москва
229	9 св.	Люденькѣ, Любенькѣ	Любонькѣ [2]2), Люденькѣ [2]2) Любовь Александровна, дочь Витберга.
—	2 сн.	А. Л. Витберга	П. П. Медвѣдевой
301	16 св.	слѣдствіе	слѣдствіе,
332	8 сн.	(Переводъ)	Заблаговременно испробовать, что такое республика.
351	2 сн.	Захарьинъ	Яковлевъ
396	3 сн.	Зиновіей	Зеновіей
409	10 сн.	Эта	Въ такомъ случаѣ эта
430	8 св.	Май	До 16 апрѣля
434	1 сн.	Апрянинова	Опрянинова

Къ № 292.

Привожу письмо П. П. Медвѣдевой къ Н. А—нѣ отъ 24 декабря 1839 г. изъ Москвы:

«Сестра-другъ! ты не сердишься на меня?—прости, прости, много виновата,—такъ давно не писала къ тебѣ;—и что писать? что выльется изъ души подавленной, усталой... лишь вздохъ, но онъ не долженъ отравлять спокойствіе близкихъ—пусть утопаетъ онъ, не здѣсь—а тамъ! лишь бы онъ не

оскорбилъ Его! и пусть слеза, какъ влага жизни, питаетъ душу—быть можетъ, безъ нея она изсохла бы распалась.

«Какъ часто я воображаю Тебя, милаго Сашеньку—и сколько радости приноситъ онъ съ каждымъ днемъ—съ каждымъ днемъ развертываются новыя наслажденія для сердца матери, въ невинной улыбкѣ ребенка столько прелести—столько счастія!!. Читай теперь Гюго, когда спитъ твой Саша,—ты удивишься, что отецъ можетъ постигнуть это высокое святое чувство, извѣстное лишь одной матери; за то я люблю его; многіе возстаютъ противъ него, можетъ быть, и справедливо,—но не постигаю, какъ возможно, чтобы изъ гнилого болота текла струя свѣтлая! а стихи его такъ звучны, такъ звучны!

«Здоровье мое дурно, очень дурно. Изъ Вятки давно не получала писемъ—что они?—что Вѣра? На-дняхъ пріѣхалъ ко мнѣ братъ, съ которымъ я съ дѣтства не видалась. Дѣти просили меня написать отъ нихъ ихъ дѣтскія привѣтствія. Николенька не такъ здоровъ. Прости, другъ; благословеніе Господа надъ тобою съ милымъ Сашей.

«Твоя навсегда *Мед.*

«Катеринѣ Александровнѣ мой дружескій поклонъ.

«Если еще помнитъ меня Юлія Ѳеодоровна, засвидѣтельствуй имъ мое почтеніе, вмѣстѣ и всѣмъ, всѣмъ» (Румянц. музей).

Къ № 317.

Это, однако, не значитъ, что «Записки» Витберга подлежатъ включенію въ настоящее изданіе. Совершенно невозможно ясно установить долю участія въ нихъ Герцена, сравнительно во всякомъ случаѣ наибольшую, безъ чего и самыя «Записки» не представляли бы интереса для читателей настоящаго «собранія».

А. И. ГЕРЦЕН

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ и ПИСЕМ

под редакцией М. К. ЛЕМКЕ

Том II

Литературно-Издательский Отдел
Народного Комиссариата по Просвещению

ПЕТЕРБУРГ • 1919

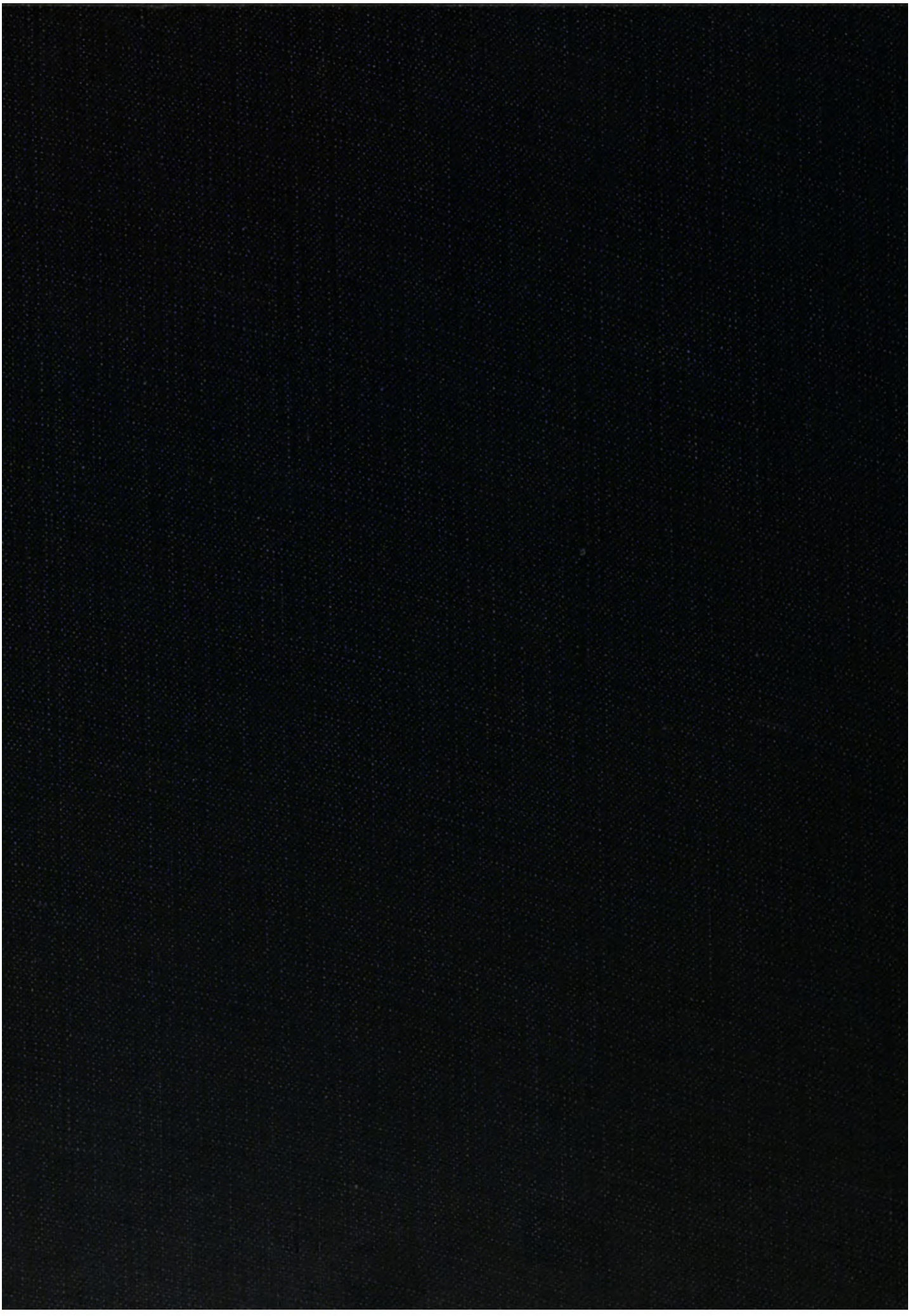
Цена 12 рублей

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ:

ПЕТЕРБУРГ:

1) Фонтанка 55, кв. 10; 2) Кабинетская ул., 13.

МОСКВА:

Советская пл. (Тверская 24), Книжный Склад Народного Комиссариата по Просвещению.

783150